

255 $\frac{1}{2}$ 285
T. 2

ИСТОРИЯ
УКРАИНСКОГО КОЗАЧЕСТВА.

I.

Проф. М. Грушевскій.

ИСТОРИЯ
УКРАИНСКАГО
КОЗАЧЕСТВА

до соединенія съ московскимъ государствомъ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ
до начала XVII вѣка.

(Извлечено изъ VII тома „Исторіи Украины-Руси“).

1913.

ВЪ КНИЖНЫХЪ СКЛАДАХЪ:

Н. П. Карбасниковъ
С.-Петербургъ
Гостинный дворъ № 19.

Общественная Польза
С.-Петербургъ
Б. Подъячская 39.

„Литературно-Научный
Вістникъ“
Кіевъ, Б. Владимірская 28.

<http://kazaki.kz/>

КІЕВЪ.
Типографія 1-й Кіевской Артели Печ. Дѣла. Трехсят. 5.
1913.

<http://kazaki.kz/>

Украинское козачество и его происхожденіе имѣютъ свою давнюю и богатую литературу. Явленіе это—громкое, эффектное, самое эффектное изъ всей украинской жизни отъ ея начала и до нашего времени, очень скоро привлекло къ себѣ вниманіе иностранцевъ и они старались выяснитъ исторію появленія этой оригинальной козацкой стихіи. Начиная съ послѣдней четверти XVI ст., появляется рядъ болѣе или менѣе обширныхъ замѣтокъ, изслѣдованій, трактатовъ по исторіи козачества и его происхожденія. Не претендуя на абсолютную полноту своего списка, я отмѣчу лишь болѣе важныя и крупныя статьи изъ стараго печатнаго матеріала. Начиная съ статьи Іоан. Бѣльскаго *O Kozakach*, въ VI кн. хроникъ М. Бѣльскаго (подъ 1574 г., изд. Туровскаго с. 1358—1361), писанной въ 1590-хъ г.г., отчасти на основаніи Сарницкаго (*Descriptio veteris et novae Poloniae* 1585). Затѣмъ слѣдуетъ не менѣе популярная статья „Гвагнина“ *O Kozakach nizowych które rozpolicie zaporożkimi zowiemy*, въ распространенномъ польскомъ изданіи его *Sarmacya Europejska*, 1611 (изд. Туровскаго с. 220—4); онъ здѣсь пересказываетъ Бѣльскаго. На основаніи его и Бѣльскаго составлена украинская статья *O началѣ козаковъ*—одна изъ заключительныхъ статей Густынской компил. (Пол. собр. лѣтоп. II, с. 367—8). Не получили такой популярности замѣтки Папроцкаго въ *Ogrod krolewski*, 1589, л. 56 и интересная статья Старовольскаго въ *Eques Polonus*, 1628, с. 51 (*De Cosachis Zaporozensibus*). Затѣмъ нужно отмѣтить Петриція *Regum in Polonia ac praecipue belli cum Osmani gesti historia* (1637), с. 12—4, Собѣскаго *Commentarii Chotinensis belli* (1646), 109—5: *Origo vita et mores Cosacorum Zaporohensium*. Эскурсъ у Цясецкаго *Chronica gestorum in Europa singularium*, 1645 (с. 52—6), Боплана *Description de l'Ukraine* (1 изд. 1650), гдѣ рядъ главъ посвященъ специально козакамъ. А. Вимина *Relazione dell' origine*

e dei costumi dei cosacchi, 1656 (извлечения въ Киев. Ст. 1900, I). Шевалье *Historie de la guerre des Cosaques contre la Pologne, avec un discours de leur origine, pays, moeurs, gouvernement et religion*, 1663, и т. п. Отъ 1680-хъ годовъ имѣемъ уже первую научную нѣмецкую диссертацию I. Möller и M. G. Weisinger *De cosacis dissertatio*, Лейпцигъ 1684.

Съ началомъ XVIII ст. начинаются украинскіе „научныя“ трактаты о козачествѣ и его происхожденіи: Гр. Грабянки „О началѣ преименованія козаковъ, купно же и о древнѣйшихъ ихъ дѣйствіяхъ сокращеннѣ“ во вступленіи къ „Дѣйствіямъ презвѣльной брани Б. Хмельницкаго“, 1710 (изд. 1854 г.). Анонимное „Краткое описаніе“ Малороссіи, составленное около 1734 г. и очень популярное на Украинѣ (въ 1777 г. оно было издано Рубаномъ, въ качествѣ вступительной части его „Краткой лѣтописи Малыя Россіи“, и еще разъ въ первомъ изд. лѣтописи Самовидца, какъ продолженіе ея,—новое изданіе при изд. Самовидца 1878 г.). П. Симоновскаго Краткое описаніе о козацкомъ малороссійскомъ народѣ, 1765 (изд. въ московскихъ Чтеніяхъ и отдѣльно въ 1847 г.). Стеф. Лукомскаго Собраніе историческое изъ книгъ древняго писателя Ал. Гвагинна и изъ старыхъ русскихъ лѣтописей, 1770 (при изд. Самовидца 1878 г.). Вас. Рубана Краткія политическія и историческія извѣстія о Малой Россіи 1773 (первое печатное изданіе въ рядѣ этихъ трудовъ, оно было переведено по-нѣмецки въ магазинѣ Бишинга № IX и въ *Gemälde Шторха*). Его же Краткая лѣтопись Малыя Россіи съ 1506 по 1776 годъ, 1777 (это упомянутое выше анонимное Краткое описаніе, дополненное Ал. Безбородкомъ). И, наконецъ, знаменитая „Исторія Руссовъ ил Малой Россіи“ псевдо-Конискаго (издана въ московскихъ Чтеніяхъ и отдѣльно въ 1846 г.). Къ этимъ украинскимъ трудамъ болѣе или менѣе тѣсно примыкають нѣсколько великорусскихъ: Кн. Мышецкаго Исторія о козакахъ запорожскихъ, какъ оныя издревне зачалися и откуда свое происхожденіе имѣють (написана, какъ принято считать, около 1740 г., издана въ московскихъ Чтеніяхъ въ 1847 и одесскихъ въ 1851 г.). Многочисленныя работы оффиціальнаго „россійскаго исторіографа“ Г. Миллера: О началѣ и происхожденіи козаковъ (Сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія 1760), Извѣстія о запорожскихъ козакахъ (*ibid.*), и не напечатанныя: „О малороссійскомъ народѣ и Запорожцахъ“ и „Разсужденіе о Запорожцахъ“ (составленныя въ 1770-хъ г.г., очевидно по порученію русскаго правительства, когда оно интересовалось

вопросомъ объ уничтоженіи Сѣти и украинской автономіи). Ал. Ригельмана „Лѣтописное описаніе о Малой Россіи и ея народѣ и козакахъ вообще“, написанное въ 1778 г. и снова переработанное въ 1785—6 г.г. (самая большая изъ компиляцій). И. Болтина Примѣчанія на исторію Россіи Леклерка, 1778,—экскурсъ о козакахъ въ т. I. Въ словарь Щекатова (Новый полный географическій словарь Россійскаго госуд.) также статьи о козакахъ. На другихъ языкахъ: I. B. Scherer *Annales de la Petite Russie ou histoire des Cosaques*, Парижъ, 1788 (въ первой части здѣсь переработка того же анонимнаго Краткаго Описанія). *Hammerdorfer Geschichte der Ukrainischen Kozaken*, Iena 1789. I. Engel *Commentatio de republica militari seu comparatio Lacedaemoniorum et Kosacorum*, Геттингенъ 1790, и затѣмъ его же *Geschichte der Ukraine und der ukrainischen Kozaken wie auch der Königreiche Halitsch und Wladimir*, 1796 (въ *Allgemeine Weltgeschichte*, т. 48). Т. Czacki *O nazwisku Ukrainy i poczatkach Kozaków—Nowy Pam.* Warsz. 1801 (былъ и рус. переводъ въ журналѣ Улей, 1811). K. L. Lesur *Histoire der Cosaques précédée d'une introduction ou coup d'oeil sur les peuples qui ont habité les pays des Cosaques avant l'invasion des Tartares*, I—II, Парижъ, 1813—4. Gretzmüllern *Die Ukrainischen Kozaken und ihre Unterwerfung an Russland* (Hormayers Archiv, 1814).

Въ 1822 г. вышла „Исторія Малой Россіи“ Дм. Бантышъ-Каменскаго, съ краткимъ вступленіемъ о событіяхъ до 1654 г., представлявшимъ компиляцію изъ литературы XVIII в., довольно малоцѣнную, но еще свободную отъ фантазій Исторіи Руссовъ. Эти фантазіи въ украинской литературѣ популяризировалъ Кудинъ своею поэтической исторіей Украины („Україна од початку Вкраїни до батька Хмельницького“, 1847), въ польской Мацѣевскій статьями: *O Kozakach* (*Kwart. nauk.* Краковъ, 1835, былъ и рус. переводъ въ *Журналѣ Мин. Нар. Просв.* 1837), *Kozaków dzieje* (*Orędownik roznański*, 1840), *Polska aż do wieku XVII*; въ русской Срезневскій своею „Запорожской Стариной“ (1833) и еще больше Марковичъ въ своей *Исторіи Малороссіи*. т. I, 1842 г. Подъ вліяніемъ Марковича написаны польскія работы: Глищинскаго (*Głiszczyński*) *Hetmani małorosyjscy i kozacy do czasów unii* (*Bibl.* Warszaw. 1848, рус. перев. въ жур. *Пантеонъ*, 1856) и *Znaczenie i wewnętrzne życie Zaporoża oraz hetmani małorosyjscy i Kozacy do czasów unii* I—II, Варш., 1852 и Чарновскаго (*Czarnowski*)

Ukraina i Zaporozze czyli historia Kozaków, I—II, Waprz., 1854. Болѣе мелкія статьи этихъ годовъ: П. Бутковъ О имени козаковъ (Вѣстн. Европы 1822). Г. Эверсъ Нѣчто о козакахъ (Отеч. Записки 1826). Н. З. Начало исторіи козаковъ (В. Евр. 1828). Историческое обозрѣніе Украины (Спб. Вѣдомости) 1840). Скальковскій Очерки Запорожья (Ж. М. Н. П. 1840): переработка ихъ вошла въ его Исторію Новой Сѣчи или послѣдняго коша Запорожскаго (1840, второе изд. 1846). содержащую также во вступленіи исторію происхожденія козачества.

Провозвѣстниками новѣйшей литературы являются раннія работы Костомарова О причинахъ и характерѣ уни, 1840 (онъ здѣсь много удѣляетъ мѣста козачеству и его исторической роли) и Мысли объ исторіи Малороссіи (Библиотека для Чтенія, 1846); Соловьева: Очеркъ исторіи Малороссіи до подчиненія ея царю Алексѣю Михайловичу (Отеч. Записки 1848) и десять лѣтъ спустя изданныя статьи: О нѣкоторыхъ рукописяхъ и рѣдкихъ печатныхъ сочиненіяхъ XVI и XVII ст., относящихся къ исторіи Малороссіи (Библи. Зап. 1858), и Малороссійское козачество до Хмельницкаго (Русскій Вѣстникъ 1895); также замѣтки Максимовича 1840—1850-хъ гг., собранныя въ I т. его Собранія сочиненій. Менѣе существенное изъ этихъ же годовъ: Маркевича О первыхъ гетманахъ малороссійскихъ (Чтенія москов. 1848) и О козакахъ (ib. 1858). М. Дашкевича Козаки (Кіев. губ. вѣд. 1851). Козаки (Москов. губ. вѣд. 1854). На другихъ языкахъ: Н. Krasinski The kossaks of the Ukraina, Лондонъ 1848. А. Die Kosaken in ihrer geschichtlichen Entwicklung, Берлинъ, 1860. P. Merimée les Cosaques d'autrefois, Парижъ, 1865, и др.

Въ 1863 г. вышелъ въ предисловіи къ ч. III т. I Архива Югозап. Россіи трудъ Вл. Антоновича о происхожденіи козачества—написанный подъ сильнымъ вліяніемъ Исторіи Руссовъ съ одной стороны, теоріи древнерусскаго общественаго строя—съ другой, вполне фантастическій, но съ точки зрѣнія эволюціи историческихъ идей очень интересный—какъ переходъ отъ старой традиціи XVIII в. къ новымъ исторіософскимъ взглядамъ. Самъ Антоновичъ очень скоро отказался отъ высказанныхъ здѣсь взглядовъ, но послѣдніе были подхвачены Кояловичемъ въ его Лекціяхъ по исторіи зап. Россіи, 1864, и въ свою очередь изложеніе исторіи козачества, данное Кояловичемъ, было популяризовано въ украинской литературѣ въ статьѣ „Коротка історія козацчини“,

въ львовской „Правдѣ“ 1868 г. Выводы Антоновича послужили затѣмъ предметомъ цѣнныхъ—не столько фактическими поправками, сколько своимъ общимъ критицизмомъ—замѣчаній Максимовича п. з. Историческія письма о козакахъ Запорожскихъ (1863—5, переп. въ Собр. сочиненій). Другимъ цѣннымъ трудомъ были статьи Кулиша „Першій періодъ козацтва аж до вороговання з Ляхами („Правда“ 1868)—прототипъ его позднѣйшей Исторіи воссоединенія Руси, но безъ той враждебности къ козачеству и крайняго субъективизма, который вообще со временемъ все болѣе возрасталъ у Кулиша и лишилъ совершенно всякаго значенія его послѣдніе труды (Отпаденіе, Украинскіе паны и козаки). „Першій періодъ“ былъ цѣненъ благодаря широкому фону, на которомъ Кулишъ рисовалъ исторію козачества, и значительной свободѣ отъ легендарной традиціи; его можно назвать самымъ цѣннымъ изъ всей этой литературы, и приходится сожалѣть, что напечатанный въ мало распространенномъ въ Россіи журналѣ, не изданный отдѣльно онъ прошелъ безъ вліянія въ литературѣ. Въ новой редакціи (Исторія воссоединенія) уже значительно измѣненныя позднѣйшими теоріями Кулиша, этотъ трудъ вызвалъ только оппозицію, не позволившую оцѣнить его положительныя стороны. Обзоръ происхожденія и начальной исторіи козачества, написанный Костомаровымъ подъ наз. Южная Русь и козачество до возстанія Богдана Хмельницкаго (Отеч. Записки, 1870), вошедшій затѣмъ въ качествѣ вступленія къ новому изданію Богдана Хмельницкаго (1870 и затѣмъ 1884) былъ значительно слабѣе работы Кулиша. Это былъ очень поверхностный очеркъ, не продуманный глубже и очень неполно использовавшій источники; надо полагать, что Костомаровъ писалъ его, не зная еще „Перваго періода“ Кулиша, но и послѣ выхода „Исторіи воссоединенія“ Костомаровъ не углубилъ его, и въ сравненіи съ работою Кулиша это былъ шагъ назадъ. Также точно безъ надлежащаго впечатлѣнія и оцѣнки, благодаря непріятному критическому задору автора, прошла исторіографическая работа Карпова: Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ до исторіи Малороссіи относящихся, 1870 (непріятное впечатлѣніе этой книги было поддержано полемической брошюрой автора, направленной противъ современной украинской исторіографіи: Костомаровъ, какъ историкъ Малороссіи, 1871).

„Исторія воссоединенія Руси“ Кулиша вышла въ 1874 г. и оставалась долгое время самымъ выдающимся трудомъ по исто-

рін походження козацтва. Но екстравагантности автора оттолкнули общество отъ его историческихъ работъ. Специально по данному вопросу произвели тяжелое впечатлѣніе его статьи: Козаки въ отношеніи къ государству и обществу (Рус. Архивъ 1877), пристрастный обвинительный актъ противъ козацтва (на нихъ отвѣтъ Костомарова „О козакахъ“, Рус. Старина 1878). Однако долго не появлялось ничего болѣе серьезнаго, написаннаго съ иной точки зрѣнія. Популярныя книжечки въ родѣ Драгоманова „Про українськихъ козаків, Татар та Турків“, 1876, или компиляція Марковина „Очеркъ исторіи запорожскаго козацтва“ Спб., 1878, въ счетъ не идутъ. Позже появились статьи Дубецкаго Kudak, twierdza kresowa i jej okolice, 1879, съ общимъ взглядомъ на происхожденіе козацтва (въ новой обработкѣ вышла въ 1900 г.) и Zawiazki dziejów Siczy Zaporozkiej, 1887, перепеч. въ его Obrazy i studia hist., II, 1899 (теорія рыцарскаго происхожденія козацкаго строя, высказанная однако безъ всякаго фактическаго обоснованія ея, въ морѣ пустой фразеологій, — объ этой теоріи см. ниже.); Etckert Der Ursprung der Kosaken, vorzüglich nach neuesten russischen Quellen, Берлинъ, 1882, и „Историческіе дѣятели Югозападной Руси“ В. Антоновича и В. Веца, 1883—рядъ біографій гетмановъ, писанныхъ или проредактированныхъ Антоновичемъ, между ними біографія Сагайдачнаго съ общимъ взглядомъ на происхожденіе козацтва.

Годъ спустя появилась другая работа, анонимная, но написанная также подъ очевиднымъ вліяніемъ Антоновича (на основаніи указанныхъ имъ матеріаловъ, а быть можетъ и проредактированная имъ), специально посвященная происхожденію козацтва: Происхожденіе запорожскаго козацтва (Кіев. Старина 1884, VIII—IX). При нѣкоторыхъ ошибкахъ и неполнотѣ научнаго аппарата она замѣтна своимъ стараніемъ прослѣдить исторію козацтва вполне независимо отъ традиціи, на фонѣ соціально-экономическихъ отношеній восточной Украины. Анонимность и не особенно удачная общая конструкторія были причиной того, что работа эта не привлекла къ себѣ того вниманія, котораго по существу вполне заслуживала. Наоборотъ, „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши“ Булиша, 1888 (оттискъ изъ московскихъ Чтеній) гдѣ опять были повторены его взгляды на происхожденіе козацтва и т. п., но въ еще болѣе субъективной окраскѣ—не имѣло уже почти никакого объективнаго научнаго

интереса. Такъ же точно и т. III Исторіи Россіи Иловайскаго, гдѣ въ гл. XV былъ данъ обзоръ происхожденія козачества, ничѣмъ не выдающійся, съ сильной зависимостью отъ традиціи (Дашковичъ—глава городского козачества, Лянцкоронскій—первый атаманъ козаковъ низовыхъ и т. п.). „Исторія запорожскихъ козаковъ“ Д. Эварницкаго (I томъ, съ общими характеристиками запорожскаго козачества, его территоріи, строя, быта, хозяйства, вышелъ въ 1892 г., второй—съ исторіей козачества—въ 1895 г.) преслѣдовала цѣли популяризаціи, на научное значеніе не претендовала и не восходила къ самостоятельному изученію источниковъ, почерпнутыхъ зачастую изъ вторыхъ и третьихъ рукъ (критическая оцѣнка Лазаревскаго въ т. X кievскихъ Чтеній). Болѣе мелкія статьи о происхожденіи Запорожья: Эварницкаго Число и порядокъ Запорожскихъ сѣчей (Кiev. Стар. 1884), его-же: Островъ Хортица на р. Днѣпрѣ (ibid. 1886), Падалки: По вопросу о существованіи Запорожской Сѣчи въ первые времена запорожскаго козачества (ib. 1894).

Немало новаго вносила статья о происхожденіи козачества И. Каманина: Къ вопросу о козачествѣ до Богдана Хмельницкаго (Кiev. Чтенія VIII, 1894): авторъ поставилъ своею задачею дать новую конценцію фактамъ исторіи козачества, на основаніи самостоятельнаго изученія источника, и хотя при этомъ матеріалъ не былъ полно и всесторонне изученъ авторомъ и мѣстами встрѣчаются повторенія необоснованныхъ взглядовъ и т. п., но и не соглашаясь съ выводами автора, необходимо признать интересъ и цѣнность произведенной имъ критической и конструкціонной работы. Она вызвала небезынтересныя критическія замѣтки М. Любавскаго п. з. Начальная исторія малорусскаго козачества (Журналъ Мин. Нар. Просв. 1825, кн.)—до того онъ далъ нѣсколько замѣчаній о козачествѣ въ своей книгѣ Областное дѣленіе в. кн. Литовскаго (1893), и его взгляды (тюркская теорія) были затѣмъ приняты и развиты Яблоновскимъ въ его книгѣ Ukraina (Źródła dz. XXII, 1897), въ которой происхожденію козачества посвящена отдѣльная глава (с. 395 и сл.), съ точки зрѣнія той же тюркской теоріи (съ научной точки зрѣнія не состоятельной). Въ томъ же 1897 г. вышелъ краткій курсъ исторіи козачества В. Антоновича, по запискамъ его слушателей: „Бесіди про козацькі часи на Україні“; для выясненія происхожденія козачества этотъ курсъ далъ мало новаго, сверхъ сказаннаго въ „Происхожденіи запорожскаго козачества“. По

поводу этого курса я высказалъ свои взгляды на происхождение козачества въ статьѣ Премітки до історіи козачины (львовскія Записки XXII, 1898). Затѣмъ краткій очеркъ происхожденія козачества дала книга А. Стороженка Стефанъ Баторій и днѣпровскіе козаки, К., 1904; написанная вообще очень претенсіозно (въ духѣ Кулиша и польской исторіографіи), книга эта обращаетъ на себя вниманіе небезынтереснымъ подборомъ матеріала (особенно изъ польскихъ источниковъ), хотя въ цѣломъ авторъ ни овладѣлъ литературой, ни исчерпалъ предмета. Критическія замѣтки къ ней М. Любавскаго появились въ Запискахъ пѣтерб. акад. т. VIII, 1908. Наконецъ послѣднимъ предъ выходомъ настоящей работы очеркомъ формірованія козачества было изслѣдованіе моего слушателя Ив. Крипяквича „Козачина і Баторіівні вільности“, помѣщенное въ видѣ вступительной статьи въ „Жерела“, издаваемая львовскою археографическою комиссією (т. VIII 1908).

Предлагаемая теперь книга представляетъ извлеченіе изъ VII тома моей „Исторіи Украины“, появившагося лѣтомъ 1909 г., именно заключаетъ пять первыхъ главъ этого тома, съ нѣкоторыми сокращеніями (болѣе значительныя сокращенія отмѣчены въ соответственныхъ мѣстахъ). Общія соціальныя условія, въ которыхъ создавалось украинское козачество, указаны въ т. V той же „Исторіи“, культурные и національные мотивы, приведшіе въ позднѣйшую программу козачества—въ т. VI. Болѣе специальная литература и указанія источниковъ даны въ соответствующихъ мѣстахъ текста.

Опытъ общаго обзора украинской исторіографіи XVIII ст. и изученія украинской исторіи далъ недавно проф. Иконниковъ въ своемъ Опытѣ русской исторіографіи, т. II кн. 2, 1908, с. 1560 и сл.; есть здѣсь и библіографія, но только русская и мало систематизированная (обзоръ старой исторіографіи тоже не особенно полный и систематическій, изъ новѣйшей же лишь кое-что—объ изданіи памятниковъ украинскаго лѣтописанія). Изъ прежнихъ работъ, послѣ Карнова: К. Заклинскаго Рускіи лѣтописи и лѣтописци XVII столѣтя (Зоря, 1880). А. Лазаревскаго Превніе изыскатели малорусской старины (К. Стар. 1894—5). Краткій литографированный курсъ пок. Антоновича: Источники для исторіи Югозападной Россіи, 1881. Специальную литературу (кроме вступительныхъ статей и замѣтокъ при изданіяхъ) имѣетъ лишь Исторіи Руссовъ: К. В. Въ защиту не-

извѣстнаго покойника автора „Ист. Руссовъ“ (К. Стар. 1891, IV), Герленка Изъ исторіи южнорусскаго общества нач. XIX в. (ib. 1893, I и въ его сборникѣ: Южнорус. очерки и портреты, 1898), Л. Майкова Къ вопросу объ „Исторіи Руссовъ“ (Ж. М. Н. П. 1893, V, и въ новой редакціи: Малорусскій Титъ Ливій (Истор. литературные очерки, 1895), Ал. Грушевскаго Къ судьбѣ „Исторіи Руссовъ“ (кіевскія Чтенія XIX, 1906) и Къ характеристикѣ взглядовъ „Исторіи Руссовъ“ (Извѣстія отд. рус. яз. 1908). Къ библиографическому указателю Ал. Лазаревскаго: Указатель источниковъ для изученія малороссійскаго края, вып. I, 1858 (до 1857 г.), за недостаткомъ лучшаго, приходится обращаться и до сихъ поръ.

Юго-восточная Украина въ XV—XVI вв.

Условія мѣстной жизни въ XV—XVI в. Татарскія нападенія конца XV и первой четверти XVI в. Организациа обороны и бытовья условія первой пол. XVI в.

Среднее Поднѣпровье, въ первыхъ вѣкахъ своего историческаго существованія служившее очагомъ политической, экономической и культурной жизни для цѣлой Восточной Европы, въ темныя столѣтїя съ половины XIII до половины XVI вв. превратилось въ запущенную цѣлину, на которой снова свободно разивталась дѣвственная природа, не чувствуя надъ собой тяжелой руки человѣка, и среди нея подымались новые всходы общественной жизни, то связанные съ традиціями давними, старорусскими, то развивавшіеся вполне оригинально среди приволья этихъ одичавшихъ пустынь. Не только на жителя Западной Европы, уже привыкшаго къ скученной жизни, къ интенсивной культурѣ, но и на людей изъ центральныхъ земель вел. кн. Литовскаго, только что затронутыхъ кое-какой культурой, эти восточныя украинскія земли середины XVI в. производили впечатлѣнье дикаго приволья, роскошнаго, чрезвычайно богатаго дарами природы и вполне свободнаго отъ разрушительныхъ слѣдовъ человѣческой жизни. Подобное впечатлѣніе производили на Европейца громадныя пространства Америки—ся гигантскія степи, гигантскія лѣса, гигантскія рѣки, необычайно богатая природа и необыкновенно слабые слѣды человѣческой жизни. Извѣстный литовскій мемуаристъ середины XVI в., Михайло Литвинъ, человѣкъ импульсивный, съ богатою фантазіей, ярко, хотя и гиперболически, передаетъ намъ это впечатлѣніе отъ дикаго украинскаго приволья въ своемъ трактатѣ,

написанномъ для соотечественниковъ, тоже не слишкомъ захваченныхъ культурой¹⁾:

„Кіевская земля“, пишетъ онъ, „имѣетъ такую плодородную и удобную для обработки почву, что если вспахать ее паромъ воловъ и то только одинъ разъ, получится богатѣйшій урожай. Даже безъ обработки, эта земля даетъ растенія, стебли и корни которыхъ могутъ употребляться въ пищу человекомъ. Деревья съ различными благородными плодами и виноградныя лозы съ громадными кистями, чрезвычайно вкусными, здѣсь растутъ, въ дикомъ состояніи по скаламъ. Въ старыхъ дубахъ и букахъ, дуплистыхъ отъ старости, часто встрѣчаются рои пчелъ и соты прелестнаго цвѣта и запаха.

„Звѣрей въ лѣсахъ и поляхъ такая масса, что зубровъ, дикихъ коней и оленей бьютъ только изъ-за шкуры, а изъ мяса берутъ лишь спинныя, наиболѣе жирныя части, остальное выбрасываютъ—такъ его много. Ланей и дикихъ кабановъ совѣмъ въ пищу не употребляютъ. Дикихъ козъ прибѣгаетъ такая масса зимою изъ степи въ лѣса, а лѣтомъ обратно, что крестьяне бьютъ ихъ тысячами. По рѣкамъ очень много бобровыхъ гнѣздъ. Птиць огромное множество, такъ что въ весеннюю пору мальчики набираютъ полныя ведра яицъ дикихъ утокъ, гусей, журавлей, лебедей, а позже—набираютъ полныя хлѣвы молодыхъ птенцовъ. Орляты сажаютъ въ клетки изъ-за ихъ перьевъ, употребляемыхъ для стрѣлъ.

„Собакамъ кормятъ мясомъ животныхъ и рыбою. Рѣки переполняются рыбой, когда несмыханная масса осетровъ и другой крупной рыбы идетъ изъ моря въ прѣсную воду. Поэтому нѣкоторыя изъ рѣкъ называются золотыми, особенно Припеть. Дѣйствительно, въ одномъ мѣстѣ, около Мозыря, при устьѣ р. Тура²⁾, въ началѣ марта, когда прибываетъ свѣжая вода изъ источниковъ, рѣка ежегодно наполняется такимъ множествомъ рыбы, что, если бросить копьѣ, оно торчитъ и стоитъ прямо, какъ будто бы его воткнули въ землю—такъ много тамъ рыбы! Я бы самъ не повѣрилъ, еслибы не видалъ часто, какъ тамъ безъ перерыва черпали рыбу изъ рѣки и иногда за день успѣвали наполнить до тысячи возовъ для купцовъ, прѣзжающихъ туда къ тому времени, около весенняго равноденствія“.

¹⁾ De moribus Tartarorum, базельское изд. стр. 33 и сл.; переводъ въ Мемуарахъ, изд. Антоновичемъ I с. 48 и сл.

²⁾ Рѣки съ такимъ названіемъ подъ Мозыремъ нѣтъ, слѣдуетъ подразумѣвать одинъ изъ притоковъ Припечи.

Другіе писатели второй половины XVI в. и первой половины XVII вторятъ этимъ сообщеніямъ, рассказывая чудеса о плодородности, роскошной флорѣ и богатой фаунѣ юго-восточной Украины—Поддѣпровья, Брацлавской земли и восточнаго Подолья¹⁾.

Рассказываютъ басни о необыкновенномъ плодородіи почвы—что даже самымъ примитивнымъ способомъ обработанная земля даетъ неизмѣримый урожай до самъ-сто. Нѣтъ нужды въ ежегодныхъ посѣвахъ—въ Подоліи достаточно въ одномъ году вспахать и посѣять, чтобы уродилось и въ слѣдующемъ, причемъ и въ одномъ году можетъ быть 2—3 урожая. Если оставить плугъ въ полѣ, то онъ за два, за три дня такъ успѣетъ зарости, что его трудно найти. Трава на пастбищахъ настолько высока, что пасущіеся волю едва видѣются въ ней: иногда даже и роговъ изъ травы не видно. Почва настолько плодородна и жирна, что приходится запрягать по нѣскольکو паръ воловъ. Пчелъ водится огромное количество, такъ что онѣ дѣлаютъ соты не только въ дуплахъ деревьевъ, но и въ простыхъ ямахъ. Рыбы мѣстами такая масса, что она сама гибнетъ отъ тѣсноты въ озерахъ и заливахъ во время убыли воды. Я самъ видалъ, рассказываетъ Бопланъ, какъ на устьи Орели, закинувши неводъ, вытащили болѣе 2000 штукъ рыбы, и самыя маленькія изъ нихъ были длиною въ футъ. Самару козакъ называютъ святою рѣкою, за ея богатства, какъ догадывается тотъ же Бопланъ: ея окрестности особенно богаты воскомъ, медомъ, звѣремъ, строевымъ лѣсомъ; здѣсь промышленяетъ множество рыбаковъ, которые, за недостаткомъ соли, вялятъ рыбу въ золѣ, а также сушатъ въ громадномъ количествѣ.

Оставляя въ сторонѣ гиперболическія подробности, въ этихъ отзывахъ, хотя бы и преувеличенныхъ, мы чувствуемъ реальную картину дикаго украинскаго приволья тѣхъ временъ. Даже у сухихъ счетчиковъ, правительственныхъ ревизоровъ, описывавшихъ доходы украинскихъ староствъ середины XVI в., вырываются

¹⁾ Guagnini Sarmatiae Europaeae descriptio изд. 1581 г. с. 40—1. Blaise de Vigenère La description du royaume de Pologne, 1573—въ Мемуарахъ, изд. Антоновичемъ I с. 70. Crassini Polonia, 1574 г. 112—3 (переводъ Будзинскаго 1852). Broniovii Tartariae descriptio 1595, с. 26 (переводъ въ одесскихъ Запискахъ т. VI). Cellari, Poloniae descriptio с. 21—2. Beauplan Description de l'Ukraine, изд. Голицына см. 36 и сл. (переводъ въ Мемуарахъ, изд. Антоновичемъ, кн. II).

восклицанья удивленія, когда они говорят о привольной жизни украинскнхъ выходцевъ Поднѣпровья, которые „установчнне тамъ живутъ на мясе, на рыбе, на меду съ пасекъ, съ сведетовъ (бортей) и сытять тамъ себе медъ яко дома“¹⁾, или о роскошныхъ угольяхъ здѣшнихъ поселенцевъ.—„суть иныи пасаки, ихъ и три селища за одну пасеку не стоять“, пишетъ ревизоръ о брацлавскихъ мѣщанахъ,—„при которой есть на мнлю земли, а в наменьше на полмили; тамже въ него пашня, стави спустныи, пчоль множество, зверь всякый, сады и огороды овощовыи роскошныи и всякый иныи пожитокъ, в которую пасеку и в земли и в сеножати и дубровы, што ку ей прислухаютъ, не только не волю есть никому входовъ и пожитковъ некоторыхъ мети, але и дровна ани травы стебла ништо даромъ взяти не можетъ, оиже все за поклономъ“²⁾. „Пашня тамъ родить збожье всякое завжды лепей, ніжъли при котромъ иномъ замьку“,— пишетъ другой ревизоръ о брацлавскомъ староствѣ. „Конемъ и всякому быдлу ховашье тамъ роскошное по дубровахъ и свинямъ по дубинкахъ через зиму, а такъ радо ся быдло всякое тамъ множить. Зубровъ, оленей, лисиць и ишого зверу множество великое. Меду тежь офитость великая, а предне доброго, чистого, белого, безъ бортей и безъ всякое працы великое, не только съ пасекъ, але готового съ-вепетовъ выдираючи“³⁾.

Край, достаточно богатый самъ по себѣ, оставшнсь необработаннымъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, сталъ, благодаря этому, тучной цѣлиной на всемъ пространствѣ до самыхъ глубинъ Полѣсья—за Кіевъ, Житомиръ, Остеръ, Черниговъ,—страной богатѣйшей, изобилующей природными дарами, но дикой, некультурной. Какъ и когда случилось это съ былымъ очагомъ восточно-европейской культурной жизни?

Большой, захватывающій рядъ вѣковъ, пробѣлъ въ нашихъ источникахъ даетъ возможность отвѣтить на этотъ вопросъ лишь въ общихъ чертахъ.

Запустѣнне подготовлялось уже издавна, вельдетвіе упадка государственной организаціи, государственной жизни—съ одной

¹⁾ Архивъ Юго-зап. Россіи VII. I с. 103.

²⁾ *Źródła dziejowe* VI с. 127 (печатано съ копій, съ нѣкоторыми очевидными описками, которыя исправляю).

³⁾ Архивъ Юго-зап. Россіи VII. II с. 21.

стороны, сильного натиска кочевыхъ ордь—съ другой; явленія эти идутъ рука объ руку и стоятъ въ связи между собой. Уже со второй половины XII в. становится очевиднымъ безземіе государственной организаціи: княжеская власть не въ состояніи удержать натиска кочевниковъ на пограничную со степью полосу украинской колонизаціи. Пограничную предстепную полосу забрасываютъ, она пустѣетъ. Вся юго-восточная Украина переживаетъ періодъ упадка; жизнь политическая, экономическая, культурная начинаетъ все сильнѣе и замѣтнѣе отливаться отсюда въ лучше защищенные и болѣе спокойныя западныя и сѣверныя края¹⁾. Ослабленіе Половецкой орды, замѣтно во второмъ и третьемъ десятилѣтіи XIII в., вѣроятно, немного задержало этотъ процессъ и нѣсколько улучшило условія колонизаціи пограничной степной полосы, но за недостаткомъ источниковъ объ этомъ можно говорить лишь въ формѣ гипотезъ. Послѣдовавшій затѣмъ Батыевъ погромъ наноситъ рѣшительный ударъ политической жизни восточной Украины, а въ дальнѣйшихъ результатахъ—также жизни экономической и культурной. Значительная часть восточно-украинской территоріи порываетъ съ княжеско-дружиннымъ укладомъ и возвращается къ старой аморфной жизни отдѣльныхъ общинъ подъ татарскимъ верховенствомъ. Въ другихъ частяхъ, гдѣ княжеско-дружинный укладъ сохранился, или возродился, онъ мельчаетъ, дробится, вырождается и утрачиваетъ свой политическій характеръ; государственныя признаки его слабѣютъ все больше и уступаютъ мѣсто признакамъ частно-правнымъ, вотчиннымъ²⁾. Подъ тяжелой рукой татарскаго владычества, варварскаго, чрезвычайно непріязненнаго, подозрительнаго и враждебнаго къ высшимъ, правительственнымъ слоямъ, къ власти, ко всему, что могло послужить зародышемъ организаціи, оппозиціи, отпора,—жизнь дичала и вырождалась. Высшіе, наиболѣе состоятельныя и культурныя слои, болѣе впечатлительныя къ условіямъ жизненной обстановки, начинаютъ покидать восточно-украинскія земли, въ которыхъ такъ мало могла быть обезпечена неприкосновенность, спокойствіе и порядокъ. Боярство и городской патриціатъ, духовенство и промышленное населеніе перекочевываютъ на западъ, въ Галицко-вольшскія земли, и на сѣверъ, въ земли украинскія, бѣлорусскія и великорусскія.

¹⁾ Объ этомъ см. въ т. III³ с. 334 и т. VI с. 5 и сл.

²⁾ См. въ т. III² с. 155 и сл.

Полнаго запусѣнія восточной Украины еще не было. Низшимъ слоемъ, придавленнымъ боярско-капиталистическими элементами, новыя перемѣны въ общественныхъ отношеніяхъ на первыхъ порахъ могли даже нравиться. Тѣмъ болѣе, что татарское правительство, пока оно держало свои орды въ рукахъ и могло вести какую-либо планомѣрную политику, очень опредѣленно шло навстрѣчу теченіямъ, враждебнымъ княжеско-дружинному режиму, и должно было стараться возможно меньше дать почувствовать себя украинскому демосу тамъ, гдѣ онъ выступалъ прагомъ княжеско-дружиннаго режима. Мы видимъ, что даже въ поселки, основанные татарскими баскаками, собиралось много новоселовъ, и люди бѣжали туда изъ княжескихъ селъ¹⁾. Съ паденіемъ княжеско-дружиннаго режима жизнь демократизировалась, устраивалась „безъ холопа и безъ пана“ до извѣстной степени. Тамъ же, гдѣ княжеско-дружинный укладъ сохранялся, тамъ онъ, на ряду со своимъ измельчаньемъ, имѣлъ тенденцію развивать далѣе общественныя отношенія въ направленіи крѣпостничества, развитія отношеній несвободныхъ,—это и подсѣвало его при конкуренціи съ демократическимъ укладомъ жизни, какъ онъ слагался въ непосредственной зависимости отъ Татаръ.

Въ общей сложности жизнь демократизировалась, но вмѣстѣ съ тѣмъ неизбежно дичала и грубѣла подъ владычествомъ татарскихъ эмировъ и баскаковъ. Особенно въ дальнѣйшемъ—когда начала вырождаться и разрушаться организація и дисциплина орды; а это стало уже совѣсемъ опредѣленно давать себя чувствовать въ послѣднюю четверть XIII вѣка²⁾. Среди анархіи, охватившей орду, жизнь беззащитныхъ общинъ, безкняжскихъ земель становилась неспокойной и тревожной, даже сравнительно съ мелкими и слабосильными княжествами—гдѣ они еще уцѣлѣли или возродились въ восточной Украинѣ. Патріархальная жизнь общинъ подъ управленіемъ своихъ атамановъ, безъ всякаго вмѣшательства со стороны ихъ „отчичей и дѣдичей“—хановъ татарскихъ, проживавшихъ въ ордѣ и лишь присылавшихъ баскаковъ своихъ за данью,—какъ рисуется это литовская лѣтопись въ извѣстномъ разсказѣ о Подольской землѣ передъ литовской оккупаціей,—должна была часто смѣняться эпизодами и періодами гораздо мѣнѣе идиллическими. Среди смуты, начавшейся въ ордѣ въ кон-

¹⁾ См. т. III² с. 153—4.

²⁾ См. т. IV² с. 294.

ца XIII в., среди борьбы эмировъ и временщиковъ между собою, сводившихъ свои счеты на „улусахъ“ противника, среди буйнаго своеволья разбойничьихъ шаекъ, размножавшихся въ этихъ условіяхъ,—жизнь въ близкомъ сосѣдствѣ степи и орды становилась полной тревоги и опасности.

Разумѣется, какъ говорится—голому разбой не страшенъ. Среди этой тревожной жизни воспятавались элементы, приспособившіеся къ этой вѣчной тревогѣ и опасности, всегда готовые отбиться отъ набѣговъ татарскихъ насильниковъ и отплатить имъ ихъ-же монетою. Но земледѣльческому, хозяйственному населенію такая тревожная жизнь не могла нравиться, и болѣе спокойные и зажиточные элементы, которымъ было за что бояться, должны были отливать, уходить дальше отъ татарскихъ набѣговъ, на западъ и сѣверъ. Восточная Украина, быстро утративъ высшіе слои, верхи своего общества, должна была медленно терять теперь вообще осѣдлое, земледѣльческое украинское населеніе, — медленно пустѣть, начиная отъ крайнихъ своихъ периферій со стороны пограничной степной полосы и дальше въ глубь. То, что становилось затѣмъ пограничной областью, въ свою очередь рѣдѣло, пустѣло все болѣе, и осѣдая, земледѣльческая украинская жизнь все болѣе концентрировалась на сѣверо-западъ, забираясь все глубже въ лѣсные края. А сосѣднія со степью области, не говоря уже о степной пограничной полосѣ все болѣе эксплуатировались только наѣздомъ, „уходами“, какъ это мы видимъ въ XVI в.: украинское населеніе весной расходилось изъ своихъ лѣсныхъ поселковъ по этимъ заброшеннымъ пространствамъ, занималось здѣсь рыболовствомъ, охотой, пчеловодствомъ; болѣе смѣлые и менѣе требовательные, особенно бездомные промышленники, иногда и зимовали здѣсь. Но осѣдая хозяйственная жизнь отступала все дальше и дальше на западъ, въ польскіе края.

Этотъ процессъ долженъ былъ длиться долго, около полутора столѣтій, въ разныхъ мѣстностяхъ болѣе или меньше—смотря по мѣстнымъ условіямъ.

Во второй половинѣ XIV в. восточная Украина входитъ въ составъ Литовскаго государства, вновь получаетъ государственную организацію, княжескую власть и дружинно-боярское сословіе. Проявляются снова стремленія вернуть себѣ утраченные пространства, обезопасить ихъ укрѣпленными замками, составить новые кадры военно-служилаго населенія.

Наиболѣе значительнымъ и энергическимъ представителемъ этихъ стремленій въ наличномъ нашемъ матеріалѣ выступаетъ Витовтъ. Намъ извѣстно, что онъ стремился подчинить своему влиянію самую Орду и для этого предпринималъ нѣсколько походовъ въ степи, а позднѣе дѣйствовалъ дипломатическими способами,—проводя своихъ кандидатовъ на ханскій престолъ, и этимъ путемъ старался держать татарскія орды въ зависимости; онъ дѣйствительно успѣлъ достигнуть того, что на черноморскомъ побережьи его воля стала закономъ для мѣстныхъ татарскихъ владѣній. Рѣчныя дороги Днѣпра, Буга, Днѣстра и ихъ выходы въ море онъ стремится имѣть въ своихъ рукахъ, и съ этой цѣлью строить тутъ рядъ замковъ. Оживаютъ давніе, пѣками погребенные, планы устройства торговыхъ портовъ на черноморскомъ побережьи, таможенныхъ учрежденій на степныхъ трактахъ; для ихъ охраны сооружаются замки и еще болѣе остается ихъ въ планахъ¹⁾. Пожалованье черноморскаго побережья Бучацкимъ отъ 1442 г., перечисляющее „замки напни: Карауль на Днѣстрѣ, Чорный городъ у устья Днѣстра въ море, и Качибеевъ на морскомъ берегу, со всѣми городами, портами, таможенными водными и сухопутными“, и ставящее въ обязанность новому князю укрѣпить и привести въ лучшее положеніе эти замки и города²⁾,—какъ отзывъ свѣжей еще памяти о дѣятельности Витовта на Черноморьи, имѣетъ вполне реальное значеніе. Въ эпоху Витовта это были вполне серьезныя планы, какъ показываетъ исторія постройки замка на лиманѣ Днѣстра (быть можетъ, того же Чернаго города). Границы Украины доходили до черноморскаго берега на югъ, до Донца и Тихой Сосны на востокъ³⁾. Это было возвращеніе къ тому порядку вещей, когда еще турецкій потокъ, пять вѣковъ тому назадъ, не заливалъ черноморскихъ степей. И въ первой четверти XV в., при энергіи Витовта, при громаднхъ силахъ, какія давало ему концентрированное, собранное въ однихъ рукахъ Литовское государство, сильное и единодушное подъ его мощной рукою—эти планы могли быть въ значительной мѣрѣ выполнены.

Не лишено значенія, что Витовтъ всю юго-восточную Укра-

¹⁾ См. т. IV³ с. 313—315, т. VI с. 58—9 и прим. 2.

²⁾ Грамота въ моей книгѣ: Барское староство с. 25—6.

³⁾ Объ этомъ говоритъ позднѣйшій обводъ границъ временъ Семена Одельковича—о немъ сейчасъ ниже.

ину (за исключеніемъ Сѣверскихъ земель) держалъ подъ своей непосредственной властью, не отдавая въ удѣлъ князьямъ. Въ Подольскую землю, когда она перешла къ нему (западная съ 1411 г., восточная, быть можетъ, съ 1393 г. безъ перерыва оставалась во владѣніи Витовта до его смерти), онъ назначилъ своихъ старостъ. Кіевскія земли вмѣстѣ съ Запѣтровьемъ, послѣ смерти Скиргайла, получившаго эту власть на основаніи договора съ Ягайломъ, Витовтъ передалъ своему товарищу кн. Ивану Ольгимунтовичу, но не въ качествѣ княжяго удѣла а въ управленіе только („далъ ему держати Кіевъ“, какъ говоритъ литовская лѣтопись). И въ такомъ управленіи намѣстниковъ, очевидно, она оставалась до самаго пожалованья Кіевской земли Омельку Владимировичу (въ 1440—1 г.)¹⁾. Очень возможно, что Витовтъ умышленно не давалъ здѣсь удѣловъ князьямъ, чтобъ быть вполне свободнымъ въ осуществленіи задуманнаго движенія на югъ и проводить его планомерно на всемъ протяженіи южной границы.

Къ сожалѣнію, недостатокъ актовaго матеріала изъ близкаго къ Витовту времени не даетъ возможности слѣдить за его мѣрами въ области колонизаціи и организаціи пограничныхъ со степью

¹⁾ Кіевскіе князья-намѣстники первыхъ двухъ десятилѣтій XV в. не извѣстны въ точности. Неизвѣстно, какъ долго управлялъ Кіевской землей Иванъ Ольгимунтовичъ: послѣдній указаніи на его существованіе имѣемъ подѣ 1401 г. (см. у Вольфа sub voce), но былъ ли онъ тогда кіевскимъ княземъ, этого не видно. Среди убитыхъ въ 1399 г. на Ворсклѣ фигурируетъ князь Иванъ Борисовичъ кіевскій, и, если это не ошибка, то приходится думать, что Иванъ Ольгимунтовичъ въ Кіевѣ пробылъ не долго и до 1399 г. его смѣнили другой держатель. См. объ этомъ въ моей Исторіи Кіевской зем. с. 501 г. (отожествленье Ивана Борисовича съ Иваномъ Ольгимунтовичемъ, сдѣланное еще Густинскимъ лѣтописцемъ, разумѣется, невѣроятно, но не цѣннѣе ея и поправка, предложенная Вольфомъ, см. 95: вмѣсто „Ивана Борисовича“ читать „Бориса Ивановича“ и считать его сыномъ Ивана Ольгимунтовича: такого князя источники не знаютъ). Неизвѣстно, откуда почерпнулъ пок. Малышевскій указаніе, что сынъ Ивана Ольгимунтовича Андрей „называется кіевскимъ княземъ около 1420 г.“ (Доминианецъ Яцекъ Одровонжъ, с. 461—2). Въ источникахъ я не знаю такого упоминанія; не знаютъ его и исследователи, занимавшіеся біографіею этого Андрея Ивановича (Цуласкій, Вольфъ). Лишь въ 1422 г. упоминается сынъ Ивана Ольгимунтовича Михаилъ какъ capitaneus kiiowiensis и носитъ этотъ титулъ до 1431—3 гг.

областей. Только для западной части Подольских земель (позднейшаго Подольскаго воеводства) сохранилось нѣсколько пожалованій Витовта¹⁾. Это главнымъ образомъ записи суммъ на имѣньяхъ, розданныхъ во владѣніе разнымъ лицамъ—людямъ мѣстнымъ и изъ сосѣднихъ украинскихъ земель, и разнымъ сторонанимъ. Такая раздача, иначе сказать—формировка военно-служилаго сословія и военно-служилаго землевладѣнія, судя по сохранившимся указаніямъ, велась интенсивно, очевидно, — не только въ Подольскихъ земляхъ, но и въ Брацлавскихъ, и въ Кіевскихъ²⁾. На ряду съ привилегированнымъ военно-служилымъ землевладѣніемъ, обеспечивавшимъ извѣстную военную силу этимъ землямъ, формировались Витовтомъ также кадры военно служи-

¹⁾ Матеріалы до історіі Зах. України № 18—22. Акты Зап. Россіи I № 22 (факсимиле въ Палеограф. снимкахъ, 19), Акты Юж. и Зап. Р. I № 17; другія пожалованья и упоминанія о нихъ указаны въ моей книгѣ „Барское староство“ с. 27 и въ книгѣ Молчановскаго Очеркъ ист. Подольской з. с. 318 и сл. (есть здѣсь однако и нѣсколько фальсификацій, какъ грамоты на Княжю Луку и Семяковъ).

²⁾ Изъ Брацлавской и изъ южной части Кіевской земли (за Россію), причислявшейся къ Брацлавской, имѣемъ нѣсколько указаній на привилегированное (военно-служилое) землевладѣніе временъ Витовта, но все это въ документахъ позднѣйшихъ, изъ которыхъ нѣкоторые нужно считать поддѣланными, а другіе сомнительными. Такъ грубой фальсификаціей является грамота вел. кн. Александра отъ 1509 г. (sic) на Жаботинъ и Оловятинъ, съ указаніемъ на пожалованіе Витовта (изд. проф. Антоновичъ въ Кіев. Старинѣ 1896 X с. 2). Несомнѣнно поддѣлана грамота Свитригайла Карпу Микулинскому отъ 1431 г., гдѣ упоминаются владѣнья Микулинскихъ (Грамоты в. кн. Литовскихъ ч. 4). Нѣкоторые подозрѣнья вызываютъ и позднѣйшая грамота Сигизмунда (ib. ч. 28), но можетъ быть, она только подправлена; другая же грамота Свитригайла, съ указаніемъ на пожалованье Витовтомъ Микулинскому, включенная въ эту грамоту, по всей вѣроятности поддѣлка. Въ записи 1580 г., изданной проф. Антоновичемъ (К. Ст. I. с.) пожалованье Ольбракта совершенно невѣроятно, такъ какъ Калауръ лежалъ на территоріи литовской, и не болѣе вѣроятно упомянутое тамъ же пожалованье Витовта (см. мою рецензію въ Запискахъ львовскихъ т. XVI с. 6). Указанія на пожалованье Витовта въ грамотѣ Александра 1505 г. (Słagozyna Polska III с. 535—см. ниже) приходится принимать на вѣру—пересказывается содержаніе спорѣвшихъ документовъ. Больше значенія имѣютъ указанія „на отчины“ нѣкоторыхъ боярь-шляхтичей въ пожалованіяхъ Казимира 1448 г. (см. ниже)—вотчины Рогозы и Ивашка Львовича въ восточной части Брацлавщины.

лаго крестьянства, такъ называемыхъ слугъ, освобождавшихся отъ другихъ повинностей вовсе или въ значительной части, взаменъ военной службы. Въ позднѣйшей переписи кievскихъ селъ при военно-служилыхъ поселенiяхъ, въ сохранившемся фрагментѣ довольно густой сѣтью покрывающихъ юго-западную часть кievскаго пограничья, имѣемъ вполнѣ опредѣленные ссылки на порядки эпохи Витовта, и въ виду этого въ организаціи этихъ военно-служилыхъ кадровъ тоже нужно видѣть дѣло Витовта, его самого непосредственно или его намѣстниковъ¹⁾. Одновременно должна была имѣть мѣсто и постройка укрѣпленныхъ замковъ, служившихъ опорными пунктами этой военной организаціи.

Послѣ смерти Витовта центральное правительство не занималось уже такъ энергично осуществленiемъ этихъ плановъ. Западная часть Подольской земли перешла къ Польшѣ и съ введенiемъ тамъ польскаго права (послѣ смерти Ягайла) въ значительной степени была предоставлена собственному промышленію мѣтнаго шляхетства. Правительство в. кн. Литовскаго, озабоченное внутренними смутами и отношенiями къ Польшѣ, теряетъ интересъ и пониманье юго-восточной политики, набросанной Витовтомъ, да и вообще забрасываетъ всю восточную политику. Новые кievскіе князья—Олелько и его сынъ Семень, въ 1440-хъ г.г. получившіе въ удѣлъ Кievскую землю вмѣстѣ съ Заднѣпровьемъ, предоставленные своимъ слабымъ силамъ, могли лишь въ меньшихъ размѣрахъ и уже не такъ планомерно продолжать традиціи политики Витовта—движенiе на югъ. Въ такомъ же положенiи была и Брацлавская земля даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда правилась намѣстниками, непосредственно зависѣвшими отъ центрального правительства²⁾.

¹⁾ См. ниже.

²⁾ Кто правилъ Брацлавской землей при Казимирѣ, это не такъ ясно. Грамоты Свигригайла, касающихся Брацлавскихъ земель за это время не встрѣчаемъ. Грамота его на Згаровцы и Котюжинцы, известная по позднѣйшему копiарію (Archiwum Sanguszków I № 42), съ датой 1444 г., если подлинна, должна быть отнесена къ болѣе раннему времени (индиктъ указываетъ на 1437 г.). Грамота на Рычеговъ, отъ 1445 г. (Грамоты в. кн. Литовскихъ № 5) имѣетъ подозрительное для этого года упоминанье о порученiи в. кн. Владислава Ягайловича (этотъ Рычеговъ тоже самое, что Урунцеговъ въ обводѣ границъ 1570 г., имѣнье Ободенскихъ, на Роси, между Цогребичами и Джуужковымъ — у Яблоновскаго *jakis Unguszków-Zródła dz. XXII s. 627*). Такъ же недостоверна по своей формѣ

Въ суммѣ отъ эпохи Олельковичей имѣемъ не мало пожалованій и другихъ указаній, свидѣтельствующихъ о продолжающемся движеніи на югъ—колонизаціи и организаціи обороны. Семень Олельковичъ занимается размежеваньемъ своей волости съ съ Крымскою и Золотою ордой—„высылалъ намѣстника своего Свиридова, который отъ него Черкасы держалъ, и тотъ по тымъ мѣстамъ разѣждчалъ и по тымъ урочищамъ границы клалъ, яко съ землею Татарскою такъ и съ Бѣлымъ городомъ, такъ тежъ съ землею Волоскою“ — „отъ Марахвы рѣчки, которая впала въ Днѣстръ¹⁾, и на низъ Днѣстромъ—по половинѣ Днѣстра, мимо Тегиню, ажъ гдѣ Днѣстръ упалъ въ море, а оттоль съ устья Днѣстрова лименомъ пошла граница мимо Очаковъ ажъ до устья Днѣброва²⁾, а отъ устья Днѣброва до Таваня—а по той сторонѣ Таваня съ Перекопскою землею граница вашей милости по Овечу воду и в-верхъ Овечей воды, а отъ верховъ Овечей воды у верхъ Самары и у-верхъ Овечей воды, а отъ верховъ Овечей воды у-верхъ Самара и у-верхъ Оргѣя ажъ до Донца и отъ Донца по Тихую Сосну³⁾. Фактъ довольно характер-

единственная грамота Семена Олельковича на брацлавскія имѣнія— пожалованіе Шашкевичамъ 1459 г. (приведено ниже). Съ другой стороны, имѣемъ записи о пожалованьяхъ в. кн. Казимира въ Брацлавской землѣ, относящихся, очевидно, къ началу 1448 г. (см. ниже). Примѣръ, приведенный въ моей статьѣ: „До питанія про право-державне становидце кийськихъ князів XV в. (Записки т. XXXI и Розвідки кн. III), правда, показываетъ, что Казимиръ считалъ возможнымъ вмѣшиваться въ мѣстныя дѣла княжескихъ волостей. Но имѣемъ и еще болѣе определенное извѣстіе,—что въ 1463 г. Брацлавомъ правилъ кн. Михайло Чарторыйскій—очевидно, какъ велико-княжескій намѣстникъ (Длугошъ V с. 372) (другое извѣстіе, о намѣстничествѣ Сангушковича въ 1446 г., опирается на очень шаткихъ основаніяхъ—ср. Monografia ks. Sanguszków I с. 115—8). Эти данныя указывали бы на непосредственную зависимость Брацлавскихъ земель отъ велико-княжескаго правительства.

¹⁾ Мурахва была границей литовскихъ земель съ коронными.

²⁾ „А Очаковъ на земли вашей милости господарскіе стоитъ“, добавляетъ позднѣйшее сообщеніе на основаніи свѣдѣній киевскихъ старожиловъ, рассказывавшихъ объ этомъ старинномъ обводѣ границъ.

³⁾ Акты Зап. Рос. II № 99—донесенія в. кн. Сигизмунду (около 1540 г.) о границахъ в. кн. Литовскаго на основаніи разсказовъ „людей старыхъ Кіевлянъ, Черкапанъ і Каневцевъ“, помнившихъ обводъ границъ Семена Олельковича.

ный. Если считали необходимымъ обѣзжать эти границы и ставить на нихъ пограничные знаки, то, очевидно, придавали реальное значеніе этимъ территориальнымъ претензіямъ на земли нижняго Днѣпра или верховьевъ Самары. Позднѣйшая реляція вмѣстѣ съ разсказами объ этомъ обводѣ границъ, передаетъ в память о томъ, что на Тавани перевозки (т. е. доходы съ нихъ) дѣлились пополамъ—одна половина вел. князю, другая крымскому хану. Фактъ этотъ относится ко временамъ Олельковича, до погромовъ Менгли-гирея и даетъ намъ иллюстрацію реального значенія, какое имѣли въ половинѣ XV в. границы съ Крымомъ или Румыніей въ этихъ, позже совершенно дикихъ, степяхъ.

О размѣрахъ колонизація и ся движеніи нѣкоторое представленіе даютъ намъ извѣстія о состояніи ея передъ опустошеніями Мевгли-гирея, какія можемъ собрать изъ современныхъ документовъ и позднѣйшихъ упоминаній о нихъ.

Двигаясь съ запада отъ Подольскихъ земель Польши, прежде всего встрѣчаемъ извѣстное уже намъ пожалованіе Бучацкому черноморскихъ замковъ, Черного города и Качибея, съ прилегающими къ нимъ окрестностями, которое въ то время, въ 1440-хъ годахъ, еще считалось на столько реальнымъ, что Бучацкіе начали процессъ съ коронною администраціею за права на приморскія пересыни. Но это значеніе придавалось здѣшнимъ землямъ, очевидно, лишь по традиціи эпохи Витовта и Ягайла; претензіи на эти земли не были поддержаны правительствомъ и онѣ выходятъ изъ реального владѣнія какъ Польской короны, такъ и в. кн. Литовскаго, достояніемъ котораго это побережье, какъ мы видѣли, считалось всетаки по старой памяти и во второй половинѣ XV ст.

На среднемъ Днѣстрѣ наидальше выдвигается въ степи извѣстный намъ Каравуль (около Рашкова), съ хорошо сохранившимися доннынѣ слѣдами укрѣпленій. Выше его имѣемъ рядъ документально извѣстныхъ помѣстій XV в.: Буша и Грушевецъ на Мурахвѣ, Берладка на Мурашкѣ, Бронница, Иваниковцы, Агдашевъ (Акташъ, бѣлый камень), иначе Серебрія, дальше Ильяшевцы, Лядова, § Козловъ—все имѣнія мѣстныхъ, украинскихъ родовъ—Будней, Козловскихъ, Нешевичей, Ильяшовскихъ¹⁾. Позднѣйшая традиція—въ срединѣ XVI в.—когда эти приднѣ-

¹⁾ См. объ этомъ мою книгу „Барское староство“ стр. 37 и сл. и помѣщенную тамже карту.

провскія пространства были „съ давнихъ поръ пустыи“, сохранила память о замкѣ на Жванѣ—позднѣе „городище Жванѣ“ (теп. Жванѣ не далеко отъ Днѣстра) и другомъ замкѣ въ Голчедаевѣ, на Лядавѣ (упомянутомъ въ перемирномъ трактатѣ 1431 г., теп. Верхній Голчедаевъ¹).

На востокъ отъ Днѣстра и устья Мурахвы, граница поселеній и шляхетскихъ имѣній XV в. отступаетъ понемногу на сѣверъ. Оставляя въ сторонѣ очень сомнительную грамоту Семена Олельковича на имѣнія Шашкевичей отъ 1459 г.²), гдѣ выступаетъ порѣчье р. Косницы и Русавы до самой р. Ралковки, съ городищемъ Тимоловскимъ (Тимановскимъ) и Драгошевскимъ (теп. Комаргородъ), имѣемъ болѣе точныя указанія въ цѣнной записи о раздачѣ Казимиромъ имѣній въ Брацлавской землѣ на виленскомъ сеймѣ 1448 г.³). Тутъ находимъ такія пожалованія и подтвержденія: Рогоза получаетъ привилегію на свои вотчины Мервинцы, Гиковцы и Кобылье, и выслуги Воробьевичи и Шпиковъ—эти земли тянутся полосой надъ Мурахвою до самаго Буга; Мервинцы на нижней Мархвѣ, Кобылево—возможно Кобылецкое около средней, Воробьевцы и около нихъ Рогозна на Бугѣ, Шпиковъ между ними. Иванко Гинковичъ получаетъ пожалованье на Бортники недалеко отъ Брацлава (на юго-зап.) и Юрковцы за Бугомъ. Какой-то староста Станиславъ получаетъ Ермолинцы, и можетъ быть онъ же⁴)—Остолоповъ, Дашевъ, Ометинцы, Ситковцы, Кропивну и Роговцы—имѣнія за Бугомъ, отъ устья Соба на сѣверъ. Въ этой же мѣстности Слупица владѣеть Куной и Носовцами, Копоть Копьевцами (около Соба) и Кожинцами (около Роськи), Шалиборъ Кальникомъ и, кромѣ того, Шандыревымъ и Куничнымъ (на сѣв. отъ Брацлава), Менько Илинцами (на верхнемъ Собѣ), около него Ивашенко Остапковичъ Вязовецемъ. Грипко Ясмановичъ получаетъ грамоту на Крковцы (Крковцы въ порѣчьи

¹) Въ „апологіи“ Претвичча—Biblioteka Warszaw. 1866, III, с. 52.

²) Грамоты велик. кн. Литовскихъ № 9. Исслѣдователями, включительно до Яблоновскаго, эта грамота принимается.

³) Документы арх. юстиціи с. 46 (о датѣ см. въ предисловіи с. IX). Въ литературу вошли до сихъ поръ только нѣкоторыя выдержки изъ этой записи, сдѣланныя Любавскимъ (Обл. дѣленіе с. 264—5).

⁴) Въ изданіи эти имѣнія отдѣлены отъ него, но „а Скабарня“—это должно быть имя не лица, а имѣнія (испорченное).

Буга, на сѣверъ отъ Брацлава), Жорница (въ порѣчьи Соба, около Илинцеъ), Оратовъ (въ бассейнѣ Роськи) и Погребиче (уже на самой Роси). Грицко Валасепевичъ (!) на Долинне въ земляхъ Розволужскихъ—теп. Володарки, въ бассейнѣ р. Молочной¹⁾ и Пальчиковцы—есть теперь только Пальчиковъ около Гнилого Тыкича. Если это опъ, то „лебединскіе доходы“, принадлежавшіе Ивашку Львовичу, какъ вотчина, вмѣстѣ съ селами Релевъ и Росечеевъ²⁾, можно отнести къ окрестностямъ извѣстнаго Лебедина³⁾, въ бассейнѣ Выси (потому этихъ сель и нельзя теперь отыскать—восточная окраина запустѣла потомъ больше всего)⁴⁾.

Этотъ интересный рядъ можно еще дополнить реестромъ имѣній Дашковичей, полтвержденныхъ за ними въ 1505 г. По словамъ Федька Дашковича, получившаго это подтвержденіе, вышеупомянутыя имѣнія выслужилъ его дѣдъ во времена Витовта. Это голословное заявленіе имѣетъ мало цѣны, и комплексъ этихъ имѣній, несомнѣнно, сложился на протяженіи болѣе продолжительнаго времени, но можно съ значительною вѣроятностью принять, что опъ, по крайней мѣрѣ въ значительной своей части, относится ко времени до татарскихъ погромовъ. Кромѣ извѣстнаго намъ Шандырева, находимъ здѣсь имѣнія: Улицево, Тростянецъ, Тывровъ,—все въ соседствѣ Шандырева, надъ Бугемъ и около него, дальше—Волчковцы и Несторовцы (ихъ мѣста не можемъ указать)⁵⁾, также „селища“ (слѣды ихъ, дѣйствительно, пропалы совершенно): Орыница и Костино на р. Косницѣ, Збуново и Паробче на Росавѣ, Леповъ и Михайлово—не извѣстно точно, гдѣ именно⁶⁾.

Для Звенигородскихъ земель имѣемъ любопытное подтвержде-

¹⁾ *Źródła dz. XXI* с. 24.

²⁾ „Ивашку Львовичу на отчину потверженъ на селе Релевъ а на Росечеевъ а на лебединскыя доходы“.

³⁾ Лебединомъ назывался и Шинковъ (см. *Źródła dz. XXI* с. 624), но Шинковъ фигурируетъ въ этихъ запискахъ отдѣльно, и тутъ не можетъ идти въ счетъ.

⁴⁾ Тамъ быть можетъ, было и село „Пореевцы“, которое получила какой-то Пушка вмѣстѣ съ тѣмъ Грицкомъ „Валасепевичемъ“.

⁵⁾ Несторовцы связываются съ Нестерваромъ-Тудлинномъ Любавскій, Яблоновскій)—но это лишь предположеніе.

⁶⁾ Извлеченіе въ *Starożytna Polska III* с. 585, ср. Любавскаго Областное дѣленіе с. 265.

нію в. кн. Александра Гринку Васьковичу на имѣнія — поселки Митлеево (Млѣевъ), Орловець и Линчинцы (иначе Илнчинцы), въ бассейнахъ Ольшаны и Тясмина: земли эти были „отчиною и выслугою Федька Васьковича, землянина звенигородскаго“, погибшаго отъ Татаръ, и вмѣстѣ съ рукою его вдовы перешли къ Гринку Васьковичу¹⁾. Въ половинѣ XVI в. эти помѣстья принадлежали Зубрикамъ, и, кромѣ нихъ, они владѣли еще селищемъ Радіоновскимъ въ бассейнѣ Тясмина (позднѣйшій Жаботинъ): вѣроятно это такой же остатокъ имѣній изъ времянь до запустѣнія, какъ и звенигородскія селища ихъ²⁾.

Въ бассейнѣ Роси, принадлежавшемъ къ Кіевскому княжеству, имѣемъ нѣсколько пожалованій кн. Олельковичей³⁾. Въ 1451 г. жалуетъ кн. Олелько боярамъ своимъ Ивашку и Петру Григоровичамъ селище Таганчу, которымъ рашьше владѣлъ какой-то „панъ Игнатъ Шумаковъ“; въ другой разъ получили они отъ него Товаровъ на Роси (около теп. Межирича): ихъ родовымъ имѣніемъ былъ Григорьевъ на Днѣпрѣ, ниже Терехтемирова. Олелько Сахновичъ получаетъ отъ кн. Олелька, кромѣ имѣній въ Полѣсѣ, городища Полотвинъ и Бузяковъ на Россавѣ и земли на Карани (ок. Переяслава⁴⁾. „Боярину нашему пану Андрею Морозову“ жалуетъ кн. Семенъ Олельковичъ „село Жердево“ надъ Днѣпромъ выше Канева⁵⁾. Бояре Ерши владѣли во второй половинѣ XV в. Могилами и Вѣдымъ берегомъ (Днѣпровскимъ побережьемъ, очевидно — къ югу отъ Роси⁶⁾. Какой-то князь Романъ владѣетъ большими имѣніями подъ Росью: Руть Старый и Новый, Тогановъ, Очковъ, Новоселье, Клайклище (!) и Костомыревъ — отъ него переходятъ они во второй пол. XV в. къ Ивашеневичамъ⁷⁾.

¹⁾ Грамоты в. кн. Литовскихъ № 13, стр. 23.

²⁾ Архивъ VII. I с. 90: „Иванъ Зубриецъ маєть... по жонѣ селища: Мехлесво, Личинцы, Горловьцы, ... другое именье его селище Радіоновское на реце Тясмене“.

³⁾ См. мою статью Кільба київських документів XV—XVI в. (Записки т. XI и мат. II).

⁴⁾ Къ исторіи Кіевъ — К. Старина 1892, II.

⁵⁾ „Дердево“ по ревизіи 1552 г. (Архивъ VII. I с. 98, стр. Величка I. с. 399).

⁶⁾ Ульяна Ершовна въ первой четверти XV в. называетъ ихъ „именями отчизными і материзными“ — *ibid.*

⁷⁾ Выдержка изъ актовъ въ Słowia. geogr. подъ словомъ Манаровъ.

За Дніпромъ знаємъ въ то время, кромѣ упомянутыхъ владѣній Сахновичей (позднѣйшія имѣнія Лозокъ, земли Жеребятинскія по р. Карани и дальше въ глубь Задніпровья) имѣнія Глинскихъ въ бассейнахъ Ворсклы и Сулы. Кн. Половецъ Рожниовскихъ—земли Рожниовскія и Нѣжинскія, между Удаемъ и Остромъ, на основаніи пожалованія яко бы еще кн. Владимира Ольгердовича¹⁾.

Въ общемъ всѣ эти отчины и выслуги, пожалованія и подтвержденія тянутся широкою полосой отъ устья Мурахвы къ устью Сулы, составляя передовую линію тогдашней колонизаціи. Насколько она была дѣйствительно колонизована, разумѣется, сказать нельзя. Но судя по тому, что сейчасъ увидимъ—въ княжескихъ селахъ южнаго пограничья кievскихъ земель, можно думать, что вполнѣ безлюдными не были и аванпосты землевладѣнія, и что эти „отчины“ и „выслуги“ выпрашивались и раздавались не только въ надеждѣ будущей колонизаціи, но и сейчасъ эксплуатировались, обзаводясь понемногу всякимъ хозяйствомъ—хотя, безъ сомнѣнія, надъ осѣдлымъ хозяйствомъ преобладало и тогда хозяйство отхожее, наѣзжее. Для какого-либо интенсивнаго хозяйства тутъ не могло быть мѣста: хлѣбопашество, напр., можно представлять себѣ только въ очень скромныхъ размѣрахъ. Съ другой стороны, тотъ фактъ, что имѣнія того или иного собственника или помещика не составляютъ одного цѣльнаго комплекса, а складываются изъ нѣсколькихъ кусковъ, иногда достаточно разбросанныхъ, позволяетъ догадываться, что земли даже въ этой передовой полосѣ были уже въ значительной степени разобраны, цѣпились, присваивались и выпрашивались у центрального правительства на перебой. Значитъ, военно-служилое землевладѣніе было въ достаточной мѣрѣ развито. Тѣ свѣдѣнія объ имѣніяхъ, которыя мы имѣемъ, упоминаютъ только нѣкоторыя изъ нихъ, и въ дѣйствительности категория мѣстныхъ бояръ-землевладѣльцевъ была несомнѣнно гораздо болѣе многочисленной.—хотя по сравненію съ землями, лучше заселенными, здѣшнее землевладѣніе, разумѣется, оставалось еще очень жидкимъ.

Затѣмъ, кромѣ раздачи земель, въ интересахъ колонизаціи и военной обороны, боярамъ-землянамъ, въ тѣхъ же интересахъ продолжало развиваться устройство военно-служилыхъ и крестьянскихъ поселковъ на земляхъ, остававшихся въ непосредственномъ владѣніи

¹⁾ См. т. VI с. 288—6.

князя или велико-княжескаго намѣстника. Известная намъ опись Кіевскихъ земель, составленная послѣ смерти Семена Олельковича, передъ татарскими погромами, даетъ чрезвычайно интересныя данныя относительно организаціи этой крестьянской военно-служилой колонизаціи, и въ связи съ ней—мѣстнаго хозяйства.

Въ сохранившемся отрывкѣ выступаетъ передъ нами рядъ селъ, начиная отъ Роси до Житомира и Чуднова. Значительная часть названій этихъ поселеній потомъ исчезла и ихъ мѣста нельзя обозначить, такъ что локализовать эту картину военно-крестьянской колонизаціи можно только въ общихъ чертахъ; юго-восточныя поселенія, вѣроятно, не вошли въ этотъ отрывокъ, вмѣстѣ съ описью черкаскаго и каневскаго замковъ (нашъ фрагментъ впрочемъ не придерживается въ точности географическаго порядка). Онъ начинается селомъ Терпсеевымъ „на Роси“ (позже неизвѣстнаго). Далѣе имѣемъ с. Антоновъ недалеко отъ Роси (надъ Березяною), нѣсколько селъ на Гаставицѣ: Щербовъ (теп. Ружинь), Вчерашне, можетъ быть Радостовъ. Потомъ Почуйково на Каменкѣ, Соколыча на Уназѣ, Ходорковъ и Скопичевъ на Ирлени, Водотинь у верховьевъ Здвижа. Кромѣ того, нѣсколько селъ надъ Днѣпромъ, къ югу отъ Кіева, какъ Гуляльники около Ржищева¹⁾. Группы селъ около Житомира и Чуднова имѣютъ уже другой характеръ. Перечисленныя и другія, вмѣстѣ съ ними названныя поселенія, мѣста которыхъ нельзя точнѣе обозначить (такихъ имѣется семь), почти все имѣютъ указанія на практику времени Витовта²⁾. Это указываетъ на то, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ поселеніями старыми, относящимися ко временамъ, не позднѣйшимъ, чѣмъ время Витовта, а можетъ быть и болѣе ранними, при Витовтѣ лишь реформированными. Военно-служилою организацію ихъ можно считать съ полною правдоподобностію, дѣломъ Витовта и его намѣстниковъ: слабость привилегированнаго военно-служилого сословія вполне естественно могла привести его къ организаціи военно-служилого крестьянства изъ элементовъ болѣе зажиточныхъ, экономически сильнѣйшихъ. Они носятъ техническое названіе „слугъ“. Ихъ главная обязанность — военная служба: „а служба ихъ только на войну ходить“, „на войну хо-

¹⁾ Глеваха около Басилькова не идетъ въ счетъ—это село не военно-служилое, а татарское—„на помощь“ ходили оттуда въ бѣлгородскій дворъ.

²⁾ Только у чепырехъ ея нѣтъ, и изъ нихъ село Радостовъ ясно выступаетъ, какъ новозаселенное.

живали, а иного ничего не знали“—въ смыслѣ какихъ-либо работъ. Платили только „подымщину“, натурой, изъ различныхъ продуктовъ хозяйства, и то лишь разъ въ три года: „а подымщину даивали за великаго князя Витовта на третій годъ“. Иногда упоминается еще „болкуновщина“ (поволовщина), но только въ случаѣ самаго пріѣзда в. кн. Витовта, слѣдовательно въ видѣ т. наз. стацин (старого полюдья). Только лишь кн. Семень началъ вводить „новину“ въ ближайшихъ къ его двору селахъ: велѣлъ имъ на „толоку ходить, сѣно косить, ставъ сыпать“, и это нововведеніе возбуждало, очевидно, большое недовольство—„того дей имъ и-старины не бывало“.

Эти военно-служилые поселки не велики—чаще всего заключаютъ отъ 5 до 10 хозяйствъ, но встрѣчаются и состоящіе всего изъ 2—3 хозяйствъ, а въ одномъ живетъ только самъ атаманъ—осадчій, ожидаая новоселовъ; самыя большія села (два) имѣютъ по двадцать служилыхъ хозяйствъ вмѣстѣ съ атаманомъ. Наряду съ военно-служилыми въ небольшомъ количествѣ встрѣчаются и крестьяне, обложенные „урокомъ“ медовой или куничьей данью, а также „свободные“, не выжившіе еще опредѣленнаго срока „воли“, не успѣвшіе еще обзавестись хозяйствомъ, а потому и не несущіе никакихъ повинностей. Въ общемъ всѣ 18 селъ, описанныя въ нашемъ отрывкѣ, послали въ походъ около 150 конныхъ ратниковъ.

Извѣстія отрывка дополняетъ кое въ чемъ позднѣйшая опись киевскаго замка (1552). Она упоминаетъ „села, съ которыхъ выходило люду панцерного на службу господарскую 146, а тепер тые села пусты вси“, и насчитываетъ семь такихъ селъ (Куликовъ, Попадичи, Рословичи, Яковичи, Юрьевичи, Невеселово, Иванковичи)¹⁾. Нѣкоторые изъ этихъ селъ исчезли безслѣдно, другіе извѣстны въ близкомъ соудствѣ съ Киевомъ, непосредственно къ югу отъ него; возможно, что всѣ они находились въ его окрестностяхъ. Память о нихъ идетъ, очевидно, тоже изъ временъ передъ запустѣніемъ Киевскихъ земель, и такимъ образомъ это извѣстіе дополняетъ собою свѣдѣнія описи XV в.: въ сохранившемся отрывкѣ нѣтъ этихъ мѣстностей, и не одного изъ названныхъ выше селъ не встрѣчаемъ въ немъ. Это показываетъ, насколько значительнѣе въ дѣйствительности была эта военно-слу-

¹⁾ Архивъ VII. I с. 121.

жилая колонизация, и несколько частных свѣдѣннй о ней, имѣющіяся въ нашемъ отрывкѣ.

Опорными пунктами—узлами этой военно-служилой организации являлись замки, но, къ сожалѣнню, о нихъ мы имѣемъ очень скудные свѣдѣннй отъ того времени. На границѣ Подольскихъ земель видѣли мы два замка, вѣроятно небольше—Голчедаевъ и Жвань. На среднемъ Днѣстрѣ — Караулъ. По среднему Бугу крайннй замокъ въ направленнн къ степямъ—извѣстный намъ Брацлавъ. Далѣе на востокъ—Звенигородъ, уничтоженный во времена татарскихъ разгромовъ и потомъ возобновленный. По Днѣпру крайннй замокъ въ Черкасахъ. При Витовтѣ должны были существовать замки на нижнемъ Днѣпрѣ и Бугѣ (имѣемъ извѣстнн о какомъ-то городѣ св. Іоана, построенномъ гдѣ-то на нижнемъ Днѣпрѣ); они соответствовали бы черноморскимъ замкамъ въ окрестностяхъ Днѣстра и были необходимы, какъ передовые посты, нужны хотя бы для охраны таможенныхъ заставъ того времени. Но о нихъ не имѣемъ никакихъ точныхъ свѣдѣннй¹⁾. Знаемъ только вторую линню — Брацлавъ, Звенигородъ, Черкасы. Возможно, что переходила она и за Днѣпръ—здѣсь также могъ существовать замокъ въ бассейнѣ, если не Ворсклы, то Сулы, но указать его точнѣе мы не въ состояннн.

Нѣкоторыя указаннй изъ XV вѣка и позднѣйшаго времени, напр. въ описяхъ украинскихъ замковъ середины XVI в., бросаютъ свѣтъ на состояннн колонизации, на жизнь, развивавшуюся подъ охраною этой военной организации. Житомирцы вспоминаютъ въ 1552 г. о доходахъ приносимыхъ замковыми мельницами въ то время, когда еще окрестныя села не опустѣли, шестьдесятъ, семьдесятъ, восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ: „добрыхъ лѣтъ, гдѣ пашня роживала, а мелючи тутъ возживано муку до Клева и до вншохъ замковъ, прихоживало тогда з млына выховане хлѣбомъ на сорокъ особъ, бо привоживано молоти и з Чуднова, и з Слободниц, и з иныхъ сел што по Тетериви“²⁾. Интересно сравнить съ позднѣйшимъ плачевнымъ состоянннемъ Житомира и его окрестностей, въ срединѣ XVI³⁾, данныя описи XV в., тогда въ немъ было двадцать корчемъ, а въ Чудновѣ 53, „а в месте людей полно“⁴⁾. Въ Брацлавѣ вспоминали о подводахъ,

¹⁾ О нѣкоторыхъ ходчихъ въ литературѣ извѣстнхъ см. т. IV²⁾ с. 315—6. ²⁾ Архивъ VII. I с. 147.

³⁾ См. ниже.

⁴⁾ Архивъ VII. II с. 4—5.

посылавшихся изъ Брацлава до Канева, Кіева и Черкасъ напрямикъ „по селамъ, которыя передъ тымъ бывали, а теперь вжо од поганства спустели“¹⁾—значить, существовали тогда не только пожалованья на эти села, но и дѣйствительныя поселенія. Изъ со- сѣднихъ подольскихъ пограничныхъ земель имѣемъ позднѣйшее воспоминаніе въ запискѣ Претвица, что „въ то время, когда Ровъ, Олчедаевъ и Жванъ не были разорены, много людей жило около этихъ замковъ“, но потомъ, во времена разореній, воевода молдавскій перенялъ ихъ за Днѣпръ и поселилъ у себя; а ког- да былъ построенъ замокъ въ Барѣ и его окрестности начали за- селяться, то и эти эмигранты (или ихъ потомки) начали возвра- щаться обратно²⁾.

Эти приобрѣтенія колонизаціи и военной организаціи, скром- ныя сами по себѣ, значительныя и внушительныя только по сравненію съ позднѣйшимъ запустѣніемъ—были сметены татар- скими погромами послѣдней четверти XV в. Польско-литовское правительство, измѣнивши традиціямъ Витовта, запустило свою юго-восточную политику до того, что позволило своимъ против- никамъ, московскимъ князьямъ, переманить старинныхъ союзниковъ Литвы—крымскихъ хановъ, и Крымъ изъ аванпоста литовской политики, стража и охранителя украинской колонизаціи, какимъ онъ былъ, по признанію польскихъ политиковъ XV в.³⁾, стано- вится на долгое время очагомъ разоренія и дезорганизаціи Украйны. Татарскіе набѣги одинъ за другимъ, то рѣже, то чаще, падаютъ на нее. То тотъ, то другой замокъ, до стольнаго кіевского вклю- чительно, попадаетъ въ татарскія руки, гибнетъ въ огнѣ, а бо- лѣе малкія шайки татаръ, которымъ большіе замки были не по силамъ, шныряютъ въ ихъ окрестностяхъ, уничтожая послѣд- ніе остатки поселеній и хозяйства⁴⁾. „За тѣ годы владычества славной памяти Александра, вспоминають литовскіе магнаты по его смерти, Менгли-гирей, царь перекопскій, самъ своею особою и черезъ своихъ дѣтей и слугъ непрестанно опустошалъ погра- ничныя земли обоихъ государствъ, и какія огромныя убытки, ка- кое безчисленное множество въ плѣнь взятыхъ, какую массу

¹⁾ *Źródła* VI с. 122.

²⁾ *Biblioteka Warszawska* 1866 III с. 52.

³⁾ См. т. IV² с. 318—9.

⁴⁾ Обзоръ нападений 1482—1506 гг. см. въ т. IV² с. 326—334, также *Pułaski, Stosunki z Mendli-girejem*, 1881.

пролитой крови христіанской мужчиць и женщиць, понесли они (государства) отъ этихъ язычниковъ—кто сможетъ рассказать“¹⁾).

Польско-литовское правительство Казимира и Александра почувствовало себя совершенно бессильнымъ передъ этимъ степнымъ ураганомъ и въ своей протраціи готово было возобновить прежнія зависимыя отношенія украинскихъ земель по отношенію къ Орду, снятыя съ нихъ политикою Витовта сто лѣтъ тому назадъ. Даже не думая объ оборонѣ границъ колонизаціи, оно старается защитить и сохранить хотя бы внутреннюю сѣть замковъ. Съ чрезвычайнымъ напряженіемъ, съ мобилизаціею силъ почти всего государства кор. Казимиръ заново отстраиваетъ въ 1483—4 гг. кievскій замокъ, уничтоженный въ 1482 году. „На кievскую работу, рассказываетъ позднѣйшая оффиціальная записка, приходило тогда болѣе 20 тыс. топоровъ изъ волостей приднѣпровскихъ, задвинскихъ, торопецкихъ, изъ Вел. Лукъ и Ржева Великаго“. Даже у папы выпросилъ Казимиръ субсидію для укрѣпленія Кіева²⁾). Одновременно, чтобы произвести впечатлѣніе на Татаръ, мобилизуетъ онъ военныя силы в. кн. Литовскаго подъ Кіевомъ. Такую же мобилизацію повторилъ въ 1490-хъ гг. в. кн. Александръ, выйдя съ цѣлымъ войскомъ на южную границу, и при этомъ отстроилъ брацлавскій замокъ уничтоженный Татарами³⁾). Но даже не все замки были вновь отстроены — напр. Звенигородъ такъ и остался невозобновленнымъ, и весь бассейнъ Руси и За-

¹⁾ Rykaski dok. 84. ²⁾ См т. IV² с. 327.

³⁾ За панованя славної памяти Александра короля в. м. самъ его милость персопою своею господарскою со всею землею литовскою рачиль тутъ до Брацлава приѣзджати и оный замокъ своимъ накладомъ и людьми литовскими, которыхъ зъ собою мель, велель при собѣ заробити“—*Źródła dziejowe* VI с. 117. *Лѣтописъ* т. наз. Выховца (Полн. собр. лѣт. XVII с. 554—5) рассказываетъ это такъ, что Александръ отправился собственно на Молдавію, по уговору съ братомъ, но пань-рада воспротивилась этому походу, и Александръ принужденъ былъ вмѣсто похода заняться постройкой брацлавскаго замка. Рассказъ этотъ, въ той формѣ, въ какой имѣемъ его въ *лѣтописи*, безъ сомнѣнія разцвѣченъ въ магнатскихъ кругахъ, и Каро имѣлъ полное право пренебречь этой исторіей о сопротивленіи бояръ в. князю во время похода (*Geschichte Polens* IV 135—7). Отмѣчу, что мѣстная брацлавская традиція относитъ возобновленіе замка къ нѣсколько болѣе раннему времени, нежели молдавская кампанія 1497 г.—къ самому началу княженія Александра (Архивъ Ю. З. Р. VII. II. с. 19—20, ср. *Źródła dziejowe* VI с. 117).

росье, внѣ днѣпровскаго побережья, остались безо всякой защиты и были тѣмъ самымъ осуждены на дальнѣйшее запустѣніе, точно также какъ и юго-восточное Заднѣпровье.

Цѣною крайней угодливости желаніямъ и интересамъ крымскаго бандита, задабриванія его подарками и обѣщаніями ежегодной дани¹⁾, а также игры на разбойничьихъ инстинктахъ его орды, польско-литовскому правительству въ концѣ концовъ удалось лишь подорвать единство и планомѣрность крымской политики, склонявшейся къ Москвѣ и враждебной Литовско-польскому государству. Литовскіе политики постарались обратить Крымцевъ также противъ Москвы. Перспектива войны съ Москвою, съ которой посылось, въ надеждѣ реванша, литовско-польское правительство по смерти Ивана III, дѣлало такой ходъ весьма привлекательнымъ, но литовское правительство напрасно надѣялось обезпечить при этомъ себѣ спокойствіе со стороны орды, обративъ разбойничью энергію Крыма на Москву.

Послѣ долгихъ торговъ относительно размѣра ежегодныхъ „упоминковъ“, которые должны были уплачиваться крымскому хану²⁾, сторговались на томъ, что Крымъ ежегодно будетъ получать 15 тыс. золотыхъ, которые будутъ ему платить пополамъ Польша и в. кн. Литовское, а за это ханъ обязуется дать заложниковъ, не опустошать земель литовскихъ и польскихъ и помогать литовско-польскому государству въ борьбѣ съ его врагами, а прежде всего, съ в. кн. московскимъ. Менгли-гирей обѣщаль отобрать отъ в. князя московскаго и вернуть в. кн. Литовскому всѣ земли, забранныя при в. кн. Александрѣ³⁾.

Соглашеніе было доведено до конца въ 1512—13 г.г., но подъ вліяніемъ этихъ переговоровъ Крымская орда уже съ 1507 г. начала опустошать московскія земли и все болѣе

¹⁾ Опись крымской дани см. въ публикаціи: „Литовскіе упоминки татарскимъ ордамъ“ изд. Д.-Запольскій, с. 52—74.

²⁾ При в. кн. Александрѣ Крымъ требовалъ 10 тыс. золотыхъ ежегодной дани; Сигизмундъ пытался выторговать и уменьшить ее до 5—6 тыс., ссылаясь на то, что ему дорого стоятъ содержанье въ неволѣ Менглигирееваго врага и страшилища Шахъ-Ахмета (о немъ см. т. IV² с. 333)—иначе говоря, просилъ скидки за эту любезность (Пуласкій док. 107). Но Менгли-гирей не уступалъ, и въ концѣ концовъ пришлось согласиться на ежегодную дань въ размѣрѣ 15 тыс. золотыхъ.

³⁾ Исторія этихъ переговоровъ у Пуласкаго Stosunki с. 123 и сл. Халское подтвержденіе трактата и присяга тамъ же № 145 и 146.

входила во вкусъ этого новаго спорта. Однако это несколько не обезпечило украинскія земли Польши и в. кн. Литовскаго отъ такихъ же точно опустошеній. Правда, новое правительство Сигизмунда проявляло нѣсколько больше энергии и вниманія въ дѣлѣ защиты южныхъ границъ отъ татарскихъ набѣговъ, но эти мѣры были направлены главнымъ образомъ на западную Украину—Галицію, Подолье и Волинь, какъ области лучше заселенныя, болѣе богатая средствами и военно-служилымъ населеніемъ. Восточная же Украина, скудно заселенная и слабосильная сама по себѣ, очень плохо обслуживалась и правительствомъ. Впрочемъ въ концѣ концовъ все то, что предпринималось правительствомъ, было недостаточно какъ здѣсь, такъ и тамъ, и въ конечномъ результатѣ не только восточная, но и западная Украина, несмотря на всѣ правительственныя мѣропріятія, жила въ непрерывномъ хроническомъ страхѣ передъ татарскими опустошеніями, и эта вѣчная тревога въ корнѣ подрѣзывала всякій размахъ колонизаціонной энергии, и не давала возможности возобновить уничтоженное татарскими набѣгами. Классическая фраза волинской шляхты въ 1540-хъ г.г. „тут на Волини будь есть або не есть перемира з Татараы, тогда предся з копа мало заседаем“¹⁾—ярко характеризуетъ мѣстную жизнь за всю первую половину XVI в.

Уже во время переговоровъ о союзѣ съ Крымомъ, когда литовско-польскія войска были стянуты на московскую границу (во время возстанія Глинскаго), огромныя татарскія полчища напали на земли подольскія, волинскія, а можетъ быть и кіевскія, глубоко проникая въ Полѣсье, подъ самый Слуцкъ, гдѣ разбило ихъ литовское войско, возвращаясь изъ похода; другую орду разгромило въ подольскихъ земляхъ коронное войско съ подольскою шляхтою, и кромѣ того упоминаются еще двѣ битвы въ другихъ мѣстахъ²⁾. Въ 1509 г. молдавскій воевода предпринялъ большой походъ въ Подольскую землю и Галицію, съ турецкимъ и татарскимъ войскомъ, какъ пишетъ современникъ³⁾. Потомъ, съ началомъ 1510 г. стали ходить тревожные слухи, что Татары собираются на Кучманскій шляхъ, на подольскія земли. Король созывалъ шляхту коронныхъ земель для всеобщаго

1) Źródła dz. VI с. 29.

2) Децій с. 34, Рус.-литов. лѣтоп., Познанскій кодексъ с. 346, Стрыйковскій 344 и 351, Вѣльскій с. 940, 949—50.

3) Вацовскій с. 86.

похода, потребовалъ помощи у Литвы и Молдавіи¹⁾; возможно, что это предотвратило татарскій походъ, принявшій иное направленіе—противъ ногайской орды. Но разгромивъ Ногайцевъ, Татары снова обратились на украинскія земли. Опять смятеніе и мобилизація, особенно въ подольскихъ земляхъ²⁾. Татары одну орду двинули на Молдавію, другую—за Кіевъ въ бѣлорусскія и литовскія земли, проникая далеко за Вильно, и подвергнувъ все по пути полному разоренію, „цѣло въ Орду вернулись“³⁾. Литовскій гонецъ, пріѣхавшій въ концѣ года изъ Орды, привезъ извѣстіе, что Татары собирались походомъ еще и въ Галицію, но Менгли-гирей задержалъ этотъ походъ⁴⁾. Въ Польшѣ ожидали новыхъ нападений; былъ отпущенъ кредитъ на содержаніе постоянного большого войска въ подольскихъ земляхъ (проектировано четыре тысячи, въ дѣйствительности набрано три)⁵⁾; пограничнымъ старостамъ и начальникамъ войскъ рекомендовалась всяческая осторожность⁶⁾. Весной принесли вѣсти, что татарское войско приближается къ Украинѣ, потому—что его видѣли около Брацлава⁷⁾. Въ концѣ концовъ Татары бросились на Кіевскія земли, но воевода Немировичъ разбилъ ихъ на Руткѣ (къ югу отъ Кіева)⁸⁾. Къ веснѣ 1511 г. новая тревога: ханъ посылаетъ своихъ заложниковъ въ Кіевъ, но вмѣстѣ съ ними идетъ 6 тысячъ Татаръ. Собираются войска, чтобы съ оружіемъ въ рукахъ встрѣтить этихъ вѣстниковъ мира⁹⁾, но тревога на этотъ разъ была ложная: ханъ заложниковъ не посылалъ. Однако тревожные слухи не умолкали. Ждали Татаръ и охраняли границы Волыньскихъ и Подольскихъ земель; литовскія силы были мобилизованы и собраны подъ Мозыремъ, подъ главнымъ начальствомъ кн. Острожскаго¹⁰⁾. Цѣлое лѣто прошло въ тревогѣ, на военномъ

1) Корреспонденція въ Acta Tomiciana I № 78—82.

2) Acta Tomiciana I № 98—9.

3) Децій с. 47, Познанскій кодексъ с. 346, письмо Сигизмунда у Пуласкаго № 116 и др.

4) У Пуласкаго доб. 120.

5) Corpus iuris polonici № 54, ср. Ваповскаго с. 100.

6) Корреспонденція въ Acta Tomiciana I ч. 136 и сл.

7) Ibid. № 204, 212.

8) Стрыйковскій II с. 362; о гиперболизмѣ этого извѣстія см. Пуласкаго с. 158—9.

9) Acta Tomiciana I № 240.

10) Zbiór praw litewskich с. 115 (дата исправлена у Любавскаго Сеймъ с. 189).

положеніи. Татары дѣйствительно показались подъ Брацлавомъ, но были разбиты¹⁾. Потомъ пошли слухи, что Татары идутъ на Кіевъ, и туда послано литовское войско²⁾. Въ концѣ концовъ орда повернула на Молдавію и это вызвало смятеніе на подольско-волынской границѣ; началась мобилизація шляхты, но дѣло кончилось какимъ то небольшимъ набѣгомъ Татаръ въ восточную Украину—тамъ разбилъ ихъ намѣстникъ овручскій Полозовичъ³⁾.

То обстоятельство, что годъ обошелся безъ большой бѣды отъ Татаръ, правительство считало результатомъ усиленной обороны, и на новый годъ (1512) проектировало новое ассигнованіе чрезвычайныхъ кредитовъ на охрану границъ, тѣмъ болѣе, что тревожные слухи постоянно приходили также и о Туркахъ⁴⁾. Но получить новые кредиты король не успѣлъ и остался безъ средствъ; тѣмъ временемъ уже къ веснѣ начали приходиться тревожные слухи о Татарахъ, и весною они, дѣйствительно, напали на Галицію съ большими силами (насчитывалось ихъ 20 тыс.). Пока подошли силы, стянутыя изъ польскихъ земель и Литвы, орда удалось сильно опустошить край. Въ концѣ концовъ ее разбили подъ Бишневцомъ и съ триумфомъ праздновали эту побѣду, но послѣдняя, разумѣется, не вернула разрушеннаго, избитаго, уничтоженнаго огнемъ⁵⁾. И вслѣдъ за ней вновь приходили вѣсти о новыхъ татарскихъ шайкахъ, показавшихся около границъ Украины, около Брацлава, и т. п.⁶⁾. Для татарской политики характернымъ былъ фактъ, что въ то самое время, какъ Татары опустошали Галицію, въ Кіевъ ѣхали ханскіе заложники, высланные въ обезпеченіе договора, а нападеніе на польско-литовскія земли, было, дескать, совершенно безъ вѣдома Менгли-гирая⁷⁾. Это одно давало понять, какъ мало можно было и въ будущемъ полагаться на прочность всѣхъ этихъ обѣщаній, обезпеченныхъ присягами, ежегодными „упоминками“ и, наконецъ, заложниками. И дѣйствительно въ Польшѣ и Литвѣ съ тревогою ждали новыхъ

1) Корреспонденція въ Acta Tomiciana I № 250—2, 260—3.

2) Ibid. № 211, ср. II № 6.

3) Acta Tomiciana I № 303, ср. Бонецкаго с. 252.

4) Acta Tomiciana II № 6.

5) Релиція Кшицкого въ Acta Tomis. II № 64 и другія письма тамъ же; Валовскій с. 106—8; Познанскій кодексъ с. 346 (заимствовано у Валовскаго); Децій с. 59—64.

6) Acta Tomis. II № 15, 79, 80, 81.

7) Pułaski dok. № 133.

нападеній. Приходили вѣсти, что Татары въ огромномъ количествѣ (40 тыс.) показались въ стѣнахъ. На „киевскихъ поляхъ“ былъ разбитъ небольшой отрядъ Татаръ подъ предводительствомъ внука Менгли-гирея, Алена. Набѣги и битвы повторялись на подольскихъ границахъ¹⁾. Между тѣмъ невозможно было добиться у сейма постоянныхъ кредитовъ на организацію обороны: шляхта крѣпко держалась за свои кошальки, сеймъ 1512 г. не возобновилъ кредитовъ, и пограничное коронное войско съ 2—3 тысячъ падаетъ до трехсотъ²⁾. Литовско-польское правительство, ссылаясь на заключенный трактатъ и недавно посланныя Менгли-гирею деньги, старалось всѣми силами обратить Татаръ на Москву, и это удалось дѣйствительно—ханъ предпринимаетъ нѣсколько походовъ на Сѣверскія земли (1513 и 1515); но эти татарскія операціи вблизи литовской границы всякій разъ вызывали опасенія, какъ бы при этомъ Татары не бросились и на украинскія земли Литвы, и литовское правительство просило, чтобы орда не располагалась вблизи литовскихъ границъ³⁾. Во время второго похода Татары съ помощью литовскаго войска (подъ предводительствомъ воеводы Немировича и каневского старосты Ост. Дашковича) сильно опустошили Сѣверскія земли, но одновременно татарская орда напала на Подолье и прошла подъ Теребовль, гдѣ наткнулась на польское войско и вернулась обратно⁴⁾. И позднѣе повторяется то же самое. Новый ханъ Магометъ, сынъ и наследникъ Менгли, умершаго весной 1515 г., увѣрялъ въ своей пріязни Польшу, ставилъ ее въ примѣръ московскому в. князю—какъ ему „и лѣтомъ и зимою золото плыветъ отъ короля, какъ рѣка непрестанно течетъ и для малыхъ; и для большихъ одинаково“. А одновременно его братъ Ахметъ изъ Очакова производитъ нападенія на польско-литовскія земли⁵⁾.

1516 годъ принесъ еще болѣе серьезный погромъ, душой котораго былъ, очевидно, самъ ханъ. „Этотъ хитрый язычникъ и отъ московскаго упоминки брать и обимъ помогать обѣщаль“, замѣчаетъ польскій лѣтописецъ. Получивъ значительныя

¹⁾ Acta Tomic. II ч. 88.

²⁾ См. т. V с. 329.

³⁾ Acta Tomiciana II № 226, 276, Пуласкій (выдержка изъ письма) с. 192.

⁴⁾ Децій с. 101, Валовскій с. 136—7, Вѣльскій с. 986.

⁵⁾ О татарскихъ отношеніяхъ этого времени еще Pułaski, Machmet Girej, chan Tatarów perekopskich (Szkice hist. II).

сумми изъ Москвы, онъ лѣтомъ вывелъ огромную орду на Галицію (считали ее въ 30—40 тыс. человекъ). Край былъ беззащитенъ, шляхту мобилизовать не успѣли во время и пока шли сборы и пересылки, Галиція и Подолье были предоставлены Татарамъ „на зарѣзъ“: весь край отъ Карпатъ до Люблина былъ страшно опустошенъ, въ неволю попали массы народу, а старыхъ и малыхъ, которыхъ нельзя было вести съ собою, Татары убивали на мѣстѣ. Шляхтянокъ знатныхъ родовъ, собиравшихся бѣжать, Татары повезли въ ихъ собственныхъ фургонахъ въ Крымъ, какъ не безъ горькой ироніи замѣчаетъ Полякъ-современникъ. Польское войско и мѣстное дворянство, собранные на скорую руку, могли разбить только нѣкоторые мелкіе отряды—главная масса Татаръ ушла безнаказанно, забравши огромное количество плѣнныхъ (считали ихъ въ 50 и даже въ 100 тысячъ), и гетманъ коронный съ имѣвшимися въ его распоряженіи двумя тысячами войска не считалъ возможнымъ вступать съ ними въ бой. Ходили слухи о новомъ походѣ вслѣдъ за этимъ, но на этотъ разъ они не подтвердились¹⁾. Но сильный голодъ, случившійся въ Крыму осенью того же года, заставилъ Татаръ предпринять новые набѣги. Массы ихъ стали собираться въ Черномъ лѣсу надъ Днѣпромъ. Король напрасно убѣждалъ хана обратить ихъ въ московскіе предѣлы. Тогда, подъ вліяніемъ недавнихъ несчастій рѣшено увеличить пограничное войско—до 1000 человекъ! Волынская шляхта была поголовно мобилизована на случай нападенія. Дѣйствительно, въ концѣ года Татары напали на подольскія земли и, раздѣлившись на четыре отряда, бросились въ окрестности Каменца, Летичева, Зинькова и Межибожа. Но такъ какъ на этотъ разъ ихъ ожидали, да и орда была, очевидно, не такъ велика, ее легко разгромили²⁾. Главная орда въ это время, во главѣ съ ханомъ, въ поискахъ корма для скота подошла къ подднѣпровскимъ поселеніямъ, и самъ ханъ предостерегалъ кievскаго воеводу отъ своей непослушной голытьбы³⁾. Вообще въ ордѣ замѣтна стала больше, чѣмъ когда-либо, дезорганизация—сыновья и братья хана распоряжались своевольно, и это въ придачу къ измѣннической политикѣ самого хана запутывало отношенія еще болѣе безнадежно. Часть орды кочевала по Днѣпру и держала

1) Децій с. 119, Ваповскій с. 141—2, Вѣльскій с. 989—90.

2) Децій с. 131—2, Ваповскій с. 144—7.

3) Acta Tomisiana IV № 221. Ср. № 265.

въ непрестанной тревогѣ украинскія земли. Другая внезапнымъ нападениемъ разбила пограничное польское войско (1517). Потомъ (въ ноябрѣ) Татары напали на волынскія и подольскія земли, но послѣ первой тревоги ихъ на этотъ разъ ждали—и нападеніе было отражено¹⁾.

Эти постоянныя нападенія принудили, наконецъ, шляхту въ началѣ 1518 г. раскошелиться на содержаніе болѣе значительнаго войска на юго-западной границѣ противъ Татаръ, въ числѣ трехъ тысячъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ выработанъ былъ уставъ объ очередной службѣ для обороны южной границы: Польша раздѣлялась на три части, и поочередно шляхта каждой части обязывалась лично или черезъ своихъ замѣстителей идти по первому требованію на охрану границъ²⁾. Возможно, что это напряженіе военныхъ силъ дѣйствительно обезопасило на этотъ годъ, по крайней мѣрѣ западную Украину: Татары отправились въ Молдавію, и тамъ подольское войско помогало Молдаванамъ бить Орду. Потомъ Татары напали на кievскіе и волынскіе края, но и тамъ ихъ разбили: одинъ отрядъ кн. Острожскій, другой Ост. Дашковичъ³⁾. Но вскорѣ недостаточность принятыхъ мѣръ въ случаѣ болѣе серьезныхъ татарскихъ нападений обнаружилась съ полной очевидностью. Въ іюль 1519 г. громадная татарская орда (40 тысячъ, какъ говорили) напала на земли побужскія—на Волинь, въ земли—Львовскую, Белзскую, Люблинскую и принялась опустошать ихъ. Пограничное подольское войско въ числѣ 3 тысячъ поспѣшило на помощь и, соединившись съ войскомъ гетмана литовскаго Острожскаго и шляхетскими силами, остановилось подъ Сокалемъ, чтобы разгромить Татаръ по крайней мѣрѣ при ихъ возвращеніи. Позиція для борьбы съ пѣлою ордой однако была очень неблагоприятна, и Острожскій противился этому плану; но польская шляхта не приняла во вниманіе его совѣтовъ. Произошла битва, и польско-литовское войско потерѣло полное пораженіе. Только небольшая часть его успѣла укрыться въ сокальскій замокъ, а Татары, забравъ трофеи—знамена и трубы, съ плѣнниками и добычею отправились во свояси черезъ Волинь⁴⁾.

Эта катастрофа произвела сильное впечатлѣніе въ Польшѣ.

¹⁾ Acta Tomiciana IV № 258, 261, 267, 270, Ваповскій с. 153.

²⁾ Congress iuris polonici № 192—194, ср. Ваповскій с. 153.

³⁾ Ваповскій с. 157.

⁴⁾ Реляція Томицкаго—Acta Tomic. V № 76, также королевскіе письма № 71—2, 73, Ваповскій № 159—162.

Король съ сенаторами рѣшили употребить все способы обороны, но въ концѣ концовъ не могли придумать ничего болѣе, какъ только объявить мобилизацію шляхты безъ предупредительныхъ извѣщеній и собрать новый трехтысячный контингентъ наемнаго войска для охраны южной границы. Однако и это ничтожное войско приходилось нанимать, какъ жаловался король, неизвѣстно на какія средства; шляхта, давъ согласіе на налогъ, не платила ничего, и уже предыдущій контингентъ былъ нанятъ на занятія деньги, а теперь снова нужно было искать займа, не зналъ даже, какъ его потомъ покрыть¹⁾). А ханъ, нанеся такой страшный ударъ, вновь начиналъ переговоры съ польско-литовскимъ правительствомъ, напоминая о неуплаченныхъ „упоминкахъ“ и искалъ разныхъ поводовъ для пререканій²⁾). И одновременно изъ Крыма шли вѣсти и слухи о планахъ новыхъ походовъ: что Татары пойдутъ вмѣстѣ съ Москвою завоевывать Кіевъ, или что они собираются снова идти на западную Украину, и т. д.³⁾).

Эти слухи тревожили тѣмъ болѣе, что силы Польши были отвлечены прусскою войною. На съѣздѣ воеводъ и старостъ, собранномъ въ октябрѣ 1520 г. во Львовѣ, принятъ былъ такой планъ обороны, утвержденный потомъ королемъ: Въ подоольскихъ земляхъ будетъ стоять войско, въ количествѣ 600 солдатъ (только!), подъ предводительствомъ главнаго своего коменданта каштеляна каменецкаго Яна Творовскаго, а каменецкій и хмѣльницкій старосты должны были по первому требованію идти имъ на помощь съ шляхтою и всякими другими силами,—какія только могли собрать. Як. Струсю, вмѣсто прежняго Стан. Лянцкоронскаго, поручено должность стражника—организация охраны и развѣдокъ; въ случаѣ опасности, на немъ лежала обязанность извѣщать воеводу русскаго, львовскаго старосту и люблинскаго воеводу, а тѣ, въ свою очередь должны были извѣстить всѣхъ старостъ, чтобы населеніе было на-сторожѣ и скрывалось въ безопасныя мѣста, сами же старосты со всеми силами, какія могли собрать, должны были спѣшить на помощь войску. Главный лагерь и артиллерія должны расположиться на галицко-волинской границѣ между Олеськомъ и Залозцами, при нихъ долженъ былъ находиться и гетьманъ. На помощь долженъ быть призванъ также и кн. Острожскій и воево-

¹⁾ Acta Tomiciana V № 78 и 81.

²⁾ Извлеченіе изъ письма у Пуласкаго Machmet-Girej с. 320.

³⁾ Acta Tomiciana V № 109 (с. 118), 110.

да молдавский¹⁾). Планъ былъ разсчитанъ такъ, чтобы въ продолженіи 3—4 дней могла быть произведена полная мобилизація всѣхъ силъ. Собственно говоря, онъ старался только урегулировать и закрѣпить практику обороны, выработавшуюся въ послѣдніе годы. При недостаточности военныхъ силъ вся надежда была на скорую и энергичную помощь со стороны дворянства. Припудить его къ этому было невозможно (обязанность военной службы существовала лишь въ в. кн. Литовскомъ), поэтому король въ специальномъ письмѣ поручалъ старостамъ земель Подольской, Русской, Белзской и Люблинской „красивыми и убедительными словами“²⁾ склонить мѣстное дворянство къ тому, чтобы оно въ случаѣ татарскихъ нападений вооружалось и спѣшило на помощь гетману.

Обстоятельства не дали возможности испытать надлежащимъ образомъ достоинства этой „ординаціи“. Правда, тревожныя вѣсти приходили изъ Крыма безпрестанно, и король объявилъ всеобщую мобилизацію³⁾, но татарскій набѣгъ произошелъ позднѣе. Это былъ довольно небольшой отрядъ (2 тыс.), успѣвшій однако произвести большія опустошенія, и только на обратномъ пути онъ подвергся нападенію войскъ и былъ разбитъ⁴⁾. Все это послужило довольно яркимъ свидѣтельствомъ убожества организаціи обороны вообще и сторожевой службы въ особенности, тѣмъ болѣе что и самъ новый стражникъ Струсь поплатился при этомъ головой.

Однако поворотъ въ крымской политикѣ предохранилъ украинскія земли на нѣкоторое время отъ болѣе значительныхъ погромовъ: ханъ Махметъ разорвалъ съ традиціонной политикой Гирсея. Онъ задумалъ взять подъ свою власть восточныя орды, прежде всего—Казань, и благодаря этому попалъ въ острый конфликтъ съ Московскимъ правительствомъ, державшимъ Казань подъ своимъ вліяніемъ, поэтому долженъ былъ больше цѣнить союзъ съ Польско-литовскимъ государствомъ. Онъ даже просилъ послать въ большой походъ на Москву, задуманный на лѣто 1521 г., вспомогательный полкъ съ воеводой Немировичемъ или Дашковичемъ, и Дашковичъ дѣйствительно участвовалъ въ этомъ походѣ, принесшемъ Московскому государству громадныя потери.

1) Corpus iuris polonici № 232.

2) Pulchris et compositis verbis —Acta Tomic. V № 283.

3) Acta Tomic. I № 284. 4) Ваповскій стр. 172.

Но и на Украинѣ литовско-польской отъ Татаръ спокойнѣе не стало. Чуть ли не во время самаго московскаго похода пятитысячная татарская орда напала на кievское Подѣсье, опустошила Мозырь, оттуда двинулась дальше на западъ, въ окрестности Пинска и Слуцка, все опустошая на своемъ пути, и, прежде, чѣмъ успѣли стянуть какія-либо силы противъ нихъ, Татары спокойно убралась во свояси¹⁾. И затѣмъ въ началѣ 1522 г. литовскіе послы (между ними извѣстный Дашковичъ) безпрестанно писали о намѣреніи Татаръ итти большимъ походомъ на литовско-польскую Украину²⁾, такъ-какъ ихъ къ тому склоняють подарками и Турей, и Москва. Подъ вліяніемъ этихъ тревожныхъ извѣстій, сеймъ утвердилъ кредиты и постановилъ держать въ подольскихъ земляхъ четырехтысячный отрядъ, а въ случаѣ нужды призвать шляхту ко всеобщему походу³⁾. Король къ лѣту дѣйствительно призвалъ шляхту ко всеобщему походу, назначивъ сборнымъ пунктомъ Мѣдыку, но шляхта не собралась и, вмѣсто похода, вышелъ одинъ скандалъ⁴⁾; въ довершеніе бѣды кредиты, утвержденныя сеймомъ, почти не поступали въ казну, и въ дѣйствительности подольскій отрядъ въ 1523 г. едва достигалъ тысячи⁵⁾.

Къ счастью Крымцы не явились (въ Польшѣ думали, что ихъ устранила мобилизація шляхты, хотя и неудачная)⁶⁾. Но зато этотъ годъ принесъ нападеніе на Подольскія земли Турокъ и бѣлгородскихъ Татаръ. Ихъ отрядъ произвелъ большія опустошенія въ подольскихъ земляхъ, проникъ въ Галицію, и начальникъ мѣстныхъ военныхъ силъ, довольно извѣстный пограничникъ. Сепегиневскій со своимъ полкомъ не отважился на нихъ напасть: позволилъ Татарамъ спокойно похозяйничать и затѣмъ уйти, оставшись пассивнымъ зрителемъ произведенныхъ опустошеній, какъ жаловалась шляхта⁷⁾. Затѣмъ лѣтомъ 1524 г. Турки повторили свой походъ съ большими силами (современникъ

¹⁾ Ваповскій с. 182. Извлеченія изъ неизданныхъ литовскихъ актовъ у Любавскаго, Сеймъ с. 221.

²⁾ Acta Tomis. VI № 20, 72, ср. № 107, 177 (с. 197).

³⁾ Ваповскій с. 186—7, Бѣльскій с. 1022, Corpus iuris pol. № 264.

⁴⁾ Acta Tomis. VI № 107 и 177. ⁵⁾ См. т. V с. 329.

⁶⁾ Acta Tomis. VI № 109.

⁷⁾ Ваповскій с. 191, ср. Acta Tomis. VI № 226, 257, 267 и VII № 21, 29, 44.

насчитываешь на 13 тыс.). На этотъ разъ вѣсти пришли заблаговременно, и тревога поднялась большая, тѣмъ болѣе, что охрана границъ была очень слаба, такъ какъ прошлогодній сеймъ не утвердилъ кредитовъ, и не было никакихъ средствъ для найма болѣе значительнаго войска. Король призывалъ шляхту, назначивъ сборный пунктъ между Буськомъ и Глинянами, а для большаго впечатлѣнія объявилъ, что самъ явится туда¹⁾. Великопольское дворянство уклонилось отъ похода, ассигновавъ взаменъ кредитъ²⁾; войска нанять было и некогда, да и денегъ сейчасъ все-таки не было. Собранные на скорую руку войско и шляхетскіе полки, созванные старостами, могли вести только партизанскую войну, напасть же на главные силы гетманъ не рѣшился, вызвавъ этимъ опять недовольство со стороны шляхты³⁾. Не успѣли еще успокоиться послѣ этого турецкаго набѣга, какъ подошли новыя тревожныя извѣстія: предсказывали новое нападеніе Турокъ; Дашковичъ доносилъ, что Татары, раздраженные нападеніемъ козаковъ на кафинскихъ купцовъ, грозятъ походомъ; изъ Литвы писали, что в. кн. московскій хочетъ начать блокаду Кіева и построить подъ нимъ свои укрѣпленія⁴⁾. Въ самомъ дѣлѣ, громадная татарская орда (считали ее въ 40 тыс.), подъ предводительствомъ двоюроднаго брата новаго хана, двинулась на Украину. Начала на Волынь, оттуда на Галицію, расположилась таборомъ подъ Мостисками, а отдѣльные отряды раскинулись по западной Украинѣ. Король разослалъ указы коронному дворянству собраться подъ Сандомиръ, призывалъ городскую милицію, мобилизовывалъ Литву, во главѣ шляхты самъ пошелъ къ Львову; но Татары своевременно ушли со всей добычей, а Конст. Острожскій хотя и догналъ ихъ, но со своими небольшими силами не отважился напасть на нихъ⁵⁾.

Эти опустошенія довели населеніе до отчаянія. Земля Подольская, Галицкая, Львовская и даже Перемышльская были страшно разорены. „Вся Русь опустошена огнемъ и мечомъ“.

¹⁾ Acta Tomic. VII № 21 и 23, стр. 28, 30.

²⁾ Acta Tomic. VII № 31 и 36, стр. 24.

³⁾ Ваповскій с. 194. У Бѣльскаго этотъ походъ соединенъ съ предыдущимъ (с. 1027).

⁴⁾ Acta Tomic. VIII № 51.

⁵⁾ Acta Tomic. VII № 44, 49, 50, 51, 60—1, 74. Док. архива юстиціи I с. 518—20. Ваповскій с. 195—6. Познанскій кодексъ с. 349.

читаемъ въ письмѣ очевидца,—такъ какъ и Перемышльская земля, до сихъ поръ еще не захваченная, этимъ вторымъ татарскимъ набѣгомъ обращена въ пепель; безконечныя массы людей и скота уведены; уцѣлѣлъ мало кто,—кому удалось укрыться въ лучшіе укрѣпленныхъ мѣстахъ или крѣпостяхъ. Подольская земля послѣ ухода Турокъ прислала къ его кор. величеству пословъ, оплакивая свои несчастія, и даже заявила, что она уже почти готова подчиниться первому сильнѣйшему врагу, такъ какъ дошла до послѣдней крайности¹⁾.

Новый татарскій погромъ имѣлъ мѣсто въ 1526 г., и, по словамъ современника, былъ устроенъ султаномъ, какъ диверсія въ интересахъ турецкой кампаніи въ Венгріи. Онъ вызвалъ сильнѣйшую тревогу²⁾. Хотя на сеймѣ 1525 г. былъ разрѣшенъ налогъ на содержаніе войска въ теченіе двухъ лѣтъ, но эти мѣры обороны, какъ пояснилъ король, могли быть достаточны только противъ мелкихъ нападений: „испытывая это несчастіе почти ежегодно, мы не постарались со своей стороны противопоставить ему ничего, сколько-нибудь соответствующаго и вѣрнаго для его предотвращения“. Было создано шляхетское ополченіе, между тѣмъ Татары опустошали Волынь, Белзскую и Люблинскую землю и успѣли убраться прежде, чѣмъ правительство успѣло стянуть какиа-либо болѣе значительныя силы³⁾. Затѣмъ они повторили свой походъ зимой съ 1526 на 1527 годъ. На этотъ разъ Татары прошли въ Полѣсье до Пинска по замерзшимъ рѣкамъ и болотамъ, проникая въ самые неприступныя и защищенныя мѣста. Они самымъ ужаснымъ образомъ опустошили эти края, забрали массу добычи и, возвращаясь, приближались уже къ Дибѣру, какъ недалеко отъ Кіева, подъ Олышаницею, догналъ ихъ Конет. Острожскій съ волынскими силами и, напавъ врасплохъ, сильно разгромилъ и отбилъ у нихъ плѣнныхъ (ихъ считаютъ на 40 тыс.!)⁴⁾. Этотъ успѣхъ вызвалъ чрезвычайную радость и торжество въ Польшѣ и Литвѣ, былъ то послѣдній громкій триумфъ волынского героя, „summi cum Tartaris belli gerendi imperatoris“, какъ

¹⁾ Acta Tomic. VIII № 44.

²⁾ Ср. Acta Tomic. IX № 50.

³⁾ Ваповскій с. 218, Acta Tomic. VIII № 70—3, 313—3 и IX № 202.

⁴⁾ Acta Tomiciana IX. № 49—51, 56, 147. Ваповскій с. 218. Бѣльскій с. 1040 (здѣсь снова два татарскихъ нападенья соединены въ одно). Познан. кодексъ с. 350.

называли его въ Польшѣ,—но въ концѣ концовъ утѣшеніе за понесенныя разоренія давалъ онъ слишкомъ слабо.

Лѣтомъ снова поднялась сильная тревога, такъ какъ татарская орда двинулась подъ Бѣлгородъ и ее вновь ожидали на Украинѣ. Король созвалъ шляхетское ополченіе. Но Татары, кажется, не пришли—по крайней мѣрѣ не осталось слѣдовъ какого-либо болѣе или менѣе значительнаго нападенія ихъ¹⁾. Затѣмъ 1528 годъ отмѣченъ небольшимъ нападеніемъ Татаръ на Подольскія земли—ихъ отрядъ, около тысячи коней, былъ разбитъ польскими солдатами подъ Каменцемъ²⁾, а въ концѣ этого года имѣлъ мѣсто походъ старостъ изъ коронной и литовской Украины подъ Очаковъ,—но объ этихъ козацкихъ походахъ я вообще буду говорить ниже. Въ Крыму тогда происходили междоусобія между потомками Менгли-гирея (они продолжались съ перерывами до 1551 года, когда былъ уничтоженъ весь родъ Салбъ-гирея, и ханство взялъ въ свои желѣзныя руки Девлетъ-гирей). Одинъ изъ претендентовъ, Исламъ-султанъ, искалъ помощи и убѣжища на Украинѣ и обязывался даже оберегать украинскія границы³⁾. Эти крымскія междоусобія были, вѣроятно, причиною нѣкотораго ослабленія татарскаго натиска въ этихъ годахъ, хотъ и не обезпечили, разумѣется, полнаго спокойствія⁴⁾. Сеймъ 1529 г., подъ впечатлѣніемъ страшныхъ опустошеній 1526 г. и новыхъ тревожныхъ извѣстій, утвердилъ новый налогъ на содержаніе войска. Но о нападеніяхъ въ этомъ году ничего не знаемъ. Зато украинскіе пограничники съ короннымъ войскомъ предприняли новый походъ на Очаковъ, окончившійся весьма плачевною катастрофою—польское войско погибло въ этой экспедиціи. Ждали по этому случаю новаго нападенія Орды, но все обошлось благополучно⁵⁾. Лишь въ 1530 г. осенью, какъ говорили,—вслѣдствіе вѣстей о смерти стараго сторожа литовскихъ границъ, кн. Острожскаго, Татары напали на Литовскую Украину; но на Волнѣ разбилъ ихъ сынъ Константина, кн. Илья, а кіевскій воевода Немировичъ съ нѣсколькими другими князьями гнался за Татарами до самаго Днѣпра и сильно ихъ потрепалъ. Но это былъ небольшой татарскій отрядъ⁶⁾. Грознѣе былъ молдавскій походъ

1) Acta Tomiciana IX № 202, 214, 215, 218, 222—3.

2) Ваповскій с. 223.

3) Acta Tomiciana XII. № 186.

4) Acta Tomic. XI № 1.

5) Acta Tomiciana XI № 303 и 314.

6) Acta Tomiciana XII № 312 и 331.

въ концѣ этого года: онъ захватилъ Покутию, грозилъ Каменцу и Львову и вызвалъ сочувственное движеніе среди мѣстнаго украинскаго населенія¹⁾.

На этомъ я прерву обзоръ нападений и опустошеній, переживавшихся Украиной. Въ собранныхъ выше извѣстіяхъ главнымъ образомъ фигурировала западная Украина—земли Подольскія, Галицкія и Волынскія. Это въ значительной мѣрѣ зависитъ оттого, что извѣстія наши приходилось почерпать главнымъ образомъ изъ польскихъ источниковъ. Но и этотъ перечень нападений и опустошеній даже для западной Украины, безъ сомнѣнія, не полонъ: въ дѣйствительности она испытала ихъ еще больше. И такими же „почти ежегодными врагами“²⁾, какими были Татары для Подольскихъ земель, они были и для приднѣпровской Украины. Если въ западную Украину ихъ привлекала надежда на болѣе богатую добычу, такъ какъ это былъ сравнительно густозаселенный и болѣе зажиточный край, то восточная Украина привлекала меньшимъ рискомъ, большей безнаказанностью нападений, и сюда должны были особенно часто направляться мелкіе татарскіе отряды.

Въ западной Украинѣ болѣе густое населеніе и среди послѣдняго—многочисленное, хорошо вооруженное дворянство—представляло солидную оборонительную силу, да и правительство прилагало здѣсь болѣе стараній для защиты края. Правда, въ концѣ концовъ эти оборонительныя старанія очень недостаточно защищали и эти западныя области. Въ результатѣ всѣхъ этихъ энергическихъ мѣръ (дѣйствительно, сравнительно энергическихъ) примѣнявшихся на протяженіи четверти столѣтія и королемъ, и его сенаторами, и сеймомъ (столько разъ, не смотря на свое крайнее нерасположеніе, принимавшимъ чрезвычайныя налоги „на защиту Украины“) и шляхетскимъ населеніемъ какъ мѣстнымъ, такъ и сосѣднимъ короннымъ, и администраціей—все таки „вся Подольская земля и большая часть Руси (Галицкой) оставалась совершенно опустошенной“, такъ что и Татарамъ въ концѣ концовъ было трудно на ней чѣмъ-либо поживиться, по словамъ современниковъ. Правда всѣ мѣры обороны сводились въ концѣ концовъ къ безконечному обращенію въ безвыходномъ кругу. Содержанію наемнаго войска являлось палліативомъ, такъ какъ на дѣй-

¹⁾ См. т. VI моей Исторіи України с. 243.

²⁾ Такъ называетъ ихъ Вязовскій подъ 1530-мъ годомъ (с. 250).

ствительно значительное войско не хватало средств, а полкъ въ какихъ-нибудь 1000—1800 солдатъ не могъ защитить отъ сколько-нибудь серьезнаго нападенія; приходилось усиливать его шляхетскимъ ополченіемъ, но это послѣднее обыкновенно обнаруживало лишь свою полную непригодность къ борьбѣ съ такимъ подвижнымъ врагомъ, какъ Орда, а вслѣдствіе частыхъ призывовъ шляхта по-просту переставала имъ повиноваться, собираясь въ походъ крайне медленно и не въ полномъ составѣ. И чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе горькіе упреки вызывала со всѣхъ сторонъ эта организація обороны. Шляхта упрекала правительство, что оно не въ состояніи организовать сколько-нибудь сносной обороны, несмотря на огромные поборы съ населенія. Король и его сенаторы упрекали шляхту въ томъ, что она лѣниво выступаетъ въ походы и неохотно назначаетъ кредиты, а, назначивъ, не уплачиваетъ налоговъ. Упрекали администрацію, начальниковъ пограничнаго войска, которые не могутъ уберечь населеніе отъ Татаръ. Начальникамъ приходилось вопіять на неаккуратность государственной казны въ выдачѣ утвержденныхъ суммъ и сплошь да рядомъ изъ-за недостатка денегъ распускать своихъ солдатъ, оставляя границы почти безъ всякой защиты.

Въ восточной Украинѣ дѣло обстоило гораздо проще. Правительство ограничивалось тѣмъ, что содержало на свои средства, по мѣрѣ надобности ремонтировало и вновь отстраивало нѣсколько замковъ, служившихъ передовыми сторожевыми пунктами въ этой „украинѣ“, и содержало небольшой отрядъ войска въ Приднѣпровьи—въ Кіевѣ, отчасти въ Каневѣ и Черкасахъ, для защиты этихъ замковъ отъ болѣе серьезныхъ нападеній Татаръ. Въ остальномъ оно оставляло эти земли на волю божію и на промышленіе самого мѣстнаго населенія, въ полномъ сознаніи своего безсилія и беспомощности сдѣлать для его безопасности что-нибудь больше.

Государственные, великокняжескіе замки становились такимъ образомъ единственной гарантіей безопасности, предоставляемой мѣстнымъ краямъ государствомъ, единственной опорой колонизаціи, единственнымъ приближеніемъ мѣстнаго населенія. Въ виду такого значенія ихъ для колонизаціи и вообще для всей жизни этихъ огромныхъ пространствъ, упомянутые замки заслуживаютъ особеннаго вниманія. Къ нимъ стоитъ присмотрѣться, чтобы оцѣнить, что они могли давать и давали мѣстной жизни и мѣстному населенію. А такъ какъ съ середины XVI в. мы имѣемъ подробныя

описанія этихъ окраинныхъ замковъ, дающія ясное представленіе объ ихъ внѣшнемъ видѣ, устройствѣ, стратегическомъ и колонизационномъ значеніи, то слѣдуетъ нѣсколько ближе ознакомиться съ ними, тѣмъ болѣе, что это пролетъ свѣтъ на колонизационныя и всякія иныя условія мѣстной жизни вообще¹⁾. Поэтому пелишнимъ будетъ нѣсколько войти въ подробности военной и фортификаціонной замковой организаціи.

Отъ фортификаціонныхъ приемовъ, способовъ постройки и обороны этихъ украинскихъ замковъ XVI в. вѣдетъ старой традиціей, и такими, какими мы видимъ ихъ въ срединѣ XVI в., они безъ сомнѣнія были не только въ началѣ этого столѣтія, но и гораздо раньше. Это былъ старорусскій городъ, лишь очень медленно приноравливающийся къ современнымъ способамъ войны, пушечной и ручной стрѣльбы и т. п., тѣмъ болѣе, что главный непріятель, съ которымъ приходилось считаться,—татарская орда обыкновенно пользовалась тѣми же боевыми приемами, какіе употребляли и кочевые насильники старорусскихъ временъ.

Главную роль въ фортификаціонныхъ средствахъ играла неприступность позиціи—высокая крутая гора, окруженная рвами, по возможности наполненными водой. Великокняжескій ревизоръ такъ описываетъ найденное имъ пригодное для замка мѣсто:

¹⁾ Имѣемъ двѣ серіи описаній замковъ кіевскихъ и брацлавскихъ земель, первую отъ 1545 г., вторую отъ 1552. Первая, извѣстная намъ въ полномъ составѣ, охватываетъ замки: владимирскій, лудвій, кременецкій, винницкій, брацлавскій и житомирскій; она издана цѣлкомъ, но со старой копіи, переписанной латинскимъ письмомъ, въ *Źródła dziejowe* т. VI (отдѣльныя описанія, въ копіяхъ также болѣе позднихъ и неисправныхъ—въ *Памятникахъ кіев. ком. IV* и *Архивѣ Ю. З. Р. VI. I* и *VIII*). Оригинальный текстъ въ *Литов. Метригѣ, IV A № 4*. Изъ другой серіи имѣемъ замки: лудвій, владимирскій, кременецкій, винницкій, брацлавскій, житомирскій, овручскій, кіевскій, чернобыльскій, мозырскій, остерскій, каневскій и черкасскій; всѣ они, за исключеніемъ описи владимирскаго замка, неопубликованной до сихъ поръ, изданы въ *Архивѣ Юго-зап. Рос. ч. IV. I, ч. VII. I* и *II* (однако также не всегда исправно). Оригиналъ не сохранился, онъ очевидно, очень скоро обветшалъ и былъ переписанъ на-ново въ 1598 г. (эта копія въ *Литов. Метригѣ IV A № 6*). Эти двѣ серіи въ суммѣ представляютъ незамѣнимый источникъ при изученіи внутренней исторіи Волыни и особенно восточной Упраны; для последней это самый главный источникъ для изученія ея жизни въ половинѣ XVI в. Однако между обоими серіями описаній есть значительная разница въ составѣ и кругѣ извѣстій: первая писана больше въ формѣ

„одинъ лугъ протянулся между Бугомъ, какъ шея—съ одной и съ другой стороны обмываетъ его рѣка, только на 50 саж. отошла рѣка отъ рѣки; если бы на Бугѣ устроить прудъ, а на этомъ перешейкѣ выкопать два либо три рва наполнивъ ихъ водою изъ Буга), то вышелъ бы очень сильный замокъ, котораго нельзя было бы подкопать, ни стрѣлять на него изъ пушекъ ни съ какой стороны невозможно; и на пристройку при немъ города есть очень пригодное ровное мѣсто, не такое, какъ теперь (въ Винницѣ), гдѣ изъ замка не видно всего города, а изъ города замка“¹⁾. Подъемный мостъ соединялъ замокъ съ городомъ и служилъ въѣздомъ. Укрѣпленія замковъ во всей восточной Украинѣ были деревянные; здѣсь въ точности сохранилась древне-русская техника „срубовъ“. Стѣны замка составлялись изъ отдѣльных „городень“, т. е. деревянныхъ срубовъ, отъ 1¹/₂ до 3¹/₂ саж. въ длину, наполненныхъ землей; чтобы предохранить отъ огня, ихъ смазывали толстымъ слоемъ глины. На нихъ дѣлался деревянный помостъ (бланки) съ парапетомъ, съ продѣланными для стрѣльбы отверстиями (подсябитья) и крышей отъ дождя. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ надъ линіей „бланкованій“ подымались башни, такія же деревянные, срубленные изъ брусельвъ. На бланкахъ и въ башняхъ стояли пушки, лежали различныя артиллерійскіе и всякіе другіе припасы—куски дѣрева, камни, трезубые шины, предназначенныя для сбрасыванія на неприятеля во время приступа; стояли корыта съ водою на случай

связнаго отчета, особенно останавливается на правахъ дворянскаго землевладѣнія, но при этомъ даетъ много бытовыхъ подробностей. Вторая болѣе схематична, сообщаетъ подробности больше всего о состояніи укрѣпленій, припасовъ, доходовъ администраціи и обязанности населенія. Материалъ изъ нихъ, касающійся устройства замковъ, выбранъ мною въ статьѣ (моей первой научной работѣ): Южнорусскіе господарскіе замки въ половинѣ XVI в., 1890 (изъ кiev. Университ. Извѣстій). О самихъ ревизіяхъ, результатомъ которыхъ были эти описанія,—Д. Запольскій, Очерки по исторіи зап. русскаго крестьянства, с. 168 и сл. Отъ болѣе ранняго періода имѣемъ краткія описанія нѣсколькихъ замковъ: Житомиръ, Чудновъ и Винница въ извѣстныхъ фрагментахъ переписи кievскихъ земель XV в.; инвентарь Кременца безъ даты въ актахъ 1480-хъ гг. надъ у Любавскаго Обл. дѣленіе, прил. 1; описаніе Овруча 1519 г.—Архивъ Ю. З. Р. VII, II № 5; цитированная выше записка о кievскомъ замкѣ — Źródła Grabowskiego и Пшездзенскаго т. II.

¹⁾ Źródła dziejowe VI с. 111.

пожара. Изъ середины замка въ „городниаъ“ были пристроены избы и амбары, служившіе мѣстомъ убѣжища для мѣстныхъ людей. По старой традиціи „городниаъ“ были распределены между мѣстнымъ населеніемъ—помѣщиками, мѣщанами, сельскими обществами („людьми господарскими, менцаны и волощаны и людьми князскими, паньскими и боярскими“) ¹⁾ и лица обязанныя строить и содержать въ порядкѣ известную „городню“, могли устраивать въ ней амбары и кладовыя, въ которыхъ прятали свое имущество ²⁾. Болѣе значительные землевладѣльцы имѣли въ замкѣ свои особыя подворья. Но замки были невелики, и все въ нихъ жалось другъ къ другу очень тѣсно. Овруцкій замокъ, напр., имѣетъ 66 саж. въ длину и 43 въ ширину, житомирскій 62×55 саж., остерскій 37×31, другіе еще меньше: каневскій 45,5×18, винницкій 24×23, черкасскій 30×17, черныбыльскій 22×17.

Размѣры большаго числа замковъ не превышали размѣровъ обыкновенной усадьбы—четверть десятины; или еще меньше. Въ такомъ замкѣ не могло найти защиты значительное количество людей; не могло быть рѣчи о продолжительномъ сопротивленіи въ такой давкѣ и тѣсотѣ. Замокъ могъ дать убѣжище только населенію своего города и ближайшихъ окрестностей, чтобы переждать внезапный скоропреходящій набѣгъ Татаръ,—и то не всегда. Брацлавскій замокъ, замѣчаетъ ревизоръ, „великъ есть малый, не водлугъ достатку людей—не только половина ихъ, але и третая часть въ статки своими часу пригоды не могутъ ся умѣстити“ ³⁾. Различныя неурядицы еще болѣе увеличивали неудобства и уменьшали

¹⁾ Для примѣра, каково было распределеніе этой старой городской работы, приведу такую роспись г. Овруча: „всѣхъ городень въ замкѣ 61, изъ этого числа большую половину строить и содержать мѣстные помѣщики (по 2 и по 3 каждый), нѣсколько городень строить бояре и мелкіе собственники „со своими поплечниками“ по одной городнѣ; одну строить овруцкіе пошы, одну—овруцкіе вунцы-кунчиники, одна городня козацкая, семь строить „люди господарскіе“ (великокняжескіе врестьяне). — Архивъ VI. I с. 36—7.

²⁾ Земляне и мещане повидили: хтоколькокъ себе на которой стороне городню обиметь и двери вроблетъ и сховажье будетъ въ ней мети, той вжо повиненъ будетъ тую городню направовати, верхъ накрывати, камене и колодки ку обороне на ней мѣти и глыбою обмазовати“ — Архивъ VII. I с. 126 (Житомиръ).

³⁾ *Żródła* VI с. 120.

значеніе замка, какъ надежной гарантіи безопасности. Въ томъ же Брацлавскомъ замкѣ для одного изъ предмѣстій въѣздъ былъ настолько затруднителенъ, что приходилось объѣзжать болыше четверти мили и, и въ случаѣ опасности, нельзя было быстро скрыться въ замокъ. Въ Житомирѣ изъ-за споровъ, кто долженъ выстроить въѣздный мостъ, городъ или староста, — замокъ стоялъ безъ моста, такъ что въ него почти невозможно было пробраться: „не только возомъ въ замокъ не можетъ приѣхать, але и пѣшому трудно на взводъ взыйти, аниж поползкомъ“, и люди во время тревоги „въ такой нерадности мусягъ до лѣсу втекти¹⁾. Винницкій былъ такъ плохо и непрочно построенъ, что „не толко людемъ въ часъ пригоды отъ навалнаго непріятели негдѣ заперти ся и оборони одколь вчинити, але и быдла страшно заперти“²⁾. Замки построенные изъ дерева, безъ примотра, иногда не обмазанные даже глиной, гнили и разрушались очень быстро, и жалобы на плохое состояніе замковъ составляютъ постоянный мотивъ этого времени: населеніе и мѣстная администрація старались свалить постройку и починку замковыхъ укрѣпленій на правительство, страдая татарской опасностью и оправдываясь своимъ безсильемъ что-либо сдѣлать, а правительство, въ свою очередь, всеми мѣрами старалось свалить все это на плечи мѣстнаго населенія.

Но конструкціонными недостатками вопросъ не исчерпывался. Чтобы замокъ могъ служить гарантіей безопасности, необходимо было, чтобы населеніе заблаговременно предупреждалось объ опасности, иначе оно не имѣло возможности укрыться въ замкѣ. Этой цѣли служила стража „замковая“ и „полевая“. Спеціальные „сторожа“ и „кликуны“, наряжавшіеся мѣстнымъ населеніемъ или содержавшіеся изъ налоговъ, собираемыхъ вмѣсто натуральной службы („сторожовщина“ и „кликвщина“), должны были ходить по замковому „бланкованью“ и наблюдать за появленіемъ непріятели. Затѣмъ на извѣстныхъ урочищахъ, на путяхъ, излюбленныхъ Татарами, на курганахъ или искусственныхъ вышкахъ („на сохахъ“) стояли сторожа, имѣя при себѣ коней, и подстерегали Татаръ, чтобы своевременно дать знать населенію объ ихъ приближеніи. Это было также повинностью населенія, довольно тяжелой, такъ что ее примѣняли главнымъ образомъ только „водлугъ часовъ потребы“ — во время полевыхъ работъ, или „кды ся

¹⁾ Ibid. с. 119, 120, 137.

²⁾ *Źródła* VI с. 111.

внестерегаютъ людей непріятельскихъ“¹⁾). Но не всегда сторожа оказывались на мѣстахъ, когда была въ нихъ надобность, и время отъ времени все повторяется та же исторія: Татары неожиданно захватили тотъ или иной замокъ, такъ какъ полевой сторожи не было. „Жили безопасно въ то время въ виду перемирія нашего государя съ Татарами и Турками“, рассказываетъ ревизоръ о брацлавской катастрофѣ 1551 года, „и полагались на то, что недавно и комиссары выѣзжали на ихъ границы, и послы перекопскаго хана были въ то время у нашего короля для переговоровъ о мирѣ и сноукійствіи; поэтому не заботились о людяхъ непріятельскихъ, не развѣдывали о нихъ, жили безъ опаски, и не имѣли никакой стражи ни въ полѣ, ни въ острогѣ (при городскихъ укрѣпленіяхъ), и староста въ ту пору куда-то выѣхалъ“. И вотъ среди такой безопасности неожиданно нагрянулъ крымскій ханъ Девлетъ, и переночевавъ подъ Брацлавомъ въ трехъ миляхъ, на разсвѣтѣ внезапно подступилъ къ замку, безъ труда взялъ его и разрушилъ²⁾). Такъ какъ не было какой-либо организованной сигнализациі, не было общей организаціи развѣдокъ, и каждый замокъ долженъ былъ думать самъ о себѣ, высылая своихъ сторожей на татарскіе „шляхи“, то даже въ тѣхъ случаяхъ, когда полевая стража функционировала исправно, отъ нея немного было толку. „Стража не особенно нужна“, доказывали наученные горькимъ опытомъ Житомирцы, „такъ какъ никогда она не замѣтитъ во время, а если даже и подстережетъ Татаръ, то не успеетъ доскакать до замка прежде Татаръ“. Это и понятно, такъ какъ эта стража стояла на татарскомъ „шляху“ въ двадцати миляхъ отъ своего замка. Въ концѣ концовъ, даже въ лучшемъ случаѣ вѣсть о Татарахъ приходила обыкновенно въ послѣднюю минуту передъ ихъ нападеніемъ, и надо было спѣшить изо всѣхъ силъ, чтобы успѣть укрыться въ замокъ. Такъ что если брацлавскимъ мѣщанамъ приходилось объѣхать какую-нибудь треть мили, чтобы попасть въ замокъ, то это считалось уже положеніемъ опаснымъ, почти безнадежнымъ: „не могутъ ся такъ далеко къ замку люди з статки своими посѣштити и сами в руки непріятелю увойдутъ“³⁾).

Наконецъ подрывала стратегическое и колонизаціонное значеніе замковъ слабость ихъ военныхъ силъ. Артиллерія была

¹⁾ Архивъ VII. I. с. 81, 144, 608. IV с. 40.

²⁾ Архивъ VII. II с. 20.

³⁾ *Źródła dz.* VI с. 120.

невелика, чаще всего содержалась плохо, слабо обслуживалась; за исключением Киева, больше богатого артиллерией, замки имѣли по 4—5 пушекъ, а житомирскій и винницкій имѣли только по 2—3, да и тѣ были негодны къ употребленію: въ Житомирѣ пушки, испорченныя во время пожара 1520-хъ годовъ, такъ и лежали совсѣмъ безъ употребленія въ 1540-хъ и 1550 г.г.¹⁾, и реляціи ревизоровъ ничему не помогали.

Военные гарнизоны встрѣчаются только въ нѣкоторыхъ замкахъ и то лишь временами. Во время ревизіи 1552 г., напримѣръ, былъ отрядъ солдатъ въ Киевѣ и 100 „драбовъ“ (наемныхъ солдатъ) въ Черкасахъ. Затѣмъ военную силу замковъ составляли старостинскіе слуги, число ихъ бывало очень различно (больше всего отмѣчено ихъ въ Черкасахъ—61, въ Каневѣ—46, но въ Житомирѣ только 11), да нѣсколько пушкарей-специалистовъ. Но безъ постоянного гарнизона значеніе замка сводилось къ шпітш-у. Жители Брацлава, доказывая необходимость возобновленія звенигородскаго замка, въ цѣляхъ восстановленія стараго пути изъ Брацлава въ подніпровскіе замки, считаютъ совершенно необходимымъ для восстановленія былого сообщенія и колонизаціи размѣщеніе постоянныхъ военныхъ гарнизоновъ. „Для всего этого, прежде всякихъ иныхъ нуждъ просятъ, чтобы наемное войско („люди пенежныи“) стояло здѣсь постоянно, чтобы и зимой, и лѣтомъ ихъ здѣсь держали. А теперь непріятель не боится, и, какъ только наемное войско уходитъ, приходятъ Татары и грабятъ. А если бы наемное войско здѣсь стояло постоянно, то и замокъ звенигородскій можно было бы безопасно построить, и села могли бы основаться, и староста, и урядники его были бы въ безопасности отъ здѣшняго непріятели. И козаки не смѣли бы ходить въ турецкія земли и заирать ихъ—такъ какъ и теперь козаковъ нельзя было бы остановить, еслибы не „люде пенежныи“.

Такимъ образомъ замокъ самъ по себѣ представлялся мѣстнымъ людямъ очень проблематической защитой: даже возобновленіе звенигородскаго замка само по себѣ безъ военного гарнизона они считали мало возможнымъ. Дѣйствительно, еще замки,

¹⁾ По описи XV в. въ Житомирѣ были „четыре пушки великихъ, а пять тараницъ“ (Архивъ VII. II. с. 5), а въ 1546 г.—одна дырявая пушка, два серпентина, точно также непригодныхъ для стрѣльбы, и никакихъ въ нихъ припасовъ; тоже самое и въ 1552 г.

лежавшіе на Днѣпрѣ и пользовавшіеся большими заботами правительства, въ первой половинѣ XVI в. содержались нѣсколько лучше и обладали большими военными средствами¹⁾. Но на линіи кіевско-волынскаго и брацлавскаго пограничья совсѣмъ было плохо: тѣсный и мало доступный для своихъ брацлавскій замокъ, чрезвычайно плохой и лишенный всякой артиллеріи выщипкій (здѣсь у одной пушки „конецъ оторвался“, а изъ другой пушки „небезпечно есть стреляти“) и, наконецъ, еще болѣе оригинальный житомирскій—недавно отстроенный на государственныя средства, но много лѣтъ совершенно недоступный для мѣстнаго населенія изъ-за отсутствія моста²⁾, при томъ крайне бѣдный средствами обороны: еще въ 1552 г. послѣ всѣхъ донесеній предшествовавшихъ ревизоровъ было въ немъ только всего „дельце спижное—две дыры в немъ“ да „сарпатиновъ железныхъ старыхъ, горилыхъ вже три разы, негожихъ ку стрельбѣ—два“, а изъ третьяго также нельзя стрѣлять, такъ какъ онъ не окованъ, и такихъ же непригодныхъ пушекъ—13³⁾. Катастрофа, разразившаяся надъ Брацлавомъ въ 1551 г., обнаружила наглядно дѣйствительность этихъ замковъ, и вполнѣ подтвердила справедливость доводовъ брацлавскихъ жителей въ 1545 г., что безъ военныхъ гарнизоновъ здѣшніе замки ничего не стоятъ. Снарядивъ неожиданнѣйшій походъ на Украину съ турецкимъ войскомъ и пушками, ханъ захватилъ брацлавскій замокъ врасплохъ совершенно беззащитнымъ: люди были на работахъ, въ пасѣкахъ и на поляхъ, въ замокъ укрылись лишь женщины и дѣти, мужчинъ было только 50, и то, большею частью непригодныхъ для обороны. Турки сначала обстрѣливали замокъ, затѣмъ пошли на приступъ, но, узнавъ что въ замокъ нѣтъ воды, прекратили штурмъ, въ полной увѣренности, что замокъ все равно сдастся. Замокъ, дѣйствительно, на третій день сдался, и ханъ забралъ всѣхъ съ собою въ плѣнъ, сжегъ

¹⁾ Впрочемъ и здѣсь напр. каневскій замокъ, спустя 13 лѣтъ послѣ его постройки, былъ уже въ такомъ состояніи, что на немъ „трудно не только оборона, але и сторожа, бо немкая вже ходити по бляньбахъ: што не попадало, и то ледви отъ витру колышетъ ся“ (Архивъ VII. I. с. 92). А въ послѣдней четверти столѣтія былъ въ такомъ же плачевномъ состояніи и столичный замокъ кіевскій.

²⁾ Мѣстнае однако стойчески перенесли это неудобство и добились, что наконецъ былъ сооруженъ мостъ на средства государственной казны.

³⁾ Архивъ VII. I. с. 142.

замокъ и городъ и ушелъ во свояси. Люди, оставшіеся внѣ замка, захваченные неожиданнымъ нападеніемъ, укрывались въ лѣсахъ, но Татары большею частью переловили и ихъ.

„Осталось всего около 200 душъ, избѣжавшихъ опасности, и они и теперь на томъ же мѣстѣ сидятъ и ждутъ, пока замокъ на-пово отстроятъ, желая вновь поселиться на своихъ отчинныхъ земляхъ въ виду великихъ тамошнихъ корыстей“, заканчиваетъ свое описаніе ревизоръ¹⁾.

Такими, какими мы ихъ только что видѣли, замки восточной, литовской Украины (а такими болѣе или менѣе были и замки коронного пограничья) не могли имѣть большого колонизаціоннаго значенія—а лишь стратегическое. Они скорѣе имѣли характеръ укрѣпленныхъ пунктовъ на какой-нибудь вражеской территоріи, имѣвшихъ цѣлью обезпечить сношенія, слѣдить за движеніями врага, гарантировали—хоть и не очень надежно, кое-какую безопасность для своего гарнизона и кучки населенія, ютившагося подъ ихъ защитой, но вовсе не господствовали надъ территоріей. Для этого они были слишкомъ слабы и беспомощны, какъ мы видѣли. Все осѣдлое населеніе жметоя къ самому замку, выходя только на работу, или на степные промыслы, но и подъ охраною замковыхъ стѣнъ не можетъ чувствовать вполне безопаснымъ себя, а тѣмъ болѣе—свое хозяйство. Городскія стѣны не даютъ вѣрнаго убѣжища; въ случаѣ татарскаго нападенія нужно прятаться въ замокъ „съ одною душою“, какъ говорили, оставляя на волю божію свое имущество. Среди непрекращающихся татарскихъ нападений и тревогъ даже въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ замкомъ не могла развиться ни городская жизнь, ни правильное хозяйство, и населеніе, жавшееся къ замку, жило на воснней ногѣ, готовое каждую минуту защищать своими собственными руками свое имущество и жизнь—такъ какъ и въ этомъ обыкновенно по на кого было положиться. Не на эту же жалкую кучку старостинныхъ слугъ и нѣсколько негодныхъ пущекъ!

И мы, дѣйствительно, видимъ, что, начиная съ Менгли-гиреевыхъ разореній XV в., затѣмъ почти цѣлое столѣтіе, а во всякомъ случаѣ три четверти столѣтія—до 1560-хъ годовъ, Восточная Украина остается пустыней. Единственные поселенія ютятся

¹⁾ Архивъ VII. II с. 21.

около этихъ немногихъ замковъ, подъ защитой городскихъ стѣнъ, а весь безграничный просторъ этого края эксплоатируется только наѣздомъ, компаніями уходниковъ.

Задвѣпровье, лишенное замковъ, лежитъ все впусетъ. Съ литовской стороны крайній замокъ—это Остеръ, съ московской—Черниговъ и Путивль. При остерскомъ замкѣ числится нѣсколь-ко селъ, а именно шесть, седьмое (Лутава) хотъ и лежитъ подъ самымъ Остромъ, причисляется къ кievскому замку. Всѣхъ кре-стьянскихъ хозяйствъ въ этихъ семи селахъ 45. Но даже въ этой глухой труппѣ, среди лѣсовъ и болотъ, населеніе не чув-ствовало себя въ полной безопасности, какъ показывасть инте-ресное замѣчаніе ревизора: „пахивали на замокъ у трехъ ми-ляхъ на поли у Столпы, а тыхъ часовъ пашня опуцона за несокюемъ отъ Татаръ“¹⁾. Все боярское, военно-служилое на-селеніе живетъ въ городѣ²⁾. И тѣ нѣсколько десятковъ крестьянъ главнымъ образомъ проживали, должно-быть, тоже въ городѣ, хо-тя впрочемъ нѣкоторыя изъ этихъ селъ особенно хорошо защи-щены рѣками, лѣсами и болотами, и жизнь въ нихъ могла быть довольно безопасна даже въ то тревожное время.

На двѣпровской артеріи нѣкоторые—очень скудные и незна-чительные остатки осѣдлой колонизаціи держатся въ кievскихъ окрестностяхъ, нѣсколько выше Кіева, по Двѣпру, Деснѣ, Ирпе-ню (Дубечня, Погребы, Слободка на Деснѣ, Тарасовичи, Сва-ремле, Петровцы на Двѣпрѣ, Демидовъ на Ирпени), и далѣе на сѣверъ. Рядомъ съ ними на каждомъ шагѣ руины старой ко-лонизаціи. „В Кіеве городищи Старомъ которые люди митро-полекне сидятъ, тые службу земьскую господарьскую служатъ якъ который можетъ, бо отъ Татаръ звосваны“. „Села, съ ко-торыхъ выходило слугъ панцерныхъ на службу господарскую: село Куликовъ, село Попадичи, село Рославичи, село Янъкови-чи, село Юрьевичи, село Невеселово, село Иванковичи—с тыхъ селъ выходило люду панцерного на службу господарскую 146, а теперь тые села пусты вси“. „С селъ польныхъ—съ Криво-го, с Ходоркова и з Сокольчи дани хоживоло 3 кади меду, нижли заустели отъ давнихъ летъ“. „Село на Тетереви Выше-

¹⁾ Архивъ III. I с. 595.

²⁾ Одинъ только боярякъ значится внѣ города—гдѣ онъ жи-ветъ, не сказано; всѣ же остальные, числомъ 28, живутъ „въ острогѣ“.

вичи, именно Шибеное, Забудчи—звонаны тыхъ часовъ отъ Татаръ“¹⁾). Все это преимущественно ближайшія окрестности Кіева (наиболѣе удаленныя—села „польныя“, т. е. степныя—Ходорковъ, Кривое, Сокольче на верхнемъ Ирпенѣ и Унавѣ, а „панцырныя“ села, не исчезнувшія безслѣдно, разбросаны были непосредственно на югъ отъ Кіева). Села эти лежатъ большею частью уже въ лѣсномъ поясѣ, и однако даже наиболѣе выносливая, военно-служилая колонизація панцырныхъ слугъ не выдержала здѣсь татарской тревоги. Даже подъ самымъ Кіевомъ правильное веденіе хозяйства было невозможно, какъ указываетъ это извѣстіе о митрополичьихъ людяхъ въ Старомъ Городѣ.

Описаніе слѣдующаго приднѣпровскаго сторожевого поста—каневского замка, кромѣ городскаго населенія, указываетъ крестьянское въ нѣсколькихъ поселкахъ: въ Вороновомъ, Терехтемировѣ, Подсичахъ, Тулибли, Колтыгаевѣ, Совинѣ; въ общемъ здѣсь 50 крестьянскихъ семей считается жителями сель. Но только считается, потому что, за исключеніемъ одного села Воронова, крестьяне всѣхъ другихъ сель „зимуютъ и литуютъ при замьку“, какъ совершенно опредѣленно говоритъ описаніе²⁾). Иначе говоря, они живутъ собственно въ городѣ, какъ и мѣщане, и хозяйничаютъ на земляхъ своего села наѣздомъ, какъ и всякіе другіе „уходники“, но считаются „отчинами“ этихъ земель и даютъ съ нихъ постоянную, обязательную дань владѣльцамъ этихъ земель, между

¹⁾ Дѣляю маленькую поправку: въ напечатанномъ „села на Тетереви“, но изъ этихъ сель лишь Вышевичи на Тетереви.

²⁾ Село Подсичи земляское—отъ замку землею и водою 2 мили, семей 6-ть, зимуютъ и литуютъ при замьку, служатъ зъ городскими; „село Тулибле у верети отъ замьку ижегине Путивльское, семей 6, при замьку зимуютъ и литуютъ, тянуть зъ местомъ“; „селище Колтыгаево, семей 6, в мисте при замьку зимуютъ и литуютъ“; „село Совинъ, 3 мили отъ замьку на Ръси, семей 8, зимуютъ и литуютъ въ мисте при замьку“. Архивъ VII. I с. 99—100. Только при „селищѣ Терехтемировѣ“ нѣтъ такого замѣчанія, но скорѣе это лишь пропускъ, нежели дѣйствительное отличіе отъ другихъ сель: если населеніе Воронова, болѣе удаленнаго, находившагося на мало-доступномъ островѣ, зимовало въ Каневѣ, а только лѣто проводило у себя дома, то трудно не предполагать этого же и о Терехтемировѣ; тѣмъ болѣе, что съ Терехтемировымъ были связаны „уходы“ на Самарѣ, и Терехтемировцы должны были туда ходить, поэтому имъ было удобнѣе имѣть свою осѣдлость подъ Каневомъ, чѣмъ держаться своего села; къ тому же они и „служатъ съ Каневцами“.

тѣмъ какъ въ другихъ, „пустыхъ“ селахъ, гдѣ нѣтъ „отъчича ни одного“, занимаютъ себѣ земли подѣ промыслы арендаторы-предприниматели, когда и гдѣ захотятъ. Только въ упомянутомъ селѣ Вороновѣ мѣстное населеніе лишь зимуетъ въ Каневѣ, а лѣто проводитъ у себя „на островѣ“—такъ какъ имѣеть здѣсь достаточно безопасное отъ Татаръ убѣжище¹⁾). Такимъ образомъ это все собственно Каневцы, мѣщане, которые отличаются другъ отъ друга лишь правовымъ положеніемъ: одни подчиняются замковому управленію, другіе частнымъ владѣльцамъ-помѣщикамъ, или монастырямъ. Другого населенія здѣсь нѣтъ. Даже въ селѣ, лежащемъ на разстояніи всего лишь версты отъ замка, и тамъ крестьяне не хотять жить, а проживаютъ въ городѣ.

При Черкасахъ—этомъ форпостѣ украинской колонизаціи, уже и такихъ номинальныхъ селъ не значится. Все населеніе концентрируется въ городѣ; есть здѣсь мѣщане, бояре, и несѣдлые козаки, но помѣщичьихъ людей нѣтъ вовсе, за исключеніемъ нѣсколькихъ мѣщанскихъ домовъ, которые „позадавались землемъ“²⁾). Есть помѣщичьи селища совершенно пустыя—память о бывшихъ селахъ времени передъ татарскимъ разореніемъ, а затѣмъ одни лишь „уходы“—монастырскіе, помѣщичьи, и еще чаще—принадлежавшіе либо замкамъ, либо мѣщанамъ. Они охватывали бассейны Ворсклы, Орели, Самары, Тясмина, обоихъ Ингуловъ и самаго Днѣпра, далеко ниже пороговъ, до самой Тавани³⁾, но осѣдлыхъ поселковъ здѣсь нигдѣ не было.

Вся средняя часть кievскихъ земель между линіей Днѣпра на востокѣ и линіей Буга на западѣ была лишена даже такихъ опорныхъ колонизаціонныхъ пунктовъ, какими были днѣпровскіе замки. Передовой сторожевой пунктъ кievскаго Полѣсья—Житомиръ, какъ мы видѣли, четверть столѣтія простоялъ не возобновленнымъ, послѣ того, какъ онъ сгорѣлъ въ 1520-хъ годахъ. Замокъ былъ построенъ на-ново и приведенъ въ кое-какой порядокъ только къ 1550-мъ гг., и тогда только начало стягиваться сюда сколько нибудь значительное населеніе.

¹⁾ „Зимуютъ при замьку в месте, литууть тамъ на островѣ“—Архивъ VII. I. с. 98.

²⁾ „Ермакъ Северюкъ заложилъ ся ново Михаилу Грибуновичу землянину, Горайнъ Московскій заложилъ ся за ротмистра телерешнего“. Архивъ VII. I. с. 89.

³⁾ Ibid. с. 84.

Въ 1540-хъ годахъ, вслѣдствіе неурядковъ въ замкѣ и отсутствія средствъ обороны, а также громадныхъ поборовъ и повинностей, которыми старосты стягивали кучку людей, ютившуюся при замкѣ, люди даже при замкѣ, въ городѣ, не хотѣли селиться. Во время ревизіи 1545 г. къ ревизору „пришли бояре и мѣщане, и всѣ тамошніе люди съ плачемъ челомъ бъя, чтобы ихъ на нѣсколько лѣтъ уволили отъ податей, подводъ и стаций и дали свободу ѣздить, куда пожелають, и торговать, такъ какъ теперь, говорятъ, не позволяютъ имъ никуда ни меда сладкаго, ни звѣря мохнатого, ни воска возить и продавать, зовсѣмъ держать ихъ въ заперти: если намъ будетъ такая свобода и милость отъ государя е. милости, тогда, говорятъ, и другихъ много можетъ собраться и поселиться подъ замкомъ, а теперь не по какой-либо иной причинѣ, какъ именно благодаря этой неволѣ, люди не желаютъ сходитьсь къ тому замку, и мы сами въ такой неволѣ, если не будетъ ласки и милости государя нашего, не можемъ удержаться при этомъ замкѣ и пойдѣмъ прочь¹⁾). Мѣщане, съ своей стороны, заявляли: „теперъ дей мы, горчаки, сорокъ або петдесятъ человека, не только стадей и подводъ давати не можемъ, але и сами не маемъ чимъ ся поживити и коней на чомъ заховати, бо дей каждый зъ насъ хлебъ купуемъ на Волынѣ и на Подоле ѣдючи, и вже дей шня наша одъ хлеба неесвободна, и естли бы тыхъ часовъ къ подводамъ и стациямъ мали насъ приневолить, тогда жадный зъ насъ въ мѣстѣ не одержится“²⁾).

Такъ же незначительно было и другое, не мѣщанское население этой огромной области. „Всихъ головъ пановъ и землянь житомирскихъ“ ревизоръ насчитывалъ 22, въ ихъ владѣніи „селищъ тридцать два, а людей ихъ всихъ сто и чотыри человека“³⁾). Ихъ имѣнія, такъ же какъ и имѣнія замка, онъ всѣ называетъ селищами; очевидно, настоящихъ поселеній здѣсь не было почти или и вовсе не было. Одни „селища“ были совершенно пусты (между ними и такія, какъ расположенный уже въ глубокомъ Полѣсьѣ Щеневъ, на юго-востокъ отъ Житомира), въ другихъ значились подданные, но они жили преимущественно при замкѣ. Въ 1544 г. земляне и бояре получили отъ в. князя льготу отъ мостовой и сторожовой повинности и отъ полевой десяти-

¹⁾ *Źródła dz. VI c. 143.*

²⁾ *Ibid. c. 139.*

³⁾ *Źródła dz. VI c. 131.*

ны для своих подданных¹⁾, въ виду полной невозможности вести какое-либо хозяйство: „иже они в людми своими при замку нашемъ мешкають и для поганства Татаръ по селищамъ своимъ пахати не смеють“²⁾. И восстановление замка немногое здѣсь измѣнило. Ревизія 1552 г. снова говоритъ, что „тые вси земляне (житомирскіе) и люди ихъ вси, хотя у в селахъ мешкають, (т. е. числятся при извѣстныхъ поселкахъ, какъ ихъ жители), а предся для пополоху Татар лете и зиме уставичне домахъ в месте живутъ“³⁾, а о замковыхъ и помѣщичьихъ имѣніяхъ, хотя и знаетъ ихъ больше, чѣмъ ревизоръ 1545 г., обо всѣхъ говоритъ, какъ необитаемыхъ: „замок и мость замковый винны были робити села вси Житомирского повету, якъ господарские, такъ князские, панские, землянские и боярские, нимъ еще пусты были, а запустели од шести, од семи, од осмыдесать летъ, а ишые ближе, а ишые еще далее“ (т. е. въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ XV в.)⁴⁾. Все немногочисленное население жило при замкѣ, здѣсь занималось хозяйствомъ на замковыхъ земляхъ⁵⁾, а въ свои селища выходили на промыселъ только уходомъ, какъ и въ Приднѣпровья, и правильнаго хлѣбопашества не было, такъ что зерно даже для собственнаго потребленія прико-

1) Здѣсь говорится о десятинахъ, взимаемыхъ съ обрабатываемыхъ замковыхъ земли, см. въ ревизіи 1552 г.: „поля замкового од острога удож... ишла заведничая..., тое поле мешчаномъ вольно пахати, а земляне и подданые ихъ, которые пахуть, тые дають на замокъ десятину“. Эти мѣщанскія вольности должны были имѣть очень большую давность, и объ отмѣнѣ десятины просили земляне: очевидно, ихъ люди, тѣсняясь въ городѣ, вмѣсто того, чтобы хозяйничать на своихъ селищахъ, часто вели хозяйство здѣсь же, на земляхъ замка—тѣмъ болѣе что въ городѣ людей было немного.

2) *Źródła* VI с. 135.

3) Архивъ VII. I с. 151, и выше: „люди князские, панские, землянские, боярские, которые живутъ ув остроге и за острогомъ,—хотя которые и в селахъ мешкають, а предся дома свои в месте мають“. Въ ревизіи 1545 г. при первомъ селѣ въ реестрѣ владѣльческихъ имѣній отмѣчено: „подей ихъ милости в месте мешкають десяти, человекомъ“ (с. 130); возможно, что этими словами „в месте мешкають“ дается общее поясненіе для всего реестра, и скорѣе какъ исключеніе надо понимать дальнѣйшую отмѣтку, что люди Тышкевича „которые тут мешкали, пошли вѣло до Слободяща“.

4) Архивъ VII. I с. 144, и выше: „села князские, панские и землянские, коли еще не были пусты“.

5) См. выше первую сноску на этой страницѣ.

дилось покупать в волынских и подольских мѣстахъ, какъ говорили эти земляне и мѣщане¹⁾, и на случай какихъ-либо новыхъ повинностей не только мѣщане, но и земляне могли серьезно угрожать: „мы вси в людми нашими проч поволочемся“²⁾.

Въ качествѣ передовой стражи для западной части кievской земли—бассейновъ Ирпеня, Унавы, Каменки, въ срединѣ XVI в. построенъ былъ замокъ въ Бѣлой Церкви. Извѣстiе объ этомъ „новозбудованномъ“ и еще не приведенномъ въ порядокъ замкѣ имѣемъ въ одномъ письмѣ вел. князя, внесенномъ въ книги среди документовъ 1552 г. Нѣкоторыя извѣстiя имѣемъ о немъ изъ позднѣйшей ревизii и изъ нея видимъ, что онъ былъ построенъ въ большихъ размѣрахъ, но очень слабо снаряженъ. Его единственнымъ источникомъ доходовъ долженъ былъ послужить городъ, который долженъ былъ образоваться около него. Городъ при немъ дѣйствительно образовался, но долго оставался единственнымъ заселеннымъ пунктомъ въ этой окрестности—какъ это было и съ другими замками, а лишенный всякихъ ресурсовъ, замокъ этотъ плохо содержался, быстро сгнилъ и былъ заброшенъ³⁾.

Для южныхъ окраинъ кievскихъ земель опорнымъ базисомъ служилъ ранѣе Звенигородъ, но послѣ Момчи-гиреевыхъ разоренiй онъ не былъ возобновленъ въ теченii всего XVI в., хотя на необходимость этого указывало украинское населенiе. Поэтому область эта очень долго оставалась незаселенной. Мы уже знакомы съ рассказомъ жителей Брацлава о томъ, какъ въ былые годы изъ Брацлава обозы ходили прямо на Кiевъ, Каневъ, Черкасы, „по селамъ, которыя передъ тымъ бывали, а теперъ вже од поганства спустели“⁴⁾. Для того, чтобы эта коло-

¹⁾ Кроме приведеннаго см. еще на стр. 138: „и сами достатку живности не мають, олиць на Волинъ и на Подоле ездечи збоже собѣ ку живности спунують“. Ср. въ ревизii 1552 г. воспоминанiе изъ „добрыхъ летъ“, передъ опустошенiемъ, какiе доходы шли съ замковыхъ мельницъ,—„а теперъ Житомирци ище збоже хуцують, ездачи, тамъ и мелють“. Архивъ VII. I с. 147, ср. выше с. 53. ²⁾ Ibid. с. 140.

³⁾ Онъ имѣлъ 158 „геродель“, а кievскiй 177 (въ 1552 г. только 133). Зато вся бѣлоцерковская артиллерiя состояла изъ трехъ негодныхъ пушекъ: одна разорвана, вторая „очень слабая“, третья—безъ дожа; „гаковницы“ и аркебузы также „не всѣ исправны“.—*Źródła* XX с. 15—16.

⁴⁾ *Źródła* VI с. 122.

нивація могла вновь ожить, они считали недостаточнымъ только отстроить звенигородскій замокъ, признавая необходимымъ, чтобы здѣсь было расположено постоянное войско, какъ это было въ коронныхъ подольскихъ земляхъ: „гдыбы люди пенежныи завжды обецпе мешкали, тогда якъ замокъ опыи звенигородскій можетъ безпечно забудованъ быти, такъ и села осести“. И какъ мы видѣли изъ вышеизложеннаго, одна постройка замка дѣйствительно не могла возобновить колонизаціи, и подъ его защитою могло бы образоваться лишь болѣе или менѣе значительное городское поселеніе.

Такъ было и въ самихъ брацлавскихъ земляхъ. Брацлавскій замокъ служилъ передовымъ опорнымъ пунктомъ для бассейна Буга; имъ очень дорожили съ этой точки зрѣнія, и въ 1490-хъ гг. спѣшно возобновили стараніями дѣлаго княжества, а когда въ 1551 г. онъ былъ сожженъ Татарами, его тотчасъ снова отстроили на средства литовской казны; строителемъ былъ пушкаръ Яколдакъ, обязавшійся построить замокъ въ теченіе 23-хъ мѣсяцевъ; 60 землекоповъ и 40 ремесленниковъ работало при этомъ, и вся постройка стоила 3177 зол.¹⁾ Все мѣстное населеніе находилось подъ защитой этого замка. Ревизіи, правда, не говорятъ объ этомъ такъ опредѣленно, какъ мы это видѣли при описаніи другихъ замковъ, но, по аналогіи съ другими пограничными окрестностями, въ этомъ не остается мѣста сомнѣніямъ. 33 боярскихъ дома, 160 домовъ ихъ подданныхъ и 129 домовъ великокняжескихъ мѣщанъ, по ревизіи 1545 г.²⁾—это не только все осѣдлое населеніе города Брацлава, но вмѣстѣ съ тѣмъ и все населеніе брацлавскихъ земель³⁾. Только въ Винницкомъ повѣтѣ мы видимъ, кромѣ города при замкѣ, настоящія

1) У Балицкаго *Starożytna Polska* III с. 468.

2) Цифры можетъ быть и не совсѣмъ точны: Ревизія 1552 г. говоритъ, что „при замьку, в остроге, землянъ, мешчанъ и волощанъ было домовъ всякъхъ семьсотъ и тридцать“.

3) *Źródła dz. VI* с. 125. О населеніи внѣ города—о существованіи помѣщичьихъ подданныхъ по селамъ ревизія ничего не упоминаетъ. Въ другомъ мѣстѣ говорится о назначеніи особаго войта для помѣщичьихъ людей, „поки в мѣстѣ будутъ мешкали“ (с. 124): такимъ образомъ эти помѣщичьи люди живутъ для безопасности въ городѣ, не отваживаясь жить по селамъ. Здѣсь можно еще вспомнить подробность, какъ все брацлавское населеніе послѣ разрушенія замка, сидѣло и ожидало „замьку на томъ же мѣстѣ“—Архивъ VII. II с. 21.

населенныя села, притомъ большія—по нѣскольکو десятковъ хозяйствъ (всѣхъ „людей“, государственныхъ и помѣщичьихъ, въ городѣ и уѣздѣ ревизоръ насчиталъ 1113, изъ нихъ въ городѣ только 112 домовъ).

Населеніе тѣснилось подъ защиту замка, но замокъ самъ по себѣ не гарантировалъ полной безопасности. Не говоря уже о томъ, что защита замка во время большихъ татарскихъ нападений часто оказывалась задачей неисполнимой,—самая оборона эта производилась при непосредственномъ участіи мѣстнаго населенія. Мѣстные замки, за исключеніемъ Кіева (и то не всегда), какъ мы уже знаемъ, не имѣли сколько-нибудь значительныхъ гарнизоновъ, которые были бы въ состояніи защитить замокъ во время татарскаго нападенія. Населенію приходилось собственною грудью защищать свои семьи и достояніе. Не кто иной, какъ оно само, должно было браться за гаковницы и аркебузы, чтобы обстрѣливать враговъ съ „бланкованій“; не кто иной, какъ оно же, принуждено было пускать въ ходъ эти камни и бревна, которыми хозяева каждой „городни“ обязаны были занасать на „бланкахъ“ этой послѣдней. Очевидцы взятія Брацлава помнили одного изъ героевъ этой несчастной обороны, оказавшагося среди „малородныхъ къ обороне“ людей, застигнутыхъ въ замкѣ татарскимъ войскомъ: „нижъли только одинъ съ нихъ—Кудряшко зѣмянинъ—тотъ моцно ся працювалъ оборону и иншихъ на то напоминалъ и беручи ихъ за руки водилъ на бланки“¹⁾.

И это являлось не только элементарной необходимостью, но и формальной обязанностью мѣстнаго населенія. Въ виду недостатка военныхъ силъ, все населеніе восточной Украины обязано было принимать участіе въ защитѣ своего замка и являться по первому призыву мѣстной администраціи. Даже для Кіева в. княжеская уставная грамота постановляетъ, что въ случаѣ вѣстей о татарскомъ нападеніи, мѣщане не имѣютъ права выѣзжать изъ города, не оставивъ вмѣсто себя какого-либо замѣстителя. Мѣщане, имѣющіе лошадей, должны были являться въ походы на Татаръ и въ погоню за ними; не имѣвшіе лошадей, обязаны были являться въ замокъ для его обороны²⁾. Въ каневскомъ округѣ „повинни Каневцы такъ мѣщане яко бояре и подданые

¹⁾ Архивъ Ю. З. Р. VII. II с. 20—1.

²⁾ Акты Зап. Р. I № 120 и Акты Ю. и З. Р. VI № 108.

ихъ, и церковные, и гости все противъ людей непріятельскихъ и в погоню за ними конно, збройно бывати—въ старостю и безъ него въ слугами его“ (т. е. безразлично, самъ ли староста отправляется на Татарь или посылаетъ своихъ слугъ—въ какую-либо менѣе важную експедицію). Тоже самое въ Черкасахъ. съ той лишь разницей, что здѣсь не было помѣщичьихъ людей, и рѣчь идетъ только о боярахъ и мѣщанахъ: они должны служить „конно и збройно“, отправляться противъ людей непріятельскихъ и въ погоню за ними, и даже въ тѣ промежутки, когда не было „слуху о людехъ непріятельскихъ“ они должны „для осторожности отъ нихъ“ выѣзжать нѣсколько разъ въ годъ со старостой, или его слугами „на поле“, на развѣдки¹⁾. Такой же былъ порядокъ и въ земляхъ брацлавскихъ: „когда неприятель приходитъ, на воюсть“, тогда противъ него обязанъ идти со старостю, или съ его чиновниками изъ города и изъ волости, каждый, имѣющій лошадь; въ погоню одинъ другого снаряжаетъ „о двуконь“—такъ какъ для погони нужно было имѣть двухъ коней, чтобы, измучивъ одну, можно было пересѣсть на другую, то одинъ отправлялся на своемъ конѣ въ походъ самъ лично, а другой давалъ ему своего коня²⁾.

Такимъ образомъ не только военно-служилое, но и все вообще населеніе восточной Украины постоянно жило на военномъ положеніи и не только въ интересахъ самообороны, но и по обязанности должно было приучаться къ военному дѣлу и постоянно въ немъ упражнялось. Ревизоръ замѣчаетъ, что мѣстные землевладѣльцы и мѣщане „ручницы мають и стреляти добре уміють“. Четверть столѣтія спустя, посолъ Баторія Броневскій пишетъ о брацлавскихъ мѣщанахъ, что они превосходные стрѣлки, опытные воины, вышколенные въ частыхъ битвахъ съ Татарами, прекрасные знатоки степи³⁾. Но въ концѣ концовъ даже и мобилизаціи всѣхъ силъ населенія не хватало для обороны—не только

¹⁾ Архивъ Ю. З. Р. VII. I с. 81—2, 95.

²⁾ Винница—Архивъ VII. I стр. 602, ср. тамъ же с. 610: „Село пана Авсака Стрыжовка, домовъ 80, хто коня маєть, каждый на войну ѣдетъ при пану и безъ пана“. То же и въ Брацлавѣ, и ревизоръ жалуется лишь на то, что бояре и мѣщане не держатъ лошадей для службы, между тѣмъ какъ раньше мѣщане, имѣвшіе пасѣки, были обязаны ѣздить „о двуконь“ каждый (Zgódka VI с. 125). Ср. Житомиръ—Архивъ VII. I с. 145.

³⁾ Переводъ въ одесск. Запискахъ VI т. 333.

въ такихъ слабо-населенныхъ округахъ, какъ житомирскій, гдѣ „здешніи малыи люди в час потреби добре осести и оборонити не могутъ“ своего замка, и крайне нуждаются въ какомъ-нибудь военномъ гарнизонѣ¹⁾),—но и въ болѣе населенныхъ замкахъ. Мы знаемъ уже аналогичныя просьбы брацлавскаго населенія о постоянномъ расквартированіи войскъ, какъ вѣрной гарантіи защиты и безопасности.

Такая тревожная и полная опасностей жизнь для людей болѣе требовательныхъ, особенно изъ высшихъ слоевъ, была невыносимой, и среди мѣстнаго населенія помѣщичьихъ элементовъ на постоянномъ жительство здѣсь на Украинѣ почти не видимъ. Да имъ здѣсь нечего было и дѣлать, такъ какъ вести хозяйство въ такихъ условіяхъ было невозможно, а ради ничтожныхъ доходовъ отъ ухаживающихъ проживать здѣсь не было интереса. Даже лица, занимавшія здѣсь болѣе видныя должности, по большей части заслунали себя слугами и замѣстителями; только люди, призваніемъ которыхъ была война, находили интересъ жить здѣсь постоянно и вкладывать всю свою жизнь въ неустанныю здѣшнюю пограничную войну. Затѣмъ—разные *šipoges gepies* мѣстнаго боярства, разный военный народъ по ремеслу добрый мѣщанскій и крестьянскій демосъ, нетребовательный и закаленный въ нуждѣ и опасности. Въ глазахъ послѣдняго эта тревожная и опасная жизнь сторицею вознаграждалась ея привлекательными сторонами, не перестававшими даже во времена самыхъ яростныхъ татарскихъ нападений притягивать къ себѣ поселенцевъ. Украинское приволье, широкая свобода и простота въ отношеніяхъ, отсутствіе всего того матеріальнаго и моральнаго гнета, какой давалъ себя чувствовать „посполитому челоуѣку“ со стороны общественной іерархіи въ лучше заселенныхъ и защищенныхъ мѣстахъ, и неисчерпаемая богатства природы вмѣстѣ со свободой эксплуатаціи ихъ—влекли сюда людей и привязывали къ этой, залитой кровью и покрытой пепломъ татарскихъ опустошеній землѣ. Мы видѣли въ описи брацлавской катастрофы этотъ неожиданный финалъ: послѣ только что пережитаго погрома, послѣ сожженія замка и поголовнаго плѣненія всѣхъ, находившихся въ этомъ замкѣ,—люди, уцѣлѣвшіе случайно, вмѣсто того, чтобы убѣжать какъ можно дальше отъ этихъ предательскихъ мѣстъ—наоборотъ, „сидятъ“ на пепелищѣ

¹⁾ *Żródła VI s. 141.*

Брацлава и ждуть, когда правительство поставит имъ новый замокъ „на томъ же мѣстѣ“— „хотячи садити ся зася на отчизнахъ своихъ для великихъ пожитковъ тамошнихъ“.

Упомянутое объ „отчизнахъ“ здѣсь не должно вводить насъ въ заблужденіе: рѣчь идетъ не только о мѣстныхъ боярахъ—землевладельцахъ, но и о представителяхъ всѣхъ общественныхъ слоевъ—мѣщанахъ и крестьянахъ. Всѣ они чувствовали себя здѣсь не паріями общества, а полноправными членами его. Съ оружіемъ въ рукахъ „подставляя груди свои“ бусурманину непріятелю, они готовы были также дать отпоръ и всякимъ несправедливымъ притязаніямъ общественной іерархіи, даже самимъ старостамъ, не смотря на всю полноту силы и авторитета, какою обладали эти вице-короли—единственные представители государственной власти въ этихъ, изъятыхъ изъ обычныхъ условій и нормъ военныхъ территорій, коменданты замковъ, доставлявшихъ единственную защиту и гарантію безопасности населенію, и предводители мѣстной милиціи, къ составу которой долженъ былъ принадлежать каждый здѣшній обыватель. Извѣстенъ, напр., бунтъ Каневцевъ и Черкасцевъ въ 1536 г., противъ своего старосты Тышковича, вслѣдствіе его наборовъ и всякихъ другихъ злоупотребленій, повлекшій за собою замѣну Тышковича другимъ лицомъ¹⁾. Подобный же бунтъ имѣлъ мѣсто нѣсколько лѣтъ спустя въ Побужьѣ: въ началѣ 1541 г. „всея земляне и мещане браславскіе и виницкіе звазивши ся²⁾“ напротивку старосты своего кн. Семена Пронского, поймавши старшого землянина Богуса Олуницу втопили, врядника князя Пронского вонъ выгнали и замокъ въ свою моць взяли, и самого князя Пронского у Веницы облегли“, взяли въ концѣ концовъ, забрали имущество старосты и вдобавокъ еще принудили его выдать имъ росписку, въ томъ, что онъ не будетъ жаловаться на нихъ в. князю въ случаѣ, если бунтъ обнаружится³⁾. И мѣстные люди пред-

¹⁾ Архивъ III. I № 2, *ibid.* VIII. V № 24, Акты Ю. З. Р. II № 127 и специальная статья А. Яковлева: Бунтъ Черкасцевъ и Каневцевъ въ 1536 г.—Украина 1907, I.

²⁾ То есть: „зваснивши ся“, поссорившись.

³⁾ Объ этомъ бунтѣ имѣемъ извѣстія въ нѣсколькихъ современныхъ документахъ: В. князь, увѣдомляя землянъ объ отставкѣ кн. Пронскаго, коротко упоминаетъ о бунтѣ (Архивъ Ю. З. Р. VIII. V № 15, ср. 17); изъ отвѣта кор. Боны на реляцію маршалка волынскаго, кн. Фед. Сангушка, узнаемъ, что онъ не могъ заняться

почитали жить полной жизнью здесь, среди тревог и вѣчной войны, заглядывая въ глаза смерти и татарской неволѣ, чѣмъ гнуться передъ паномъ и урядомъ въ болѣе безопасныхъ мѣстахъ. Предпочитали черпать полными руками изъ неистощимыхъ богатствъ „и великихъ пожитковъ тамошнихъ“, вмѣсто того, чтобы бѣдствовать въ роли рабочаго инвентаря въ западной Украинѣ.

Ревизоръ не преминулъ пояснить намъ, въ чемъ состояли эти великіе украинскіе пожитки, привлекавшія сюда население, несмотря на вѣчныя нападенія Татаръ, плохую защиту и полную небезопасность жизни и свободы. По всѣмъ направленіямъ отъ этихъ убогихъ замковъ тянулись безконечныя пространства плодородной земли; нетронутые еще лѣса и рощи давали отличныя пастбища и убѣжища для скота и его хозяевъ, а устроенная гдѣ-либо подъ защитой такого лѣса, среди безбрежнаго моря цвѣтущей степи, пасѣка при небольшомъ уходѣ давала массу прекраснаго меду и воску. Далеко-далеко на востокъ и югъ до самыхъ татарскихъ кочевій тянулись эти неисчерпаемо-богатыя безграничныя „уходы“, гдѣ промышляли всякія „уходники“, не зная ни чьей власти, имѣя надъ собой лишь горячее южное небо а вокругъ себя роскошныя степи, которыя потомъ такъ картинно изобразилъ, на основѣ старыхъ преданій, Задѣйпровецъ Гоголь.

Среди этого роскошнаго приволья уходники жили „постоянно на

раздѣломъ имѣній вн. Острожскихъ, вслѣдствіе брацлавскаго возстанія, которымъ долженъ былъ заняться; онъ созвалъ волынскихъ князей и шляхту, чтобы идти на выручку вн. Пронскому, но послѣ перемѣнилъ намѣреніе, боясь, какъ бы Брацлавцы и Винничане не отвѣтили на этотъ походъ какимъ либо еще болѣе рѣзкимъ шагомъ: „доведавши ся, замку не спалили, а сами до земли неприятельские не пошли“, — счелъ за лучшее черезъ одного изъ винницкихъ землевладѣльцевъ убѣдить ихъ добромъ, „абы они таковыхъ речей понехали“ (Archiwum Sanguszków IV № 223, ср. письмо в. князя по тому же вопросу—ibid. № 224). Претвичъ въ своей запискѣ тоже упоминаетъ объ этомъ фактѣ: *Natenczas gdy Winniczanie i Braclawianie oblegli byli xiedza Prunskiego na Winnicy, byłem przy jego mosci* (с. 54). И здѣсь, какъ и въ Черкасахъ, в. князь удалилъ старосту, хотя и пояснилъ въ особомъ письмѣ къ нему, что фактъ этого бунта не долженъ вредить его репутаціи (Архивъ VIII. V № 16). Быть можетъ въ связи съ этимъ бунтомъ стоять и позднѣйшія жалобы брацлавскихъ обывателей на своихъ старостъ (Archiwum Sanguszków IV № 361, Архивъ VIII. V № 26 и Любавскаго Сеймъ с. 504 и дальше), точно также какъ и споры черкасскаго населенія со старостами.

мясѣ, на рыбѣ, на меду изъ пасѣкъ“, „варили себѣ медъ, какъ дома“, не платя за это никакихъ податей, и съ богатыми запасами рыбы, меду, мѣховъ возвращались они на зиму въ города.

Не только изъ восточно-украинскихъ мѣстностей, но и изъ болѣе отдаленныхъ, полѣсскихъ и волинскихъ, каждую весну сотни людей смѣлыхъ и предприимчивыхъ расходились по степнымъ „уходамъ“, оставаясь здѣсь до глубокой осени. Черкасскіе мѣщане жаловались, что старосты, стремясь къ большимъ поборамъ, раздаютъ „уходы“ „чужегородцамъ“: Кіовлянамъ, Чернобыльцамъ, Мозырцамъ, Петриковцамъ, Быховцамъ, Могилевцамъ; такимъ образомъ видимъ здѣсь выходцевъ не только изъ украинскаго, но и изъ болѣе глубокаго, бѣлорусскаго Полѣсья¹⁾). По Припети и ея южнымъ притокамъ идутъ „комяги“, везутъ товары „съ низу“—медъ, рыбу и другіе продукты, приобретенные волинскими промышленниками²⁾). Число ихъ все возрастало, росла конкуренція между ними, и пользуясь этимъ украинскіе старосты увеличивали свои поборы. Нареканія украинскаго населенія на своихъ старостъ по этому поводу встрѣчаются на каждомъ шагѣ. Мѣстные люди—мѣщане прежде всего, стояли на томъ, что имъ за ихъ военную службу должно принадлежать свободное пользование „уходами“—„ничего не были повинни з тыхъ уходовъ старостамъ водлугъ старини давати, бо дей за то служимъ“, какъ говорили они въ своемъ процессѣ съ черкасскимъ старостою въ 1544 г.³⁾. Ревизорамъ въ 1552 г. они поясняли, что прежде черкасскому старостѣ принадлежало только пять „уходовъ“, которыми онъ могъ распорядиться—„данвалъ ихъ кому хочати а з якоє кольвекъ вити або части“: всѣ остальные были въ распоряженіи черкасскихъ мѣщанъ, и они, не нуждаясь ни въ чѣмъ разрѣшеніи, занимались тамъ промыслами, платя старостѣ небольшую дань: съ ватаги уходниковъ одного бобра, съ рыбъ по 30 рыбъ (щукъ, карповъ, лещей, сомовъ), а если были осетры—одного осетра. Но старосты для увеличенія доходовъ замка и своихъ вводили все большіе поборы за право промыслять на „уходахъ“ взымая ихъ не только съ постороннихъ, но и съ мѣстныхъ мѣщанъ. Пользуясь своей силой и властью, какую давали имъ условія мѣстной жизни, какъ комендантамъ замка, въ которомъ находило свою защиту и оборону все мѣстное насе-

¹⁾ Архивъ Ю. З. Р. VII. I с. 85.

²⁾ *Źródła* VI с. 62.

³⁾ Архивъ Ю. З. Р. VII. II с. 275.

ленію, старосты держали въ желѣзныхъ рукахъ мѣстное мѣщанство и безъ церемоніи вводили новыя поборы.

Знаменитый Остафій Дашковичъ, такъ усердно изыскивавшій средства на пограничную оборону и борьбу съ Татарами, прославившійся у современниковъ, какъ пограничный богатырь и перешедшій въ потомство въ ореолъ народнаго вождя и перваго организатора козачества, очень печальныя воспоминанія оставилъ о себѣ у мѣстнаго населенія увеличеніемъ поборовъ. Прежде къ Рождеству, на „колядку“ ватага изъ 5—6 человекъ давала старостѣ одну кунницу, а Дашковичъ началъ брать съ каждаго мѣщанина по кунницѣ, даже съ работниковъ ихъ и съ козаковъ взымалъ по кунницѣ или лисицѣ, или деньгами по 12 грошей. Въ 1550-хъ гг. черкасскіе старосты брали съ уходниковъ впередъ, давая имъ разрѣшеніе, „поклонъ“ изъ разныхъ принасовъ (осьмакъ овса, то есть 5 бочекъ солянокъ, бочку крупъ, бочку солоду), также медомъ, или деньгами, и уходники другъ передъ другомъ набивали цѣну. Потомъ, когда уходники возвращались домой, староста беретъ съ нихъ въ качествѣ своей „выти“ осьмую часть всего: „зъ рыбъ, зъ сала, зъ мяса, зъ кожъ и со всего“. Съ каневскихъ уходовъ, какъ наиболее безопасныхъ и близкихъ, старосты хотѣли брать половину добычи и умышленно не давали разрѣшенія своимъ мѣщанамъ, претендовавшимъ на эти уходы за меньшую плату. Съ черкасскихъ мѣщанскихъ уходовъ, кромѣ своихъ замковыхъ, староста в 1551 г. взялъ деньгами 80 копѣ; уходниковъ здѣсь было около 300 душъ. Каневскіе заднѣпровскіе, такъ называемые „сѣверскіе“ уходы, по словамъ боярина Чайки, завѣдывавшаго Каневомъ во времена Дашковича, приносили отъ исполнителей 90 кадей меду, помимо бобровъ, рыбы, мяса и другихъ принасовъ—не принимая, очевидно, въ расчетъ различныхъ самозванныхъ уходниковъ, бездомныхъ козаковъ, которые, ни кого не спрашивая и не заботясь о старостѣ „чинили переказу“ уходникамъ, живя даже „уставично“ на уходахъ¹⁾). Добыча должна была получаться въ самомъ дѣлѣ громадная, если уходники находили возможнымъ, не считая риска, труда и расходовъ, удовольствоваться лишь половиной добычи, и для этого странствовать изъ вольнскихъ, пинскихъ или могилевскихъ земель куда либо на Русь, или же въ заднѣпровскіе, „сѣверскіе“ уходы²⁾).

¹⁾ Архивъ Ю. З. Р. VII. I с. 103.

²⁾ Архивъ Ю. З. Р. VII. I с. 85 и 103.

Медь у уходниковъ забирали мѣстные старосты въ свои корчмы. То же самое хотѣли они дѣлать съ мѣхами—въ Черкасахъ жаловались, что староста, помимо двухъ бобровъ, которыхъ прежде давали отъ ватаги—одинъ для старосты, другой—на городъ, сталъ брать еще „выть“—седьмого бобра, а остальное покупалъ по цѣнѣ, какую самъ назначалъ, не выпуская изъ замка. Хотѣлъ ввести монополію даже на рыбу, но это не удалось, и по Днѣпру, мимо Кіева, въ результатѣ каждой кампаніи шли десятки огромныхъ комягъ съ рыбою: „а бываетъ комягъ о колькодесять однос осени“. Мѣстные люди и разные „чужеволостцы“: Мозырцы, Могилевцы, Рогачевцы, Рѣвичане, точно такъ же Волыняне и Подляшане везли рыбу, свѣжую и вяленую, соленую въ бочкахъ, осетровъ штуками и въ бочкахъ, бѣлугу—самую благородную рыбу, которая поэтому и забиралась вся въ качество таможенной пошлины для кіевского воеводы¹⁾).

Рѣчной промыселъ—рыбная ловля и связанная съ ней ловля бобровъ,—составляла главную категорію этихъ отхожихъ промысловъ и въ теченіе всего дальнѣйшаго времени оставался главнымъ промысломъ и источникомъ пропитанія для козачества „низового и рѣчного“. Описаніе черкаскаго замка довольно подробно перечисляетъ главные пункты этого промысла по Днѣпру и его притокамъ, начиная отъ Черкасъ: уходъ и станъ Дубослей съ озерами уступными и затонами, ловлями рыбы и бобровъ, такой же уходъ и станъ Елалскій—оба принадлежали старостѣ; устье Сулы и Пивскій уходъ—собственность Пустынскаго монастыря; уходъ Воловскій, Кременчукъ, Лисокъ, устье Тясмина и всѣ уходы по Тясмину—мѣщанскіе черкасскіе, за исключеніемъ ухода Родіоновскаго, принадлежавшаго князьямъ Глинскимъ и Бузуковскаго ухода Печерскаго монастыря; уходъ Пселскій, Ревуче, Кишенка (при устьѣ Ворсклы), Волчій Островъ, Орель со своими уходами, точно такъ же и Романовскій уходъ—черкасскихъ мѣщанъ; Протолчъ—принадлежалъ старостѣ; уходъ Кошоумъ, Вѣлоозеро, Отмутъ—черкасскіе; устье Самары—Печерскаго монастыря, а выше, до самыхъ истоковъ Самары—черкасскіе; уходы у пороговъ принадлежали старостѣ: Волницкій, Ненасытецкій и дальше: Плетеница, Томаковка, Базавлукъ, Носовскій, Аргачинскій, Таваньскій—на извѣстномъ крымско-днѣпровскомъ пути²⁾).

¹⁾ Архивъ Ю. З. Р. VІІ. I ст. 112.

²⁾ Ibid. VІІ. I с. 84—5.

Вторую категорию промысловъ составляютъ пастбища. Они не такъ глубоко заходятъ въ степь: самыя дальнія упоминаются по Тясмину и Ворсклѣ. Съ уходомъ на Ворсклѣ староста въ 1550-хъ гг. получаетъ 11 кадей меду, количество весьма значительное¹⁾.

Охота на звѣрей упоминается подъ Черкасами за Днѣпромъ: здѣсь староста охотился по первой порошѣ и въ это время никому нельзя было заниматься охотою; въ другихъ мѣстахъ, очевидно, предоставлялось полная свобода, и охота несомнѣнно была распространена очень широко; стоитъ лишь припомнить преувеличенные рассказы Михайла Литвина о массахъ звѣрей и дикихъ лошадей, или же вскользь брошенную его современникомъ Претвичемъ замѣтку, о томъ что въ степяхъ „звѣрей вездѣ довольно — дикихъ коней, зубровъ, оленей“, и отъ слѣдовъ ихъ табуновъ трудно отличить слѣдъ небольшой ватаги Татаръ²⁾. Ловля дикихъ лошадей была широко распространена въ этихъ мѣстахъ. Изъ словъ описанія черкаскаго замка 1552 г. выходитъ, что мѣстное населеніе практиковало вынасъ лошадей въ дикихъ степяхъ на свободѣ: если кто-либо выгоняетъ одну или больше лошадей „эдековъ“, онъ обязанъ привести ихъ въ замокъ, и въ замкѣ владылецъ забираетъ своихъ лошадей отдавъ известную плату, кто ихъ поймалъ.

Далѣе къ этимъ степнымъ промысламъ примыкаетъ „солоництво“ — чумачество, вывозъ соли изъ черноморскихъ лимановъ. И наконецъ — засады и охота на татарскіе „бутышки“ — различнаго рода добычу, начиная отъ нападеній на татарскихъ пастуховъ, захвата овецъ и лошадей изъ татарскихъ стадъ — до засадъ и стычекъ съ татарскими ватагами, разбоя и захвата въ плѣнъ Татаръ, когда къ тому представлялся случай. „Доходъ з бутышковъ“ играетъ также не маловажную роль въ экономической жизни Черкасъ въ первой половинѣ XVI в., въ доходахъ населенія и администраціи замка и въ ихъ спорахъ по вопросу о замковыхъ налогахъ и поборахъ³⁾.

Чтобы получить представленіе о томъ, какъ эти отхожіе промыслы переходили въ стычки съ Татарами, разбой и парти-

¹⁾ Ibid. VII. I с. 86. ср. въ процессѣ 1536 г. мѣщанскіе „пастбища звѣчиства на Тясмени“.

²⁾ Апологія Претвича, с. 49.

³⁾ Архивъ Ю. Э. Р. VII. I с. 83, 86, т. II. ч. 18.

завскую войну, мы должны перенестись въ тѣ условія, когда эти украинскіе замки были укрѣпленными лагерями на театрѣ пограничной войны, гдѣ все жило на военную ногу, и выйдя лишь за ворота своего города или замка, могло подвергнуться всяческой опасности со стороны „людей непріятельскихъ“. Еще въ концѣ XII в., когда обстоятельства украинской жизни уже значительно измѣнились къ лучшему, благодаря росту народной самозащиты, путешественникъ Лассота описываетъ практику земледѣльческихъ работъ „оборонной рукою“. Проѣзжая черезъ Прилуку (подольскую), на границѣ Брацлавскихъ и Кіевскихъ земель, т. е. въѣзжая въ территорію, только что начинавшую осѣдло колонизоваться во второй половинѣ XVI в., онъ записываетъ: „городъ этотъ имѣетъ отличныя плодородныя поля и нивы, а среди нихъ нерѣдко видѣются странныя маленькіе, обособленные домики съ бойницами: туда скрываются крестьяне, если на нихъ внезапно и враслохъ нападуть Татары, и защищаются оттуда, такъ какъ каждый крестьянинъ, идя въ поле, беретъ на плечо свое ружье и припоясываетъ свою саблю или тесакъ (Tessaken), такъ какъ Татары шныряють здѣсь очень часто и отъ нихъ почти никогда нельзя быть въ безопасности“¹⁾. Украинская народная пѣсня живо описываетъ эту опасную обстановку, въ которой приходилось вести хозяйство даже по соседству съ селомъ:

Ой в неділеньку рано пораненьку
Тай ізібрав женців Коваленко,
Хлопці, дівчата, та все молодії,
Поробив їм серпи та все золотії.
Ой повів женців долом-долиною
А на тую пшениченьку на обилую:
Ой жніте, женці, розжинайте ся,
І на чорную хмару оглядайте ся,
А піду до дому та поснідаю
В неділю раненько пообідаю.
О і жнуть женці, розжинають ся,
На чорную хмару озирають ся,
Ой тож не хмара — то Орда їде,
А Коваленко передок веде.
Вязали руки та скрипницею,
А залили очі да живицею²⁾.

¹⁾ Tagebuch des E. Lassota s. 201 (Мемуары, изд. Антоновичемъ, I с. 153—4).

²⁾ Антоновичъ и Драгомановъ. Истор. пѣсни I № 25, вар. А. и Б. (я свожу эти два варианта воедино).

Съ тѣмъ большимъ рискомъ были связаны промыслы по далекимъ уходамъ, за десятки миль отъ замка. Эксплуатация мѣстныхъ природныхъ богатствъ часто оплачивалась смертью или неволей; не даромъ въ черкасской уставной грамотѣ объ „оту-мерщивѣ“ какъ обычная альтернатива выступаетъ: „который мещанинъ тамошний умретъ або его Татарове возмуть“¹⁾ „Ни одинъ годъ не пройдетъ безъ того, чтобъ гдѣ-нибудь Татары не забрали рыбаковъ“, поясняетъ Претвичъ въ своихъ запискахъ, рассказывая, какъ однажды онъ устроилъ Татарамъ засаду: выслалъ брацлавскихъ рыбаковъ на Бугъ, а самъ пошелъ за ними слѣдомъ, и когда дали ему знать, что Татары дѣйствительно разбили этихъ рыбаковъ „на живой водѣ“, онъ погнался за ними со своими служебниками и разгромилъ Татаръ. Въ другомъ случаѣ упоминаетъ онъ о Татарахъ, направлявшихся изъ земель в. кн. Литовскаго (приднѣпровскихъ) — „позабравши людей по уходамъ, изъ насѣкъ медъ поывибравши“²⁾.

Такимъ образомъ уходничество требовало громадной отваги и знанія стени и ея условій, татарскихъ обычаевъ и привычекъ. Въ отважныхъ людяхъ не было недостатка: какъ мы видѣли, во второй четверти XVI в. нальмѣ уходниковъ все возрастало и они другъ передъ другомъ набивали вкупную плату и старостину „выть“ за разрѣшеніе уходничества, ни во что считая и невыгоду, и необезпеченность въ сравненіи съ богатствомъ добычи. Для большей безопасности, и по условіямъ самаго промысла, соединялись они въ артели, болѣе или менѣе многочисленныя и, разумѣется, вооруженныя на случай встрѣчи съ Татарами, а для обороны сооружали въ своихъ уходахъ иногда спеціальныя „городцы“, подобныя тѣмъ, какіе видѣлъ Лясота на Побужьѣ, устраивали засѣки („сѣчи“) или другія укрѣпленья. Въ 1541 г. черкасскіе мѣщане и слуги жаловались между прочимъ на своего старосту и за то, что онъ не позволялъ имъ строить этихъ „городковъ“ или пользоваться ими въ уходахъ³⁾.

Промыслы такимъ образомъ неизбежно должны были вестись вооруженной рукой и велись въ дѣйствительности, а ватага уходниковъ, или цѣлая группа ватагъ, промышлявшая на известномъ уходѣ, гдѣ нибудь по сосѣдству съ татарскими кочевьями на нижнемъ Днѣпрѣ, Бугу или Ингулѣ, представляла собой

¹⁾ Жалоба 1536 г., см. выше.

²⁾ I. с. с. 55 и 58.

³⁾ Архивъ VII. II с. 372.

одновременно и промышленную компанію и известную военную силу. Стоя лицомъ къ лицу передъ постоянной тревогой отъ Татаръ, то и дѣло претерпѣвая отъ нихъ разныя потери, она съ своей стороны не упускала случая дать Татарамъ реваншъ за тѣ „переказы“, какіе терпѣла отъ нихъ въ своихъ промыслахъ. Развивался известнаго рода пограничный спортъ: кто кого—Татары нашихъ, или наши Татаръ, какъ выражается современникъ, описывая украинское пограничье¹). Какъ для однихъ, такъ и для другихъ это было одинаково вопросомъ, такъ сказать, чести, какъ и совершенно реальнаго заработка, и заработокъ этотъ даже былъ, какъ я уже указалъ, совершенно опредѣленно учтенъ мѣстною администраціею, таксированъ и обложенъ податью. „Кгда ся придасть Черкасцомъ бутынокъ або языки (плѣвинки) з людей неприятельскихъ, тогды старосте з бутынку того одно што лепшое: кони, або зброя, або языкъ, а нишии языки и бутынокъ имъ; такъже кгда козакн з земли неприятельскои здобывши ся при- приходятъ, з добытку того старосте одно што лепшое“.

Здѣсь ясно проводится различіе между добычей военной и пріобрѣтаемой случайнымъ грабежомъ Татаръ, ставшимъ уже съ конца XV в. обычнымъ явленіемъ украинской жизни этой пограничной полосы. Въ 1489 г. люди кievскаго воеводы Юрія Пала разбиваютъ торговый караванъ московскихъ купцовъ на днѣпровской переправѣ у Тавани²). Отъ 1492 г. имѣемъ жалобу крымскаго хана на такія мелкія нападенія: „Кіевляне и Черкасцы, прибывъ Днѣпромъ, подъ Тягинею корабль (татарскій) разбили и человекъ одного взяли, и много вещей и денегъ забрали; затѣмъ другого человекъ взяли и нѣсколько воловъ съ нимъ забрали; потомъ подъ Тягинею тѣ же Черкасцы взяли 10 коней и 3 человекъ въ неволю забрали“³). Къ концу 1490-хъ г.г. Черкасцы на пути подъ Очаковъ, грабятъ московскаго посла около Тавани, и опять, спустя нѣсколько лѣтъ „кievскіе Черкасцы“, какъ называетъ ихъ московская записка, воюютъ съ Татарамн подъ Очаковымъ⁴). Изъ уходовъ Нижняго Днѣпра въ началѣ XVI в. „козаки“ прокравдываются рукавомъ Днѣпра, минуя татарскіе городки на Тавани, съ цѣлью грабить Татаръ, и ханъ приказываетъ этотъ рукавъ „лесою пе-

¹) Paprocki Herby rycerstwa polskiego с. 221.

²) Памятники снош. съ Крымомъ I с. 28.

³) Сборникъ Пуласкаго № 24.

⁴) Памятники снош. съ Крымомъ I с. 194—6, 305, см. еще ниже.

редесть и камнем засыпать“¹⁾). Въ 1524 г. Дашковичъ доноситъ в. князю о большомъ неудовольствіи хана по поводу того, что черкасскіе козаки разгромили и побили купцовъ изъ Кафы²⁾). Въ 1540-хъ гг. ханъ, отвѣчая на жалобу литовскаго правительства на татарскія нападенія, съ своей стороны жаловался, что литовскіе люди „на Тавани, на Дибпрѣ, на Бургунѣ (переправа тамъ же, около Тавани), на Черной Криницѣ, на Дробныхъ Криницахъ, на Самарѣ людей нашихъ бьютъ, купцовъ громятъ, иныхъ убиваютъ, а иныхъ живьемъ въ неволю берутъ, товары ихъ забираютъ, улусы громятъ, скоть и стада безъ числа берутъ; солепромышленники, приходящіе къ Кочубееву, забираютъ въ неволю и убиваютъ людей нашихъ, кого только встрѣтятъ: въ прошломъ году солепромышленники, прибывъ за солью, поймали Татарина, по имени Сарычору, и увели съ собою; также въ прошломъ году наши люди поймали на Тавани и убили слугу (ханскаго, посланнаго говцомъ) Джанъ-Гилдея, съ нимъ былъ одинъ купецъ Атока—его товары забрали и теперь никто изъ нашихъ слугъ не осмѣливается ѣхать въ посольствѣ“³⁾). Къ этой серіи принадлежалъ также извѣстный эпизодъ о томъ какъ козаки разгромили на Самаровѣ купеческій турецко-татарскій караванъ⁴⁾.

Это была непрекращающаяся партизанская пограничная война, въ которой украинское населеніе срывало свое сердце на Татарахъ за тотъ вѣчный страхъ и тревогу, въ которой держали они Украину, за ихъ вѣчныя опустошенія и грабежи. Эта охота на Татаръ, какъ я уже сказалъ, становилась спортомъ и—вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно опредѣленнымъ источникомъ дохода для этой передовой стражи украинской колонизаціи. За тѣмъ время отъ времени въ томъ же духѣ производились болѣе значительныя экспедиціи на татарскія кочевья и укрѣпленья—иногда тѣмъ же украинскимъ населеніемъ, на свой страхъ, иногда организованныя самими украинскими старостами или иными представителями мѣстной администраціи.

Такъ уже въ 1493 г., отвѣчая Татарамъ за нападеніе на Черкасы, староста черкасскій кн. Богданъ Глинскій началъ на вновь сооруженную Татарами очаковскую крѣпость, взялъ ее и

¹⁾ Ibid. № 120 (1510).

²⁾ Acta Tomisiana VIII № 51.

³⁾ Книга посольская в. кн. Литовскаго I с. 22.

⁴⁾ См. г. VI моей Истории с. 10—1.

разрушить, погромилъ Татаръ, многихъ увелъ съ собою¹⁾. Отъ 1490-хъ гг., безъ болѣе точной даты, имѣемъ упоминаніе о томъ, что „Черкассы кievскіе“ били Татаръ подѣ Очаковымъ и забрали въ неволю Татаръ очаковскихъ²⁾. Зимой 1502/3 гг. упоминается походъ „кievскихъ и черкасскихъ козаковъ“ на лодкахъ по Днѣпру, когда они разбили гдѣ-то около тягинскаго переезда военный татарскій эскортъ, сопровождавшій пословъ³⁾. Въ слѣдующихъ годахъ такіе походы Татаръ по Днѣпру стали такъ надѣждать Ордѣ, что ханъ собирався построить новый городокъ на днѣпровскомъ островѣ и перегородить Днѣпръ цѣпами, чтобъ не было возможности ѣздить ни вверхъ, ни внизъ⁴⁾. Но наши извѣстія объ этихъ экспедиціяхъ на Татаръ настолько случайны и неполны, что объ этихъ, такъ надѣждавшихъ Ордѣ походахъ по Днѣпру ничего болѣе точнаго не знаемъ.

Въ 1516 г. имѣемъ извѣстный походъ Предслава Лянцкоронскаго, старосты хмѣльницкаго—довольно незначительный самъ по себѣ, очевидно—одна изъ очень обычныхъ нападений такого рода. Польскіе шляхтичи изъ расположеннаго въ подольскихъ земляхъ войска, съ разными добровольцами пограничниками, подѣ предводительствомъ Лянцкоронскаго пошли подѣ Очаковъ и взяли большій стада овецъ на нижнемъ Днѣстрѣ. Съ этой добычей они двинулись поскорѣе назадъ; Турки изъ Бѣлгорода (Акиермана) догнали ихъ и вступили съ ними въ битву надѣ лиманомъ Днѣстра, однако Лянцкоронскому удалось отразить ихъ⁵⁾.

Въ 1523 г. имѣлъ мѣсто какой то очень значительный, но, къ сожалѣнію,—совершенно неизвѣстный въ подробностяхъ, походъ Дашковича въ Крымъ. Пользуясь замѣшательствомъ въ Ордѣ, гдѣ въ то время сложилъ свою голову ханъ Махметъ-пирей, а быть можетъ и выступая въ качествѣ союзника одной изъ

¹⁾ Памятники сношеній съ Крымомъ I с. 196.

²⁾ Памятники снош. съ Крымомъ I с. 305. Судя по контексту этого реестра убытковъ, начинающагося погромомъ 1493 г., когда Черкассы разграбили Суботу, нельзя думать, что инцидентъ съ московскими купцами Морозовымъ и Ширшикомъ случался тогда же—это долженъ быть другой, позднѣйшій походъ на Очаковъ, когда Черкассы разграбили только очаковскія окрестности.

³⁾ Ibid. с. 476.

⁴⁾ Пуласкаго док. 120 (дальнѣйшее упоминаніе о литовскихъ козакахъ, прогнанныхъ за Таванью—приведенное выше, на ...,—объясняетъ намъ, о чемъ тутъ рѣчь).

⁵⁾ Ваповскій с. 143.

татарскихъ партій, Дашковичъ сжегъ Очаковъ и произвелъ сильное опустошеніе въ Крыму ¹⁾.

Въ концѣ 1528 г. упоминается большая экспедиція пограничныхъ старостъ на татарскія стада подъ Очаковъ; ходилъ староста черкасскій Дашковичъ, „старосты винницкій и брацлавскій“—т. е., вѣроятно, намѣстники-подстаросты кн. Констант. Острожскаго, управлявшаго тогда Винницею и Брацлавомъ, и староста хмѣльницкій Лянцкоронскій. Всего собраннаго ими „войска“ польскій хронистъ насчитываетъ 1200 конницы; „Поляковъ и Русинъ“. Они угнали большія стада лошадей и овецъ: Татары пробовали обороняться, но были разбиты въ трехъ битвахъ (разумѣется это могли быть лишь какіе-нибудь мелкіе татарскіе отряды), и старосты съ триумфомъ привели съ собою, какъ говорятъ, 500 лошадей и 30 тыс. овецъ ²⁾). Разохоченные этимъ успѣхомъ, подольскіе авантюристы на слѣдующій годъ задумали новую экспедицію. Во главѣ ихъ стояли два молодые магната изъ Украины: Язловецкій и Цилецкій. Собравши около 2000 человекъ изъ пограничнаго войска и разныхъ другихъ любителей, Поляковъ и Украинцевъ ³⁾), они задумали воспользоваться тогдашнимъ междоусобіемъ: борьбой Исламъ-султана съ ханомъ Сеадатомъ, и произвели нападеніе на очаковскихъ Татаръ. Впередѣ, на развѣдки былъ высланъ какой-то Русинъ, знакомый съ мѣстностью и дорогами; онъ встрѣтилъ татарскія стада овецъ, и пользуясь этимъ случаемъ, забралъ ихъ и угналъ; но встрѣтившіеся по дорогѣ волошскіе пастухи напали на него, забрали стада, а самого убили. Язловецкій, не получивъ извѣстій, двинулся со своимъ войскомъ къ татарскимъ кочевьямъ и, заставъ ихъ въ распlochъ, разбилъ, разграбилъ и угналъ изъ подъ Очакова большія стада лошадей—около трехъ тысячъ, какъ говорили. Но Очаковъ былъ въ то время уже въ рукахъ Исламъ-султана; этого Язловецкій не зналъ, а Исламъ, раздраженный нападеніемъ, задумалъ отомстить такимъ вѣроломнымъ союзникамъ.

¹⁾ Карамзинъ VII с. 78 (на основѣ крымскихъ актовъ, вполнѣ неизданныхъ до сихъ поръ); Соловьевъ V с. 1635 (короткое указаніе, быть можетъ, по Карамзину). Смирновъ въ своей исторіи Крыма не упоминаетъ даже объ этомъ эпизодѣ, не касаясь вообще ближе тогдашнихъ междоусобій.

²⁾ Ваповскій с. 224.

³⁾ Poloni et Roxani—во всемъ этомъ эпизодѣ у Ваповскаго (какъ ниже).

Они выехали пословъ къ Язловецкому, съ требованіемъ объясненія по поводу этого нападенія, приглашая къ себѣ на объясненіе. Язловецкій, сбитый съ толку такимъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла—что разбитымъ оказался союзникъ,—заявилъ о своей готовности дать всяческое удовлетвореніе: вернуть забранныхъ коней и явиться вмѣстѣ съ другими своими товарищами къ Исламу въ Очаковъ. Но прибывъ туда они были арестованы, а оставленное Язловецкимъ войско разбито внезапнымъ нападеніемъ. Исламъ хотѣлъ удержать Татаръ отъ дальнѣйшей мести, но это ему не удалось, и мало кто изъ отряда Язловецкаго остался тогда въ живыхъ ¹⁾).

Такъ мелкая пограничная война на уходахъ, мелкія экспедиціи и нападенія, производимыя самимъ населеніемъ, при благоклонной нейтральности или поощреніи мѣстной администраціи, и оборонительныя „погоны“ за Татарами незамѣтными переходами превращались въ военные походы на татарскія земли, организованныя представителями мѣстной администраціи. Разбойническій промыселъ Татаръ своими примѣрами вліялъ на организацію аналогичнаго военно-разбойничьяго промысла среди украинскаго населенія; изъ оборонительной организаціи формировалось военное ремесло наступательное, агрессивное; изъ жителей, обязанныхъ къ оборонительной службѣ,—образовывались специалисты войны, для которыхъ послѣдняя становилась стихіей.

Претвичъ въ своихъ интересныхъ запискахъ поясняетъ, что Татарскія нападенія стали хроническимъ явленіемъ потому, что едѣлались источникомъ пропитанія для населенія, источникомъ прибыли для мѣстныхъ капиталистовъ, источникомъ доходовъ для администраціи и правительства. Капиталисты „Турки“ въ Бѣлгородѣ и Очаковѣ, точно также очевидно и въ Кафѣ или Козловѣ давали разной татарской голытьбѣ лошадей въ долгъ для набѣговъ подъ условіемъ, что Татаринъ за это удѣлитъ имъ половину добычи, прибрѣтенной въ этомъ нападеніи; посылали съ ними также своихъ слугъ и наемниковъ на свой рискъ. Получая такимъ образомъ часть добычи, они и остальную часть ее покупали у этой голытьбы за безцѣнокъ. Администрація, поясняетъ Претвичъ дальше, получала большіе доходы отъ продажи добычи: при продажѣ невольника продавецъ платилъ 300 аспрь мѣстному фиску, покупатель столько же, „и такъ султанъ еже-

¹⁾ Acta Tomiciana XI № 803 (ср. 314) и Ваповскій с. 225—8.

годно получала по нѣскольку сотъ тысячъ аспрь отъ продажи людей въ Очаковѣ и Бѣлгородѣ¹⁾. Совершенно подобнымъ образомъ, какъ мы видѣли, и украинская администрація ввзимала разныя поборы и оплаты съ добычи, приобретенной мѣстными людьми въ погоняхъ за Татарами и въ общихъ походахъ съ администраціей или захваченной во время степной войны съ Татарами. Начиная съ писемъ Сигизмунда Старого къ приднѣпровскимъ старостамъ 1541 г., въ которыхъ онъ горько упрещаетъ ихъ въ томъ, что они позволяютъ козакамъ нападать на татарскія улусы, а „той ихъ добычей пополамъ дѣлятся“²⁾, такіе упрещенія со стороны литовско-польскаго правительства становятся общимъ мѣстомъ въ письмахъ къ пограничной администраціи. Для польскихъ войскъ, расположенныхъ въ Подольскихъ земляхъ какъ и для различнаго военнаго люда въ Приднѣпровьи, былъ извѣстный интересъ вызвать татарское нападеніе, чтобы затѣмъ разгромить Татаръ, и то не тогда, когда они шли съ пустыми руками, а въ то время когда они уже возвращались, нагруженные добычей, такъ какъ въ такомъ случаѣ эта добыча поступала въ распоряженіе побѣдителей, возвращавшихъ вещи ихъ собственникамъ лишь за извѣстный выкупъ, или же вовсе ее присваивавшихъ³⁾. Это обстоятельство можетъ намъ въ извѣстной степени объяснить, почему на Татаръ нападаютъ обыкновенно тогда, когда они уже возвращаются. И какъ со стороны Татаръ мелкіе набѣды стали обычнымъ явленіемъ, ремесломъ для пропитанія, и практиковались десятки разъ въ годъ, съ небольшимъ рискомъ и затратами,—такъ и со стороны Украины развивались набѣды на Татаръ—то въ формѣ погони, вызванной татарскимъ набѣдомъ, то въ формѣ реванша, или съ цѣлью устрашенія на будущее время. Интересно послушать объ этомъ разсказъ Претвича, одного

¹⁾ Ор. с. с. 49 ср. 51.

²⁾ Акты Ю. и З. Р. I № 105, о нихъ еще ниже въ гл. II.

³⁾ Ср. королевское распоряженіе 1516 г., устанавливавшее условія выкупа добычи собственниками у войскъ. Акты Нар. староства I № 31—*Corpus iuris polonici* III № 195. Поводомъ къ изданію этого распоряженія послужило то обстоятельство, что солдаты и другіе участники погонь за Татарами присваивали себѣ добычу и не возвращали собственникамъ. Король устанавливаетъ таксу выкупа, *ut et damna passi sua se reperisse gaudeant, recuperatores vero eiusdem praedae ad recuperandam aliam reddantur hoc pretio et lucro pro labore eorum et opera alacriores*. Такъ смотрятъ само правительство!

изъ невѣстѣйшихъ представителей этой воинственной украинской администраціи:

„Первый походъ его (Претвича) въ степи на Татаръ былъ въ то время, когда п. воевода белзскій (Сенявскій, гетманъ польный) ходилъ къ Дубовому луку перерѣзать путь Татарамъ, которые пошли было на в. кн. Литовское и, идя по дорогѣ съ Журнобродщинѣ, позабирали людей въ пасѣкахъ, а медъ похищали, и обманули п. воеводу. А онъ, узнавъ, что они уже повернули домой, послалъ меня со своими слугами вдогонку. Догнавъ ихъ у Аджибека (Хаджибейскій лиманъ?), разбилъ ихъ, забравъ въ плѣнъ и отбилъ у нихъ людей королевскихъ: лошадей при этомъ получилъ 170, а между ними была половина турецкихъ, данныхъ изъ половины добычи, какъ всегда они даютъ. Потомъ на слѣдующій годъ пришло татарское войско съ султаномъ Эджибекомъ: воевода белзскій съ воеводою подольскимъ разбилъ ихъ около Паньковичъ, и они возвратились отъ Паньковичъ, а я, отпросившись у нихъ идти еще дальше за Татарами, отправился со своими слугами. Отправившись, встрѣтился я въ степи съ людьми воеводы молдавскаго и догналъ Татаръ подъ Беримбосемъ, ночью: въ эту ночь сражался съ ними трижды: били со мной еще и Браславцы. А Татары были бѣлгородскіе, очаковскіе и дебруджскіе. Лошадей намъ досталось 560, а между ними турецкихъ было до 200. Потомъ пришло татарское войско и „брало“ въ вивницкой волости— тогда взяли пана Миска. Были Татары бѣлгородскіе и очаковскіе, и съ ними Турокъ до 300. Снарядившись, пошелъ я рядомъ, чтобъ отрѣзать путь бѣлгородскимъ: одинъ уланъ, ханскій родственникъ, повернулъ съ бѣлгородскими Татарами, и я подстергъ ихъ у Чапчаклея и разбилъ, а того улана и Атоку поймалъ живымъ¹⁾).

„На слѣдующій годъ осенью приходило нѣсколько сотъ Татаръ очаковскихъ и бѣлгородскихъ, «брали» до Бара и подъ Хмѣльникомъ. Я тогда стерегъ дороги, и теперешній воевода кievскій, а тогда староста брацлавскій (кн. Пронскій), прислалъ ко мнѣ сказать, что Татары грабятъ, поэтому, прошу васъ спѣшить ко мнѣ: и велѣлъ идти къ нему въ Муншуровъ²⁾. Соединившись тамъ съ нимъ, мы пошли за ними и догнали ихъ задніе отряды около Чапчаклея. Мы захватили ихъ живыми, и они дали

¹⁾ Ор. с. с. 58 и сл.

²⁾ Въ ориг. Nussuraw.

намъ знать, что передніе должны были ждать ихъ на верховьяхъ Березанскихъ: они должны были отослать плѣнниковъ, а сами вновь идти въ королевскія земли. Тогда, передѣвъ своихъ людей (Татарамъ), мы выслали ихъ впередъ, а сами пошли за ними и разбили ихъ на-голову: взяли плѣнниковъ больше 50, а лошадей досталось намъ больше 1000, и между ними было около 150 лошадей турецкихъ, на которыхъ Турки высылаютъ Татаръ на войну.

„Когда Винничане и Брацлавцы обложили было кн. Пронскаго въ Винницѣ¹⁾, я былъ съ нимъ. Подошелъ Билекъ мурза съ другими, забрали людей изъ Демидовецъ и у меня взяли двѣ съ половиной тысячи овецъ, которыхъ я взялъ раньше у бурколабовъ сорожскихъ, и трехъ слугъ у меня забрали. Послалъ я за ними въ погоню слугъ, но они не могли ихъ догнать и вернулись; но встрѣтились съ бѣлгородскими Татарамъ, которые шли изъ в. кн. Литовскаго,—разоили ихъ, отобрали людей королевскихъ, и плѣнниковъ взяли живьемъ. Потомъ бѣлгородскіе Татары воевали въ в. кн. Литовскомъ. Кн. Пронскій пошелъ перерѣзать имъ путь къ Нерубаю, а я съ слугами своими стерегъ ихъ на бродахъ подъ Кременчукомъ. Пока мы пришли подъ Нерубай, Татары уже прошли мимо; но часть ихъ наткнулась на моихъ слугъ, которые ихъ частью побили частью живьемъ забрали.

„На слѣдующій годъ Татары бѣлгородскіе и добружскіе воевали подъ Овручемъ и подъ Хмѣльникъ заходили. П. воевода (Сенязскій), собравшись, пошелъ за ними, а кн. Пронскій, не сходясь съ нимъ, пошелъ за ними со своими людьми по той сторонѣ Буга. Татары поймали его стражу, замѣтивъ, что люди идутъ за ними по обимъ берегамъ Буга. П. воевода стерегъ ихъ на бродахъ, но не будучи въ состояніи подстеречь, вернулся назадъ одинъ, а меня оставилъ со слугами. Я послалъ стражу дальше по Бугу, и мнѣ дали знать, что Татары переправляются ниже Чалчаклея. Я тогда пошелъ за ними въ погоню; пришелъ подъ самый очаковскій замокъ, а Татаръ не нашелъ. Послалъ къ очаковскому воеводѣ, спрашивая его, гдѣ тѣ Татары. А онъ сказалъ: вы себѣ вѣдайтесь съ Татарамъ и дѣлайте съ ними, что хотите; въ городѣ ихъ нѣтъ, они на верховьяхъ Березанскихъ. Я пошелъ тогда на нихъ, разбилъ ихъ тамъ и мно-

¹⁾ Въ началѣ 1541 г., см. выше с. 69.

го живьемъ захватилъ; женщинъ и дѣтей поколоти, потопталъ, мстя за нашу обиду. И коней взялъ у нихъ тамъ свыше 500“.

Претвичъ пишетъ свою записку защищаясь отъ обвиненій какъ съ турецкой стороны, такъ и со стороны самихъ правительственныхъ круговъ Польши убѣжденныхъ, что его нападенія на Турокъ грозятъ Польшѣ опаснымъ конфликтомъ. Поэтому онъ упоминаетъ о тѣхъ походахъ съ своей стороны, какіе были вызваны Татарами и подчеркиваетъ оборонительные мотивы этой пограничной войны. По его словамъ, лучшая организація стражи и другія улучшенія въ оборонѣ (большее вниманіе, посвященное польскими гетманами этой оборонѣ, устройство новыхъ замковъ, особенно Бара) удержали Татаръ отъ большихъ походовъ на зап. Украину въ этихъ 1540-хъ гг.; они начали пробираться болѣе мелкими отрядами, а противъ этого было единственнымъ средствомъ—не спускать этихъ нападеній, гнаться, искать этихъ разбойниковъ въ ихъ собственныхъ норахъ, подъ турецкими замками.

„Воевода белзскій, увидѣвъ, что этихъ людей (татарскихъ), нападающихъ небольшими отрядами и забирающихъ людей, онъ не можетъ подстеречь, такъ чтобы разбить ихъ еще тутъ, на королевской землѣ, а убитыи и опустошенія, благодаря этому, всей Украинѣ причиняются большія,—обратился къ великому гетману, прося инструкцій по этому вопросу—можно ли гнаться за Татарами въ степи, гдѣ они прячутся въ сосѣдствѣ султанскихъ (турецкихъ) замковъ; и п. гетманъ приказалъ гнаться за ними далеко какъ только можно и бить ихъ, гдѣ только Богъ даетъ“. „И такъ воевода белзскій началъ подстергать и гнать Татаръ, а съ нимъ и мы, королевскіе слуги—размножилось ихъ въ в. кн. Литовскомъ: кн. Пронскій, теперешній воевода кіевскій, а теперь также кн. Корецкій (староста брацлавскій въ 1548—50 гг., до того житомирскій), кн. Вишневецкій (извѣстный Дмитрій Байда), кн. староста владимирскій (Салгушко Федоръ, умершій въ 1547 г.). Когда они появились и начали обучаться рыцарскому дѣлу при воеводѣ белзскомъ, тогда начали заростать пути и этимъ мелкимъ ватагамъ въ землю королевскую, особенно бѣлгородскимъ и очаковскимъ, причинявшимъ въ тѣ времена наибольшій вредъ, несмотря на перемиріе короля съ султаномъ турецкимъ: теперь имъ былъ положенъ предѣлъ стараніями п. воеводы белзскаго и насъ, слугъ королевскихъ.

Претвичъ, съ своей точки зрѣнія, какъ видимъ обращаетъ

главное вниманіе на дѣятельность администраціи, при томъ администраціи польской, не затрагивая аналогичной дѣятельности при дѣлпроевскихъ намѣстниковъ, тѣмъ болѣе—не касаясь развитія военныхъ силъ и военного ремесла и этого оригинальнаго пограничнаго украинскаго спорта среди самого населенія. Мы съ своей стороны можемъ дополнить набросанную имъ картину этой пограничной войны такими соображеніями. Во первыхъ, въ интересахъ обороны, и въ интересахъ накопленія военныхъ силъ вообще, развитіе военного ремесла или спорта среди населенія должно было находить полное сочувствіе у мѣстной администраціи, такъ какъ оно давало ей готовый контингентъ для всякихъ военныхъ надобностей и плановъ, не только въ интересахъ государственныхъ, а и въ собственныхъ интересахъ и цѣляхъ. Въ своей борьбѣ съ Татарами, становившейся все болѣе успѣшною въ серединѣ и во второй половинѣ XVI в., эта мѣстная администрація пользовалась, собственно говоря, этими же воинственными элементами населенія и на нихъ опиралась, какъ съ другой стороны—своимъ покровительствомъ и сочувствіемъ, поощреніями и защитою всяческихъ эксцессовъ она помогала выработкѣ и росту этихъ воинственныхъ элементовъ общества. Затѣмъ по мѣрѣ того, какъ ослабѣвали татарскія нападенія въ виду все возрастающаго риска и страха реванша, эти воинственные элементы искали выхода своей энергіи и своего влеченія къ военному спорту въ нападеніяхъ на татарскія и турецкія владѣнія по собственной инициативѣ. Въ то время, какъ татарскія нападенія изъ большихъ массовыхъ походовъ превращались въ набѣги мелкихъ разбойничьихъ ватагъ, украинское населеніе, наоборотъ, отъ погонь и мелкихъ стычекъ переходило къ болѣе смѣлымъ нападеніямъ на татарскія кочевья, а затѣмъ—и къ походамъ въ больномъ масштабѣ на турецкія и татарскіе замки и города. Въ свою очередь развитіе такихъ большихъ походовъ втягивало все большія массы военного элемента, упражняло и организовывало ихъ, и т. д.

Это собственно и были тѣ условія—общественно-экономическія, колонизаціонныя и военныя, въ которыхъ росло и формировалось украинское козачество на протяженіи XVI вѣка.

II.

Начало украинскаго козачества.

Старыя и новыя мнѣнія о происхожденіи украинскаго козачества. Козачество какъ бытовое явленіе и козацкое имя. Козаки и строй ихъ жизни въ первой половинѣ XVI в. Отношеніе къ нимъ мѣстной администраціи и центральнаго правительства. Планы Вишневецкаго.

Сложный процессъ зарожденія и формировки козачества не особенно ясно обрисовывается даже предъ современною исторіографіею, при всемъ сравнительномъ изобиліи находящихся въ ея распоряженіи матеріаловъ; тѣмъ менѣе могъ онъ быть ясенъ старымъ книжникамъ и ученымъ, пытавшимся дать современному обществу отвѣтъ на вопросъ, какъ возникло это наиболѣе колоритное, наиболѣе характерное и блестящее явленіе украинской исторической жизни. Они брались за рѣшеніе этого вопроса тогда, когда это явленіе не только вполне кристаллизовалось, приобрѣло необычную экстенсивную силу, дало большой и вліятельный общественный слой,—но и покрыло имъ другіе общественные слои, сдѣлало козачество представителемъ украинской народности *par excellence*, подобно тому какъ „народъ шляхетскій“ представлялъ современную польскую народность. Это все-народное значеніе козачества, въ связи съ неизмѣримо оригинальными проявленіями козацкаго строя, казацкой стихіи, такъ рѣзко выдѣлявшимися на фонѣ общаго порабощенія народныхъ массъ и Украины и другихъ соседнихъ странъ—Бѣлоруссін, Великороссін, Польши—этотъ контрастъ между общимъ рабствомъ и свободолюбивымъ козацкимъ духомъ и строемъ—все это прежде всего должно было наталкивать на мысль объ этнической обособленности козачества, на идею „козацко-украинскаго народа“ какъ особой этнической группы.

Съ другой стороны эти теоріи этническаго происхожденія козачества благопріятствовали стремленіямъ представителей послѣдняго къ специальнымъ вольностямъ и привилегіямъ, поэтому находили благопріятную почву въ украинскомъ обществѣ. Одинъ изъ позднѣйшихъ „Лѣтописцевъ“ украинскаго казачества Ригельманъ, рѣзко выступая противъ этихъ мнѣній о происхожденіи козаковъ отъ различныхъ народовъ, или „отъ древнихъ нѣканныхъ вольныхъ людей, кои якобы не принадлежали ни къ какому владѣнію“, слѣдующимъ образомъ вскрываетъ тенденцію этихъ козачьихъ генеалогій. „Мнѣть о себѣ всѣ, будтобы они навсегда право имѣють въ вольности и ни подѣ чьимъ точнымъ владѣніемъ, какъ только подѣ защитою тѣхъ областей, къ которымъ они прикованены состоять. И для того не почитаютъ себя, чтобъ они подлинно были изъ русскихъ людей или чьи бывшіе подданные“, но создавая искусственныя генеалогіи, „хотятъ себя усильно представить, якобы и до нынѣ были по тѣмъ древнимъ народамъ вольные и ни къ кому не принадлежащіе“¹⁾. Съ точки зрѣнія общественной психологій это указаніе довольно цѣнно, и можно въ самомъ дѣлѣ думать, что такіе мотивы общественнаго характера могли дать теоріямъ этнической особынности козачества рѣшительный перевѣсъ надѣ этимологическими объясненіями, которыхъ также было довольно. Такъ названіе козаковъ выводили отъ „козы“ — потому, дескать, что они были легки какъ козы²⁾ или оттого что они ловили козь въ стѣняхъ, иначе отъ „косы“ — „то есть отъ остроты и понятности козацкой“. Но уже одинъ изъ самыхъ раннихъ представителей „ученой“ козацкой исторіи Гр. Грабянка (1710), перечисливъ нѣсколько этимологическихъ или этиологическихъ мнѣній³⁾, отбрасываетъ ихъ, или оставляетъ на

¹⁾ Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи с. 8.

²⁾ Догадка очень давняго происхожденія: ее встрѣчаемъ уже напр. въ запискѣ Гамберини 1580-хъ гг. (Bogatynski, Kozacy i Watykan — Przegląd polski, ноябрь 1906 г.).

³⁾ „Аще же Веспасіанъ Коховскій и отъ козь дивныхъ (дивныхъ) козаковъ нарицаеть, яко тѣмъ скоростію до брани соровняются и тѣхъ ловомъ наипаче упражняются, но приличнѣе Стриковскій проименованіе производитъ, глаголющи, яко отъ древняго своего нѣкского вождя Козака, егоже промисломъ многыжды Татарь побѣдаду, козаками нарицаются. Александръ Гвагнѣвъ отъ свободы ихъ тако нарекишихся разумѣеть быти, залеже праотци ихъ отъ доброй воли охотнѣ на брань искождаду“ (с. 15). Кн. Мишенскій сохранилъ намъ въ своей „Исторіи о козакахъ запорожскихъ“ записан-

второмъ планѣ, а во главу угла ставитъ мифіе о происхожденіи козаковъ отъ Козарь—„древнѣйшаго рода скифска, идущаго отъ племени перваго Аѳетоваго сына Гомера“. При этомъ Козаре, разумѣется, оказываются Славянами, и „малороссійскіе вои Козаровъ нарицаніе мало что перемѣнивши, въ мѣсто Козаровъ Козаками именуются“.

Съ теченіемъ времени галлерей предковъ украинскаго козачества расширялась и увеличивалась. Была отыскана Казахія у Константина Порфиророднаго, Кавказская Гирканія, долженствовавшая въ переводѣ означать „Козакію“ (hircus—козелъ), лѣтописные Касоги. Но мифіе о происхожденіи отъ Козарь оставалось наиболѣе популярнымъ, благодаря выдающейся роли, которую играетъ этомъ народъ въ нашей лѣтописной традиціи, и довольно широкому распространенію этого имени въ хорографіи Украины. Остроумію и эрудиціи различныхъ козацкихъ лѣтописцевъ открывалось широкое поле всевозможныхъ комбинацій, имѣвшихъ цѣлью связать этихъ псевдо-историческихъ предковъ украинскаго козачества съ его дѣйствительными историческими начатками. Рекордъ побилъ безусловно авторъ „Исторіи Руссовъ“, такъ какъ у него старыя Козаре являются предшественниками козачества не только по имени, но и въ подробностяхъ организаціи. Козаре—это козацкое войско, но отношеніи къ которому другія украинскія племена играли роль „посполитыхъ“ или „подпоможниковъ“ XVIII в.; хозарская дань IX в., описанная въ лѣтописи — это подать кіевскихъ „посполитыхъ“ на содержаніе козаковъ¹⁾. Si non è vero...

Въ виду такихъ пышныхъ генеалогій козачества по прямой линіи отъ сыновей Ноя совершенно терялись скромныя, но вполне реальныя замѣчанія о происхожденіи и развитіи козачества, встречающіяся у болѣе старыхъ писателей. Такъ популярный на

ный отъ Запорожцевъ въ 1730-хъ годахъ рассказъ о славномъ стрѣлкѣ Семенѣ, который, собравъ козаковъ и поселившись съ ними на низу, оставилъ о себѣ память въ названіи „Семеноваго рога“ на бутскомъ лиманѣ.

¹⁾ „Сіе названіе (Козарь) получили наконецъ и всѣ воины славянскіе, избранные изъ ихъ же породъ для войны и обороны отечества, коему служили въ собственномъ вооруженіи, комплектуясь и перемѣняясь также своими семействами. Но когда во время военное выходили они вѣдъ своихъ предѣловъ, то другіе гражданскаго состоянія жители дѣлами имъ подмогу, и для сего положена была у нихъ складка общественная или подать, прозваннаясь наконецъ съ негодованіемъ: дань Козарамъ“ (с. 2).

Украинці „Гвагнинь“, розказавъ о походѣ Лянцкоронскаго подѣ Бѣлгородъ, считавшемся, начиная съ Бѣльскаго, историческимъ началомъ козачества, подчеркиваетъ, что козачество образовалось именно изъ такихъ добровольцевъ, какихъ собралъ Лянцкоронскій¹⁾. Разказъ этотъ повторилъ потомъ составитель Густынской лѣтописи, прибавивъ къ нему скромную этимологическую фантазію: „И потомъ бранлибивый сей народъ, засмаковавши себѣ зъдобычъ, наставиша себѣ старѣйшину зпосередѣ себѣ, нарицаемаго Козака, отъ него же и сами потомъ козаками нарекошася“²⁾. Такое простое и прозаическое происхожденіе не удовлетворяло украинскіхъ патріотовъ XVIII вѣка, и они остались при замысловатыхъ этнографическихъ выводахъ.

Какъ однако ни наивны и не научны были эти генеалогіи козачества, во всякомъ случаѣ интересно и характерно для украинской исторіографіи XVIII вѣка это стремленіе связать начало козачества съ древне-русскими временами, поставить въ тѣсную связь съ Кіевскимъ государствомъ, съ политической жизнью древне-русскаго и переходнаго времени. Вполнѣ опредѣленно это стремленіе выступаетъ уже въ манифестѣ кіевскаго духовенства 1621 г., въ характерныхъ словахъ, поставленныхъ эмиграфомъ настоящей книги, и затѣмъ оно переходитъ красной нитью чрезъ украинскую исторіографію XVII—XVIII вв. Этими старая украинская исторіографія и написанные подѣ ея вліяніемъ работы³⁾ существенно и рѣзко отличаются отъ того, что писалось подѣ вліяніемъ традиціонныхъ великорусскихъ взглядовъ на Украинцевъ, какъ на инородцевъ Черкасъ. Этотъ другой взглядъ, засвидѣтельствованный для XVI в. старой глоссою Воскресанскою лѣтописи о Черныхъ Клобукахъ—предкахъ козаковъ Черкасъ⁴⁾, на разныя варіаціи разрабатывался потомъ въ великорусской исторіографіи⁵⁾, а свое каноническое завершеніе онъ нашель у ея наиболѣе авторитетнаго

¹⁾ Изд. Туровскаго с. 221.

²⁾ Полн. сбор. лѣтоп. II с. 368.

³⁾ Напр. очеркъ Г. Ф. Миллера О малороссійскомъ народѣ (изд. Водянскимъ).

⁴⁾ „Всѣ Черные Клобуки, еже зовуться Черкасы“—Воскр. I с. 56.

⁵⁾ Напр. Волтинъ (I с. 344) сочиняетъ фантастическую повѣсть о томъ что основанныя баскакомъ Ахметомъ слободы въ Курской землѣ были населены „Черкасами“; послѣ разоренія слободъ они бѣжали въ Каневъ, поселились тамъ и построили городъ Черкасы.

представителя въ формѣ довольно рѣшительно высказаннаго предположенія, что козаки были обрусѣлыми потомками Черныхъ Клобуковъ. Торки и Берендомъ, говоритъ онъ, назывались иначе Черкасами и Козаками, они удержались на неприступныхъ островахъ Днѣпра, и, размножившись подъ наплывомъ бѣглыхъ туземцевъ, приняли ихъ вѣру и языкъ, стали защищать эти края отъ Татаръ Турокъ, и отъ ихъ имени получилъ свое названіе городъ Черкасы¹⁾.

Имя днѣпровскихъ Черкасъ, несомнѣнно, имѣетъ центральное значеніе въ развитіи этихъ теорій и взглядовъ. Имя звучало и звучитъ, какъ названіе какой-то колоніи, заселенной Черкасами; сходство имени заставляло приводило на память кавказскихъ Черкасовъ (Черкесовъ), и представлялось вполне вѣроятнымъ, что какая-нибудь кучка кавказскихъ Черкасовъ, захваченная движеніемъ кочевниковъ, очутилась надъ Днѣпромъ и оставила свой слѣдъ въ имени этого поселенія. Какъ и когда могло это случиться, въ XVI вѣкѣ, послѣ столькихъ переменъ и колонизаціонныхъ переворотовъ, очевидно не имѣли никакого представленія. Записанный ревизорами въ 1552 г. отъ каневскихъ мѣщанъ рассказъ о „началь Черкасъ и Канева“, носитъ вполне легендарный характеръ, хотя и принимается современною исторіографією довольно серьезно²⁾. Каневцы рассказывали, что в. кн. Ольгердъ завоевавъ Кафу, Перѣкопъ и пятигорскихъ Черкасовъ, переселилъ Черкасовъ съ ихъ княгинею на Украину

¹⁾ Карамзинъ V с. 231. Онъ опирается на той же глоссѣ Воскр. лѣтоп. и позднѣе сдѣлалъ тоже Погдинъ (Исслѣдованія V с. 206—7), принимая en toutes lettres взгляды Карамзина, только въ формѣ вполне категорической („отстранить возможность возражать“, какъ самодовольно заявляетъ онъ). Въ нѣсколько болѣе ослабленной формѣ принялъ эти взгляды затѣмъ и Соловьевъ (I с. 1686). Позднѣе карамзинскую теорію повторилъ Кулишъ (Первый періодъ козачества) и совсѣмъ недавно этотъ тезисъ—что черно-клубуцкія племена назывались Черкасами, съ полнымъ убѣжденіемъ принялъ В.-Будановъ (Архивъ Ю. З. Р. VII. I с. 56). Ссылаясь на Карамзина, очевидно, онъ не подозревалъ, что имѣетъ дѣло съ позднѣйшею гипотезой, а не съ подлиннымъ лѣтописнымъ преданіемъ.

²⁾ Въ оборотъ ввелъ ее проф. Антоновичъ (Очеркъ исторіи в. кн. Литовскаго с. 62—63, ср. Киев. Стар. 1884, VIII с. 583). В.-Будановъ принималъ ее довольно скептически (Архивъ Ю. З. Р. VII. I с. 40 и 56). Недавно эту легенду повторилъ Ласкоронскій (Рус. походы въ степи, с. 118), связавъ ее съ Битовтомъ.

и главную часть ихъ поселилъ на Снопородѣ, за Днѣпромъ, а другую часть въ Черкасахъ, Снопородцевъ же перевелъ въ Каневъ. Это говорилось для того, чтобы оправдать претензіи Каневцевъ на заднѣпровскіе уходы, и очень трудно разобрать, что здѣсь можетъ быть нѣкоторымъ реальнымъ, хотя бы и смутнымъ отзвукомъ дѣйствительнаго событія, и что преднамѣренно сочинено было для указанной цѣли. Во всякомъ случаѣ это поселеніе Черкасъ если и имѣло когда нибуть мѣсто, то для XVI в. было дѣломъ настолько давнимъ, что въ половинѣ XVI в. нельзя было имѣть о немъ никакого болѣе или менѣе точнаго представленія: извѣстный рассказъ литовской лѣтописи старшей редакціи (XV в.) уже во время пернаго похода Витовта на Украину упоминаетъ Черкасы въ качествѣ довольно значительнаго замка, такъ что основаніе его нужно отнести или къ самому началу литовской оккупациі, или, что еще вѣроятнѣе—ко времени предшествующему литовской эпохѣ. О такой старинѣ у населенія не могло остаться яснаго воспоминанія и дѣйствительно подробности каневского рассказа вполне легендарны (походъ на Кафу и на Кавказъ, личность Ольгерда, переселеніе со Снопорода въ Каневъ). Съ другой стороны, основаніе этой черкасской колоніи, если оно имѣло мѣсто, съ этнической точки зрѣнія было, очевидно, такимъ же незначительнымъ фактомъ, какъ и поселеніе какихъ нибуть „Козаровъ“, „Печенѣговъ“, „Ятвяговъ“, которыхъ достаточно выказываетъ наша топографія. Какого либо слѣда поселенія болѣе значительнаго количества черкаскаго населенія мы не имѣемъ¹⁾, и сколько бы его ни было, оно должно было разсѣяться и исчезнуть почти безслѣдно во время разныхъ колонизационныхъ портурбацій, такъ что въ концѣ XV и въ XVI вѣкѣ во всякомъ случаѣ не могло быть рѣчи о какой-либо черкасской колонизациі въ Приднѣпровьи.

Но въ концѣ XV в. черкасскій замокъ дѣлается центромъ для пограничной украинской вольницы, производившій много шума своими столкновеніями съ Татарами и всякимъ встрѣчнымъ и проѣзжимъ людомъ (между прочимъ и съ московскими послами и купеческими караванами). Этническая форма его имени, при-

¹⁾ Иблоновскій (Україна с. 83) замѣчаетъ, что всю Черкасскую землю называли „Черкасами“, jak by przez jakieś przurosznienie dawne, и указываетъ на грамоты, изд. Каманинымъ (Чтенія кievскія т. VIII № 1 и 2): „въ Черкасахъ селище мое Бузуково“; но грамоту эту имѣемъ въ позднѣйшей копіи.

вычняя для московскаго уха, хорошо знавшаго Черкасъ пятигорскихъ, была очень удобна для обозначенія этой новой, пріобрѣтшей громкую извѣстность волиницы. „Черкасскіе люди“, или просто „Черкасы“ сдѣлалось названіемъ украинскаго козачества въ московскихъ кругахъ, а своимъ именемъ вызывая въ представленіи понятіе чего-то инороднаго, дало московскимъ писателямъ идею связать этотъ пограничный народъ съ черноκлобуцкимъ населеніемъ, жившимъ въ тѣхъ же мѣстахъ въ XI—XII вѣкѣ. Русскіе же историки XIX в., не входя въ ближайшій анализъ фактовъ и условій, постарались придать этой старой гипотезѣ наукообразную форму и стали выводить украинское козачество отъ черноκлобуцкаго населенія, хотя оно во время колонизаціонныхъ переворотовъ XIII в. неизбѣжно должно было разсѣяться и исчезнуть почти безслѣдно ¹⁾).

Позже, когда выяснилось татарское происхожденіе имени козаковъ и нѣкоторыхъ термिनновъ козацкаго быта—съ одной стороны ²⁾, а съ другой—стало извѣстнымъ существованіе татарской

¹⁾ См. т. II² с. 550—1.

²⁾ На происхожденіе козаковъ отъ татарскаго „кызакъ“ указалъ Сенековский въ своихъ *Collectanea* (I с. 220, 1824); ему же очевидно принадлежатъ аналогіи козацкаго строя съ турецко-татарскимъ (съ строемъ янычаровъ, египетскихъ мамелюковъ) въ Библиотекѣ для чтенія 1840-хъ гг. (см. замѣтку Ал. С. Грушевскаго въ *Запискахъ Наук. тов. Шевченка* т. LXXIX). Затѣмъ нѣкоторыя аналогіи козацкаго строя съ татарскимъ были указаны въ статьѣ Хартаха *Историческая судьба крымскихъ татаръ* (1866). Онѣ были потомъ приняты Кулишемъ (*Ист. возсоед. Россіи* I с. 34—5). Даже Костомаровъ, въ молодые годы сильно возстававшій противъ мнѣній объ инородческомъ происхожденіи козачества и подчеркивавшій генетическую связь княжескаго быта съ запорожской стариной („Мысли объ исторіи Малороссіи“, въ Библиот. для чтенія 1846), въ концѣ концовъ подпалъ подъ вліяніе этихъ взглядовъ и въ послѣднихъ изданіяхъ своего „Бордана Хмельницкаго“ писалъ, что „козачество безспорно татарскаго происхожденія, какъ и самое названіе козакъ“ (4 изд. 1884 г. I с. 5). Кулишъ уже въ первомъ своемъ трудѣ (*Первый періодъ козачества* с. 27) принималъ московскую теорію о черноκлобуцкомъ происхожденіи козачества, позднѣе (послѣ „Исторіи возсоединенія“, гдѣ всѣ эти теоріи были обойдены) принималъ теорію черкаскаго происхожденія козаковъ и пробовалъ подтвердить ее различными этнографическими признаками населенія Черкаскаго и Чигиринскаго уѣзда (Казакъ въ отношеніи къ государству и обществу, Рус. Архивъ 1877 кн. III и VI, *Исторія отпаденія* I с. 46).

колонизації въ в. кн. Литовскомъ, начали появляться попытки привести вопросъ о козачествѣ въ связь съ татарской колонизаціей. По аналогіи съ татарской колонизаціей Литвы гипотетически допускали аналогичную татарскую колонизацію въ Кіевскихъ земляхъ въ періодъ Витовта и позднѣе, и отъ этой татарской колонизаціи выводили первое начало козачества или даже первые кадры его. Вполнѣ эти теоріи развернулись въ новѣйшее время, въ историографіи русской и польской¹⁾. Однако теперь при наличности довольно значительнаго документальнаго матеріала мы можемъ констатировать совершенно опредѣленно, что кіевскія земли сколько нибудь значительныхъ слѣдовъ татарской военно-служилой колонизаціи не представляютъ²⁾, а съ другой стороны украинское козачество въ началѣ своего существованія вовсе не представляетъ изъ себя какого-либо общественнаго слоя или класса: украинскій козакъ того времени, какъ человекъ бездомный и неосѣдлый, является полною антитезою военно-служилому испомѣщенному Татарину в. кн. Литовскаго, представителю военно-служилого землевладѣнія, и сколько-нибудь замѣтной турецко-татарской примѣси среди украинскаго козачества того времени тоже совершенно невозможно указать.

Съ другой стороны однако, внадали въ извѣстныхъ крайности и представители украинской историографіи, наперекоръ теоріямъ инороднаго этническаго происхожденія украинскаго козачества старавшіеся выказать генетическую связь между нимъ и формами и явленіями старой княжеской эпохи. Ненаучныя теоріи происхожденія козачества отъ разныхъ одноименныхъ народовъ они откинули уже съ начала XIX в.³⁾ и свое вниманіе обратили главнымъ образомъ

¹⁾ Имѣю ввиду особенно труды Любавскаго (Обл. дѣленіе с. 531—3 и рецензія на работу Каманина въ *Дѣ. М. Н. П.* 1905, VII) и Яблоновскаго (главнымъ образомъ *Україна* с. 395—8), гдѣ онъ, очевидно не безъ вліянія выводовъ Любавскаго, производилъ украинское козачество отъ гипотетической татарской колонизаціи кіевскихъ земель, по аналогіи съ татарскими колоніями Литвы. Но Любавскій недавно отказался отъ своихъ выводовъ (*Записки Акад. наукъ*, 1908 с. 167).

²⁾ Одинокое стоящее до сихъ поръ указаніе на военно-служилыхъ „Татаръ кіевскихъ“, якобы получившихъ кавія то владѣнія въ Остерскихъ земляхъ отъ кн. Омелька и Семена (Акты Зап. Рос. I № 77), не находятъ своего продолженія и подтвержденія въ позднѣйшемъ матеріалѣ.

³⁾ У Бантыша-Каменскаго въ первомъ изданіи его исторіи (I-22) эти выводы уже обойдены полнымъ молчаніемъ и начало

особенно въ половинѣ XIX в.) на сущность козачества, какъ реакцію народной жизни противъ польскихъ государственныхъ и общественныхъ формъ. Вполнѣ справедливо констатировали они въ козачествѣ, какъ оно раскрывается передъ нами въ болѣе позднее время, съ конца XVI в., ту же украинскую народную стихію, усматривая въ немъ формы и стремленія народной жизни вполнѣ аналогичныя съ тѣми, какія раскрываетъ передъ нами княжеская эпоха. Но при этомъ общественныя и политическія тенденціи и общинныя формы козацкаго строя анахронистически переносились ими съ начала XVII в. на начало XVI вѣка и на этомъ основаніи пошли рѣчи объ общинномъ строѣ козачества на границѣ XV и XVI в., о козацкой самоуправляющейся общинѣ того времени, съ козацкою радюю и народноправными гетманами во главѣ. Козачество съ самыхъ первыхъ моментовъ своего существованія выступаетъ у нихъ какъ вооруженная община древнерусскихъ временъ, только подъ новымъ, татарскимъ именемъ ¹⁾. Это была ошибка вполнѣ

козачества представлено реально, на фонѣ историческіи орнамента Украины XV—XVI в.: козаки это украинскіе бѣглецы, стекающіеся отъ польскихъ притѣсненій съ конца XV в. и принимающіе свое имя отъ Татаръ „съ коими имѣли столь частыя брани“ (с. XV).

¹⁾ Подобные взгляды, болѣе или менѣе рѣзко и категорически высказанные, мы находимъ у Максимовича, Костомарова, Антоновича, въ 1840—60 годахъ. Костомаровъ, какъ въ указанной статьѣ своей (Мысли объ исторіи Малороссіи, 1846), такъ и въ позднѣйшихъ, напр. въ извѣстномъ своемъ манифестѣ „Двѣ русскіи народности“ (1861) видитъ козачество въ жизни Киевскаго княжества, въ его общинномъ народноправномъ строѣ („Козачество уже въ своемъ существѣ возникало въ XII—XIII вѣкѣ“, „старорусскіе элементы, развитые, до извѣстной степени еще въ XII вѣкѣ и долго крѣпшіеся въ народѣ, выступаютъ блестящимъ метеоромъ въ формѣ козачества“ — с. 69 и 72 I т. Монографій). Максимовичъ въ своихъ письмахъ о козакахъ приднѣпровскихъ, выступая противъ теоріи Антоновича, однако „не сомнѣвался“, что козацкій строй въ послѣдней четверти XV в. былъ общинный— „устройство... было у нихъ общинное, также какъ и у мѣщанъ и у всего посольства южнорусскаго“ (Сбор. соч. I с. 279). Но наиболѣе опредѣленно формулировалъ эти взгляды Антоновичъ въ своемъ первомъ трудѣ о козакахъ (Архивъ Ю. Э. Р. III. I. 1833): онъ видитъ въ Поддѣбровьи „въ XV и XVI вѣкѣ органически образовавшійся, укрѣпившійся и выросшій изъ туземныхъ элементовъ общинный порядокъ устройства—встрѣчаемъ его только подъ чужимъ, заимствованнымъ отъ Татаръ именемъ Козаковъ. Князья, предводительствующіе ими, носятъ тоже особенное названіе — гетмановъ...

аналогичная съ другою—перенесеніемъ на начала XVI в. позднѣйшаго козацкаго устройства XVII в.: преемства гетмановъ подраздѣленія козацкаго войска на полки, и т. д., обычно практиковавшимся у старшихъ украинскихъ лѣтописцевъ XVIII в. въ болѣе или менѣе ослабленныхъ формахъ доживающимъ до конца XIX вѣка. Менѣе рѣзкая, болѣе тонкая, чѣмъ эти послѣдніе анахронизмы, теорія козацкаго общиннаго устройства конца XV и начало XVI в. въ ослабленныхъ формахъ живетъ до сихъ поръ въ украинской исторіографіи и близкихъ къ ней по духу кругахъ¹⁾. На общемъ фонѣ ея возникаютъ различныя болѣе спеціальныя теоріи, старающіяся связать козачество въ его первыхъ стадіяхъ развитія съ тѣмъ или инымъ явленіемъ древнерусской жизни, той или другой ея формы. Такова княжеско-козацкая теорія, въ параллель старорусскимъ общинамъ съ княземъ во главѣ представляющая козачество на границѣ XV—XVI вв. въ видѣ вооруженныхъ народныхъ общинъ подъ предводительствомъ мѣстныхъ князей-гетмановъ²⁾. Теорія противокняжеская, связующая козацкія общины съ противокняжескимъ движеніемъ XIII в., съ общинами, возстающими противъ княжеско-дружиннаго уклада и отдающимися подъ непосредственную власть Татаръ съ цѣлью избавиться отъ князей³⁾.

Во внутреннемъ своемъ устройствѣ (козаки) представляютъ сохранившееся вполнѣ начало общинъ славянскихъ и подчиняются, какъ высшей власти, приговору вѣча, которое теперь называется радю“.

¹⁾ Антоновичъ въ своемъ повѣйшемъ курсѣ по исторіи козачества (Весѣди про козацькі часи, 1897) видѣлъ въ козачествѣ военно-служилыя общины, призванныя къ военной службѣ корпоративно и организованныя на основахъ общинно-вѣчевого уклада (с. 14—5). Каманинъ въ своей статьѣ „Къ вопросу о козачествѣ до Богдана Хмельницкаго“ (1894) въ козачествѣ XV в. усматривалъ „отдѣльныя общины“, „во главѣ каждой изъ нихъ свой особенный князь“ (с. 68).

²⁾ Выставлена была Антоновичемъ въ цитированномъ изслѣдованіи (1863), принята Колловичемъ (Лекціи по исторіи Зап. Россіи), раскритикована Максимовичемъ (Письма о козакахъ приднѣпровскихъ, 1863—5), возрождена Каманинымъ въ цитированномъ трудѣ.

³⁾ Дашкевичъ Волоховская земля (1876, с. 120: „голыбелью южно-русскаго козачества мы рѣшаемъ считать тѣ территоріи, гдѣ въ половинѣ XIII ст. лѣтопись помѣщаетъ Волоховцевъ и ихъ союзниковъ и единомышленниковъ“). Позднѣе такіе взгляды находимъ у Каманина ср. с.

Теорія „бродницкая“, связывавшая козачество съ „бродниками“ до монгольскаго періода¹⁾, и т. п.

Всѣ эти теоріи не разъ вполне справедливо и мѣтко указывали на аналогіи козацкаго строя, его тенденцій и отношеній съ болѣе ранними явленіями (напр. аналогія уходницкой жизни XVI в. съ „бродниками“ XII—XIII в., отношеній козачества XVI—XVII в. къ польско-шляхетскому режиму и отношеній общинъ XIII в. къ княжско-дружинному укладу, козацкаго общиннаго строя и общинно-вѣчеваго уклада древнерусскаго времени). Но генетической связи здѣсь нѣтъ и быть не можетъ по той простой причинѣ, что козачество на границѣ XV—XVI вѣковъ не было ни организованнымъ общественнымъ строемъ, ни составляло общинъ, и всѣ разговоры о козацкихъ общинахъ въ началѣ XVI в. и объ ихъ „вѣчсвомъ“, самоуправляющемся порядкѣ переносятъ въ начало XVI в. явленія, имѣвшія мѣсто лишь въ концѣ этого столѣтія, какъ я только что сказалъ.

Если мы хотимъ уяснить себѣ вопросъ о происхожденіи козачества—какъ и когда оно зародилось, какъ развивалось и формировалось, мы должны точнѣе разграничить различныя стороны этого вопроса. Мы должны отличать козачество, какъ явленіе бытовое и какъ извѣстный организованный общественный слой, общественно-правовой институтъ, съ другой стороны—отличать козачество, какъ терминъ, какъ названіе, подъ которымъ оно специализируется и кристаллизуется, и явленіе обозначаемое имъ.

Козачество, какъ явленіе бытовое, знакомо намъ съ очень раннихъ временъ. Свое козацкое имя въ томъ матеріалѣ, какой имѣемъ сейчасъ въ нашемъ распоряженіи, оно получаетъ во второй половинѣ XV в. А формируется въ извѣстный общественный слой на протяженіи всего XVI вѣка, и вполне опредѣленныя организованныя формы и правовое признаніе получаетъ лишь на границѣ XVI и XVII в. И только съ конца XVI в. о козачествѣ можно говорить, какъ объ извѣстномъ общественномъ классѣ, организаціи, толковать о козацкомъ строѣ, козацкихъ общинахъ, управленіи и т. п.

¹⁾ Встрѣчаемъ уже у Арцыбашева (Повѣствованіе о Россіи I с. 182), потомъ у Максимовича (III с. 262: „Первымъ началомъ или зерномъ запорожскаго козачества были наши Тмутараканцы“). Позже эти взгляды поддерживалъ Голубовскій (Печенѣги с. 200).

Какъ явленіе бытовое, тѣ атрибуты украинской жизни, которыя въ XVI в. дѣлаются пѣвѣстными намъ подъ техническими именами „козачества“, — стары, какъ Украина. Это результатъ извѣчной борьбы быта осѣдлаго, земледѣльческаго съ хищническимъ, разбойничьимъ населеніемъ степей, — борьбы, которая тянется вѣками, проявляясь все въ новыхъ и новыхъ формахъ, новыхъ оттѣнкахъ все на той же территоріи Украины. Если мы оставимъ въ сторонѣ болѣе древнія времена и будемъ держаться лишь фактовъ за время историческаго существованія нашего народа, мы на каждомъ шагѣ будемъ встрѣчаться съ предшественниками украинскаго козачества XVI в. Вотъ степные бродяги — украинское население Черноморья, выбитое изъ обстановки культурной, осѣдлой жизни кочевымъ потокомъ, вѣками совмѣстной жизни съ кочевыми ордами приноровленное къ условіямъ этой тревожной, полудикой жизни, закаленное и воинственное и вмѣстѣ съ тѣмъ неминуемо одичавшее, пропитанное элементами турецкой кочевой жизни. Это „Берладники“, „галицкіе выгонцы“ и иные разноименные и безыменные промышленники, ходившіе за рыбой и на другіе промыслы въ низовья Дуная, Днѣстра, Днѣпра, Дона, готовые каждую минуту среди этихъ промысловъ превратиться въ военную дружину, чтобы отразить вражеское нападѣніе, или самими ударить, разграбить купцовъ или другихъ промышленниковъ, даже двинуться походомъ въ глубь края ¹⁾). И ближе — въ пограничной съ степями полосѣ осѣдлой колонизаціи — пограничное украинское населеніе по рр. Сейму, Роси, Южи, Бугу, на переяславской границѣ, воинственное, неукротимое, готовое дать отпоръ одинаково всякой степной напасти, и всякимъ претензіямъ княжеской власти или боярской администраціи. Эти „Куряне, свѣдомые кмети, подъ трубами повитые, подъ шеломами взлелѣянные, съ конца конья вскормленные“, какъ описываетъ ихъ Слово о полку Игоревн — „дороги имъ вѣдомы, овраги знаемы, луки у нихъ натянуты, колчаны открыты, сабли отточены — они скачутъ какъ сѣрые волки въ полѣ, ища себѣ чести, а князю славы“ ²⁾). Эти „черниговскіе были“ съ славянскими и турецкими именами, которые „безъ щитовъ съ одними ножами за голенищами однимъ крикомъ прогоняють враговъ, звоня въ пращѣдовскую славу“. Эти Поршане, еще во времена Владимира Вол. „нарубленные“ изъ

¹⁾ Ср. т. II² с. 520.

²⁾ Ср. т. II² с. 331.

разныхъ краевъ и провинцій Кіевского государства, и позднѣе составлявшіеся изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ, изъ которыхъ тревожная жизнь, очевидно, отсѣивала наиболее твердыя, закаленные въ военной тревогѣ части,—державшіеся здѣсь среди періодическихъ опустошеній, перемѣшанные съ кочевымъ чернокобучскимъ населеніемъ, приспособившіеся къ сосѣдству и совмѣстной жизни съ этими турецкими элементами и въ вѣчной борьбѣ присвоившіе себѣ манеры и практику вѣковѣчнаго врага „поганина“. Все это прототипы козачества,—то же бытовое явленіе, которое на границѣ XV и XVI в. приобретаетъ имя „козачества“.

Когда мы на послѣднихъ страницахъ Кіевской лѣтописи читаемъ случайно набросанную картину этой порубежной жизни въ области Руси—этихъ смѣлыхъ, но безцѣльныхъ набѣговъ на Половецъ, диктованныхъ только желаніемъ „сайгатовъ“, добычи,—изобрѣтаемыхъ пограничнымъ населеніемъ изъ этихъ добычическихкихъ мотивовъ, а предпринимаемыхъ мѣстными младшими князьями наперекоръ желаніямъ князей старшихъ, болѣе дальновидныхъ политиковъ; когда слушаемъ выраженія неудовольствіемъ „старѣйшинъ Русской земли“ по поводу этихъ набѣговъ на половецкія кочевья, вызывавшихъ грабежомъ половецкихъ кочевій и стадъ, какъ реваншъ, только новыя половецкія нападеныя,—и вмѣстѣ съ тѣмъ ощущаемъ то сочувствіе, какое вызывало въ пограничномъ селеніи и въ дружинныхъ кругахъ эта безконечная пограничная война, гдѣ такъ пріятно было застѣгнуть „бусурманъ“ во время ихъ нападенія на Русскую землю, или при возвращеніи съ добычею, гдѣ-либо при тяжелой переправѣ, у порога стѣнъ, или забраться неожиданно въ половецкія кочевья, захватить „колодники, и кони, и скота, и челядь и всякого полоу“—мы чувствуемъ себя словно въ обстановкѣ позднѣйшаго XVI в. А слѣдя за движеніемъ пограничныхъ общинъ Побужья противъ княжеско-дружиннаго режима XIII в., за ихъ переходами подъ власть Орды, чтобы избавиться отъ власти князей,—видимъ предъ собой прототипы козацкой политики конца XVI, XVII и XVIII вв., ея вѣчной оппозиціи государственному режиму и общественному строю Польши, ея союзовъ съ Крымомъ и Портою, диктованныхъ стремленіяхъ въ этихъ турецко-татарскихъ силахъ найти опору противъ шляхетскаго строя Польши, противъ централистической политики Москвы.

Въ XV в. эти исконныя явленія украинской пограничной

жизни, свободной, тревожной, воинственной, — приобретаютъ техническое названіе „козачества“. Названіе опять таки старое: у Турковъ оно издавна обозначало воина-наѣздника легко вооруженнаго и малоцѣннаго, такъ сказать низшаго сорта. Въ половецкомъ словарѣ 1303 г. находимъ слово козакъ въ значеніи передовой стражи: понятіямъ стражи соответствуютъ половецкія слова „караулъ“, „козакъ“¹⁾. У Татаръ, съ которыми Украинѣ пришлось жить въ такомъ близкомъ соприкосновеніи на протяженіи XIII—XV вв., „козакъ“ имѣетъ значеніе чловѣка свободнаго, независимаго, военного авантюриста, опять таки низшей категоріи, съ отгѣнками значенія бродяги, партизана, разбойника, чловѣка бездомнаго, неосѣдлаго²⁾. Съ такимъ значеніемъ — довольно широкимъ, неопредѣленнымъ и нелегко поддающимся болѣе точному опредѣленію, это слово переходитъ къ сосѣдямъ, имѣвшимъ дѣло съ жителями степей — въ крымскіе города, на Украину и въ великорусскія земли. Въ припискахъ на синаксарѣ XII в. города Сугдои (Судага) въ Крыму находимъ записку, очевидно современную о какомъ то юношѣ Альмальчѣ, убитомъ „казаками“ въ 1308 г.³⁾; очевидно козакъ — здѣсь крымскіе или степные разбойники, татарскіе или какіе-нибудь другіе. Въ статутахъ крымскихъ генуэзскихъ колоній 1449 г. не разъ

¹⁾ Codex Sumanicus bibliothecae ad templum Marci Venetiarum ed. Geza Kuhn; с. 118. Въ этомъ словарѣ къ каждое латинское слово дается персидское, потомъ слово, два или цѣлая фраза половецкая. Въ данномъ случаѣ имѣемъ такой рядъ: *guayta* — *naobat* — *ghasal* *cosac*. Средневѣково-латинское *guayta*, у Дюканжа *gaita* — *exhibia*, *vigil*; персидское *naobat* — какъ толкуетъ издатель, означаетъ стражу (*exhibia*, *custodia*); *ghasal*, по его разъясненію, есть испорченная транскрипція *karaul*. Такимъ образомъ *cosac* соответствуетъ словамъ стража, „караулъ“.

²⁾ Въ турецкомъ словарѣ Радлова (Опытъ словаря турецкихъ нарѣчій) читаемъ: козакъ въ языкѣ джаматайскомъ въ нарѣчіяхъ крымскомъ и казанскомъ — чловѣкъ волиный, независимый, авантюристъ, бродяга, *ein Freier, unabhängiger Mensch, Abenteuerer, Waga-band*; въ джаматайско-турецкомъ словарѣ Вельяминова-Зернова — разбойникъ, *der Rauber, Wegelagerer*; козакъ глаголъ въ джамат. — разбойничать, *raubend umherziehen*.

³⁾ „Замѣтки XIII—XIV вѣка относящіяся къ крымскому городу Сугдаѣ (Судагу), приписанныя на греческомъ синаксарѣ“ (Записки одесскаго истор. общ. V с. 613): въ тотъ день (17-го мая) умеръ рабъ божій Альмальчу сынъ Самака, увы! — юноша, убитый мечомъ козакомъ (*каѣакон*) въ 6816 (1308 г.).

упоминаются казаки из Кафы и других генуэзских городов, из такъ наз. оргузиовъ—конной полицейско-военной стражи при консулѣ Кафы и изъ другихъ людей занимавшихся разбо- емъ — захватывавшихъ или „перехватывавшихъ“ у Татаръ скоть и различнаго рода добычу¹⁾. На великорусской границѣ, въ Рязанской землѣ, первое извѣстiе о мѣстныхъ рязанскихъ ко- закахъ, какъ легкомъ войскѣ, встрѣчаемъ въ 1444 г.²⁾, но оно читается здѣсь въ позднѣйшемъ лѣтописномъ разсказѣ, такъ что подлинность этого термина для 1440-хъ годовъ внушаетъ со- мнѣнiе, а въ документальномъ материалѣ упоминанiя о рязанскихъ

¹⁾ См. статуты, изданные въ V т. одесскихъ записокъ с. 757: *si continget fieri aliquam predam terrestrem per casachos orgusios seu homines Caphe tam de rebus bestiaminibus et hovibus Tartarorum quam aliorum quocumque*,—уставъ запрещаетъ кафинской адми- нистраци отбирать у нихъ добычу, и наоборотъ консуль обязанъ *tales casachos orgusios et interceptores sustinere et eis dare omne auxilium et favorem*, а за отобранiе добычи *ab interceptoribus* (до- бычниками) *predictis* устанавливаются наказанiя. Стороженко въ своей монографii о Баторiевой реформѣ переводитъ этотъ текстъ такъ, что тутъ идетъ рѣчь о казакахъ, оргузияхъ и другихъ Кафинцахъ (с. 17), но я считаю правильнымъ переводъ и толкова- нiе издателя, пок. Юржевита (см. прим. 108 на с. 830), понимав- шаго текстъ въ томъ смыслѣ, что здѣсь идетъ рѣчь о козаковальи оргузиовъ и другихъ кафинскихъ людей—такимъ образомъ слово „казаки“ поясняется дальнѣйшими словами—это или оргузи (кото- рые, какъ люди военные преимущественно занимались этимъ до- бычническимъ спортомъ), или другiе Кафинцы. Кто такіе оргузи, поясняетъ уставъ на с. 699—700: это военный отрядъ консула, ана- логичный со старостинскими „почтами“, организованными также по козацкому типу на Украинѣ (о происхожденiи этого слова у Смир- нова Крым. ханство с. 43). Уставы Судала и Чембало (Балаклавы) (тамъ же въ Запискахъ V с. 783 и 789) присовокумяютъ еще постановленiя о дѣлѣнѣ козацкой добычи, интересныя своими ана- логiями съ украинской практикой: четвертую часть получаетъ кон- суль, остальное дѣлится пополамъ между общиной и казаками (*de quacumque preda fienda de quibuscumque rebus inimicorum seu alio- rum, qui quovismode contrafecissent decretis Caphe, perveniat in consulem dicti loci quarta pars (et) relique tres quarte partes dividantur inter comune et dictos cazachos seu alios interceptores, vi- delicet quemlibet eorum per dimidia—ibid* с. 189 и также с. 783.

²⁾ Никон. III с. 62: „казаки разанскiа на ртахъ съ сулицами и съ рогами и съ саблями“. Въ болѣе краткомъ разсказѣ Воскрес. л. (т. II с. 111) нѣтъ этого упоминанiя.

козакахъ встрѣчаемъ только въ первыхъ годахъ XVI в.)¹⁾. На Украинѣ документальныя, совершенно опредѣленныя свѣдѣнія о козакахъ мѣстныхъ, украинскихъ имѣемъ отъ 1490-хъ годовъ, а менѣе опредѣленные намеки—съ 1470-хъ годовъ. При томъ однако въ извѣстiяхъ, касающихся Украины, и въ другихъ одновременныхъ слова „козакъ“, „козачество“, „козаки“ употребляются въ различныхъ значенiяхъ, передающихъ разные оттѣнки этого понятiя.

Козакъ—степной разбойникъ, добычникъ. До насъ дошли два одновременныхъ указанiя, являющiяся вмѣстѣ съ тѣмъ и древнѣйшими слѣдами употребленiя козацкаго имени на Украинѣ. Подъ 1469 г. Длугошъ записываетъ такой фактъ: „большое татарское войско, набранное изъ бѣглецовъ, разбойниковъ и изгнанниковъ, которыхъ называютъ они на своемъ языкѣ козаками, подъ предводительствомъ заволжскаго хана Маняка тремя отрядами напало на земли Польской короны“²⁾. Въ 1474 г. община г. Кафы приноситъ генуэзской администраци жалобу въ томъ что нѣсколько лѣтъ тому назадъ разграбили въ степяхъ большой караванъ ихъ купцовъ „разбойники и козаки“³⁾ изъ земель в. кн. Московскаго, и за это они не получили никакого удовольствiенiя, а наоборотъ своеволие и смѣлость „этихъ разбойниковъ и другихъ сообщей нашихъ возросла до того, что они почти ежедневно причиняютъ массу убитковъ Кафинцамъ“⁴⁾. Въ обоихъ разсказахъ имя козаковъ непосредственно прилагается къ добычникамъ неукраинскимъ⁵⁾, но вмѣстѣ съ тѣмъ они довольно опредѣленно намекаютъ на то, что имя козаковъ применялось широко къ различного рода степнымъ добычникамъ (*convicini nostri*, какъ

1) Свѣдѣнiя собраны у Иловайскаго Исторiя рязанскаго княжества (Сочин. I с. 202).

2) *ex fugitivis, praedonibus et exilibus, quos sua lingua kozakos appeiant*—V с. 560.

3) *per publicos latrones et cosachos illius domini de Mosco.*

4) *tantum crevit libido et audacia horum latronum et aliorum convicinorum nostrorum*—Codice diplomatico delle colonie tauro-liguri II т. II ч. 1102, перепечатанъ этотъ текстъ съ комментариемъ въ въ моей статьѣ: Козаки в 1470-х р. (Записки Наук. тов. им. Шевченка LIV).

5) Сопоставленiе этой кафинской жалобы съ дипломатическою московскою корреспонденцией показываетъ, что кафинскiй караванъ разграбили татарскiе „козаки“ московскаго вассала, „царевича“ Касима.

ихъ называютъ Кафинцы). Этимъ объясняется фразеологія авторовъ конца XV и начала XVI в. Ханъ напр. жалуется на 1492 г. в. кн. Александру, что Кіевляне и Черкасцы разбили подъ Тягиною татарскій корабль; а в. кн., отвѣчая, увѣдомляетъ его, что онъ уже поручилъ обыскать „козаковъ“¹⁾. Такимъ образомъ „козаки“—это тѣ Кіевляне и Черкасцы, которые промышляютъ въ степяхъ разбоемъ. Спустя полстолѣтія, оправдываясь передъ турецкимъ правительствомъ относительно разграбленія Очакова козаками, польское правительство такъ и объясняетъ, что разграбили его „эти проклятые разбойники, люди безъ опредѣленнаго мѣстожителства, скитающіеся по степямъ“²⁾.

Козакъ—человѣкъ свободный, никому не подчиненный, надъ которымъ нѣтъ ни власти, ни начальства. „Вольный козакъ“ стало органическимъ понятіемъ въ позднѣйшей козацкой жизни. Въ томъ же очаковскомъ эпизодѣ правительство польское, слагая съ себя всякую отвѣтственность за него, писало, что миръ не можетъ быть нарушенъ „своевоіемъ и злодѣяніемъ разбойниковъ, главарями у которыхъ были московскіе подданные, а остальные—люди не имѣющіе осѣдлости въ земляхъ королевскихъ, за которыми пошелъ всякій сбродъ; они не имѣютъ постояннаго мѣстожителства и живутъ въ степяхъ какъ дикіе звѣри, промышляютъ грабежомъ и ничьей власти не подчиняются, поэтому те не легко такихъ людей ловить и наказывать“³⁾. И позже правительство Баторія и послѣдующихъ королей въ отвѣтъ на всякія турецкія и татарскія жалобы на козаковъ повторяло тоже самое, что это сборище людей изъ различныхъ народовъ, поступающее самовольно, не имѣющее ни постояннаго мѣстопробыванія, ни какихъ-бы то ни было законовъ, ни какой либо власти надъ собою⁴⁾.

Козакъ—вообще человѣкъ бездомный, неосѣдлый, безъ опредѣленнаго занятія такъ понимаютъ козаковъ древнѣйшія прописи поднѣпровскихъ замковъ: „Окромъ осѣлихъ бояръ и мѣщанъ бы-

¹⁾ Pułaski докум. № 24.

²⁾ a perditis illis latronibus, qui nunquam certo loco consistunt, sed per campo svagantur. Въ польскомъ черновикѣ этого письма: ci ludzie, którzy w Oczakowie skodli posynieli, beli kozacy polni, a nie osiedli na iednem mieisczu—см. документы объ эпизодѣ 1545 г., изданные Е. Барвинскимъ (Набіг козаків на Очаків 1545 г.) в Записках Науков тов. ім. Шевченка т. XVIII с. 15.

³⁾ Ibid. № 1.

⁴⁾ Гейденштейнъ (II с. 113), ср. инструкцію Баторія—Źródła dz. IV с. 77.

вають у них прихожио козаки“—читаемъ въ ревизіи черкаскаго замка 1552 г., вслѣдъ за исчисленіемъ осѣдлаго населенія города. Точно также при Каневѣ, въ концѣ реестра, гдѣ перечислены бояре, мѣщане, слуги, солдаты, люди помѣщичьи и монастырскіе: „А окромъ того бывають тамъ людей прихожихъ, козаковъ неосалыхъ—а бывають ихъ не ровъно завжды, але яко которыхъ часовъ“¹⁾. „Козаковъ, людей неосѣдлыхъ, прихожихъ никогда не держать въ селахъ долѣе трехъ дней, и если козакъ придетъ къ кому и если будетъ уходить, все село должно объ этомъ знать, такъ какъ такіе люди причиняють въ селахъ много кражъ и убытковъ“, постанавляетъ болѣе поздняя кременецкая ревизія, и затѣмъ прибавляетъ, что въ случаѣ еслибы кто принялъ въ свой домъ „такого козака, неосѣдлаго человѣка“, не увѣдомивши общества, или точно также выпустилъ, или продержалъ у себя свыше трехъ дней, и за это время случилась бы у кого нибудь пронажа,—то онъ долженъ за это отвѣчать²⁾.

Занятія козака люстраціи 1552 г. описываютъ такъ: „Козаки, которые домовъ тамъ въ Черкасахъ не мають, и тые дають старосте колядки по шести жъ грошей и сена косить ему по два дни лѣтѣ толоками за его стравою и за медомъ; а которые козаки не отходячи у козацтво на поле ани рекою у низъ, служатъ въ местехъ въ наймохъ бояромъ або мещаномъ, тые старосте колядки давати ани сена косити не повинни“³⁾. Первую фразу можно понимать двояко: что подъ козаками нужно подразумевать людей безъ осѣдлости, въ противоположность мѣщанамъ, или что были козаки домовладѣльцы, поэтому отнесенные къ категоріи мѣщанъ, а теперь рѣчь идетъ о неимѣющихъ осѣдлости (при широкомъ значеніи слова „козакъ“ оба толкованія вполне умѣстны, какъ мы еще увидимъ). Эти послѣдніе не имѣющіе осѣдлости козаки или ходять на свой козацкій промыселъ, „въ козацтво“ въ степи и на Низъ, или служатъ въ качествѣ наймитовъ въ городѣ. Это послѣднее обстоятельство тоже важно, такъ какъ отбѣняетъ понятіе бездомнаго пролетарскаго характера козачества, которое выше я отмѣтилъ; но прежде всего характерно для нашего козака первое—его козацкій образъ жизни въ степяхъ, раскрывающійся въ дальнѣйшихъ извѣстіяхъ.

Претвичъ, оправдывая въ своей запискѣ партизанскую войну

¹⁾ Архивъ Ю. З. Р. VII. I с. 89 и 106.

²⁾ Архивъ Ю. З. Р. VII. II с. 114 (1563).

³⁾ Архивъ Ю. З. Р. VII. I с. 82.

съ Татарами, пишетъ: „что касается залеганья въ степи между дорогами, называемаго козацтвомъ¹⁾),—то по выходѣ въ въ степи за предѣлы дѣса встрѣчаемъ такія болота, что еслибы и четыре человека шло, то нельзя прокрасться, потому что на болотахъ всюду ихъ можно выслѣдить — и такую службою въ степяхъ между дорогами мнѣ иногда случалось не пустить Татаръ въ землю королевскую, а иногда я подстерегалъ ихъ, когда они шли въ землю королевскую, а подстерегши побивалъ“²⁾ Такимъ образомъ еще въ серединѣ XVI в. „козацтво“ было техническимъ терминомъ для обозначенія степной партизанской войны, выслѣживанія врага въ степяхъ, чтобъ при случаѣ его „улузати“, какъ говорили. Это значеніе „козацтва“, какъ видимъ, очень близко сходится съ тѣмъ, въ какомъ это слово впервые появляется въ нашихъ памятникахъ—въ значеніи стражи, сторожевого поста. „Козацтво“ въ люстраціи 1552 г., очевидно, болѣе широкое понятіе: „ходить въ козацтво“ въ ней, очевидно, обозначаетъ не исключительно степной разбой или пограничную войну, а степной промыселъ вообще—рыбную и звѣриную ловлю и неразлучную съ этимъ партизанскую войну. Въ такомъ болѣе мирномъ видѣ степныхъ промышленниковъ выступаютъ передъ нами козаки въ одномъ изъ наиболѣе раннихъ извѣстій, въ уставной грамотѣ г. Кіева 1499 г.: „Которыи козакы зъ верху Днѣпра и съ нашихъ сторонъ ходять водою на Низъ до Черкасъ и далѣй, и што тамъ здобудуть, съ того со всего воеводѣ десятое мають давати, а коли рыбы привозять зъ верху або зъ низу просолныи и вялыи до мѣста кіевскаго, тогда мають осмьникъ воеводинѣ то осмотрѣти и обмытити и мають на городъ взяти отъ бочки рыбѣ по шести грошей, а отъ вялыхъ рыбѣ и свѣжихъ десятое“³⁾. Здѣсь козаками называются степные промышленники, даже пришельцы изъ Полѣсья, ходившіе въ „уходы“ и возвращавшіеся потомъ съ рыбою и другими продуктами отхожихъ промысловъ.

Такимъ образомъ козаки въ украинскомъ Приднѣпровьи второй половины XV и первой половины XVI в.—это съ одной стороны неосѣдлый, „никому не принадлежащій“ человекъ, подобно

¹⁾ Co sie dotyczy legania na polu między slaki na straży, ktore zowią kozactwo.

²⁾ I. с. с. 52. Ср. рассказъ Бѣльскаго, какъ въ 1516 г. Предславъ Ляндкоронскій выбрался подѣ Очаковъ w kozactwo (с. 991)—рассказъ этотъ приведенъ ниже.

³⁾ Азты Зап. Россіи I № 170.

тому какъ *Indzie łozni*, бродяги польскаго права. Съ другой стороны это человекъ, который, независимо отъ своего общественнаго положенія,—будь то человекъ неосѣдлый или осѣдлый мѣщанинъ, бояринъ, шляхтичъ, помѣщикъ,—промышляетъ въ украинскихъ степяхъ и специально занимается здѣсь пограничнымъ спортомъ, степнымъ добычничествомъ, а въ особенности—партизанской войной съ Татарами. Въ аналогичныхъ значеніяхъ это козацкое имя употреблялось въ ту пору также и среди Татаръ, гдѣ этимъ именемъ назывались свободные наѣзники, степные добычники¹⁾, и также точно въ великорусскомъ быту, гдѣ кромѣ собственнаго военнаго пограничнаго козачества—донскаго, встрѣчаемъ козаковъ въ разныхъ мѣстахъ въ значеніи наемныхъ работниковъ, промышленниковъ и военно-служилыхъ людей²⁾; даже въ Бѣлоруссіи и Литвѣ, такъ далекихъ отъ татарскаго пограничья, были свои безземельные военно-служилые козаки изъ татарскихъ поселенцевъ³⁾.

Ни въ первомъ значеніи—бродячаго пролетаріата, ни тѣмъ болѣе въ другомъ, добычническомъ, украинское козачество конца XV и первой половины XVI в. не представляетъ изъ себя сколько-нибудь организованнаго общественнаго класса. Съ одной стороны козачество расплывается въ той подвижной волнѣ уходниковъ, набѣгающей съ весной въ приднѣпровскіе города и уходы и отливающей отсюда съ концемъ степнаго сезона, разбѣгаясь по разнымъ мѣстамъ Украины; съ другой стороны оно терпится и незамѣтно переходитъ въ общественные слои юго-восточной Украины—особенно въ мѣщанскій. „Въ козацтво“ ходятъ мѣстные мѣщане, крестьяне и даже мелкое боярство; изъ „козаковъ“ рекрутируются отряды, „почты“ служатъ мѣстныхъ старосты и землевладѣльцы. Козачество въ это время и долго еще впоследствии—больше родъ занятія, чѣмъ общественное положеніе, и тогда какъ отъ предприятий походовъ, набѣговъ козаковъ стоитъ звонъ и гулъ въ украинской атмосферѣ, козачества, какъ общественнаго класса, какъ какихъ нибудь „общинъ“, о которыхъ столько писалось въ новой

¹⁾ См. напр. Памятники снош. съ Крымомъ II с. 128, 251—4, 613—татарскіе козаки азовскіе и бѣлгородскіе, тамъ же с. 230—„казакъ ордынскій“, с. 376—9 „казакъ мецкерскій“ (Татары служилые князя московскаго); въ Актахъ Ю. З. Р. II № 143 поименный реестръ 24 козаковъ бѣлгородскихъ, поступающихъ въ службу изъ кн. Литовскаго—характерны татарскіи имена.

²⁾ См. напр. извѣстія, собранныя Костомаровымъ во вступленіи къ его монографіи о В. Хмѣльницкомъ.

³⁾ У Любавскаго Обл. дѣленіе с. 529—30.

украинской историографіи,—не видно никакого слѣда въ нашемъ документальномъ матеріалѣ долго-долго, почти до самаго конца XVII вѣка.

Сейчасъ мы убѣдимся въ этомъ, пересмотрѣвъ наиболѣе раннія извѣстія объ украинскомъ козацествѣ—конца XV и начала XVI в.

Самое давнее, вполне опредѣленное извѣстіе объ украинскихъ козакахъ мы уже знаемъ¹⁾. Въ 1492 г. в. кн. Александръ писалъ Менгли-гирею: „Такое писал еси намъ въ ярмыку своемъ, ежбы наши люди Кіане и Черкасцы, пришедши Днѣпромъ, подѣ Тягинею корабль твой разбили и человека одного иняли и много статковъ и денегъ побрали, а потомъ иного твоего человека иняли и колькось воловъ съ нимъ взяли, а после того подѣ Тягинею Черкасцы ж десять коней взяли, а три человека иняли и зъ собою йовели. Ино намъ то неведомо, будетъ ли ея стало—ино ся то стало безъ наше воли. Про то послали есмо до нашихъ

¹⁾ Волѣе раннія извѣстія или намекаютъ только на распространеніе козацкаго имени въ нашихъ краяхъ, а непосредственно говорятъ о козакахъ не украинскихъ (какъ приведенныя выше на с. 102), или ихъ post прилагаютъ имя козаковъ въ украинскимъ военнымъ эпизодамъ. Къ этой второй категоріи относятся извѣстія Стрыйковскаго; его упоминаніе о подольскихъ козакахъ въ войнѣ съ Федоромъ Коріатовичемъ (II с. 19) пов. Дашкевичъ считалъ самымъ раннимъ извѣстіемъ объ украинскихъ козакахъ; но Стрыйковскій зачастую употребляетъ это имя совершенно произвольно (ср. Молчановскаго Очеркъ исторіи Подольской земли с. 183 и сл., гдѣ приведены примѣры такой произвольности). Таково же, очевидно, извѣстіе Бѣльскаго отъ 1489 г., принятое за древнѣйшее Антоновичемъ (а за нимъ Эварницкимъ), о томъ что въ буковинской кампаніи Яна-Ольбрахта предводителями польскаго войска служили *kozaki tych tam miejsc swiadome* (с. 882); въ другихъ источникахъ упоминанія о нихъ нѣтъ и Бѣльскій потомъ самъ отмѣчаетъ извѣстіе о козакахъ 1516 г., какъ самое раннее (с. 991). Затѣмъ Антоновичъ къ ряду наиболѣе раннихъ извѣстій о козакахъ относитъ возстаніе Мухи (Бесѣды с. 15), но это движеніе, аналогичное съ позднѣйшими движеніями XVII в., съ раннимъ козацествомъ не имѣетъ ничего общаго. Съ большимъ правомъ привлекаетъ сюда Каманикъ (къ вопросу с. 61) извѣстіе 1489 г. о нападении людей Юрія Паца, моводы кіевского, на московскій кушеческій караванъ у таванской переправѣ (Пам. сношеній съ Польско-лит. госуд. I с. 28); это несомнѣнное „козацество“, но документъ не называетъ этихъ партизановъ козаками.

вранниковъ украинскихъ, абы того обыскали межи козаки, а чого доискавши ся—дали в руки слуге твоему Мусаде, и люди которыхъ будутъ поиманы, и статки што будутъ побраны. А тихъ лихихъ людей, которыхъ то будутъ вчинили, велели есмо сказнити“¹⁾. Такимъ образомъ въ это время терминъ „козакъ“ для обозначенія украинскихъ добычниковъ былъ уже принятъ и извѣстенъ въ правительственныхъ кругахъ, и безъ всякихъ дальнѣйшихъ поясненій употребляется здѣсь для обозначенія степныхъ добычниковъ.

Годъ спустя встрѣчаемъ подобный же фактъ, однако козацкое имя въ этомъ случаѣ употреблено не такъ опредѣленно. Менгли-гирей доноситъ в. кн. московскому, что его посла Суботу, шедшаго отъ молдавскаго воеводы въ Крымъ, около Днѣпровскаго перевоза „изъ Черкаскаго городка козаки потоптали, все поимали—пѣша остави“. По словамъ московскихъ агентовъ это были „Черкасцы“, и съ ними былъ „Богданъ, черкасскій воевода“ (кн. Богданъ Глинскій)—они тогда разрушили Очаковъ²⁾. Извѣстiе это считаю менѣе важнымъ, такъ какъ этихъ черкасскихъ людей называетъ козаками лишь Менгли-гирей, а онъ съ своей, татарской точки зрѣнiя могъ отъ себя приложить названiе козаковъ къ этому украинскому походу; но самъ по себѣ походъ, действительно, совершился въ козацкомъ стилѣ.

Слѣдующiй по порядку текстъ приведенъ выше³⁾ полностью: это упоминанiе о козакахъ—уходникахъ въ уставной грамотѣ Кiева 1499 г. Кроме этого параграфа, посвященнаго имъ специально, уставная грамота нѣсколько разъ упоминаетъ о козакахъ наряду съ купцами, какъ о людяхъ постороннихъ, пришельцахъ, прiѣзжающихъ въ Кiевъ и останавливающихся тутъ.

Затѣмъ зимой 1502-3 г. повторилась исторiя, имѣвшая мѣсто десять лѣтъ тому назадъ; Менгли-гирей писалъ объ этомъ въ Москву: ѣхалъ отъ молдавскаго воеводы въ Крымъ посолъ, на этотъ разъ ханскiй; воевода проводилъ его со своею „ратью“ до границы, а ханъ выслалъ на границу ему навстрѣчу свою охранную стражу. Несмотря на всѣ эти мѣры предосторожности напали на него на днѣпровскомъ перевозѣ „кiевскiе и черкаскiе козаки“, „на судѣхъ... прiѣхавъ ночью“. Сопровождавшiй

1) Пуласскiй № 24 (19/XII. 1492).

2) Памятники снош. съ Крымомъ I с. 194—6.

3) См. с. 105.

посла татарскій отрядъ въ концѣ концовъ отбился: „бились съ ними и рускиихъ козаковъ побѣди“, однако это не было ихъ побѣдой—они лишь „отъ бѣды утѣкли“: украинскіе козаки Татаръ „топтали“, семерыхъ изъ нихъ убили, семерыхъ изранили и 30 коней у нихъ убили ¹⁾. Названіе козаковъ и на этотъ разъ идетъ изъ усть хана (раньше говорилъ онъ о козакахъ татарскихъ).

Потомъ какъ-то лѣтомъ 1504 г. писалъ Менгли-гирей в. кн. Александру, что онъ собирался отправить своего посла въ Литву, но, какъ передаетъ его слова в. кн. Александръ—дошла до него вѣсть, „штожъ злыи люди козаки на перевозѣ (снова днѣпровскомъ очевидно, гдѣ-то подъ Тягинею) лихое дѣло учинили, купцовъ и пословъ разогнали и скарбы и товары ихъ побрали“. Это задержало посольство; ханъ требовалъ, чтобы литовское правительство разыскало этихъ разбойниковъ и захваченныя ими вещи. Такъ какъ въ Литвѣ тогда во что бы то ни стало стремились установить дружескія отношенія съ Крымомъ, то в. кн. отдалъ мѣстной администраціи—кіевскому воеводѣ и черкасскому намѣстнику строгое приказаніе—разыскать разграбленное добро и наказать „злыхъ людей козаковъ“ (въ другомъ письмѣ—„безименные люди козаки“). И намѣстникъ черкасскій кн. Василій Глинскій дѣйствительно разыскалъ разныя вещи и передалъ татарскимъ купцамъ, а провинившихся—„тихъ людей многихъ поймавши, шыею казнили“, если вѣрить увѣреніямъ, даннымъ в. кн. Александромъ Татарамъ,—даже „вседши на конь за теми лихими людьми, гоняль“, и многихъ изъ нихъ держалъ подъ арестомъ ²⁾.

Въ связи съ какимъ-то приключеніемъ въ томъ же родѣ, только быть можетъ болѣе раннимъ, имѣемъ записку объ обыскѣ, произведенномъ у черкасскихъ козаковъ кіевскимъ ключникомъ и черкасскимъ администраторомъ Сенькомъ Полозовичемъ ³⁾ для

¹⁾ Памят. снош. съ Крымомъ ХLI с. 474.

²⁾ Пуласскаго № 75 и 65 (нѣсколько сообщений в. кн. Александра въ Крымъ, въ сходныхъ выраженіяхъ).

³⁾ Записка эта издавалась дважды (съ оригинала въ Архивѣ Юго-Зан. Рос. Ш. I № 1 и съ копии Литов. Метрики у Леонтовича Акты 641), не имѣетъ даты и датируется приблизительно 1503 годомъ, на томъ основаніи что она вписана между двумя документами 1505 г. Но такъ какъ предыдущій документъ помѣченъ апрѣлемъ, а слѣдующій—январемъ, то ясно что, хронологическій порядокъ здѣсь отсутствуетъ, и наша записка можетъ принадлежать

розсыла нагробленнаго у кунцовъ добра— очевидно по приказу в. князя. Онъ отыскалъ Ахматовы товары у черкасскихъ козаковъ кн. Дмитра, которые получили эти товары у Шуровой роты: нѣсколько шубъ бѣлчихъ и лисьихъ и кусковъ цвикавскаго сукна; а послѣ одного изъ козаковъ Шуровой роты, Митечка, умершаго въ то время, у его „бурсника“ (товарища) козака же Каленка осталась штука сукна, драгоценные камни, жемчугъ и золотыя пуговицы—неизвѣстно отъ этого грабежа или отъ какого нибудь другого, такъ какъ они были забраны „на городъ“ въ качествѣ выморочныхъ, а не при обыскѣ. Записка чрезвычайно интересна тѣмъ, что козаки выступаютъ передъ нами въ иной роли: какъ наемные солдаты въ мѣстныхъ ротахъ. Одни служатъ у кн. Дмитра т. е. воеводы кievскаго Дмитрія Путятича, быть можетъ въ отрядѣ его слугъ¹⁾, другіе въ ротѣ какого-то Шура, можетъ быть ротмистра роты „драбовъ“, наемныхъ солдатъ, которые обыкновенно стояли въ приднѣпровскихъ замкахъ. Очевидно, рота состояла не изъ однихъ козаковъ, и козаки какъ покойникъ Митечко и его „бурсникъ“ Каленка²⁾ входили

и болѣе позднему времени. То обстоятельство что распоряжается въ Черкасахъ Сенько Полозовичъ и завѣдуетъ здѣшнимъ замкомъ („на мене, на городъ пришли отумерлыя речи“) говорить за то, что все это происходило передъ старостовальемъ кн. Василя Дашковича. А. Яковлевъ въ своемъ изслѣдованіи о черкасскихъ намѣстникахъ считалъ Полозовича черкасскимъ намѣстникомъ 1502—3 гг. Это было бы удобный выходъ, но трудно допустить, чтобы потомъ это намѣстничество было отобрано у Полозовича и только позже дано намѣстничество овруцкое.

¹⁾ Любавскій, въ связи со своей теоріей, видѣлъ въ этомъ Дмитріи „крещеннаго татарскаго князька, подобнаго тѣмъ, которые держали татарскія роты по списку 1528 г.“ (Обл. дѣленіе с. 532).

²⁾ Слова „бурсникъ“ въ этомъ документѣ сильно интриговало изслѣдователей. Любавскій усматривалъ въ бурсникахъ дельщикоу, видѣлъ въ этомъ доказательства козацкаго землевладѣнія и на этомъ основаніи развивалъ свою теорію происхожденія украинскаго козачества отъ „испомѣщенныхъ Татаръ“ Кіевскаго княжества (Обл. дѣленіе 531—2). Теперь, послѣ изданія судебныхъ книгъ Литов. Метрики значеніе этого слова стало ленымъ: она обозначаетъ товарища, коллегу. Такъ въ одномъ процессѣ (1520) выступаетъ передъ нами слуга кн. Острожскаго Ирикъ Михновичъ „съ товарищемъ своимъ Коптемъ“, а въ дальнѣйшемъ разсказѣ онъ называетъ послѣдняго своимъ „бурсникомъ“ (потомъ званился съ бурсникомъ моимъ съ Коптемъ“), и изъ разсказа видно, что это дѣйствительно были товарищи, люди одного занятія (Литов. Метрика I с.

ли туда наряду съ другими военными людьми, поэтому записка отмѣчаетъ съ своей стороны, что и Каленикъ тоже козакъ ¹⁾. Очевидно, эти черкасскіе добычники-козаки могли попасть въ военную службу послѣ своихъ степныхъ подвиговъ, и во время службы могли принять участіе въ такомъ походѣ. Возможно, что въ этомъ дѣлѣ была замѣщена сама мѣстная администрація, самъ „славный козакъ“ Погозовичъ и мѣстные ротмистры, и только ввиду великокняжескаго наказа изъ роли участниковъ или покровителей похода должны были перейти въ роль слѣдователей и судей, разыскивая разграбленное добро, какъ это не разъ бывало и намъ извѣстно вполне документально (сравнить позднѣйшіе упреки в. князя мѣстной администраціи, что она для своихъ выгодъ позволяетъ козакамъ дѣлать пабѣги на татарскіе улусы, а потомъ дѣлится съ нею добычею) ²⁾.

О позднѣйшихъ козацкихъ походахъ на Татаръ имѣемъ общее упоминаніе въ цитированной уже мною реляціи Макальца толмача отъ 1510 г. Онъ рассказываетъ, что ханъ хочетъ снести старый Очаковскій замокъ и поставить новый при устьѣ Буга, на выступѣ между Днѣпромъ и Бугомъ, противъ этого новаго замка соорудить „бойницу“ и въ ней поставить пушки, а черезъ Днѣпръ протянуть цѣпи, „абы твоей милости людемъ (изъ в. кн. Литовскаго) пользо переѣждати ни в верх ни вниз.“ „У Таваши рѣчка Ярймова обойшла кругъ Острова а въ Днѣпръ зася втекла, и тою рекою покрадывали ся козаки твоее милости мимо города татарскіи, и тую рѣчку на весне маеть лесомъ переплести и каменемъ засыпати, шtbody козаки туда не переходили“ ³⁾. Рѣчь идетъ очевидно о козацкихъ походахъ на лодкахъ, значительными партіями, въ окрестности Очакова и черноморское побережье, происходившихъ въ 1505—1509 гг. Болѣе подробныхъ извѣстій о нихъ въ источникахъ не имѣемъ.

1417). Въ такомъ значеніи это слово употребляется и въ другихъ случаяхъ—*ibid.* с. 9 и 1439.

¹⁾ Такимъ образомъ не считаю обоснованнымъ взглядъ, что мы здѣсь имѣемъ специально козацкое дѣленіе на роты—что это именно козаки были организованы въ роты (этотъ взглядъ въ послѣднее время у Яблоновскаго *Україна* с. 413). По крайней мѣрѣ документъ не даетъ сколько-нибудь прочнаго основанія для такого взгляда.

²⁾ Аеты Ю. З. Р. I № 105 (1541).

³⁾ Пуласкій № 120; текстъ имѣетъ очевидныя ошибки—исправляю ихъ кое-гдѣ.

Разныя другія войны и битвы, въ позднѣйшей традиціи связанныя съ козачествомъ и въ этой формѣ переданныя потомству—какъ походы „славнаго козака“ Остафія Дашковича въ концѣ перваго и началѣ втораго десятилѣтія XVI в., какъ подвиги „Русака Полоза, славнаго козака“, какъ его называетъ Бѣльскій ¹⁾ — въ болѣе древнихъ, современныхъ источникахъ не имѣютъ упоминаній о козакахъ: въ польскихъ кругахъ козацкое имя было тогда еще очень мало извѣстно. Даже громкій походъ Предслава Лянцкоронскаго подъ Бѣлгородъ, съ легкой руки Бѣльскаго ставшій для позднѣйшей традиціи на цѣлыя столѣтія, до самаго XIX в. включительно, настоящей эпохой, „началомъ козачества“, въ современныхъ этому факту источникахъ не говоритъ о козакахъ ²⁾. Лишь въ 1524 г. имѣемъ извѣстія о козакахъ подъ этимъ названіемъ. Одно говоритъ о нападеніи черкасскихъ козаковъ на кафинскихъ купцовъ—козаки ограбили ихъ и разбили, и ханъ за это грозитъ итти на Украину ³⁾. Другое гораздо болѣе важно. Оно указываетъ что уже зимою 1523/4 г., а быть можетъ и ранѣе, в. князь рѣшилъ организовать пограничный корпусъ изъ козаковъ и съ этой цѣлью поручилъ Семону Полозовичу и Криштофу Кмитичу, пограничнымъ державцамъ, набербовать для государственной службы козаковъ и съ ними предпринять походъ по Днѣпру. Несмотря на то, что рада в. кн. Литовскаго оставила великокняжеское распоряженіе безъ вниманія и не прислала для козацкаго войска ни денегъ, ни сукна, Полозовичъ и Кмитичъ предприняли походъ подъ Тавань и вели очень удачную борьбу съ Татарами, такъ что в. князь про-

¹⁾ С. 944 и ниже с. 949 и 950.

²⁾ Въ новѣйшей монографіи о началахъ козачества, И. Каманина, въ первыхъ двухъ десятилѣтіяхъ XVI в. относятся еще два событія изъ исторіи козачества: пожалованіе козакамъ первой привилегіи великимъ княземъ и возстаніе козаковъ противъ правительства (с. 78—81). Первое опирается на позднѣйшую козацкую традицію о первомъ козацкомъ гетманѣ, своей основою имѣющей записку Бѣльскаго о началѣ козаковъ въ 1516 г. (съ различными поправками и измѣненіями въ датахъ). Другое извѣстіе опирается на извѣстія о пораженіи польскаго и литовскаго войска подъ Сокалемъ въ 1519 г. (см. выше с. 42), только оно измѣнено однимъ изъ позднѣйшихъ компиляторовъ (или по недоразумѣнію, или вследствие неудачной догадки) въ томъ смыслѣ, что Татары изъ-за недоразумѣній съ Поляками бьютъ „нанихъ“ (т. е. Волянявъ)—Сборникъ лѣтописей Юж. и Зап. Рос. с. 75.

³⁾ Acta Tomisiana VII с. 5.

экспертуать организовать изъ козаковъ постоянное, довольно значительное войско въ тысячу или двѣ души, и расположить его гарнизонами противъ Татаръ¹⁾. О самомъ этомъ проектѣ рѣчь еще впереди; здѣсь онъ интересенъ намъ, какъ симптомъ непрерывнаго роста козачества, его численныхъ силъ и военной энергии. Иначе проектъ этотъ не могъ бы возникнуть. Онъ не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что на протяженіи всего второго десятилѣтія шло непрерывное развитіе козацкой партизанской войны и, хотя источники наши не упоминаютъ о козакахъ подъ этимъ названіемъ, но въ тѣхъ различныхъ эпизодахъ борьбы съ Татарами, о которыхъ они говорятъ, проявляло себя именно козачество.

Въ позднѣйшей козацкой традиціи и историографіи украинскаго козачества нѣкоторымъ пограничнымъ старостамъ, или другимъ предводителямъ козацкихъ экспедицій, болѣе или менѣе случайно упомянутымъ польскими хронистами, выпала честь быть организаторами козачества, его гетманами въ духѣ позднѣйшаго значенія этаго чина — всенародныхъ вождей Украины. Грабянка, авторъ первой „ученой“ исторіи козачества выбралъ слѣдующія имена козацкихъ вождей, записанныхъ имъ въ гетманы: „в року 1506 былъ первымъ гетманомъ Прецлавъ Лянцкоронскій, а в року 1514 будучи гетманомъ залорожскимъ нѣякійсь козакъ Бенжикъ Хмельницкій разбилъ великую орду въ Полицѣ подъ Заславемъ, потомъ былъ гетманомъ Дмитрій князь Вишневецкій, а по немъ Евстафій князь Ружинскій“²⁾. Исходнымъ пунктомъ послужилъ и здѣсь тотже рассказъ Вѣльскаго о началѣ козаковъ въ 1516 г. и „козацкомъ“ походѣ Лянцкоронскаго на Очаковъ, только дата его въ какой-то компиляціи была ошибочно измѣнена на 1506 г., точно такъ же какъ въ запискѣ о побѣдѣ „Венжика козака Хмѣльницкаго“ подъ Заславомъ 1534 г.³⁾, должно быть тоже по ошибкѣ, замѣненъ былъ 1514 годомъ. Правильная дата похода Лянцкоронскаго, однако, позднѣе была восстановлена, и вмѣстѣ съ этимъ на первое мѣсто среди козацкихъ гетмановъ былъ поставленъ другой традиціонный „славный козакъ“ Остафій Дашковичъ, уже въ историографіи XVIII в.⁴⁾, а укра-

¹⁾ Документы архѣ. юстиціи I с. 593. ²⁾ с. 20—1.

³⁾ Какъ читаемъ ее у Стрыйковскаго с. 397.

⁴⁾ Такъ у Рительмана: „въ самомъ началѣ 16 столѣтія одинъ изъ украинскихъ жителей и уроженецъ города Овруча, именемъ Дашкевичъ, назвавшись хетманомъ, собралъ нѣсколько одноземцевъ

инские историографы XIX в. при всех колебаниях в дальнейших именах остановились на долгое время на этих двух первых гетманах: первом Дашковиче, втором Лянцкоронском¹⁾. В связи с этим все больше решительно переносилась к первым десятилетиям XVI в. и организация козачества, связанная с именем Дашковича уже в первой половине XVII в. (напр. у Старовольского), и только в позднейшей традиции покрытая болле популярными рассказами о реформе Батория. Лишь послѣ того, как Дашковичь и Лянцкоронскій были выдвинули снова на первый план, какъ первые козацкіе гетманы, къ началу XVI в. начала передвигаться и организація козацкаго войска, независимо отъ старыхъ, забытыхъ преданій. Въ наиболѣе рѣшительной формѣ сдѣлалъ это авторъ Исторіи Руссовъ (связавъ однако эту организацію почему то съ именемъ Остафія Ружинскаго, дѣятеля второй половины XVI в.) и его рассказъ, несмотря на явные анахронизмы, долго принимался позднѣйшей историографіей.

своихъ, наименовавъ ихъ козаками, именемъ отъ Татаръ заимствованнымъ (и воевалъ съ Татарами), за что въ 1505 г. испросилъ отъ короля польскаго Жигмунда перваго земли въ кіевскомъ и браславскомъ воеводствахъ для пространнѣйшаго оселенія сихъ воинновъ" (с. 14); то же самое въ „Персписи“, изд. Бѣлозерскимъ. Отсюда потомъ пошла дата 1500 г., какъ начало гетманства (напр. въ исторіи Маркевича), но дата 1505 г., всетаки оказывала вліяніе и позже на хронологию, несмотря на то, что дата похода Лянцкоронскаго уже была исправлена; этимъ объясняется тотъ фактъ, что Дашковичь былъ отнесенъ къ самому началу XVI в. и его привилегія датированы 1505 г.

¹⁾ Дашковичу вообще пришлось выдержать нелегкую борьбу съ Лянцкоронскимъ и лишь съ большимъ трудомъ удалось оттѣснить на второе мѣсто съ перваго, занимаемаго еще имъ въ „Хронологіи высославныхъ гетьмановъ“ изд. Бѣлозерскимъ: „первый гетманъ войска запорожскихъ съ фамиліи сенаторской именуемый Прецлавъ Лянцкоронскій или принцъ славянороссійскій“. Нелегко было оттѣснить такое звучащее имя (варианты имени: Пренцлавъ, Пренцславъ, отсюда „принцъ словянский“, и въ связи съ этимъ у Ригельмана онъ уже титулуется княземъ). Миллеръ, придерживаясь хронологіи войны Дашковича съ Татарами, также оставилъ его на второмъ мѣстѣ, послѣ Лянцкоронскаго; то же самое видимъ у Энгеля. Прелдѣ чѣмъ Дашковичь вообще завоевалъ мѣсто въ этомъ реестрѣ, очень популярнымъ былъ порядокъ Грабянки, съ исключеніемъ Венжика, для котораго была найдена первоначальная дата 1534 г. и котораго поэтому передвинули на болле позднее время. Въ результатѣ получился такой порядокъ первый гетманъ Лянцко-

Но даже и послѣ того, какъ съ наскокомъ историческаго матеріала все болѣе разсѣивались тучи догадокъ и фантазій, смеленныхъ старыми и новыми исторіографами украинскаго козачества, эта пара: черкасскій намѣстникъ Остафій Дашковичъ и хмельницкій староста Предславъ Лянцкоронскій остались, можно сказать, до самыхъ нашихъ дней въ роли теневъ-покровителей украинскаго козачества, какъ его первые организаторы и вожди. Между тѣмъ они не были ни организаторами козачества, ни первыми въ роли вождей „козацкихъ“ походовъ, и свое значеніе въ этой области должны раздѣлить со многими другими представителями украинской администраціи, которые точно также старались использовать козачество, какъ явленіе бытовое, въ инто-

ронскій, второй Вишневецкій, третій Ружинскій (такъ въ Братковомъ Описаніи, этой наиболѣе популярной исторіи Украины, и въ Собраніи Лубомскаго, (при изд. Самовида 1876 г. с. 212 и 328). Еще Исторія Руссовъ придерживается этого каталога—выдвигая однако рядомъ съ Лянцкоронскимъ на центральную позицію среди этого первоначальнаго козачества Ост. Ружинскаго, въ качествѣ перваго организатора козачества во второмъ десятилѣтіи XVI ст.; ему же здѣсь приписана и слава побѣды надъ Татарами 1516 г. „надъ рѣкою Дономъ при городѣ Бѣлгородѣ (Бѣлгородѣ-Аверманъ смѣшавъ съ Бѣлгородомъ слободскимъ). Только Бавтышъ-Каменскій и Маркевичъ укрѣпили Дашковича на первой позиціи на долгое время, такъ что лишь много лѣтъ спустя, подъ конецъ XIX ст. опять начинаются колебанія относительно выстуленія на историческую сцену Дашковича и Лянцкоронскаго. Ихъ преемниковъ Вишневецкаго и Ружинскаго отодвинулъ къ болѣе позднему періоду Максимовичъ въ своихъ замѣчаніяхъ къ монографіи Антоновича, и изъ стараго реестра Грабянки безпомощно повисъ въ воздухѣ только загадочный „Векшикъ Хмѣльницкій“ (см. 241). Авторъ „Происхожденія запор. козачества“ (Кіев. Стар. 1884, VIII. с. 596) высказалъ догадку, что это кор. гетманъ Янъ Тарновскій, такъ какъ онъ вновь отстроилъ Хмельникъ и стоялъ въ немъ съ войскомъ, и его заслугой Бѣльскій (с. 1064) называетъ разгромъ Татаръ 1534 г. Но все таки остается не объясненнымъ, какимъ образомъ къ нему могло пристать прозвище „Wezyk Chmelnicki“.

Эти колебанія относительно Дашковича были тѣмъ болѣе неожиданны, что въ традиціи значеніе его, какъ перваго организатора козачества, сильно подчеркнуто было уже въ началѣ XVII в. Сдѣлалъ это Старовольскій въ статьѣ посвященной козакамъ въ въ брошюрѣ *Eques Polonus* (1628), представивъ Дашкевича первымъ вождемъ имъ собранной вольницы, получившей отъ него и свое козацкое имя (выписки см. въ украин. изданіи). Затѣмъ въ своихъ *Sarmatae bellatores* (1631), въчлалъ Дашковича еще большими

ресахъ обороны украинскаго пограничья и по разнымъ другимъ мотивамъ принимали участіе въ „козачествѣ“.

Первымъ изъ украинскихъ администраторовъ, замѣшанныхъ въ „козачствѣ“, въ нашемъ матеріалѣ выступаетъ кievскій воевода Юрій Палець: въ 1489 г. его люди (Юрьевы люди Палевица) разбили московскихъ купцовъ на Дибровскомъ перевозѣ¹⁾. На сколько самъ онъ лично былъ въ этомъ замѣшанъ, не можетъ сказать; его „люди“, судя по именамъ вождей: „Богданъ да Голубецъ да Васька Жила“, должно быть, не были организованнымъ походомъ кievскихъ ротъ, а свободнымъ набѣгомъ „козаковъ“, служившихъ въ „почтахъ“ у кievскаго воеводы, хотя они и не выступаютъ въ этомъ извѣстіи подъ козацкимъ именемъ: какъ мы уже знаемъ, техническимъ терминомъ это названіе стало не скоро.

Опредѣленіе выступаетъ современникъ Палеца намѣстникъ черкасскій кн. Богданъ Глинскій. Мы не знаемъ, когда онъ былъ назначенъ въ Черкасы—можетъ быть еще въ 1480 годахъ²⁾; въ 1495 г. видимъ его уже намѣстникомъ путивльскимъ. Единственный достоверный походъ его извѣстенъ въ 1498 г., когда,

похвалами (*vir omni saeculorum memoria dignissimus et castrensis disciplinae exactor gravissimus, cui iam pares non sunt Cosaci* — с. 154), Старовольскій прибавилъ нѣсколько фактическихъ, болѣе или менѣе реальныхъ подробностей: что Дашкевичъ получилъ отъ короля разрѣшеніе собирать козаковъ, былъ награжденъ черкасскимъ староствомъ, во время своихъ войнъ съ Татарами подъ старость попалъ въ плѣнъ (*in senectam iam vergens, cum maxime rerum bellicarum peritus esse putaretur, ad ripam Borysthenis cum Tartaris aduerso proelio decertans, captus ab illis fuit et anno intergo in seruitute mansit*). Разсказъ остался все же довольно бѣднымъ фактическимъ содержаніемъ, но роль Дашковича какъ перваго организатора козачества была подчеркнута очень сильно, и только неизвѣстностью этихъ сочиненій Старовольскаго въ позднѣйшихъ козацкихъ кругахъ можно объяснить, почему Дашковича съ самаго же начала не признали здѣсь первымъ основателемъ козачества.

¹⁾ Памятники снош. съ Литов. госуд. I с. 23.

²⁾ Яковлевъ въ своемъ изслѣдованіи о черкасскихъ намѣстникахъ (с. 344) приводитъ записку отъ 1488 г. о пожалованіи пушкарю черкасскому и велѣдъ за нею „тамъ Богдану Федоровичу 10 коп. грошей зъ листа (чит.: мыта) въ Кіевѣ“; но это „тамъ же“ можетъ указывать не на Черкасы, а на мѣсто пожалованія. Ошибается Яковлевъ, говоря, что кн. Богдана взяли татары въ неволю; въ татарской реляціи, указанной имъ, объ этомъ нѣтъ упоминаніе.

отплачивая за татарскій набѣгъ, онъ вмѣстѣ съ „царевичемъ Удемиркомъ“ ходилъ походомъ на Низъ, взялъ и разрушилъ поставленный на-ново Менгли-Гиреемъ „городъ“ (Очаковъ), забралъ въ немъ на „30 тыс. алтынъ“ денегъ, и людей ханскихъ 64 души убилъ, а другихъ взялъ въ плѣнъ; тогда же былъ ограбленъ московскій посолъ Субота, ѣхавшій въ Крымъ изъ Молдавіи, и ханъ называетъ этихъ грабителей „козаками черкасскими“¹⁾). Несмотря на то, что здѣсь названіе „козаки“, какъ я уже указалъ, не имѣетъ вполне техническаго термина, все-таки мы можемъ считать достовернымъ, что походъ дѣйствительно былъ совершенъ при участіи козаковъ; съ другой стороны вполне возможно, что и нѣкоторые другіе походы Черкасцевъ въ концѣ 1480 годовъ и потомъ въ 1490-хъ происходили при участіи Б. Глинскаго²⁾).

О преемникѣ Паца на киевскомъ воеводствѣ кн. Дмитріи Путятичѣ известно уже документально³⁾, что въ его „почтахъ“ служили черкасскіе козаки: выше было упомянуто обыскъ произведенный у „козаковъ черкасскихъ—князя Дмитриевыхъ козаковъ“; Щурова рота, въ которой также служили черкасскіе козаки, упомянутые въ той же запискѣ, могла быть ротой какъ киевскаго, такъ равно и черкаскаго гарнизона. Въ указанныхъ матеріалахъ нѣтъ никакихъ основаній видѣть здѣсь специально козацкія роты или полки: это было бы антиципаціей, судя по другимъ фактамъ эволюціи козачества. Воевода могъ принимать въ свой отрядъ между прочимъ и козаковъ, и они же служили въ другихъ мѣстныхъ ротахъ.

Изъ преемниковъ кн. Богдана въ имѣющемся у насъ матеріалѣ съ козачествомъ связано имя Сенька Полозовича, завѣдывавшаго черкасскимъ староствомъ въ началѣ XVI в. Онъ былъ киевскимъ ключникомъ въ 1490-хъ гг., потомъ овруцкимъ намѣстникомъ (около 1510) и державцемъ рѣчицкимъ, но при этомъ, какъ коренной киевскій землевладѣлецъ, всюду выступаетъ въ нашихъ извѣстіяхъ какъ одинъ изъ героевъ пограничной войны съ Тата-

¹⁾ Памятники снош. съ Лит. гос. I с. 195—6.

²⁾ Упомянутого Богдана въ эпизодѣ 1489 г. Каманинъ (с. 62) и Яковлевъ (с. 343) считаютъ кн. Богданомъ Глинскимъ. Но это трудно допустить: во — первыхъ, очень непочтительно онъ здѣсь названъ, безъ всякаго титула, во вторыхъ—зачѣмъ бы онъ выступалъ въ главѣ людей воеводы, а не своей собственной дружины?

³⁾ См. выше с. 110.

Грушевскій, Козачество т. I.

рами. Современникъ Додіи (Дницъ) знаетъ его, какъ „славнаго русскаго воина“¹⁾; у болѣе поздняго Бѣльскаго онъ прославляется какъ „Полозь Русакъ славный козакъ“²⁾—то и другое по случаю побѣды надъ татарскими ордами въ 1508 г. Потомъ въ извѣстіяхъ того времени имѣемъ указаніе на его побѣду надъ Татарами въ 1511 г.³⁾ Но въ наиболѣе характерной роли, какъ инициаторъ болѣе широкой козацкой организаціи и вождь козацкаго войска, выступаетъ онъ передъ нами въ 1520-хъ гг., вмѣстѣ съ другимъ кievскимъ земляниномъ Криштофомъ Кмитичемъ, также сыномъ черкаскаго намѣстника, державцомъ чернoбыльскимъ. Хотя литовское правительство не оказало имъ никакой поддержки въ организаціи козацкаго войска, но Полозовичъ и Кмитичъ все таки, „собравши малый почотъ козаковъ, на нязъ Днепромъ до Кіева и далей до Тованя на службу нашу ходили“, какъ писалъ в. князь панамъ-радѣ литовской. „И тамъ будучи, послуги своее намъ немало вчинили и тыхъ людей неприятелей всихъ Татаръ, которми в царствѣ нашомъ были, тыждень черезъ Днепръ не пропустили, и на каждый день з ними битву мевали и многихъ били, а инии сами тонули“⁴⁾.

Но славу и значеніе Полозовича, какъ вождя и организатора козацкаго покрыла слова другого черкаскаго намѣстника, Остафія Данковича. Былъ онъ также какъ, какъ и Полозовичъ, чeлoвѣкъ мѣстный, знатокъ мѣстныхъ отношеній, завзятый порубежникъ, герой пограничныхъ войнъ; его дѣятельность, аналогичная съ дѣятельностью Полозовича, но болѣе яркая, шумная, интенсивная, затмила фигуру его предшественника и для позднѣйшаго времени слѣдала изъ него наиболѣе значительнаго представителя двѣпровскаго козачества⁵⁾. Однако необходимо отмѣтить, что въ

¹⁾ Polusz miles ruthenus insignis—подъ 1508 г. (с. 35).

²⁾ Polusz Rusak, sławny kozak—подъ тѣмъ же 1508 г. (с. 950).
³⁾ См. выше, с. 39.

⁴⁾ Документы арх. юстиціи I с. 523.

⁵⁾ О Данковичѣ была статья Бартошевича въ *Encyklop. powszechna* и болѣе новое, но столь же переполненное ошибками изслѣдованіе въ его *Szkic-achъ I* (Ostafi Daszkiewicz). Цѣнное для своего времени изслѣдованіе о немъ далъ Максимовичъ въ замѣчаніяхъ на работу Антоновича. Новѣйшая работа—статья Яковлева о намѣстникахъ черкасскихъ (Україна кн. I). Несмотря на большой интересъ къ личности Данковича, въ его біографіи, особенно ранней, до послѣдняго времени было допускаемо множество ошибокъ, да и сейчасъ есть много неясностей. На ряду со старой традиціей, что Данковичъ былъ подданнымъ кн. Острожскаго изъ Овруча (у Ста-

современных Дашковичу актахъ съ его дѣятельностью нигдѣ не связывается козачество какъ имя, какъ терминъ, и все „козачество“ Дашковича было дѣломъ позднѣйшей традиціи.

По происхожденію Дашковичъ былъ кievскимъ земляниномъ — здѣсь были его имѣнія „отчизныи и матерыстыи“¹⁾. Но на политическую арену онъ выступаетъ въ Бѣлоруссіи: въ началѣ XVI в. во время войны Литвы съ Москвою онъ былъ комендантомъ Крпчева; ранѣе онъ былъ „воеводою во многихъ мѣстахъ“ на границѣ, но объ этой службѣ его нѣтъ болѣе подробныхъ свѣдѣній²⁾. Въ 1503 г. оговоренный въ чемъ-то передъ в. кн. Александромъ, Дашковичъ рѣшилъ разстаться съ нимъ и сдаться

ровольскаго), является другой столь же ошибочный взглядъ, будто бы онъ происходилъ изъ рода князей Дашковичей (Пуласкій, Каманинъ); но эти князья Дашковичи были изъ рода Глинскихъ и не имѣли ничего общаго съ родомъ Остафія. Столь же неосновательна и догадка Пуласкаго, что Остафій былъ родственникомъ Острожскихъ, и предположеніе Максимовича, что онъ былъ шуриномъ кievскаго воеводы Немировича. Последнее основано на неправдоподобной догадкѣ, что Милохна Немировича, сестра и наследница Дашковича, была женой Андрея Немировича: въ актѣ 1535 г., гдѣ она упоминается (Акты Ю. З. Р. II ч. 117), она въ такомъ случаѣ не фигурировала бы простой „землянкою кievскою“ (тѣмъ болѣе, что Андрей Немировичъ въ это время жилъ и былъ воеводою кievскимъ). Соблазнительную догадку выставилъ Бонецкій (Roszet godów и затѣмъ въ Herbarz polski, sub voce): опираясь на заявленіи Ив. Ходковича, витебскаго намѣстника, что онъ въ лѣсахъ своего братанича Ивана Дашковича бывалъ на охотѣ только съ его разрѣшенія, Бонецкій считаетъ Дашковичей однимъ родомъ съ Ходковичами и въ новѣйшей версіи (Herbarz) связываетъ ихъ еще съ фамиліей Пстручей. Въ этомъ случаѣ онъ идетъ слишкомъ далеко, но соображеніе о родствѣ Дашковичей съ Ходковичами — гипотеза очень привлекательная, въ виду традиціи кievскаго происхожденія Ходковичей. Ее принимаетъ и новѣйшій изслѣдователь исторіи рода, Дашкевичъ-Горбацкій, недавно выпустившій литографированныя „Матеріалы въ исторіи Корыбутъ-Дашкевичъ-Горбацкихъ, Спб., 1908 г.“ Слабая сторона этой гипотезы заключается въ томъ, что изъ цитированныхъ Бонецкимъ документовъ выходитъ, что лѣса этихъ Дашковичей находились въ Витебской области, и родъ этотъ жилъ тамъ же, между тѣмъ не имѣется никакихъ указаній относительно того, что родъ Остафія владѣлъ имѣніями въ Витебской землѣ и имѣлъ тамъ родственниковъ (къ наслѣдству Остафія никто не предъявилъ притязаній кромѣ его сестры).

¹⁾ Акты Ю. З. Р. II № 117.

²⁾ Памятники снош. съ Лит. гос. I с. 447—8, 470, Воскр. I с. 24.

замокъ великокняжескому дворянину П. Епимаховичу, перешель, уже послѣ заключенія перемирія между Москвою и Литвой, на службу къ в. кн. московскому. В. кн. Александръ требовалъ выдачи его, какъ измѣнника, но в. кн. московскій на это не согласился, толкуя переходъ Дашковича въ духѣ стараго права свободнаго перехода „бояръ и слугъ вольныхъ“¹⁾. Чтобы оправдать себя передъ в. кн. Александромъ въ возведенныхъ на него обвиненіяхъ, Дашковичъ пріѣзжалъ подъ защитой охранной грамоты въ 1505 г. на литовскій сеймъ въ Берестѣ и дѣйстви-тельно оправдался: былъ реабилитированъ, и имѣнія его были возвращены ему²⁾. Но очевидно, онъ остался и послѣ этого еще нѣкоторое время на московской службѣ и во время возстанія Глинскаго приходилъ къ нему на помощь съ московскимъ войскомъ³⁾. Только послѣ подавленія этого возстанія Дашковичъ возвращается въ Литву и переноситъ свою дѣятельность на Украину. Сначала онъ получилъ въ управленіе Каневъ, потомъ въ 1514 г. къ Каневу прибавлены были Черкасы, и оба староства оставались въ рукахъ Дашковича до самой смерти, свыше двадцати пяти лѣтъ⁴⁾.

Въ этотъ періодъ специальностью Дашковича являются татарскія дѣла: охрана Украины, вся юго-западная, придѣлѣрованная

¹⁾ Памятники снош. съ Лит. гос. I с. 469—701

²⁾ Литов. Метрика I с. 770—1.

³⁾ См. въ т. IV² с. 486.

⁴⁾ Недавно опубликованная тяжба Дашковича съ кн. Капустой, доставивъ извѣстіе о пріѣздѣ Дашковича на гродненскій сеймъ и достигнутую адѣсь реабилитацію, дала поводъ къ догадкѣ, что тогда, въ 1505 г. Дашковичъ вернулся изъ Москвы и получилъ Каневское староство (Яковлевъ). Еще раньше Антоновичъ, описывая возстаніе Глинскаго и участіе въ немъ Дашковича, считалъ его уже въ то время каневскимъ и черкасскимъ старостою (Монографія с. 243). Но изъ того, что теперь знаемъ объ участіи Дашковича въ возстаніи, вытекаетъ, что онъ принималъ въ немъ участіе какъ представитель московскаго князя, а не въ качествѣ мѣстнаго человека (см. т. IV² с. 486), еще менѣе—въ качествѣ старосты ка-кого либо мѣстнаго замка. Можно съ увѣренностью принять, что Дашковичъ вторично не испрашивалъ амністіи у в. кн. литовскаго. Что черкасскимъ старостой онъ сталъ лишь съ 1514 г., теперь знаемъ уже точно. Старостой каневскимъ онъ сталъ раньше: московскіе послы упоминали, что когда въ Черкасахъ намѣстникомъ былъ Андрей Немировичъ, то въ Каневѣ былъ Дашковичъ (Памятн. снош. съ Литов. госуд. I с. 522—3), а Черкасы Дашковичъ получилъ именно послѣ Немировича.

территорія которой подлежала его управленію, какъ каневского и черкаскаго старосты, а также дипломатическія сношенія и переговоры съ Татарами. Въ Польско-литовскомъ государствѣ Дашковича считали несравненнымъ знатокомъ въ этой области. Въ современной запискѣ о походѣ подъ Очаковъ, отмѣчается эта громкая репутація Дашковича среди своихъ и Татаръ, „такъ какъ онъ одержалъ много побѣдъ надъ Татарами, не разъ также былъ воедемъ Татаръ въ походахъ на Москву, опустошалъ московскія земли на огромномъ протяженіи и счастливо приводилъ назадъ домой татарское войско, нагруженное огромной добычей. Хитрый, отважный и счастливый воинъ, онъ былъ настоящей грозой Татаръ. Его лицо, весь внѣшній обликъ фигуры и одежда,—все было чисто татарское. Онъ зналъ ихъ языкъ и, часто бывая на развѣдкахъ, оставался неузнаннымъ въ ихъ таборѣ: его принимали за Татарина, и благодаря этому провѣдывая объ ихъ предпріятіяхъ, онъ разбивалъ ихъ на-голову, а посланцовъ татарскихъ, отправляемыхъ къ нему, онъ выставялъ на страшное позорище, прибитыхъ на столбахъ въ степяхъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ проходили Татары¹⁾).

Извѣстенъ походъ Дашковича съ Татарами въ Сѣверскія земли въ 1515 г. и громкой походъ на Москву въ 1521 г., в. кн. Сигизмундъ прислалъ Остафію за эти подвиги почетныя дары, бархатъ и сукна, и 50 копей деньгами. Вслѣдъ за этимъ Остафій отправляется посломъ въ Орду и непосредственно послѣ того опустошаетъ Крымъ во время междоусобій, возникшихъ по смерти Махметъ-гирея²⁾. Позже онъ также принимаетъ участіе въ крымскихъ междоусобіяхъ, и пользуясь ими для набѣговъ на Татаръ (въ родѣ шумѣвшаго похода на Очаковъ въ 1528 г.), одновременно поддерживаетъ разныхъ крымскихъ претендентовъ. Такъ подъ его покровительствомъ въ сосѣдствѣ Черкасъ искалъ защиты въ концѣ 1520-хъ гг. претендентъ Исламъ-гирей, и это вызвало походъ хана Сеадатъ-гирея на Дашковича: онъ приходилъ въ 1532 г. на Черкасы, съ отрядомъ янычаръ и большою артиллерією, чтобъ одолѣть неутомнаго сосѣда, но города взять не могъ и послѣ тринадцати дней безуспѣшныхъ усилій, какъ рассказываетъ польскій хронистъ, пригласилъ Дашковича на

¹⁾ Acta Tomiciana XI с. 223.

²⁾ Объ этомъ у Карамзина XII с. 78 (безъ указанія источника —онъ неизвѣстенъ и до сихъ поръ).

свиданіе и заключилъ съ нимъ союзъ и братство. Съ трофеями этой блестящей компаніи Дашковичъ ѣздилъ на сеймъ въ Петроковъ, похвалился пушечными ядрами, которыми обстрѣливались Черкасы, и былъ обсыпанъ похвалами и подарками. При этомъ Дашковичъ выказалъ здѣсь свои соображенія о необходимости образованія постоянныхъ гарнизоновъ на Днѣпрѣ на татарскихъ перевозахъ, для обороны Украины ¹⁾.

Это былъ послѣдній триумфъ Дашковича, онъ умеръ немного спустя (1585), не оставивъ ни потомства, ни жены (неизвѣстно, былъ ли вообще женатъ), сдѣлавъ зато большія пожертвованія на монастыри, какъ подобало „человѣку рыцарскому“. Но среди мѣстнаго населенія оставилъ онъ память не особенно свѣтлую своими „новинами“, какъ мы отчасти уже видѣли. Изыскивая средства на свои военные „почты“, на оборону замковъ, на нужды войны, этотъ суровый пограничникъ держалъ въ желѣзныхъ рукахъ мѣстное мѣщанство и всякій прочій людъ, завелъ разные сборы и налоги, ограничилъ мѣстное населеніе въ свободномъ пользованіи уходами и всякаго рода угодами, и его „новины“ стали потомъ исходнымъ пунктомъ препирательствъ для мѣстнаго населенія, не мирившагося съ утратою прежнихъ вольностей и ведшаго упорную войну съ позднѣйшими старостами, которые, не имѣя силъ и авторитета Дашковича, продолжали его фискальную политику. Тотчасъ же послѣ смерти Дашковича „староста и всѣ мѣщане города Черкасъ“ приносятъ в. князю жалобу, „штожь дей якби держалъ отъ насъ тотъ замокъ Черкасы небожчикъ панъ Остафей Дашковичъ, ино дей въ тотъ часъ кривды ся великія имъ отъ него стали“: онъ изъясилъ изъ юрисдикціи общины множество людей и перевелъ ихъ на службу замка, подчинивъ старостинскому суду, забралъ городскіе уходы на Днѣпрѣ и Сулѣ и началъ раздавать ихъ за плату „людемъ обчымъ“ (постороннимъ); началъ съ добычи уходниковъ отбирать половину рыбы и звѣря; забралъ на замокъ доходы съ корчемъ; завелъ принудительную продажу рыбы и меда на замокъ; увеличилъ старостинскую долю въ добычѣ военной, козацкой спеціально, и т. д. ²⁾. Это не помѣшало однако позднѣйшей историографіи сдѣлать изъ Дашковича представителя общиннаго, народноправнаго элемента, хотя,

¹⁾ Бѣльскій с. 1055 и 1059, ср. записку дневника того времени о пріѣздѣ Дашковича на сеймъ въ Мопин. Poloniae V с. 899.

²⁾ Архивъ Ю. Э. Р. VIII. V № 6 и VII. II с. 367—8.

какъ видимъ, именно этому общинному элементу онъ былъ очень тяжелъ въ действительности.

Въ западномъ, побужскомъ районѣ, на брацлавско-подольской границѣ, позднѣйшая традиція превознесла особенно роль и значеніе Предслава Лянцкоронскаго, старосты хмельницкаго, — аналогично, но съ гораздо меньшимъ правомъ, чѣмъ это сдѣлала съ Далковичемъ. У современниковъ центральной фигурой мѣстной обороны и борьбы съ Татарами до самой смерти своей въ 1530 г. выступаетъ кн. Константинъ Ив. Острожскій, *summus cum Tartaris belli gerendi imperator*, какъ его называютъ современники¹⁾. Въ силу своего титула винницкаго и брацлавскаго старосты, онъ былъ официальнымъ стражемъ литовскаго Побужья, а какъ гетманъ в. кн. литовскаго, первый магнатъ Волыни и вообще человекъ чрезвычайно авторитетный и уважаемый, К. Острожскій во второмъ и третьемъ десятилѣтіи былъ руководителемъ всей украинской оборонной организаціи. Его послѣдній триумфъ надъ Татарами въ 1528 г. былъ пышно отпразднованъ: „кн. Константина превозносили до небесъ и когда онъ вскорѣ послѣ этого пріѣхалъ въ Краковъ къ королю Сигизмунду, тотъ принялъ его съ наиболѣе изысканными почестями, въ присутствіи всего двора, и когда онъ вѣзжалъ въ городъ и замокъ, передъ нимъ несли военные знамя, отбитые унепріятели въ этой войнѣ, и вели передъ нимъ взятыхъ въ неволю Татаръ“²⁾. При немъ на другомъ планѣ стояли подольскіе старосты, начальники наемнаго войска и стражники — начальники стражи, завѣдывавшіе обороною коронной границы. Среди нихъ въ источникахъ того времени во второмъ десятилѣтіи XVI в. на первомъ мѣстѣ фигурируетъ Станиславъ Лянцкоронскій, староста каменецкій и стражникъ (*exhibitor praefectus*), затѣмъ его преемники въ стражничествѣ Якубъ Огрусъ (съ 1520) и Николай Обнявскій, позднѣйшій гетманъ, начальники наемнаго войска Янъ Сверчовскій (старшій), Якубъ Сецегиневскій, старый пограничникъ, братъ Станислава Предславъ Лянцкоронскій, староста хмельницкій, Юрій Язловецкій, тогда еще молодой воинственный магнатъ, герой несчастнаго похода на Очаковъ въ 1528 г.³⁾. Изъ нихъ въ

¹⁾ См. выше с. 47. ²⁾ Ваповскій с. 218.

³⁾ Біографіи всѣхъ ихъ у Старовольскаго *Sarmatae bellatores*, но онѣ риторичны и очень бѣдны содержаніемъ.

позднѣйшей традиціи особенно пострадавило Предславу Лянцкоронскому—въ извѣстіяхъ современныхъ весьма мало замѣтному. Старовольскій въ своихъ *Sarmatiae bellatores* возвеличилъ его, какъ достойнаго ученика Конст. Острожскаго, какъ рыцаря вышколеннаго въ рыцарскомъ искусствѣ современной Европы („пройдя всю Европу, побывалъ также въ Іерусалимѣ и въ разныхъ варварскихъ краяхъ, тамъ многому научился въ военномъ искусствѣ и вернувшись домой, воспользовался этимъ: въ военной наукѣ многое отъбнилъ и новое завелъ“) ¹⁾. О роли его въ позднѣйшей традиціи была уже рѣчь выше ²⁾.

Въ 1530-хъ гг. начинаетъ свою службу въ Подольскихъ земляхъ ротмистръ Бернатъ Претвичъ, съ 1540 г. староста вновь сооруженнаго барскаго замка, одинъ изъ наиболѣе прославленныхъ пограничниковъ ³⁾. О немъ говорили: *Za rapa Prętowica wołna od Tatar granica*; насчитывали 70 битвъ его съ Татарами, и во всѣхъ онъ, какъ утверждали, оставался побѣдителемъ. Наиболѣе прославленнымъ эпизодомъ былъ его походъ на Очаковъ въ 1541 г., рассказанный Бѣльскимъ: „незадолго

¹⁾ *Sarmatiae bellatores* изд. 1681 отд. LXXVII. Въ наше время эти старые комплименты, пересолить ихъ еще больше (за Кулишомъ), повторилъ Эварницкій: у него Лянцкоронскій „извѣстенъ былъ какъ лучший полководецъ своего времени, много путешествовавшій по разнымъ странамъ Европы и Азіи, изучившій всѣ боевые приемы лучшихъ европейскихъ и азіатскихъ полководцевъ“ (Исторія запорожск. козаковъ II с. 9—10).

²⁾ Новѣйшая историографія занималась мало Лянцкоронскимъ, несмотря на его репутацію, раздутую Старовольскимъ и украинской традиціей XVIII в. Критикъ традиціи посвятилъ специальную статью Вартоневичъ *Czy Pręczław Lancoroński był hetmanem kozaszkim?* (въ его *Studia histor. i literackie*, III). Несмотря на эту критику Лянцкоронскій оставался на позиціи козацкаго гетмана и позже. Такъ напр. Иловайскій въ своей исторіи Россіи (III, 1890, с. 582) оставляетъ Лянцкоронскаго на его традиціономъ посту, только обмѣнявъ его ролями съ Дашковичемъ: у Марковича Лянцкоронскій былъ городовымъ гетманомъ, а Дашковичъ первымъ кошевымъ; Иловайскій, зная, что Дашковичъ былъ черкасскимъ старостою, назвалъ его организаторомъ городского козачества, а Лянцкоронскаго „первымъ извѣстнымъ атаманомъ низовыхъ козаковъ“.

³⁾ Издатель его мемуаровъ Любомирскій по отчетамъ короннаго скарба знаетъ его ротмистромъ Подольской земли съ 1537 г. (*Bibl. Warszawska*, 1866, III с. 47). О дѣятельности его, какъ барскаго старосты, см. мою книгу Барское староство с. 100 и сл.

передъ тѣмъ Татары напали было на Русь и причинили большія опустошенія около Винницы и въ другихъ мѣстахъ. Верный Претвичъ герба Вцеле, староста барскій, достойный памяти у воѣхъ насъ Поляковъ, пустился за ними съ небольшимъ числомъ козаковъ и Черемисовъ, прошелъ за ними до самаго Очакова, но взятые въ неволю люди были уже на корабляхъ: везли ихъ въ Кафу на продажу. Плакалъ онъ глядя на ихъ бѣду, и говорилъ: какъ бы я радъ былъ выручить васъ, если бы могъ. Зато славно отомстилъ за нихъ, изрубивъ дѣтей татарскихъ и женщинъ ихъ, частію потопивъ бѣжавшихъ на воду. Черемисы стрѣляли ихъ на водѣ, какъ утокъ. Съ добычею возвратился онъ домой, и повторилъ то же на слѣдующій годъ¹⁾. Въ своей запискѣ, предложенной въ 1550 г. сейму въ отвѣтъ на турецкія жалобы, Претвичъ далъ очень интересную картину тогдашней войны, уже использованную нами выше. Руководителемъ и учителемъ своимъ и своихъ товарищей называетъ онъ гетмана польнаго Сѣнявскаго — очевидно преувеличивая его роль, изъ вѣжливости, или прикрываясь его именемъ въ виду неудовольствія двора, вызваннаго турецкими жалобами. Своимъ ближайшимъ товарищемъ въ пограничной войнѣ съ Татарами 1530-хъ годовъ, какъ мы видѣли, называетъ онъ кн. Семена-Фридриха Пронскаго, старосту винницкаго и брацлавскаго, въ 1540-хъ годахъ кн. Федора Сангунка, тоже старосту винницкаго и брацлавскаго, позже владимирскаго († 1547), Богуща Корецкаго, тоже бывшаго старостой въ Винницѣ и Брацлавѣ въ концѣ 1540-хъ годовъ, и князя Дмитрія Вишневецкаго (славнаго Байду)²⁾. Это, разумѣется — лишь болѣе или менѣе случайно названныя имена героевъ тогдашней пограничной войны.

Связь съ козачествомъ этой пограничной борьбы здѣсь, на западномъ театрѣ войны, выступаетъ въ официальномъ современномъ матеріалѣ еще рѣже, слабѣе и случайнѣе, чѣмъ въ Приднѣпровьи — хотя и въ последнемъ, какъ мы видѣли, въ современномъ матеріалѣ выступаетъ она также лишь изрѣдка. Дѣятельность Пред. Ляцкоронскаго, героя позднѣйшей козацкой традиціи, въ современныхъ ему извѣстіяхъ ни единымъ словомъ не связывается съ козацкимъ именемъ. Громкій походъ на Очаковъ Претвича, въ позднѣйшемъ разсказѣ Бѣльскаго

¹⁾ Изд. Туровскаго с. 1085.

²⁾ См. выше с. 85.

представленный дѣламъ козацкимъ, въ запискѣ Претвича съ козаками по связани пи однимъ словомъ¹⁾. Отъ козацкаго нападенія на Очаковъ въ 1545 г. вся администрація литовской и польской Украины откращивались руками и ногами; польскія власти, очевидно, опираясь на объясненія Претвича или его слугъ, поясняли, что это „козаки изъ в. к. Литовскаго черезъ волость Барскую, Претвичевымъ путемъ, захватывая до двадцати миль коронной территоріи, ходять за добычею въ Молдавію, на улусы и на пастуховъ турецкихъ, и поступаютъ такъ умышенно, чтобы ввести въ подозрѣніе у сосѣдей Претвича и другихъ пограничниковъ изъ Польскаго государства“. Польскіе агенты сваливали все на литовскихъ старостъ: они поймали какого-то козака Ивашка изъ козацкой ватаги, и тотъ показалъ на слѣдствіи въ Краковѣ, передъ королевскимъ дворомъ, что они ходили въ этотъ разъ въ Молдавію съ вѣдома и приказу кн. Федора-Сангушка, старосты владимирскаго, а другой разъ ходять на Тягину и Очаковъ²⁾. Но эти объясненія остались секретомъ польскаго правительства³⁾. Напрасно турецкое правительство утверждало, что иниціаторами этого нападенія были старосты пограничныхъ замковъ, прежде всего Претвичъ, Сангушко, Пропскій (неизвѣстно, староста ли черкасскій Андрей, или воевода кievскій Семень, прежній староста брацлавскій⁴⁾). Польское правительство стало на томъ, что походъ учинили степной сбродъ, преимущественно изъ московскихъ подданныхъ, иерѣдка литовскихъ, и все это люди не признающіе никакой власти; но въ концѣ концовъ, чтобы не размазывать этой неприятной исторіи, оно поспѣшило заплатить убытки турецкимъ подданнымъ.

Претвичъ въ своей запискѣ лишь одинъ единственный разъ проговорился о своихъ связяхъ съ козаками. Рассказывая о засадѣ, устроенной имъ Татарамъ, послѣ того какъ они разбили брацлавскихъ рыбаковъ, онъ пишетъ: „ида въ степи оставилъ я около полутора десятка слугъ—стеречь на Кучманскомъ шляху,

¹⁾ Рассказъ его приведенъ выше, с. 84.

²⁾ См. документы объ этомъ нападеніи 1545 г. изданные Е. Барвинскимъ (изъ Acta Tomisiana) въ львовскихъ Запискахъ т. XVIII.

³⁾ Кромѣ указанной выборки изъ Acta Tomisiana еще одинъ документъ въ укр. изд. этой книги.

⁴⁾ Записки т. XVIII № 8.

начальникомъ былъ Бернашевскій съ козакомъ старшимъ¹⁾, и за недѣлю послѣ моего выхода они подстергли бѣлгородскихъ Татаръ, шедшихъ прямо на Варъ; пошли за ними и догнали въ 4 миляхъ отъ Вара, побили, а нѣкоторыхъ живыми взяли“. Это случайно оброненное извѣстiе очень интересно, особенно если связать его съ выше упомянутыми турецкими объясненiями и рассказомъ немногимъ позднѣйшаго Бѣльскаго о козакахъ въ Претвичевыхъ походахъ. Другiя упоминанiя Претвича, называющаго „козацтвоиъ“ практиковавшiяся у него развѣдки или вспоминающаго, что въ походѣ Претвича на Татаръ, предпринятомъ вмѣстѣ съ другими помѣщиками и старостами былъ у нихъ „есауломъ“ кн. Корецкiй— всего лучше показываютъ, насколько въ дѣйствительности проиграна была казацкими элементами вся эта пограничная война съ Татарами.

Не подлежитъ сомнѣнiю, что на всемъ пространствѣ отъ Кiева и Черкасъ до Вара и Хмельника на протяженiи всей первой половины ХVІ в. пограничная борьба съ Татарами и партизанская война всѣми этими правительственными агентами—старостами, державцами, ротмистрами, стражниками, гетьманами,—и разными магнатами и помѣщиками, по собственному побужденiю предававшимися такому пограничному спорту, велась при участii козаковъ и козацкаго элемента въ весьма значительныхъ размѣрахъ. Упоминанiя о козакахъ въ источникахъ, относящихся къ тому времени, рѣдкия и скупыя, бросаютъ лишь случайныя лучи свѣта на эту практику, которая въ дѣйствительности была явленiемъ постояннымъ, обычнымъ, можно сказать—нормальнымъ. Если въ источникахъ того времени изъ кiевскихъ воеводъ только кн. Дмитрiй Путятичъ, изъ черкасскихъ намѣстниковъ лишь кн. Богданъ Глинскiй, изъ овруцкихъ Сенько Полозовичъ, изъ житомирскихъ кн. Корецкiй, изъ брацлавскихъ кн. Сангушко, изъ барскихъ Претвичъ документально связаны съ козачествомъ—пользуются казацкими силами для своей борьбы съ Татарами, или выступаютъ во главѣ козацкихъ отрядовъ, то въ дѣйствительности, можно сказать, всѣ сколько-нибудь значительные участники этой пограничной борьбы дѣлали то же: пользовались казацкими силами и „козачествовали“ вмѣстѣ съ козаками. Не только „Русакъ Полозь“ либо Остафiй Далшковичъ, но и всѣ

¹⁾ Nad ktoremi był Biernaszewski z kozakiem z Tarazem—(I. c. c. 58); очевидно читать нужно zstarszem или starszem. „Старшiй козацкiй“ пятнадцать—двадцать лѣтъ спустя становится уже официальнымъ названiемъ козацкаго предводителя.

болѣе выдающіеся старосты черкасскіе, начиная съ князя Богдана Глинскаго—Кмита Александровичъ, Иванъ и Василій Дашковичи, Глинскіе—двоюродные братья Богдана, Андрей Немировичъ, позднѣйшій кievскій воевода, извѣстный участникъ войнъ съ Татарами—все они были такими же „козаками“, какими позднѣе жившій Вѣльскій рекомендуетъ намъ Полозовича и Дашковича,—только болѣе или менѣе „славными“. „Козачествовали“ брацлавскіе старосты, какъ старшій Константинъ и молодой Илья Острожскіе, Сангушки, Пронскіе и Корецкіе. „Козачествовали“ литовскіе и коронные магнаты вродѣ Язловецкихъ (походъ 1528 г.), Сѣнявскихъ (Ярошъ и Николай, сыновья воеводы белзскаго), Вишневецкіе (славный кн. Дмитрій). „Русскія земли при королѣ Августѣ имѣли много молодежи охочей и учтливой (sic), съ которой много возни было Татарамъ, отбивавшимся отъ нихъ“,—вспоминалъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ позднѣйшій Ан. Лубенецкій,—„таковы были Сѣнявскіе, Струси, Гербурты, Претвичъ, Станиславъ Замойскій, Потоцкій, Влодекъ, кн. Вишневецкіе, Збаражскіе, Заславскіе, Корецкіе, Рожинскіе и не мало другой знатной шляхты, рѣдко сходявшея съ поля. Они считали родомъ охоты (myślistwo) ходить въ поле самими или посылать туда свою челядь и подданныхъ—благодаря этому и миръ былъ съ Татарамъ¹⁾.“

Своимъ „козачествомъ“, какъ называетъ Лубенецкій въ другомъ мѣстѣ этотъ степной спортъ²⁾, все эти пограничники, правительственные агенты и частныя лица, старосты и ротмистры, магнаты и болѣе мелкіе шляхтичи, безусловно, сильно способствовали развитію силъ и энергіи козацкой. Своимъ участіемъ или помощью козацкимъ походамъ они поднимали динамическую энергію козачества и готовили, ускоряли его организаціонный процессъ. Но они не были ни организаторами козачества, ни формальными вождями его хотя бы приблизительно въ томъ стилѣ, въ какомъ представляетъ нѣкоторыхъ изъ нихъ позднѣйшая козацкая традиція. То, что хотя немного подходило подъ такой стиль, было и осталось въ области предположеній (проекты Полозовича и Дашковича), самое большее—эфемерными эпизодами (какъ экскурсія Полозовича), не проведенными въ официальную практику управленія. Въ общемъ же все это шляхетское „козацтво“ отъ времени до времени, при случаѣ, переходящимъ образомъ пользовалось силами мѣстнаго народнаго козачества, не дѣлая ничего

¹⁾ An. Lubieniecki Poloneutichia с. 30. ²⁾ Ib.с. 15 лат.

для его постоянной организации и совершенно не принимая на себя роли официальных вождей козачества (за исключением одного только Дмитрия Вишневецкого в 1550—1560 гг.). Наоборот, представители этого шляхетского козачества имели свои причины для того, чтобы не только не заявлять официально о своих связях с козачеством, но и замалчивать ее.

Вполнѣ понятно! Во-первыхъ, солидарность съ козачествомъ была неудобна, такъ какъ оно то и дѣло переходило границы дозволеннаго и попадало „не въ тонъ“ политикѣ правительства. Эпизодъ 1545 г. очень характеренъ въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ старательно открепивались отъ всякаго участія въ козацкихъ подвигахъ ихъ участники изъ шляхетской среды, если это грозило королевской немилостью, а то и перспективой заплатить изъ собственного кармана по счету убытковъ, причиненныхъ козаками. И такъ какъ никогда нельзя было предугадать, какой оборотъ приметъ дѣло, для участниковъ изъ шляхетской среды было всего благоразумнѣе не слишкомъ выдвигаться впередъ, особенно если козацкій походъ производился не въ формѣ погони за зачинщиками Татарами, а предпринимался по собственной инициативѣ (Претвичъ въ своей запискѣ все только и рассказываетъ о томъ, какъ онъ гонялся за Татарами, когда они приходили въ коронныя или литовскія земли). Во-вторыхъ, козачество не успѣло еще приобрести того престижа, того блестящаго ореола, какимъ окружено было позднѣе. Въ первой половинѣ и срединѣ XVI в. козачество—это прежде всего бездомная голытьба, бродячій людъ. Имя козаковъ употреблялось въ довольно презрительномъ, не почетномъ значеніи, и даже во второй половинѣ XVI в., обращаясь къ нимъ, избѣгали называть ихъ козаками, а называли „молодцами“, „рыцарствомъ“ или другимъ болѣе почетнымъ титуломъ¹⁾. Я вправѣ думаю поэтому, что Ост. Дашковичъ или иной какой-либо представитель тогдашняго „козакованья“ не считалъ бы для себя большимъ комплиментомъ, если-бъ кто-нибудь въ глаза назвалъ его „славнымъ козакомъ“, какъ называетъ его заочно Бѣльскій уже во второй половинѣ XVI в., когда престижъ козачества выросъ неизмѣримо.

¹⁾ Напр. письма Баторія 1578—9 (Acta Steph. Bathorei № 168, 169, 192)—Молюжсонъ Зарогожнунъ; письмо Язловецкаго (Listy S. Żółkiewskiego № 12): Panowie Molodczy; письмо Кр. Зборовскаго Zaczne rycerstwo! (Pauli Pamiętniki do życia i sprawy Sam. i Kr. Zborowskich с. 48), и т. д.

Въ первой половинѣ XVI в. козачество, кромѣ того, какъ явленіе бытовое, а тѣмъ болѣе,—какъ терминъ, было еще довольно мало извѣстно вѣдъ мѣстныхъ украинскихъ круговъ, и этимъ также объясняется то обстоятельство, что извѣстія о козакахъ въ то время такъ рѣдки и случайны у современниковъ, удаленныхъ отъ мѣста дѣйствій. Козачество не только не сформировалось еще какъ общественный классъ, но и само это понятіе не пріобрѣло настоящей опредѣленности. Мы видѣли уже, въ какомъ широкомъ, неопредѣленномъ значеніи употреблялось это слово на протяжении всей первой половины XVI вѣка. Есть „козацтво“— „козакованье“, но поищите людей, которые отозвались бы и сказали о себѣ, что они козаки! Такихъ въ то время почти еще не было. „Козакуеть“ Претвичъ и ходить съ козаками; но я въ свое время перерылъ весь документальный матеріалъ для его барскаго староства и знаю, что нѣтъ и слѣда тамъ козаковъ, какъ какой-нибудь общественной или колонизаціонной категоріи. Есть единицы, къ которымъ пристало имя козаковъ какъ прозвище,— напр. Дмитро Базановичъ козакъ, земліничъ брацлавскій, поселившійся позже въ Барскомъ староствѣ, Козачина крестьянинъ, Козакъ новосель, судящій на свободѣ¹⁾; а въ „козацтво“ ходили, очевидно, и мѣстные мѣщане, и „Черемисом“—мѣстные служилое Татары, и военно-служилая барская шляхта и старостинскіе слуги и наемные солдаты. Перенись пограничной стражи по-дольско-брацлавскаго пограничья знакомить насъ съ мѣстными землевладѣльческими контингентами несшими сторожевую службу и вмѣстѣ съ тѣмъ составлявшими кадры всякой партизанской войны. На Кучманскомъ шляху, надъ Морахвою, отбываютъ сторожу шляхтичи изъ позднѣйшаго Барскаго староства со своими подданными и служебными людьми на 30 лошадахъ: Лазарь Карачевскій съ 4 конями, Павелъ Стабровскій съ 7, Яць Воликъ съ 6, Гира Синтовскій и Мирча съ 2, Васько Поповскій, Леханча Зенечковичъ, Васюта изъ Ивановецъ, Гринецъ Карычинскій, Янекъ изъ Слободки, Васько Сташовичъ, Федоръ Поповскій, Олекса Зенечковичъ, Андрушко Станчуловичъ, Кузьма Кривановичъ съ однимъ конемъ. Подъ Копыстериномъ 40 коней, между прочимъ войтъ Захаръ съ 2, Ленартъ пушкаръ съ 3²⁾). Вотъ кто козакуеть. Въ Брацлавскихъ земляхъ 1540-хъ годовъ на каждомъ шагу полно

¹⁾ Архивъ Ю. З. Р. VII. II с. 221—2, VIII. I с. 137—8, 222—3.

²⁾ Źródła dz. т. XX с. 144.

жалобы на брацлавскихъ козаковъ: жалуется на нихъ турецкое правительство; признаетъ эксцессы брацлавскихъ и винницкихъ козаковъ литовское правительство; мѣстные земледѣльцы и мѣщане задумываются надъ способами, которые могли бы удержать козаковъ отъ нападений на Турокъ; винницкіе земляне въ своихъ жалобахъ на старостъ упоминаютъ о прежнихъ доходахъ съ козаковъ и ихъ пасѣкъ, отмѣненныхъ старостами ¹⁾. И что же? Имѣемъ точныя переписи Брацлавской земли отъ 1545 и 1552 гг. и опять таки не видимъ козачества, какъ какой-то общественной группы или класса. Есть крестьяне, мѣщане, подданные государственные и помѣщичьи, но козаковъ нѣтъ; а вѣдь невозможно представить себѣ, что все это говорится лишь о казакахъ пришлыхъ.

Только въ Приднѣпровьи, въ главныхъ очагахъ козачества—въ Черкасахъ и Каневѣ, въ 1550-хъ гг. выступаютъ козакъ, какъ общественная категория, но и здѣсь за исключеніемъ амбріоновъ козацкой организациі, какимъ являлись „ватаги“ стеного козачества, мы въ то время—до самыхъ 1560-хъ гг. не встрѣчаемъ еще никакихъ кристаллизовавшихся организационныхъ формъ ²⁾. Наоборотъ, мѣстное козачество выступаетъ передъ нами въ такихъ формахъ, которыя еще яснѣе указываютъ на неорганизованность этого понятія. Очевидно, что ни тѣ бездомные козаки, которые живутъ по найму въ городѣ, ни тѣ пришельцы, которыхъ въ 1551 году въ Черкасахъ насчитывалось около 250 душъ, не представляютъ собою того козачества, которое въ то время, въ 1540 и 1550-хъ гг., своими громкими подвигами наполняетъ Украину и изъ среды котораго правительство еще въ 1520-хъ гг., на основаніи представленныхъ ему мѣстными людьми свѣдѣній, считало возможнымъ на вербовать на службу противъ Татаръ хотя бы и двѣ тысячи. Тѣ различныя значенія слова „козакъ“, какія даютъ намъ иллюстраціи приднѣпровскихъ замковъ—козака-бездомника, козака-уходника, не покрываются понятіемъ козака-воина. Понятіе козака еще слишкомъ недостаточно опредѣлилось, не выкристаллизовалось, и формированіе козачества, какъ обще-

¹⁾ Записки т. LVIII, ор. с. № 8, книга Посольская I с. 20 и 35, *Źródła dziejowe* VI с. 122, Архивъ Ю. З. Р. VIII. V № 26.

²⁾ „Роты“—какъ „Щурова рота“, упомянутая въ приведенномъ выше черкасскомъ эпизодѣ около 1503 г., очевидно, не были специально козацкими ротами: нѣтъ ихъ слѣда здѣсь на протяженіи всего XVI вѣка.

ственного класса даже здесь, въ главнѣйшихъ очагахъ его лишь едва-едва начиналось въ 1550-хъ гг.

Козацкій элементъ нарасталъ непрерывно, но формировка козачества какъ соціально-правового понятія, какъ общественнаго класса, должна была пройти еще долгій процессъ развитія—силою своей внутренней эволюціи и подъ посторонними вліяніями—политики мѣстной администраціи и центрального правительства, ихъ своеобразнаго пользованія козачествомъ, какъ бытовымъ явленіемъ, и способовъ, которыми они старались подчинить козачество своимъ планамъ и стремленіямъ.

Уже къ концу XV в. стычки козаковъ съ Татарами, Турками, Москвою, и жалобы на нихъ ихъ правительство начинаютъ обращать на козачество вниманіе правительства польскаго, и еще болѣе литовскаго. Мы видѣли уже, какъ нападеніе козаковъ въ 1504 г. на татарскій караванъ, состоящій изъ пословъ и купцовъ, остановило ханское посольство, отправлявшееся для заключенія союзнаго договора, и литовское правительство, стремившееся изъ всѣхъ силъ добиться прочнаго соглашенія съ Крымомъ, чтобы задобрить хана, приказало своей украинской администраціи примѣнить самыя строгія мѣры противъ участниковъ этого несвоевременнаго инцидента. Ей поручено было отыскать разграбленное имущество и строго наказать участниковъ, и староста черкасскій, дѣйствительно, не только отыскалъ разное добро, но и наловилъ разныхъ участниковъ—съ этой цѣлью предпринималъ даже вооруженную экспедицію въ степи. Въ концѣ концовъ однихъ посадили въ тюрьму, другихъ наказали смертю—если вѣрить увѣреніямъ литовскаго правительства и донесеніямъ, полученнымъ въ Крыму изъ Черкасъ. Въ дѣйствительности эти гоненія, быть можетъ, не были такъ суровы, и многое изъ этихъ репрессій могло быть сдѣлано лишь для отвода глазъ, какъ дѣлалось и позже: не въ интересахъ украинской администраціи было слишкомъ прижимать козаковъ, и то еще для удовольствія непріятели „поганина“.

При всякомъ удобномъ случаѣ украинская администрація не переставала развивать предъ правительствомъ свой излюбленный принципъ, что развитіе партизанской войны съ Татарами является единственной мѣрой и сдержкой для Татаръ, и при этомъ подчеркивала цѣнность козачества въ организаціи такой степной войны съ Татарами и обороны отъ Орды. Результатомъ такихъ пред-

ставленій было известное уже намъ рѣшеніе вел. князя набирать изъ козаковъ пограничный корпусъ для охраны дорогъ и перевозовъ отъ Татаръ. Въ декабрѣ 1524 г. в. кн. Сигизмундъ, представляя радѣ в. княжества, въ виду близости открытія сейма, различные планы и проекты для обсужденія, между прочимъ снова напоминалъ о вербовкѣ козаковъ. „Писали уже мы раньше вашимъ милостямъ, чтобы вы отдали приказъ рѣчицкому державцу Семену Полозовичу и Криштофу Кмитичу собрать козаковъ и пойти Днѣпромъ на низъ на службу нашу; и мы приказали дать имъ ‚на страву‘, а для козаковъ десятка полтора конь грошей и суконъ. Теперь панъ Семень и панъ Криштофъ писали намъ, извѣщая, что они собрали было немало козаковъ и стояли съ ними долго у Кіева, ожидая этого нашего жалованія, но ни для нихъ самихъ, ни для козаковъ не прислано ни пенязя. Благодаря этому козаки разошлись, а сами они какъ добрые и вѣрные слуги, исполняя наказъ нашъ и в. мил. радѣ нашихъ, собрали все-таки небольшой отрядъ козаковъ и прошли съ ними Днѣпромъ до Кіева и дальше—до Тавани, на службу нашу. Тамъ оказали они намъ не малую услугу: всѣхъ враговъ Татаръ, которые были въ нашемъ государствѣ, они цѣлую подѣлю не пропускали. Ежедневно вели съ ними битвы, многихъ перебили, другіе утонули. И мы за эту службу имъ весьма признательны. И въ виду всего вышеизложеннаго е. м. господарь поручаетъ указать в. милости: если такимъ небольшимъ количествомъ людей были оказаны такія услуги намъ, то мы видимъ изъ этого, что еслибъ тамъ на Днѣпрѣ стояло казаковъ тысяча, либо двѣ, то, навѣрное, изъ этого была бы большая и знаменитая служба и оборона панствамъ нашимъ. Поэтому поручаемъ вамъ, радамъ нашимъ: извольте посоветоваться и обдумать это. И еслибъ рѣшили вы на слѣдующій годъ держать тамъ на Днѣпрѣ козаковъ для охраны и обороны владѣній нашихъ, то извольте выбрать какого-либо подходящаго человѣка изъ нашихъ дворянъ и поручить ему заранѣе, сейчасъ же послѣ Пасхи ѣхать въ Кіевъ—собирать казаковъ. И прикажите къ тому времени послать для нихъ сукна и денегъ нѣскольکو сотъ конь. А козаковъ тѣхъ расположить по Днѣпру на перевозахъ, чтобы они служили государству и намъ, охраняли эти перевозки и защищали, насколько имъ Богъ поможетъ“¹⁾).

¹⁾ Документы арх. юстиціи I с. 523.

Изъ этого слѣдуетъ, что уже не далѣе, какъ въ концѣ второго десятилѣтїя возникъ проектъ о принятїи козаковъ на государственную службу. Это была смѣлая мысль — привлечь на службу государства степныхъ разбойниковъ, которыхъ еще такъ недавно в. князь приказывалъ ловить и карать смертью, — признать ихъ своими слугами, проявить свою солидарность съ ними. Должно было пройти нѣсколько лѣтъ прежде, чѣмъ великій князь, озабоченный охраною отъ Татаръ своихъ южныхъ границъ, рѣшился признать своимъ такой необычайный проектъ и поручить радѣ в. княжества привести его въ исполненіе. Осуществленіе этого проекта было поручено двумъ кїевскимъ державцамъ Полозовичу, бывшему державцу овруцкому, и Кмитичу чернобыльскому. Но этотъ проектъ былъ навѣрное поддерживая, если не поставленъ, и болѣе видными представителями украинской администраціи, начиная съ кїевского воеводы Немировича, одного изъ героев пограничной борьбы съ Татарами. Характерно, что спустя двадцать лѣтъ, на запросъ польскаго сейма о способахъ обороны отъ Татаръ, тотъ же проектъ организаціи гарнизоновъ (очевидно казацкихъ) по нижнему теченію Днѣпра, какъ единственно реальную мѣру, предложилъ Остафій Дашковичъ¹⁾. Очевидно, это было задушевною мыслию украинской администраціи. Но рада в. кн. Литовскаго, очевидно, не признавала его важности; передавъ великокняжеское порученіе Полозовичу и Кмитичу, она не выслала имъ необходимыхъ для экспедиціи средствъ: хроническая бѣдность казны в. кн. Литовскаго сказалась и тутъ, и объ это же, очевидно, препятствїе разбилъ и новый проектъ в. князя: на вербовать на 1525 г. казацкій полкъ изъ одной или двухъ тысячъ человекъ. Мы не имѣемъ никакихъ указаній, что онъ былъ осуществленъ. Сейма тогда, кажется, не было, проекты в. князя остались неисполненными и своего предложенія о вербовкѣ козаковъ послѣ того онъ уже не возобновилъ²⁾.

¹⁾ Максимовичъ (I с. 293), за нимъ Каманинъ (ор. с. с. 81) думали, что и предшествующій проектъ исходилъ отъ Дашковича же: что онъ его внесъ на сеймъ въ Гроднѣ 1522 г., и что вел. князь, принявъ этотъ проектъ, передалъ его исполненіе радѣ. Максимовичъ не цитируетъ своихъ источниковъ и вѣроятно подражаетъ тотъ же проектъ Дашковича, предложенный имъ въ дѣйствительности на петроковскомъ сеймѣ, а Каманинъ, очевидно, послѣдовалъ здѣсь за Максимовичемъ.

²⁾ Любавскій Сеймъ с. 237 и сл.

Восемь лѣтъ спустя Дашковичъ предложилъ этотъ проектъ коронному сейму. Прибывавъ на петроковскій сеймъ, въ началѣ 1538 г., вмѣстѣ съ послами своего пріятеля и протекже Исламъ-гирея, осыпанный подарками и похвалами за свою послѣднюю кампанію съ Татарами¹⁾, онъ, на вопросъ сенаторовъ о способахъ обороны отъ Татаръ, развилъ тотже проектъ. „Когда въ сенатѣ спрашивали Остафія, какъ бы помочь тому, чтобы Татары не причиняли намъ вреда“, рассказываетъ Бѣльскій, „онъ совѣтовалъ, чтобы мы держали на Днѣпрѣ постоянно двѣ тысячи чело-вѣкъ, которые бы на лодкахъ защищали перевозки отъ Татаръ, и нѣсколько сотенъ конницы для того, чтобы доставлять имъ продовольствіе; кромѣ того, на островахъ, которыхъ много на Днѣпрѣ, построить замки, а около нихъ основать города; совѣтъ этотъ понравился всѣмъ, но только ничего изъ него не вышло“²⁾.

Откинувъ мысль о сооруженіи замковъ и городовъ на днѣпровскихъ островахъ, мы въ этомъ проектѣ Дашковича видимъ тотже проектъ 1520-хъ гг. о размѣщеніи козацкаго войска на днѣпровскихъ перевозахъ, чтобы препятствовать нападѣніямъ Татаръ³⁾. Безспорно, что и на этотъ разъ рѣчь шла о вербовкѣ козаковъ же, хотя Бѣльскій и не употребилъ этого слова въ своемъ рассказѣ⁴⁾.

„Изъ этого ничего не вышло“. У литовско-польскаго правительства не хватило дальновидности, энергіи и рѣшимости, чтобы взять въ свои руки организацію козацкаго элемента въ самомъ началѣ его роста и цѣною нѣкоторыхъ пожертвованій привлечь его на службу государственнымъ нуждамъ. Козачество было предоставлено собственнымъ своимъ силамъ, своей эволюціи и продолжало разви-

¹⁾ См. выше с. 122.

²⁾ Бѣльскій с. 1059. Достоверность его рассказа о приездѣ на сеймъ Дашковича подтверждается записью въ дневникѣ слуги еписк. Томецкаго, присутствовавшего на этомъ сеймѣ: 19 Januarii Eustachius Daschkowicz vir bello et militia clarus venit Putschoviam (Monum. Poloniae histor. V с. 899).

³⁾ Въ виду этого трудно считать проектъ, вложенный Бѣльскимъ въ уста Дашковича, литературной фикціей, — хотя онъ во многомъ соответствуетъ тому, что самъ Бѣльскій въ другомъ случаѣ высказываетъ какъ свою идею объ устанovenіи козацкихъ отношеній (с. 1358).

⁴⁾ Сравненіе съ проектомъ Дашковича того, что самъ Бѣльскій говоритъ далѣе по этому вопросу, не оставляетъ сомнѣній, что онъ и въ этомъ случаѣ разумѣлъ козацкое войско.

волея какъ стихійная, неорганизованная сила подъ покровомъ и опекою провинціальной администраціи, мотивы и интересы которой весьма сильно расходились съ интересами государства,—что вскорѣ и пришлось констатировать самому правительству.

Козачество впрочемъ и не пуждалось въ государственной опекѣ и помощи для развитія своихъ силъ. Двинувшись разъ, оно шло впередъ и развивалось своею собственною стихійною силой. Но свои силы и свою энергію оно направляло не на оборону границъ, какъ желало правительство, а на болѣе интересную и привлекательную партизанскую войну съ „ногайствомъ“ — походы на татарскіе улусы, „лупленье чабановъ татарскихъ“ и купеческихъ каравановъ. Съ ростомъ козачества эти нападенія становились все болѣе частыми и переходили въ значительныя военныя экспедиціи. Напр. въ нѣсколько болѣе позднемъ посольствѣ хана послѣдній заявляетъ готовность посылать своихъ людей на земли литовскаго непріятеля, вел. князя московскаго въ томъ случаѣ, если имъ не будетъ препятствій со стороны козаковъ—если Татаръ будутъ пропускать черезъ литовскую, заднѣпровскую территорію и старостѣ черкасскому и каневскому будетъ приказано, чтобъ на будущее время не было козачьихъ набѣговъ. „Приходятъ козакъ черкасскіе и каневскіе, останавливаются подъ нашими улусами и причиняютъ обиды нашимъ людямъ“,—жаловался при этомъ ханъ.—„Я къ вамъ много разъ посылалъ по поводу этихъ козаковъ, чтобъ ихъ усмирить, и в. м. усмирить ихъ не захотѣлъ. Вотъ и теперь—шаль я на московскаго в. князя и когда приближался къ Днѣпру, изъ нашего войска вернулось человекъ тридцать неспособныхъ, а козакъ ваши—Солтанецъ, Вороча и Масло съ товарищами изранили ихъ, а коней забрали. Если хочешь жить въ дружбѣ съ нами, изволь прислать намъ учинившихъ это; въ противномъ случаѣ, не ставь мнѣ въ вину: я не хочу нарушить братскую дружбу и присягу, но на эти замки—Черкасы и Каневъ пошлемъ нашу рать“¹⁾).

Около 1540 г., когда ханъ Сагибъ заключилъ вѣчный миръ съ Сигизмундомъ и получилъ отъ него со своимъ дворомъ большіе „упоминки“,—козакъ снова заявили о себѣ королевскому

¹⁾ Акты Зап. Рос. II № 150. Документъ не датированъ, издатель считаетъ этого хана Сагибъ-гиреемъ и датируетъ документъ 1527—1533 гг. Но если это посольство дѣйствительно Сагиба, то должно принадлежать болѣе позднему времени.

„союзнику“ цѣлымъ рядомъ набѣговъ. Внезапно ударили на Каирѣ на Татаръ, шедшихъ, какъ увѣряло ханское правительство, съ спасительною мыслию „воевать съ Москвою“,—убили изъ нихъ 25 душъ и отобрали 250 лошадей; разбили и ограбили гонцовъ татарскихъ, ѣхавшихъ къ в. кн. литовскому; точно также разбили и ограбили гонцовъ, ѣхавшихъ къ крымскому хану изъ Казани,---не говоря уже о болѣе обычномъ грабежѣ пограничныхъ татарскихъ кочевій: „которые люди царя перекопского зъ быдломъ своимъ кочуютъ у поли, тыхъ дей людей его многихъ частокротъ козаки наши быють и статки ихъ отбирають“. Ханъ повторялъ, что при такихъ нападеніяхъ со стороны козаковъ миръ не можетъ держаться. Богатые подарки, выплаченные ему, грозили пропасть понапрасну и новый татарскій походъ снова нависъ надъ Украиной¹⁾.

Турецкое правительство въ это время также постоянно жаловалось на „своевольныхъ людей“ изъ Украины, нападающихъ на турецкія владѣнія и грабящихъ купцовъ. Такъ отъ 1538 г. имѣемъ жалобу по поводу нападенія на Очаковъ, произведенное пѣшимъ войскомъ и на лодкахъ и окончившееся грабежомъ мѣстнаго населенія. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ—жалоба на брацлавскихъ людей, разбившихъ пастуховъ и отнявшихъ деньги у „овчарскаго писаря“. Приблизительно зимою 1540 г. люди изъ Украины принимаютъ участіе въ возстаніи Татаръ противъ Перты и вмѣстѣ съ ними опустошаютъ окрестности Бѣлгорода и Тягини, и т. п.²⁾.

Все эти жалобы и вѣроятно множество другихъ, подобныхъ имъ, до насъ не дошедшихъ, заставило польско-литовское правительство серьезно задуматься надъ козацкимъ вопросомъ, уже съ другой точки зрѣнія, нежели въ 1520-хъ гг. Нужно было во что бы то ни стало сдержать козаковъ, иначе они грозили испортить въ конецъ отношенія съ Татарами и Турками, а правительство хотѣло цѣною всевозможныхъ уступокъ упрочить миръ съ ними. Болѣе энергичное и воинственное настроеніе первыхъ десятилѣтій царствованія Сигизмунда, когда татарскому и турецкому оружію пытались противопоставить свою вооруженную силу, хлопотали о военной защитѣ границъ, сооружали замки, — смѣнилось жаждою мира во что бы то ни стало. Между тѣмъ произведенныя слѣд-

¹⁾ Великокняжескія грамоты отъ іюля 1541 г.—см. ниже.

²⁾ Жерела до іст. України-Руси т. VIII № 3, 4, 7.

ствія, очевидно, обнаружили, что пограничные старосты не со-
всѣмъ безтѣпны въ козацкихъ нападеніяхъ. Ихъ оправданія,
что козацкія нападенія производятся безъ ихъ воли и вѣ-
дома, не были приняты: слѣдствія установили, что старосты,
получая долю изъ козацкой добычи, являются пособниками и участ-
никами козацкихъ нападеній. Впрочемъ само правительство въ
свое время санкціонировало поборы старостъ со степной добычи
(въ спорахъ Черкасцевъ со старостами)¹⁾, изъ мотивовъ фис-
кальныхъ, но теперь оно руководилось другими соображеніями.
Методъ запугиванія Татаръ козацкими нападеніями признавался
опаснымъ. Правительство рѣшительно хотѣло положить конецъ
партизанской войнѣ на турецко-татарскомъ пограничьи и слышать
не хотѣло о какихъ бы то ни было планахъ борьбы.

Въ результатѣ явились циркуляры, одного и того же со-
держанія, разосланные въ іюль 1541 г. пограничнымъ старос-
тамъ²⁾.

Вел. князь напоминалъ, что онъ уже не однократно писалъ,
приказывая подѣ страхомъ лишенія его милости и суровой кары,
чтобъ было обращено строгое вниманіе на козаковъ—чтобы та-
мошніе казаки не ходили на татарскіе улусы и не причиняли
имъ никакого вреда. Но старосты никогда не хотѣли поступать
согласно этому наказу и не только не удерживали козаковъ, но
сами давали имъ разрѣшенія, для своей корысти. Напомнивъ о
последнихъ козацкихъ эксцессахъ, на которые жаловался ханъ,
в. князь указываетъ на печальныя послѣдствія ихъ въ отноше-
ніяхъ съ Татарами: ханъ грозитъ разорвать условія вѣчнаго ми-
ра и идти походомъ на Украину. Отвѣтственность за это падеть
на пограничныхъ старостъ, какъ слѣдствіе ихъ нерадивости.
„Первей того многократъ о томъ есмы до васъ писали“, повто-
ряетъ в. князь,—„напоминаючи, абы есте яко сами изъ себе, тако
и козаковъ въ таковомъ своленствѣ гамовали, — вы николи
отъ того ся повъстегати не хотели, и ачколве мели есмы то

¹⁾ Архивъ Ю. З. Р. VII. II № 18.

²⁾ Изъ нихъ изданы указы „справисъ“ (администратору)
кіевскаго воеводства и старостѣ черкасскому (Акты Ю. З. Р. I
№ 105 и Архивъ VIII. V № 19), третій—каневскому старостѣ Бо-
боѣдову, приведенъ въ выдержкахъ у Пуласкаго Szkice I с. 43—4.
Всѣ они буквально сходны другъ съ другомъ, съ нѣкоторыми лишь
второстепенными отличіями (кіевская грамота издана съ несомнѣн-
ными ошибками). Несомнѣнно, что и другимъ старостамъ были по-
сланы такіе же указы.

вамъ у терпидности нашей, не хотючи за то срочности некоторое надъ нами чинити, ниже кгда ся вы въ томъ внаметати не хочете, мы яко большеи того такового своюдества вашего вамъ терпети не хотимъ. Бо ачюлве чините вымовы, якобы кромѣ воли и вѣдомости вашео казаки подданнымъ царя перекопьского таковыи шкоды чинили, ино то не есть речъ слушная, абы вы врядники не мели о томъ вѣдати... и яко бы тежъ вы поветниковъ вравдовъ своих¹⁾... у ведомости або в послушенстве своемъ мети не могли“. „Чините вымовы речъми непотребными, а то може кождый розумети, иже тымъ шkodливымъ речамъ земскимъ прычина есть та, штожъ вы для своего пожитку дозволили есте казакамъ на влусы татарьские наежъдчати и шкоды имъ чинити, а тыми ихъ добытки на пол с ними делите; а для тыхъ вашихъ пожитковъ мы, господарь, шкoduемъ, а речъ посполитая великий впадъ прыймуеть“. В. князь угрожаетъ, что еслибы снова изъ-за какого-либо козацкаго нападенія былъ нарушенъ миръ съ Татарами и пропали деньги, заплаченные хану согласно договора, то отвѣтственность за это падеть на старосту того повѣта, изъ котораго произойдетъ козацкій набѣгъ, и в. князь будетъ за него карать этого старосту безъ милосердія: онъ будетъ отвѣчать какъ своимъ имуществомъ, тамъ и лично, „да чти и горлохъ“. Одновременно, чтобы предупредить козацкіе эксцессы на будущее время, в. князь рѣшилъ принять слѣдующія мѣры: его дворянинъ Стреть Солтановичъ объѣдетъ замки кievскій, каневскій и черкасскій и для контроля переписеть всѣхъ мѣстныхъ козаковъ; мѣстный староста или администраторъ долженъ слѣдить за тѣмъ, чтобы дѣйствительно всѣ казаки были внесаны въ этотъ реестръ. Старосты, давая казакамъ разрѣшеніе итти въ степи на дозволенные промыслы, „на рыбы и на бобры“, должны при возвращеніи (отбирая долю для себя) контролировать ихъ „добытки“—дѣйствительно ли казаки занимались лишь разрѣшенными промыслами, не нарушили ли они въ чемъ нибудь правительственныхъ запрещеній—не ходили ли противъ Татаръ. Еслибы кто-либо изъ нихъ отважился на это—причинилъ бы какой-нибудь вредъ татарскимъ улусамъ, то старосты должны арестовать и наказать на мѣстѣ, или отослать къ в. князю²⁾).

¹⁾ Населеніе своего повѣта.

²⁾ Какъ показываетъ изданный г. Яковлевымъ отрывокъ (Украина, II), такіе наказы были повторены еще разъ мѣсяць спустя

Какъ видимъ, все это было задумано очень просто. Козаковъ внести въ реестръ, тогда будетъ извѣстно, на случай какого-либо конфликта съ Татарами, чьи козаки, изъ какого замка вышли, и кто изъ старостъ долженъ за нихъ отвѣчать; старосты въ собственномъ интересѣ, чтобы не навлечь на себя бѣды, будутъ внимательно слѣдить за козаками, отпуская въ степи и досматривая ихъ при возвращеніи, и суровыми наказаніями отобьютъ у нихъ охоту къ промыслу надъ Татарами ¹⁾. Все это однако грѣшило полнѣйшимъ незнаніемъ и непониманіемъ мѣстныхъ условій и очевидно, вышло изъ головъ столичныхъ бюрократовъ, думавшихъ, что циркуляромъ можно творить жизнь и приказомъ или запрещеніемъ разрѣшать самыя трудныя проблемы. Поэтому эти проекты были осуждены на полную безрезультатность. Подробностей относительно тѣхъ послѣдствій, какое эти наказы вызвали на мѣстахъ, у насъ нѣтъ, но результатъ—что изъ этого опять таки „ничего не вышло“, есть на лицо, совершенно опредѣленный.

Можно допустить, что великокняжескій дворянинъ дѣйствительно пріѣхалъ въ Кіевъ или Каневъ,—это было не трудно. Но составить реестръ было уже гораздо труднѣе. Мы видѣли уже, что понятіе „козака“ въ срединѣ XVI в. было весьма широко и неопредѣленно. Такого общественного класса не было. На обращенный къ козакамъ призывъ—явиться для переписки, могли отозваться очень немногіе, а быть можетъ даже и никто; также не легко было установить объективный критерій относительно того, кого привлечь къ этой регистраціи, и какъ установить ту категорію людей, для которой предназначалась эта регистрація: этихъ охотниковъ заниматься нападеніями и грабежомъ Татаръ. Тѣ напр. „козаки“, которые „не отходячи у козацтво“, служили наймитами въ городѣ—не представляли никакого интереса съ точки зрѣнія задачъ регистраціи. Дѣйствительно промышлявшіе въ степяхъ—это вѣчно подвижное населеніе, въ большинствѣ не связанное съ данными замками: оно навѣдывалось сюда лишь иногда, и собиралось изъ разныхъ мѣстностей Украины (да и не Украины только). Для очень многихъ эти степные эпизоды вовсе не являлись постояннымъ занятіемъ, образомъ жизни. Да и мѣст-

¹⁾ По аналогіи съ предыдущими и послѣдующими проектами представляютъ себѣ, что и въ 1541 г. составленіе реестра означало наборъ казачковъ на государственную службу (Каманиць, ор. с.с. 82). Но это не такъ: перепись 1541 г. имѣла характеръ чисто полицейскій, и о казацкой службѣ здѣсь нѣтъ рѣчи.

ной администраціи не было никакого интереса размышлять и насильно втягивать въ козацкій реестръ людей, которые могли бы дѣйствительно когда-нибудь скомпрометировать себя стычкой съ Татарами и накликать такимъ образомъ бѣду на администрацію своего замка.

Зарегистрировать, такимъ образомъ, „козачество“ не было никакой возможности. Не было возможности и отдать его подъ надзоръ старостъ. Козаки не всегда брали отъ старосты разрѣшенія на свои степные промыслы и не особенно точно подвергали себя контролю замка. А мѣстные администраторы, что тоже очень важно, — вовсе не имѣли желанія въ самомъ дѣлѣ проникнуться такимъ ригоризмомъ по отношенію къ степнымъ промысламъ, какой рекомендовало имъ правительство, и порвать съ прежней практикой и своими взглядами на мѣстные условія. Они не могли такъ легко отказаться отъ получаемыхъ изъ этого источника доходовъ, тѣмъ болѣе, что весьма мало вѣрили въ возможность осуществленія такихъ полицейскихъ мѣръ и особенно — не вѣрили въ то, чтобы онѣ дѣйствительно обезпечили Украину отъ татарскихъ нападений. И мы можемъ быть вполне увѣренными, что если даже въ самомъ дѣлѣ, для успокоенія правительства, были составлены какой либо реестръ, то онъ не имѣлъ никакого реального значенія. Самое большее — своимъ вліяніемъ на мѣстное населеніе мѣстная администрація на нѣкоторое время могла добиться прекращенія стычекъ съ Татарами, пока первое сколько-нибудь значительное нападеніе какой-нибудь татарской шайки не положило конецъ этому воздержанію, давъ оправданіе дальнѣйшимъ промысламъ украинскихъ добычниковъ.

Такого оправданія, разумѣется, не нужно было долго ждать, даже при самомъ искреннемъ желаніи хана или турецкаго санџака въ самомъ дѣлѣ обезпечить миръ Украинѣ и не давать повода для козацкихъ набѣговъ. Татарско-турецкое козачество еще труднѣе было взять подъ контроль и удержатъ отъ нападений, чѣмъ козаковъ украинскихъ. Изъ записокъ Претвича видно, что татарскіе набѣги на Украину въ 1541—5 гг. происходили непрерывно¹⁾. Чуть ли не въ то же самое время, когда прави-

¹⁾ См. выше приведенные отрывки (с. 83 и сл.) и записку Претвича с. 55 и сл. Хронологическія указанія Претвича, кажется, не совсѣмъ точны, — а можетъ быть не точны даты Бѣльскаго, которыми располагаемъ для его проверки. Но въ общемъ записка Претвича рисуетъ общую картину пограничной войны отъ нач. 1541 (осада Понскаго) до 1549 г.

тельство носилось съ равными предложеніями о томъ, какъ бы сдержать днѣпровскихъ козаковъ, нападшіе Татари на кіевское Полѣсье дало поводъ для громкаго похода Претвича на Очаковъ, когда онъ отдалъ свою душу на Татарахъ, „мстя за обиду его королевской милости“. Потомъ Татари илутъ изъ земель в. кн. Литовскаго, забравъ людей по уходомъ, мирныхъ ловцовъ рыбы и бобровъ; и снова завязывается побойще. „Потомъ приходили Татари на в. кн. Литовское, и панъ воевода (Свнявскій) ходилъ съ литовскими панами въ погоню до самаго Лебедина, но не догнавъ, вернулись назадъ“, лишь Претвичъ разбилъ нѣсколько татарскихъ шаекъ, пытавшихся еще вернуться на Украину. На слѣдующій годъ весной пошли Татари „на дорогу барекую“; ихъ переловили и узнали, что Татари собираются идти на Украину, и бѣлгородскіе Татари уже пошли на Черкасы; Татари разбили слугъ черкаскаго старосты и забрали стада, но Претвичъ перерѣзалъ имъ путь подъ Очаковымъ, разбилъ и отобралъ людей и скотъ, забранный ими подъ Черкасами, и т. д.

Разумѣется, одного-двухъ такихъ татарскихъ набѣдовъ было совершенно достаточно, чтобы положить конецъ всякому воздержанію со стороны украинскаго козачества и пограничныхъ администраторовъ, если такое воздержаніе существовало, и „разрѣшить на вся“ по прежнему. И дѣйствительно отъ 1545—6 гг. уже вродъ имѣется цѣлая куча татарскихъ и турецкихъ жалобъ на козацкіе набѣги, погромы, походы и т. д. Жалобы хана на болѣе мелкія стычки и козацкія нападешя того времени мы имѣли случай видѣть. Но эти козацкія нападешя принимали все большіе размѣры. Какъ констатировало само литовское правительство, изъ Черкасъ, Канева, Брацлава, Винницы и другихъ „украинныхъ“ городовъ в. кн. Литовскаго собралось „множество козаковъ“, восемьсотъ, а можетъ быть и больше, подъ предводительствомъ Карпа, Андруша, Лесуна и Яцка Бѣлоуса и, расположившись въ степяхъ за Брацлавомъ, производили оттуда нападешя, грабили купеческіе караваны и т. п. Дѣломъ ихъ же рукъ былъ разгромъ на Санджаровѣ, за Днѣпромъ большого турецко-татарскаго каравана, направлявшагося въ Москву, въ концѣ концовъ сильно насолившій литовской казнѣ¹⁾). Виновныхъ, кажется, найти не удалось: по распоряженію правительства администрація

¹⁾ Объ этомъ эпизодѣ въ т. VI с. 10—11; акты въ Посольской книгѣ I № 17—20.

наловила козаковъ и прислала ихъ на королевскій дворъ, но эти козаки были мало виноваты: какъ обнаружилось, они занимались различными промыслами на хорольскихъ и вореклянскихъ уходяхъ, и караванщики сами задѣвали ихъ, убивали и забирали этихъ уходниковъ, и они лишь отплатили потомъ кое-чѣмъ караванщикамъ; погромъ каравана былъ сложенъ на козаковъ изъ московской Украины, и въ концѣ концовъ наиболѣе виновными оказались сами купцы въ томъ, что они, минуя законную дорогу и уклоняясь отъ таможенныхъ пошлинъ, пошли „яковыми степями“, а главными грабителями—московскіе подданные „которые въ замковъ украинъныхъ съ Путивля, съ Чернигова, съ Новгорода Северскаго завжды тамъ подъ замъки и влусы приходячи, тыи збытѣи починають и шкоды чиняють, и то все на е. м. козаковъ (литовскихъ) ускладають и во всемъ ихъ винують“¹⁾. Такъ представило дѣло передъ ханомъ литовское правительство, но передъ своей радой в. князь не скрылъ своего убѣжденія, что эти козаки были не только мѣстные, но и произвели свой погромъ не безъ участія мѣстной администраціи—„не одно сами свовольне, але снатъ и за выправою и посланьемъ некоторыхъ самихъ державецъ украинъныхъ на поле ходитъ и въ томъ тые керованы громилъ“. И рада съ в. княземъ постановила, что тѣ деньги, которыя придется казнѣ в. кн. Литовскаго заплатить ограбленнымъ купцамъ, обязаны будутъ ей покрыть лица бывшія „причиною выправы оныхъ козаковъ, такъ тежъ и користи тое причастъниками“ — сами державцы, или ихъ люди — ротмистры, десятники и другіе²⁾. Разумѣется, все это, осталось совершенно платоническимъ пожеланіемъ.

Другимъ такимъ же громкимъ эпизодомъ былъ разгромъ Очакова въ томъ же 1545 г., выше уже упомянутый. Ночью, приставъ на 32 лодкахъ, козаки напали на замокъ, взяли его, нѣсколько человекъ убили, нѣсколько десятковъ взяли въ плѣнъ, выпустивъ потомъ за выкупъ, и забрали повашуюся подъ руки добычу и лошадей. И здѣсь правительство свалило главную вину на московскихъ подданныхъ, на разное вольное степное козачество, надъ которымъ у него нѣтъ ни власти, ни контроля,—по опять должно было уплатить убытки изъ государственной на этотъ разъ польской казны³⁾. Про себя правительство и на

¹⁾ I. c. c. 26 и 30. ²⁾ I. c. c. 36.

³⁾ Сборникъ актовъ въ т. XVIII Записокъ, см. № 8, и въ Жерелахъ т. VIII № 13—5, объ этомъ эпизодѣ еще см. выше с.

этотъ разъ знало навѣрное, что нападеніе было дѣломъ козаковъ мѣстныхъ. Предводители были тѣ же, что и въ санджаровской исторіи: Карпо Масло изъ Черкасъ (очевидно, тотъ самый Карпо, который и въ предыдущей исторіи названъ однимъ изъ козацкихъ вожаковъ), Яцко изъ Переяслава — личность, должно быть, тождественная съ Яцкомъ Бѣлоусомъ, и Ендрушко изъ Брацлава¹⁾. Довольно сильно былъ скомпрометированъ участіемъ въ этихъ козацкихъ нападеніяхъ брацлавскій староста Сангушко, подъ подозрѣніемъ были Претвичъ и Пронскій.

И опять завертѣлась дипломатическая машина. Литовско-польское правительство жаловалось на то, что, несмотря на огромную дань, ежегодно выплачиваемую хану, Татары грабятъ украинскія земли и забираютъ людей въ неволю. Ханъ увѣрялъ, что всему виной козаки: они своими нападеніями на лѣвобережной Украинѣ не даютъ Татарамъ возможности отпраняться въ Московскія земли и лишаютъ ихъ такимъ образомъ этого корректнаго источника доходовъ²⁾. Козаки нападаютъ на турецкіе и татарскіе улусы и этимъ вызываютъ нападенія на Украину. Не можетъ быть и рѣчи о спокойствіи до тѣхъ поръ, пока продолжатся эти козацкія нападенія: „если же ты, братъ нашъ, козаковъ своихъ украинскихъ, которые водою Днѣпромъ подходятъ подъ замки и улусы наши шкodu чинятъ, воимовати не будешь — Татарове мои своее шкodu терпети не будутъ“³⁾. Такія же нареканія и претензіи предъявлялись и со стороны турецкаго султана. Осмысли на своевольныхъ козаковъ, московскихъ подданныхъ, не помогали уже нисколько⁴⁾. Татары и Турки категорически обвиняли пограничныхъ старостъ. Когда въ 1550-хъ гг. на Тавани былъ разграбленъ караванъ турецкаго купца „Адрохмана“, ханъ совершенно недвусмысленно заявилъ, что это черкасскій староста кн. Дмитрій Сангушковичъ, стрядивъ съ этимъ купцомъ для безопасности своего челоуѣка, велѣлъ затѣмъ козакамъ его ограбить⁵⁾.

¹⁾ Изъ Карпа Масла польская канцелярія по созвучію сдѣлала „Карпа Московитина“ (Karp Moscovit—все та же тенденція свалить все дѣло на Москву); Яцко однажды называется Брацлавцемъ, въ другой разъ — Переяславцемъ (очевидно, тоже смѣшивали по созвучію); Андрушко разъ называется Ендрушко, въ другой разъ изъ него вышелъ Jan Dersko.

²⁾ Посольская книга I с. 22, 83, 100. ³⁾ Ibid. с. 85.

⁴⁾ Ibid. с. 77, 112, 137 и др. ⁵⁾ Ibid. с. 77.

Нѣсколько лѣтъ спустя, увѣдомляя, что „переконскій князь Амькльич“ за набѣги на Украину посаженъ „у твердое возенье“, ханъ требовалъ, чтобы в. князь со своей стороны наказалъ своихъ старостъ и „вранниковъ украинныхъ“, позволяющихъ козакамъ нападать на улусы татарскіе, и опредѣленно указывалъ при этомъ на кievскаго воеводу и черкаскаго старосту, „въ ведомостью и дозволеньемъ“ которыхъ козаки изъ ихъ замковъ нападаютъ на Татаръ¹⁾. Съ турецкой стороны особенно жаловались на Претвича²⁾.

В. князь разсылалъ все новыя и новыя распоряженія пограничнымъ старостамъ, приказывая имъ „козаковъ повстегати и шкодниковъ карати“, производить слѣдствія вмѣстѣ съ ханскими уполномоченными, не выпускать изъ виду подозрительныхъ лицъ, а виновныхъ наказывать смертью³⁾; скомпрометированныхъ старостъ призывалъ къ отвѣту и даже увольнялъ отъ должности, или переводилъ на другія мѣста: Претвича изъ Бара, а Дм. Сангушковича изъ Черкасъ⁴⁾—хотя на Сангушка впрочемъ эта бѣда обрушилась не столько за понесенный Татарами ущербъ, сколько за его аферу съ княжною Острожскою. Но все это ничего не помогало. Старосты оправдывались тѣмъ, что они лишь отбивались отъ татарскихъ нападений или защищались отъ нихъ—какъ Претвичъ въ своей не разъ цитированной запискѣ, а ограбленные кунцы оказывались потому сами виноватыми, такъ какъ ѣздили „свольне небезпечными дорогами“⁵⁾. Виновныхъ чаще всего не оказывалось, а если и отыскивали иногда какихъ-либо козловъ отпущенія⁶⁾, то это никого не удерживало отъ новыхъ нападений. Пограничный спортъ развивался все больше, пограничная война принимала все болѣе широкіе размѣры. Козацкія нападеныя становились явленіемъ постояннымъ, обычнымъ; козачество совершенно завладѣло нижнимъ теченіемъ Днѣпра и здѣшними степями; доходило до того, что самъ король долженъ былъ посылать

¹⁾ Посольская кн. с. 110.

²⁾ Жерела т. VIII и цитированная „апология“ Претвича въ Bibl. Warsz. 1866, III.

³⁾ Посольская книга I с. 78, 110, 112, 116, 134.

⁴⁾ Ibid. с. 78, 112, 114.

⁵⁾ Посол. книга I с. 134, 137.

⁶⁾ В. князь въ 1555 г. напоминалъ хану, какъ онъ „не давно прошлыхъ часовъ“ приказалъ выдать въ Червасахъ татарскому гонцу „шкодниковъ горлы на каранье“, и склонялъ хана поступать такимъ образомъ и со своими (Посол. кн. I с. 116).

своихъ гонцовъ въ Орду обходимъ, черезъ Молдавію, потому что Днѣпромъ ѣхать было не безопасно отъ козаковъ—, которые немалымъ почѣтомъ поля на тотъ часъ наполнили и вси перевозки залегли“, какъ писалъ король весной 1558 г., во время аферы Вишневецкаго.

Въ эти степныя отношенія, въ жизнь козачества 1550-хъ годовъ Вишневецкій, безспорно, внесъ много новаго фермента. Это короткая, прерывистая, но эффектная дѣятельность заслуживаетъ съ этой стороны всяческаго вниманія. Къ сожалѣнію, мы знаемъ лишь одни ви́шніе моменты—и то лишь нѣкоторые, лишенные связи, и по нимъ должны отгадывать цѣлое, руководящую нить этой дѣятельности. Это приходится тѣмъ труднѣе, что не всегда можно быть увѣреннымъ въ такой руководящей мысли, въ какомъ либо болѣе глубокомъ планѣ во всѣхъ метаніяхъ изъ стороны въ сторону этого степного рыцаря, не оставившаго намъ никакого собственнаго комментарія къ нимъ, никакого собственнаго поясненія. Предыдущимъ изслѣдователямъ его поступки казались въ большинствѣ безцѣльными порывами безпокойнаго характера, неуравновѣшенной энергіи. Но даже въ худшемъ случаѣ—еслибы это было справедливо, все же это явленіе на фонѣ неподвижной, шаблонной жизни украинскаго магнатства того времени на столько необычно, настолько блестяще, что должно привлечь къ себѣ вниманіе каждаго изслѣдователя жизни тѣхъ временъ. Есть несомнѣнная смѣлость мысли, безграничная отвага въ размахѣ этой энергіи—то, что такъ пѣвно въ человѣкѣ всѣхъ временъ, и притомъ несомнѣнно, что эта авантюристская безпокойная энергія не прошла безслѣдно, а оплодотворила извѣстными идеями, извѣстными конкретными примѣрами жизнь украинскаго пограничья. Я вижу ясную аналогію, очевидное идейное преемство дѣятельности Вишневецкаго не только въ самой идеѣ Запорожской Сѣчи, какъ украинской твердыни среди степного моря, но и въ политикѣ позднѣйшихъ козацкихъ вождей—въ ихъ стремленіяхъ играть извѣстную международную роль, опираясь на сосѣднія государства, интересы которыхъ сталкивались въ этихъ степяхъ. До Вишневецкаго мы этого не видимъ, и я усматриваю въ этомъ не только послѣдовательность во времени, но и несомнѣнную преемственность. Этотъ степной авантюристъ имѣлъ преемниковъ своихъ идей, хоть и болѣе мелкихъ, болѣе скромныхъ, болѣе сдержанныхъ и уравновѣшенныхъ. Изъ предшественниковъ онъ во многомъ напоминаетъ Дашковича, но дѣятельность

Вишневецкого болѣе широка и неудержима. И поэтому Дашковичъ свою бурную жизнь закончилъ въ концѣ концовъ ролью государственнаго мужа, Вишневецкій такъ и остался авантюристомъ¹⁾.

На публичную арену Дмитрій Вишневецкій выступаетъ въ 1540-хъ гг. Онъ извѣстенъ намъ, какъ довольно богатый магнатъ, владѣлецъ нѣсколькихъ сель въ южной Волыни. Но вмѣсто того, чтобы по примѣру людей своего круга скромно увеличивать и расширять свою „фортуну“, онъ отдается пограничному, модному тогда спорту—борьбѣ съ Татарами: съ этой стороны рекомендуетъ его въ своей запискѣ 1550 г. Претвичъ²⁾. Однако Вишневецкій не удовольствовался оборонительной по характеру своею борьбой, какую вели пограничные старосты и магнаты; онъ рѣшается осуществить мысль, носившуюся у многихъ, очевидно, людей того времени, но до сихъ поръ не реализованную — заложить замки на островахъ Днѣпра, какъ оплотъ противъ Татаръ³⁾. Въ началѣ 1550-хъ гг. „на островѣ Хортицѣ, противъ Конскихъ водъ, около крымскихъ кочевій“, строить онъ укрѣпленія и собираетъ вокругъ себя козачество⁴⁾. Среди этой дѣятельности онъ вступаетъ въ сношенія съ Турціей. Трудно сказать — сдѣлалъ ли онъ этотъ шагъ единственно потому, что литовское правительство не давало ему достаточно энергичной помощи, или это лежало въ его планахъ — опереться на Турцію противъ Крыма. Какъ бы то ни было, лѣтомъ 1553 г. онъ ѣдетъ въ Турцію. Объ этомъ Сигизмунду-Августу писалъ кн. Острожскій—что Вишневецкій „со всюю своєю ротою, то есть со всѣмъ козачествомъ и „хлопствомъ“, которое держалъ около

¹⁾ Важнѣйшая литература о Вишневецкомъ указана въ моей статьѣ: „Байда Вишневецкій в поезіі й історіі“ (Записки укр. наук. тов. в Києві, III); можно прибавить еще замѣтку Стороженка къ портрету въ „Кіевской Старинѣ“ 1894 г. и Крымскаго Исторія Турціи и ея литературы, 1910 ст. 27—9.

²⁾ См. выше с. 85. Претвичъ называетъ его просто Вишневецкимъ, но Вишневецкихъ было не много, и сопоставленіе съ документомъ 1546 г. (въ укр. изданіи с. 96—7) не оставляетъ сомнѣнія, что это Вишневецкій Дмитрій.

³⁾ Мы видѣли выше, что такую мысль Бѣльскій вкладываетъ въ уста Дашковичу на петроковскомъ сеймѣ—с. 122

⁴⁾ Думаю, что объ этихъ замкахъ упоминаетъ Сигизмундъ-Августъ въ письмѣ отъ 1553 г.—сравнить его письмо отъ 1554 г. (см. ниже). Прежніе изслѣдователи, начиная съ Бартошевича, разумѣли здѣсь Калець и Черкасы, по этимъ замками управлялъ тогда Дмитрій Сангушко.

себя“, уѣхалъ въ Туркамъ — послалъ впередъ свою козацкую роту, а потомъ и самъ со своими козаками отправился въ Турцію¹⁾. Это вызвало большую тревогу въ придворныхъ кругахъ, да и на Украинѣ: боялись, что Вишневецкій приведетъ Турокъ на Украину. Но опасенія были неосновательны: въ началѣ 1554 г. Вишневецкій пріѣхалъ изъ Турціи, въ началѣ марта былъ представленъ королю воеводою Николаемъ Сѣнявскимъ, своимъ стариннымъ товарищемъ по пограничной войнѣ, взявшимъ на себя въ данный моментъ роль посредника и заступника передъ королемъ²⁾. Его объясненія въ концѣ концовъ были приняты, и Вишневецкій получаетъ отъ в. кн. порученіе содержать на Хортицѣ стражу противъ Татаръ.

Такимъ образомъ вырисовывается руководящая идея Вишневецкаго—планъ союза на два фронта: опираясь на Литовско-польское государство и поддерживая пріятельскія отношенія съ Турціей, держать въ рукахъ Крымъ. Но эти смѣлые планы Вишневецкаго и его рѣшимость выполнить ихъ во что бы то ни стало пугали короля. „Въ такое время такихъ слугъ нужно какъ можно больше, только не съ такими замыслами“, писалъ онъ Радзивилу нѣсколько лѣтъ спустя³⁾. По отношенію къ Татарамъ литовско-польское правительство старалось держаться какъ можно осторожнѣе: формально Крымъ являлся союзникомъ Литвы противъ Москвы. Правительство боялось, какъ бы Вишневецкій не задѣлъ Татаръ какою-либо нетактичностью, и в. князь носился съ мыслию „свести“ его съ границы и послать съ козаками на войну въ Ливонію, даже задумывалъ какъ-нибудь хитростью сплавить Вишневецкаго съ Низу, послать туда въ качествѣ его замѣстителя кого-либо изъ его братьевъ⁴⁾. Но Вишневецкій не хотѣлъ уходить, и великокняжескому правительству оставалось только старательно избѣгать всякихъ проявленій солидарности со своимъ опаснымъ слугою. Позднѣе (1557) Сигизмундъ-Августъ въ отвѣтъ на татарскія жалобы на Вишневецкаго писалъ хану, что Вишневецкій проводилъ свои планы совершенно самовольно: онъ, Сигизмундъ, на Днѣпръ его не посылалъ, а потомъ поручилъ ему охрану степного пограничья полагаясь главнымъ обра-

¹⁾ *Listy Zygmunta Augusta* с. 56, первые слухи объ этомъ еще раньше—с. 54 (іюнь 1553 г.).

²⁾ *Listy* с. 76. ³⁾ *Ibid.* с. 131.

⁴⁾ *Ibid.* с. 107—108, ср. 94, 110.

зомъ на добрыя отношенія Вишневецкаго съ Турцією и ханомъ. „Можете видѣть изъ того, что и къ е. в. императору турецкому онъ ходилъ противъ воли нашей, а какъ его тамъ приняли, сами знаете: онъ, вернувшись въ государство наше, рассказывалъ, что получили тамъ подарки (жалованьемъ осмотренъ былъ), и у тебя, брата нашего, пользовался милостью, и по этимъ соображеніямъ мы поручили ему степную стражу, въ той надеждѣ, что онъ будетъ поддерживать добрыя отношенія съ вашими людьми, пользуясь вашимъ расположеніемъ“. И Сигизмундъ-Августъ старался представить хану, какую пользу можетъ приносить ему самому и Турціи хортицкій замокъ: онъ будетъ охранять татарскія и турецкія владѣнія, улусы ихъ и ихъ пастуховъ отъ всевозможныхъ нападений и убытковъ, особенно съ московской стороны, такъ какъ, дескать, именно московскіе козаки производятъ эти нападенія¹⁾).

Но эта традиціонная боязливая политика в. кн. Литовскаго была не по душѣ Вишневецкому. Въ то время, какъ литовское правительство старалось поддержать добрыя отношенія съ Крымцами и направлять ихъ противъ Москвы, Вишневецкій какъ разъ обратился въ сторону Москвы. Вѣроятно, это исходило изъ его плановъ, вполне естественно и логично: игнорируя государственное соперничество Литвы и Москвы, вести свою степную политику, опираясь на оба эти государства, одинаково терпящія отъ Орды и въ своихъ пограничныхъ украинскихъ земляхъ организованныя козацкую оборону противъ разрушительныхъ ударовъ Крыма. Эта политика даже не была новой. Уже въ 1530-хъ годахъ ханъ жаловался вел. князю литовскому, что черкасскіе старосты, игнорируя враждебныя отношенія Литвы съ Москвою и союзъ Литвы съ Крымомъ, принимаютъ на свою службу козаковъ путивльскихъ (т. е. изъ украинскихъ земель в. кн. Московскаго) и посылаютъ ихъ на татарскіе улусы вмѣстѣ съ черкасскими и каневскими козаками²⁾). Вполнѣ естественно, что и Вишневецкій задумалъ привлечь Московское государство къ общей борьбѣ съ Крымомъ и традиціонное соперничество ихъ интересовъ съ взаимнымъ науськиваніемъ Орды, замѣнить общей бор-

¹⁾ Посол. книга I с. 135.

²⁾ Акты Зап. Рос I с. 186 (это считаютъ дѣломъ Дашковича— напр. Кулишъ Ист. воссоед. I с. 59, но хотя вполне вѣроятно, что и Дашковичъ такъ поступалъ, все таки ханское письмо относится къ болѣе позднему времени и говорить о позднѣйшихъ старостахъ).

бою съ этимъ общимъ врагомъ. Но Вишневецкій имѣлъ всё причины не объявлять раньше времени такихъ плановъ во всеуслышаніе, считаясь съ официальнымъ союзомъ Литвы съ Крымомъ противъ Москвы, а въ московскихъ кругахъ, съ своей стороны, не имѣли причинъ признавать чужеземца Вишневецкаго инициаторомъ этого эффектнаго плана. Официальная московская лѣтопись говоритъ о первыхъ стадіяхъ борьбы съ Крымомъ, какъ о дѣлѣ самихъ московскихъ воеводъ, вовсе игнорируя Вишневецкаго. Но несомнѣнно, что именно онъ былъ истиннымъ инициаторомъ этихъ плановъ, которые въ московскихъ кругахъ такъ же быстро исчезаютъ потомъ, какъ внезапно возникли съ выступленіемъ Вишневецкаго.

Въ мартѣ 1556 г. московское правительство предприняло походъ въ Крымъ Днѣпромъ на Незь, подъ крымскіе улусы. Предводительство было поручено дьяку Ржевскому; исходною точкою долженъ былъ служить Путивль. Ржевскій долженъ былъ соорудить лодки на верховьяхъ Псла и съ путивльскими козаками идти „добывать языковъ“ и провѣдывать „про царя“ (хана). Официальнымъ поводомъ служили вѣсти, что ханъ собирается походомъ на московскія земли¹⁾. Въ дѣйствительности, очевидно, московское правительство склонили и побудили къ этому совѣты и представленія, сдѣланныя Вишневецкимъ черезъ путивльскихъ козаковъ, участниковъ его новыхъ стараній и плановъ. И при большой осторожности и неособенной поспѣшности московской бюрократіи, нужно думать, что свои предложенія объ общихъ дѣйствіяхъ противъ Татаръ Вишневецкій началъ въ московскихъ сферахъ задолго передъ тѣмъ — вскорѣ послѣ своего визита въ Турцію. Въ іюнѣ Ржевскій уже доносилъ о своихъ успѣхахъ. Онъ писалъ, что на Днѣпрѣ присоединились къ нему черкасскіе и каневскіе козаки, въ количествѣ 300, подъ предводительствомъ своихъ атамановъ Млинскаго и Михайла Еськовича. Съ ними и со своими путивльскими козаками Ржевскій направился къ крымскому городку Исламъ-Кермень на нижнемъ Днѣпрѣ, около татарскихъ переправъ (гдѣ теперь Каховка), но Татары были предупреждены и заперлись въ

¹⁾ Никоновская лѣтоп., Пол. собр. лѣтоп. XIII с. 269. Каманинъ, пересматривая въ послѣдній разъ извѣстія о Вишневецкомъ, особенное значеніе придавалъ извѣстіямъ лѣтописи Нормантскаго (Временникъ моск. общ. ист. V). Но эта позднѣйшая компиляція не даетъ о Вишневецкомъ ничего сверхъ того, что имѣемъ въ Никоновской.

замкѣ. Козаки утнали лишь лошадей и скотъ, и пошли подѣ Очаковѣ. Тутъ взяли „острогъ“, разбили Турокъ и Татаръ, забрали много „языковъ“ (плѣнныхъ) и съ ними вернулись назадъ. За ними погнались санджаки (турецкіе коменданты) Очакова и Тягини съ большимъ войскомъ, но козаки устроили засаду въ Днѣпровскихъ камыщахъ, перебили изъ ружей много народу и принудили ихъ вернуться. Потомъ подѣ Исламъ-Керменомъ догналъ ихъ калга съ большой ордой—„съ нимъ весь Крымъ, князи и мирзы“, какъ описывалъ хвастливый дьякъ. Козаки засѣли на островѣ Днѣпра и оборонялись отъ орды, отстрѣливаясь изъ ружей. Въ теченіе шести дней пробовали ихъ взять Татары, но добыть не могли, и въ концѣ концовъ отступили. А козаки, утнавъ ночью стада, забрали коней на островъ и превратившись изъ рѣчного войска въ сухонутное конное, пошли напрямикъ черезъ степи¹⁾).

Во всей этой реляціи нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія о Вишневецкомъ, фигурируетъ только дьякъ Ржевскій. Думаю, что это трудно отнести на счетъ одного самохвальства этого послѣдняго, и что Вишневецкій старался раньше времени не раскрывать своихъ картъ передъ ханомъ, не порывать съ нимъ отношеній, и съ этой цѣлью не выступалъ открыто со своимъ участіемъ въ этихъ предпріятіяхъ противъ Татаръ, наоборотъ—скрывалъ его. Въ литовскихъ кругахъ его сношенія съ Москвою въ то время не были тайною — московскіе послы, будучи у Сигизмунда лѣтомъ 1556 г., слышали тамъ, что Вишневецкій „отѣхалъ къ Москвѣ“²⁾, хотя формальное посольство къ московскому царю отъ Вишневецкаго въ московской официальной лѣтописи отмѣчено лишь въ сентябрѣ 1556 г.³⁾. При литовскомъ дворѣ его смѣлые планы вызвали одновременно и тревогу передъ возможными политическими осложненіями, вызванными его дѣятельностью⁴⁾, и живыя симпатіи къ этимъ планамъ организаціи широкой борьбы съ Крымомъ общими силами христіанскихъ государствъ.

Какъ съ одной стороны въ московскихъ кругахъ, такъ съ другой въ литовско-польскихъ, Вишневецкій популяризовалъ идею общей борьбы своими сношеніями, своимъ примѣромъ, и его идеи

1) Никонов. лѣтоп. с. 271.

2) Памятн. снош. съ Польско-литов. госуд. II с. 530—1.

3) Никонов. л. с. 275.

4) См. выше выдержку изъ письма короля 1556 г.

вызывали сочувствіе. Это сношенія съ Москвою не возбуждали недовольства въ литовско-польскихъ кругахъ въ виду поставлен-ныхъ имъ задачъ, по крайней мѣрѣ—это недовольство въ значительной мѣрѣ нейтрализовалось сознаніемъ тѣхъ выгодъ, какія должно было принести осуществленіе плана такой совместной борьбы съ Крымомъ. На жалобы хана по поводу козацкаго нападенія 1556 г.¹⁾, литовское правительство отвѣчало въ возможно-успокоительномъ тонѣ. Увѣряло, что это нападеніе было дѣломъ московскихъ козаковъ, Вишневецкій участія въ немъ не принималъ и ни въ какихъ общихъ выступленіяхъ съ московскими козаками выступать не намѣренъ; московскіе люди склоняли его служить Москвѣ, но Вишневецкій на эти предложенія не сдался, держитъ Хортицкій замокъ на в. князя литовскаго, и поддерживает сношенія съ казаками низовыми, а съ московскими не сносятся²⁾; таково было официальное освѣщеніе, быть можетъ намѣренно приданное литовскимъ правительствомъ дѣятельности Вишневецкаго за минувшіе годы. Выгораживая его всячески, Сигизмундъ-Августъ рисовалъ хану всю опасность московскаго плана—врѣзаться московскими замками въ низовья Днѣпра, напоминать аналогичную тактику Москвы относительно Казани и пугать аналогическими перспективами относительно Крыма: поставивъ свои замки подъ Перекопомъ, Москва будетъ стремиться въ тому, чтобы и Крымъ взять въ свои руки. Поэтому совѣтовалъ пока что, въ такихъ тревожныхъ обстоятельствахъ не ссориться съ Вишневецкимъ: позже, когда эти обстоятельства измѣнятся, в. кн. разберетъ дѣло, и если бы Вишневецкій оказался виновнымъ, онъ его накажетъ и уберетъ изъ Хортицы, а пока онъ тамъ очень полезенъ въ противовѣсъ московскимъ планамъ. Возможно, что Москва даже будетъ стараться добыть Хортицу силою, и если Вишневецкаго вывести оттуда сейчасъ, Москва тотчасъ же захватила бы его замокъ. Для Татаръ и Туровъ литовскій замокъ на Хортицѣ будетъ очень полезенъ, защищая ихъ отъ московскихъ козаковъ, а чтобы самъ Вишневецкій не задирался съ Татарами, объ этомъ онъ, Сигизмундъ, отдастъ ему приказъ и увѣренъ, что Вишневецкій не нарушитъ своихъ добрыхъ отношеній къ крымскимъ союзникамъ³⁾.

Но ханъ не могъ вѣрить этимъ успокоеніямъ, такъ какъ Виш-

¹⁾ Посол. книга с. I 130 и 133—5.

²⁾ Посол. книга I с. 139. ³⁾ Посол. книга I с. 135.

невецкій, наоборотъ, выступалъ противъ Крыма все болѣе враждебно. Осенью 1556 г. (приблизительно въ октябрѣ) самъ Вишневецкій или, можетъ быть, его козаки напали вновь на Исламъ-Бермень, взяли этотъ замокъ, забрали оттуда пушки и перевезли въ хортицкій замокъ ¹⁾. Разгнѣванный этимъ ханъ кажется, сначала, хотѣлъ заманить къ себѣ Вишневецкаго: прислалъ ему подарки и письмо, приглашая къ себѣ на службу ²⁾. Но Вишневецкій не поддавался на эту удочку, и тогда ханъ, едва только сталъ Днепръ, двинулся въ походъ на опаснаго сосѣда. Въ январѣ 1557 г., онъ подступилъ къ хортицкому замку съ большими силами— „съ сыномъ и со всѣми людьми крымскими“, и старался взять его. Болѣе трехъ недѣль (24 дня) тянулась эта осада, но въ концѣ концовъ взять замокъ Крымцамъ не удалось, и ханъ вернулся съ большими потерями ³⁾. Вишневецкій успѣвши извѣстить в. князя объ этомъ военномъ крѣпленіи своихъ хортицкихъ укрѣпленій и плановъ и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ „подкрѣпить его замокъ людьми и оружіемъ“, чтобы имѣть возможность защищаться отъ Крыма. Но литовское правительство обнаружить такимъ образомъ свою солидарность съ Вишневецкимъ не отважилось. В. князь, въ отвѣтъ на донесенія Вишневецкаго, высказалъ свое удовольствіе по поводу его „стойкости и мужественной обороны“, обѣщалъ прислать „жалованье“, но вмѣстѣ съ тѣмъ рекомендовалъ ему не обострять отношеній съ Крымомъ, стараться, чтобы козаки не трогали Татаръ и Турокъ, и т. д. ⁴⁾.

Совѣты эти были не своевременны. Отношенія Вишневецкаго къ Крыму были настолько обострены, что о какомъ-либо улаживаніи ихъ не могло уже быть и рѣчи. За зимнимъ походомъ 1557 г. послѣдовалъ новый, еще болѣе грозный, вѣроятно тѣмъ же года. Ханъ снова подступилъ съ Ордою къ хортицкому замку, вмѣстѣ съ нимъ явилось турецкое войско на лодкахъ и вспомогательные отряды отъ молдавскаго воеводы. Подробностей осады, къ сожалѣнію, не имѣемъ. Знаемъ, что въ концѣ

¹⁾ Никои. лѣтоп. с. 277. ²⁾ Посол. книга I с. 158.

³⁾ Посол. книга I с. 139, Никои. лѣтоп. I с. 280.

⁴⁾ Акты Ю. З. Р. II № 130. Письмо безъ даты, но сопоставленіе его съ актами Посол. книги показываетъ совершенно опредѣленно, что оно написано не раньше мая 1557 г., послѣ послыжи въ Крымъ Довгирда. Вольфъ ошибочно относилъ его ко времени передъ кампаніей 1556 г.

гонцовъ на Хортицѣ не хватило провіанта, козаки стали разбѣгаться отъ Вишневецкаго, и онъ вынужденъ былъ отступитъ съ нивольеръ Дитира далѣе на Украину, въ Черкасы¹⁾. Здѣсь опять таки, очевидно, не нашель онъ никакой реальной помощи для осуществленія своихъ плановъ борьбы съ Крымомъ и рѣшился отправиться въ Москву искать новыхъ средствъ борьбы—болѣе реальной поддержки своихъ плановъ, такъ какъ Москва стояла во враждебныхъ отношеніяхъ къ Крыму.

Какъ я уже упоминалъ, формальныя сношенія съ московскимъ правительствомъ были завязаны Вишневецкимъ еще годъ тому назадъ, осенью 1556 г. (а фактически отношенія должны были существовать еще прежде этого). Тогда московское правительство прислало ему „жалованіе“ и пригласило въ Москву; онъ присягнулъ передъ московскими послами, что пріѣдетъ и будетъ служить царю, а пока отговаривался войною съ Крымомъ. Подъ конецъ 1557 г., не видя другихъ ресурсовъ, онъ пріѣхалъ въ Москву, по требованію правительства принялъ присягу на вѣчную службу и получилъ большія помѣстья и доходы: „вѣвотчину“ ему былъ данъ городъ Бѣлевъ со всѣми волостями и селами, „какъ было за Бѣлевскими князьями“, много селъ подъ Москвою, большіе подарки деньгами и вещами и на пріѣздъ десять тысячъ рублей—громадная по тому времени сумма, которая лучше всего показывала, какъ цѣнили Вишневецкаго въ Москвѣ и какое значеніе ему придавали²⁾.

Передъ московскими политиками развиваетъ Вишневецкій все тѣ же свои планы общей борьбы противъ Орды въ союзъ съ Литвою. Они находятъ здѣсь полное сочувствіе. Помимо всякой идеологии, московскимъ политикамъ было одинаково выгодно и разорвать союзъ Литвы съ Крымомъ, втянувъ ее въ войну съ Ордою, и присмирить Орду. Въ началѣ 1558 г. организуется большая экспедиція въ Крымъ, подъ общимъ предводительствомъ Вишневецкаго. Самъ Вишневецкій долженъ былъ идти по слѣдамъ кампаніи 1556 г.: востроить на верховьяхъ Пела струги и въ

¹⁾ Объ этомъ Вишневецкій писалъ въ Москву въ октябрѣ 1557 г.—Никон. с. 276; думаю, однако, что онъ не тотчасъ послѣ своего прихода въ Черкасы похвалился этимъ, а лишь убѣдившись, что не можетъ рассчитывать на помощь литовскаго правительства.

²⁾ Памятн. снош. съ Польско-литов. гос. II с. 543, Никон. с. 286.

стругахъ отправиться съ войскомъ на Низъ. Съ нимъ было послано значительное московское войско¹⁾, и кроме того, онъ имѣлъ въ виду собрать вокругъ себя козаковъ. Одновременно долженъ былъ идти съ востока „на пособъ“ Вишневецкому кабардинскій мурза Каякличъ. Они должны были встрѣтиться въ Исламъ-Керменѣ и отсюда „надъ крымскимъ промышляти, сколько имъ Богъ помочи подасть“²⁾.

Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшили отправить посольство въ Литву, чтобы склонить литовское правительство къ общимъ выступленіямъ противъ Крыма. Ближайшимъ поводомъ служило обстоятельство, что ханъ, разгнѣванный поступками Вишневецкаго, сорвалъ свой гнѣвъ на литовской Украинѣ — несмотря на всѣ старанія литовскаго правительства по возможности сложить съ себя всякую отвѣтственность за дѣйствія Вишневецкаго и вообще не допустить до разрыва съ Крымомъ. Въ началѣ этого года калга съ двадцатитысячною ордою неожиданно напалъ на Брацлавскія земли, опустошилъ и разграбилъ ихъ и сосѣднія подольскія волости—Хмельницкую, Барскую и другія ближайшія мѣстности Вольнскихъ и Подольскихъ земель, и съ громаднымъ количествомъ плѣнныхъ (насчитывали 40 тысячъ) спокойно ушелъ, прежде чѣмъ собрали противъ него канія либо силы. Даже съ обратнаго пути часть орды еще вернулась назадъ и еще разъ напомнила о себѣ на прощанье³⁾. Рассчитывая на впечатлѣніе, произведенное этимъ нападениемъ, московское правительство рѣшило, какъ откровенно выразилось боярское рѣшеніе — „короля о дружбѣ задрати“, пока онъ не помирился съ Ордою, — чтобы отвести его отъ хана⁴⁾. Царь Иванъ послалъ в. кн. литовскому на эту тему грамоту, довольно общаго содержанія, а посламъ поручилъ пояснить, что онъ, царь, сожалѣетъ о проливаемой христіанской крови и ищетъ способа „христьянству избаву учинити отъ насилуванья татарскаго“, съ этой цѣлью прекра-

¹⁾ Московскіе послы говорили о 30 тысячахъ, но это должно быть преувеличенная цифра. Курбскій считаетъ это войско лишь въ 5 тыс., но это, можетъ быть, только какая-нибудь часть тѣхъ силъ, которыми долженъ былъ имѣть въ своемъ распоряженіи Вишневецкій.

²⁾ Памятники II с. 542—3, Никон. с. 288.

³⁾ Памятники II с. 547, ср. 539 и Никон. с. 289, Посольская кн. I с. 141—2, 143, 144.

⁴⁾ Памятники II с. 533.

тнлъ всякія сношенія съ ханомъ, послалъ Вишневецкаго на Крымъ и хотѣлъ бы въ союзѣ съ в. кн. Литовскимъ „христіанство отъ боссерменскихъ рукъ отвеселѣ боронити“, безъ всякихъ притязаній на литовскія земли ¹⁾).

Эта идея была встрѣчена съ полнымъ сочувствіемъ въ литовскихъ кругахъ. Ост. Воловичъ, ведшій переговоры съ московскими послами по порученію в. князя, и украинскіе магнаты, какъ кн. Острожскій и кн. Стефанъ Збаражскій, и старѣйшина литовскаго магнатства Радзивиль—все высказывали сочувствіе такимъ планамъ и пожеланія, чтобъ оба государства пришли къ прочному соглашенію на этой почвѣ и дружно обратили свои силы противъ Орды. Но при этомъ не обошлось съ ихъ стороны и безъ нѣкоторыхъ скептическихъ замѣчаній относительно этого плана совмѣстныхъ дѣйствій противъ Крыма. Высказывались опасенія, что всѣми выгодами отъ уничтоженія Орды воспользуется Москва и еще болѣе усилитъ свою позицію противъ Литвы. Предполагали, что крымскаго хана побѣдить не трудно: „есть за что на него возстать и не хитрое дѣло двумъ такимъ государствамъ его изъ Крыма изгнать совсѣмъ“,—но за него, какъ за своего вассала, вступится Турція, и борьба съ нею обрушится всею тяжестью на одну литовско-польскую сторону, а неизвѣстно, поддержитъ-ли ее тогда Москва. Съ другой стороны, по старымъ традиціямъ и прецедентамъ, возбуждали нѣкоторыя подозрѣнія и эти предпріятія Москвы на нижнемъ Дунаѣ: несмотря на все увѣренія Москвы, что у нея нѣтъ никакихъ притязаній на литовскія земли, боялись, какъ бы потомъ не обнаружилась на этой почвѣ какая-либо интрига. Московскимъ посламъ говорили, что въ виду похода Вишневецкаго уже былъ отданъ приказъ литовскому войску идти въ Кіевъ, чтобы охранять литовскіе интересы, и только миролюбивыя увѣренія Москвы, переданныя черезъ это посольство, предотвратили эту экспедицію ²⁾).

Въ концѣ концовъ в. князь литовскій черезъ своихъ пословъ заявилъ все-таки о своемъ сочувствіи идеѣ союза противъ бусурманъ и о желаніи вести по этому вопросу дальнѣйшіе переговоры ³⁾). Рѣшено было выслать специальное посольство съ этою цѣлью. Въ концѣ 1558 г. это посольство было отправлено въ Москву, но когда оно здѣсь завело объ этомъ переговоры, съ московской

¹⁾ Памятники II с. 541—3. ²⁾ Ibid. с. 545—9.

³⁾ Памятники II с. 557—9.

стороны выдвинули условіе, что прежде долженъ быть заключенъ между обоими государствами вѣчный миръ, санкціонирующій ихъ нынѣшнія владѣнія. Литовскіе послы не соглашались, такъ какъ это было равносильно отреченію со стороны в. кн. Литовскаго отъ всякихъ претензій на земли, захваченныя Москвою въ продолженіе предшествующаго столѣтія (Сѣверскія и Смоленскія волости)¹⁾. На этомъ переговоры разбились. Сигизмундъ-Августъ осыпалъ хана упреками за его нелойальность: за походы на хортицкий замокъ и разрушеніе этого замка—такъ какъ онъ хотя и былъ построенъ безъ вѣдома литовскаго правительства, но стоялъ на литовской территоріи, и за татарскія нападенія на Украину (кромя указаннаго большого похода былъ цѣлый рядъ мелкихъ)²⁾—но въ концѣ концовъ, въ виду такого неблагоприятнаго оборота вопроса о союзѣ съ Москвою, возобновилъ старый союзъ съ Крымомъ, направленный противъ Москвы. И политическая система, запатававшаяся было такимъ образомъ во 1559 г., вернулось въ прежнее положеніе³⁾.

Это было сильнымъ ударомъ для Вишневецкаго. Планы общей, скомбинированной борьбы съ Крымомъ развѣялись, и онъ принужденъ былъ разсчитывать на силы одной Москвы. А Москва, занятая все болѣе и болѣе борьбою на балтійскомъ побережьи, не могла развить особенной энергіи на черноморскомъ, да и трудно было на такомъ отдаленномъ театрѣ войны проявить болѣе энергическую дѣятельность—несмотря на весьма благоприятныя обстоятельства. По словамъ Курбскаго, ставившаго въ большую вину и московскому, и литовскому правительству недостаточное вниманіе къ крымскому вопросу въ это время, Орда была сильно ослаблена засухой, голодомъ, эпидеміями⁴⁾. Общими усиліями Москвы и Литвы, несомнѣнно, Орду можно было весьма сильно ослабить. Безъ Литвы, при дальнѣйшемъ соперничествѣ съ нею, это было гораздо труднѣе.

Въ кампанію 1558 г. Вишневецкій, какъ онъ доносилъ въ Москву, прошелъ до Перекопа, но въ середину Крыма итти воздержался, а отступилъ къ Таванской переправѣ. Крымцевъ нигдѣ не было: ханъ забралъ всю орду за Перекопъ и обратилъ все силы на оборону Крыма. Очевидно, Вишневецкій не считалъ возможнымъ тамъ его атаковать—быть можетъ, ожидалъ новыхъ подкрѣпленій. Изъ Москвы шелъ къ нему дьякъ Ржевскій съ

¹⁾ Памятники II с. 567—579. ²⁾ Посол. книга I с. 160.

³⁾ Ibid. № 91—3, 98—102.

⁴⁾ Сказанія, изд. 1833 г. I с. 80—2.

припасами; встрѣтаясь съ нимъ у Пороговъ, Вишневецкій освѣжилъ свои силы, отославъ въ Москву неспособныхъ къ войнѣ, и съ обновленными такимъ образомъ, отборными, но небольшими отрядомъ двинулся къ лѣту подь Исламъ-Кермень. Онъ имѣлъ въ виду походъ за Перекопъ, подь „Козловъ“ (Евпаторію), но изъ Москвы, куда онъ послалъ объ этомъ извѣстія, онъ получалъ приказъ оставить на Днѣпрѣ московское войско и козаковъ съ Ржевскимъ и другими московскими воеводами, а самому ѣхать въ Москву¹⁾. Возможно, что въ виду разстроившихся отношеній съ Литвою, считали не безопаснымъ оставлять Вишневецкаго на Днѣпрѣ. Въ слѣдующемъ году (1559) планъ похода внутрь Крыма былъ выполненъ, но порученъ онъ былъ уже московскому воеводѣ Адашеву, Вишневецкаго же послали на Донъ, чтобы оттуда произвести нападеніе на Крымъ. Московское войско, выѣхавъ въ лодкахъ изъ Днѣпра на море, высадилось въ Крыму, опустошивъ ближайшія окрестности и произвело панику. Роль же Вишневецкаго въ этой компаніи была совсѣмъ незначительна²⁾. На слѣдующій годъ ему поручили еще болѣе далекую миссію — отправили на Кавказъ къ Черкесамъ, съ которыми имѣлъ онъ сношеніи въ предшествующемъ году³⁾; возможно, что представленія объ одиноплеменности Черкасъ-козаковъ съ кавказскими Черкесами также имѣли свое вліяніе на такой планъ, но Вишневецкому подобная миссія едва-ли могла нравиться. Съ Крымомъ Москва болѣе не хотѣла затѣвать борьбы: впечатлѣніе, произведенное московскими походами на Крымъ, она хотѣла использовать, чтобы удержать хана отъ нападеній на московскія земли. Вся энергія Московскаго государства обратилась на ливонскую войну, готовую въ каждую минуту перейти въ войну съ Литвою, и дѣйствительно перешедшую въ 1561 г.

Вишневецкому съ его планами болѣе-ничего было дѣлать въ Москвѣ⁴⁾. Да и война, начинавшаяся у Литвы съ Москвою,

¹⁾ Никон. с. 296.

²⁾ *Временникъ моск. общ.* V с. 142—4, Курбскій I с. 81—2, Памятн. II с. 584.

³⁾ *Временникъ V с. 145*, выписка изъ лѣтописи у Карамзина VIII прим. 566.

⁴⁾ Какъ видимъ, нѣтъ основаній для догадокъ о какихъ-нибудь специальныхъ причинахъ возвращенія Вишневецкаго въ Украину (Вольфъ думалъ, что на него повліяла переменна въ характерѣ царя Ивана, Соловьевъ подозрѣвалъ какія-то „неизвѣстныя причины“).

ставила его въ фальшивое положеніе „земѣнника“, котораго онъ также не могъ желать. Лѣтомъ 1561 г. мы видимъ его уже снова на Ниву. Съ Монастырскаго острова (выше Хортицы) въ 30 миляхъ отъ Черкасъ, послалъ онъ своему брату Михайлу, тогдашнему черкасскому старостѣ, письмо, выражая желаніе вернуться назадъ въ Литовское государство и оправдываясь тѣмъ, что выѣздъ его въ Москву имѣлъ мѣсто во время перемирія и не заключалъ въ себѣ никакихъ враждебныхъ намѣреній,—что было справедливо. Вмѣстѣ съ тѣмъ и козаки, товарищи одиссеи Вишневецкаго, заявили также о своемъ желаніи возвратиться домой и просили охранныхъ грамотъ. В. князь литовскій поспѣшилъ „принять въ свою милость господарскую“ Вишневецкаго, точно такъ же какъ и козаковъ, только поручилъ черкасскому старостѣ и кievскому воеводѣ развѣдать, нѣтъ-ли среди нихъ участниковъ очаковскаго погрома 1556 г. Еслибъ они оказались и можно было бы по этому поводу ожидать какого-либо неудовольствія со стороны турецкаго и татарскаго правительства въ виду того, что этихъ бунтовщиковъ приняли обратно на Украину, то упомянутымъ старостѣ и воеводѣ поручалось этихъ козаковъ уговорить не оставаться на Украинѣ, а идти въ Ливонію получивъ на то „датоку и живность“¹⁾). Отправились-ли дѣйствительно козакъ на ливонскую войну, не извѣстно, но тотъ фактъ, что въ ливонской кампаніи имѣемъ извѣстія о какихъ-то козакахъ, дѣлаетъ это довольно правдоподобнымъ.

Вишневецкій же тотчасъ ухватился за какіе-то новые планы на украинскомъ пограничьи, имѣлъ схватку съ Турками подъ Очаковымъ, потомъ предпринялъ какіе-то новые походы²⁾). Несмотря на всѣ хлопоты, причиняемые имъ, онъ все-таки высоко цѣнился въ придворныхъ сферахъ; на сеймѣ его принимали и привѣтствовали съ особенною симпатією, и когда онъ захворалъ въ то время—думалъ, что его отравили,—в. князь приказалъ своимъ лѣкарямъ лѣчить его³⁾).

Еще не оправившись вполне отъ болѣзни, неутомимый князь вмѣшался въ молдавскія дѣла—и здѣсь прокладывая дорогу для цѣлаго ряда козацкихъ вождей, до Тимоша Хмельницкаго включительно. Увлекъ его пріятель Альбрехтъ Ласкій, уже раньше вмѣшавшійся въ молдавскія дѣла, поддерживая узурпатора, т. наз.

¹⁾ Акты Ю. З. Р. II № 142—4.

²⁾ Listy Z. Augusta s. 129, 131. ³⁾ Бѣльскій с. 1145.

Гераклида или Деспота, съ которымъ потомъ порвалъ отношенія. Подъ его вліяніемъ Вишневецкій тоже принялъ участіе въ молдавскихъ междоусобицахъ. Противъ Деспота поднялось возстаніе подъ предводительствомъ Молдаванина Томши и среди этихъ замѣшательствъ Вишневецкому также подали надежду на нововодство: „нѣкоторые Волохи, не желая Томши, въ то время, когда Томшу провозгласили господаремъ, послали за Вишневецкимъ“. Вишневецкій прибылъ съ козаками, но молдавскіе партизаны поддержали его слабо, и Томша безъ большихъ усилій разбилъ его войско¹⁾. Вишневецкій или Дмитрашко, какъ называли его здѣсь, принужденъ былъ бѣжать, но ему измѣнили и выдали Томшѣ, а тотъ отослалъ Вишневецкого въ Константинополь, гдѣ ожидала его смерть. „Бѣдный Дмитрашко со своими товарищами долженъ пріѣхать сюда сегодня или завтра утромъ“, писалъ 15 октября 1563 г. французскій посолъ въ Константинополь, а двѣ недѣли спустя прибавляетъ: „Бѣдный Дмитрашко лишь только прибылъ, какъ его величество султанъ приказалъ его убитъ (енгаушег) съ другимъ знатнымъ вельможею изъ Польши по имени Писониски (Пясецкій), предлагавшимъ за свою жизнь паншѣ 20 тыс. дукатовъ; остальные его соратники отправлены на галеры, за исключеніемъ одного, служившаго Деспоту—его повѣсили“²⁾.

Этотъ трагическій конецъ и героическая смерть Вишневецкаго, какъ образъ побѣды идеально настроеннаго духа надъ грубою физическою силою, символъ бессилія хищнаго басурманскаго міра побѣдить духовно міръ христіанскій—произвели сильное впечатлѣніе. Въ кругахъ украинскихъ, польскихъ, литовскихъ—по горячимъ слѣдамъ событій исторія смерти Вишневецкаго начала передаваться въ легендарныхъ, разнообразными поэтически-ми подробностями расцвѣченныхъ формахъ. Рассказывали, что онъ окончилъ жизнь, повѣшенный на крюкъ за ребро въ Царьградѣ, и висѣлъ такъ три дня, насмѣхаясь надъ Турками, такъ что послѣдніе, не выдержавъ этихъ надругательствъ, застрѣлили его и тѣмъ прекратили муку, на которую его обрекли. Удивляясь его

¹⁾ Вѣльскій с. 1148.

²⁾ Chagrière *Negotiations de la France dans le Levant* II с. 741—2 и оттуда у Hurnmazaki *Dokumente privitore la istoria Românilor*, supplém. I vol. I с. 19. А. Крымскій, останавливаясь на этомъ эпизодѣ въ своей Исторіи турецкой литературы, предлагаетъ поправку въ духѣ позднѣйшей легенды о Вайдѣ: *enroscheг*, посадить на крюкъ; но такого слова не было; кажется, въ употребленіи.

отваги и стойкости, они раздѣлили между собою его сердце и съѣли, чтобы проникнуться его смѣлостью и презрѣніемъ къ смерти, которое онъ проявилъ. Потомъ, съ теченіемъ времени, все больше ходячихъ поэтическихъ мотивовъ вплеталось въ этотъ рассказъ. Султанъ турецкій, изумленный храбростью и подвигами Вишневецкаго, пытается его привлечь на свою сторону, сдѣлать изъ него Турка, обѣщая всевозможныя милости, но Байда-Вишневецкій пренебрегаетъ всѣмъ этимъ и идетъ на страшную смерть, вмѣсто того, чтобы роскошествовать съ басурманами. Вися на крюкѣ, онъ проситъ дать ему лукъ и стрѣлы и стрѣляетъ въ Турокъ, даже въ самого султана ¹⁾. Эти легенды обрабатывались и въ поэтической формѣ, и одна изъ такихъ поэтическихъ переботокъ, въ видѣ украинской народной пѣсни, перелетѣла къ намъ черезъ пропасть трехъ столѣтій, удержавшись въ устахъ народа.

Эта популярная пѣсня о Байдѣ распространена по всей украинской территоріи, отъ Галиціи до Заднѣпровья ²⁾. Игнорируя его жизнь, она занимается исключительно его героической смертью. Пренебреженіе къ жизни и житейской роскоши, презрѣніе къ смерти—ея руководящій мотивъ, и разрабатывая его, анонимный поэтъ вмѣсто историческаго образа князя-магната счелъ за лучшее изобразить своего героя въ видѣ типической фигуры гуляки-козака который необъясненнымъ образомъ очутился въ Царьградѣ и пьянствуетъ тамъ:

В Царгороді на риночку
 Ой не Байда мед-горілочку;
 Ой не Байда—та не день не два,
 Не одну нічку та й не годиночку.
 Царь турецький в ньому присилає,
 Байду к собі підмовляє:
 „Ой ти, Байдо, та славнесенький
 „Будь мені лицар та вірнесенький!
 „Візьми в мене царівночку,
 „Будемь паном на всю Вкраїночку!“
 „Твоя, царю, віра проклятая,
 „Твоя царівночка поганая!“
 Ой крикнув цар на свої гайдуки:

¹⁾ См. легенды, собранные у Несецкаго Herbarz sub voce. См. также мою замѣтку въ X кн. „Записок Укр. Наук. Тов.“ о современной виршѣ, посвященной плѣву Вишневецкаго.

²⁾ Антоновичъ и Драгомановъ I с. 145—6; опускаю избыточные ненужныя амплификаціи и допускаю небольшія поправки. О поэтическихъ обработкахъ этого сюжета см. въ цитированной статьѣ: Байда-Вишневецкій въ поезіи й історіі.

Візьміть Байду добре в руки,
Візьміть його повисіте,
На гак ребром зачепіте!
Ой висять Байца тай киваєть ся,
Та на свого джуру поглядаєть ся:
„Ой джуру мій молодесенький,
„Подай мині лучок та тугесенький:
„Ой баю я три голубочки —
„Хочу я убити для його дочки!“
Ой як стрілив — царя вцілив,
А царю в потилицю,
Його доньку — в головуцьку.

Богатство редакцій этой пісні свідѣтельствуєть о ея широкой популярности. Трагическая смерть достойно увѣнчала бурную, блестящую жизнь ¹⁾).

¹⁾ Замѣчу, что поэтическая традиція первыхъ временъ воячества, до Хмельницкаго включительно, нѣкогда, несомнѣнно чрезвычайно богатая и разнообразная, доншла къ намъ лишь въ видѣ незначительныхъ отрывковъ, которые не всегда могутъ дать представленіе объ ея быломъ видѣ. Причина та, что она жила только въ устной традиціи и систематически ее начали записывать лишь тогда, когда эта козацкая традиція вообще вымирала, а спеціально ея болѣе ранніе части были оттѣснены, разбиты и затемнены въ памяти повдѣйнишними циклами — эпохи Хмѣльницкаго, Руины, Гайдамачества. Кромѣ того памятники ея и изслѣдованы крайне недостаточно. Послѣ первыхъ пробъ собранія памятниковъ народнаго творчества (сборники Ходаковскаго, Цертелева, Максимовича) они съ исторической точки зрѣнія, какъ источникъ для изученія былой украинской жизни, начали привлекаться для изображенія украинскаго прошлаго въ 1830—1840 годахъ. Такими были попытки Гоголя, Кулиша (Украина, 1843) и особенно „Запорожская Старина“ Срезневскаго (6 выдѣлъ въ 1833—8 гг.). (Объ этихъ попыткахъ, ихъ задачахъ и руководящихъ идеяхъ статьи Ал. Грушевскаго: „З сороковокъ років“, Львовскія Записки т. 83, 85, 89, объ этнографіи того времени Пыпина Исторія русской этнографіи т. III, В. Доманицкаго о Ходаковскомъ въ Львов. Запискахъ т. 65, Ал. Грушевскаго о Максимовичѣ въ Извѣстіяхъ петерб. акад. 1906). Наряду съ пѣнными, подлиннымъ матеріаломъ эти труды 1830-хъ гг. ввели однако много поддѣльныхъ пѣсенъ, составленныхъ на темы лѣтописей и въ особенности популярной Исторіи Руссовъ, и замутили ими подлинную поэтическую традицію. Особенно Срезневскій навелъ ими свою Запорожскую Старину и внесъ большую путаницу въ представленія объ этой традиціи; но и другіе, болѣе критическіе изслѣдователи, какъ Максимовичъ, Костомаровъ, Кулишъ не сумѣли вполне оградить себя отъ этихъ фальсификатовъ. Задачу критической очистки традиціи поставилъ себѣ Косто-

маровъ въ статьяхъ „Историческое значеніе южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества“ (Бесѣда 1872), — неоконченныхъ и продолженныхъ много спустя подъ загл.: *Исторія козачества въ памятникахъ южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества* (Рус. Мысль 1880 и 1883), но въ общемъ сдѣлалъ въ этомъ направленіи не много. Въ 1874 г. вышелъ первый томъ труда „Историческія пѣсни малорусскаго народа“ Антоновича и Драгоманова, содержащій сборникъ пѣсенъ до эпохи Хмельницкаго; но критикѣ подлинности здѣсь удѣлено не много мѣста: въ предисловіи перечислены пѣсни, пропущенныя въ виду ихъ сомнительнаго характера, въ текстѣ къ нѣкоторымъ пѣснямъ, вошедшимъ въ сборникъ, даны краткія замѣчанія объ ихъ подозрительныхъ признакахъ; главное вниманіе обращено было на комментированіе исторической основы пѣсенъ. Новый критическій пересмотръ этой категоріи пѣсенъ задумалъ дать Ив. Франко въ своихъ „Студіяхъ надъ народными пѣснями“ (Львовскіи Записки, т. 75, и сл., и отдѣльной книжкой, 1908); онъ пытается отыскать въ нашемъ современномъ запасѣ пѣсенъ болѣе древній пѣсенный репертуаръ, XVI—XVII в., основываясь на бытовыхъ примѣтахъ, историческихъ отзвукахъ, и наконецъ, — на размѣрѣ пѣсенъ (трудъ не законченъ).

Спеціальная литература историческихъ пѣсенъ до эпохи Хмельницкаго: Науменко Происхожденіе малорусской думы о Самуилѣ Кошкѣ (Кіевск. Старина, 1883, VI). Андриевскій—Козацкая дума о трехъ братьяхъ азовскихъ, 1884. Сумцовъ—Есть вопросу о происхожденія думы о смерти козака бандурниста (Культурныя Переживанія гл. 69—Е. Стар. 1889, IX) и Дума объ Алексѣѣ Поповичѣ (ib. 1894, I). С. Томашівський Маруся Богуславка в украинській літературі (Літ.-Науц. Вістник. 1901). Ів. Франко Козак Плахта (Львов. Записки т. 47, 1902). Дашкевичъ Олексій Поповичъ думы „Про бурю на Чорному морі“ (оттискъ изъ юбилейнаго сборника Антоновича, 1905). Общіе труды о т. наз. думахъ: Неймана *Dumy ukraińskie* (Ateneum, 1885), Лисовскаго *Вопросъ о происхожденіи малорусскихъ думъ*, 1891, Житецкаго *Мысли о малорусскихъ думахъ*, 1892, Тершаковца *Beziehungen der ukrainischen historischen Lieder resp. Dummen zum südslavischen Epos* (Archiv т. 29); библиографическая статья Ткаченка-Петренка *Думы въ изданіяхъ и изслѣдованіяхъ* (Україна, 1907) и мое примѣчаніе въ т. VI *історії України* с. 614.

Съ формальной стороны весь запасъ историческихъ пѣсенъ распадается на пѣсни симметрическаго склада, или т. наз. историческія пѣсни, и пѣсни неравносложныя, обычно наз. думами. Интересный вопросъ о происхожденіи и развитіи этой характерной асимметрической, равносложной формы остается, къ сожалѣнію, невыясненнымъ, между тѣмъ оно бросило бы свѣтъ на эволюцію поэтической традиціи козачества, такъ какъ представляется весьма вѣроятнымъ, что въ новую форму думъ облекались сплошь да рядомъ болѣе старія пѣсни, а не переработанныя очень часто вымирали, не выдерживая конкуренціи съ новой, болѣе

популярной и свободной формой, дававшей широкое место импровизации и вариациям темы.

Что касается содержания, то оставляя в стороне украинския обработки общих, странствующих темъ, въ которыхъ лишь механически вставленъ иногда какой-либо „козакъ“, имѣемъ серію, довольно большую, пѣсенъ историческихъ въ болѣе широкомъ смыслѣ или историко-бытовыхъ, рисующихъ намъ козачество и жизнь того времени въ типическихъ образахъ безъ связи съ конкретными лицами или событиями. Таковы пѣсни о татарскихъ нападеніяхъ и пленникахъ (Антоновичъ и Драгомановъ № 21, 22, 25, 26, 28, 29), невольничьи плачи (ib. № 30, 31), думы о побѣдѣ трехъ братьевъ изъ Азова и смерти трехъ бѣглецовъ надъ Самарой (№ 35 и 51)—отрывки прекраснаго „невольничьяго“ цикла. Затѣмъ, пѣсни о козацкихъ бояхъ въ степяхъ—такова дума о козацѣ Голотѣ (ib. № 43), о степной стражѣ (№ 36—9, ср. замѣчанія и материалы къ этой пѣснѣ у Франка № 8), о смерти козака въ степи (Антоновичъ и Драгомановъ № 58—60, Франко № 9). Наконецъ циклъ пѣсенъ о козацкомъ обычаѣ—какъ старая записъ пѣсни о козацѣ и Кулинѣ (пѣсня козака Плахты) и серія пѣсенъ объ отношеніяхъ къ жёнщинѣ, дѣвуннѣ, семьѣ—часть ихъ сгруппирована Франкомъ на основаніи особенностей ихъ стихосложенія (Студіі с. 154).

Вторую категорію составляютъ историческія пѣсни въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, рисушія извѣстными конкретными событиями или личностями. Эта вторая категорія въ данномъ случаѣ однако не отличается рѣзко отъ первой, такъ какъ событія и личности въ ней очень мало индивидуализированы: главнымъ образомъ встрѣчаемъ здѣсь лишь имена довольно механически или даже случайно присоединенныя къ типамъ или историко-бытовымъ картинамъ. Въ этой категоріи кромѣ пѣсенъ уже безвозвратно изъятыхъ изъ историческаго репертуара, какъ фальсифицированныя, а также несомнѣнно поддѣльныхъ, но еще принятыхъ, хотя и съ сомнѣніями, въ собраніе Антоновича и Драгоманова, какъ пѣсни о „Лядскомъ-рогѣ“ (Ляцкоровскомъ) и Свирковскомъ (Антоновичъ и Драгомановъ I, № 39 и 41), принадлежатъ пѣсни о Байдѣ Вишневецкомъ, о гетьманѣ Богданѣ въ траурѣ, дума о Самійлѣ Кішкѣ, съ упоминаніемъ о Сем. Скалозубѣ, объ Алексѣѣ Поповичѣ, съ упоминаніемъ о гетьманѣ Зборовскомъ, пѣсни о взятіи Варны и о Сагайдачномъ. Во всѣхъ ихъ упоминаемыя историческія событія сохранили очень мало реального, историческія личности превратились въ типическія фигуры—такъ Вишневецкій и Сагайдачный совершенно незаслуженно изображены въ видѣ забубенныхъ гуляевъ—Запорожцевъ, или же уцѣлѣли лишь ничего не говоряція голыя упоминанія.

Наконецъ въ третьей категоріи пѣсенъ историко-бытовыхъ картины связывается съ совершенно не извѣстными намъ именами. Таковы, напр., думы о Марусѣ Богуславкѣ, Иванѣ Богуславкѣ, Федорѣ Безродномъ, пѣсни о смерти Коваленка, о козацѣ Авраменкѣ и т. п. Ихъ не всегда возможно отграничить отъ такихъ

пѣсенъ, въ которыхъ героямъ приданы характеристическія имена (какъ козакъ Голота, а быть можетъ и упомянутый Федоръ Безродный), но это и не такъ ужъ важно. Какъ правило можно принять, что основой пѣсни служитъ дѣйствительный фактъ. Сохранить ли она при этомъ конкретное имя лица, или утерять его, это въ сущности ничего не измѣняетъ. Пѣсня совершенно свободно обрабатываетъ поэтическіе эпизоды или темы, связанные съ извѣстными громкими историческими именами, произвольно перепоситъ эти имена на событія совершенно имъ чуждыя, и точно также и еще въ меньшей мѣрѣ она чувствуетъ себя стѣсненной темой съ случайно сохранившимся именемъ какого либо никому неизвѣстнаго Коваленка или Авраменка. Въ общемъ отъ всего этого періода мы имѣемъ въ народной поэзіи лишь исторически-бытовыя картины, въ которыхъ имена не играютъ почти никакой роли.

III.

Ростъ и организація козачества въ предпослѣднія десятилѣтія XVI вѣка.

Развитіе и сплоченіе козачества въ срединѣ XVI в. Правительственныя реформы Сигизмунда-Августа и Баторія; ихъ бесплодность съ правительственной точки зрѣнія и значеніе для развитія козацкаго класса и организаціи. Козацкія „своеволія“ и правительственныя мѣропріятія 1585—1590 гг.

Такимъ образомъ дѣятельность Вишневецкаго съ его планами; обѣщавшими радикально измѣнить отношенія въ Черноморьѣ, организовавъ по всей линіи борьбу съ „бусурманскимъ“ міромъ, легализовавъ козацкую партизанскую войну и одновременно придавъ ей болѣе широкіе и опредѣленные размѣры, болѣе организованныя формы, — безнадежно погибла въ неблагоприятныхъ конъюнктурахъ международной политики. Не разрѣшила козацкаго вопроса, лишь принесла еще больше броженія, раскрыла болѣе широкіе горизонты передъ козачествомъ и его вождями, окрылила ихъ еще болѣе смѣлыми идеями. А польско-литовское правительство осталось все въ томъ же положеніи—въ необходимости всяческой цѣной добиваться добрыхъ отношеній съ Крымомъ и Турціею, въ виду новой войны за Ливонію, поглощавшей всѣ силы Литвы и не позволявшей серьезно думать о сколько-нибудь серьезной оборонѣ южныхъ границъ. И для поддержанія этихъ добрыхъ отношеній необходимо было всячески уснокаивать воезавовъ и удерживать отъ нападѣній на турецкіе и татарскіе улусы.

И литовское правительство снова рассылаетъ циркуляры пограничнымъ старостамъ, приказывая имъ не позволять ни своимъ слугамъ, ни козакамъ затрагивать Татаръ, чтобы не нарушать мира съ ними, пропускать ихъ свободно, если они будутъ идти въ московскія земли и т. п.¹⁾ Имѣемъ такой циркуляръ отъ

¹⁾ Акты Ю. З. Р. П. № 140, Посл. экз. I № 130.

1560 г., въ которомъ в. князь ввиду жалобъ бѣлгородскаго санджакъ на обиды турецкимъ подданнымъ, которыя причиняются имъ „изъ Кіева, Бѣлой-Церкви, Брацлава, Винницы, Черкасъ и Канева“, запрещаетъ даже подстерегать Татаръ на дорогахъ, которыми они вторгались въ литовскія земли, не только посылать людей въ степи за добычей, приказывая ограничиваться чисто пассивной обороной, и даже еще меньше: „если бы люди непрятельскіе у границы панства нашего приходили какову ю шкodu вчинили, за таковыми у погоню нехайбы шли и подданнымъ нашимъ ратунокъ и оборону чинили, а для иныхъ некоторыхъ причинъ жебы твоя милость служебникомъ своимъ и козакамъ на поле ходити не велѣлъ“¹⁾.

Но, если уже раньше подобные приказы не приводили ни къ чему, тѣмъ болѣе теперь украинскіе старосты—даже если бы хотѣли проводить эту малодушную, слишкомъ сдержанную съ точки зрѣнія каждаго пограничника правительственную программу—они не могли удержать козачество въ тѣхъ тѣсныхъ рамкахъ, въ какія хотѣло втиснуть его правительство. За послѣдніа десятилѣтія козачество непрерывно возрастало численно, а недавніа событія—попытки агрессивной борьбы съ Крымомъ, планы Вишневецкаго, превращавшіе козачество въ самостоятельный факторъ международной политики и утѣившіе его некакъ точку опоры въ соперничествѣ сосѣднихъ государствъ, — должны были неизмѣримо поднять козачество въ его собственныхъ глазахъ. Оно и его вожди почувствовали себя годными къ кое-чему болѣе достойному, нежели исполненіе порученій пограничныхъ старостъ, и все больше и больше освобождаясь изъ подъ вліянія послѣднихъ, дѣйствовали вполне самостоятельно. На низовьяхъ Днѣпра козачество утверждалось все болѣе прочно, а на всякій случай въ запасъ у него были опорныя точки въ пограничныхъ городахъ московской Украины, у путивльскихъ и донскихъ козаковъ, у пограничныхъ московскихъ воеводъ. И нѣсколько лѣтъ спустя послѣ изданія упомянутаго приказа пограничнымъ старостамъ, литовское правительство принуждено было констатировать, что козаки „в замковъ и мѣсть украинныхъ безъ росказанія и ведомости господарское и старостъ украинныхъ зѣхавши, на Низу на Днѣпрѣ на полю и на иныхъ входахъ перемешкиваютъ“, совершенно

¹⁾ Акты Ю. З. Р. II № 137, такіа письма были отправлены воеводѣ кіевскому, старостѣ черкасскому и брацлавскому.

„свовольные“, не обращая вниманія на правительственные и старостинскіе указы, и продолжают причиняютъ „великіе шкоды и дупезства“ турецкимъ пастухамъ и улусамъ и крымскимъ кочевьямъ¹⁾).

Правительство рано или поздно должно было убѣдиться, что при полномъ недостаткѣ исполнительной власти, при недоступности для него степей, гдѣ козачество устраивалось все болѣе прочно, рассчитывая на помощь и покровительство со стороны пограничной московской администраціи,—одними приказами и запрещеніями ему ничего не добиться: необходимо было дать козачеству какую-либо компенсацію взаменъ степныхъ промысловъ, въ видѣ жалованья изъ государственной казны, и какую-либо цѣль и занятіе—въ видѣ государственной службы. Отъ системы запрещеній и неудачныхъ попытокъ контроля польско-литовское правительство такимъ образомъ возвращалось къ старымъ планамъ 1520—1530 годовъ—организация государственнаго военно-служилого козачества. Прецеденты послѣднихъ лѣтъ пріучили къ этой мысли, сдѣлали ее простою и понятною; государственныя субсидіи для Вишневецкаго и его казаковъ изъ литовской и московской казны, употребленіе казаковъ для военной службы на государственный счетъ во время ливонской войны—подготовляли планъ, къ осуществленію котораго приступаетъ польско-литовское правительство въ концѣ 1560-хъ годовъ.

Эти правительственные опыты организациі козачества сами по себѣ были неудачны, велись безъ необходимой выдержки и системы, ни разу не сумѣли найти надлежащихъ способовъ для своего полного осуществленія и неизмѣнно застревали въ дебряхъ финансовыхъ препятствій, для того чтобы немного снустя, подъ давленіемъ заграничной политики—необходимости „успокоенія казаковъ“, начать снова ту же процедуру. Съ точки зрѣнія правительственной программы, имѣвшей цѣлью взять въ свои руки козачество и, выбравъ изъ его среды болѣе солидные и надежныя элементы и организовавъ ихъ, отдать это организованное козачество на службу правительственнымъ планамъ и видамъ—все эти старанія потерпѣли полное фiasco. Но они имѣли чрезвычайно важное значеніе для эволюціи самого козачества, давъ результаты совершенно неожиданныя съ точки зрѣнія правительственной программы, но очень цѣнные для формированія козачества,

¹⁾ Архивъ Ю. Э. Р. III. I № 3.

какъ общественнаго класса и политической силы. Мѣстои украинской жизни, уже насыщенной козацкимъ элементомъ, они дали импульсы, ускорившіе кристаллизацию козацкаго элемента въ извѣстныя общественныя и правовыя формы, живое сознание своего политическаго и социальнаго значенія и вмѣстѣ съ тѣмъ—усиленное развитіе козачества и ростъ его силъ.

Чтобъ оцѣнить съ этой точки зрѣнія значеніе реформы 1570 г. и дальнѣйшихъ повтореній „поставовеня съ козаками“ и козацкихъ наборовъ въ правленіе Баторія и Сигизмунда III, точно такъ же какъ и ихъ вліяніе на формированіе и эволюционную энергію козачества, постараемся прежде всего уяснить себѣ вопросъ—насколько козачество своею собственною эволюціею подготовило въ себѣ извѣстные внутрення средства и формы организаціи, и какъ далеко оно зашло въ этомъ организаціонномъ процессѣ ко времени этихъ реформъ.

Въ предыдущей главѣ мы констатировали, что, несмотря на ростъ своихъ силъ, весьма замѣтный на протяженіи первой половины XVI в., козачество такъ еще не организовалось въ какой-либо общественный классъ и даже едва замѣтно, какъ общественная группа. „Козакують“ различные общественные элементы изъ украинскаго пограничья, но при этомъ не выступаютъ какъ козаки по специальности, по роду жизни. Есть козачество *de facto*, но нѣтъ его *de jure*. Козацкіе контингенты возрастаютъ все больше, но это подвижныя кадры, которые мобилизуются для похода, для степной кампаніи, и по окончаніи ея растворяются въ различныхъ общественныхъ группахъ почти безъ остатка.

Мы отмѣтили въ началѣ второй половины XVI в. (въ переноси 1552 года) лишь очень незначительныя осадки козаковъ, какъ общественной группы, и то только въ приднѣпровскихъ замкахъ—главныхъ очагахъ ихъ дѣятельности, въ Черкасахъ и Каневѣ, среди самыхъ низшихъ категорій населенія—людей бродячихъ, немущихъ, бездомныхъ, всего въ числѣ нѣсколькихъ сотъ, тогда какъ общая численность козацкихъ континентовъ, мобилизовавшихся въ разныхъ военныхъ предпріятіяхъ, должна была превышать десятокъ тысячъ, и вскорѣ походы въ 2—3 тысячи козаковъ становятся довольно обычнымъ явленіемъ.

Главная масса козаковъ скрывается въ разныхъ общественныхъ слояхъ, не выдѣляясь изъ нихъ, такъ какъ признаваться въ „козацествѣ“, какъ своей общественной позиціи, объявлять

себя козаковъ—но было никакого интереса. Это не давало никакихъ правъ и привилегій, никакой выгоды, а наоборотъ—ежеминутно могло втянуть въ какую-нибудь исторію, накликавъ ответственность за какой-либо козацкій проступокъ и своеволие.

Козачество, какъ понятіе правовое, еще не существуетъ. Изъ козацкаго ремесла, „козацкаго хлѣба“, какъ называется козацкій спортъ и козацкій грабежъ позднѣе, мѣстная администрація слѣдала доходную статью, наложивъ известнаго рода подать на козацкіе заработки, забирая на „замокъ“ львиную долю изъ козацкой добычи. точно такъ же какъ изъ продуктовъ уходничества: козачество она трактуетъ тоже, какъ родъ уходничества, и собираетъ съ него дань за такое „пользованіе“ степями и уходами. Мы видѣли, что мѣщанство пограничныхъ городовъ было очень недовольно этими поборами и добивалось свободнаго, безданнаго пользованія уходами и степными промыслами за свою военную службу¹⁾: это прецедентъ позднѣйшихъ аналогическихъ козацкихъ претензій. Но эти ссылки на службу не были признаны, и мѣщанство принуждено было покориться тяжелой рукѣ мѣстныхъ старостъ-намѣстниковъ, точно такъ же и другія группы мѣстнаго населенія.

Кто занимался козачествомъ, еще не выходилъ благодаря этому изъ своего общественнаго класса, не освобождался отъ связанныхъ съ нимъ обязанностей. Земляне несли свои военно-служилыя обязанности, мѣщане оставались подъ управленіемъ замка и властью старосты, поданные—подъ властью своего помѣщика. Козачество не освобождало еще ни этихъ козакоставшихъ мѣщанъ, ни помѣщичьихъ поданныхъ отъ мѣщанскихъ и подданныхскихъ даней и службъ и той юрисдикціи и власти, которая тяготѣла надъ ними.

Козаки—хозяева тоже не видѣляются въ переписяхъ пол. XVI в. въ общей массѣ осѣдлаго мѣщанства—они „тянутъ“ наравнѣ съ ними, и только о неосѣдлыхъ козакахъ люстраторъ отмѣчаетъ особо, что и они, подобно осѣдлымъ мѣщанамъ, платятъ колядку, а вмѣсто даннаго сѣна, косятъ сѣно на замок²⁾.

Спустя пятьдесятъ лѣтъ эти мѣщане и крестьяне—козаки рѣзко отличаются отъ мѣщанъ и подданныхъ, продолжавшихъ нести свои обязанности и подчиняться власти своихъ помѣщиковъ

¹⁾ См. выше с. 71—2, 122.

²⁾ Архивъ Ю. З. Р. VII. I с. 82, 95.

и старосты: эти козаки изъ мѣщанъ и крестьянъ непослушны, они не подчиняются власти старосты или владѣльца и не платятъ ему ничего. Это—новый фазисъ въ борьбѣ украинскаго населенія съ господствующимъ классамъ; въ первой стадіи съ фискальными поборами и произволомъ мѣстной администраціи борются вообще крестьяне и мѣщане, и козачество особо не выступаетъ; въ новой стадіи выступаютъ именно оказавшіеся мѣщанскіе и крестьянскіе элементы, отказывая въ повиновеніи и дани всякой власти—будь то помѣщичья или государственная. Въ первой половинѣ XVI в. они не выдѣли еще за собою правъ на такіа требованія—вообще на какія бы то ни было спеціальныя права и привилегіи. Правовую мотивировку принесли имъ правительственныя распоряженія 1570—1590-хъ годовъ—и выдѣлили козачество въ особую общественную и юридическую группу, претендующую на спеціальныя права.

До этого козачество только занятіе, а не общественный классъ. Впервые отъ 1560—1 гг. имѣемъ великокняжескія грамоты, въ которыхъ среди различныхъ классовъ украинскаго населенія упоминаются и козаки, но это, очевидно, стоитъ еще въ связи съ спеціальнымъ содержаніемъ этихъ грамотъ: вел. князь предостерегаетъ Черкасцевъ и Каневцевъ, чтобы они не трогали Татаръ. Въ одномъ случаѣ рѣчь идетъ о ханскихъ слугахъ, имѣвшихъ проѣзжать черезъ Черкасмы и Каневъ, въ другомъ—о татарскомъ войскѣ, двигающемся въ московскія земли. Вел. князь приказываетъ старостѣ и его чиновникамъ „и тежъ бояромъ, мѣщаномъ, козакомъ и всемъ подданымъ нашимъ тамошнимъ“ не причинять Татарамъ никакого вреда и не трогать ихъ¹⁾. Козаки упомянуты, очевидно, потому, что нападенія на Татаръ были ихъ спеціальностью. Восемь лѣтъ спустя в. князь обращается къ козакамъ уже спеціально и исключительно, по вопросу ихъ организаціи.

Если козачество на протяженіи всей первой половины XVI в. не составляло даже опредѣленной общественной группы, тѣмъ меньше при такихъ условіяхъ можно ожидать какихъ-либо формальныхъ кадровъ, ихъ представителей, должностныхъ лицъ. То, на что указывалось, въ этой области разными изслѣдователями какъ на слѣды козацкой организаціи, козацкихъ властей, при ближай-

¹⁾ Акты Ю. З. Р. II № 138 и 140.

шемъ разсмотрѣнія не можетъ считаться такими слѣдами ¹⁾). Мы не видимъ еще надъ первоначальными слѣточками козацкой организаціи, какими были степныя, отхожія ватаги, никакой другой прочной организованной формы; есть только подвижныя казацкія дружины, собирающіяся для извѣстнаго нападенія, похода, экспедиціи. Самое большее, если въ моменты наибольшаго развитія козацкой энергіи ихъ дружины совершаютъ серію походовъ болѣе или менѣе въ томъ же составѣ, подъ предводительствомъ тѣхъ же вождей. Такъ напр. нѣсколько экспедицій 1545 г. (разгромъ каравана на Санджаровѣ за Днѣпромъ и нападеніе на Очаковъ) совершены были подъ предводительствомъ однихъ и тѣхъ же вождей—Карпа Масла, Яцка Бѣлоуса, Андрушка ²⁾). Одинъ изъ нихъ—Карпо Масло упоминается среди предводителей козацкихъ нападеній предшествующаго времени (Солтанецъ,

¹⁾ Выше я говорилъ уже (с. с. 110-1, 117) о „Щуровой ротѣ“ начала XVI в., что ее нѣтъ оснований считать ротой специально козацкой, хотя ее принимаютъ за таковую и новѣйшіе изслѣдователи—какъ Яблоновскій (Україна с. 413). Въ другомъ документѣ отъ начала XVI в. (безъ указанія года, изъ времени управленія Черкасами Василиемъ Дашковичемъ Глинскимъ, т. е. отъ 1504—7 гг.) выступаетъ въ адресѣ „отаманъ черкасскій“ (наместнику черкасскому князю Василю Дашковичу, а не будетъ его самого въ Черкасахъ, ино его наместнику черкасскому и отаману и войту и всѣмъ мѣщанамъ черкасскимъ—Акты Юж. и Зап. Рос. II № 123, титулъ этотъ провѣренъ для меня по оригиналу). Въ этомъ черкасскомъ атаманѣ усматриваютъ тоже атамана специально козацкаго (Крипякевичъ—Козаччина і Баторієві вільности с. 17), но для этого нѣтъ данныхъ. Атаманы извѣстны намъ въ Кіевскихъ земляхъ во вторую половину XV в. въ роли, аналогичной съ атаманами—сельскими старшинами Зап. Украины (см. т. V с. 367); адресуя свое посланіе „атаману и войту“ г. Черкасъ, правительство, очевидно, имѣло въ виду городскія власти, какъ объясняетъ это дальнѣйшее упоминаніе „всѣхъ мѣщанъ“ (о казакахъ не упоминается). Оба обозначенія „атаманъ и войтъ“ могутъ имѣть въ виду одно лицо—старшину городской общины, какъ бы онъ не назывался. Козацкаго атамана въ Черкасахъ нѣтъ еще даже въ концѣ XVI вѣка и не замѣтно никакого слѣда его существованія за все это столѣтіе. Теорію городскихъ козацкихъ общинъ и атамановъ въ первой пол. XVI в. (Каманинъ оп. с. с. 96, Крипякевичъ і. с.), очевидно, нужно оставить.

²⁾ Наряду съ ними есть имена, не повторяющіяся въ документахъ объ этихъ казацкихъ походахъ: Лесунъ въ санджаровскомъ эпизодѣ, Мануїло въ очаковскомъ. См. источники, указанные выше с. 142—3.

Вороча и Масло) ¹⁾). Въ томъ фактѣ, что нѣкорые вожди остаются во главѣ козачества на протяженіи извѣстнаго времени, въ рядѣ экспедицій, есть несомнѣнно симптомъ внутренняго сцѣпленія козачества, весьма интересный и цѣнный, но все-таки ни болѣе широкихъ организованныхъ формъ, ни организованного представительства у козачества въ это время не находимъ ²⁾).

Болѣе широкія организованныя формы даетъ козачеству правительство, въ интересахъ военно-полицейскихъ, и изъ тѣхъ же полицейскихъ соображеній создаетъ спеціально козацкія власти и козацкую юрисдикцію—чтобъ было къ кому обратиться съ жалобами на козаковъ, черезъ кого привлечь ихъ къ отвѣтственности. Самому козачеству не было никакого интереса видигать какое-бы то не было официальное представительство, официальныя формы организаціи. И оно дѣйствительно ихъ не имѣло—не скрывало ихъ. Для него пока достаточно было того внутренняго единства, тѣхъ внутреннихъ связей какія проникали его и давали возможность мобилизоваться, двигаться дружно и стройно подъ воздѣйствіемъ каждаго болѣе сильнаго импульса.

Расплываясь въ общественномъ строѣ „волости“, какъ называли тогда осѣдлую территорію пограничныхъ старостъ, покоряясь тяжелой рукѣ пограничной администраціи, не обнаруживая здѣсь своихъ организаціонныхъ формъ, своихъ штабовъ и кадровъ, козачество имѣло однако свою сферу, гдѣ могли свободно проростать и развиваться зародыши его организаціи, гдѣ развивались и расширялись фактическія связи, замѣнявшія до времени организованныя формы. Этою сферою была степь, привольная и недоступная ни для какого контроля правительственной власти. Здѣсь развивалось козачество, какъ занятіе, здѣсь организовалось оно въ извѣстныя, правда—довольно примитивныя

¹⁾ Ахты Зап. Рос. II № 150.

²⁾ „Козака старшого“ въ запискахъ Претвича (см. выше стр. с. 127), очевидно, тоже слѣдуетъ понимать въ смыслѣ предводителя данной козацкой вѣтви, а не какого-либо чина козацкой администраціи—„козацкаго старшого“ въ позднѣйшемъ значеніи: для этого еще нѣтъ никакихъ данныхъ. Тогда Претвичъ, какъ и другіе старосты, старались затереть самое существованіе козачества въ ихъ округахъ, и правительство заявляло, что въ козачество ходятъ никому неизвѣстныя бродяги, болѣею частью заграничныя; поэтому совершенно недопустимо, чтобы въ это время были какіе-либо официальные козацкіе „старшіе“ и съ ними ходили въ свои походы эти пограничныя старосты.

формы, которыя, однако, силою своего единства и внутреннего тяготѣнія, какъ я уже говорилъ, восполняли недостатки вышнихъ организованныхъ формъ.

Основною клѣточкою была военно-промысловая „ватага“, заключающая въ себѣ отъ нѣсколькихъ человекъ до нѣсколькихъ десятковъ ихъ съ „атаманомъ“ во главѣ. Характеръ степного промысла настоятельно требовалъ такой коопераціи: трудно было вести промыселъ въ одиночку, и это сначала заставляло уходниковъ соединяться въ такіе союзы. Вѣроятно подобныя ватаги имѣли въ виду мѣщане въ своихъ жалобахъ на нововведенія старостъ въ 1530-хъ годахъ, рассказывая, что „передъ тымъ они пять або шесть парсуновъ собравшия одну кунцу шерстью старосте ношивали“¹⁾. Такія коренныя пять-шесть человекъ“ и составляли, вѣроятно, то ядро военно-промысловой ватаги, которое могло дополняться приходящими членами до количества нѣсколькихъ десятковъ. На болѣшую численность ватаги указываютъ значительные поборы, какіе брали въ качествѣ поклона съ „ватаги“ старосты въ половинѣ XVI в., кромѣ части добычи: семь солянокъ, т. е., большихъ бочекъ разнаго зерна, и другіе припасы²⁾. Это было большое хозяйство, требовавшее энергическаго и разумнаго старшаго, „отамана.“ Названіе атамана, какъ ея старшаго, стоитъ въ тѣсной связи съ „ватагою“, какъ компаніей промышленниковъ: „ватаги“ съ „ватаманами“ во главѣ извѣстны еще въ XIII в. на бѣломорскомъ побережьѣ³⁾ и дожили до нашего времени на черноморскомъ побережьѣ, гдѣ и сейчасъ тоже занимаются рыболовствомъ „ватаги“ во главѣ со своимъ „отаманомъ“. Эта живучесть и тѣсная связь указанныхъ терминовъ говоритъ о значительной консервативности этой кооперативной формы, и за отсутствіемъ болѣе раннихъ извѣстій объ этихъ промысловыхъ ватагахъ, нынѣшнее ихъ устройство и практика на Черноморьѣ во многомъ можетъ пояснить порядки прежняго времени,

¹⁾ Архивъ Р. З. Р., VIII V с. 10.

²⁾ Архивъ Ю. З. Р. VII. I с. 85.

³⁾ Изъ двинскихъ грамотъ 1294 г.: „Како есть докончалъ съ Новгородомъ, ходити тремъ ватагамъ моимъ на море, а ватаманъ Ондрей Критцкый (у Срезневскаго, Матер. для словаря sub voce). Слово „ватага“ встрѣчается и въ Киевской лѣтописи, въ приложеніи къ Половцамъ („возвратившася к ватагамъ своимъ“), (годъ 1190 л.). Слово это, какъ и ватаманъ, должно быть, принесено было въ наши степи Тюрками, и можетъ быть эти два слова стоятъ въ лексической связи между собою.

не только XVI, но и предшествующих столѣтій. Топереннія ватаги составляются изъ нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ, обыкновенно не меньше тридцати; они выбираютъ себѣ атамана, ведутъ артельное хозяйство и въ концѣ кампаніи дѣлятъ добычу: половину беретъ хозяинъ промысла (онъ соответствуетъ въ данномъ случаѣ старой замковой власти), остальное дѣлятъ члены ватаги; но атаманъ получаетъ два или три пая, въ то время, какъ другіе члены ватаги—только по одному¹⁾.

Это та основная клѣточка, протоплазма общиннаго строя, уцѣлѣвшая подъ тяжелой рукой пограничной администраціи, задавившей выпія формы общественнаго самоуправленія, и перешедшая изъ древнихъ временъ въ новую, козачью жизнь.

Какъ легко можно себѣ представить, подобныя ватаги изъ года въ годъ должны были промыслять болѣе или менѣе на однихъ мѣстахъ, гдѣ имъ хорошо была извѣстна мѣстность, условія и шансы промысла. Съ другой стороны, онѣ имѣли тенденцію становиться почти постоянными жителями этой мѣстности, по мѣрѣ развитія промысловъ и еще болѣе—старостинскихъ поборовъ. Люстраторамъ половины XVI в. администрація подѣпровскихъ замковъ жалуется на „переказы“ (убытки), причиняемые въ уходахъ козаками, которые на этихъ стѣнныхъ промыслахъ „установичне (постоянно) живутъ на мясе, на рыбе, на меду съ пасекъ, съ свепетовъ, и сытять тамъ себе медъ яко дома“²⁾. Эти стѣнные сибариты, какими представляетъ ихъ здѣсь люстрація, очевидно готовы были переносить всѣ непріятности суровой степной зимы, отрѣзанные на долгіе мѣсяцы отъ остальнаго міра свѣта, лишь бы уйти отъ тяжелаго контроля и обременительныхъ поборовъ замковой администраціи, съ которымъ было связано возвращеніе „на волость“ на зиму. Замковыя власти были бессильны въ степяхъ и пользовались возвращеніемъ уходниковъ на зимовье въ города, чтобы сводить съ ними свои счета—собирать поборы съ продуктовъ промысловъ и татарской добычи и чинить расправу, надѣ кѣмъ находили нужнымъ. Тѣмъ, кому угрожала какая-либо непріятность отъ замковой власти, или тѣмъ, кто не хотѣлъ дѣлиться съ нею „козачкимъ хлѣбомъ“, лучше было не возвращаться въ замки, а прожывать „установичне“ въ стѣняхъ, по возможности устраиваясь

¹⁾ Щербина Очерки южнорусскихъ артелей с. 176 и сл. Сборникъ по хозяйственной статистикѣ Подлав. губ. VI с. 131.

²⁾ Архивъ Ю. З. Р. VII. I с. 103.

здѣсь „яко дома“. Правда, съ этимъ, кромѣ неудобствъ зимней поры, были связаны еще различныя затрудненія въ сбытѣ уходнической добычи и приобрѣтеніи провіанта и всякой снасти. Но очевидно уходники умѣли находить выходъ, устраивая торги на границѣ московской и татарской и умудрялись получать собѣ припасы изъ пограничныхъ украинскихъ городовъ, хотя и съ разными затрудненіями. Въ то время и позже запрещеніе провоза въ степи и на Низъ свѣстныхъ и военныхъ припасовъ—муки, пороху, свинцу и т. п., было одной изъ наиболѣе сильныхъ репрессивныхъ мѣръ по отношенію къ козакамъ въ рукахъ пограничной администраціи.

Для пограничной администраціи такое обѣданіе военно-промыслового козачества въ стѣняхъ было, разумѣется, непріятно, такъ какъ уменьшало доходы отъ уходниковъ и ослабляло ея престижъ и власть надъ мѣстнымъ населеніемъ. Она старалась по возможности воспрепятствовать этому процессу—какъ ни былъ онъ цѣненъ съ точки зрѣнія колонизаціи. Между прочимъ, по этимъ же соображеніямъ, очевидно, она не позволяла уходникамъ строить укрѣпленій на стѣнныхъ промыслахъ; на это жаловались мѣщане еще въ 1540-хъ гг.—что староста не позволяетъ имъ строить „городковъ“ (укрѣпленныхъ пунктовъ) въ уходахъ¹⁾. Но всѣ эти препятствія не могли имѣть рѣшающаго значенія и такіе „городки“ продолжали строиться, а строятся—служили опорными пунктами для военно-промыслового населенія въ его переходѣ къ „уставичному“ пребыванію. Они служили охраною и защитою для уходническихъ ватагъ, связывали ихъ новыми узлами, тѣмъ болѣе, что и сама по себѣ тревожная обстановка здѣшняго промысла и потребность обороны, какъ я уже указывалъ, заставляли ихъ объединяться фактически въ болѣе широкіе союзы. Главнымъ образомъ по артеріи Днѣпра было поставлено много такихъ „городковъ“ (укрѣпленныхъ пунктовъ). Въ сохранившемся до нашего времени описаніи экскурсіи гетмана Язловецкаго въ Приднѣпровьѣ 1571 г. указываются такіа „главнѣйшія крѣпости на Днѣпрѣ“: Базавлукъ—въ 35 мил. отъ Черкасъ, Хортица—въ 40 мил., Вѣлозерскій острогъ въ 47 мил.²⁾ Это главнѣйшія; болѣе мелкихъ должно было быть много.

¹⁾ Архивъ Ю. З. Р. VII. II с. 372.

²⁾ У Папроцкаго Негву изд. Туровскаго с. 221—2. Разстоянія указаны ошибочно: Хортица къ Черкасамъ ближе, чѣмъ Базавлукъ.

Папроцкій, описывая пребываніе Зборовскаго въ Запорожьѣ въ началѣ 1580-хъ годовъ, представляетъ мѣстное промышленное населеніе въ видѣ одной организованной кооперациі. Эпизодъ этотъ описанъ по горячимъ слѣдамъ, на основаніи рассказовъ участниковъ этой одиссеи, и хотя было бы очень неосторожно принимать его за чистую монету во всѣхъ подробностяхъ¹⁾, однако и пренебрегать имъ не приходится, такъ какъ масса подробностей, несомнѣнно, передана здѣсь вполне реально и вѣрно²⁾.

Папроцкій рассказываетъ, что на Самарѣ Зборовскій засталъ 200 казаковъ „рѣчныхъ“ (rzecznych) или „водныхъ“, которые только ловили звѣря и рыбу на пропитаніе другимъ; они имѣли старшого, который давалъ имъ порядокъ; „живутъ они тамъ между рѣками постоянно (ustawicznie), промысля звѣремъ—рысами и другимъ, а что можетъ служить живностью, то отсылаютъ другимъ“. Этими другими были, очевидно, казаки „рыцарскіе“, занятые главнымъ образомъ войной и проживавшіе у самого Днѣпра. Ихъ стражу или передовой отрядъ Зборовскій встрѣтилъ на Таволжаномъ „между Порогами“, а главною резиденціею служилъ имъ большой островъ Томаковка, нѣсколько выше Базавлука, — „онъ такъ обширенъ, что на немъ можно пропитаться 20 тыс. людей и не малому количеству лошадей“.

Такимъ образомъ весь Низъ отъ Самары до границы съ Татарами выступаетъ въ этомъ рассказѣ оживленнымъ одною казацкою организаціею; одни отряды стоятъ на самарскихъ промыслахъ, другіе промышляютъ на побережьи, одни занимаются рыболовствомъ и звѣроловствомъ, добываютъ соль на лимангахъ, торгуютъ³⁾; — другіе же промышляютъ войной, и т. д. Промысловыя связи, обмѣнъ продуктовъ тѣсно переплетаются съ связями военными, поддерживаемыми въ интересахъ обороны и для

¹⁾ Тѣмъ болѣе—ставить рассказъ Папроцкаго выше рассказовъ очевидцевъ Лассоты и Боляна, ими самими записанныхъ, какъ это дѣлаетъ Стороженко (С. Ваторій с. 306); сказать, что у Папроцкаго имѣемъ „въ краткомъ видѣ всѣ свѣдѣнія о Запорожцахъ“, какія даютъ Лассота Болянъ (ib), можно лишь въ пеклу полемики.

²⁾ Эпизодъ этотъ помѣщенъ въ гербовникѣ Папроцкаго (Herby rycerstwa Polskiego, 1584, и новое изданіе Туровскаго, 1860) подъ гербомъ Jastrzębiec, повторенъ въ сборникѣ Жел. Паули: Pamiętniki do życia i sprawy Zborowskich, 1846, и недавно у Стороженка Ст. Ваторій, съ примѣчаніями (малоцѣбными).

³⁾ Uroczysko Karajteben, które jest forum albo rynek, gdzie Tatarowie z kozaki wszelakie targi swe miewaja (Herby с. 159).

организации походовъ съ цѣлью добычянiя козацкаго хлѣба. Военный козацкiй лагерь, расположенный на одномъ изъ острововъ Днѣпра (мѣстопребыванiе его мѣнялось) составляетъ центральную группу этой низовой жизни, задающую тонъ и руководящую, если не управляющую ею формально.

Вообще нужно сказать, что насколько несомнѣнно существованiе фактическихъ связей, фактическаго сплещенiя и единства козачества и извѣстныхъ реальныхъ его отношенiй именно на Низу внѣ контроля всевозможныхъ факторовъ „волостной“ жизни, не только въ то время, къ которому относится разсказъ Папроцкаго (десять лѣтъ спустя послѣ первой козацкой реформы), но и раньше, — на столько же сомнительно и трудно разрѣшима формальная сторона — на сколько эти реальные связи претворились въ формальную организацию, выработали извѣстную общую власть, формы управления и подчиненiя для всего Низа въ это болѣе раннее, предшествующее реформамъ время? Папроцкiй вкладываетъ въ уста козаковъ, когда они провозглашаютъ своимъ гетманомъ Зборовскаго и въ знакъ этого передаютъ въ его руки булаву, интересное указанiе на „прежнихъ гетмановъ“. „Передаемъ тебѣ это оружiе прежнихъ гетмановъ здѣшнихъ, которые счастливо правилъ нами на добрую славу“¹⁾. Еслибы эти слова можно было считать подлинными, они указывали бы на преемственную власть запорожскихъ гетмановъ, по крайней мѣрѣ въ восьмомъ десятилѣтiи XVI в. Однако точность передачи остается подъ сомнѣнiемъ и мы можемъ лишь гадательно допустить, что уже въ шестомъ, седьмомъ, восьмомъ десятилѣтiи низовое козачество фактически достигло весьма значительнаго сплещенiя, сплоченiя, близко граничащаго съ организованностью, а быть можетъ — переходило и въ такiя организованныя формы, какiя документально засвидѣтельствованы лишь въ послѣднемъ десятилѣтiи XVI в. Но мы не имѣемъ права переносить эти формы конца XVI в. далеко въ глубину столѣтiя, такъ какъ несомнѣнно, козачество жило весьма интенсивною жизнью въ концѣ этого столѣтiя и организация его двигалась быстрыми шагами.

Большiе походы на Татаръ — съ одной стороны, съ другой потребность въ защитѣ своихъ промысловъ не только отъ Татаръ, но и отъ пограничной администрацiи, изъ подъ тяжелой ферулы которой — отъ поборовъ и экзекуцiй козачество уходило все глуб-

¹⁾ Herby с. 158.

же въ степи на „уставичное“ пребываніе, двигали этимъ процессомъ объединенія и организаціи козачества. Недостаточно было имѣть свои укрѣпленія и укрѣпленные города, нужно было защищать ихъ и свои запасы оружія и военные припасы (зародыши будущей козацкой артиллеріи) отъ старостинскихъ слугъ и татарскихъ шаекъ. Организація военная и промышленная переплетались тѣсно и неразрывно, такъ же, какъ война и промыселъ шли рука объ руку съ самаго начала въ этой степной козацкой жизни.

Степная промышленная ватага съ отаманомъ во главѣ превращается съ развитіемъ военной организаціи въ мелкую военную единицу—„десятокъ“, съ тѣмъ же „отаманомъ“ во главѣ. Первый, сохранившійся до нашего времени козацкій реестръ (1584 г.) сообщаетъ личный составъ козацкаго полка, состоящаго изъ 50 десятковъ; каждый десятокъ состоитъ отамана и девяти товарищей¹⁾. Старовольскій, описывая козацкій бытъ первой половины XVII в., говоритъ что каждый десятникъ, кромѣ десяти товарищей, имѣлъ подъ началомъ отъ тридцати до пятидесяти новичковъ (*тугопес*), которыхъ обучалъ и приготавлилъ къ козацкому званію²⁾. Передъ нами вооруженная ватага, очевидно, для счета втисненная въ официальный десятокъ, съ неофициальными новичками и „джурами“.

Съ другой стороны, сѣтъ козацкихъ зимовниковъ на промыслахъ связывается узлами укрѣпленныхъ городковъ или крѣпостей, въ свою очередь связываемыхъ въ одинъ узелъ центральнымъ низовымъ „кошемъ“.

Идея Вишневецкаго 1550-хъ годовъ,—основать постоянную сильно укрѣпленную позицію на одномъ изъ острововъ Днѣпра, не осталась безъ очевиднаго вліянія въ этомъ направленіи: она завершила процессъ созданія того акрополя Днѣпровскаго Низа, какимъ становится запорожскій кошъ, „Січа“. Этотъ процессъ подготавливается козацкими постами на нижнемъ Днѣпрѣ еще съ первой половины XVI в.³⁾. Съ ростомъ козачества все больш-

¹⁾ *Źródła dz. XX* ст. 154.

²⁾ *Eques Polonus* (1628), *caput ultimum*.

³⁾ Каманинъ идетъ слишкомъ далеко, принимая, въ виду извѣстій о козацкихъ засадахъ на нижнемъ Днѣпрѣ, что уже въ концѣ XV в. существовала козацкая Січь на Тавани—Чтенія VIII с. 72. Въ противоположную крайность впадаетъ Яблоновскій (*Україна* с. 422), не допуская и во второй половинѣ XVI в. какой-либо болѣе или менѣе постоянной Січи.

не ощущалась потребность въ болѣе сильномъ центрѣ. Опытъ Вишневецкаго съ хортицкимъ замкомъ научилъ, что нечего надѣяться на сильныя стѣны и пушки противъ Турокъ и Татаръ, такъ какъ они сумѣютъ стянуть противъ нихъ необходимыя силы; нужно было искать малодоступныхъ позицій, и козацкая Сѣчь کوچуетъ ниже, въ лабиринтъ днѣпровскихъ острововъ, заливовъ и проливовъ.

Созданіе такого центра, безспорно, имѣло громадное значеніе и вліяніе на дальнѣйшее объединеніе и организацію козачества, и уже въ 1580-хъ гг. запорожское козачество называется иначе „сичевымъ“ по имени Сичи ¹⁾. Слѣдовательно, Сѣчь уже успѣла сдѣлаться признаннымъ центромъ и представительствомъ низоваго козачества. Это не могло совершиться сразу, и развитіе Сѣчи поэтому нужно отнести къ предшествующимъ десятилѣтіямъ—седьмому и восьмому, вслѣдъ за основаніемъ Хортицкаго замка и дѣятельностью Вишневецкаго.

Дѣятельность эта, какъ я уже указывалъ выше, должна была имѣть также важное значеніе и въ смыслѣ расширенія политическаго кругозора низоваго козачества. Она открыла передъ нимъ широкіе горизонты международной политики, научила смотрѣть на себя какъ на политическій факторъ международнаго значенія, а не простые вспомогательныя кадры для нуждъ пограничныхъ старостъ и помѣщиковъ. Мы видѣли, что интересы обороны и общей борьбы съ Крымомъ еще ранѣе сглаживали здѣсь пограничныя межи и приводили къ совместнымъ походамъ силами литовско-польской и московской Украины, независимо отъ официальной политики виленскаго или московскаго двора. Литовско-польское правительство своими открепиваніями отъ козаковъ, заявленіями о томъ, что козачество ему не подвластно, отъ него независимо и съ нимъ не солидарно, повторяемыми непрерывно, начиная съ середины XVI вѣка, могло также лишь способствовать зарожденію и развитію въ низовомъ козацествѣ чувства своей самостоятельности, какъ независимой политической силы. Широкій размахъ политической дѣятельности Вишневецкаго и болѣе скромная, но аналогичная дѣятельность позднѣйшихъ вождей—не могли не повліять на развитіе такого сознанія. Кн. Ружинскіе ведутъ переговоры

¹⁾ Султанъ przegraża a najwięcej się obraża Siczowych Kozaków najazdy, łupiestwu (предложеніе сейму 1585 г.—Dyaryzszce sejmuwe z r. 1585 с. 9).

съ Москвою, Зборовскій въ роли козацкаго вождя входитъ въ переговоры съ Молдавіей, носится съ планами участія въ персидской войнѣ; позже козацкая старшина предлагаетъ помощь козаковъ хану, вѣроятно противъ Турціи; въ 1590-хъ годахъ Сѣчь продаетъ свою помощь каждому изъ сосѣднихъ государствъ, подлѣ условіемъ извѣстной платы, какъ вполне независимая политическая сила. Вступая въ соглашеніе съ имперскимъ правительствомъ относительно своей службы, она проситъ его столкнуться съ польскимъ правительствомъ только о безпрепятственномъ пропускѣ черезъ коронныя земли, чтобъ не было затрудненій въ сообщеніи ¹⁾. Попросить разрѣшенія у того же польскаго правительства на эту службу постороннему государству козакамъ не приходится въ голову.

Зборовскому и его товарищамъ казалось удивительнымъ, что низовое козачество „не заботится ни о королѣ своемъ господинѣ, ни объ отечествѣ, въ которомъ родились, а все свои надежды связываетъ съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ живутъ, говоря пословицей: „поки жита, поти бита“. Но здѣсь была не одна циническая безпринципность дебычника, но и сознаніе своей обособленности и независимости отъ государственныхъ узъ польскаго или всякаго иного государственнаго организма. И такъ понимало и такими глазами смотрѣло на козаковъ само шляхетское общество.

Такимъ образомъ Запорожье значительно опередило въ своей политической эволюціи козачество „городовое“, употребляя этотъ позднѣйшій традиціонный терминъ,—его организацию „на волости“. Здѣсь козачество являлось еще вполне безправнымъ, не признаннымъ, какъ организациа, какъ общественный слой, не организованнымъ и совершенно придавленнымъ властію администраціи и шляхты, между тѣмъ какъ на Низу оно было уже солидарной и сплоченной, а позже и организованной силой, проникнутой сознаніемъ своей обособленности и независимости. Позднѣйшая традиція, считавшая Запорожье естественнымъ центромъ и главою козачества, и его рѣшенія, а не рѣшенія войсковой рады городовыхъ полковъ обязательными для всего козачества, имѣло такимъ образомъ свой корень и оправданіе въ отношеніяхъ, существовавшихъ еще въ серединѣ XVI в. Запорожье было очагомъ козацкой силы, солидарности, организованности. Отсюда распространилась экстенсивная и организационная энергія козачества „на волости“, когда

¹⁾ Tagebuch von E. Lassota с. 217, стр. с. 221.

правительственные реформы дали ей первую легитимацию, какъ полноправной организаціи, и открыли возможность формироваться въ особую, законно-признанную общественную группу.

Въ концѣ 1568 года вълѣдствіе турецкихъ жалобъ на своеволю и нападенія украинскихъ козаковъ¹⁾, в. князь шлетъ грамоту козакамъ. Впервые правительство обращается къ нимъ непосредственно и специально, какъ къ известной корпораціи, а не къ провинціальной администраціи, какъ предержащей власти козаковъ на ряду со всѣмъ остальнымъ населеніемъ. Грамота адресована „подданымъ нашимъ, козакамъ тымъ, которые зъ замковъ и местъ украинскихъ зъѣхавши, на Низу перемешиваютъ“. В. князь указываетъ имъ, что ихъ „лупезства“ навлекаютъ опасность со стороны непріятели. Новый султанъ поставилъ условіемъ дальнѣйшаго поддержанія отношеній, чтобъ подданнымъ турецкимъ и ордынскимъ не причинялись безпокойства какъ до сихъ поръ. „Вся Украина и болѣе удаленные отъ Украины повѣты хорошо знаютъ, какой вредъ и разореніе терпятъ, по причинѣ лихихъ и своевольныхъ людей, благодаря которымъ происходятъ нападенія непріятелискихъ войскъ“. Такіе же наѣзды и опустошенія грозятъ и впредь, если не будетъ положенъ конецъ этимъ козацкимъ нападеніямъ. В. князь рѣшительно приказываетъ козакамъ уйти изъ стеней, съ Низу, изъ всѣхъ уходовъ, возвратиться въ украинскіе замки и города и впредь не выходить оттуда своевольно, не смѣть чинить „шкоды и лупезства“ турецкимъ настухамъ и крымскимъ Татарамъ. За то съ своей стороны обѣщаетъ имъ службу и плату при замкахъ: „Ведже при замцахъ нашихъ знайдется вамъ служба наша, за которую жаловане каждый зъ васъ отъ насъ одержитъ, кеды тое своеволности поперестанете“. Въ противномъ случаѣ грозить „каранемъ срукгимъ“²⁾.

Можно себѣ представить, что среди козачества, собранного на Низу и въ сосѣднихъ съ степями мѣстахъ, не оказалось недостатка въ охотникахъ получить это „жалованье“ и посмотрѣть, какую службу предложить имъ и какіе шансы дать имъ эта служба. Король отдалъ коронному гетману Юрію Явловецкому, одному изъ старыхъ героев подольскаго „козакованія“

1) Ср. Жерела VIII № 2, 6 и сл.

2) Архивъ Ю. З. Р. III I № 3.

„злеценне и порученне“ выбрать изъ среды козаковъ для государственной службы „известный отрядъ“ (певный почетъ), который долженъ былъ получать отъ казны ежегодную плату, и учинить „постановенне межн козаки ппзовыми“, — установить известные нормы и порядки козацкой жизни. И Язловецкій исполнилъ это.

Къ сожалѣнiю, подлиннаго текста этого „постановленiя“ у насъ нѣтъ. Есть только соответствующiя указанiя въ королевской грамотѣ, подтверждающей дальнѣйшiя организационныя распоряженiя того же Язловецкаго ¹⁾. Такъ какъ козаки, читаемъ въ этой грамотѣ, жаловались на великiя неправды и притѣсненiя отъ воеводъ, украинныхъ старостъ и другихъ чиновниковъ, его вельможность (Язловецкiй) изъялъ ихъ изъ подъ власти и суда всякихъ чиновниковъ и взялъ ихъ подъ свою гетманскую власть. А чтобы предотвратить своевольства со стороны козаковъ и обезпечить каждому безотлагательное удовлетворенiе на случай, еслибы козакъ въ чемъ-либо передъ кѣмъ нибудь провинился, онъ поставилъ старшимъ и судьбою надъ всѣми низовыми козаками шляхетнаго Яна Бадовскаго. Этотъ послѣднiй каждому, кто имѣлъ бы какiя-либо претевзiи къ козакамъ, долженъ чинить судъ надъ ними, когда они придутъ съ Пизу въ замки и города наши“. Увѣдомляя объ этомъ своемъ распоряженiи короля, гетманъ просилъ утвердить упомянутого Бадовскаго въ этой должности въ виду его долговременной и вѣрной службы на Украинѣ. Просилъ также оказать Бадовскому милость, предоставить ему различныя права и привилегiи: освободить его дома въ Бѣлой Церкви изъ-подъ власти города и замка, отъ всякихъ податей и повинностей, предоставить ему право свободной продажи горячихъ напитковъ. Существенно важно было, что при этомъ не только самъ Бадовскiй, но и его юрисдикцiя надъ козаками должны были изъяты также изъ-подъ вѣдѣнiя всякихъ другихъ властей: приносить на него жалобы и апеллировать на его судъ можно было только къ гетману и королю: иначе Бадовскiй „безъ таковое волности“ не можетъ выполнить своихъ задачъ, „для переказы отъ воеводъ, старостъ украинныхъ и урядовъ... намъ господару въ томъ служити бы не могъ“.

Король исполнилъ желанiя гетмана, и грамотой своей отъ 5/VI. 1572 г., изъ которой черпаемъ всѣ приведенныя свѣдѣнiя, подтвердилъ распоряженiя Язловецкаго, утвердилъ Бадов-

¹⁾ Акты Ю. З. Р. II № 149.

скаго въ новой должности и призналъ за нимъ указанныя права и преимущества: „маеть Янъ Бадовскій“, читаемъ въ этой королевской грамотѣ, „не отступаячи ни въ чемъ постановенія пана воеводы руского (гетмана) во всехъ козаковъ низовыхъ каждому справедливость neodвлочную водмугъ права посполитого чинити и въ томъ слушне и пристойне справовати, не будучи повиненъ съ того уряду судейского и изъ домовъ бѣлоцерковскихъ передъ воеводами, старостами и врами нашими и ни передъ кимъ инымъ (окромѣ квалту и речей кравыхъ) усправедливяти, толко передъ нами господаремъ, або передъ паномъ воеводою рускимъ и по немъ будучими гетманами иными до своего живота“¹⁾.

Это все, что намъ извѣстно объ этой важной реформѣ. Съ точки зрѣнія тѣхъ цѣлей, для которыхъ она осуществлялась — упорядоченія козачества и установленія спокойствія на южной границѣ, она оказалась совершенно неудачной точно также, какъ и всѣ позднѣйшія реформы. Но точно такъ же, какъ и эти послѣднія, она имѣла огромное значеніе въ организаціи козачества, въ формированіи его въ особый полупривилегированный общественный классъ, въ скоромъ времени приобретающій руководящую роль въ восточно-украинскихъ отношеніяхъ. Съ этой точки зрѣнія, эта первая извѣстная намъ реформа козачества имѣетъ чрезвычайное значеніе, такъ какъ въ этомъ направленіи — исключенія козачества изъ социальна-политической схемы Польши и сообщенія ему иммунитета, она пошла сразу опредѣленно и рѣзко и въ виду этого заслуживаетъ особеннаго нашего вниманія.

Недостатокъ фактическихъ свѣдѣній объ ея проведеніи приходится по возможности восполнить анализомъ того, что даетъ въ этомъ смыслѣ указанная грамота 1572 г. Прежде всего, она удостовѣряетъ, что планъ короля, вызванный можетъ быть инициативою того же Язловецкаго — наборъ „певнаго почта“ козаковъ на королевскую службу и королевское содержаніе былъ Язловецкимъ выполненъ. Онъ „межи козаки низовыми певный почетъ тыхъ козаковъ къ службѣ паншой, которымъ юргелтъ“²⁾ зъ скарбу нашего ити маеть, обраль“. Ближайшихъ подробностей объ этомъ королевскомъ козацкомъ полкѣ грамота не даетъ, но мы находимъ ихъ въ счетахъ коронной казны. Отъ 1575 и 1576 годовъ, т. е. времени предше-

¹⁾ Акты Ю. В. Р. II № 149.

²⁾ Jahrgeld, ежегодная плата.

ствующаго новому, Баторіеву набору, имѣемъ здѣсь ассигновки полку „низовыхъ козаковъ“, состоявшихъ на королевской службѣ, въ количествѣ 300 человекъ, съ платою на „квартиль (три мѣсяца) по $2\frac{1}{2}$ злотыхъ, не считая сукна¹⁾. Это очевидно и былъ „почетъ“, набранный Язловецкимъ; цифра 300 козаковъ не покажется намъ слишкомъ малой, если примемъ въ соображеніе, что поздѣйшій наборъ Баторія далъ козацкій полкъ лишь въ 500 человекъ.

Такимъ образомъ записи казначейства, подтверждая слова королевской грамоты, даютъ намъ точное представленіе о размѣрахъ козацкаго набора, произведеннаго Сигизмундомъ-Августомъ, или точнѣе говоря—Язловецкимъ; на королевскую службу и королевское содержаніе была взята очень небольшая часть козацкаго контингента— всего нѣсколько процентовъ (напр., въ походѣ Богдана Ружинскаго на Асланъ-городокъ 1576 г. ханъ насчитывалъ 3000 козаковъ²⁾). Правительство Сигизмунда-Августа со своимъ наборомъ 1570 г. осталось далеко позади проектовъ 1520-хъ гг., когда проектировалось взять на государственную службу „тысячу или двѣ“ козаковъ. Правда, тогда дѣло ограничилось лишь проектами, а теперь все-таки хоть какое-нибудь количество было взято на службу; но сравнительно съ ростомъ козацкой силы и численности „почетъ“ 1570-хъ гг. былъ величиною вовсе незначительною.

Но сводя до совершенъ незначительныхъ размѣровъ, въ виду вѣчнаго недостатка денегъ въ коронномъ казначействѣ, принимаемый на государственную службу козацкій контингентъ, правительство не ограничивало своихъ задачъ этимъ небольшимъ отрядомъ: оно хотѣло вмѣстѣ съ тѣмъ подвести подъ новые порядки „всѣхъ низовыхъ козаковъ“. Сдѣланное Язловецкимъ „постановленіе“ должно было охватить все козачество. Въ этомъ и значеніе реформы 1570 г.³⁾ Одинъ голый фактъ принятія на королевскую службу

¹⁾ 1575 super kozacy Nizowe № 300 excepto panno per $2\frac{1}{2}$ fl. facit 750 fl.; 1576—super Cosacos Nizowych 300 per fl. $2\frac{1}{2}$ (Górski *Historya piechoty* с. 35 и 242, *Historya jazdy* с. 333). То обстоятельство, что въ обѣихъ запискахъ, двухъ годовъ, мы имѣемъ тотъ же самый контингентъ и ту же плату, позволяетъ съ значительною правдоподобностью вывести его сформированіе отъ набора Язловецкаго, около 1570 г. ²⁾ *Zródła dziejowe* IV с. 69.

³⁾ Беремъ этотъ годъ какъ приблизительный, для обозначенія реформы.

нѣсколькихъ сотъ козаковъ не имѣлъ бы еще большаго значенія; за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, козаковъ Вишневецкаго брали на службу въ Ливонію, и этотъ фактъ не имѣлъ никакого особеннаго значенія. Важно было, что реформа Язловецкаго, принимая эту небольшую часть козаковъ на службу, стремилась организовать вмѣстѣ съ тѣмъ все козачество, установить новыя порядки для всѣхъ козаковъ. Янъ Бадовскій, будучи „старшимъ и судьей надъ всеми козаки низовими“, долженъ былъ надо всеми ими имѣть власть и юрисдикцію, производить судъ по всѣмъ жалобамъ на нихъ. Смыслъ этой реформы ясенъ: опираясь на силы и авторитетъ короннаго гетмана, своего непосредственнаго начальника, и распоряжаясь полкомъ королевскихъ козаковъ, этотъ „старшій“ козацкій долженъ былъ держать въ рукахъ все козачество и удерживать его отъ всякихъ эксцессовъ. Но вмѣстѣ съ передачей подъ его власть и судъ козаки освобождались отъ всякихъ другихъ властей и судовъ—„зъ владзы и присуду всякихъ врядовъ“ — воеводы, украинныхъ старостъ, городскихъ властей и т. д.

Это было началомъ козацкаго иммунитета, первымъ основаніемъ для формировапія козачества, какъ общественнаго класса. Хотя королевская грамота не говоритъ опредѣленно, что этотъ иммунитетъ предоставляется всему козачеству (изъ текста выходило бы скорѣе наоборотъ, — что она имѣетъ въ виду лишь козаковъ королевской службы), но очевидно, сама логика фактовъ требовала того, чтобы все козачество, разъ оно отдано подъ власть и судъ „старшого“, какъ и королевскіе козаки, тѣмъ самымъ было освобождено изъ-подъ власти и юрисдикціи всякой иной администраціи. Желало-ли этого правительство, принимало-ли оно во вниманіе такое слѣдствіе реформы, или нѣтъ, это другой вопросъ, но очевидно, что именно въ такомъ направленіи, весьма удобномъ и благоприятномъ для козачества, должна была пойти козацкая мысль и такіе выводы сдѣлала изъ новой реформы. Кто занимался козачествомъ, кто считалъ себя козакомъ—тѣмъ самымъ уже, по духу новой реформы, онъ долженъ быть свободнымъ отъ всякой другой власти, кромѣ власти своего козацкаго старшого,—по крайней мѣрѣ самъ могъ считать себя свободнымъ, ссылаясь на „вольности“, признанныя за козаками реформою Язловецкаго.

Козачество такимъ образомъ становилось привилегированною группою, быть козакомъ—имѣло значительный социальнo-эконо-

нический интерес. Последовавшая затѣмъ нѣсколькими годами позже распоряженія Баторія въ томъ же духѣ поддержали такія претензіи козачества на „вольности“, но въ сущности они только подтверждали и развивали то, что вполне опредѣленно провозгласила уже реформа Язловецкаго. Въ силу этого она заслуживаетъ особаго вниманія, хотя въ представленіяхъ позднѣйшей традиціи эпоху въ жизни козачества составили позднѣйшія распоряженія Баторія, и благодаря этому они заслонили болѣе раннюю реформу 1570 г.

Своей непосредственной цѣли — содержать козаковъ, водворить спокойствіе въ степяхъ и положить конецъ стычкамъ съ Турками и Татарами, реформа Язловецкаго не достигла, разумѣется — такъ какъ и не могла достигнуть. Переходъ на королевскую службу и королевское содержаніе небольшого отряда козаковъ не могъ имѣть въ этомъ смыслѣ никакого значенія. Пограничная партизанская война съ Татарами и Турками въ это время отличалась необыкновеннымъ оживленіемъ, ограничить дѣйствія козаковъ лишь одной обороной не было никакой возможности. То было время, когда по словамъ черкаскаго старосты Вишневецкаго, сказаннымъ въ отвѣтъ на упрекъ, что онъ не извѣстилъ правительства о какомъ-то татарскомъ нападении подъ Черкасы и характернымъ въ своемъ гиперболизмѣ — „не новина для Татаръ и по нѣскольку разъ въ недѣлю бывать подъ украиннымъ замкомъ, и если бы о такихъ небольшихъ тревогахъ всегда и каждый разъ давать знать, то и посланцевъ не хватило бы“¹⁾. Наряду съ полкомъ королевскихъ козаковъ, состоявшимъ подъ предводительствомъ Бадовскаго, набирали козацкіе отряды разные пограничные магнаты и козацкіе вожди и промышляли „козацкимъ хлѣбомъ“, какъ характерно называли позже козацкіе походы и грабежи славный Наливайко. Какъ разъ въ то время, когда Язловецкій съ Бадовскимъ старались организовать козаковъ, въ роли козацкаго вождя выступаетъ землякъ Вишневецкаго и преемникъ его политики, кн. Богданъ Ружинскій. Представитель одного изъ второстепенныхъ княжескихъ родовъ сѣверной Волыни, онъ въ меньшихъ размѣрахъ повторяетъ карьеру своего знаменитаго земляка²⁾.

1) Archiwum I. Zamojskiego № 301.

2) Свѣдѣнія о немъ очень бѣдны. Я далъ критическій обзоръ традицій о Ружинскомъ въ своей статьѣ: „Гетьман Богданко“ въ кн. XVI львовскихъ „Записокъ“. Позднѣйшая традиція не только

Напродній въ своемъ панегиричѣ военнымъ заслугамъ пограничной украинской шляхты (*Panecza the iest wysławienie ranoŭ i ranięŭ ziem Ruskich i Podolskich z meŭstwa, z oby-
czajow u z inszych spraw roszejwuch*), изданномъ въ 1575 г., говорить о немъ, какъ о козацкомъ вождѣ, пограничномъ рыцарѣ—„Богдан кн. Рожинскій, гетманъ низовыхъ козаковъ, со своею ротою“, „покинувъ мірскую роскошь“ (которая ему, какъ незначительному князьку, впрочемъ не часто улыбалась), „стоитъ какъ мужественный левъ, подпявши руку правую, чтобъ вести съ поганымъ бесѣду кровавую“. Игнорируя усилія польскаго правительства, направленныя къ поддержанію добрососѣдскихъ отношеній съ Крымомъ, онъ въ концѣ 1575 г., когда Татары отравились въ Западную Украину, началъ съ козаками на татарскіе улусы и сильно ихъ разорилъ, доставивъ тѣмъ большое удовольствіе населенію Украины и Польши, привѣтствовавшему эту мечь за опустошеніе Зап. Украины¹⁾). Затѣмъ изъ случайнаго упоминанія московской реляціи узнаемъ, что Ружинскій находился въ сношеніяхъ съ московскимъ правительствомъ; зимою 1575—6 г. царь прислалъ козакамъ Ружинскаго подарки, обѣщая имъ помощь и припасы подѣ условіемъ, чтобы на слѣдующій годъ весною они вторглись въ глубину Крыма, на Козловъ, и Ружинскій съ козаками обѣщали²⁾). Весною 1576 г. Ружинскій съ козаками двинулся дѣйствительно, не на Козловъ, а на

сдѣлала изъ него козацкаго гетмана „Богданка“, главное дѣйствующее лицо реформы Баторія, но и окружила массою фантастическихъ, героическихъ подробностей; въ особенности Исторія Руссовъ превратила его въ героя какой-то сказочной фееріи, домыслившей въ разныхъ изможеніяхъ козацкой исторіи до самого послѣдняго времени.

¹⁾ Горецкій—*Dzieje rísowje krajowi* с. 44, Бѣльскій с. 1367. Современникъ Ожельскій (III с. 176) рассказываетъ, что во время татарскаго набѣга 1575 г. между прочимъ Татары захватили въ плѣнъ вѣстину Ружинскую — вполне возможно, что ее имѣла въ виду пѣсня, съ значительнымъ вѣроятіемъ относящая къ Богдану Рожинскому:

Ой Богдане, запорозькій гетьмане!

Да чому-жъ ти в чорнім ходиш, да в чорнім аксамиті?

— Гей були жъ в мене гости Татаровъ:

Одну ніч почували, стару неньку зарубали,

А миленьку собі взяли.

²⁾ Извлечение у Соловьева II с. 768.

татарскіе улусы на нижнемъ Днѣпрѣ. Это была весьма значительная экспедиція: ходили казаки днѣпровскіе, брацлавскіе и винницкіе; ханъ насчитывалъ ихъ три тысячи. Походъ имѣлъ значеніе диверсій, съ этой цѣлью и былъ организованъ московскимъ правительствомъ и вполнѣ достигъ своей цѣли: Татары направились было въ московскія земли, но извѣстіе о нападеніи козаковъ заставило ихъ вернуться; на обратномъ пути казаки сильно ихъ погромили. Но экспедиція на днѣпровскіе замки окончилась трагически. Козаки подступили подъ Асланъ-городокъ и начали осаду; подъ его укрѣпленія подложили мину, но мина эта взорвалась неудачно, взрывъ обратился на козаковъ, и самъ Ружинскій погибъ при этомъ—вызвавъ „обильныя слезы въ тамошнихъ краяхъ“¹⁾. Ханъ, напуганный козацкими походами приказалъ вывезти изъ Асланъ-городка все оружіе и бросить эту крѣпость и обратился со своими жалобами къ новому королю, Стеф. Баторію. Но населеніе сожалѣло, какъ видимъ, не о ханскихъ огорченіяхъ, а о „мизерной смерти“ казака-пограничника; не сочувствуя робкой и угодливой политикѣ своего правительства по отношенію къ Крыму.

Съ другой стороны, огорчилось турецкое правительство, погодя на вмѣшательства пограничныхъ магнатовъ и козаковъ въ молдавскія дѣла. Начиная съ половины XVI в. Молдавія становится ареною постоянныхъ авантуръ. Турецкое правительство отдаетъ молдавскій тронъ различнымъ авантюристамъ, на перерывъ обѣщавшимъ ему большой харачъ и задаривавшимъ его подарками; свергая другъ друга, эти претенденты искали опоры у разныхъ сосѣднихъ государей, обращались за помощью къ польско-украинскимъ магнатамъ и козакамъ. Дмитрій Вишневецкій закончилъ свою политическую карьеру и жизнь, вмѣшавшись въ борьбу Гераклида и Томши (1569). Затѣмъ польско-украинскіе магнаты и само польское правительство поддерживало Александра Лопушана и его сына Богдана, отдавагося подъ покровительство Польши и поддерживавшаго тѣсныя пріятельскія отношенія съ магнатами сосѣдней Украины. Богдана свергнули съ престола, задаривъ ту-

¹⁾ Письмо Девлетъ-тирека—*Źródła dziejowe* IV № 35, реляція императору у Вержбовскаго *Materiały do dziejów piśmiennictwa polskiego* I с. 214—5, *Pański Herby* изд. 1584 с. 109, Бѣльскій с. 1367, упоминанія въ записяхъ короннаго скарба—*Źródła dz.* IX с. 62 (Grodek).

ренское правительство, претендентъ Ивоня, называвшій себя потомкомъ воеводы Стефана (1571). Польское правительство пыталось поддержать Богдана и поручило это подольскому воеводѣ Мелецкому, но походъ его въ Молдавію не имѣлъ успѣха¹⁾. Но и Ивоня вскорѣ нашелъ соперника въ лицѣ брата господаря Валахійи и долженъ былъ вооруженною рукою защищать себя отъ Турокъ (1574). Тогда онъ началъ вербовать себѣ войско на Украинѣ. Нѣсколько подольскихъ шляхтичей и ротмистровъ мѣстнаго войска—Сверчовскій, Козловскій, Осмолевскій, Копицкій, Яницкій, Соколовскій и др.²⁾ охотно отозвались на это и начали собирать добровольцевъ. Собрано было двѣсти козаковъ, столько же „Барянь“—изъ Барской шляхты³⁾. Во главѣ отряда сталъ Сверчовскій, благодаря этому, съ искаженнымъ именемъ въ видѣ Свирговскаго попавшій въ позднѣйшіе ресетры козацкихъ гетмановъ и сдѣлавшійся героемъ сфабрикованныхъ въ XIX в. псевдо-историческихъ пѣсенъ⁴⁾. Если вѣрить современному автору исторіи

¹⁾ Горецкаго *Descriptio belli Ivoniae*, 1578 с. 19 и сл. (пер. въ *Dziejejerisowie krajowie* и въ Мемуарахъ Антоновича ч. I), Ласицкаго *Historia de ingressu Polonorum in Valachiam cum Bogdani voivoda*, при изд. Горецкаго.

²⁾ Самого Сверчовскаго Старовольскій (*Sarmatiae bellatores*, тл. LXXI) называетъ Мазоншаниномъ по происхожденію, но „Сверчи“ извѣстны въ Подольскихъ земляхъ уже въ пол. XVI в., и нѣкоторыя другія фамиліи: Осмолевскіе, Копицкіе, Козловскіе извѣстны намъ тоже въ восточной части Подольскихъ земель (см. именной указатель къ моимъ Актамъ Барскаго староства).

³⁾ Въ *editio princeps* 1578 г.: *Suerceus habuit sub signis ducentos equites. Barsanus ducentos duxit. Braslaviensium erant ducenti. Hi sese omnes Suerceus imperio commiserere nec sine ipsius voluntate cum hoste congregari ausi* (с. 89). Антоновичъ (Мемуары I. с.) вполне справедливо поправилъ это на *Barsanos*. Такого предводителя, который бы назывался *Barsanus*, въ этой очень подробной исторіи похода нигдѣ больше не встрѣчаемъ.

⁴⁾ Исторію традиціи о Сверчовскомъ и участіи козаковъ въ войнѣ Ивоня съ Турками изложила К. Мельникъ-Антоновичъ въ предисловіи къ переводу Горецкаго (Мемуары I с. 89—94). Популяризировалъ рассказъ Горецкаго Бѣльскій, пересказавъ его въ своей хроникѣ, щедро разукрасилъ авторъ Исторіи Руссовъ, а Костомаровъ своею статью: „Иванъ Свирговскій, украинскій козацкій гетманъ XVI вѣка“, такъ связать, канонизировалъ эту традицію. Развѣчивая Сверчовскаго, г-жа Антоновичъ однако зашла слишкомъ далеко, доказывая, что „козаки“ въ исторію Горецкаго попали только по недорозумѣнію, и что войско Сверчов-

этой войны, козакн и польскіе участники похода проявляли чудеса отваги, но въ концѣ концовъ Ивоня все-таки проигралъ свою кампанію съ Турками, погибъ самъ въ рукахъ Турокъ и вожди его украинскіихъ полковъ также попали въ турецкую неволю. Но этотъ печальный конецъ не помѣшалъ другимъ смѣльчакамъ идти по слѣдамъ Ивони и его украинскіихъ пособниковъ.

Тотчасъ же на Украинѣ, среди самихъ же козаковъ, какъ рассказываютъ, нашелся человекъ, назвавшій себя братомъ Ивони и выступившій претендентомъ на молдавскій тронъ. Называли его Иваномъ Подковою: прозванъ онъ былъ такъ, говорятъ, за огромную силу—подковы руками ломалъ. Сначала онъ пробовалъ также найти помощь у украинскіихъ магнатовъ—у кн. Конст. Острожскаго, кievскаго воеводы, и у барскаго старосты Творовскаго-Буцацкаго. Но они не захотѣли принять участія въ этой авантюрѣ, и тогда этотъ Подкова—по сему поводу также включенный позднѣйшею традиціею въ реестръ козацкихъ гетмановъ,—сталъ вербовать себѣ войско среди козаковъ. Его помощникомъ въ этомъ дѣлѣ былъ барскій шляхтичъ, служившій въ польской службѣ Стан. Кошицкий, „прожившій двадцать лѣтъ среди козаковъ и любимый ими“, и какой-то Румынь Чана, поселившійся въ Брацлав-

скаго состояло „исключительно изъ шляхтичей воеводства подольскаго, брацлавскаго и другихъ“. Тотъ фактъ, что Горецкий называетъ все это войско Поляками, не долженъ насъ вводить въ ошибку, точно такъ же, какъ и имена предводителей—подольскіихъ шляхтичей: „Полякамн“ они могли быть названы съ точки зрѣнія государственной принадлежности, а что подольскіе шляхтичи ставились во главѣ сборныхъ дружинъ, въ которыхъ принимали участіе и козакн, это мы знаемъ изъ предыдущаго. Горецкий съ самого начала совершенно опредѣленно противопоставляетъ козаковъ-участниковъ брацлавскимъ и барскимъ добровольцамъ и описываетъ ихъ съ такими подробностями, которыя не оставляютъ мѣста сомнѣнію, что это были дѣйствительно козакн (*levem armaturam equitum polonicorum, qui ad Borysthenem et Ponti ostia causa praedae acquirendae degunt, esse gentem tot bellis induratum...*, и дальше поясняется, что они *a postris vocantur — Cosaci*, с. 37 — 8). Нельзя такимъ образомъ сомнѣваться въ томъ, что среди сборныхъ дружинъ Сверчовскаго былъ и козацкій отрядъ; только Горецкий, во-первыхъ, не точно называетъ его польскимъ войскомъ, во-вторыхъ—названіе козаковъ распространяетъ иногда и на другіе отряды. Самого Сверчовскаго Старовольскій (I. c.) тоже называетъ вождемъ запорожскіихъ козаковъ—*cozachorum Zaporozensium tribunus primus, deinde generalis praefectus*, имѣя въ виду вѣроятно этотъ походъ.

скихъ земляхъ. Копицѣй, пустивъ въ оборотъ деньги, заработанныя въ польскихъ войскахъ, съ Чалою вмѣстѣ на вербовали отрядъ изъ козаковъ въ количествѣ 300 человекъ, — „людей дѣйствительно отборныхъ“ по свидѣтельству современника. Предводителемъ („гетманомъ“) ихъ былъ Шахъ. Съ нимъ Подкова въ 1578 г. пошелъ на Молдавію, но господарь Петрило выступилъ съ гораздо большими силами, и Подкова увидѣлъ себя вынужденнымъ вернуться на Украину и позаботиться о болѣе значительныхъ силахъ. Зиму онъ провелъ въ Немировѣ. Господарь обратился съ жалобами къ королю, прося арестовать претендента, но присланное въ Немировъ войско, встрѣтившись съ вооруженнымъ отрядами Подковы, не рѣшилось добывать его силою. Пока шла дальнѣйшая переписка по этому дѣлу, встревоженный этимъ Подкова рѣшилъ не медлить въ началомъ дѣлѣ и, снесшись съ Шахомъ, сталъ готовиться къ новому походу. Шахъ оставилъ на Низу 400 козаковъ, съ собою взялъ 600 и соединившись на Пробитомъ шляху съ Подковою, вмѣстѣ двинулись на Молдавію. Господарь выступилъ навстрѣчу имъ, но на этотъ разъ битва кончилась для него неудачно; современники рассказывали, что среди козаковъ находился колдунъ, заговорившій турецкія пушки. Господарь бѣжалъ, а козаки съ триумфомъ ввели Подкову въ молдавскую столицу Яссы, въ концѣ 1577 г. Успѣхъ однако былъ непрочный. Правда, господаря, когда онъ двинулся на Яссы, чтобы выгнать оттуда Подкову, козаки вторично разбили; но его поддерживали Турки, готовился идти на помощь ему и Баторій. Подкова рѣшилъ убраться съ добычею за-благовременно на Запорожье. Но на пути заманилъ его брацлавскій воевода, кн. Збаражскій, имѣвшій приказъ непременно поймать Подкову: зазвавъ къ себѣ Шаха, онъ увѣрилъ черезъ него Подкову, что ему не угрожаетъ никакая опасность, и Подкова поддался на эти обѣщанія. А Баторій, получивъ въ свои руки, приказалъ заключить Подкову въ тюрьму, послѣ чего онъ былъ обезглавленъ, по требованію господаря и турецкаго султана⁴⁾.

⁴⁾ Обстоятельный рассказъ объ авантюрѣ Подковы и участіи въ ней козаковъ у Вѣльскаго с. 1430—5 изд. Туровскаго; кратко у Гейденштейна с. 119 (пер. I с. 285—6). Къ сожалѣнію, не сохранилась поэма Папроцкаго: *Krótki i prawdziwy opis wyjechania do Wołosch Iwana wojewody, którego Podkowa zowa, 1578*. Реляція о смертной казни Подковы въ сборникѣ *Listy Annibala z Karui*, wyd. A. Przewdzieski, 1852, с. 258. О немъ статья А. Ролле: *Iwan Podkowa* (Antoni J. Opowiadania historyczne Serya Szósta, 1887. Портретъ,

Но не успѣли еще отрубить голову Подковѣ, какъ козаки вели уже другого претендента, называвшагося Александромъ, братомъ Подковы (весна 1578 г.). На этотъ разъ козаковъ собралось больше: султану доносили, что ихъ, конныхъ и пѣшихъ, было свыше двухъ тысячъ, что они подступили къ Яссамъ, опустошая Молдавію, и султанъ настаивалъ, чтобы Баторій непременно отыскалъ претендента, изъ Молдавіи снова отправившагося на Украину. Баторій приложилъ старанія и при новомъ походѣ претендента, трансильванскіе полки брата Баторія разбили войска Александра, самъ онъ попалъ въ руки враговъ и былъ выданъ Туркамъ, которые посадили его на колъ; не мало и козаковъ „чело ихъ“, какъ писалъ Баторій хану—погибло и попало въ плѣнь¹⁾. Несмотря на это, однако уже въ іюнѣ того же года (1578) козаки вновь пошли на Молдавію, съ новымъ претендентомъ, называвшимъ себя Петромъ, сыномъ только что убитаго Александра. Они сожгли пограничный молдавскій городъ Сороки и начали опустошать Молдавію. Баторію для поддержанія своей репутаціи приходилось увѣрять Турокъ, что это уже не его козаки, а московскіе. Онъ поручилъ польскому войску двинуться на помощь господарю, но на этотъ разъ тотъ управился самъ, разбивъ и поймавъ претендента²⁾.

На ряду съ этими молдавскими авантюрами, докучали козаки Татарамъ и Туркамъ и другими способами. Винницкіе и брацлавскіе козаки въ 1576 г. сожгли Тягиню (Бендеры)³⁾. На Днѣпрѣ „Шахъ гетманъ Низовцевъ“ зимою 1576—7 г. разгромилъ татарского посла, ѣхавшаго изъ Москвы, отобралъ у него „много казны“ и т. п. Ханъ жаловался, королю, требовалъ

сдѣланный въ концѣ XVI или нач. XVII в., изъ собранія кор. Станислава-Августа, изданъ недавно съ комментариемъ Смирновымъ—Труды XVI арх. съѣзда т. III.

¹⁾ Sękowski Collectanea z dziejepisów tureckich II с. 304, Bielski с. 1440, Баторій въ инструкціи Броневскому—Acta Steph. Bathorei (Bibl. ordyn. Krasin'skich, Muzeum Swidzińskiego с. 37), Archiwum Zamojskiego I № 199.

²⁾ Sprawy wojenne St. Batoriego № 80, 90 (124) 92, Acta St. Bathorei № 81—7, 91—3.

³⁾ Źródła dz. IX с. 68. Стороженко (Баторій и козаки с. 42) ошибался, думая, что здѣсь рѣчь идетъ о Тягинѣ на Днѣпрѣ: въ днѣпровской Тягинѣ тогда значительнаго поселенія или замка не было, да и сами подробности слѣдствія (I. с.) очевидно указываютъ на подлѣстрианскую Тягиню, служившую обыкновенно одною изъ цѣлей козацкихъ набѣговъ.

наказанія козаковъ, въ противномъ случаѣ грозилъ полнымъ разрывомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ козацкими набѣгами оправдывалъ татарскія нападенія на Украину, сынавшіяся одно за другимъ. По его словамъ, большое татарское нападеніе на Подольскія земли въ 1575 г. случилось потому, что царевичъ Адель-гирей не могъ долѣе терпѣть такихъ козацкихъ безчинствъ ¹⁾. Въ началѣ 1577 г. Татары прошли огнемъ и мечемъ южную Волынь, причиняя громадныя опустошенія: ханъ объявлялъ, что это Татары искали Шаха послѣ известнаго разгрома татарскаго посольства — шныряли всюду въ имѣніяхъ кн. Острожскаго, разыскивая его, но не могли найти ²⁾. Къ лѣту татары напали на Подольскія земли и восточную Галицію ³⁾. Съ началомъ 1578 г. они снова пали на Волынь, на владѣнія Острожскаго, осадили его въ Острогѣ во время праздновавшейся тамъ свадьбы. Татары обвиняли Острожскаго, что главные вожди козачества у него находятъ покровительство; говорили что въ 1577 году Шахъ разграбилъ ихъ пословъ по соглашенію съ Острожскимъ, и другой козацкій предводитель Арковскій провелъ зиму 1577—8 г. въ Кіевѣ, въ воеводской резиденціи Острожскаго, а Шахъ въ Немировѣ, во владѣніяхъ Збаражскаго. Острожскій долженъ былъ вступить въ переговоры съ Татарами, обязался прогнать козаковъ съ Ниву и принудить ихъ къ спокойствію ⁴⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ черезъ посла своего ханъ рѣшительно требовалъ отъ короля того же самого—чтобы козаки оставили въ покоѣ Татаръ, иначе ничего не помогутъ и упоминки: ханъ не можетъ сдержать своихъ Татаръ ⁵⁾.

Съ своей стороны, турецкій султанъ, какъ сюзерень хана, уже въ своихъ первыхъ посольствахъ напоминалъ Баторію, какъ своему бывшему вассалу и протеже, ятобъ онъ непременно усмирить козаковъ, наказалъ виновныхъ и вообще обезпечилъ Татаръ отъ дальнѣйшихъ нападеній. иначе самъ султанъ займется усмиреніемъ козаковъ ⁶⁾. Козацкія нападенія на Молдавію

¹⁾ *Źródła dz. IV* с. 68—9, ср. Бѣльскаго с. 1365.

²⁾ *Źródła dz. IV* с. 109—110, 138, ср. Бѣльскаго с. 1405—6.

³⁾ *Źródła IV* № 105—7, 109—10.

⁴⁾ Бѣльскій с. 1435, Гейденштейнъ с. 119, ср. *Acta S. Bathorei* № 23 и 25.

⁵⁾ *Acta St. Bathorei* № 25.

⁶⁾ *Materiały do hist. pismienictwa polskiego I* с. 214.

вызвали еще большее недовольство турецкаго двора, и султаны снова повторяли требованіе, чтобы король или самъ водворилъ спокойствіе на Украинѣ или—если не имѣеть для этого средствъ, пусть увѣдомить объ этомъ султана, и тотъ вышлетъ свои войска на Украину ¹⁾).

Все это польскому привительству, а особенно новому королю Стеф. Баторію, весною 1576 г. появившемуся въ своемъ новомъ королевствѣ, не могло быть пріятно. Баторій цѣнилъ добрыя отношенія съ Турціей, жаждалъ безопасности отъ Татаръ и Турокъ на югѣ, чтобъ обратить все силы государства на сѣверъ—противъ данцигскаго возстанія, противъ Москвы. Борьбу съ послѣдней ставилъ онъ въ первую очередь и хотѣлъ обратить противъ этого главнаго врага и крымскую Орду. Онъ зналъ, конечно, какъ знало все польское общество, что къ татарскимъ разсказамъ—будто бы татарскія нападенія вызываются только козацкими выступленіями, нужно относится весьма скептически ²⁾). Онъ долженъ былъ также понимать, что возстановить спокойствіе въ черноморскихъ степяхъ и взять въ руки козаковъ вовсе не такое простое дѣло, и у него и позднѣе вырываются замѣчанія, показывающія, что въ возможность этой задачи онъ вѣрилъ весьма слабо. На первыя жалобы хана онъ отвѣчалъ старыми оправданіями, что надъ козаками у него нѣтъ никакой власти—они собираются изъ земель московскихъ, молдавскихъ, изъ бѣглыхъ королевскихъ подданныхъ, приговоренныхъ къ смертной казни и скрывающихся къ козакамъ; татарскіе нападенія тоже увеличиваютъ ихъ число, такъ какъ много людей уходитъ къ козакамъ, лишившись своего имущества при татарскихъ разореніяхъ либо побуждаемые жаждою мести за своихъ родственниковъ, женъ и дѣтей. Король ручался за то, что старосты его замковъ не будутъ принимать къ себѣ козаковъ, будутъ ловить и карать виновныхъ, но тамъ, гдѣ нѣтъ его замковъ—въ Задніпровьѣ, а точно такъ же нужно понимать—и въ черноморскихъ степяхъ,—тамъ пусть самъ ханъ усмиряетъ козаковъ, пусть ловить ихъ и уничтожаетъ, король противъ этого ничего не имѣеть ³⁾).

¹⁾ Sękowski II с. 307.

²⁾ Вѣльскій такъ писалъ о козакахъ: *ciż nas z Turkiem najwięcej wadza, i Tatarowie tak powiadają: żeby nie oni, tedy by z nami dobrze mieszkali; alie im nie trzeba wierzyć*—с. 1358.

³⁾ *Źródła dz. IV с. 76—7.*

Но ханъ совершенно опредѣленно указывалъ на то, что козацкіе вожди укрываются и проживаютъ во владѣніяхъ разныхъ магнатовъ на Украинѣ, и какъ мы видѣли—начиналъ расправу съ этими магнатами по своему усмотрѣнію, не ожидая королевскихъ распоряженій. Королю черезъ своихъ пословъ онъ совѣтовалъ то же, что практиковалось уже въ предшествующіе годы: взять лучшую часть козачества (*przedniejszych z nich*) на королевскую службу, а остальныхъ сдержатъ строгими полицейскими мѣрами: запретить имъ жить въ городахъ и селахъ на Украинѣ, не допускать къ нимъ съѣстныхъ и военныхъ припасовъ и наказывать смертью провинившихся. Король обѣщалъ испробовать эти мѣры, но вмѣстѣ съ тѣмъ не воздержался отъ скептическихъ замѣчаній по поводу ихъ: козаки находятся въ соглашеніи съ московскимъ правительствомъ, могутъ скрываться отъ репрессій въ московскія владѣнія, а послѣ снова появятся на Низу—„предупредить это невозможно въ этихъ пустыняхъ“. Король никоимъ образомъ не можетъ брать на себя отвѣтственность за Низовцевъ на будущее время, особенно въ виду московскихъ интригъ: московское правительство даже поставило надъ ними „какого-то дѣпровскаго воеводу“, и оно же наслало ихъ на Молдавію ¹⁾.

Все таки необходимо было что-либо предпринять, хотя бы для виду. Такой характеръ мѣропріятій „для виду“ и носитъ прославленная позже реформа Баторія. Откладывая быть можетъ на будущее, когда время и обстоятельства позволятъ ближе заняться украинскими дѣлами, болѣе прочное установленіе отношеній съ Татарами и успокоеніе южной границы, Баторій пока что повторилъ, съ кое-какими измѣненіями, предшествующія мѣры, предпринятая въ этомъ направленіи Язловецкимъ и правительствомъ Сигизмунда-Августа, несмотря на то что всѣ онѣ уже успѣли обнаружить свою полную бесплодность: ханъ рекомендовалъ ихъ, Баторій повторялъ, для болѣе сильнаго впечатлѣнія отъ времени до времени пуская въ ходъ кровавыя экзекуціи надъ козацкими своевольниками ²⁾.

Государственное козацкое войско, организованное Язловец-

¹⁾ *Acta St. Bathorei* с. 56.

²⁾ Я, такимъ образомъ, представляю себѣ Баторія болѣе дальновиднымъ, чѣмъ авторъ козѣйшей монографіи о реформахъ Баторія А. Стороженко, предполагающій, что Баторій этимъ приглашеніемъ нѣсколькихъ сотенъ козаковъ на королевскую службу дѣйствительно рассчитываетъ положить конецъ козаццизмъ своевольцамъ (с. 81).

кимъ, за это время успѣло очевидно, совершенно распасться. Въ записяхъ казначейства встрѣчаются еще ассигновки для него въ 1575—6 г.; на коронацію Баторія прибыли какіе-то козацкіе делегаты—быть можетъ того же королевскаго войска ¹⁾). Но въ 1576—7 гг. нигдѣ не встрѣчаемъ какихъ-либо извѣстій объ этомъ войскѣ, и очевидно—реально оно не существовало. Вѣроятно, неаккуратность въ выдачѣ жалованія разстроила его очень скоро, а смерть его организатора Язловецкаго (умершаго въ 1575 г.) довершила его разложеніе. Не фигурируетъ нигдѣ и назначенный Язловецкимъ козацкій старшій Бадовскій. Баторій, исполняя со- вѣты хана, долженъ былъ начать дѣло сызнова.

Прежде всего, онъ напомнилъ Конет. Острожскому его уго- воръ съ ханомъ—итти на Низъ и выгнать оттуда козаковъ, а пойманныхъ подвергнуть смертной казни; хану съ своей стороны онъ рекомендовалъ вмѣстѣ съ кн. Острожскимъ заняться истребле- ніемъ козаковъ ²⁾). Пограничнымъ старостамъ онъ выслалъ грамо- ты, упрекая ихъ, что они укрываютъ у себя козаковъ, даютъ имъ помощь и высылаютъ на Татаръ,—на будущее время при- казывалъ отнюдь не давать козакамъ ни пріюта, ни помощи, ни припасовъ—селитры, свинцу, живности; старосты должны были помочь кн. Острожскому разогнать козаковъ, и еслибъ кто-либо изъ этихъ „лотровъ“ (разбойниковъ) явился въ ихъ городахъ— ловить и карать смертью ³⁾). Для суда и слѣдствія надъ пред- водителями ихъ послѣднихъ нападений сеймъ командировалъ люб- линскаго воеводу Тарла, съ широкими полномочіями—но изъ командировки этой ничего не вышло. Тарло тоже призналъ наиболѣе виновнымъ самого кн. Острожскаго, такъ какъ изъ его земель выходило наибольшее число козаковъ, точно такъ же, какъ и изъ Немировскихъ владѣній кн. Збаражскаго. Но на его повѣстки никто не явился, и виновниковъ нападений Тарло не могъ изловить никакихъ—за исключеніемъ какого-то козла отпущенія, котораго привезъ съ собою за отсутствіемъ чего-либо лучшаго ⁴⁾),

¹⁾ Boristenis kozakom personis 4, videlicet Jwano Sewerny, Chwiedoro Zachwosthy, Sziemiono Pochowsky, Marco Winniczky loco expeditionis illorum de gratia s. m. r. datı singulis per fl. 15, rani- ni lundinensis per uln. 6 — записи казначейства въ *Źródła dz. IX* с. 80.

²⁾ Acta St. Bathorei № 23, ср. с. 36.

³⁾ Acta St. Bathorei № 25. ⁴⁾ Acta St. Bathorei № 24, Sprawy wojenne с. 145, ср. у Бѣльскаго с. 1441.

Такова была репрессивная сторона этого предприятия. Одновременно съ Тарломъ, однако, король отправилъ своего агента Янчу Бегера— вербовать козаковъ на королевскую службу. Это было болѣе легкимъ дѣломъ. Въ сентябрѣ 1578 г. Янча пріѣхалъ во Львовъ, къ королю съ козацкими представителями—Андр. Лихавскимъ съ товарищами, уполномоченными козаками для составленія и утвержденія новаго „постановенья“ съ королемъ ¹⁾).

Это новое „постановленіе“ и по формѣ, и по содержанію возобновляло старый уставъ Сигизмунда-Августа. О прежнемъ „почтѣ“, организованномъ Язловецкимъ, и здѣсь не упоминается; козацкій полкъ набирается на-ново, но изъ той же среды и болѣе или менѣе на тѣхъ же самыхъ условіяхъ—такъ опредѣляетъ это новый королевскій уставъ. „Верховнымъ начальникомъ, на мѣсто покойника вельможнаго Юр. Язловецкаго, назначается имъ кн. Михайла Вишневецкаго, старосту нашего черкаскаго и каневскаго, и ему гетманъ ихъ и другіе начальники, и также всѣ козаки (шохоісу) должны быть послушны“. На время московской войны назначается имъ болѣе высокая плата (по 15 зл. въ годъ и по кафтану), „а позже будутъ получать то, что имѣли при пок. Сигизмундѣ-Августѣ королѣ, тѣмъ самымъ способомъ и съ тѣми же вольностями, какія тогда были имъ предоставлены“ ²⁾. „Другія постановленія, касающіяся какъ плѣнныхъ, такъ и иныхъ вопросовъ, установленныхъ при покойномъ Юр. Язловецкомъ, должны быть выполняемы“.

Служба этихъ козаковъ должна была начаться съ Николина дня (6/XII 1578): тогда они должны были присягнуть въ вѣрности королю, въ послушаніи своему верховному начальнику (кн. Вишневецкому), и въ соблюденіи своихъ обязанностей. Козаки не должны воевать съ Молдавіей, не должны производить въ ея предѣлахъ никакихъ опустошеній и беспорядковъ, наоборотъ—если о комъ узнали бы, что они готовятся къ нападенію, они должны усмирять, ловить и истреблять, какъ враговъ короля и государства. Точно такъ же должны держать себя по отношенію къ Бѣлгороду, Очакову, Тягинѣ, тамошнимъ селамъ и стенамъ—никакихъ опустошеній не причинять и не позволять причинять. Хану

¹⁾ Acta St. Bathorei № 160, Źródła dz. IX s. 217.

²⁾ Potem to mają mieć, co mieli za sw. pamięci Zygmunta-Augusta króla i przodka naszego, tym kształtem i z tą wolnością, jako w ten czas było.

крымскому, его земляни и людям, улусамъ и степямъ въ челяди, скотѣ и ни въ чемъ другомъ не должны причинять никакого ущерба, такъ какъ онъ съ Татарами обязался служить королю противъ непріятелей коронныхъ. Должны доставлять правительству извѣстія о людяхъ ханскихъ и вообще поступать соотвѣтственно наказамъ королевскимъ, какіе имъ будутъ даны ¹⁾).

Въ знакъ того, что это войско находится на королевской службѣ, козаки получили большое королевское знамя, шелковое, съ изображеніями ²⁾). Быть можетъ было имъ пожаловано еще что-нибудь, позднѣе входившее въ понятіе войсковыхъ „клейнодовъ“, какъ бубны, трубы и т. п.

Непосредственнымъ начальникомъ надъ козаками—„гетманомъ“, какъ называетъ его сама королевская грамота, хотя очевидно не въ смыслѣ опредѣленнаго титула,—былъ назначенъ непосредственно королемъ, или кн. Вишневецкимъ Янъ Оришовскій, шляхтичъ, должно быть изъ тѣхъ, которые издавна вели компанію съ козаками. Самъ онъ называетъ себя „поручикомъ“, въ значеніи французскаго *lieutenant*—помощника кн. Вишневецкаго. „Писаремъ“, точнѣ казначеемъ и интендантомъ—былъ назначенъ упомянутый уже агентъ Баторія, Янча Бегеръ.

Перевѣсь козацкаго полка, произведенная въ 1581 г., послѣ возвращенія козаковъ съ московской войны, даетъ кое-какія подробности организаціи этихъ королевскихъ козаковъ—„козаковъ низовыхъ запорожскихъ и рѣчныхъ, ходившихъ на службу королевскую въ Москву“, какъ называетъ ихъ перепись ³⁾). Во главѣ полка стоялъ Янъ Оришовскій, „поручикъ козаковъ низовыхъ запорожскихъ“, при немъ его свита изъ 30 человекъ (въ томъ числѣ нѣсколько шляхтичей, Украинцевъ и Поляковъ, судя по именамъ) ⁴⁾). Затѣмъ слѣдуетъ пятьсотъ козаковъ, раздѣленныхъ на десятки; во главѣ

¹⁾ Acta St. Bathorei № 160, ср. № 189.

²⁾ *Źródła IX s. 207: Zibaldo aucupictori a labore vexil. magni Nizouis missi pro serico dati f. 18 (осень 1578), ср. 203 (знамя отвезено козакамъ въ ноябрѣ). Такъ какъ разрисовывалъ хоругвь aucupictor, можно догадываться, что на хоругви былъ изображенъ польскій государственный орелъ.*

³⁾ *Regestr kozaków nizowych zaporoskich i rzeczecznych, którzy chodzili na służbę króla imci do Moskwy—Źródła dz. t. XX s. 154.*

⁴⁾ Александръ Мирейовскій, Ник. Садеовскій, Станиславъ Стржежевскій, Курблягъ Шульжинскій, Семень Кошицкій и др.

каждого „атаманъ“, который входитъ въ число десятка (такъ что десятокъ состоитъ изъ атамана и девяти козаковъ). Прочее начальство, очевидно, находится въ составѣ свиты Оришовскаго. Большая часть козаковъ носитъ прозвища отъ своихъ городовъ или народности, и эти прозвища даютъ указанія относительно состава этого козачества. Правда, на немъ, очевидно, сильно отразилось пребываніе этого козацкаго полка на бѣлорусскомъ театрѣ войны и переходъ черезъ бѣлорусскія земли. Не только большое число козаковъ изъ глубины бѣлорусскихъ земель (изъ Могилева, Гомеля, Выхова, Мстиславля, Полоцка, Витебска— всего свыше 90), но и цифры выходцевъ изъ припетскаго Полѣсья (свыше 50)¹⁾, даже изъ краевъ московскихъ, литовскихъ и польскихъ, хотя онѣ сами по себѣ и не велики²⁾, вѣроятно всетаки значительно выросли, благодаря этимъ спеціальнымъ условіямъ переноса, по сравненію съ тѣмъ составомъ козацкаго полка, въ какомъ онъ былъ на вербованъ на Украинѣ. Взявъ за скобки эти элементы, выросшіе въ спеціальныхъ условіяхъ, въ которыхъ комплектовался полкъ во время кампаніи и послѣ нея, получаемъ цифры, дающія намъ представленіе о нормальномъ составѣ козаковъ. Изъ Киевскихъ земель 70 лицъ (всего больше Черкасцевъ— 26, 14 Каневцевъ, 12 Киевлянъ, 8 Вѣлоцерковцевъ, 4 Острианъ, 4 изъ киево-брацлавскаго пограничья); почти столько-же Волынянъ (71)—здѣсь обращаютъ на себя вниманіе большія цифры изъ южной Волыни, владѣній Острожскихъ (изъ Дубенщины около 15, изъ Константинова 8, Острога 6)³⁾. Изъ другихъ украинскихъ областей, разумѣется значительно меньше — изъ Брацлавскихъ и Подольскихъ земель вмѣстѣ около 20, изъ Галиціи 12, изъ Холмскихъ и Подляшскихъ земель 8. Хотя происхожденіе отмѣчено не для всѣхъ лицъ, и всѣ прозвища въ

¹⁾ 3 Чернобыльца, 17 Мозырянъ, 11 Брагинцевъ, 10 изъ Давидгородка, 13 изъ Турова, 3 изъ пинской области. Хотя изъ этихъ городовъ и окрестностей издавна ходило много людей на украинскіе промыслы, но и здѣсь нужно считаться съ переходомъ полка черезъ Бѣлоруссію и комплектованіемъ его въ бѣлорусскихъ краяхъ.

²⁾ „Московитянъ“ и людей изъ московскихъ земель 24, Литовцевъ или людей изъ литовскихъ городовъ 9, изъ польскихъ областей 10, и нѣсколько (3—4) съ характерными польскими именами, не считая свиты Оришовскаго.

³⁾ Припомнимъ реляцію Тарла, что наибольшее число козаковъ выходитъ изъ владѣній Острожскаго (см. выше с. 197).

известной степени носят характер случайный, все же соотношение этих цифр имеет несомненное значение. Рядомъ съ Киевлянами, Волынянами и немногочисленными выходцами изъ Западной Украины необходимо допустить и въ нормальныхъ условияхъ значительную примѣсь Полѣшуконъ и Бѣлоруссовъ, присутствіе выходцевъ изъ Московскихъ краевъ, нѣкоторую примѣсь Поляковъ. Всѣ другіе элементы очень незначительны (одинъ Нѣмецъ, одинъ Сербъ, одинъ Татаринъ, одинъ Кафинецъ, два Пятигорца—одинъ изъ нихъ, быть можетъ, „пятигорскій Черкесъ“). Преобладаетъ украинская стихія—съ бѣлорусскою примѣсью.

Резиденцію козаковъ, ихъ официальнымъ владѣніемъ становится Терехтемировъ со своимъ стариннымъ Зарубскимъ монастыремъ, пожалованнымъ Баторіемъ козакамъ на госпиталь для раненыхъ и неспособныхъ къ войнѣ козаковъ¹⁾. Позднѣйшее комиссарское постановленіе ставило козакамъ на видъ, что Терехтемировъ долженъ служить исключительно для помѣщенія госпиталя, а не сборнымъ мѣстомъ козацкихъ ватагъ—это указываетъ на роль Терехтемирова въ дѣйствительной козацкой жизни, какъ ихъ военного центра и сборнаго пункта, арсенала и официальной резиденціи, каковымъ описывалъ его въ 1620-хъ гг. Собѣскій, а въ 1640-хъ Пясецкій²⁾.

Понятіе козацкихъ вольностей, признанныхъ правительствомъ Баторія и лишь глухо упомянутыхъ въ его грамотѣ, со ссылкой на постановленія Сигизмунда Августа, развиваетъ его грамота

¹⁾ Объ этомъ пожалованіи имѣемъ упоминаніе у позднѣйшаго Лассоты: *Therectomirow so den Zaporosen kosaken vom Khünig Stephano zue einem Spital gegeben worden* (с. 207).

²⁾ *Commentarii Chotimensis belli* с. 113—4, *Chronica gestorum* с. 54—5. Относительно того, долженъ ли быть Терехтемировъ по мысли пожалованія Баторіемъ служить только госпиталемъ, возникла недавно полемика между Яблоновскимъ и Ярошемъ. Яблоновскій доказывалъ, что Терехтемировъ самимъ Баторіемъ могъ предназначаться также и для козацкаго арсенала и для козацкихъ совѣщаній и управленій, *consiliorum et magistratus sedem*, какъ выражается Пясецкій. Это вполне возможно въ особенности по отношенію къ арсеналу, и во всякомъ случаѣ Яблоновскій вполне правъ утверждая, что независимо отъ того, жаловалъ ли Баторій Терехтемировъ лишь для госпиталя, или нѣтъ, но исключительно для помѣщенія госпиталя Терехтемировъ въ дѣйствительности не служилъ. Но Яблоновскій ошибается, предполагая, что въ составъ терехтемировскаго пожалованія входилъ и Борисполь. Объ этомъ ниже.

отъ 1582 г., изданная въ руководство украинскимъ воеводамъ и старостамъ, вследствие казацкихъ жалобъ на нарушенія ихъ правъ. Козаки жаловались, что мѣстная администрація присвоивъ себѣ юрисдикцію надъ ними *niemo uzgad i zwierzchność starszego ich*, арестуетъ, подвергаетъ козаковъ тюремному заключенію безо всякой причины, облагаетъ „обвѣтками, колядами“ и другими налогами, забираетъ имущество послѣ умершихъ козаковъ, „минуя ихъ пріятелей и родственниковъ“. Все это, какъ мы знаемъ, было старой практикой—такіе поборы съ козаковъ практиковались старостами еще въ первой пол. XVI в., но теперь козаки не хотѣли больше мириться съ ними, ссылаясь на вольности, признанныя за ними королями, и Баторій сталъ на ихъ сторону. Онъ приказалъ украинской администраціи впредь не распространять своей власти и юрисдикціи „надъ этими низовыми козаками, особенно тѣми, которые получаютъ плату отъ насъ, а живутъ въ городахъ, мѣстечкахъ и другихъ мѣстахъ“. Администрація не имѣетъ права наказывать козаковъ и сажать въ тюрьму безъ вѣдома ихъ старшого, поставленнаго надъ ними отъ короля; не можетъ судить ихъ въ обыкновенныхъ дѣлахъ—только виновныхъ въ убійствахъ и насиліяхъ, по соглашенію въ козацкой администраціею, можно карать на основѣ общихъ судебныхъ установленій; не вправе взыскивать съ нихъ налоговъ, поборовъ, забирать имущество послѣ умершихъ, въ ущербъ ихъ родственникамъ или тѣмъ, кому умершій свое имущество отказалъ¹⁾.

Очевидно, и эта грамота только развиваетъ принципы козацкаго иммунитета, провозглашеннаго реформою Язловецкаго. Характерно, что и здѣсь, какъ и въ грамотѣ 1572 г., этотъ иммунитетъ ближайшимъ образомъ признается лишь за королевскими козаками, принятыми на службу, но не исключительно: король не считаетъ возможнымъ отказать въ немъ всему козачеству. На первый взглядъ это находится въ странномъ противорѣчій съ намѣреніями Баторія, но объясняется отчасти традиціями реформы Язловецкаго, отчасти тѣмъ, что въ моментъ изданія этой грамоты Баторій въ своей московской кампаніи пользовался услугами гораздо болѣе широкихъ и многочисленныхъ козацкихъ круговъ, а не одной лишь горстью реестровыхъ козаковъ.

Итакъ, реформа Баторія въ общемъ не вносила въ ко-

¹⁾ Грамота недавно найдена, издана въ Жерелахъ т. VIII, № 84.

закція отношенія почти ничего новаго по сравненію съ реформою Язловецкаго, а лишь повторяла и кое въ чемъ развивала нормы и практику, установленныя предшествующею реформою. Кое въ чемъ распоряженія Баторія были даже менѣе благоприятны для козаковъ. Напр. вмѣсто непосредственной зависимости козацкаго старшаго отъ короннаго гетмана, она отдавала его подъ власть черкаскаго старосты, который больше, чѣмъ кто-либо другой изъ мѣстной администраціи, давалъ обыкновенно чувствовать козачеству свою тяжелую руку. Козацкія вольности тѣмъ были и цѣнны прежде всего, что освобождали козаковъ изъ-подъ власти этого украинскаго вице-короля, а назначеніе его козацкимъ верховнымъ вождемъ давало ему лишь поводъ къ различнымъ претензіямъ. Возможно, что козацкія жалобы 1582 г. были тѣмъ и вызваны, что Вишневецкій и его агенты, опираясь на его верховныя права надъ козачествомъ, стали возобновлять старые поборы и претензіи. Болѣе благоприятна для козачества реформа Язловецкаго была и въ томъ отношеніи, что она сильнѣе подчеркивала единство всего козачества, реестроваго и нереестроваго, такъ какъ устанавливала власть „старшого“ надъ всѣмъ козачествомъ безъ различія и тѣмъ самымъ еще опредѣленнѣе, нежели дѣлаютъ это грамота Баторія, давала всему козачеству основаніе пользоваться козацкими вольностями¹⁾.

Несмотря на это, реформа Баторія, какъ болѣе новая,

¹⁾ В. Ярошъ въ своемъ изслѣдованіи о реформѣ Баторія доказывалъ даже, что Баторій сознательно стремился „уничтожить зародыши козацкаго самоуправленія и самосуда“ и съ этой цѣлью отдалъ ихъ подъ власть черкаскаго старосты, и вообще старался „уничтожить всѣ казацкія особенности“—объ этомъ, по его мнѣнію, свидѣтельствуетъ петиція Кишки объ измѣненіи распоряженій кор. Стефана. Въ дѣйствительности, какъ мы видѣли, Баторій возобновлялъ и подтверждалъ козацкія вольности, признанныя реформою Язловецкаго, а Кишка просилъ подтвержденія Баторіевыхъ грамотъ, а не ихъ измѣненія, какъ думалъ Ярошъ. Не оцѣнивалъ надлежащимъ образомъ значенія распоряженій Баторія и Стороженко, выступая противъ „обще-распространеннаго среди ученыхъ вѣрованія“ будто бы Стефанъ Баторій какою-то „реформою“ измѣнилъ правовое положеніе козацкаго „сословія“ (с. 156). Стороженко справедливо поддерживаетъ мысль, что „козацкаго сословія“ тогда не было, но не учитываетъ того, что реформа Баторія, въ ряду другихъ, повлияла очень сильно на сформированіе этого козацкаго сословія—какъ и указывалъ на это много лѣтъ тому назадъ въ своихъ „Примѣткахъ до исторіи козачины“.

покрыла память предшествующей реформы Сигизмунда - Августа тѣмъ болѣе, что отъ той въ рукахъ козаковъ, насколько намъ известно, не осталось никакихъ привилегій, а отъ Баторіевой кое что сохранилось. Указанная выше грамота 1582 г., подтверждавшая козацкія вольности, носитъ на себѣ интересную пометку, что она предъявлялась позже козаками, какъ свидѣтельство о вольностяхъ, дарованныхъ имъ кор. Стефаномъ (изъ позднѣйшей переписки можемъ указать на петицію представленную Кишкою въ 1600 г. ¹⁾), гдѣ онъ между прочимъ проситъ „поправы“, т. е. подтвержденія, вѣроятно, грамоты кор. Стефана „относительно отумерщинъ нашихъ“). Эти „вольности“—козацкій иммунитетъ, признанный за козаками Баторіемъ и засвидѣтельствованный документами, сохранившимися и позже въ козацкихъ кругахъ, являлись, съ точки зрѣнія этихъ послѣднихъ, самыми цѣнными изъ всего, что дала козачеству реформа Баторія. Кроме того и нѣкоторые другіе конкретные факты—какъ пожалованіе войсковыхъ клейнодовъ и козацкой резиденціи—Терехтемирова, послужили основою позднѣйшей Баторіевой легенды, и она въ традиціи XVII в. становится эпохою въ исторіи козачества. Но фактъ существованія Баторіевой грамоты все таки игралъ, думаю, главную роль среди обстоятельствъ, сдѣлавшихъ имя Баторія и его реформу центромъ позднѣйшихъ козацкихъ традицій о правахъ и вольностяхъ козацкихъ, о ростѣ организованности и численности козачества. Козачество не было богато документами, не вело метрикъ и архивовъ, и грамота Баторія, сохранившаяся благодаря счастливой случайности, послужила для позднѣйшихъ временъ опорнымъ пунктомъ для воѣхъ преданій о происхожденіи козацкихъ правъ и вольностей. Такимъ образомъ Баторіева легенда развивалась въ козацкихъ кругахъ, отсюда же ея достигало до польскаго общества, ея отзывы попадали въ польскую литературу ²⁾, и затѣмъ эти польскіе литературные отзывы, за недостаткомъ своей козацкой литературы XVII в., послужили опорными пунктами для

¹⁾ Listy S. Zólkiewskiego № 74.

²⁾ Эти отголоски (у Пясецкаго, Твардовскаго, Грондскаго) приводитъ Огороженко въ своей книгѣ о реформѣ Баторія; надо прибавить еще интересный взглядъ на реформу Баторія Веніовскаго, въ инструкціи волынскаго сеймика 1676 г. (шеститысячный реестръ, набранный изъ общаго 40-тысячнаго козацкаго войска, и т. п.).—Архивъ Ю. З. Р. П. П, с. 352.

дальнѣйшаго развитія и обоснованія этой легенды въ козацкихъ кругахъ ¹⁾.

Отъ Баторія идетъ традиція разныхъ козацкихъ порядковъ и установленій; вовсе не благосклонный къ козакамъ въ дѣйствительности, въ этой традиціи онъ выступаетъ какъ патронъ козачества, провозвѣстникъ его будущей славы, и Твардовскій, прославляя новую Украинскую Рѣчь-Посполитую, созданную Гадяцкимъ трактатомъ, видѣлъ въ ней осуществленіе Баторіевыхъ пророчествъ:

¹⁾ Наиболѣе старую редакцію ея въ козацкихъ кругахъ находимъ у Грабянки (с. 22—3)—она опирается очевидно на польской литературной традиціи Бѣльскаго, Пясецкаго, Твардовскаго, и прибавляетъ къ нимъ лишь нѣсколько штриховъ: Баторій даетъ козакамъ военные почетные знаки, отпускаетъ запасы, отъ него ведутъ начало всѣ козацкіе чины и т. и. Грамота Хмельницкаго съ подтвержденіемъ пожалованій Баторія, обращающаяся въ запорожскихъ кругахъ въ половинѣ XVIII в., составлена была, очевидно, послѣ возвращенія Запорожцевъ изъ Крыма (издана Скальковскимъ въ Исторіи Новой Сѣчи т. III и Бодянскимъ въ московскихъ Читаніяхъ 1846 г.) и не прибавляетъ къ разсказу Грабянки ничего новаго (центр тяжести ея заключается въ точномъ опредѣленіи запорожской территоріи). За то у Симоновскаго козацкая традиція пріобрѣтаетъ важную подробность, ставшую вѣдѣль за тѣмъ одной изъ главнѣйшихъ составныхъ частей легенды: шеститысячный козацкій реестръ, раздѣленный на 6 полковъ (с. 8). Другимъ, менѣе существеннымъ добавленіемъ была легенда о второй козацкой резиденціи, построенной для козаковъ Баторіемъ и названной по его имени Батуриномъ (Лѣтописи изд. Вѣлозерскимъ с. 55, извѣстіе идетъ отъ Коховскаго). Новую редакцію даетъ авторъ „Исторіи Руссовъ“—вмѣсто старой, т. е. войсково-козацкой, шляхетско-козацкую: Баторій признаетъ за козачествомъ шляхетскія права, наравнѣ съ польской и литовской шляхтой, выдающихся козаковъ надѣляетъ помѣстьями, заводитъ земскіе, городскіе и трибунальскіе суды со статутнымъ правомъ (с. 28—9). И несмотря на всю фантастичность и искусственность этой версіи, она просуществовала долго, и была повторена *en toutes lettres* не только Марковичемъ и его польскими послѣдователями (у Чарновскаго I с. 90 и сл.), но въ нѣкоторыхъ своихъ элементахъ (какъ напр. „судебный трибуналъ въ Батуринѣ“) удержалась даже въ курсѣ Эварницкаго (II с. 61). Старая же версія Грабянки-Симоновскаго съ полнымъ довѣріемъ повторялась украинскими историками до самаго послѣдняго времени (у Костомарова, во вступленіи къ В. Хмельницкому I с. 20—1, изд. 1884, у Антоновича въ его Вещдахъ, у Эварницкаго въ его курсѣ и пр.)—не смотря на предостереженія, раздававшіяся уже съ 1870-хъ годовъ.

W szum nie próżna owa
Zartem praktykowana wrożka Sbefalowa,
Ze kiedyś z tych łotrzyków rzecz bydz pospolita
Miała wolna ¹⁾).

Въ произведеніяхъ козацкихъ историковъ XVIII в. эта Баторіева легенда получила дальнѣйшее развитіе, въ историографіи XIX в.—научнообразныя формы и въ видѣ такого канонизированнаго повѣствованія о томъ, что Баторій организоваль козачество, сформировавъ шеститысячный реестръ, козацкіе полки и создавъ позднѣйшую систему козацкаго управленія,—она дожила до конца этого столѣтія ²⁾).

¹⁾ Twardowski *Wojna domowa* с. 265. Стороженко, вообще весьма скептически настроенный по отношенію къ Баторіевой реформѣ, почему то въ этомъ пунктѣ отстываетъ отъ своего скептицизма и предполагаетъ, что дѣйствительно, на склонѣ жизни Баторій предчувствовалъ, что козачество „превратится въ сословіе, совершенно аналогичное шляхтѣ,—сословіе, которое пожелаетъ раздѣлить со шляхтою ея роль въ управленіи Рѣчью Посполитою, а получивъ съ ея стороны грубый отпоръ, устроить новую Рѣчь-Посполитую, старую же приведетъ въ гибели“ (с. 119). Думаю, что Баторій очень мало виноватъ въ этихъ фантазіяхъ. Еслибъ онъ имѣлъ такіа серьезныя предчувствія, то вѣроятно обнаружилъ бы чѣмъ нибудь свои опасенія, между тѣмъ этого совершенно не видимъ.

²⁾ Кулишъ, лучше ознакомленный съ польскими историческими матеріалами XVI в., первый поднялъ голосъ противъ Баторіевой легенды. Правда, въ „Исторіи воссоединенія“ онъ полагаетъ, что современные историческіе матеріалы „подтверждаютъ, въ известной степени, лѣтописное сказаніе о Баторіевой регуляціи козацкаго войска“ (I с. 94) и отказывается лишь принять всѣ подробности традиціи XVIII в. („едвали слѣдуетъ понимать эту регуляцію въ смыслѣ раздѣленія козаковъ на полки и проч.“). Но нѣсколько лѣтъ спустя, въ „Матеріалахъ къ исторіи воссоединенія Руси“, 1877 (с. 11), опубликовавъ универсалъ Баторія къ козакамъ 1579 г., онъ уже рѣшительно не желаетъ вѣрить кабой либо „регуляціи“ козачества Баторіемъ. Однако эти скептическія мысли были обстоятельнѣе развиты лишь въ 1890-хъ гг. Въ 1896 г. появилась статья Ал. Яблоновскаго *Kozaszczyna a legitymizm, dwie legendy polityczno-historyczne Ukrainy—batoryańska i baturyańska* (*Athenaeum* 1896, VIII), въ которой онъ, останавливаясь главнымъ образомъ на исторіи Батурина, залронулъ въ общихъ чертахъ и Баторіеву легенду. Вслѣдъ за тѣмъ появилась статья А. Стороженка „Сводъ данныхъ о Янѣ Оришевскомъ, закоронскомъ гетманѣ времени Стефана Баторія“ (*Р. Старина* 1897, I), въ которой онъ вкратцѣ собралъ нѣкоторые документальныя извѣстія о распоряженіяхъ Баторія, касавшихся козаковъ, не входя въ оцѣнку

Это были преувеличѣнія, собственно говоря — недоразумѣнія въ оцѣнкѣ тѣхъ вліяній, какія правительственныя реформы — болѣе ранняя — Августа, и новая — Баторія, оказали на сформированіе козачества. Въ области чисто военной, формальной организаціи вліянія ихъ были не велики и не важны. Можно отмѣтить развѣ кое-какіе второстепенные факты, какъ появленіе пятисотеннаго полка, какъ высшей организаціонной единицы: она можетъ вести свое начало отъ набора Баторія, и мы съ такими пятисотенными козацкими полками, не королевскими, а свободными запорожскими, встрѣчаемся и позже, въ девяностыхъ годахъ¹⁾. Это были менѣе важныя подробности, но указанная выше казацкая петиція 1582 г. къ королю, въ которой казаки протестовали уже какъ противъ *praw ich państwa*²⁾, противъ того, что мѣстная администрація претендуетъ на власть и юрисдикцію надъ коза-

традиціонныхъ свѣдѣній о нихъ. Въ слѣдующемъ году, по поводу „Весід“ проф. Антоновича, въ которыхъ поддерживался традиціонный взглядъ на реформу Баторія (шеститысячный реестръ, организація козацкаго класса), я далъ оцѣнку реформы Баторія въ статьѣ „Примітки до історіи козачини“ (Замиски львов. т. XXII). Затѣмъ въ 1908—4 гг. появилось одновременно еще нѣсколько работъ, посвященныхъ реформѣ Баторія: Влад. Яроша *Legenda Batoryańska. Krótka szkica z dziejów Zaporoża* (Kwart. histor., 1904), Ал. Яблоновскаго *Treśćtymirów* (*ibid.* 1904) и упомянутая уже выше книга Стороженка *С. Баторій и днѣпровскіе казаки*, 1904. Работы Яроша и Стороженка дали сводъ извѣстій о распоряженіяхъ Баторія и опровергли традицію объ организаціи козачества Баторіемъ, но въ этой борьбѣ съ традиціей оба зашли слишкомъ далеко, стараясь доказать, что реформы Баторія ничего не дали для правового положенія козачества, а Ярошъ доказывалъ даже, что Баторій именно желалъ уничтожить козацкую автономію, признанную реформой Яеловецкаго (см. выше). Два года спустя появился критическій обзоръ Доманицкаго: *Чи була реформа Баторія?* (Науковий збірник, присвячений М. Грушевському, 1906). Затѣмъ, появилась упомянутая выше критическая статья Любавскаго по поводу книжки Стороженка и статейка этого послѣдняго: *Новыя подробности къ біографіи запорожскаго гетмана Яна Орышова* (Кіев. Чтенія т. XIX). Наконецъ в 1911 г. появилась упомянутая уже статья И. Крипякевича: *Козачина і Баторієві вольности* (Жерела т. VIII), въ которой авторъ, отвергая Баторіеву легенду, старается оцѣнить то значеніе, которое реформа Баторія имѣла дѣйствительно въ жизни козачества.

¹⁾ Лассота с. 210: ein Polkownik, das ist ein Bevehlshaber über fünf hundert Man.

²⁾ Жерела VIII 9634.

ками, хочеть собирать съ нихъ налоги и подати, примѣняетъ къ нимъ старую практику мѣстной городской жизни и т. д.,— открываетъ передъ нами ту дѣйствительную область, въ которой правительственныя реформы производили настоящій переворотъ: въ сферѣ соціальной. Передъ нами уже не общая жалоба населенія на мѣстную администрацію и ея неправды, какія мы видѣли прежде, а спеціально козацкаго класса, выделяющагося на почвѣ правъ и привилегій, признанныхъ за нимъ правительственными реформами, и шагъ за шагомъ дѣлающаго все дальнѣйшіе и дальнѣйшіе выводы изъ признанной за нимъ позиціи, въ направленіи полной эмансипаціи, полного иммунитета.

Съ точки зрѣнія національной, реформы козачества имѣли то значеніе, что благодаря козацкому иммунитету въ рамкахъ польской государственности получилось своего рода убѣжище, свободная отъ польскаго помѣщичьяго права сфера, гдѣ мѣстная украинская стихія могла вновь кристаллизироваться, соответственно съ своими традиционными, особенностями. Значеніе, такимъ образомъ, почти исключительно отрицательное.

Набирая козаковъ на службу, Баторій, съ одной стороны, исполнялъ совѣты и пожеланія хана относительно водворенія спокойствія на южной границѣ. Ханъ совѣтовалъ лучшую часть козаковъ взять на свою службу, остальныхъ задавить репрессіями—не давать имъ приюта на Украинѣ, не пускать къ нимъ припасовъ, и Баторій заявилъ черезъ своего посла, что все это онъ исполнилъ, или исполнитъ: козаковъ на свою службу возьметъ, приказы старостамъ уже далъ, кн. Острожскому поручилъ прогнать козаковъ съ Низу¹⁾. Все сдѣлалъ, что могъ сдѣлать лояльный сосѣдъ и союзникъ. Но текстъ его „постановленія съ Низовцами“ указываетъ еще и на другую сторону, которую имѣлъ въ виду Баторій при организаціи козацкаго полка: воспользоваться имъ для своей войны съ Москвою. Козаки получали повышенную плату до окончанія московской войны, такимъ образомъ должны были непосредственно принять въ ней участіе. Судя по тѣмъ скептическимъ замѣчаніямъ относительно водворенія спокойствія на южной границѣ, какія Баторій такъ щедро разсыпалъ въ своей инструкціи, онъ этой другой сторонѣ—участію козаковъ въ московской

¹⁾ Acta St. Bathorei c. 36—7.

войнѣ придавалъ гораздо больше реального значенія — и не ошибся.

Ни наказы старостамъ, ни перспектива экспедиціи Острожскаго, по какимъ-то ближе неизвѣстнымъ причинамъ въ концѣ концовъ не осуществившейся, ни, тѣмъ болѣе,—переходъ на королевскую службу нѣсколькихъ сотенъ „отборныхъ“ козаковъ не предотвратили козацкихъ схватокъ на югѣ. Уже осенью того же 1578 г. какой-то „Лукьянъ козакъ“—быть можетъ извѣстный позднѣе съ титуломъ „гетмана козацкаго“ Лукьянъ Чернинскій—напалъ на Молдавію, потомъ отправился подъ Очаковъ и угналъ оттуда табуны коней ¹⁾. Слѣдомъ за нимъ „всводичъ молдавскій“ Константинъ Лакуста, участникъ предпріятій Подковы, бѣжавъ изъ Львова въ степи и собравъ „po szczęści lotrostwa“, также двинулся въ Молдавію. Тамъ онъ былъ разбитъ и вернувшись, отправился—какъ говорили, въ Москву, то есть въ задніпровскіе края. Но весной (1579) онъ вновь появился надъ Днѣпромъ, недалеко отъ Черкасъ, собирая козацкихъ охотниковъ для новаго похода въ Молдавію. Баторій былъ сильно раздраженъ всѣмъ этимъ и по первому же извѣстію о возвращеніи Лакусты поспѣшилъ послать на Украину своего дворянина, чтобы съ помощію пограничныхъ старостъ и королевскихъ козаковъ поймать претендента. Козакамъ онъ напоминалъ объ ихъ обязанностяхъ и грозилъ смертною казнью въ случаѣ, еслибы они стали помогать Лакустѣ въ его планахъ ²⁾. Нѣсколько дней спустя снова цѣлый рядъ распоряженій на Украину все объ томъ же—ловить авантюриста ³⁾. Удалось ли предотвратить его походъ, остается неизвѣстнымъ, но спокойствія въ степяхъ, очевидно, все таки не было.

Да и трудно было требовать повиновенія и поддержанія порядка отъ козаковъ, если само правительство не исполняло обязанностей принятыхъ на себя по отношенію къ козакамъ взаимно своихъ требованій повиновенія и спокойствія. Въ письмѣ шефа козаковъ, черкаскаго старосты, писанномъ спустя полгода послѣ новой козацкой ординаціи короному канцлеру, находимъ очень цѣнные указанія въ этомъ отношеніи. „Изволилъ мнѣ написать,

¹⁾ Sprawy wojenne s. 106, изъ другой копін у Jorga Studii istorice asupra Chilieii și Cetatii Albe s. 336, Archiwum Zamojskiego I s. 301.

²⁾ Acta Steph. Bathorei № 187—9, Archiwum Zamojskiego I № 250, 285.

³⁾ Acta № 190—3 и 195.

ваша милость, что король посылает Янчу, чтобы выдать Низовцамъ деньги,—но не только денегъ, а даже и Янчи козаки не могли дожидаться, и я уже дальше никакъ не могъ ихъ задержать—всѣ пошли на Низъ; я исполнилъ волю и наказъ королевскій: всѣхъ ихъ собралъ въ Черкасы, но благодаря ли небрежности королевскихъ посланныхъ или по другой причинѣ та козаска госргава затянулась; и хотя козаки всѣ обязались и обѣщали мнѣ не дѣлать ничего противнаго королевской волѣ и не нападать на татарскіе улусы, но этому нельзя довѣрять, такъ какъ это народъ своевольный¹⁾. Дѣйствительно, трудно было надѣяться, что своевольные козаки сдержатъ свое обѣщаніе, если само правительство, желавшее ихъ дисциплинировать, деморализовало ихъ, проявляя такое игнорированіе своихъ обѣщаній и распорядженій, а свою неаккуратность хотѣло возмѣстить угрозами на случай неповиновенія.

На сеймѣ, созванномъ въ концѣ этого года, король провелъ постановленіе, временно, до новаго сейма дававшее украинской администраціи широкія права репрессій надъ своевольными людьми нешляхетскаго происхожденія, „нарушающими миръ съ Турками, Татарами и Волохами на Украинѣ Русской, Кіевской, Волынской, Подольской и Брацлавской“, а шляхтичей долженъ былъ судить налворный королевскій судъ, съ правомъ присуждать даже „на горло“ (къ смертной казни)²⁾. Въ началѣ 1580 г. былъ изданъ универсалъ, которымъ король выѣнялъ въ обязанность украинской администраціи и шляхтѣ охранять миръ и спокойствіе на южной границѣ и арестовывать всѣхъ виновныхъ въ его нарушеніи³⁾. Послѣдствія этихъ новыхъ мѣръ неизвѣстны, но, очевидно, никакихъ особенныхъ результатовъ не получилось⁴⁾. Ханъ черезъ своихъ пословъ не переставалъ жаловаться на „разбой и грабежи козаковъ“; Баторій повторялъ, что сдѣлаетъ все, что можетъ, но обѣщать ничего не въ состояніи, такъ какъ козаки—это сбродъ всевозможныхъ народностей, безъ постояннаго мѣстожителства, не подчиняющійся никакому праву и ни отъ кого-

¹⁾ Archiwum Zamojskiego I № 301 (8. IV 1579).

²⁾ Volumina legum II с. 206, ср. Гейденштейна 143.

³⁾ Архивъ Ю. З. Р. III ч. I № 5.

⁴⁾ Въ позднѣйшемъ распорядженіи (1583) Баторій упоминаетъ, что онъ не воспользовался своимъ правомъ судить шляхту—nikogo za nią nie kondemnowano i podobno nie rozwano. (Sprawy wojenne № 156).

но зависящій¹⁾. Въ 1581 г. дѣйствительно встрѣчаемъ реестровыхъ козаковъ въ Подольскихъ земляхъ, разставленныхъ вмѣстѣ съ польскимъ войскомъ, очевидно, для поддержанія спокойствія отъ Татаръ и своевольныхъ козаковъ²⁾.

Всетаки, въ теченіе этихъ двухъ съ половиною лѣтъ, 1579—1581, на югѣ было сравнительно спокойно такъ какъ энергія козаковъ, была отвлечена московской войной. Верховный распорядитель реестровыхъ козаковъ, Мих. Вишневецкій, съ другими украинскими магнатами опустошалъ московскія сѣверскія земли, разорялъ тамошніе замки, и очевидно при этомъ главный контингентъ, наряду съ мѣстной шляхтой, давало ему козачество—реестровое и еще болѣе нереестровое³⁾. Отъ 1580 г. имѣемъ случайное извѣстіе, что реестровые козаки подъ предводительствомъ Оришовскаго ходили подъ Стародубъ и Почепъ, сожгли нѣсколько городовъ и замковъ и ушли съ огромною добычей⁴⁾. На сѣверномъ театрѣ войны тоже встрѣчаемъ козаковъ въ то время: въ кампаніи 1579 г. подъ Полоцкомъ были „козаки низовые“, очевидно нереестровые, подъ предводительствомъ какого то Матвѣя Самоватара и Николая⁵⁾. Въ 1580 г. встрѣчаемъ цѣлый рядъ козацкихъ отрядовъ, на вербованныхъ разными лицами, подъ предводительствомъ своихъ вождей; такъ полоцкій воевода Дорогостайскій имѣлъ сто козаковъ конныхъ и триста пѣшихъ, знаменитый Филонъ Кмита 100 конныхъ и 500 пѣшихъ, Борисъ Жаба 300 пѣшихъ, Гаврило Вируля 500, Голубокъ 100, Корнило Перевальскій 100, Федоръ Кашевичъ 100, и т. д.⁶⁾.

Въ началѣ 1582 г. московская война окончилась, на вербованные для войны контингенты были распущены, въ томъ числѣ

¹⁾ Гейденштейнъ с. 198, пер. II с. 113.

²⁾ *Źródła dz. IX. II с. 294—5.* Есть извѣстіе о битвѣ Вишневецкаго съ Татарами весною 1581 г. (*Septentrionalische Historien* с. 78, у Стороженка ор. с. с. 209).

³⁾ *Epicedion*, панегирикъ Вишневецкому, переизданный Стороженкомъ, ор. с. с. 205—212.

⁴⁾ Гейденштейнъ 164, пер. II с. 40.

⁵⁾ *Źródła dziejowe IX. II с. 204.*

⁶⁾ *Ibid.* с. 215—6; что контингенты были козацкіе, указано не вездѣ: въ приведенномъ мною рядѣ именъ, начиная съ Вирули, нѣтъ этого указанія, но нѣтъ сомнѣній въ томъ, что это были козацкіе вожди—Вируля и Голубокъ были извѣстны въ качествѣ козацкихъ вождей (*Sarmatiae bellatores* гл. 116).

и козацкіе отряды. Не только нереестровые козаки, набранные для войны, должны были вернуться во свояси, но и козаки реестровые были также распущены, за недостаткомъ денегъ въ коронномъ казначействѣ, или сами разошлись, не получивъ жалованія за послѣдній годъ службы—какъ не получило его все войско вообще. Въ земляхъ польско-литовскихъ и особенно украинскихъ оказалось множество всякаго народа, привыкшаго къ военному добычничеству и теперь оставшагося и безъ занятія и безо всякихъ средствъ къ жизни. На восточно-украинскомъ пограничѣ массами собирается этотъ безпокойный, воинственный элементъ, въ разныхъ предпріятіяхъ ищущій выхода своей энергіи и—средствъ существованія. Козацкій элементъ, и безъ того уже достаточно сильный и многочисленный, еще увеличивается и усиливается большимъ количествомъ разнаго сброда, втянутаго войной и оставшагося теперь безъ средствъ и занятій. „Козацкія нападеныя стали еще болѣе частыми послѣ того, какъ кор. Стефанъ заключилъ миръ съ в. кн. московскимъ“, отмѣчаетъ современникъ Гейденштейнъ, передавая взгляды и свѣдѣнія правительственныхъ и придворныхъ круговъ: „войско наше было распущено, и много людей непривычныхъ и нерасположенныхъ къ труду, привыкшихъ жить добычею въ непріятельскихъ краяхъ, присоединилось къ козакамъ, а тѣ, увеличивъ свои силы, начали съ теченіемъ времени все чаще и чаще нападать на земли, находившіяся въ мирѣ съ Польшею, грабить и жечь“¹⁾.

Здѣсь впервые отмѣчено то чередованіе прилива и отлива козацкой энергіи, которое наблюдается потомъ постоянно. Правительство постоянно обращалось къ козацкімъ силамъ для своихъ военныхъ нуждъ и само, посредствомъ своихъ воззваній и вербовщиковъ, доводило до максимумъ а силу и численность козацкихъ континентовъ; по минованіи надобности пускало ихъ „на подножный кормъ“, и когда эти козацкіе континенты, оставшіеся безъ средствъ и занятій, искали выхода въ самовольныхъ походахъ,—оно обращалось къ репрессіямъ, къ жалобамъ на козацкое „лотровство“ и т. д. Трудно однако рѣшить, сколько здѣсь было простой близорукости и сколько неизбежныхъ послѣдствій

¹⁾ *Regum polon.* I. XII с. 326. Подобнымъ образомъ писали осенью 1583 г. Збаражскій: *mniemam, iż ich więcej przybędzie do nich za rozpuszczaniem wojska, jako teraz siła pacholików bez służby tula się* (*Sprawy wojenne* с. 404).

коренныхъ недочетовъ польской государственности: недостатка у правительства денежныхъ средствъ для удовлетворенія войска послѣ войны, и отсутствія силъ и исполнительной власти для поддержания спокойствія и порядка среди безпокойнаго военного элемента по окончаніи кампаніи. Истощеніе ресурсовъ для цѣлей войны имѣло обыкновенно тотъ результатъ, что по окончаніи кампаніи государство оставалось лишеннымъ войска и совершенно бессильнымъ сдержать буйный военный элементъ, которому невыплаченное жалованіе давало извѣстное моральное оправданіе для всякихъ беспорядковъ и эксцессовъ ¹⁾. Такъ было и теперь; выпустивъ на Украину массу военного, своевольнаго элемента, съ неоплатными претензіями къ государству, правительство вмѣстѣ съ тѣмъ распустило даже ту „предвѣйшую“ часть козачества, которая должна была служить сдержкою для козацкихъ своевольствъ.

Правительство до нѣкоторой степени учитывало эти перспективы и король требовалъ, чтобы сеймъ по крайней мѣрѣ оставилъ за нимъ на будущее время право судить непосредственно своимъ королевскимъ судомъ шляхтичей, предпринимающихъ своевольные походы. Но шляхта, утомленная тѣми уступками, каія принуждена была дѣлать королю на предшествующихъ сеймахъ въ виду войны, теперь рѣшительно отказывалась ему повиноваться. Средствъ для уплаты войску не ассигновала, полномочій по отношенію къ нарушителямъ спокойствія не предоставила ²⁾.

Результаты всего этого не замедлили обнаружиться.

Уже въ концѣ 1582 г. ханъ прислалъ гонца съ жалобами на то, что козаки на Самарѣ разбили татарскихъ пословъ, везшихъ изъ Москвы „упоминки“ для хана; ханъ требовалъ возмѣщенія, иначе грозилъ немедленнымъ походомъ на Украину—сообщалъ, что онъ уже двинулся со своимъ войскомъ. Турецкій посоль, пріѣхавшій одновременно, чтобы поддержать требованія хана, также грозилъ, что если король не возвратитъ этихъ отнятыхъ козаками денегъ, то Турки также, вмѣстѣ съ Татарами, выплютъ свое 40 тыс. войско на Украину. Однако Баторій не считалъ возможнымъ возвращаться къ прежней практикѣ: возмѣщать изъ коронной казны убытки, причиненные козаками, и повторилъ свой старый отвѣтъ, что онъ надъ козаками не имѣетъ власти и за нихъ не отвѣчаетъ; а одновременно съ тѣмъ началъ мо-

¹⁾ См. въ т. V с. 326—7.

²⁾ Sprawy wojenne № 196.

близковать всё возможные силы противъ Татаръ. Это произвело свое впечатлѣніе, и Татарская орда вернулась отъ Днѣпра назадъ¹⁾. Но весной (1583 г.) поднялась новая тревога: козаки стали готовиться къ походу на Молдавію съ новымъ претендентомъ на молдавскій престолъ, называвшимъ себя Мануиломъ, сыномъ Ивони. Грамоты и приказы, которые король послѣшилъ разослать начальникамъ польскихъ войскъ и пограничнымъ старостамъ, помогли мало, тѣмъ болѣе, что и среди здѣшной шляхты нашлись сторонники и пособники этого предпріятія. Въ концѣ концовъ однако эту молдавскую экспедицію предотвратилъ брацлавскій староста Струсъ, разбивъ козаковъ, отправившихся съ претендентомъ. Тогда козаки обратились на турецкіе города—разрушили Ягорлыкъ (на Днѣстрѣ), взяли и разграбили городъ Тягиню (Бендеры) съ окрестностями, забрали турецкія пушки и огромную добычу—говорили, что продали ее на ярмаркѣ за 12 тыс. золотыхъ²⁾.

Это страшно разгнѣвало и встревожило короля, такъ какъ дѣйствительно грозило навлечь на Польшу войну съ Турціей, тѣмъ болѣе, что козаки вездѣ рассказывали, что ходили на Турокъ „по приказанію“ и на этомъ основаніи требовали на Украинѣ содержанія—такъ настойчиво, что возникаетъ подозрѣніе дѣйствительно какой-то мистификаціи³⁾. Король впрочемъ не преминулъ, съ своей стороны, воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы представить шляхтѣ страшныя перспективы этой авантюры, доказывая необходимость широкихъ полномочій противъ своевольныхъ шляхтичей. Королевское войско бросилось въ погоню за козаками, тѣ бросили захваченныя пушки и скрылись за Днѣпромъ. Дальше преслѣдовать ихъ не было возможности, да и правительство

¹⁾ Dyaryusze sejmowe z r. 1585 s. 349 (королевское предложеніе 1584 г.). Гейденштейнъ с. 207—пер. II с. 134—4.

²⁾ Гейденштейнъ с. 213—пер. II с. 146—7. Sprawy wojenne № 156, Dyaryusze 1585 r. s. 350, рассказъ козацкаго старшаго у Боратынскаго Козаку i Watykan (Przegląd polski 1906, октябрь).

³⁾ Она могла имѣть мѣсто: имѣемъ извѣстіе что партія Замойскаго обвиняла въ этомъ походѣ 1588 года Зборовскихъ, а эти въ свою очередь сваливали вину за походъ на Замойскаго, т. е. на правительство, котораго правою рукою были Замойскій: что оны побудили козаковъ къ походу на Молдавію, а потомъ на нихъ же свалили вину (В. Раргосkiego dwie broszury polityczne, изд. 1900 г. с. 48). Козакамъ могло быть въ самомъ дѣлѣ внушено убѣжденіе, что правительство желаетъ такого похода.

опасалось, чтобы козаки не перешли за московскія границы, гдѣ стали бы небезопаснымъ оружіемъ противъ Польши¹⁾. Султана успокоили обѣщаніемъ возратить пушки и наказать виновныхъ. Ихъ отыскивали въ разныхъ мѣстахъ, и на глазахъ у турецкаго чауша во Львовѣ обезглавили въ числѣ тридцати душъ²⁾. Изъ шляхетскихъ участниковъ карающая десница обрушилась на Самуила Зборовскаго, известнаго авантюриста и стараго врага короля и Замойскаго. Уже раньше лишенный гражданскихъ правъ, онъ навлекъ на себя и своего брата разныя другія обвиненія, между прочимъ въ томъ, что, какъ говорили, онъ склонялъ къ нападеніямъ на Турокъ козаковъ, съ которыми находился въ постоянныхъ сношеніяхъ и нѣкоторое время находился на Запорожьѣ. Теперь онъ былъ казненъ³⁾.

Преслѣдованіе королевскими комиссарами виновниковъ въ Приднѣпровьи⁴⁾, кажется, вызвало здѣсь какіе-то безпорядки.

¹⁾ Бѣльскій указываетъ: *I natenczas gdy ich Stefan król chciał koniecznie wygubić, brali się do Moskwy do tych drugich kozaków, zkad większe jeszcze niebezpieczeństwo baczyl, i przetoż im podobno dał pokoj* (с. 1361).

²⁾ Гейденштейнъ с. 213 и 225 (пер. II с. 147, 168). *Septentrionalische Historien* с. 33—5 у Стороженка; онъ высказываетъ догадку, что козацкимъ старшимъ, казненнымъ за эту исторію, былъ известный намъ Янчи Вегеръ, королевскій комиссаръ, названный у Папроцкаго провокаторомъ (со стороны Замойскаго) похода на Турокъ.

³⁾ Въ аферѣ Зборовскихъ: *Ż. Pauli Pamiętniki do życia i sprawy Zborowskich*, 184; *Wartosza Paprockiego dwie broszury polityczne z lat 1587 i 1588 wyd. Ozubek*, 1900; *Dyarysze sejmowe z 1585 r.* (процессъ Криштофа Зборовскаго); Гейденштейнъ с. 219. Въ этому Зборовскому относятся обыкновенно упоминаніе о Грицькѣ Зборовскомъ гетманѣ запорожскомъ въ думѣ объ Алексѣѣ Поповичѣ (Антоновичъ, Сумцовъ, Дашкевичъ), но это приуроченіе кажется мнѣ очень сомнительнымъ: пребываніе Самуила Зборовскаго среди козаковъ было кратко, ничѣмъ особеннымъ не отмѣчено, ни въ какихъ морскихъ походахъ онъ не участвовалъ, бурь на морѣ съ козаками также не испытывалъ (ссылаются на рассказъ Папроцкаго, но тутъ лишь незначительная охотничья экскурсія, на *zwierz na wyspę morską u uścia Dniepra*). Спорѣ уже можно указать на другою Зборовскаго, козацкаго предводителя 1610 г., хотя и этотъ на столько слабо выступаетъ въ нашихъ источникахъ, что на этомъближеніи невозможно настаивать.

⁴⁾ Упоминаніе объ ассигновкѣ для отправки въ Черкасы коморника Подольскаго для арестованія козаковъ, участниковъ похода на Татинь—*Zródła dz. IX. II с. 116.*

Имѣется глухое извѣстіе о несогласіяхъ между Черкасцами и козаками. По этому поводу былъ отправленъ туда одинъ изъ ротмистровъ, Ожельскій, но кромѣ порученія — разобрать дѣло Черкасцевъ съ козаками, ему дано было и другое — про- извести новый наборъ козаковъ на королевскую службу — взять изъ нихъ 600 человекъ на государственное содержаніе¹⁾.

Мотивы этого новаго набора неизвѣстны: просто ли почув- ствовалась надобность въ военномъ контингентѣ, или надѣялись, что это поможетъ положить предѣлъ козацкому своеволію. Ожель- скій исполнилъ порученіе — если вѣрить его сообщенію, — но безъ за- трудненій, такъ какъ козаки, по его словамъ, больше цѣнили надежду на добычу, чѣмъ королевское жалованье. Дѣйствительно, имъ пришлось назначить плату болѣе высокую сравнительно съ 1578 г.: по 20 зол. въ годъ и по 4 арш. (5 локтей) сукна. Отрядъ этотъ, по свидѣтельству скарбовыхъ документовъ, былъ расположенъ въ Подольскихъ земляхъ вмѣстѣ съ польскимъ вой- скомъ²⁾. Сохранилось извѣстіе о выплатѣ содержанія, точнѣе — выдачѣ сукна, изъ послѣдующаго времени, 1584 г.³⁾ Кому было поручено начальство надъ этими козаками въ качествѣ стар- шаго, намъ неизвѣстно, но не вижу основаній думать, что отъ этой должности былъ отстраненъ Оришовскій, фигурирующий и поз- же, въ 1585—6 гг. въ роли „гетмана запорожскаго“⁴⁾. Впрочемъ никакихъ подробностей о дѣятельности этого новаго (третьяго по счету) реэстроваго козацкаго войска за короткое время его существованія не имѣемъ. Правительственныхъ актовъ, которые бы нормировали права и обязанности его, тоже нѣтъ. Оче-

¹⁾ Объ этомъ рассказываетъ самъ Ожельскій въ своихъ за- пискахъ — изданы у Вросель-Плятера *Рamiętniki IV* с. 114.

²⁾ *Źródła dz. IX. II* с. 295.

³⁾ Архивъ Юго-Зап. Рос. III. I № 6.

⁴⁾ Ярошъ (ор. с.) рѣшительно заявляетъ, что при этомъ но- вомъ наборѣ козацкимъ старшимъ былъ поставленъ Рожинскій, а Оришовскій *rozszedł w odstawkę*, такъ какъ былъ скомпрометиро- ванъ разными „пограничными грѣхами“ (с. 610); но для такого утвержденія нѣтъ никакого основанія. Укажу, наоборотъ, что въ цитированномъ самимъ Ярошемъ актѣ отъ ноября 1586 г. (Ар- хивъ Ю. З. Р. VII. I № 35) Оришовскій называется и гетманомъ запорожскимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ „слугою е. корол. милости“. Гур- скій въ своей исторіи пѣхоты (с. 35) говоритъ категорически, что старшимъ надъ этими 600 козаковъ въ 1583 г. былъ Оришовскій, но, къ сожалѣнію, не цитируетъ точнѣе своего источника.

видно, это было простымъ возобновленіемъ разъ организованнаго войска, съ тѣмъ же характеромъ и съ тѣми же правами; существованіе свое оно прекратило само собою, оставленное безъ вниманія—можетъ быть, вслѣдствіе отсутствія фондовъ на его содержаніе.

Ни этотъ новый наборъ козаковъ, ни суровыя кары надъ участниками авантюръ 1583 г. не оказали сколько нибудь дѣйствительнаго вліянія на козацкія своеволія. Лѣто 1584 г. прошло, кажется, спокойно; но въ концѣ года козаки напали на Очаковъ, сожгли его и причинили Татарамъ много убытковъ, а въ польскихъ кругахъ—тревоги. Потомъ, кажется—независимо отъ этого похода, козаки напали еще на татарскіе улусы и уняли много скота и забрали въ плѣнъ людей. Ханъ въ отместку за это выслалъ на Украину орду. Татаръ этихъ въ концѣ концовъ разбили, но опасались, что эта козацкая авантюра послужитъ послѣдней каплей въ чашѣ турецкаго гнѣва, тѣмъ болѣе, что Порта незадолго передъ тѣмъ предпринимала походъ въ Крымъ и легко могла повторить экспедицію въ смежныя области Польши. Въ зимнюю сессию сейма въ началѣ 1585 г. въ польскихъ кругахъ сильно беспокоились по этому поводу, но въ концѣ концовъ не пришли къ опредѣленнымъ рѣшеніямъ¹⁾. Король отправилъ своего посла Глембоцкаго въ Подольскія и Волынскія земли съ порученіемъ отыскать стада, захваченныя козаками у Татаръ, а можетъ быть—и виновныхъ въ нападеніяхъ. Однако эта миссія окончилась для королевскаго посла весьма плачевно: онъ гдѣ-то столкнулся съ козаками и тѣ въ концѣ концовъ его утопили²⁾.

Это было однако слишкомъ рискованнымъ шагомъ, даже для козаковъ, и его вожди рѣшили снять съ себя отвѣтственность въ этомъ дѣлѣ. „Кн. Михайло Ружинскій, гетманъ козаковъ запорожскихъ, съ прочими козаками, товарищами своими запорожскими“ прислали въ Кіевъ, къ мѣстной администраціи, закованныхъ въ кандалы одинадцать человѣкъ, какъ виновниковъ этой исторіи— „менечи, якобы ты одинадцать человѣковъ збунтовавпися небожчика пана Глубоцкаго замордовали и утопили, и тыхъ одинадцать человѣковъ узнали и нашли быть виновными“. Однако кіевскій под-

¹⁾ Dyaryusze sejm. 1585 г. с. 8—9, 29, 282, 321. См. еще ниже.

²⁾ Архивъ Ю.-Зап. Рос. III. I № 7, Гейденштейнъ с. 326—пер. II с. 362.

воевода не захотѣлъ принять арестантовъ и отослалъ въ ратушу, гдѣ опять таки мѣщане отказались ихъ взять на свою отвѣтственность, „бо дей ту въ киевскомъ ратушу, яко на Украини, везеня такъ мощного якъ увъ иншихъ местахъ нетъ“¹⁾). Дождались ли они здѣсь королевской резолюціи, или нашли возможность уйти, „яко на Украини“, остается неизвѣстнымъ.

Изъ московскихъ источниковъ узнаемъ что козаки по-прежнему продолжали вести сношенія съ московскими воеводами, очевидно—съ цѣлью получать отъ нихъ „жалованье“ и средства для борьбы съ Татарами, и принимали участіе въ тогдашнихъ крымскихъ замѣшательствахъ. Въ 1585 г. козаки подъ предводительствомъ Оришовскаго дважды ходили на крымскіе улусы и угнали массу скота; позже отъ Оришовскаго и другихъ козацкихъ предводителей ѣздили въ Крымъ послы, заявляя готовность служить хану противъ всѣхъ его враговъ, кромѣ Польши—вѣроятно ближайшимъ образомъ подразумѣвался тогдашній конфликтъ Крыма съ Портою. Но изъ этихъ переговоровъ ничего не вышло и козаки продолжали потомъ нападенія на крымскіе улусы, а московское правительство поддерживало сношенія съ ихъ вождями—Михайломъ Ружинскимъ, его братомъ Кирикомъ и другими атаманами и съ своей стороны побуждало ихъ къ нападеніямъ на Татаръ²⁾).

Изъ источниковъ мѣстныхъ—изъ письма Богдана Микошинскаго „гетмана войска запорожскаго“, узнаемъ, что весной 1586 г. козаки сражались съ Татарами у Днѣпра; ханъ намѣревался перейти черезъ Днѣпръ, около Таволжаного острова, но козаки вступили съ ними бой и не позволили перейти³⁾).

Смерть Баторія въ концѣ этого года и послѣдовавшее безкоролье съ ожесточенною борьбою партій сообщили новую энергію козачеству. Козаки снова напали на Очаковъ, взяли замокъ,

¹⁾ Архивъ Ю. З. Р. III I № 7, Grabowski Źródła I с. 66—7. Ружинскій вслѣдъ за тѣмъ фигурируетъ въ качествѣ слуги вн. Януша Острожскаго (29. IV. 1587—Архивъ Ю. З. Р. VI. I с. 170); это наводитъ мысль, не сталъ ли онъ послѣ своего акта лояльности невозможнымъ въ козацкой средѣ, или быть можетъ сама лояльность объясняется его ролью слуги дома Острожскихъ.

²⁾ Соловьевъ XII с. 608—9; однимъ изъ предпріятій 1585 г., должно быть былъ походъ на Очаковъ зимою 1584—5 г., и кромѣ того былъ другой, и вѣроятно о скотѣ, захваченномъ въ этотъ второй походъ, долженъ былъ произвести разслѣдованіе Глембодскій.

³⁾ Listy Żółkiewskiego с. 34.

взобрались ночью по лестницамъ, вырвали гарнизонъ, разбили и сожгли городъ. Затѣмъ двинулись въ Молдавію съ какимъ-то претендентомъ. Походъ не удался: господарь сначала отступилъ передъ козаками, но получивъ помощь отъ Турокъ, принудилъ ихъ выйти изъ Молдавскихъ земель въ Покутье ¹⁾. За этимъ послѣдовалъ морской походъ. Предводителемъ былъ Кулага, должно быть Захаръ Кулага, одинъ изъ атамановъ въ реестрѣ 1581 г. Козаки на лодкахъ подошли къ Козлову (теп. Евпаторіи) взяли нѣсколько турецкихъ кораблей, затѣмъ напали на городъ, разгромили нѣсколько сотъ лавокъ, захватили товары, Турокъ и Евреевъ убивали и забирали въ плѣнъ: но въ это время подоспѣлъ калга съ Татарами, произошла битва въ самомъ городѣ, Кулага былъ убитъ, нѣсколько десятковъ козаковъ попало въ плѣнъ, другіе ушли. Напали также на Бѣлгородъ и сожгли его. Въ другой разъ тѣ же украинскіе, будто-бы, козаки напали на Азовъ, ограбили бухарскихъ купцовъ и взяли въ плѣнъ триста человекъ ²⁾. Разгнѣванный всѣмъ этимъ султанъ приказалъ хану вторгнуться въ Украину, а изъ-за Дуная туда же долженъ былъ двинуться съ турецкимъ войскомъ, взявъ къ себѣ въ помощь молдавскія силы, беглербегъ „то есть гетманъ всѣхъ войскъ европейскихъ“,—онъ вмѣстѣ съ Татарами долженъ былъ напасть на Польшу.

Польскіе круги охватила паника—къ войнѣ съ Турціею они чувствовали себя совершенно не подготовленными ³⁾. Польша еще не вышла изъ состоянія анархіи и междоусобій безкорольвья, отношенія съ Австріею, нарушенныя вооруженною борьбою австрійской и шведской партій, не были восстановлены. Польша чувствовала себя на краю гибели. Правда, гроза миновала: ханъ, какъ объясняли—полакомившись на добычу, поспѣшилъ напасть на Украину не ожидая Турокъ—и былъ разбитъ. Козаки на р. Каменкѣ сильно разгромили его, разбили орду также на переправѣ

¹⁾ Гейденштейнъ с. 326, для хронологіи этихъ событій—дневникъ сейма 1587 г. (*Scriptores regni polonicarum*, XI): на сеймѣ вѣсть о разрушеніи Тягини пришла 31 іюля.

²⁾ Московская реляція у Соловьева VII с. 610; Жерела VIII № 38—9, Гейденштейнъ I. с., Бѣльскій с. 1617, письмо Замоиского въ *Archiwum Radziwiłłów* с. 98.

³⁾ Тревожные слухи о турецкомъ походѣ появились уже во время сейма 1586 г.—*Dyaryusz* с. 119, но они были ложными—*ср.* с. 157.

черезъ Днѣстръ, много Татаръ погибло, и ханъ, самъ раненый, принужденъ былъ вернуться въ Крымъ прежде, чѣмъ двинулось изъ-за Дуная турецкое войско. Энергія отчаянія придава снль вождю польскихъ военныхъ силъ, Замойскому; онъ успѣлъ стянуть кое-какія силы, и вѣсти объ этомъ, принесенныя передовымъ турецкимъ войскомъ, напавшимъ на Покутье, охладили военный пылъ Турокъ. Беглербегъ, отступивъ за Дунай, къ Силистріи, зимою 1589 г., началъ переговоры, поставивъ условіемъ уничтоженіе пограничныхъ замковъ, служившихъ исходными пунктами для козацкихъ походовъ, усмиреніе и уничтоженіе самихъ козаковъ. Но на слѣдующее лѣто объявилъ новый походъ на Польшу ¹⁾).

Подъ такими впечатлѣніями былъ созванъ сеймъ весной 1590 г. Опасность угрожавшая со стороны Турокъ, необходимость сдержать козаковъ, организація обороны—стояли на первомъ планѣ. И это тѣмъ болѣе, что ростъ козачества давалъ себя чувствовать и украинской шляхтѣ. Уже на сеймѣ 1587 г. раздавались жалобы на козаковъ, что они приходятъ въ подольскія села, грабятъ ихъ и заявляютъ при этомъ, что поступаютъ такъ съ разрѣшенія рѣчи посполитой ²⁾). Въ шляхетскихъ инструкціяхъ на сеймъ 1590 г. находимъ жалобы, что козаки „не только своимъ своевольствамъ нарушаютъ договоры и союзы съ сосѣдними государствами, но и намъ (шляхтѣ) даютъ себя чувствовать, обращаются съ нами не иначе, какъ Татары—облагаютъ огромными поборами шляхетское населеніе и города, и только что не жгутъ имѣній“ ³⁾). Вышедшій годомъ позже королевскій универсалъ, извѣщая о посылкѣ на Украину комиссаровъ для разслѣдованія здѣшнихъ своевольствъ, мотивируетъ эту мѣру не только козацкими нападеніями на сосѣднія государства, но и „громадными и неслыханными убытками, притѣсненіями, грабежами и убійствами въ городахъ, мѣстечкахъ и селахъ“ воеводства Во-

¹⁾ Королевская инструкція сеймивамъ—Жерела VIII № 39; Archiwum Radziwiłłów с. 99—100.

²⁾ Dyaryuszе г. 1587 с. 202. Можно указать еще на жалобы Збаражскаго 1583 г. на Янчи, что онъ *gwałtem sobie przystawstwa rozabirał i szkody poczynił—teraz zasię—powiedają sobie u mnie przystawstwa i rozkazują, aby im urzędnik żywnosć dawał* (Sprawy wojenne с. 403—4).

³⁾ Жерела VIII № 39; я не увѣренъ однако въ датѣ этой инструкціи—не относится ли она ко временамъ Наливайка.

дынского, Киевскаго и Брацлавскаго, которые производят здѣсь „своевольные люди“.

Судебныя книги восточной Украины действительно даютъ намъ не одинъ примѣръ такихъ эксцессовъ. Такъ напр. управляющій Коденской волости Тышкевичей въ 1586 г. заноситъ жалобу, что во время татарской тревоги „някаиесь козаки, на имя Лукья Чернинскій, который кажетъ себе гетманомъ звати, някиісь Ивановскій, а Патока а Пергачъ и иннихъ козаковъ не мало“, собравъ крестьянъ изъ сосѣднихъ сель, напали на городъ Кодню и разграбили его, и тоже сдѣлали и съ сосѣдными экономіями ¹⁾. Киевскій хорунжій Бутовичъ со своимъ сыномъ, находившимся, очевидно, въ близкихъ отношеніяхъ съ козаками, призвавъ нѣсколько сотъ козаковъ, ограбилъ Хворощанское имѣніе Козаровскихъ, съ которыми, видимо, имѣлъ какую-то тяжбу ²⁾, и т. п. Экскурсіи предпринимались и въ болѣе отдаленныя мѣстности. Напр. весною 1590 г. козацкія ватаги подъ предводительствомъ нѣсколькихъ атамановъ (Якуба Осовскаго, Андрея Рогачевскаго, эсаула Федора Полоуса у др.) прошли въ Быховскую волость Ходкевичей, отъ имени своего гетмана Войтѣха Чановицкаго „розказуючи собѣ податокъ незвычайный грошовый и незмѣрную и незвычайную стацію, такъ тежъ салетру, оловъ и сѣрни колько тысячъ фунтовъ на козаки складати“, и силою забирали скотъ, припасы и всякую вещь у мѣстнаго населенія, причиняя ему разныя насилія и притѣсенія и т. п. ³⁾.

Навербованное въ 1583 г. козацкое войско весьма быстро распалось, сообщивъ козацкой массѣ лишь свои претензіи на разныя права и привилегіи, начиная судебна-административнымъ иммунитетомъ и кончая претензіями на „приставства“—квартиры и содержаніе. Когда на конвокаціонный сеймъ въ началѣ 1587 г. пріѣхалъ Оришовскій со своими требованіями, касающимися невыплаченнаго жалованья и вознагражденія за службу—свою личную или козаковъ вообще, этого дпевника не поясяетъ (зато упоминаетъ, что Оришовскій былъ одѣтъ по грески и во время чтенія его петиціи сѣлъ на зієші по турески)⁴⁾—въ связи съ этимъ вѣроятно былъ поднятъ вопросъ о реестровомъ

¹⁾ Архивъ Ю. З. Рос. III. I № 8 (дата 1587 г. ошибочна, ср. с. 19 и индексъ авторской книги № 6 с. 33).

²⁾ Архивъ Ю. З. Р. III. I № 9, ср. мои Матеріалы до історії козацкихъ рухів 1590-х рр. № 12.

³⁾ Археограф. сб. I № 61.

⁴⁾ Dyaryusze z 1587 г. с. 33.

козачествѣ. Содержанія дебаты, къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно, мы имѣемъ лишь короткое упоминаніе, что вновь рѣшено было взять козаковъ на службу, а старшимъ надъ ними назначить снова Оришовскаго ¹⁾. Что касается размѣровъ контингента, то имѣется извѣстіе, точности котораго, къ сожалѣнію, неможемъ подтвердить—что въ 1588 г. на службѣ было 966 козаковъ ²⁾. Въ знаменитой Бичинской битвѣ того же года, рѣшившей борьбу за польскую корону между Сигизмундомъ и Максимилианомъ австрійскимъ, принимали участіе и козаки, въ главѣ съ Оришовскимъ и другими вождями (Голубкомъ между прочимъ) ³⁾. Но существованіе постоянного козацкаго полка такихъ размѣровъ во все это время (1587—90) остается сомнительнымъ. Судя по тому, что на сеймѣ 1590 г. вновь идутъ дебаты о сформированіи новаго козацкаго войска, скорѣе нужно думать, что обычная причина—неплатежъ денегъ—скоро привела къ разложенію и козацкій полкъ, набранный въ 1587 г., и все козачество безъ различія было захвачено походами на турецкія владѣнія послѣдовавшими въ концѣ 1580-хъ годовъ.

Сеймъ, созванный весной 1590 г. находился подъ впечатлѣніемъ грозныхъ вѣстей, привезенныхъ изъ Турціи: Порта требуетъ отъ Польши ежегодной дани, иначе грозитъ новымъ походомъ, который кончится насильственнымъ обращеніемъ Поляковъ въ религію Магомета. На польскихъ пословъ въ Царьградѣ визирь кричалъ какъ на какихъ нибудь проходимцевъ: „есть ли у васъ разумъ, опомнитесь! кто когда противился мнѣ? Персъ боится меня, Венеція дрожитъ, Итальянецъ умоляетъ о пощадѣ, Нѣмецъ принужденъ дать то, что скажу! Двину на васъ всѣ татарскія орды, Волоховъ и Молдаванъ, пашу силистрійскаго, будинскаго, темешварскаго, беглербега силистрійскаго съ двумястами тысячъ коней! Свѣтъ дрожитъ передо мною!“ Такъ рассказывали на сеймѣ, и гетманъ Замойскій на волѣняхъ просилъ палату подумать серьезно объ этомъ, такъ какъ опасность, дѣйствительно, грозитъ серьезная. И сеймъ относился къ этому во-

¹⁾ Ibid. с. 37.

²⁾ Górski Historia piechoty с. 35—цитата на с. 243; относящаяся къ этому мѣсту, совсѣмъ невразумительна.

³⁾ Бѣльскій с. 1606—7.

просу со всей серьезностью, признавая, что на карту поставлено самое существование Польши и ей грозитъ возможность завоеванія постигшаго не за долго передъ тѣмъ Венгрію. Считали необходимымъ собрать всё силы противъ страшнаго врага¹⁾.

Въ такой обстановкѣ и такомъ настроеніи обсуждался козацкій вопросъ. Съ одной стороны на головы козаковъ падали громы, въ виду того что именно они задѣли Турокъ и навлекли всю эту грозу на Польшу, или, по крайней мѣрѣ, ускорили катастрофу; съ другой стороны—польскіе политики, оцѣнивая участіе козаковъ въ проплогодной кампаніи противъ Татаръ, принуждены были цѣнить ихъ какъ хорошее, дешовое и въ каждую минуту готовое войско для предстоящей войны съ Турціей. Тяжело приходилось съ козаками, по обойтись безъ нихъ тоже было трудно. Современникъ Бѣльскій передаетъ намъ отголоски тогдашнихъ споровъ о козачествѣ. Вспоминали, что и Баторій задумывался надъ полнымъ уничтоженіемъ козаковъ, но низовые козаки начали тогда убѣгать въ московскіе края, на Дюпъ, и это заставило его задуматься: въ такомъ случаѣ козаки стали бы еще опаснѣе для Польши, и вѣроятно это соображеніе заставило Баторія оставить ихъ въ покоѣ. Въ концѣ концовъ всё дебаты сходились на томъ, что безъ козаковъ все таки было бы еще хуже—Украина была бы еще болѣе беззащитною ввиду Татаръ и Турокъ. „Нужно, чтобъ они были, но держать ихъ въ порядкѣ“—таковъ былъ результатъ этихъ дебатовъ за и противъ. „Еслибы Украина была въ рукахъ Нѣмцевъ либо Венеціанъ,—не были бы они такими нерадивыми, какъ мы“, признавали польскіе культуртрегеры. Нужно бы покрыть Украину сѣтью оборонительныхъ замковъ, расположить козаковъ въ пограничной полосѣ, куда вторгаются Татары—но нужно имъ платить²⁾.

Этимъ соображеніемъ вполне соответствуютъ постановленіямъ, принятымъ на сеймѣ 1590 г.—„порядокъ относительно Низовцевъ и Украины“, какъ они сглажены въ сеймовыхъ конституціяхъ,—но они только развиваютъ тѣ рѣшенія и мѣры, которыя польскимъ правительствомъ принимались за предшествующіе двадцать

¹⁾ Бѣльскій с. 1629—1633, ср. универсалъ о налогахъ въ Volum. legum II с. 319.

²⁾ Бѣльскій с. 1358—1361.

лѣтъ¹⁾, лишь сообразно съ ростомъ и упроченіемъ козачества за послѣднее время они предпринимаются теперь въ болѣе значительномъ масштабѣ, по крайней мѣрѣ—въ сферѣ потенциальной, или иначе говоря—на бумагѣ.

Пусть козачество существуетъ—но его необходимо дисциплинировать, привести въ послушаніе правительству—такова руководящая мысль постановленій. Какъ только минуетъ турецкая гроза и можно будетъ завѣсть козацкимъ вопросомъ, гетманъ коронный или его замѣститель отправится съ короннымъ войскомъ на Низъ, на Запорожье и займется организаціей тамошняго козачества. Людей своевольныхъ нужно оттуда вывести, выгнать и расположить тамъ милицію, набранную изъ козаковъ; начальниковъ назначить изъ шляхтичей: ротмистровъ (полковниковъ) и сотниковъ; всѣхъ этихъ козаковъ вписать въ реестръ и привести къ присягѣ въ послушаніи королю и рѣчи посполитой, въ томъ что безъ разрѣшенія короннаго гетмана или его уполномоченнаго они не будутъ переходить границы, тѣмъ болѣе—не будутъ нападать на сосѣднія государства, не будутъ грабить купцовъ или другихъ проѣзжихъ, никого не будутъ принимать въ свою среду безъ разрѣшенія своего начальства или гетмана и обо всякомъ измѣненіи въ составѣ своей милиціи—если кто-нибудь уйдетъ и на его мѣсто вступитъ другой, будутъ доносить гетману, чтобы послѣдній зналъ поименно все реестровое козачество; людей же, приговоренныхъ судомъ къ лишенію жизни либо чести, козаки не должны къ себѣ принимать ни въ какомъ случаѣ.

Коронному гетману предоставляются широкія полномочія въ видахъ поддержанія порядка и дисциплины среди этого козачества. Въ качествѣ помощниковъ онъ будетъ имѣть двухъ назначенныхъ сеймомъ комиссаровъ (dozorczy), изъ которыхъ каждый въ своемъ округѣ будетъ слѣдить за реестровыми козаками и нерестровыми своевольными людьми, живущими по городамъ и селамъ, и если замѣтитъ какой-либо безпорядокъ въ реестровомъ войскѣ, долженъ сообщить коронному гетману, а если безпорядки будутъ имѣть мѣсто въ городахъ или селахъ—дать знать мѣстнымъ старостамъ и владѣльцамъ; еслибы эти ста-

¹⁾ Ср. лаконическое содержаніе постановленій сейма 1587 г.: Kozacy niżowi tez by bronili przerprawienia i dawali by nam znać o nierzeczyścielcu, Dyaryusz e. 37.

росты и владельцы не обратили на это вниманія и не привлекли къ своему суду своевольныхъ людей—нужно обжаловать ихъ въ трибуналь и судить въ очереди.

Чтобъ задавить украинское своевольство, необходимо всю украинскую администрацію, до сельскихъ войтовъ и атамановъ включительно, обязать подъ присягою слѣдить за тѣмъ, чтобъ никто изъ ихъ сель и городовъ не смѣлъ уходить на Низъ, въ степи, а тѣмъ болѣе, въ сосѣднія государства и чтобы изъ степей, съ Низу никого не принимали за исключеніемъ тѣхъ, кто предъявить паспортъ отъ своего сотника (изъ реестроваго войска)—за исключеніемъ ихъ никому не продавать ни провизіи, ни пороху, ни иныхъ какихъ-либо припасовъ, не покупать у нихъ добычи, наоборотъ — пришедшихъ съ добычею арестовать и наказывать. А еслибъ ктонибудь изъ агентовъ администраціи или войтовъ за этимъ не слѣдилъ, карать ихъ смертию. Шляхта, помѣщики, старосты, которые бы безъ воли короннаго гетмана ходили въ степи, а тѣмъ болѣе—нападали на сосѣднія государства, также тѣ, въ имѣніяхъ которыхъ нашлась какая-либо добыча отъ такихъ своевольныхъ походовъ—будутъ судимы какъ бунтовщики¹⁾.

Плану этому нельзя отказать въ логичности, даже въ цѣлесообразности, еслибы была возможность его осуществить. Но въ практическія подробности, которыя обезпечили бы проведеніе этой реформы, сеймовый законъ совершенно не входитъ. Онъ вовсе не задумывается надъ тѣмъ, на какія средства будетъ содержаться эта козацкая милиція на Низу, на выясняетъ даже ея размѣровъ. Въ то время, какъ Бѣльскій въ своихъ выводахъ особенно подчеркиваетъ то обстоятельство, что козакамъ необходимо платить, — постановленіе сейма напираетъ на необходимость привести ихъ къ присягѣ, переписать, имѣть на бумагѣ всѣ перемѣны реестра: вмѣсто созданія реальныхъ средствъ—формалистика. Сеймъ набрасываетъ грандіозный планъ, но не снисходитъ до подробностей его проведенія, въ особенности не хочетъ входить въ обсужденіе вопросовъ, которые заставили бы обратиться къ шляхетскому карману или ограничить шляхетскія привилегіи дискреціонною властью правительства. Но безъ этого всѣ планы оставались зданіями построенными на пескѣ. Какъ поддерживать эту козацкую организацію, еслибъ даже удалось ее осуществить? какимъ обра-

¹⁾ Volum. legum II с. 310.

зомъ предостератить ея размещеніе, постигшее всё предшествующія организации? Какими мѣрами заставить пограничную администрацію и население проводить эти драконовскія правила о закрытіи степной пограничной полосы въ дѣйствительности? Какимъ способомъ сообщить имъ силу надъ своевольнымъ пограничнымъ военнымъ людомъ, давно уже успѣвшимъ сдѣлаться настоящимъ хозяиномъ этого края? Какъ принудить пограничную шляхту отказаться отъ пограничнаго военного спорта и слѣдить за своими подданными, чтобы они имъ не занимались? Какія, опять таки, предоставить ей для этого силы и средства? Очевидно, для всего этого было необходимо прежде всего сильное войско, сильная власть, огромныя средства, но ничего подобнаго шляхта не хотѣла дать правительству, а безъ этого весь законъ оставался пустою шляхетскою фанфаронадою.

Онъ былъ принятъ для будущаго, болѣе спокойнаго времени и собственно въ жизнь не вошелъ никогда и представляетъ интересъ лишь, какъ наиболее полное выраженіе руководящихъ мотивовъ польской шляхетской и государственной политики по отношенію къ козачеству, повторяющихся въ постановленіяхъ и болѣе раннихъ и позднѣйшихъ.

Изложивъ свои пожеланія для будущаго, сеймъ въ настоящемъ, въ виду опасности со стороны Турціи, поручилъ правительству, или коронному гетману взять „какъ можно больше“ низовыхъ и допскихъ козаковъ на военную службу, другими словами—мобилизовать все пограничное своевольное население,—чтобы потомъ снова задавить его проектированными репрессіями. Высчитывали, что можно было собрать до 20 тыс. козаковъ; по раясказамъ современника, былъ выработанъ планъ мобилизаціи военныхъ силъ, общая численность которыхъ въ круглыхъ цифрахъ опредѣлялась въ 110 тысячъ, составленъ списокъ и намѣчены начальники этихъ войскъ¹⁾. Но польскіе финансы не позволили осуществить такой грандіозной программы: даже чрезвычайное обложеніе было принято шляхтою лишь на случай, еслибъ дѣйствительно началась война. Изъ записей казначейства явствуетъ, что въ дѣйствительности на службу, и то на очень короткій срокъ, была взята тысяча козаковъ съ высшимъ содержаниемъ, по 12 зл. на кварталъ—должно быть конныхъ, и двѣ тысячи по 5 зл.—вѣроятно пѣшихъ²⁾.

¹⁾ Бѣльскій с. 1644.

²⁾ Górkі op. s. s. 243.

Чтобы расположить козаковъ къ государственной службѣ и содѣйствию правительству въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ были розданы жалованныя грамоты—пожалованія и подтвержденія имѣній разнымъ козацкимъ вождямъ, и должно быть всему козачеству вообще. Такъ Кристофъ Косинскій, уже тогда игравшій роль одного изъ главнѣйшихъ предводителей козачества, получилъ грамоту на пустынь Рокитну на р. Роси; другой старшина—Войтѣхъ Чановицкій—на Боршполь съ селищемъ Иванковскимъ за Днѣпромъ, третій—по имени неизвѣстный—городище Володарекое съ поселкомъ Розволожскимъ на Роси, четвертый—Горошинъ и Снепородъ за Днѣпромъ. За козаками вообще было подтверждено владѣніе Терехтемировымъ и ихъ прежнія права и вольности¹⁾.

¹⁾ Къ такому выводу приводитъ сопоставленіе рѣшеній сейма 1590 г. съ другими документами, упоминающими о разныхъ пожалованіяхъ „особамъ козацкимъ“ въ этомъ году. Конституція 1590 г. безъ видимой связи съ козацкимъ вопросомъ (потому ея настоящее значеніе оставалось неяснымъ) позволяетъ королю своею властью раздавать свободныя земли „на пограничьи за Бѣлою Церковью“ заслуженнымъ „особамъ шляхетскимъ“, и ниже пожалованія перечисляются именно: монастырь Терехтемировскій, Боршполь съ Иванковымъ, Володарка съ Розволожьемъ, Рокитина, Горошинъ и Снепородъ (Vol. legum II с. 318). Изъ грамоты короля, выданной позже Жолкевскому, узнаемъ, что Боршполь, Володарка и Рокитна были даны „тремъ особамъ козацкимъ“ (въ моихъ Матеріалахъ до исторіи козацкихъ рухів 1590-х рр. № 13). Изъ другихъ документовъ извѣстно, что Боршполь получилъ въ 1590 г. Войтѣхъ Чановицкій, „гетманъ козаковъ запорожскихъ“ (см. Стороженка Очерки переяславской старины, с. 197, о Чановицкомъ ср. мои „Матеріалы“ с. 4, Археографическій сборникъ I с. 61 и Архивъ Ю. З. Р. III. I № 10). Рокитну въ томъ же году получилъ Кристофъ Косинскій—см. люстрацію 1765 г., Архивъ Ю. З. Р. VII т. III с. 127. Соображая все это убѣждаемся, что указанная конституція несмотря на свой общій характеръ, имѣла въ виду пожалованіе имѣній специально козакамъ (изъ пяти названныхъ имѣній четыре, считая и Терехтемировъ, несомнѣнно козацкія, и по аналогіи нужно думать, что и Горошинъ былъ пожалованъ, или предназначался какому-то козацкому предводителю). Король получилъ отъ сейма полномочіе надѣлать имѣніями виднѣйшихъ козацкихъ вождей и—подтвердить за козаками Терехтемировскій монастырь, пожалованный имъ Баторіемъ безъ согласія сейма. А подтвержденіе Терехтемирова трудно представить себѣ иначе, какъ составную часть общаго подтвержденія за козаками правъ и привилегій, признанныхъ за ними предшественными королями. Изъ

Но турецкая гроза и на этотъ разъ миновала. Замоискій, посланный въ Константинополь, благодаря посредничеству и помощи англійскаго посла, успѣлъ задобрить султана и склонить его къ соглашенію: Польша должна была возмѣстить Туркамъ убытки, причиненные козаками въ послѣднія нападенія и вывести „украинскихъ людей съ Низу всѣхъ“. Эти условія были приняты¹⁾. Король видѣлъ себя вынужденнымъ отступить отъ принципа, принятаго Баторіемъ, что польское правительство за козаковъ не отвѣчаетъ. Но такъ какъ до войны не дошло, а чрезвычайные налоги допущены были лишь условно, то польское правительство вновь очутилось передъ болѣе, чѣмъ трудной, задачей: съ пустой казной, опустошенной контрибуціями Туркамъ и Татарамъ, думать надъ исполненіемъ другого турецкаго требованія—очищенія черноморскихъ степей отъ козаковъ и осуществленія всѣхъ репрессій и реформъ, порученныхъ ему сеймомъ 1590 г.²⁾

Чрезвычайные козацкіе контингенты были уменьшены до тысячи человекъ пѣхоты: двухъ полковъ по 500 человекъ; съ платою по 5 зол. за четверть года; служба и жалованье назначены имъ съ 18/X 1590 г.³⁾ Задачи этого войска указаны при возобновленіи службы въ 1591 г.: „укрощеніе украиннаго своевольства и поддержаніе мира съ сосѣдними государствами“. Высшее наблюденіе надъ этимъ козацкимъ войскомъ было поручено Николаю Язловецкому, святинскому старостѣ; на ряду съ нимъ въ роли комиссара по казацкимъ дѣламъ выступаетъ Якубъ Претвичъ, староста теребовельскій (сынъ славнаго Верната); непосредственнымъ начальникомъ козаковъ является все тотъ же Оришовскій. Такъ оно должно было быть и при первоначальномъ принятіи въ службу козацкаго корпуса—осенью 1590 г.

Войско было набрано, обязанности начальства надъ нимъ раздѣлены, и дѣло стало снова за небольшимъ: все за той же платой. Четверть проходила за четвертью, а денегъ козакамъ не платили. Казна была пуста, польскимъ солдатамъ жалованье тоже не было заплачено, и они собирали себѣ контрибуціи, гдѣ пона-

этихъ пожалованій въ полномъ текстѣ имѣемъ грамоту Чаковичеву; интересно, что и въ ней, какъ и въ конституціи, говорится о его заслугахъ вообще, безъ указанія на роль среди козачества.

¹⁾ Королевское предложеніе на сеймѣ 1592 г.—Жерела VIII № 48, (*Dyaryusze sejnowe z r. 1591—2* с. 88—9); Вѣльскій с. 1645—51.

²⁾ Ibid. *Volunt legum* II с. 332.

³⁾ Докум. львов. краеваго архива; Архивъ Ю. З. Р. III, I ч. II.

ло. Козаки также считали себя въ правѣ промышлять всякими способами. Весною 1591 года они собирались идти на Молдавію съ какимъ то претендентомъ—„потомкомъ Ивони“. Вѣсти объ этомъ переполошили правительство, снова увидѣвшее передъ собою, послѣ всѣхъ пережитыхъ тревогъ, перспективу новаго разрыва съ Турціею. Король поручилъ Язловецкому во чтобы то ни стало удержать козаковъ. Язловецкій всевозможными обѣщаніями успѣлъ отклонить козаковъ отъ этого плана: они выдали претендента, а правительство посѣшило отослать его въ заключеніе въ Маріенбургъ ¹⁾). Къ сожалѣнію не извѣстно, что именно обѣщано при этомъ козакамъ. Обѣщали имъ тотчасъ выдать жалованье— „на св. Ивана“ (24/VI), но этимъ обѣщанія должно быть не ограничились. Между тѣмъ и жалованья не было. Лишь въ сентябрѣ Претвичъ раздобылъ денегъ для уплаты ²⁾). Тѣмъ временемъ служба козаковъ была возобновлена. Отъ 25/VII имѣемъ королевскія грамоты, выданныя на основѣ совѣщанія короля съ сенаторами: они продолжаютъ службу козаковъ на неопредѣленное время и устанавливаютъ „ординацію“ для этого козацкаго войска.

По прежнему оно должно состоять изъ тысячи козаковъ—людей опытныхъ и способныхъ къ военной службѣ, подъ предводительствомъ Оришовскаго и общимъ наблюденіемъ Язловецкаго. Козаки вновь приняты, не принесшіе еще присяги, должны присягнуть передъ королевскими комиссарами, что они будутъ повиноваться королю и своему начальству—старшему, т. е. Язловецкому, и „поручнику“ его—Оришовскому, и охранять миръ съ сосѣднимъ государствами: сами не будутъ нападать на нихъ и никому другому не позволять. Оришовскій обязанъ доносить о каждомъ шагѣ непріятеля и о всякомъ своеволіи украинскихъ людей; противъ непріятеля долженъ выступить со всѣмъ своимъ войскомъ. Принимать въ свое войско новыхъ лицъ онъ не можетъ безъ вѣдома „старшаго“. Чтобъ это войско исправно отправляло свою сторожевую службу, а главное—чтобъ оно не было въ тягость пограничнымъ старостамъ, ихъ имѣніямъ и населенію, Оришовскій долженъ держать свое войско за границами

¹⁾ Бѣльскій с. 1654, королевское предложеніе на сеймѣ 1592 г. (Л. с.)—тутъ поясненіе: *bunt ten ich stad sie był zawział isz tym, którzy przeszłego seymu na służbę rzeczypospolitey przyędzi y na pewnym żołdzie postanowieni, aby inszym pola bronili, zapłata na czas pewny bela zatrzymana.* ²⁾ Львов. краевый архивъ.

осѣдлыхъ поселеній: или на ур. Кременчугѣ, или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ въ степи (но все таки на Днѣпрѣ же, очевидно); тамъ долженъ быть построенъ замокъ ¹⁾). Старостамъ и державцамъ волостей въ бассейнѣ верхняго Днѣпра отданъ наказъ сплавать по Днѣпру лѣсъ для этой постройки, можетъ быть и работниковъ, какъ это практиковалось съ давнихъ временъ при постройкѣ днѣпровскихъ замковъ, и такимъ образомъ долженъ быть строиться этотъ новый замокъ. На содержаніе козацкаго войска старосты и державцы королевскихъ имѣній (юго-восточной Украины, очевидно), должны дать по мѣрѣ муки съ каждаго тяглаго крестьянскаго хозяйства и отправлять ее на мѣсто—на крестьянскихъ подводахъ, очевидно. Зато козаки уже не имѣютъ права ни на какія „лежи“—квартиры, и на содержаніе „на волости“, какъ называли тогда заселенныя части Украины: на будущее время они не должны брать живности въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, ни причинять имъ какой-либо ущербъ, и за каждый совершенный проступокъ „старшій или поручикъ“ должны судить виновныхъ. Но кромѣ старшаго и его поручика никто не можетъ претендовать ни на какую власть или юрисдикцію надъ козаками ²⁾).

„Ординація“ эта, какъ видимъ, осуществляла, хотя и въ уменьшенномъ масштабѣ, сеймовую программу 1590 г.: козацкое войско, въ количествѣ тысячи человекъ, выводилось на Нѣзъ и тамъ должно было охранять спокойствіе и порядокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ украинскія имѣнія должны были освободиться отъ козацкихъ „лежи“ и „приставствъ“, на которыя признавало за ними право, какъ видимъ, само правительство, между тѣмъ эти „лежи“ становились очень обременительными, особенно когда козаки не получали своего жалованья. Одновременно, какъ мы видимъ, подтверждался козацкій иммунитетъ.

¹⁾ Стороженко въ своей работѣ о реформѣ Баторія высказалъ мысль, что замокъ долженъ былъ быть построенъ въ Кременчугѣ не днѣпровскомъ (гдѣ теперь городъ Кременчугъ), а днѣстровскомъ и въ этомъ смыслѣ исправляетъ королевскую грамоту, объясняя этимъ фактъ, что начальникомъ надъ козаками былъ поставленъ снятинскій староста Язловецкій (с. 261). Но сопоставленіе грамоты 1591 г., гдѣ говорится о сплавлѣ лѣса для постройки замка изъ верхнихъ волостей, и рассказъ Бѣльскаго (с. 1360) не оставляютъ сомнѣнія, что рѣчь идетъ о Кременчугѣ днѣпровскомъ.

²⁾ Wszakże też nikt nad tymi ludźmi nie będzie miał zwierzchności y z nich sprawiedliwości nie ma czynić; tylko przelożony albo jego porucznik. Архивъ Ю. З. Р. III, I № 11.

Козачество приняло къ свѣдѣнію подтвержденіе своихъ правъ и привилегій, но выполнить возложенныя на него обязанности не считало для себя обязательнымъ, такъ какъ денегъ не получало, осуществленія обѣщанныхъ королемъ реформъ не видѣло и даже при всемъ желаніи съ тою силой, какую правительство давало въ руки своей коронной администраціи—тысячею реестрового козачества, эта администрація не была въ состояніи что-нибудь предпринять противъ массы украинскаго своевольнаго козачества, остававшагося внѣ реестра.

Замокъ въ Кременчугѣ построенъ не былъ; посылать провіантъ козакамъ никто не спѣшилъ, и на Нивъ опи, очевидно, не были выведены — невозможно было ими распорядиться, разъ не платилось имъ положенное жалованье. Съ октября 1590 г. оно оставалось не выплаченнымъ, и никакъ нельзя было роздобыть этихъ 15 тыс. золотыхъ, слѣдуемыхъ козакамъ. А это въ свою очередь служило поводомъ для различныхъ своевольствъ, контрибуцій съ имѣній и всего того, что позволяло себѣ въ то время и регулярное польское войско, завязавшее конфедерацію въ виду неуплаты жалованія¹⁾. И вопросъ о козацкихъ лежахъ и контрибуціяхъ становится одною изъ главныхъ причинъ конфликтовъ съ козаками, возникающихъ вслѣдъ за этимъ — начиная войной козаковъ, подъ начальствомъ Косинскаго, съ пограничными магнатами и кончая погромами 1595-6-хъ годовъ.

¹⁾ Z żołnierzami piekła było dosyć, записываетъ Бѣльскій, с. 1659.

IV.

Первыя козацкія войны.

Столкновеніе Косинскаго съ Острожскими и войны 1592 — 3 гг. Сношенія иностранныхъ государствъ съ козаками и ихъ участіе въ войнахъ съ Турками. Козацкіе походы и движенія 1595—6 гг. Сеймовыя репрессіи и реабилитація козачества.

Рядъ конфликтовъ козаковъ съ пограничною администраціею и магнатами, закончившійся грознымъ финаломъ—войною 1596 г., предпринятою уже самымъ центральнымъ правительствомъ съ цѣлью полного уничтоженія козачества, открывается столкновеніемъ козацкаго вождя Криштофа Косинскаго съ кн. Острожскими. Само по себѣ это столкновеніе было аналогично съ тѣми инцидентами, о которыхъ рассказываютъ намъ довольно часто судебныя книги того времени¹⁾, только на этотъ разъ въ игру входили такіе „киты“ украинскаго магнатства, какъ кіевскій воевода и его сынъ, краковскій каштелянъ, и заинтересованнымъ козацкимъ вождямъ приходилось пустить въ ходъ козацкія силы въ болѣе крупныхъ размѣрахъ, чтобы помѣряться съ ними. Косинскій это сумѣлъ сдѣлать,—благодаря тому его ссора съ Острожскими выросла до крупнаго событія и къ ней начали присоединяться все новыя и новыя инциденты, разстраивая все болѣе и болѣе отношенія козачества къ пограничнымъ магнатамъ и администраціи, которую представляли эти магнаты, и приготавливая борьбу съ ней по всей линіи.

Первоначально инцидентъ съ Косинскимъ не произвелъ на современниковъ особеннаго впечатлѣнія: его считали мелкою стычкою кн. Острожскихъ съ козацкимъ вождемъ, не имѣющей принципиальнаго значенія, и шефы польскаго войска—коронный гетманъ Замоискій и польный Жолковскій готовы были обвинять стараго князя, что онъ, вмѣсто того, чтобы уладить эту ссору, до-

¹⁾ Ср. выше с. 171.

вели ее до размѣровъ настоящей войны¹⁾. Участники этой войны смѣлились придать ей какъ можно больше значенія, но въ болѣе широкихъ кругахъ такого значенія ей не придавали и только послѣ грозныхъ движеній 1594—6 гг. стали смотрѣть на эпизодъ Косинскаго, какъ на прелюдію этихъ движеній²⁾. А еще позже—когда утратилась дѣйствительная перспектива этихъ событій—въ украинскихъ кругахъ XVII—XVIII вв. эпизодъ этотъ сталъ представляться прологомъ великой національной борьбы украинскаго народа подъ традиціоннымъ знаменіемъ благочестивой вѣры. У Грабянки уже читаемъ разсказъ о томъ, какъ въ тотъ моментъ, когда украинскіе епископы рѣшили подчиниться папѣ, и „благочестивіи синове“ отреклись отъ этихъ „наемниковъ, а не истинныхъ пастырей“, — „разжегся ревностію благочестія Косинскій на Ляховъ зъ войскомъ запорожскимъ приѣде и много замковъ повоєва и Ляховъ побѣ, но въ року 1594 подъ Пяткою отъ Ляховъ пораженъ былъ³⁾. А неистощимый въ фантазіяхъ авторъ „Исторіи Руссовъ“, не удовлетворенный этой сухой замѣткой, счелъ долгомъ пояснить, что Косинскій, „яко намѣстникъ королевскій и министръ правленія“ протестовалъ противъ епископскихъ постановленій, и тогда послѣдніе умышленно завлекли его на брестскій соборъ, осудили какъ „апостата“ на смерть, „и замуравани въ одномъ клинторѣ въ столпъ каменный, уморили голодомъ“—„и такъ гетманъ Косинскій за ревность свою къ благочестію и спокойствію народному учинился первою жертвою уни“. Козаковъ, двинувшихся освободить его, Поляки встрѣтили подъ Пяткою,—козакъ разбили ихъ, но приѣдя, не застали уже Косинскаго въ живыхъ⁴⁾.

Такова была эта исторія, широко распространенная въ учебникахъ и популярныхъ книжкахъ, жалостью и гнѣвомъ наполнившая сердца читателей. Но теперь мы знаемъ совершенно опредѣленно, что „возстаніе Косинскаго“ было въ исходномъ моментѣ своемъ ничѣмъ инымъ, какъ ссорой козацкаго ватажка, быть можетъ даже и не Украинца и не православнаго, съ тогдашнимъ столпомъ православія и украинства, Конст. Острожскимъ, и вызвана она была

¹⁾ Listy Zółkiewskiego с. 22—3, см. ниже.

²⁾ См. у Вѣльскаго с. 1689.

³⁾ Грабянка с. 24, ср. Краткое описаніе (при Самовидцѣ) с. 215. ⁴⁾ Исторія Руссовъ с. 34.

самыми несприципальными причинами — корыстолюбием бѣлоцерковскихъ агентовъ его сына, кн. Януша Острожскаго¹⁾).

¹⁾ Козацкія движенія XVI в. издавна привлекали къ себѣ вниманіе исследователей и разработаны по сравненію съ другими частями исторіи козачества довольно обстоятельно. Кромѣ болѣе старыхъ трудовъ есть нѣсколько новѣйшихъ работъ, довольно полно использовавшихъ источники. Но благодаря хаотичности самихъ движеній и отрывочности большей части извѣстій въ нихъ все-таки остается много невыясненнаго въ связи и порядкѣ событій и даже въ хронологіи ихъ.

Кромѣ общихъ курсовъ исторіи козачества, перечисленныхъ выше, ими занимались польскіе труды, посвященные времени Сигизмунда III. Минусъ старые историческіе труды, изъ XIX в. назовемъ: Niemcewicz Dzieje panowania Zygmuntа III, 1819 (новое изданіе Туровскаго 1860); Siarczyński Obraz wieku panowania Zygmuntа III, 1828. Болѣе спеціальныя работы: A. Bielowski Zoboda i Nalewajko (Głos львовскій 1864 и варшавскій Tygodnik ilustrowany 1861, т. IV). Костомаровъ Острые изъ исторіи южно-русскаго козачества до Богдана Хмельницкаго (Библиотека для чтенія, 1865) — это переработка труда О причинахъ и характерѣ уніи въ Западнѣй Россіи, 1842, уничтоженнаго администраціей (подъ назв. Южная Русь въ концѣ XVI в. онъ выпелъ въ III т. его Монографій). Разказы I. Ролле (Antoni j.): Semen Nalewajko, opowiadanie z końca XVI w. (Przewodnik nauk i liter. 1879, затѣмъ въ Opowiadania historyczne, 1887, VI), Ks. Baryli Ostrogski i jego zatarg z Kosińskim (ibid. т. VI), Na posterunku (ataman Zaporożców Koszko w XVI i XVII w.) (Szkiecy i opowiad. V, 1887). Кори. Задлинскій Зношенія цѣсаря Рудольфа II съ козаками и ихъ участь въ р. 1594 и 1595 (Справозданне гимназіи академичной, 1882). И. Новицкій Бвнзья Ружинскіе (К. Ст. 1882, VI) — здѣсь о кн. Киркѣ. Ф. Николайчикъ Первыя козацкія движенія въ Рѣчи Посполитой (Кіев. Стар. 1884, III и IV). А. Стороженко Кіевъ триста лѣтъ назадъ (К. Стар. 1894, II) — о Верещинскомъ и его дѣятельности въ Кіевѣ; тамъ же), 1895, III) подѣ назв. Старинный проектъ заселенія Украины отъ издаваемаго рѣдкую брошюру Верещинскаго: Droga pewna do przedszego y snadnieyszego osadzenia w Ruskich krainach pustyń, 1590 г. (В. Антоновичъ). Къ исторіи возстанія Наливайка (К. Стар. 1896, X, документъ отъ 1595 г. съ комментариемъ). Е. Барвінскій Причинки до исторіи зношен цѣсаря Рудольфа II і папи Климентія VIII з козаками р. 1593 і 1594 (Записки Наук. тов. Шевченка X, 1896). Вас. Доманицкій Причинки до исторіи повстанія Наливайка (Записки т. XI) и болѣе обширный трудъ: Козачина на переході XVI—XVII в. (1591—1602) (ibid. т. 60—64 и отдѣльно 1905).

Изъ источниковъ, кромѣ хронистовъ той эпохи (изъ нихъ особенно дѣльны Бѣльскій и Гейденштейнъ — хроникой послѣдняго на-

Личность самого Криштофа Косинскаго весьма мало намъ известна. Современники говорятъ, что онъ былъ родомъ изъ Подляшья¹⁾; вѣроятно, онъ былъ шляхтичемъ²⁾. Народность и религія его неизвѣстны; изъ того факта, что на своей капитуляціи онъ подписался по-польски³⁾, разумѣется, нельзя дѣлать никакихъ выводовъ: нѣсколько лицъ точно извѣстныхъ въ качествѣ представителей украинской народности, подписались здѣсь тоже по-польски. Въ 1586 г. встрѣчаемъ Косинскаго въ козацкомъ войскѣ: въ своемъ письмѣ, писанномъ въ маѣ 1586 г. Богданъ Микопинскій упоминаетъ о вѣстяхъ, привезенныхъ сторожами изъ-подъ Тавани „отъ Криштофа“; обыкновенно предполагается, что здѣсь рѣчь идетъ о Косинскомъ, и это вполне вѣроятно. Во всякомъ случаѣ въ то время Косинскій долженъ былъ занимать видное положеніе въ козацкомъ войскѣ, такъ какъ въ 1590 г. вмѣстѣ съ другими выдающимися козацкими вождями „шляхетскаго званія“⁴⁾, онъ получилъ отъ короля пожалованье. Косинскому

правно пользуются вмѣсто оригинала въ очень свободномъ польскомъ переводѣ Глищинскаго, Спб. 1857) выдающееся значеніе имѣютъ еще: дневникъ Лассоты (Tagebuch des Erich Lassota von Steblan, herausgegeben von K. Schottin, Halle, переводъ въ Мемуарахъ относ. къ исторіи Южной Руси, пер. К. Мельникъ, 1890); письмо—реляція Наливайка къ королю, изд. въ Zbiór pamietników wyd. Broci-Plater, II; корреспонденція Жолкевскаго (собственно Замойскаго) изд. вн. Любомирскимъ подъ назв. Listy Stan. Żółkiewskiego, 1868 (изданіе не особенно удачное, слѣдуетъ надѣяться на лучшее въ новомъ кодексѣ писемъ Замойскаго—Archiwum Jana Zamojskiego, но до сихъ поръ онъ до этихъ годовъ не дошелъ. Коллекцію документовъ изъ такъ наз. „Русской Метрики“ издалъ я подъ загл. Матеріалы до исторіи козацкихъ руків 1595—6 рр. (Записки т. XXXI). Нѣсколько писемъ тѣхъ же годовъ издалъ А. Стороженко въ XIX т. киевскихъ Чтеній подъ назв. Изъ переписки Запорожья XVI в. съ польскими вельможами. Наконецъ нѣсколько важныхъ документовъ принесъ VIII т. Жерель.

¹⁾ Вѣльскій с. 1689, тоже въ реляціи Пясочинскаго—у Кулиша Ист. возрод. II с. 176; у Костомарова вмѣсто Подляшья—изъ „Полѣсья“, и это пошло потомъ дальше.

²⁾ Не провереннымъ остается извѣстіе прежнихъ біографовъ Косинскаго, будто онъ служилъ у К. Острожскаго, но поссорившись, ушелъ на Нивъ. Этотъ рассказъ, кажется, возникъ изъ предположеній, откуда могла явиться у Косинскаго вражда по отношенію къ Острожскому; но теперь мы знаемъ ея настоящую причину.

³⁾ Архивъ Ю. З. Р. III. 1 № 19.

⁴⁾ Такое условіе ставила конституція сейма—Vol. legum II с.

дано было большое, но не населенное имѣнье Рокитна на р. Рокитной въ Пересѣ, и изъ-за него-то и началась бѣда. И на Рокитну, и на другія земли въ окрестности Володарки, пожалованными одновременно другой „особѣ козацкой“, заявилъ претензіи Янушъ Острожскій, какъ староста бѣлоцерковскій, или, точнѣе, его замѣстители-агенты. Оба имѣнія лежали по соседству съ бѣлоцерковскими королевскими имѣніями, и Острожскій опротестовалъ эти пожалованія, очевидно—доказывая, что пожалованныя имѣнія принадлежатъ къ числу бѣлоцерковскихъ королевскихъ имѣній, и выхлопоталъ себѣ на эти земли королевскія грамоты¹⁾. Исторія, какъ видимъ, очень напоминаетъ позднѣйшую исторію Хмельницкаго. Разгнѣванный Косинскій рѣшилъ проучить украинскаго магната. Кажется, уже въ августѣ собирался онъ въ походъ. Имѣемъ интересное письмо его, писанное по-польски, изъ мѣстности, соседней съ имѣніями Острожскихъ, къ реестровымъ козакамъ, находившимся гдѣ-то въ Подольскихъ земляхъ:

„Наши милостивые панове-товарищи! Нашу товарищескую

318; на этомъ основаніи можно принять съ достовѣрностью, что и Косинскій былъ шляхтичемъ.

¹⁾ Такъ, я думаю, слѣдуетъ понимать эту исторію. Гуликовскій, авторъ обстоятельныхъ статей объ этихъ имѣніяхъ въ *Słownik Geograficzny* (sub voce Rokitno, Wołodarka) объяснялъ дѣло иначе: по его мнѣнію, Косинскій получилъ свою пустошь съ обязательствомъ заселить ее, но не будучи въ состояніи исполнить этого обязательства, продалъ ее. Изъ жалобы на Косинскаго 9/I 1599 г. видимъ, что онъ специально интересовался нѣкоторыми документами и забралъ изъ бѣлоцерковскаго архива грамоты Ян. Острожскаго на стар. Бѣлоцерковское и Богуславъ, на Разволочье и на Рокитну (Архивъ Ю. З. Р. III. I № 12); значитъ, Янушъ Острожскій къ этому времени уже выпросилъ себѣ грамоты на спорныя имѣнія, и я думаю, что то были подтвержденіи правъ бѣлоцерковскаго старосты на эти земли, какъ на королевскія имѣнія. Но на Рокитну получилъ затѣмъ пожалованіе Вишневецкій, и Янушъ Острожскій, купивъ его претензіи, сталъ затѣмъ частнымъ собственникомъ Рокитны (см. письмо Януша отъ 1599 г., въ прибавленіяхъ къ Исторіи воссоед. II с. 447, и *Źródła dz. XX* с. 16). Права на Володарку купилъ у Загородскаго и Трембицкаго кн. Збаржскій, и она осталась за нимъ; но интересно, что бѣлоцерковская старостинская администрація продолжала претендовать на Володарецкія земли (*ibid.* с. 392, ср. Гуликовскаго I. с.). Думаю, что это бросаетъ свѣтъ на начало спора Острожскаго съ Косинскимъ—что Острожскій предъявилъ претензіи на эти земли, какъ бѣлоцерковскій.

службу поручаемъ милости вашей! Дожда до насъ вѣсть, что п. староста (вѣроятно Язловецкій) съ деньгами къ намъ не отѣ-
нитъ. Поэтому вы, не ожидая ничего, отправляйтесь тотчасъ къ
намъ. Скажите слугѣ п. Претвича отъ имени войска, что его
уже больше ждать не будемъ: придется самимъ промышлять о
себѣ. Скажите и уряднику въ Шаровкѣ, чтобы уведомилъ своего
папа (Претвича), что войско не хочетъ ждать этихъ денегъ.
Должно быть, проведетъ насъ съ ними и въ эту зиму, какъ и въ
прошломъ году: должны были выдать намъ на св. Ивана, а те-
перь ужъ и осень подходитъ. Писано изъ Пикова, въ мѣсяцѣ
августѣ. Вашъ доброжелательный товарищъ Кристофъ Косинскій
и все рыцарство“¹⁾).

Возможно, что деньги, которыя въ началѣ сентября Прет-
вичу удалось наконецъ раздобыть для козаковъ²⁾, нѣсколько от-
срочили козацкую бурю. Но въ концѣ года Косинскій все-таки
двинулся съ козацкимъ войскомъ — сводить свои счета съ кн.
Острожскими. Въ послѣднихъ числахъ декабря онъ попалъ на
Вѣлую церковь, разграбилъ и забралъ имущество кн. Острожска-
го и его замѣстителя — подстаросты кн. Курцевича-Булыги; между
прочимъ взялъ документы на захваченныя имѣнія, и причинилъ
большіе убытки³⁾. Такъ повѣствуетъ жалоба кн. Януша Острож-
скаго „на Кристофа Косиньского, который на сесь часъ гетма-
намъ козацкимъ се учинилъ, также и на все войско козаковъ
Низовыхъ“, намекая при этомъ, что Косинскій дѣйствовалъ
„снать съ направи чиес“ — т. е., что его побудилъ къ этому на-
падению кто-нибудь изъ помѣщиковъ, имѣвшихъ счета съ Острож-
скимъ. Интересно также, что здѣсь нѣтъ никакого указанія на
разореніе мѣщанъ и прочаго населенія: Косинскій сводитъ счета
исключительно съ самимъ кн. Острожскимъ и подстаростомъ — вѣ-
роятно истиннымъ инициаторомъ всей этой исторіи; впрочемъ, можетъ
быть княжеская жалоба и не считала нужнымъ входить въ такія по-
дробности. Другой документъ, упоминая о казацкомъ нападеніи
на Вѣлую церковь и Богуславъ — также владѣніе кн. Януша

¹⁾ Listy Żółkiewskiego с. 32. Новѣйшіе изслѣдователи дати-
ровали это письмо 1592 годомъ, но это невозможно — тогда ре-
естровое козацество уже подняло возстаніе и переговоры о жало-
ваніи не могли имѣть мѣста.

²⁾ Докум. Львов. краев. архива.

³⁾ Архивъ Ю. З. Р. III. I № 12.

Острожскаго, говорить, что казаки, завладевъ какъ этими замками, не только ограбили подстаросту, но и захватили всю артиллерию, аммуницію и запасы, и людей ограбили „какъ настоящій непріятель“¹⁾.

Одновременно производились нападенія также и въ другихъ мѣстностяхъ. Между прочимъ казаки напали на замокъ въ Трипольѣ и засѣли въ немъ съ артиллеріею, захваченную изъ разныхъ мѣсть²⁾.

Король при первыхъ извѣстіяхъ объ этихъ козацкихъ погромахъ, въ началѣ 1592 г. назначилъ комиссаровъ для разсмѣдованія своевольствъ и наказанія виновныхъ³⁾. Ими были: Як. Претвичъ, черкасскій староста Александръ Вишневецкій, брацлавскій староста Якубъ Струсъ, барскій староста Станиславъ Гульскій и брацлавскій войскій Янъ Гульскій—большею частью украинскіе старосты, имѣвшіе дѣло съ казаками. Станувъ имѣвшіися въ ихъ распоряженіи силы, они вмѣстѣ съ официальнымъ шефомъ козачества Язловецкимъ двинулись на Украину⁴⁾. Это былъ первый комиссарскій походъ — слѣдственная коммиссія, выступавшая во главѣ войска, чтобы въ случаѣ нужды огнемъ и мечомъ подтвердить свои правомочія — пріемъ, обычно практиковавшійся загѣмъ въ „сношеніяхъ“ рѣчи посполитой со своими своевольными подданными.

Козаки засѣли въ Трипольѣ, укрѣпили замокъ и приготовились къ оборонѣ, оставивъ безъ вниманія повѣстки, присланныя имъ комиссарами, расположившимися лагеремъ въ Фастовѣ. Сохранилось довольно интересное письмо къ нимъ отъ ихъ поминальнаго начальника Николая Язловецкаго, отправленное изъ фастовскаго лагеря 10 марта:

„Панамъ Молодцамъ Запорожскимъ, находящимся въ Трипольѣ. Панове Молодцы! Хотя вы, не обративъ вниманія на мое посланіе, уже показали себя непослушными и государю мое-

¹⁾ Жерела VIII, № 48.

²⁾ Жерела VIII № 43 и 48. *Dyagunsze seim. z r. 1591 i 1592.* Значеніе этого нападенія на Триполье не совсѣмъ ясно. Руликковскій думаетъ, что казаки расширяли такимъ образомъ свои Терехтемировскія владѣнія (*Słownik geogr. sub voce Trypol*); но возможна и здѣсь извѣстная связь съ аферою Острожскаго, такъ какъ на Триполье претендовали кіевскіе воеводы (*ibid.*).

³⁾ Архивъ Ю. З. Р. III. I № 13.

⁴⁾ Жерела VIII № 48.

му королю и мнѣ самому, забывъ свою присягу и обязанности по отношенію къ своему прирожденному государю, но я понимаю, что вы поступили такъ благодаря Косинскому, измѣнившему королю и рѣчи посполитой, и думаю, что изъ-за одного „лотра“ вы всё не захотите страдать. Поэтому посылаю вамъ еще это письмо, приказывая вамъ именемъ короля выдать этого „лотра“ и волѣ королевской не противиться, такъ какъ здѣсь вы родились и трудно бы было вамъ обойтись безъ Польши, которой бы вамъ уже пришлось отречься. Въ противномъ случаѣ, вмѣсто того, чтобы вмѣстѣ съ вами служить королю и проливать кровь поганыхъ, — если вы тотчасъ же не схватите этого „лотра“ и не отправите пословъ ко мнѣ, я съ королевскими людьми съ помощью божіей буду надъ вами промышлять ¹⁾).

Козаки очевидно не испугались этихъ угрозъ и готовились къ вооруженной расправѣ съ комиссарскимъ войскомъ. Изловецкій съ комиссарами подступилъ къ Триполью, но убѣдившись въ рѣшительномъ настроеніи козаковъ, не отважился „промышлять съ божіей помощью“. Комиссары постановили заочное рѣшеніе, осудивъ козаковъ какъ бунтовщиковъ и враговъ государства ²⁾). Но не рѣшаясь возвращаться изъ своего похода съ такимъ скромнымъ результатомъ, все таки возобновили переговоры и въ концѣ концовъ изъявили согласіе удовольствоваться тѣмъ, что козаки дадутъ формальное обѣщаніе быть послушными на будущее время и примутъ новаго старшаго на мѣсто Косинскаго — не выданая послѣдняго правительству. Этимъ инцидентъ былъ исчерпанъ, и комиссары двинулись обратно ³⁾). Но спокойствія это не восстановило.

Факты касающіеся козацкихъ волненій этого года (1592) намъ извѣстны вообще въ видѣ отдѣльныхъ эпизодовъ, которыхъ въ большинствѣ случаевъ мы не въ состояніи связать ни хронологически, ни причинной связью. На осеннемъ сеймѣ этого года кн. Конст. Острожскій, обращая вниманіе сейма на плохое состояніе кievскаго и бѣлоцерковскаго замковъ, вспоминалъ,

¹⁾ Listy St. Zólkiewskiego с. 21—2.

²⁾ Жерела VIII № 48.

³⁾ Ibid. № 48. Отсюда слѣдуетъ, что Косинскій все это время былъ „на волости“ и сидѣлъ вмѣстѣ съ казаками въ Трипольѣ. Такимъ образомъ изслѣдователи ошибаются, думая, что послѣ нападенія на Бѣлую церковь Косинскій пошелъ на Низъ и о немъ не было слышно болѣе полугода.

что „низовые казаки нѣсколько разъ на городъ и замокъ кievскій нападали, силою забирали лучшія пушки, порохъ и оружіе, и до сихъ поръ не вернули ихъ“¹⁾.

Въ Переяславлѣ, гдѣ уже раньше вышелъ какой-то споръ между козаками и мѣщанами (козаки обжаловали мѣщанъ, и король для разбора этого дѣла выслалъ комиссію въ Васильковъ, которая якобы подъ терроромъ козаковъ признала ихъ претензіи, а потомъ отменила)²⁾ — теперь дошло до кровавыхъ столкновеній. Козаки, по словамъ одного документа, взяли Переяславль вооруженною силою, убили мѣстнаго подстаросту и многихъ шляхтичей, забрали всю артиллерію и амуницію и сожгли замокъ вмѣстѣ съ городомъ³⁾. И здѣсь опять таки можно подозрѣвать извѣстную связь съ конфликтомъ Косинскаго и Острожскихъ, такъ какъ Переяславль находился въ вѣдѣніи стараго князя, равно какъ и кievскій замокъ. Имѣли мѣсто волненія также въ Подольскихъ земляхъ, быть можетъ въ связи съ тогдашними событіями въ Молдавіи, гдѣ въ то время Поляки старались водворить своего претендента⁴⁾. Одновременно съ тѣмъ Косинскій продолжалъ безпокоить владѣнія Острожскихъ, имѣемъ извѣстіе, что старшій князь пытался съ помощью сосѣднихъ старостъ отстоять ихъ, но козаки разбили его войско⁵⁾.

Зимой упомянутыя волненія изъ Кіевскихъ и Брацлавскихъ земель перекинулись въ Волинецію; главнымъ образомъ они и теперь были обращены противъ Острожскихъ, но доставалось и другимъ помѣщикамъ, поддерживавшимъ Острожскихъ. Козацкое движеніе изъ спорадическихъ грабежей имѣній враждебныхъ магнатовъ, если вѣрить шляхетскимъ воззваніямъ, все болѣе переходило въ настоящую козацкую кампанію противъ украинской шляхты, которую козаки принуждали подчиниться ихъ притязаніямъ.

Въ первыхъ числахъ 1593 г. волинская шляхта, собранная въ Луцкѣ на ежегодныя судебныя засѣданія, постановляетъ отложить судебныя дѣла и заняться обезпеченіемъ спокойствія въ виду того, что свосвольные люди „которые се называютъ быти козаками низовыми“, вступивъ въ Кіевское и Волинское воеводства,

¹⁾ Архивъ Ю. З. Р. III. I № 14.

²⁾ Матеріалы до історіи козацкихъ рухів № 1.

³⁾ Жерела VIII № 48, ср. Сборникъ лѣтоп. Ю. и З. Рос. с. 77.

⁴⁾ Бѣльскій с. 1080—1, ср. у Гейденштейна с. 302 (польскаго перевода II с. 367).
⁵⁾ Бѣльскій с. 1681.

„обычаемъ неприятельскимъ замки и мѣста такъ его корол. милости яко и шляхетскіе посѣдаютъ и людей забиваютъ и мордуютъ, палить и пустошатъ и до присегъ на послушенство свое принуждаютъ, подбиваючи ихъ на послушенство свое“¹⁾. Владимирская шляхта оговѣщается, что отъ своего старосты кн. Острожскаго и отъ многихъ помѣщиковъ изъ Кіевского и Брацлавскаго воеводства, точно такъ же отъ луцкой шляхты, она осведомлена о большой опасности, грозящей со стороны казаковъ: они „обычаемъ неприятельскимъ не мало замковъ, местъ и селъ украинныхъ поводевали, згоддовавши меастьности брата нашей—шляхтичевъ оныхъ краевъ и некоторыхъ самыхъ особъ въ неволю до везена побравшы, теперъ зъ немалымъ войскомъ зъ арматою способомъ неприятельскимъ южъ до воеводства Волинскаго притягнули, умысливши далей панства короля его милости пустошити и плондровати“²⁾. Несомнѣнно, конечно, что тѣ, кому это движеніе наиболѣе угрожало — и въ первой линіи кн. Острожскіе, умышленно старались представить его возможно болѣе грознымъ и всеобщимъ, классовымъ. Но несомнѣнно, что, будучи въ своей основѣ актомъ мести Острожскимъ, движеніе это, по мѣрѣ своего развитія, принимало все болѣе широкіе размѣры и принципиальный характеръ.

Волинская шляхта рѣшила просить помощи и опеки у короля и короннаго гетмана, и сама начала готовиться къ борьбѣ подъ предводительствомъ кн. Острожскаго³⁾. Король съ своей стороны издалъ грамоты къ шляхтѣ заинтересованныхъ воеводствъ — Кіевского, Волинскаго и Брацлавскаго, призывая ее въ походъ и назначая сборнымъ мѣстомъ Константиновъ, подъ начальствомъ кн. Острожскаго⁴⁾. Сдѣлать болѣе въ правительственныхъ кругахъ не считали нужнымъ, считая всю аферу частнымъ дѣломъ Острожскихъ — какъ смотрѣли на нее въ обществѣ, и какою она дѣйствительно была⁵⁾. Старый князь не былъ въ правительственныхъ кругахъ *persona grata*, а съ шефомъ польскихъ военныхъ силъ Замоискимъ отношенія его были вовсе испорчены въ послѣднее время, и тотъ, съ своей стороны, подчоркивалъ, что

¹⁾ Архивъ Ю. З. Р. III. I № 15 и 16.

²⁾ Ibid. № 18. ³⁾ Ibid. № 50. ⁴⁾ Архивъ III. I. № 17.

⁵⁾ „Быльє послухъ, же козакъ воеводу киевского воюють“, разсказываетъ объ этой фазѣ движенія одинъ изъ участниковъ — Архивъ Ю. З. Р. III. I. с. 60.

козацкія волненія—это частное дѣло Острожскаго, возникшее по его винѣ. Этимъ объясняется сдержанное и пассивное отношеніе польскихъ правительственныхъ и военныхъ круговъ къ этимъ волненіямъ. На осеннемъ сеймѣ 1592 г., повидимому, обсуждался проектъ рѣзкихъ репрессій противъ козаковъ: конфисковать имѣнія, пожалованная войску и отдѣльнымъ лицамъ изъ козаковъ, отмѣнить всѣ права и привилегіи, объявить участниковъ волненій бунтовщиками и врагами государства, хватать и арестовывать ихъ повсемѣстно, гдѣ появятся, соединенными силами старость и шляхты. Все это было проэктировано еще рѣшеніемъ комиссаровъ подъ Трипольемъ и спустя нѣсколько лѣтъ было сеймомъ принято—послѣ кампаніи 1596 г., но теперь очевидно такія острые репрессіи на сеймѣ не прошли¹⁾. И зимою 1592/3 г., когда козаки хозяйничали въ Волинскихъ земляхъ, гетманъ Замоискій спокойно сидѣлъ дома, и въ то время какъ король издавалъ свои универсалы украинской шляхтѣ, призывавшіе ее на помощь Конст. Острожскому, Замоискій поручалъ своему помощнику, польскому гетману Жолкевскому написать Острожскому, убѣждая его не доводить до войны, а закончить дѣло миромъ. Очевидно, оба гетмана возлагали отвѣтственность за эту „клятвоу“ на Острожскаго и не считали нужнымъ вступать въ коронное войско въ это частное дѣло украинскаго магната²⁾: они считали въ это время своею обязанностию слѣдить за Татарами³⁾. Острожскимъ приходилось спасать свои владѣнія своими средствами, съ помощью шляхты и стоявшихъ съ ними въ близкихъ отношеніяхъ старость.

Они дѣйствительно энергично принялись за дѣло. Старый

¹⁾ Проектъ конституціи, издаанный въ Жеролахъ т. VIII № 48; въ изданныхъ недавно дневникахъ сейма онъ однако отсутствуетъ. Было зато, очевидно, принято другое постановленіе—объ отмѣнѣ должности козацкаго старшаго (которую занималъ Язловецкій) и подчиненіи козацкаго войска непосредственно коронному гетману, недозволенію такимъ подрывомъ его вліянія—тамъ же № 49 и *Dziaryusze sejm. z r. 1591 i 1592 s. 372, 337.*

²⁾ *Była to wasń domowa, spory powiatowe, zajscia pomiedzy Rusinami, do których nie mieszala się ani powaga gzczyzpospolitej ani ogęz wojska koronnego, справедливо комментируетъ отношеніе польскихъ гетмановъ недатель ихъ корреспонденціи Любомирскій (Listy). Для полноты картины слѣдовало прибавить еще личную wasń между Замоискимъ и Острожскимъ.*

³⁾ *Listy St. Żółkiewskiego № 14.*

князь въ (Старо) Константиновѣ собиралъ около себя шляхту; Янушъ въ Галиціи спѣшно набралъ войско какое было можно собрать изъ ближайшихъ областей и Венгріи. На помощь явились также прошлогодніе комиссары: Якубъ Претвичъ, кн. Александръ Вишневецкій, Япъ Гульский. Косинскій въ это время имѣлъ свое мѣстопробываніе въ мѣст. Острополѣ, во владѣніяхъ кн. Острожскихъ. Когда начали собираться войска Острожскихъ, онъ отступилъ на востокъ и окопался подъ м. Пяткою, недалеко отъ Чуднова, на болѣе сильной и безопасной позиціи. Въ первыхъ битвахъ, которыя ему пришлось выдержать съ войскомъ князя Константина, до прихода полковъ Януша, счастье было на сторонѣ Косинскаго. Но рѣшительную битву, которую онъ задумалъ дать Острожскимъ, желая предупредить осаду, Косинскій проигралъ совершенно. Возможно, что виною была стратегическая ошибка: Бѣльскій рассказываетъ, что Косинскій хотѣлъ на всякій случай обезпечить себѣ сообщеніе съ степью, и выслалъ часть войска, чтобы занять позицію въ этомъ направленіи. Это соответствуетъ козацкой тактикѣ, извѣстной намъ изъ позднѣйшихъ битвъ, и могло ослабить силы главнаго козацкаго войска въ послѣдовавшей битвѣ.

Впрочемъ и въ этой битвѣ, данной Косинскимъ Острожскимъ въ день католическаго стрѣленія (2 февраля н. ст., 23 января ст. ст.), въ началѣ счастье было на сторонѣ козаковъ, ряды противниковъ начали отступать, но въ это время на козацкое войско ударилъ со своею конницею Янушъ Острожскій и разорвалъ его ряды. Козаки бросились бѣжать въ городъ (Пятку); войско Острожскихъ гналось за ними. Современники рассказываютъ, что при этомъ погибло множество народу (одинъ насчитываетъ больше двухъ тысячъ, другой до трехъ тысячъ, такъ что число убитыхъ представлялось вдвое большимъ, чѣмъ въ большой битвѣ подъ Бычиною); захвачено было 26 пушекъ и другое оружіе, почти всѣ знамена. Очевидно, это преувеличенные рассказы, особенно, если сопоставить съ этимъ замѣчаніе, что изъ войска Острожскаго не погибло и десяти человекъ¹⁾. Но битва во всякомъ случаѣ козаками была рѣшительно проиграна, и козацкое войско не рѣшалось продолжать борьбу. По словамъ одного изъ слугъ Вишневецкаго, козаки обратились къ его господину, прося его быть посредникомъ и склонить Острож-

¹⁾ Бѣльскій.

скихъ въ миру. Переговоры кончились тѣмъ же, чѣмъ и въ прошломъ году подъ Триполемъ: козаки обѣщали, что лишать Косинскаго гетманства и больше не будутъ безпокоить имѣній Острожскихъ и другихъ участниковъ похода, и на этихъ условіяхъ Острожскіе согласились пропустить ихъ свободно на Низъ. Въ такомъ духѣ составленъ былъ 10/II в. ст. актъ, полный текстъ котораго сохранился до нашего времени.—я приведу его въ сокращенномъ видѣ:

„Я Крыштофъ Косинскій на тотъ часъ гетманъ, а мы сотники, атаманья, все рыцарство войска запорозского визнаваемо тымъ листомъ нашимъ, ижесмы великие добродейства и ласки ясновельможного пана Константина княжати Острожского, которыя е. м. намъ—всему войску и каждому зъ насъ зъ особна по всѣ часы вѣку своего зъ милостивое ласки своей панской показывать и веде доброго для насъ чинити рачиль, а мы запомневши того всего немало смы прикростей и шкодъ е. м. самому и деткамъ е. м., слугамъ и поданнымъ поделали и завинили, ласки ихъ милости себе нарушили, которые то всѣ выступки нами за униженными а пилными прозбами и за причиною велс людей зацныхъ ихъ милости то все зъ милостивоо ласки своей, яко панове хрестиянские, не прагнучи пролетя крови нашей, намъ опустити рачили. Для чего мы тые вси кондычы намъ отъ ихъ милости княжати поданные и тутъ въ томъ листе нашомъ менованые выполненымы, и присегою своею утвержаемъ; Низъ отъ тыхъ часовъ пана Косинскаго за атамана не метъ, и овшемъ на Украине заразомъ зъ насъ иншого на тое местце надалей за недѣль чотыри наставитъ; а потомъ въ послушенствѣ королю е. м., не чинечи жадного розмерья зъ суседми посторонними панствъ е. кор. милости, на звыклыхъ местцехъ за пороги быть; лежъ жадныхъ ани приставствъ, шкодъ ани кривдъ жадныхъ въ державахъ княжати ихъ милости и въ маетностяхъ приятель ихъ: е. м. княжати Александра Вишневецкого старосты черкасского и иныхъ на тотъ часъ при ихъ милости будучихъ и тежъ въ маетностяхъ и державахъ слугъ ихъ не мевать и не чинити; збеги, здрайцы княжати и. м. слугъ ихъ до насъ збеглыхъ выдавать и тыхъ у себе не переховывать; стрелбу гдеколкекъ взятую на замкахъ, местяхъ яко и въ державахъ ихъ окромъ Трипольскихъ вернуть; также и хорогве, кони, быдла и речи рухомые, теперь въ маетностяхъ княжати ихъ милости подобранные, вернуть маемо; также челядь обое плъти, которая есть при насъ, отъ

себе отправить; и вечно у князятъ ихъ м. въ стародавней милости мешкать и николи противъ ихъ м. съ жаднымъ человекомъ не приставать и овшемъ ихъ м. служить“. (Слѣдуетъ формула присяги). Договоръ подписали Косинскій и Иванъ Кречковичъ, „писарь войсковый именемъ всего войска“, Претвичъ, Гульскій и два волынскихъ помѣщика—Боговитинъ и Гулевичъ¹⁾. Кромѣ своего заявленія Косинскій долженъ былъ еще лично „ударить челомъ“ кв. Острожскому—„три раза поклонился въ ноги самому пану воеводѣ, также и сыновьямъ его“²⁾. И послѣ этой церемоніи онъ вмѣстѣ съ войскомъ былъ отпущенъ во свояси.

Однако Косинскій покорился лишь для того, чтобы получить возможность вывести свое войско на Низъ. Своего обѣщанія—устранить Косинскаго, козаки не исполнили; онъ остается ихъ гетманомъ и тотчасъ же начинаетъ готовиться къ новому походу на Украину,—еще съ болѣе серьезными намѣреніями, чѣмъ прежде, если вѣрить реляціи его побѣдителя Алекс. Вишневецкаго. Вишневецкій доносилъ, что на этотъ разъ Косинскій думалъ уже не объ опустошеніи помѣщичьихъ имѣній, а о томъ, чтобы „перевернуть все пограничье и насъ всѣхъ перебить“. Что понималъ онъ подъ этими, хотя и сильными, но достаточно неопредѣленными словами, остается неяснымъ—подозрѣвалъ ли онъ въ Косинскомъ намѣренія завладѣть юго-восточной Украиной и завести тамъ новый порядокъ „безъ холспа и безъ пана“, подъ козацкимъ режимомъ, или боялся только рѣзни шляхты. А затѣмъ разумѣется, явдается сомнѣніе, дѣйствительно ли имѣлъ Косинскій намѣренія, которыя приписываетъ ему кв. Вишневецкій. По его словамъ, Косинскій „съ войскомъ своимъ присягнулъ разорять съ турецкими и татарскими войсками коронныя земли и помогать поганскимъ псамъ взять въ свои руки Корону (Польшу), и крымскій ханъ долженъ послать съ нимъ свое войско, а Косинскій за это ему обѣщаль разорять королевскія земли. Въ

¹⁾ Договоръ сохранился въ полной копійи во владимирскихъ кенгахъ, изд. въ Архивѣ Ю. Р. III. I № 19, и въ дефектномъ видѣ—Listy St. Żółkiewskiego № 15; несмотря на свои дефекты, это изданіе исправляетъ однако нѣкоторыя ошибки владимирской копійи (я использовалъ его въ приведенномъ извлеченіи).

²⁾ Listy № 17.

этомъ же далъ онѣ присягу и в. кн. московскому вмѣстѣ со всѣмъ своимъ войскомъ и отдалъ уже подъ его власть все пограничье, больше чѣмъ на сто миль на этихъ границахъ; и въ своемъ письмѣ къ нимъ великій князь московскій уже называлъ себя царемъ запорожскимъ, черкасскимъ и низовскимъ и послалъ на Запорожье сукно и деньги“¹⁾).

Все это производитъ впечатлѣніе и очень интересно было бы имѣть въ Косинскомъ дѣйствительнаго носителя такихъ идей, такихъ социальныхъ и политическихъ плановъ,—предшественника казацкихъ вождей XVII в. въ ихъ планахъ рѣшительной борьбы противъ польскаго режима, съ помощью извѣчныхъ враговъ и соперниковъ Рѣчи посполитой, для переустройства общественнаго строя Украины. Однако нельзя быть увѣреннымъ, не присочинилъ ли и тутъ Вишневецкій кое-чего, чтобъ увеличить значеніе своей побѣды надъ Косинскимъ; что тутъ кое что прибавлено по недоразумѣнію, это во всякомъ случаѣ несомѣнно—грозныя московскія претензіи, описанныя Вишневецкимъ, покоятся на очевидномъ недоразумѣніи: на упоминаніи въ титулѣ московскихъ государей князей черкасскихъ и низовской земли (Черкесовъ кавказскихъ и волжскаго Низа). Но во всякомъ случаѣ интересно уже то, что, такъ сказать, въ воздухѣ носились мысли хотя бы о возможности со стороны козачества плановъ, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ получившихъ исполнѣ реальное значеніе. И если мы припомнимъ сношенія козаковъ съ московскимъ правительствомъ въ 1550—1580 гг., недавнія предложенія хану помощи со стороны козаковъ въ 1580 гг., всѣ эти толки въ 1592 г. о подчиненіи украинской шляхты козацкой власти и юрисдикціи, то въ разказахъ Вишневецкаго, за исключеніемъ нѣкоторыхъ преувеличеній и недоразумѣній, собственно говоря, не много найдемъ вовсе неправдоподобнаго. Московское правительство дѣйствительно поддерживало сношенія съ Косинскимъ, и весной этого года къ нему была отправлена царская грамота съ порученіемъ совместно съ донскими козаками и московскими войсками вести борьбу за крымскими Татарами²⁾). Но было ли въ этихъ сношеніяхъ что-нибудь больше, какія-либо попытки со стороны Косинскаго опереться на помощь Москвы противъ своихъ противниковъ, остается неизвѣстнымъ.

По словамъ Вишневецкаго весной (въ маѣ) 1593 г. Ко-

¹⁾ Listy Żółkiewskiego № 19.

²⁾ Собраніе госуд. грамотъ и договоровъ II № 62.

синскій съ двухтысячнымъ козацкимъ войскомъ и пушками двинулся подъ Черкасы. Каковы были его намѣренія, Вишневецкій точнѣе не поясняетъ. Современники, Гейденштейнъ и Бѣльскій, говорятъ, что Косинскій не прощаль Вишневецкому поддержки, которую тотъ оказалъ Острожскимъ, и поэтому съ него хотѣлъ начать свою новую кампанію; можно прибавить къ этому, что Вишневецкій былъ замѣчанъ и въ рокитнинскую исторію ¹⁾, а козакъ также имѣли съ нимъ большіе, старые счеты, какъ съ черкасскимъ старостою. Такъ или иначе, на этотъ разъ Косинскій хотѣлъ сосчитаться съ нимъ и, по словамъ Вишневецкаго, подступивъ подъ Черкасы, онъ началъ обстрѣливать городъ. Такъ какъ ночью ожидали съ его стороны штурма, то Вишневецкій считалъ за лучшее его предупредить и неожиданно напалъ на Косинскаго. Въ битвѣ, во время общаго замѣшательства, Косинскій былъ убитъ, а его товарищи, обезкураженные этимъ, спѣшно ретировались въ Запорожье, къ остальному войску ²⁾. Бѣльскій и Гейденштейнъ рассказываютъ немного иначе: по ихъ словамъ, Косинскій, опередивъ войско, съ нѣсколькими сотнями козаковъ вошелъ въ Черкасы и затѣялъ пирунку въ корчмѣ и тутъ его пьяного убили слуги кн. Вишневецкаго, а затѣмъ начали бить и козаковъ, такъ что погибло до трехъ съ половиною сотенъ ³⁾. Хотя рассказъ Вишневецкаго авторитетнѣе, но дѣло, несомнѣнно, не было такъ просто и ясно, какъ онъ рассказываетъ, — въ постигнутой Косинскаго и его товарищей гибели былъ элементъ коварства, измѣны или чего-нибудь подобнаго со стороны Вишневецкаго. Такъ заставляетъ думать и страхъ Вишневецкаго передъ козацкой мстью, и признанное позднѣе за родственниками и товарищами Косинскаго право искать судомъ удовлетворенія отъ Вишневецкаго ⁴⁾.

Увѣдомляя Замойскаго о своемъ триумфѣ надъ Косинскимъ, Вишневецкій просилъ его повліять на короля, чтобы украинское пограничье было обезпечено войскомъ, такъ какъ ему угрожаетъ мечь со стороны Запорожцевъ. „Виолиѣ вѣроятно“ предупреждаетъ онъ, „что эти измѣнники—а ихъ за порогамъ есть нѣсколько тысячъ—захотятъ мстить и опустошать всю Украину, соединившись съ Татарами“. Просить также, чтобы и пограничной шляхтѣ были посланы грамоты, которыя бы, кромѣ благодарности за помощь, уже

¹⁾ См. выше. стр. 286. ²⁾ Listy № 17.

³⁾ Bielski с. 1691.

⁴⁾ См. ниже объ этомъ соглашеніи.

обязанную ею, побудили ее „не допускать никакой имѣны королю и Рѣчи Посполитой и не покидать меня и этого пограничья, но со мною охранять границы государства, не жалѣя своей жизни“ — такъ какъ иначе отъ этихъ „проклятыхъ людей (козаковъ), а черезъ нихъ — и отъ иностранныхъ король не будетъ имѣть покоя“, прибавляетъ онъ для большой убѣдительности. Какъ видимъ, черкасскій староста вовсе не весело чувствовалъ себя послѣ своего триумфа надъ Косинскимъ.

Его воззванія о помощи, адресованныя къ правительству, оставались безъ результата. Правда, сеймъ, созванный въ маѣ, высказавъ устами Замойскаго благодарность Острожскому за усмиреніе козаковъ¹⁾, постановилъ расположить на Днѣпрѣ войско, которое препятствовало бы своевольнымъ нападеніямъ на сосѣднія земли; козаки и всякіе другіе своевольники, собирающіеся въ шайки и занимающіеся нападеніями, объявлялись бунтовщиками, разрѣшалось употреблять противъ нихъ военную силу безъ всякихъ предварительныхъ судебныхъ формальностей и выступать съ оружіемъ въ рукахъ при защитѣ своихъ имѣній, причемъ всякая отвѣтственность за убитыхъ въ подобныхъ битвахъ людей, хотя бы и шляхтичей, снималась совершенно²⁾. Но все это не давало никакой реальной помощи для защиты отъ козаковъ. Между тѣмъ лѣтомъ 1593 г. они вновь серьезно двинулись въ Приднѣпровье. Одновременно Татари напали на Волынь; говорили, что къ этому подговорили ихъ козаки и направили именно на кн. Острожскихъ — потому и лагеремъ они расположились подъ Константиновымъ и больше всего разорили какъ разъ владѣнія Острожскихъ. Мѣстная шляхта была частью на сеймѣ; частью въ трибуналѣ, и Орда, захвативъ плѣнныхъ „ушла не увидавъ даже вынудой противъ себя сабли“³⁾. Между тѣмъ козаки двинулись на Черкасы. Силы ихъ должно быть были весьма значительны, и Вишневецкій послѣ недавнихъ триумфовъ принужденъ былъ смириться и искать соглашенія. Дѣло кончилось такою характерною капитуляціею украинскаго вице-короля передъ козацествомъ:

Вѣчный и ненарушимый миръ устанавливается съ обѣихъ

¹⁾ У Нѣмцевича Dzieje panowania Zygmunta III, изд. Туровскаго с. 135.

²⁾ Volum. Iogum II с. 344. Не было ли это отзвукомъ безпокойствъ Вишневецкаго по поводу убійства Косинскаго?

³⁾ Бѣльскій с. 1700—1.

сторонѣ. Припасы, лошади и лошадей (захваченныхъ очевидно у козаковъ) панъ староста черкасскій долженъ вернуть козакамъ, и еслибъ потомъ кто-либо изъ товарищей изъ войска запорожскаго опозналъ что-либо свое во владѣнiяхъ старосты Вишневецкаго, то можетъ судомъ искать возвращенiя опознаннаго. За смерть Косинскаго, Шалевскаго и Снятовскаго ихъ родственники могутъ также судомъ искать удовлетворенiя. Всѣмъ козакамъ, находившимся во все время этихъ замѣшательствъ при кн. Вишневецкомъ или въ его войскѣ, предоставляется право свободного передвиженiя—„прихода и ухода“ какъ на волости, такъ и за пороги въ козацкое войско, не подвергаясь никакимъ нареканiямъ или мести (амнистiя).

Урядники старосты — подстаросты и городничiе не должны забирать имущества, оставшагося послѣ умершихъ козацкихъ товарищей, въ пользу черкаскаго старосты: оно переходитъ въ наслѣдство ихъ женамъ, дѣтямъ и родственникамъ.

Козаки, приходя съ Низа въ староство и старосты, когда бы то ни было, должны пользоваться правомъ свободного прихода и ухода. Требуется только, чтобы прибывшiе выбирали изъ своей среды старшаго, который чинилъ бы надъ ними судъ за проступки ¹⁾).

Последнiе пункты указываютъ на существованiе извѣстныхъ трений въ отношенiяхъ между Вишневецкимъ и козачествомъ: упоминается поборъ „отумерщины“, отмѣненной грамотою Баторiя, затрудненiя, чинившiяся своевольнымъ козакамъ, приходившимъ съ Низу въ города. Вишневецкiй обязался прекратить эти репрессii и открыть козакамъ вполне свободный путь черезъ свои владѣнiя. Это было довольно неожиданно послѣ послѣднихъ постановленiй сейма. Кiевскiй епископъ Верещинскiй, занятый колонизацiею своей фастовской волости и ввиду этого живо интересовавшiйся мѣстными дѣлами, увѣдомляя Замойскаго объ условii, заключенномъ Вишневецкимъ съ козаками, считалъ нужнымъ оправдать Вишневецкаго. Не такое время, замѣчаетъ онъ, чтобы дѣйстви-тельно можно было ирняться за репрессii на козаковъ, предписан-ныя сеймомъ: грозятъ нападенiя со стороны Татаръ, неясна позицiя

¹⁾ Письмо Верещинскаго къ Замойскому, изданное пока у Стороженька стр. Баторiй с. 307; въ комментарiяхъ къ нему онъ ошибается, говоря, что учрежденiе козацкаго суда въ Черкасахъ вытекало изъ польскаго права: въ дѣйствительности, это былъ иммунитетъ, привилегiя, предоставлявшаяся козакамъ.

Турци; было бы хорошо, еслибы возможно было очистить Украину отъ козаковъ, но сейчасъ „плохія времена“, можетъ быть позже это будетъ возможно.

Дѣйствительно, все это приходилось отложить до другого времени, такъ какъ сейчасъ козаки были полными хозяевами въ восточной Украинѣ, а коронное войско и правительство ничего не дѣлали для ихъ обузданія. Согласно своему условію съ Вишневецкимъ козаки отправили своихъ пословъ въ Кіевъ, чтобы мѣстный городскій (уголовный) судъ далъ имъ своего агента („возного“) для засвидѣтельствованія потерь и убытковъ, понесенныхъ ими отъ Вишневецкаго—т. е. хотѣли осуществить права иска, обеспеченныя имъ договоромъ. Но кіевская администрація—замѣстители кн. Конст. Острожскаго, „не взирая на ихъ посольское званіе“ арестовала этихъ посланцовъ, взяла ихъ на допросъ, на пытки; одинъ и умеръ во время этихъ пытокъ, другой остался едва живъ; имущество ихъ и другихъ козаковъ было конфисковано. Узнавъ объ этомъ, козацкое войско съ артиллеріей и со всѣми силами двинулось въ лодкахъ на Кіевъ, „добиваться суда надъ виновными“. Въ то время въ Кіевѣ собралась кіевская шляхта на „рочкахъ“ (судебной сессіи); узнавъ о козацкомъ походѣ и не имѣя средствъ обороны, она рѣшила отправить къ козакамъ своихъ пословъ, чтобы убѣдить ихъ не идти на Кіевъ всѣмъ войскомъ, а ограничиться посылкой своихъ делегатовъ для разслѣдованія дѣла. Послами были Верещинскій и кн. Кирикъ Ружинскій, въ 1580-хъ годахъ вмѣстѣ съ братомъ Михайломъ бывшій козацкимъ вождемъ, слѣдовательно своимъ человекомъ для козаковъ. Они выѣхали, какъ рассказываетъ Верещинскій, навстрѣчу казакамъ на устьѣ Лыбеди, но ночью наѣхали на нихъ козацкіе „калауры“ (караулы) и думая, что это кіевская стража, конечно изрубили бы ихъ, если бы Верещинскому не пришла въ голову счастливая мысль: чтобы убѣдить козаковъ, что это не стража, онъ приказалъ своимъ музыкантамъ играть на „жоломійкахъ“ (w szalamaie) псаломъ „Воспою Господеви въ животѣ моемъ“, и это дѣйствительно спасло ихъ. Когда прибыло козацкое войско, Верещинскій и Ружинскій стали отговаривать козаковъ отъ похода на Кіевъ, но тѣ не согласились послать делегатовъ, говоря, что съ этими послами было бы тоже, что и съ предшествующими. Козаки пошли Днѣпромъ и сухимъ путемъ на Кіевъ, всѣхъ ихъ было около четырехъ тысячъ. Шляхта разбѣжалась, „не желая вмѣстѣ съ замковой администраціей ить то

ниво, которое она заварила“; администрація и мѣщане заперлись въ замкѣ. Но въ концѣ концовъ стороны пришли къ соглашенію безъ пролитія крови и даже безъ перестрѣлки, какъ увѣряеть въ своей реляціи Верещинскій. Козаки за причиненныя имъ обиды согласились взять выкупъ: имъ заплатили 12 тыс. золотыхъ и подписали „условіе“ (къ сожалѣнію, не дошедшее), обезпечившее, подобно черкасскому, „вѣчный покой и перемирье“ съ козаками, и вѣроятно гарантировавшее козакамъ болѣе или менѣе тѣ же права, что и черкасское соглашеніе съ Вишневецкимъ ¹⁾).

Между тѣмъ походъ козаковъ и бѣгство шляхты изъ Кіева сильно всполошили волынскую шляхту, и особенно князей Острожскихъ: имъ уже мерещился, очевидно, новый козацкій походъ на Волынь. Волынская шляхта, собравшаяся во Владимирѣ для выбора делегатовъ въ трибуналъ, со страхомъ приняла извѣстіе, что козаки „до столицы воеводства киевскаго зъ арматою войною втягнули, згромажати и тамъ осести хочуть“—это являлось угрозою и для Волыни. Въ виду этого шляхта уполномочила кн. Острожскихъ слѣдить за козаками и въ случаѣ нужды созвать шляхту: она обѣщала по первому требованію ихъ явиться на указанное мѣсто ²⁾).

Опасность грозила Волыни и съ юга—изъ Брацлавскихъ земель (возможно, что ее имѣеть въ виду волынская шляхта, указывая, что отъ козаковъ также „часу недавно прошлаго небезпеченства и шкоды великие въ краяхъ Подольскихъ сталися“). Здѣшнія козацкія волненія были тѣмъ особенно опасны, что за одно съ козаками здѣсь выступало близкое къ нимъ по всему складу своей жизни брацлавское мѣщанство,—въ то время какъ въ приднѣпровскихъ замкахъ мѣщане не выходили изъ повиновенія своимъ старостамъ. Изъ позднѣйшихъ извѣстій узнаемъ, что вождемъ или однимъ изъ виднѣйшихъ инициаторовъ этихъ брацлавскихъ движеній былъ Наливайко, но скудныя свѣдѣнія о первыхъ стадіяхъ этого движенія, заключающіяся въ письмѣ Жолкевскаго отъ 25 ноября 1593 г., еще не упоминаютъ о немъ. Жолкевскаго о мѣстныхъ волненіяхъ извѣщаль брацлавскій староста Струсъ, описывая ихъ въ весьма мрачныхъ краскахъ, въ духѣ реляціи Вишневецкаго, и произвелъ на Жолкевскаго сильное впечатлѣніе. „Панъ староста брацлавскій, сильно

¹⁾ Реляція Верещинскаго—Listy Zółkiewskiego с. 28—30.

²⁾ Архивъ Ю. З. Р. III. I № 21.

обезкураженный своевольемъ и бунтами этихъ злыхъ хлопковъ“, писалъ Жолкевскій Замойскому, „сильно пуждается въ милости, совѣтѣ и помощи вашей, такъ какъ вслѣдствіе сопротивленія и волненій этихъ хлопковъ (подразумѣваются очевидно брацлавскіе мѣщане вмѣстѣ съ козаками) ему трудно исполнять свои обязанности въ отправленіи святой справедливости (суда): ему приходится, отправляясь туда (въ Брацлавъ), собирать большіе отряды, остерегаясь ихъ буйства и своевольства. Я совѣтовалъ п. старостѣ—и буду съ своей стороны стараться объ этомъ—какъ либо добромъ привести ихъ къ повиновенію; но еслибы и впредь съ ихъ стороны оказывалось такое же непослушаніе, прошу дать указаніе—какъ поступать въ такомъ случаѣ. Я имѣю свѣдѣнія, что они уговорились не давать тамъ квартиръ (лезеу) для солдатъ, а должно быть и у крымскаго царя ихъ послы бывають. Такое у нихъ непослушаніе и буйный духъ, что они не помнятъ ни Бога, ни короля, ни чего другого. Нужно заблаговременно принять мѣры, чтобы не вышло чего-либо худшаго. Какъ сообщалъ мнѣ п. староста, силы у нихъ невелики, только упорство большое“¹⁾).

Интересно при этомъ отмѣтить, что впервые эти жалобы и сообщенія Струся, повидимому, заставили Жолкевскаго задуматься надъ козацкимъ вопросомъ, надъ этими украинскими своевольствами, послѣ того какъ уже нѣдѣльхъ два года (1592 и 1593) юго-восточная Украина была ареною козацкаго своеволія, послѣ того какъ козаки овладѣвали государственными замками, захватывали оружіе, давали настоящія битвы старостамъ и шляхтѣ. Такъ мало мѣстныхъ дѣлъ занимали высшую польскую администрацію. Лишь теперь Жолкевскій узнаетъ о различныхъ королевскихъ наказахъ, касающихся козачества, начиная съ Баторія и вплоть до недавнихъ, отъ 1590-хъ годовъ, поручавшихъ коронному войску, какъ мы видѣли, безо всякихъ юридическихъ формальностей громить своевольныхъ.

Положеніе дѣлъ на Украинѣ дѣйствительно становилось все болѣе грознымъ. Специальныя причины вызывали наливъ козачества съ Низу въ „волость“: Татары огромными массами собирались въ степяхъ, ихъ стада уничтожили траву, и въ концѣ концовъ они разорили даже запорожскія укрѣпленія, воспользовавшись тѣмъ, что козаки вышли изъ Запорожья²⁾. Но на

¹⁾ Listy № 22.

²⁾ Listy № 32—3.

нѣкоторое время комбинаціи въ области иностранной политикѣ привлекли къ себѣ вниманіе козачества и обратили ихъ силы отъ украинской „волости“ въ другое направленіе—въ сторону заграничныхъ экспедицій.

Уже съ 1590 г., когда Турція закончила войну съ Персіей, ясно чувствовалось приближеніе грозной войны между Австрією и Турцією за Венгрію. Несмотря на то, что въ послѣднее время (начиная уже съ перемирія 1568 г.) Австрія платила со своихъ венгерскихъ земель ежегодный „почетный даръ“ султану въ размѣрѣ 30 тыс. дукатовъ, нападеныя съ турецкой стороны не прекращались, и было очевидно, что какъ только турецкое правительство освободится отъ другихъ заботъ, никакая уступчивость Австріи не предохранитъ ее отъ новаго нападенія со стороны Турокъ. И хотя формально война была объявлена лишь гѣтомъ 1593 г., но фактически она началась еще раньше, и австрійское правительство вынуждено было искать союзниковъ и средствъ противъ этой наиболее грозной державы тогдашняго міра.

Обстоятельства сложились такъ, что съ запада Австрія могла рассчитывать самое большее—на какія нибудь денежные субвенціи: военную помощь обѣщала только папа. Ея приходилось искать на востокѣ, и австрійское правительство старается вовлечь въ свою борьбу съ Турцією Москву, Польшу, Трансильванію, Молдавію. Среди этихъ переговоровъ оно получило первыя болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о козацкихъ контингентахъ и задумало привлечь ихъ къ участию въ борьбѣ съ Турками и ихъ прислѣбниками Татарами.

Уже зимою 1592/3 г. или самое позднее—въ началѣ весны 1593 г. къ австрійскому правительству обратился какой то неизвѣстный намъ по имени эмиссаръ, заявившій готовность козаковъ крѣпiti въ Венгрію и „служить противъ Турокъ“. Неизвѣстно, принадлежалъ ли этотъ эмиссаръ дѣйствительно къ запорожскому козачеству, находившемуся въ то время подъ начальствомъ Косинскаго и занимавшагося войной съ Острожскимъ, а потомъ Вишневецкимъ; вѣроятноже, что это посольство вышло изъ среды шляхетско-козацкихъ авантюристовъ, къ которому принадлежалъ позднѣйшій эмиссаръ Стапиславъ Хлопицкій и рассказывавшій потомъ о посольствѣ Хлопицкаго Валицкій ¹⁾.

¹⁾ Выдержки изъ документовъ при статьѣ Барвицкаго, прил. II.

Австрийское правительство имѣло очевидно какія то представленія о межеумочномъ политическомъ положеніи козачества и не рѣшилось принять это предложеніе козацкой помощи безъ предварительной дипломатической рекогносцировки.

Отправивъ ни съ чѣмъ этого перваго посланца, оно своему послу Вакеру, отправленному весною 1593 г. въ Москву съ порученіемъ привлечь послѣднюю къ участию въ борьбѣ съ Турціею, между прочимъ поручило разузнать также, не будетъ ли московское правительство имѣть что нибудь противъ намѣреній австрийскаго „принять козаковъ и послать ихъ противъ турецкаго султана“. Московское правительство обѣщало поддержать Австрію противъ Турокъ, относительно же козаковъ отвѣтило, что къ нимъ Москва не имѣетъ никакого отношенія, и при этомъ охарактеризовало ихъ какъ элементъ очень полезный въ партизанской войнѣ, но своевольный и ненадежный ¹⁾). Тогда при новомъ посольствѣ въ Польшу, въ концѣ 1593 г., тому же Вакеру было поручено навести болѣе подробныя справки о козакахъ, но тайкомъ, не довѣряя особенно Замойскому, какъ человѣку, не сочувствующему антитурецкимъ планамъ ²⁾),

О томъ, что польское правительство оффиціально тоже отрывается отъ всякой власти и отвѣтственности за козаковъ, въ австрийскихъ сферахъ, очевидно, знали, и поэтому вопроса о согласіи польскаго правительства на участіе козаковъ въ австрийскихъ операціяхъ не считали нужнымъ поднимать, а хотѣли, очевидно, выяснить только фактическія отношенія козаковъ къ польскому правительству и собрать болѣе точныя свѣдѣнія о самихъ козакахъ.

Между тѣмъ Янушъ Острожскій, имѣвшій свои сношенія съ Венгріею, уже въ сентябрѣ 1593 г. началъ черезъ своего бѣлоцерковскаго подстаросту, извѣстнаго намъ кн. Курцевича, склонять козаковъ къ службѣ императору: обѣщаль имъ по 20 золотыхъ и сукно на каждаго, но требоваль, чтобы они привезли съ собою артиллерію изъ 24 полевыхъ орудій, другими словами—чтобы двинулись всѣмъ войскомъ; такъ въ началѣ октября доносилъ Замойскому Верещинскій ³⁾). Объ этомъ, очевидно, велись переговоры между козаками во время кievской „оккупациі“, и, узнавъ объ этихъ разговорахъ, одинъ изъ категорій

¹⁾ Памятники дипломатич. сношеній древней Россіи I с. 1282 Соловьевъ VII с. 594.

²⁾ Приб. I къ статьѣ Барвинскаго.

³⁾ Listy с. 32.

упомянутых шляхетско-козацких авантюристовъ, ближе неизвѣстный намъ Станиславъ Хлопицкій, задумалъ изъ этого устроить выгодное дѣло для себя ¹⁾). Онъ отправился въ Прагу къ императорскому двору и отрекомендовался въ качествѣ посла отъ низовыхъ козаковъ: по его словамъ козаки, располагая войскомъ въ 8—10 тысячъ, берутся ударить на Татаръ, направляющихся походомъ въ Венгрію, и этимъ нападеніемъ предотвратить ихъ вторженіе. Австрійское правительство рѣшило воспользоваться этимъ предложеніемъ, не ожидая сообщеній изъ Польши. Хлопицкій формально былъ принятъ на службу императору, приведенъ къ присягѣ и отправленъ затѣмъ къ козакамъ съ императорскимъ знаменемъ, трубами и грамотою, призывавшею козаковъ къ войнѣ съ Турками. Кроме того, особо, со своимъ агентомъ Лассотою австрійское правительство послало въ подарокъ козакамъ 8 тыс. дукатовъ и поручило ему столкнуться съ ними въ подробностяхъ относительно операцій противъ Турокъ ²⁾).

Въ то же самое время, совершенно независимо отъ австрійскаго правительства, подобную же попытку съ своей стороны предпринялъ папа Климентъ VIII, весьма близко къ сердцу принимавшій венгерскую компанію и также увлеченный планами восточной лиги противъ Турокъ. Еще въ 1580 г. козацкіе вожди развивали предъ папской куріей, черезъ посредство ея нунція въ Польшѣ, планы грандіозныхъ военныхъ операцій противъ Турціи ³⁾; тогда они были оставлены безъ вниманія, теперь папа задумалъ воспользоваться ими. Осенью 1593 г. онъ отправилъ своего нунція, хорватскаго священника Комуловича, или Комулея, какъ онъ называется въ актахъ, въ латинизированной формѣ, и поручивъ ему заняться организаціею лиги противъ Турціи между прочимъ уполномочилъ принять на службу противъ Турокъ козаковъ. Комуловичъ долженъ былъ склонить ихъ къ войнѣ противъ Турціи, и для этого ему даны были двѣ буллы, одна, адресованная козакамъ, другая ихъ гетману (*capitaneus*). Въ видѣ задатка, если бы козаки его домогались, Комуловичъ дол-

¹⁾ Tagebuch des Erich Lassota с. 215. Я связываю планы Хлопицкаго съ миссіею Курцевича (до сихъ поръ какъ то непринято во вниманіе) въ виду того, что сообщенія Берещанскаго и Мишинскаго совпадаютъ какъ во времени, такъ и въ мѣстѣ.

²⁾ Tagebuch с. 192—3 и 211, и дальше.

³⁾ Объ этомъ статья Боратинскаго *Kozacy i Watykan (Przeгляд polski 1906, октябрь)*; акты пока не изданы.

жонъ былъ вынуждены имъ 12 тыс. дукатовъ, а остальное обещать, когда они начнутъ войну¹⁾. Но при этомъ Комуловичу былъ данъ очень неудачный маршрутъ: онъ долженъ былъ обратиться къ архіепископу львовскому Соликовскому, потомъ къ Янушу Острожскому, и къ самымъ козакамъ Комуловичъ такъ и не нашлъ дороги. О запорожцахъ, онъ узналъ что они стерегутъ Татаръ при устьѣ Днѣпра, и туда ѣхать не отважился. Въ Каменцѣ Подольскомъ онъ завелъ переговоры съ „другими козаками“, находившимися въ количествѣ двухъ съ половиною тысячъ подъ командою не названнаго по имени вождя—должно быть съ козаками Наливайка²⁾, и старался склонить ихъ къ совмѣстнымъ операціямъ съ молдавскимъ господаремъ, но послѣдній не желалъ для себя такихъ союзниковъ, опасаясь козацкихъ грабежей, и такимъ образомъ изъ этихъ переговоровъ ничего не вышло³⁾. Въ концѣ концовъ Комуловича направили къ недавнему козацкому „старшему“ Ник. Язловецкому и съ нимъ Комуловичъ заключилъ слѣдующее условіе: взаимнѣ переданныхъ ему 12 тыс. зл. Язловецкій обязался въ теченіе трехъ мѣсяцевъ предпринять экспедицію въ татарскія земли, либо напасть на Татаръ, когда они будутъ возвращаться изъ Венгріи⁴⁾.

Легко себѣ представить, какъ воѣ эти планы, переговоры, слухи, эти напекіе и императорскіе дукаты, знамена и трубы взбудоражили козачество и какой горючій матеріалъ бросили они въ его среду.

Уже въ декабрѣ 1593 г. козацкое войско двинулось въ турецкіе подунайскіе города, прошло черезъ Молдавію, напало на Джурджево и покаявъ туда во время ярмарки, собрало бога-

¹⁾ Акты, относящіеся къ миссіи Комуловича, издали Пирлингъ и Рачки въ *Starine* загребской академіи: *L. Komulovića izvještaj i listovi o poslanstvu njegovu u Tursku, Erdelj, Moldawsku i Poljsku* (т. XIV), и затѣмъ Пирлингъ сдѣлалъ еще дополненія къ нимъ подъ названіемъ *Novi izvori o L. Komuloviću* (т. XVI); папская инструкция въ этихъ добавленіяхъ, № 4, также въ Рус. истор. библиот. т. VIII і *Hungarizaki Dokumente III I*; буллы у Тайнера *Vetega monumenta Poloniae III* № 211.

²⁾ Еварицкій наугадъ назвалъ этого козацкаго вождя Микошинскимъ (II с. 101), и позднѣйшіе изслѣдователи, не имѣя въ рукахъ реляціи Комуловича и думая, что Еварицкій заимствовалъ имя Микошинскаго изъ его реляціи, категорически повторяли за нимъ это имя. ³⁾ *Komulovića izvještaj* № 8.

⁴⁾ *Ibid.* № 8 и расписка Язловецкаго тамъ же на с. 111.

тую добычу, опустошило окрестности и счастливо вернулось во своем; Турки и Молдаване пытались настичнуть козаковъ, но до Днѣстра не успѣли догнать, а перейти за Днѣстръ не отважились. Предводителемъ этого похода польскіе источники называютъ Григорія Лободу, впервые выступающаго тутъ въ роли козацкаго вождя, а войско козацкое опредѣляютъ въ три тысячи ¹⁾. Но должно быть это была экспедиція добровольцевъ, такъ какъ запорожское войско не признавало ее своимъ дѣломъ ²⁾. Оно двинулось весною 1594 г., когда въ Запорожье пришла императорская грамота, отправленная съ Хлопицкимъ и присланная имъ на Запорожье передъ своимъ прѣездомъ. Получивъ эту грамоту, запорожцы, чтобъ показать императору свою службу, какъ они говорили, тотчасъ же, въ мартѣ этого года, двинулись въ походъ на Бѣлгородъ, гдѣ въ то время собиравсь къ походу турецкія войска, разрушили городъ и перебили много Турокъ—двѣ съ половиною тысячи солдатъ и восемь тысячъ населенія ³⁾. Потомъ, въ маѣ, когда Хлопицкій привезъ императорское знамя и прочіе клейноды, рѣшено было предпринять новый походъ. Въ то время крымскій ханъ двинулся изъ Крыма въ Венгрію и козаки рѣшили задержать и разбить его при переправѣ черезъ Днѣпръ (напомнимъ, что таковъ именно былъ планъ, предложенный императору Хлопицкимъ). Гетманъ Богданъ Миконинскій двинулся съ 1300 козаковъ на 50 лодкахъ; но орда шла слишкомъ огромною массою—было 80 тыс. людей, какъ рассказывалъ захваченный „языкъ“, а переправы охраняли турецкіе корабли, такъ что козаки хотя и напали на Татаръ, но воспрепятствовать переправѣ не были въ состояніи.

Затѣмъ въ іюнѣ прибыли посольства—московскій посолъ, привезшій отъ своего правительства подарки, съ совѣтомъ, чтобъ козаки помогали императору, и императорскій агентъ Лассота съ

¹⁾ Бѣльскій с. 1707—8, Гейденштейнъ с. 204, *Archiwum Sapiechów* № 109, редація Вакера—приб. II къ статьѣ Барвинскаго; Барвинскій должно быть по недосмотру называетъ предводителя этого похода Наливайка.

²⁾ *Tagebuch des Lassota* с. 216—7, 220—1; возможно впрочемъ что оно не принимало этого похода въ свой счетъ потому, что тогда еще не имѣло формальнаго императорскаго порученія, объ исполненіи котораго шла рѣчь.

³⁾ *Tagebuch des Lassota* с. 216—7, 220—1; предводителемъ этого похода Лассота называетъ Лободу (с. 215).

деньгами и инструкціею, чтобы козаки двинулись черезъ Молдавію въ погоню за Татарами. Сумма, привезенная Лассотою въ видѣ подарка (8 тыс. дукатовъ) разочаровала козаковъ—они ожидали большаго и домогались формальнаго договора, который бы обеспечивалъ имъ ежегодную плату за службу. Планъ похода въ Турцію имъ также не понравился: они говорили, что для этой цѣли нужно больше людей, а ихъ было въ Запорожьѣ только 3 тыс., и необходимы лошади, а ихъ сейчасъ нѣтъ, и для того, чтобы достать, нужно время; они предпочитали идти на Перекопъ, или на турецкіе города Килію и Бабадагъ, на лодкахъ. Какъ разказываетъ Лассота въ своихъ чрезвычайно интересныхъ запискахъ объ этой миссіи, оппозиція исходила отъ старшихъ и болѣе состоятельныхъ козаковъ, въ то время какъ „чернь“ вначалѣ была на сторонѣ предложенія, и только подъ вліяніемъ старшины стала также отказываться отъ этого предпріятія. Наконецъ рѣшено было отправить къ императору пословъ съ трофеями послѣдняго похода, чтобы условиться относительно дальнѣйшей службы, а тѣмъ временемъ отправиться на Перекопъ¹⁾.

Отвергнутую Запорожьемъ задачу—идти вслѣдъ за Татарами въ Молдавію и препятствовать ихъ наступленію, задумалъ самостоятельно выполнить Наливайко. Уже съ весны онъ носился съ мыслью идти походомъ на Татаръ и, желая соединить полезное съ пріятнымъ, искалъ только фирмы, или протца говоря, — напимателя для этой кампаніи. Отъ апрѣля мѣсяца имѣемъ его письмо гетману Замойскому: Наливайко извѣщаетъ, что уволился отъ службы у кн. Острожскаго, узнавъ объ опасности, надвигающейся со стороны врага св. креста и всей Польской короны, собралъ „немало товарищей“ и предоставляетъ ихъ и себя самого въ распоряженіе гетмана: проситъ инструкцій, куда именно онъ долженъ направиться противъ непріятели и гдѣ ему расквартироваться со своимъ войскомъ²⁾. Но въ это время по отношенію къ козачеству гетманы были настроены очень неблагоприятно и очевидно, не захотѣли связывать себя чѣмъ нибудь съ Наливайкомъ³⁾. Затѣмъ въ маѣ—іюнѣ, очевидно, онъ же велъ пере-

¹⁾ Tagebuch des E. Lassota с. 211 и сл. (переводъ въ Мемуарахъ изд. Мельникъ-Антоновичъ).

²⁾ Gdzieby szmy thesis żywnosci do czasu słusnego dosięgac mieli—Listy № 41.

³⁾ См. письма Жолевскаго (№ 24): онъ не считалъ возможнымъ входить съ козаками въ какія-либо сношенія, такъ какъ консти-

говору съ Комуловичемъ о военныхъ дѣйствіяхъ противъ Турціи, но эти переговоры тоже ни къ чему не привели. Тогда Наливайко со своимъ войскомъ, состоявшимъ изъ двухъ съ половиною тысячъ, отправился въ Молдавію самостоятельно, рассчитывая перерѣзать путь Татарамъ, двинувшимся въ Венгрію. Походъ былъ предпринятъ въ серединѣ или второй половинѣ іюня. Войско Наливайка было, разумѣется, слишкомъ слабымъ для того, чтобы преградить Татарамъ путь, но ему удалось всетаки сильно ихъ пощипать и забрать нѣсколько тысячъ лошадей (3—4 тыс.), какъ рассказывали его посланцы Запорожцамъ. Изъ позднѣйшаго письма Наливайка къ королю выходитъ, что онъ разгромилъ тогда турецкія поселенія въ окрестностяхъ Пресканъ, на нижнемъ Днѣстрѣ¹⁾.

Узнавъ, что Запорожцы изъ-за недостатка лошадей не могутъ двинуться въ Молдавію, Наливайко отправилъ своихъ гонимовъ на Запорожье, предлагая войти въ соглашеніе для совместныхъ дѣйствій противъ Турціи. Массота былъ свидѣтелемъ этого посольства; онъ говоритъ, что Запорожцы были недовольны на Наливайка за то, что онъ во время волынской кампаніи 1593 г. сражался противъ нихъ въ войскѣ Острожскихъ. Наливайко черезъ своихъ посланцовъ оправдывался передъ Запорожцами, объясняя, что иначе онъ не могъ поступить, такъ какъ кампанія застала его на службѣ у кн. Острожскаго и онъ не могъ разорвать свои обязательства по отношенію къ нему, но сейчасъ готовъ явиться на судъ Запорожцевъ: „если почтенные рыцари подозрѣваютъ его въ какой-либо враждѣ, то онъ самъ лично явится въ ихъ кругъ и, сложивъ свою саблю, готовъ оправдаться передъ всѣми; если рыцарскій кругъ все таки признаетъ его неправымъ, то онъ самъ дастъ отрубить голову своею собственной саблей; но онъ надѣется, что его объясненія удовлетворятъ ихъ, и они будутъ считать его на будущее время своимъ добрымъ пріятелемъ и братомъ“. Въ знакъ примиренія онъ изъявлялъ желаніе подѣлиться съ Запорожцами своею до-

туція провозгласила ихъ бунтовщиками; отзывъ Замоискаго въ приб. II у Барвинскаго: nullius pretii quidem esse, qui hodie hoc nomine se sentiantur.

¹⁾ Broel-Plater *Zbiór pam.* II с. 215; опредѣлить время событий, рассказанныхъ здѣсь Наливайкомъ, въ точности не легко, но въ общемъ этотъ походъ съ значительной увѣренностью можно отнести въ этому времени.

бычею—дать имъ 15—16 сотенъ лошадей, захваченныхъ у Татаръ¹⁾). Какъ закончился этотъ эпизодъ, Лассота не рассказываетъ, но очевидно, что примиреніе состоялось, по крайней мѣрѣ формальное, такъ какъ послѣ этого начинаются нѣкоторыя совмѣстныя дѣйствія Запорожцевъ съ Наливайковцами.

Между тѣмъ польскіе гетманы, отвергнувъ помощь козацкаго войска, были наказаны за это жесточайшимъ образомъ. Не имѣя свѣдѣній, какимъ путемъ Татары двинутся въ Венгрію и опасаясь мобилировать шляхту безъ крайней нужды, чтобы не навлечь на себя упрековъ въ случаѣ, если эта мобилизація окажется излишней, они ничего не приготовили противъ татарскаго вторженія. Между тѣмъ въ іюль (1594) ханъ, получивъ, какъ говорили, большую сумму денегъ отъ молдавскаго господаря подъ условіемъ, чтобы онъ обошелъ Молдавію, двинулся вверхъ по Днѣстру на Подулье, оттуда въ Галицію, по пути избивая населеніе, грабя и разоряя все кругомъ. Прежде чѣмъ гетманы успѣли стянуть свои войска и созвать сосѣднюю шляхту, Татары прошли уже подъ Самборъ, и только здѣсь встрѣтившись съ польскимъ войскомъ, ловко увернулись и ушли черезъ горы въ Венгрію. Этотъ татарскій погромъ вызвалъ всеобщія нареканія и жалобы на гетмановъ. Упрекали ихъ за татарскія опустошенія и за неловкое положеніе, въ которомъ очутилась Польша: австрійское правительство заблаговременно просило не пропускать Татаръ черезъ польскія владѣнія и польское правительство рѣшительно обнадѣжило его, что Татаръ черезъ Польшу не пропустятъ, а между тѣмъ дало имъ возможность пройти въ Венгрію тамъ, гдѣ ихъ совершенно не ожидали, и это очень чувствительно ухудшило шансы „нашихъ христіанъ“, какъ говорили въ Польшѣ²⁾). Все это вызвало жажду реванша въ польскихъ кругахъ и особенно въ Замойскомъ, который съ этихъ поръ становится горячимъ сторонникомъ лиги противъ Турціи.

Язловецкій, обратившійся въ это время къ Замойскому со своимъ планомъ похода на Татаръ по порученію папы или точнѣе Комуловича, встрѣтилъ полное сочувствіе гетмана—хотя послѣдній и не возлагалъ большихъ надеждъ на этотъ планъ, считая его слишкомъ грандіознымъ для силы и средствъ частнаго чело-

¹⁾ Tagebuch с. 222—3.

²⁾ Вѣльскій с. 1711—8, Гейденштейнъ с. 304—5 (пер. II с. 322—4), Listy № 28—34.

нѣка¹⁾). Свои надежды Язловецкій возлагалъ главнымъ образомъ на козаковъ; Комуловичъ рассчитывалъ еще на помощь Молдавіи и Трансильваніи, но это были пустыя надежды. Язловецкій мечталъ двинуться въ Крымъ, разгромить татарскія поселенія, оставленныя ордою; но козаки покинули его въ дорогѣ и послѣ этого Язловецкій переѣхалъ планъ и двинулся на Бѣлгородъ, считая послѣдній болѣе легкой добычей. Но тутъ стали покидать Язловецкаго и убѣгать отъ него остальные его наемники, такъ что это шляхетское „козакованье“ кончилось ничѣмъ—а съ нимъ вмѣстѣ и попытки, предпринятыя на Украинѣ папою и Комуловичемъ²⁾).

Козаки въ это время хозяйничали въ Молдавіи. Наливайко въ своемъ письмѣ къ королю такъ рассказываетъ исторію этого похода: „Не желая даромъ тратить время и упускать случай разорять непріятеля, пустились мы подъ Билію и подступивъ къ Теринѣ, пошли на приступъ; взявъ, съ божьей помощью, городъ, вырѣзали мы не малую часть поганыхъ, а часть забрали живыми. Сожгли городъ, пробовали взять замокъ, но не могли его добыть, поэтому разослали свои отряды и уничтожили огнемъ болѣе пятисотъ селъ, убили не мало поганыхъ, забрали „ясуръ“ (плѣнныхъ) 4000 Турокъ, Турчанокъ, Татаръ и Татарокъ. Но молдавскій господарь далъ 7000 своихъ людей въ помощь поганымъ и преслѣдовалъ насъ со своими людьми до самой переправы, отбилъ на перевозѣ добычу и убилъ нѣкоторыхъ товарищей“³⁾. Этотъ неудачный походъ имѣлъ мѣсто въ сентябрѣ⁴⁾; на Украинѣ рассказывали, что Наливайковцы потеряли въ немъ очень много людей, больше полуторы тысячи, и Наливайко задумалъ отомстить Румынамъ. Вступивъ въ переговоры съ Запорожцами, онъ вмѣстѣ съ Лободою приблизительно въ октябрѣ 1594 г. выступилъ въ новый походъ. „Мы отвѣтили ему (господарю) на это“.

¹⁾ Гейденштейнъ с. 307 (II с. 326).

²⁾ Бѣльскій с. 1719—1720, Гейденштейнъ с. 307 (II с. 326). Судя по письму Комуловича, походъ Язловецкаго имѣлъ мѣсто приблизительно въ октябрѣ н. с. 1594 г.—Starine XIV с. 110, и съ этимъ въ общемъ совпадаютъ рассказы Бѣльскаго и Гейденштейна.

³⁾ Broel Plater II с. 215; исследователи ошибаются, относя этотъ походъ Наливайка ко времени послѣ пребывания его въ Варѣ.

⁴⁾ Изъ жалобы брацлавской шляхты узнаемъ, что послѣ этого похода Наливайко пришелъ въ Брацлавскія земли въ серединѣ сентябрю н. с.

пинотъ Наливайко въ своемъ письмѣ, „и необъядавъ ему явиться въ его землѣ, исполняя свое обѣщаніе (мести) и рыцарское слово, выйдя оттуда (изъ Молдавіи), соединили свое войско съ Лободою и пошли вмѣстѣ на Молдавію; тамъ, по милости божьей, въ трехъ мѣстахъ сразившись съ непріятелемъ имѣлъ я счастье и нанесъ въ людяхъ его такія потери, что онъ не могъ больше оправиться и, бросая пушки, долженъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ. А мы съ добычею, взятою тогда у непріятели, пошли къ Бару и тамъ не дали конямъ старѣться, повинувъсь письмамъ отъ его императорской милости, а также господъ воеводъ семигородскаго, мунтянскаго (волошскаго) и молдавскаго — по требованію этихъ христіанскихъ владѣтелей отправились на помощь въ непріятельскія земли, какъ подобало людямъ рыцарскимъ“¹⁾. Польскіе историки сообщаютъ нѣкоторыя подробности объ этомъ большомъ козацкомъ походѣ на Молдавію: по ихъ словамъ козаковъ было до 12 тыс., подъ 40 знаменами, или около того, среди нихъ было два императорскихъ, присланныхъ Рудольфомъ. Подъ Сороками перейдя Днѣстръ, козаки разбили вышедшаго имъ навстрѣчу господаря, такъ что онъ принужденъ былъ бѣжать въ Валахію. Сожгли Яссы, опустошили весь край, и вышли за границу, когда воевода снова собрался на нихъ, подкрѣпленный помощью изъ Валахіи²⁾.

Вѣроятно не безъ вліянія этого погрома наступила перемѣна въ политикѣ Молдавіи: молдавскій господарь Аронъ разрываетъ съ Турками, переходитъ на сторону императора и заключаетъ съ валашскимъ и трансильванскимъ воеводами союзъ противъ Турокъ. Въ этой новой политической комбинаціи козаки принимали живое участіе; сотникъ Демковичъ специально былъ отправленъ козаками въ Молдавію, чтобъ принять присягу господаря на вѣрность императору; съ другой стороны императоръ поручалъ господарю въ дальнѣйшемъ поступать по соглашенію съ козаками“³⁾. Императоръ снова прилагалъ старанія втянуть въ свою борьбу съ Турціей Польшу и Москву, но страхъ передъ Турками въ Польшѣ

¹⁾ I. с. 215—6.

²⁾ Гейденштейнъ с. 307 (II с. 327), Бѣльскій с. 1720. Бѣльскій говоритъ, что господарь Аронъ получилъ помощь и отъ Турокъ, но это едва ли вѣрно, въ виду разрыва Арона съ Турками, о которомъ мы узнаемъ влѣдѣ за этимъ.

³⁾ Отрывокъ изъ реляціи Демковича у Кулиша Ист. возсоединенія II с. 429.

былъ слишкомъ великъ, и хотя Замоискій и носился съ планами похода на Крымъ, въ концѣ концовъ вынужденъ былъ ограничиться оборонительной тактикой¹⁾. Лишь Аронъ съ козаками и помощью Трансильваніи открылъ кампанію противъ Турокъ. Побода въ концѣ февраля 1595 г. пошелъ въ Молдавію, уже въ качествѣ союзника Арона; Наливайко двинулся туда же спустя нѣсколько недѣль²⁾. Силы козаковъ опредѣляли въ 12 тыс.³⁾, Наливайко такъ описываетъ эту кампанію: „Встрѣтившись съ молдавскимъ войскомъ подъ Тягинею и обмѣнявшись присягой, приступили мы къ замку. Взять замокъ не могли и повернули на Бѣлгородъ, взяли городъ, ямѣли нѣсколько сраженій съ неприятелемъ, сожгли много селъ около Бѣлгорода, но замка не взяли и двинули войско на Кицію. Здѣсь сожгли городъ, также не мало селъ при устьѣ Дуная, къ замку приступали очень упорно и взяли бы, еслибъ не помѣшала намъ вражда между Румынами и Венграми (Трансильванцами) вездѣ служившая намъ большимъ препятствіемъ⁴⁾. Боясь измѣны съ ихъ стороны, мы повернули восвояси, и въ долину Ялузы, въ шести миляхъ отъ Киіи, праздновали, по христіанскому обычаю, Пасху; отпраздновавши счастливо приѣхали въ свою землю, въ Пилковъ“⁵⁾.

Между тѣмъ возстаніе Молдавіи и Валахіи вызвало большой турецкій походъ, имѣвшій цѣлью усмиреніе непокорныхъ вассаловъ султана. Турецкое войско опустошило Валахію и собиралось двинуться на Трансильванію. Та же участь ожидала и Молдавію. Это вызвало большую тревогу въ Польшѣ: боялись, какъ бы Турки, вступивъ въ Молдавію, не пришли и на Украину; тѣмъ болѣе, что козаки сообщали тревожныя вѣсти и о Татарахъ. Между тѣмъ польскія военныя силы были очень слабы. Пришлось польскимъ гетманамъ обратиться къ козакамъ—хоть теперь надъ послѣдними тяготѣли разныя проступки и своевольства. Воспользовавшись тѣмъ, что козацкій полковникъ Сасыко прислалъ изъ Брацлавскихъ земель вѣсти о Татарахъ, Замоискій отправилъ къ козакамъ грамоту, призывая на службу и помощь; писалъ, что

¹⁾ Гейденштейнъ 314—5 (II с. 340).

²⁾ Этотъ походъ Наливайка почему то пропускается исследователями. ³⁾ Письма Острожскаго у Кулиина I. с. с. 432—5.

⁴⁾ Эти раздоры окончились тѣмъ, что предводитель трансильванскихъ силъ схватилъ Арона и отправилъ въ Трансильванію—Гейденштейнъ с. 314—5 (II с. 340.)

⁵⁾ I. с. с. 216 Гейденштейнъ I. с. Бѣльскій с. 1723.

теперь имъ представляется случай вернуть милость короля и сейма, утраченную своевольтвами, и поручалъ имъ взять на себя Татаръ. Но козаки не заботились о милости, а требовали платы и вообще въ виду того непрязннсшаго и презрительнаго отношенія къ нимъ, какое проявляли до сихъ поръ оба гетманы, мало были склонны къ участию въ ихъ планахъ; польскіе хронисты прибавляютъ, что козаки и не довѣряли Полякамъ—очевидно, имѣя въ виду тяготѣвшія надъ ними суровыя постановленія сейма, и это также вполне возможно. Замойскій на требованія козаковъ отвѣтилъ, что прежде, чѣмъ говорить о платѣ, козаки должны заслужить прощеніе своихъ преступленій и тогда уже просить денегъ и сукна. Тогда Сасько отвѣтилъ, что въ такомъ случаѣ они на войну не пойдутъ, и двинулся изъ Брацланскихъ земель на Днѣпръ ¹⁾. Наливайко отправился походомъ въ Вевгерію, якобы по приглашенію императора. „Давъ конямъ три недѣли отдыха и не имѣя дѣла въ державѣ вашей королевской милости“—писалъ онъ королю— „а не привыкнувъ бездѣйствовать, пустились мы въ землю императорскую за писаніемъ отъ е. м. императора христіанскаго. Тамъ не короткое время мы служили—не изъ за какихъ-либо денегъ, а изъ одной нашей рыцарской ревности, но увидѣвъ, что Мамутелія ведетъ съ трансильванскимъ воеводою интриги противъ вашей кор. милости, посылаетъ людей короля (эригерцога) Максимилиана трансильванскому воеводѣ въ Молдавію противъ пана канцлера (Замойскаго),—я будучи вашимъ королевскимъ подданнымъ, не стерпѣлъ этого дольше. Итакъ не склоняя своего сердца къ деспотамъ и подаркамъ того государства (австрійскаго) и не поддаваясь жадности, я не сталъ оставаться тамъ дольше, по получивъ достовѣрное извѣстіе, что панъ гетманъ (Замойскій) пошелъ съ войскомъ въ Молдавію, тотчасъ же, не медля, поспѣшилъ изъ тѣхъ краевъ на службу своей отчизнѣ—считая всегда своею обязанностью служить ей. Прямо изъ горъ я письменно далъ знать о себѣ п. гетману и спрашивалъ, не нуженъ ли я ему въ этомъ краю. Но п. гетманъ отвѣтилъ намъ, что идетъ въ Молдавскую землю не для войны, а по другимъ дѣламъ“ ²⁾.

Точно также, когда Запорожцы, отказавшись отъ участія

¹⁾ Archiwum Radziwiłłów s. 117. Гейденштейнъ с. 316 (II с. 342), Бѣльскій с. 1728—9.

²⁾ Письмо Наливайка—Броель-Плятеръ II с. 216, ср. Гейденштейна с. 327 (II с. 363), Бѣльскаго с. 1743.

въ официальномъ походѣ, самостоятельно пошли подѣ Тягиню громить Турокъ, Замойскій заявилъ имъ, что они тамъ не нужны, и потребовалъ, чтобы они тотчасъ отправились на Низъ, грозя въ противномъ случаѣ поступать съ ними какъ съ врагами. И казаки послѣ этого отправились въ Подольскія земли ¹⁾.

Замойскому казаки нужны были для борьбы съ Татарами, но не въ Молдавіи, гдѣ онъ строилъ тонкіе, больше дипломатическіе, чѣмъ военные планы, стараясь провести ихъ безъ нарушенія мира съ Турками. Ободренный полною беззащитностью Молдавіи, онъ вошелъ въ ея предѣлы, принудилъ удалиться отсюда остатки трансильванскаго войска и посадилъ на господарскій престолъ преданнаго Польшѣ молдавскаго боярина Іеремію Могилу, долго жившаго на Украинѣ и получившаго отъ польскаго правительства гражданскія и шляхетскія права. На молдавскомъ господарствѣ онъ долженъ былъ быть польскимъ вассаломъ; еслибы Турція на это согласилась, въ противномъ случаѣ—фактическимъ польскимъ союзникомъ и приспѣшникомъ, буферомъ между Польшею и Турціею; во всякомъ случаѣ, Замойскій рассчитывалъ добиться отъ Турціи, чтобы Молдавія осталась вассальнымъ государствомъ, а не была обращена въ простую турецкую провинцію, какъ задумывали теперь въ Константинополѣ. Такъ какъ ханъ опоздалъ, главныя турецкія силы не двинулись въ Молдавію, и Замойскій въ своемъ укрѣпленномъ лагерѣ могъ противостоять силамъ крымской орды и небольшого вспомогательнаго отряда тягинскаго бая; вмѣсто рѣшительной битвы, дѣло кончилось переговорами и установленіемъ перемирія съ ханомъ и беємъ; одновременно, при посредствѣ евзарха Никифора, Могила вошелъ въ переговоры съ великимъ визиремъ: турецкое правительство согласилось признать Могилу молдавскимъ господаремъ, своимъ вассаломъ ²⁾. Такимъ образомъ планъ Замойскаго былъ осуществленъ, отношенія съ Турціей и Крымомъ улажены, а Молдавія въ лицѣ Могилы перешла подѣ фактическій протекторатъ Польши.

¹⁾ Archiwum Radziwiłłow s. 117, Гейденштейнъ с. 319 (II с., 349 (плохой переводъ). Что касается хронологіи этихъ событій, то Замойскій говоритъ, что его походъ имѣлъ мѣсто jeszcze za lata dobre, не во время переговоровъ съ ханомъ, въ литературѣ иначе истолковывается это мѣсто.

²⁾ Гейденштейнъ с. 319 (II с. 343—6), Вѣльскій с. 1728—41, выдержки изъ нѣкоторыхъ неизданныхъ матеріаловъ у Жуковича Сеймовая борьба с. 177.

Такой оборотъ въ молдавскихъ дѣлахъ внесли важные перемены въ отношенія польскаго правительства къ козачеству. До сихъ поръ военныя операціи козаковъ, направленныя противъ Татаръ и Турокъ, могли быть до известной степени даже полезны съ точки зрѣнія польской политики: теперь въ интересахъ польской политики нужно было положить конецъ козацкимъ походамъ на Турокъ и Татаръ, чтобы не портить отношеній и не давать повода къ нападеніямъ на Украину, точно также козаки должны были оставить въ покоѣ Молдавію, разъ она перешла подъ польскій протекторатъ. Съ другой стороны, окончаніе военныхъ операцій на южной границѣ давало польскому правительству большую возможность сосредоточить главное вниманіе на козачествѣ, на „украинскомъ своевольствѣ“. Мы уже видѣли, что еще сеймъ 1592 г. проектировалъ грозныя репрессіи, провозглашая козаковъ „бунтовщиками и врагами государства“. Но постановленія эти остались въ проэктѣ, и козаки всё эти годы оставались полными хозяевами на всемъ украинскомъ пограничьи, отъ восточной части Подольскихъ земель до Днѣпра. Располагались, гдѣ хотѣли, собирали контрибуціи и припасы для своего содержанія и вообще вели себя, словно въ завоеванномъ краю, а мѣстные помѣщики и администрація должны были все это сносить и замечивать расположенія козацкихъ вождей, во избѣжаніе горшкаго. Вотъ напр., какія интересныя свѣдѣнія сообщаетъ Ян. Претвичъ изъ Барскихъ земель; гдѣ козаки квартировали зимою 1594—5 г. въ перерывѣ между двумя походами въ Молдавію:

„Третій день, какъ вѣхали они въ Баръ—самъ Лобода остановился въ Польскомъ городѣ, вмѣстѣ съ Хлопицкимъ; въ Черемисскомъ городѣ поставили Наливайка съ нѣсколькими сотнями копей; въ Русскомъ мѣстечкѣ, находящемся подъ замкомъ, расположено до двухъ тысячъ людей. Вчера былъ у нихъ „вругъ“ (коѣ), и на немъ постановили разставить усиленную стражу, чтобы ни одинъ человекъ не вошелъ и не вышелъ изъ города безъ ихъ вѣдома; также сильную конную стражу хотять разставить въ окрестности; во всё окрестныя наши имѣнія хотять разослать свои универсалы, чтобы мы посылали имъ туда всевозможные припасы; а у оставленнаго въ замкѣ въ качествѣ замѣстителя старосты допытывались реестровъ всякихъ доходовъ. Какой тамъ страхъ, какъ народъ бѣжить изъ своихъ домовъ, куда только можетъ, и описать этого не могу—и если не будетъ

божьей милости, и помощи королевской и попеченій валихъ (гетмана), разграбятъ и изубожатъ насъ всехъ“. Къ письму приписка: „черезъ два часа послѣ окончанія моего письма пришло ко мнѣ извѣстiе, что эти разбойники закончили переписъ поселенiя (для контрибуцій, очевидно) подъ Зиньковымъ, въ двухъ миляхъ отъ меня“¹⁾).

Особенно характерныя иллюстраціи того, какой переворотъ въ мѣстныхъ отношенiя вносило козачество, имѣемъ мы изъ Брацлавскихъ земель. Уже съ осени 1593 г. слышимъ о большихъ безпокойствахъ, которыя причиняли брацлавскому старостѣ здѣшніе мѣщане, „своевольства и бунты этихъ злыхъ хлоповъ“²⁾. Козачество, расхозяйничавшееся тамъ въ эти годы, служило постояннымъ ферментомъ для дальнѣйшихъ движенiй среди мѣстнаго населенiя. Главнымъ образомъ гостилъ здѣсь Наливайко со своимъ козачествомъ и между прочимъ сводилъ счеты съ Калиновскими, какъ рассказываетъ объ этомъ въ письмѣ къ королю: „Папъ Калиновскій моему отцу, который вѣдь одинъ у меня,— безо всякой причины ребра поломалъ, и такимъ образомъ отца моего ожилъ со свѣта, а я за эту обиду, больше которой вѣдь и быть не можетъ на свѣтѣ, не будучи свѣдущъ въ судейскихъ опособахъ и не имѣя средствъ для расходовъ, нужныхъ для процесса, какъ человекъ бѣдный (*chudy rascholek*), сознаюсь въ томъ — рѣшилъ отомстить ему способомъ худопахольскимъ“³⁾. Предполагаютъ, что осенью 1594 г. (въ сентябрѣ), послѣ неудачнаго похода въ Молдавію, Наливайко снова пришелъ въ Брацлавскія земли, гдѣ онъ былъ и до этого похода. Козаки расположились здѣсь и приказали шляхтѣ доставлять имъ „стацию и помѣрно“, „а въ селахъ папихъ выбирали себѣ изъ стада лошадей—по нѣскольку сотъ лошадей, какъ и въ то время, когда шли на Тягиню, точно также цѣлыя стада воловъ и коровъ“.

¹⁾ Listy Żółkiewskiego с. 60.

²⁾ Listy Żółkiewskiego с. 39. Нѣкоторые поправляютъ дату этого письма на 1594 г., но я не вижу для этого оснований—ср. другое письмо Жолкевскаго ib. с. 46.

³⁾ Broel-Plater II с. 215. Современникъ Ян. Йшонка въ своихъ запискахъ указывалъ на этотъ эпизодъ, какъ на начало своевольствъ Наливайки: вмѣсто того, чтобы бить Татаръ, онъ занялся грабежомъ: разгромивъ Калиновскаго, захотѣлъ большого—разграбилъ Луцкъ, Слущкъ и другіе города (*Pamiętnik Jakoba Pszonki*, 1874, с. 24).

Шляхта съѣхалась въ началѣ сентября въ Брацлавъ на сессию земскаго суда, но прервала засѣданія и разъѣхалась, такъ какъ Наливайко прислалъ какія-то угрожающія письма. Потомъ узнавъ, что Наливайко не имѣетъ при себѣ большого войска — такъ какъ, говорили, его сильно разбили въ Молдавіи, а многіе козаки разошлись отъ него по домамъ, шляхта задумала возобновить свое господство. Съѣхавшись на депутатскіе выборы въ Винницу, шляхта рѣшила ѣхать всѣмъ вмѣстѣ, съ оружіемъ въ рукахъ въ Брацлавъ, чтобы отбыть тамъ сессию земскаго суда, а въ дѣйствительности овладѣть городомъ, въ которомъ хозяйничали бунтовщики мѣщане съ козаками. Козакамъ шляхта рѣшила отказать въ стаціи подъ тѣмъ предлогомъ, что она боится отвѣтственности за это — „абыхмы мы также помочниками Наливайку не были поличоны“. Мѣщанъ успокоила черезъ своихъ пословъ, убѣждая не удивляться ихъ походу, такъ какъ шляхта идетъ только на свою брацлавскую сессию — ничего больше. Но когда шляхта эта подошла ночью подъ Брацлавъ, во время ночлега подъ городомъ на этотъ шляхетскій лагерь напали брацлавскіе мѣщане съ Наливайкомъ и его козаками. „Войтъ брацлавскій Романъ Тишковичъ, съ бурмистрами, присяжными и со всѣмъ народомъ, имѣя помощь отъ этого безбожнаго челоувѣка Наливайка съ его дружиною, вскорѣ послѣ полуночи напали на насъ, побили, разгромили“, однихъ убили, другихъ ранили, ограбили, захватили лошадей, убранства, документы, приготовленные для суда и разогнали шляхетскій таборъ на всѣ четыре стороны¹⁾). Послѣ этого разгрома своевольные брацлавскіе мѣщане стали полными господами города; они взяли замокъ, завладѣли артиллерією, уничтожили городскіе и земскіе акты.

Это брацлавское народовластіе продолжалось вѣроятно до самой весны 1595 г., когда Наливайко и Лобода двинулись въ Молдавію; въ то время староста Струсъ вернулъ себѣ, кажется, брацлавскій замокъ, по крайней мѣрѣ, такъ можно заключить изъ одного, относящагося къ тому времени, письма Сапѣги. Но вернулся назадъ изъ Молдавіи Наливайко, снова расположился „кошемъ“ въ Брацлавскихъ земляхъ и завладѣлъ замкомъ. Только лѣтомъ двинулось на Украину польское войско съ гетманами, и Жолкевскій прислалъ со своимъ ротмистромъ королевскій мандатъ, въ которомъ король поручалъ ему усмирить непослушное мѣщанство. Пе-

¹⁾ Архивъ Ю. З. Р. III. I № 22.

редъ грозю военной экспедиціи брацлавская мѣщанская республика капитулировала: замокъ съ артиллеріей и актами вернула обратно своему старостѣ, а все убытки обѣщала вознаградить¹⁾.

Дошедшія до насъ извѣстія изъ другихъ мѣстъ касаются обычно лишь козацкихъ контрибуцій, переходившихъ по временамъ въ простые грабежи; социальнo-политическая сторона этого козацкаго господства теряется. Такъ, въ кievскомъ Полѣсьѣ хозяйничаетъ часть низового козачества подъ предводительствомъ Полоуса. Имѣется позднѣйшее указаніе, что Полоусъ, отдѣлившись отъ Лободы, прошелъ вверху Днѣпромъ и тамъ ходилъ со своимъ полкомъ, собирая „стацію“ (припасы) и совершая наѣзды на шляхетскіе дома²⁾; сохранилось его письмо изъ Мозыря къ Радзивиллу отъ апрѣля 1595 г., въ которомъ онъ успокаиваетъ его, что хотя и отягощаетъ населеніе, но не въ имѣніяхъ Радзивилла а въ королевскихъ³⁾,

Въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ началъ собирать контрибуціи Наливайко осенью 1595 г., вернувшись изъ Венгріи. Прежде всего онъ направился въ Волынскія земли и подошелъ къ Луцку во время ярмарки и судебной сессіи, когда сюда съѣхалось шляхта и купцы. Налутанное населеніе и не помышляло объ оборонѣ, выѣхало съ епископомъ во главѣ навстрѣчу ему и условилось относительно размѣровъ контрибуціи: но Наливайко не удовлетворился ею, разграбилъ все-таки предмѣстья и затѣмъ двинулся дальше, какъ рассказываетъ современникъ—„услышавъ о гетманѣ“ (польскомъ войскѣ)⁴⁾. Пройдя отсюда въ Бѣлоруссію, онъ напалъ на Слуцькъ, взялъ городъ и замокъ, забралъ оружіе, принудилъ мѣщанъ заплатить огромный выкупъ (5 тыс. копѣ), и прежде нежели подоспѣло войско, собранное Радзивилломъ, быстро прошелъ на Бобруйскъ и Могилевъ. Козаки взяли этотъ послѣдній, расположились здѣсь, разграбили лавки и дома. Подоспѣвшее литовское войско задумало сжечь городъ, чтобы выкурить оттуда козаковъ. Но Наливайко, выйдя изъ города, засѣлъ на сосѣдней горѣ и, когда литовское войско ударило на него, далъ сильный отпоръ, располагая сильной артиллеріей. Затѣмъ продолжая отбиваться, началъ отступать въ Волынскія земли. Литовское войско

¹⁾ Документъ, изданный въ Киев. Старики, 1896, X с. 3.

²⁾ Listy Zółkiewskiego с. 89

³⁾ Археограф. сборникъ VII № 39.

⁴⁾ Бѣльскій с. 173. Архивъ Ю. Э. Р. III I № 23.

не отважилось напасть на козаковъ, двигавшихся въ полномъ порядкѣ; къ тому же со всѣхъ сторонъ къ нимъ присоединился народъ ¹⁾. Какъ видимъ, это уже переходило въ настоящую войну, хотя Наливайко въ своемъ письмѣ королю, столько разъ цитированномъ и написанномъ именно на обратномъ пути изъ Могилева, представлялъ все дѣло невинной козацкою экскурсіею „на королевскій хлѣбъ“, на зимнія квартиры. „Чтобъ достать себѣ военные припасы, которыхъ намъ очень не доставало, особенно пороку и снарядовъ, отиравились мы въ Луцкъ, откуда выѣхали черезъ три дня, едва успѣвъ отдохнуть, удовлетворивъ только свои нужды; желая послѣ такихъ трудовъ дать конямъ отдыхъ на обычномъ козацкомъ пути надъ Днѣпромъ, пока не представится случай къ службѣ рѣчи посполитой, пустились мы было литовскимъ краемъ, но едва, какъ говорится, одною ногою вступили сюда, какъ уже литовскіе паны безо всякаго съ нашей стороны повода и вины, только за ту малость хлѣба, съѣденнаго нами въ ихъ имѣніяхъ, или даже и не съѣденнаго, разгнѣвались на насъ, наполнили Луцкъ и его замокъ гайдуками“, и т. д. Раписавъ въ такомъ невинномъ тонѣ всѣ прежнія свои „службы рѣчи посполитой“, — такъ какъ такими службами онъ представлялъ всѣ походы минувшихъ лѣтъ, Наливайко предоставлялъ себя и свое войско въ распоряженіе рѣчи посполитой, прося отвести для его войска землю между Бугомъ и Дибетромъ и передать ему суммы, расходующія на „упоминки“ крымскому хану, а за то Наливайко усмирить украинское своевольство и будетъ защищать государство отъ Москвы и Татаръ ²⁾.

Пока Наливайко такъ обильно утощался „хлѣбомъ его кор-

¹⁾ Вѣльскій с. 1743—4. Гейденштейнъ с. 327 (II с. 363). Борнудабовская лѣтопись у Кулиша Матеріалы I с. 64 и новое изданіе въ кiev. Университ. Изв. с. 19. Записки Евлашевскаго—Мемуары къ ист. Юж. Русск. II с. 32.

²⁾ Broel-Plater II с. 218—9. Высказывалась мысль, что эти „*condyue podane od Nalawajka krolowi jegom.*“ апокрифичны — что ихъ сочинилъ Мѣшковскій, авантюристъ, рискнувший отвести королю это письмо Наливайка, и вообще сыгравшій въ этой бѣлорусской аферѣ какую-то неясную и подозрительную роль. Въ доказательство указываютъ на неблаговидное содержаніе этихъ „кондицій“. Признаюсь, — мнѣ этотъ аргументъ не кажется убѣдительнымъ: факты не даютъ основаній предполагать въ Наливайкѣ высокій этический уровень; а особенно рѣзкихъ подробностей его предложеній нѣтъ нужды принимать en toutes lettres.

милости“ въ Бѣлоруссін, запорожское козачество кормилось хотя и гораздо болѣе скромно, ближе, въ кievскомъ Полѣвѣ. Одна его часть, съ Лободою во главѣ, расположилась въ Овручѣ, другая, подь предводительствомъ Шаулы, отправилась въ Бѣлоруссію. На письма разныхъ помѣщиковъ, требовавшихъ отъ Лободы, чтобы онъ отвелъ козаковъ на Низъ и не посылалъ въ земли в. кн. Литовскаго, Лобода отвѣчалъ въ стилѣ Наливайка, какъ человекъ, невинно оскорбленный: „Каждому изъ васъ извѣстно, какъ насъ призывали и „глейты“ посылали—приказывалъ и. коронный гетманъ и вся рѣчь посполитая, чтобы мы шли въ Молдавію, на потребу польской короны, и мы, держась нашихъ старыхъ обычаевъ—не лѣниться и не отказываться отъ услугъ королю и вамъ, были готовы къ этому, — а теперь вы, поведивъ насъ и больше не нуждаясь, въ это зимнее, непогожее время высылаете насъ изъ земель королевскихъ! Есть-ли въ этомъ какая-либо наша вина, каждый изъ васъ можетъ разсудить. Богъ знаетъ, куда намъ и дѣваться въ такое время! Поэтому покорно и униженно просимъ вашей милости—не обижайся на насъ за это и не отказывай намъ въ хлѣбѣ-соли въ этомъ краю, такъ какъ мы не противимся королевской власти и вашимъ приказамъ и умѣемъ цѣнить милость вашу“. Въ отвѣтъ на какія-то упоминанія о дѣлохъ Наливайка Лобода стрекался отъ всякой солидарности съ нимъ: „Что же касается этого своевольнаго человека Наливайка, который дѣйствительно, забывъ страхъ Божій и презирая все на свѣтѣ, собралъ такихъ же своевольныхъ людей, причинялъ потери и затрудненія коронѣ польской,—то съ нимъ мы не знаемъ и никогда не хотимъ знаться“¹⁾).

Въ дѣйствительности дѣйствія запорожскихъ козаковъ Лободы такъ же мало соответствовали лояльному тону его письма: они принимали участіе въ мѣстныхъ спорахъ и счетахъ шляхты, совершали набѣги на разныхъ помѣщиковъ. Тѣмъ же занимался и Наливайко, явившись въ концѣ января 1596 г. въ Волинскія земли. Это было бурное время—борьба національной, православной партіи, съ „измѣнниками“—приверженцами уніи и католичества; къ этому присоединялись еще извѣстныя личныя отношенія между козацкими вождями и главой національной партіи кн. Острожскимъ: Лобода издавна поддерживалъ пріязненные отношенія съ кн. Константиномъ, Наливайко служилъ у него еще

¹⁾ Listy Żółkiewskiego с. 66.

раньше, а братъ его Демьянъ занималъ довольно видное положеніе въ православномъ культурно-національномъ движеніи того времени, какъ членъ острожскаго кружка. Благодаря такимъ связямъ, а также и по мотивамъ болѣе принципіальнаго характера, козачество считаетъ своимъ долгомъ поддержать православную партію и начинаетъ сводить счеты съ разными противниками ея. Такъ козаки Лободы разгромили имѣнія одного изъ наиболѣе опасныхъ противниковъ православія луцкаго старосты Семашка и держали его въ осадѣ въ его собственномъ замкѣ¹⁾. Наливайко съ бывшимъ агентомъ Кир. Терлецкаго кн. Флоріаномъ Гедройтомъ (Гедройцемъ), переѣхавшимъ къ кн. Острожскому, специально заплелся Терлецкимъ. Пользуясь, очевидно указаніями Гедройта, онъ напалъ на имѣніе брата Кирилла, Яроша Терлецкаго, гдѣ было спрятано разное имущество Кирилла, отправившаго тогда въ Римъ со своей уніатской миссіей; разграбивъ здѣсь его имущество, Наливайко напалъ залѣмъ и разграбилъ другое имѣніе Яр. Терлецкаго Отовичи. Узнавъ далѣе, что самую главную часть имущества епископа Терлецкаго Ярошь отдалъ на сохраненіе пинскому мѣщанину Гр. Круиѣ, онъ разграбилъ и эти депозиты—„золото, серебро, драгоценности, одежду, церковныя принадлежности, деньги, бумаги, привилегіи, разные акты, документы на огромную сумму“. Было разграблено также кафедральное имѣніе Будоражъ²⁾. Все эти набѣги Терлецкіе объясняли потомъ мезтью Кириллу за то, что онъ отправился въ Римъ. Участникомъ набѣговъ они называютъ между прочимъ Дамьяна Наливайка, да и самого кн. Константина Острожскаго обвиняли въ томъ, что онъ посылаетъ козаковъ и сврываетъ ихъ у себя³⁾. Дамьянъ выступаетъ въ одномъ процессѣ какъ предводитель наливайковскихъ козаковъ — въ набѣгѣ на имѣнія Семашка⁴⁾. О надворныхъ полкахъ Острожскаго, съ которыми онъ шелъ весной 1596 г. въ Люблинъ, разсказывали, ссылаясь на слова самихъ слугъ Острожскаго, что въ нихъ чуть-ли не половина состояла изъ козаковъ Наливайка⁵⁾. Все это дало поводъ тогдашнимъ врагамъ православнымъ обвинять ихъ въ союзѣ и соучастіи съ Наливайковцами — они называли „Наливайками“ или „наливайков-

¹⁾ Архивъ Ю. З. Р. III. I № 25 и 26.

²⁾ Архивъ Ю. З. Р. III. I № 27 и 29, ч. I т. VI № 62.

³⁾ Ibid. III. I № 31.

⁴⁾ Письмо Острожскаго у Кудина Ист. возсоед. II с. 438.

⁵⁾ Archiwum Radziwiłłów с. 43—4.

скою сектою“ православныхъ вообще. Самъ Наливайко въ позднѣйшей традиціи превратился, подобно Косинскому, въ защитника православія¹⁾, и въ новѣйшей историографіи эти козацкія движенія 1595 — 6 гг. болѣе или менѣе определенно связываются съ религіозной борьбой того времени²⁾. Въ дѣйствительности, какъ мы видѣли, эти козацкія движенія лишь случайно совпали съ религіозной борьбой на Волыни зимою 1595—6 гг., и принципиальные религіозно-національные мотивы въ козацествѣ еще не играли сколько-нибудь замѣтной роли.

Экспедицыи, допущенныя Наливайкомъ въ послѣднюю зиму 1595—6 г. въ Волынскихъ земляхъ и Бѣлоруссіи, могли исчерпать терпѣніе даже наиболѣе упорныхъ сторонниковъ невмѣшательства Короны въ козацкія дѣла. До сихъ поръ правительство и гетманы коронные, занятые другими дѣлами, придерживались политики невмѣшательства. Конст. Острожскому въ конфликтѣ съ Косинскимъ, Струсю въ брацлавскихъ бунтахъ гетманы совѣтовали мирнымъ путемъ стараться установить соглашеніе съ козаками, и даже во время послѣдняго похода Наливайка въ Бѣлоруссію Замоискій находилъ нужнымъ только оправдываться отъ распространяемыхъ обвиненій, что это онъ послалъ туда козаковъ, и въ такомъ смыслѣ писалъ и Наливайку³⁾, и Лободѣ, увѣщевая ихъ „не причинять убытковъ въ имѣніяхъ королевскихъ и шляхетскихъ, и не располагаться въ нихъ“⁴⁾: Съ весною 1595 г. предполагалось двинуть на козаковъ польскія войска⁵⁾, но разговоры объ этомъ кончились ничѣмъ — нужно было думать объ оборонѣ границъ отъ турецко-татарской грозы, и Замоискій, вмѣсто того, чтобы громить козаковъ, вынужденъ былъ призывать ихъ на помощь противъ Татаръ и потомъ оправдывался, что былъ принужденъ къ этому недостаткомъ короннаго войска⁶⁾. Лишь въ концѣ 1595 г., какъ мы видѣли, были улажены турецко-татарскія отношенія и молдавскій вопросъ, и тогда только правительство могло серьезнѣе подумать о козакахъ, а послѣднія дѣйствія Наливайковцевъ и въ самомъ дѣлѣ не позволяли дальше откладывать этого вопроса. Грабежи въ „столич-

¹⁾ Грабянка с. 24, Крат. описаніе Малороссіи. с. 215.

²⁾ Напр. Костомарова Моногр III с. 279. Иловайскій Ист. Россіи. III с. 587. ³⁾ Archiwum Radziwiłłów с. 114. ⁴⁾ Ibid. с. 115.

⁵⁾ Письмо Острожскаго у Кулиша Ист. возсоед. II с. 435.

⁶⁾ Archiwum Radziwiłłów с. 117.

номъ“ городъ Луцкъ, взятіе Слуцка, сожженіе Могилова и т. п.— все это были такіе факты, на которые нельзя было смотрѣть сквозь пальцы. Послѣ зимняго похода Наливайка в. кн. Литовское избудоражилось до послѣдней степени; тѣмъ болѣе, что на мѣсто Наливайка двинулся туда Шаула, избранный вмѣсто Лободы, липеннаго гетманства¹⁾). Литовская шляхта вооружалась, призывала на помощь коронное войско.

Еще въ концѣ февраля въ Минскѣ были расписаны шляхетскіе „почты“ (отряды) противъ козаковъ, нанято войско въ количествѣ 1500 чел., чтобы выгнать козаковъ изъ в. кн. Литовскаго; объ этомъ же совѣщались на генеральномъ съѣздѣ въ Слонимѣ въ мартѣ²⁾). Волинскіе эксцессы, — преслѣдованіе луцкаго владыки, бывшаго тогда *persona gratissima* у короля, обставленное специально-религиозными мотивами, должно было также вызывать сильнѣйшее негодованіе со стороны короля. Чаша переполнилась,

Въ январѣ 1596 г. король назначилъ было „комиссію“ къ козакамъ: кн. Януша Острожскаго, кн. Януша Заславскаго, каменецкаго старосту Гульскаго, брацлавскаго Струся и разныхъ другихъ вельможъ и помѣщиковъ, которые должны были со своими людьми итти водворять спокойствіе на Украинѣ, и въ помощь имъ долженъ былъ выслать часть своего войска также и коронный гетманъ. Но назначенные комиссары уклонялись отъ этого порученія, не спѣшили со своими людьми на помощь коронному войску³⁾ и Жолкевскій напрасно ждалъ ихъ подъ Кременцемъ. Поэтому въ послѣднихъ числахъ января 1595 г., въ отвѣтъ на первыя извѣстія о козацкихъ своевольствахъ на Волини⁴⁾, ко-

¹⁾ Archiwum Radziwiłłów с. 152—записка безъ даты, попала ошибочно подъ 1599 г., это вѣрно замѣтилъ Доманицкій (с. 69), но тоже ошибся, принявъ для нея дату 16 мая 1595 г.—дата 16 мая не относится къ этой запискѣ, записанной въ началѣ 1596 г. (польское войско собирается итти на козаковъ).

²⁾ Жерела VIII № 59—60, Жуковичъ оп. с. 193.

³⁾ Archiwum Radziwiłłów № 115. Listy Żółkiewskiego с. 67, ср. 69.

⁴⁾ Семашка Запорожцы громили въ первой половинѣ января (н. с.), за Терлецаго Наливайко принялся особенно въ февралѣ; королевскіе универсалы подписаны 27 январемъ, но въ лудкіе акты Семашко внесъ этотъ универсалъ лишь 24 февраля; это объясняется тѣмъ (какъ узнаемъ изъ письма Жолкевскаго—с. 69), что универсалы были посланы ему про запасъ, чтобы использовать ихъ при встрѣтившейся надобности.

роль издавъ универсалы къ волынской и галицкой шляхтѣ, уведомляя ее о данномъ уже приказѣ гетманамъ двинуть на козаковъ войско, и призывая шляхту выступить всеобщимъ ополченіемъ вмѣстѣ съ войскомъ, такъ какъ козацкое движеніе захватываетъ уже и эти края. Вмѣстѣ съ тѣмъ польскій гетманъ Жолкевскій дѣйствительно получилъ приказъ двинуться съ войскомъ на козаковъ. Такъ началась первая настоящая кампанія польской Короны съ козаками.

Съ польской стороны ея главнымъ дѣятелемъ выступилъ Станиславъ Жолкевскій, долгодѣтній помощникъ и исполнитель плановъ Замойскаго, въ роли польнаго гетмана, ближайшаго начальника пограничной стражи. Война съ козаками 1596 г., порученная ему, была первою кампаніею, которую онъ велъ самостоятельно, и онъ вложилъ въ нее всю свою энергію—весь пылъ бойца и способности стратега. На ряду съ нимъ видную роль сыгралъ кн. Кирикъ Ружинскій, недавній козацкій вождь: онъ выступилъ теперь неумолимымъ врагомъ козачества, такъ что даже Жолкевскій не одобрялъ его безчеловѣчныхъ экзекуцій и оправдывалъ ихъ только крайнимъ раздраженіемъ противъ козаковъ. Вѣроятно, столкновение произошло на почвѣ колонизаціонныхъ плановъ Ружинскаго въ южной части Киевскихъ земель, гдѣ онъ какъ разъ въ это время устраивалъ свою латифундію—Паволоцкую волость въ бассейнѣ р. Роси, и на этой почвѣ разстроилась старая пріязнь съ козаками не одного изъ пограничныхъ помѣщиковъ, принявшихъ теперь горячее участіе въ кампаніи противъ козаковъ. Изъ пограничныхъ старостъ видную роль игралъ въ ней брацлавскій староста Струсь, имѣвшій теперь возможность сорвать на козакахъ свое раздраженіе за всѣ неприятности, причиненныя ему въ Брацлавскихъ земляхъ. Житомирскій староста Семень Дениско Матвѣевскій вписалъ свое имя въ исторію кампаніи, сложивъ голову въ неосторожномъ штурмѣ на козацкій таборъ на Солоницѣ. Богданъ Огинскій, троцкій подкоморій, предводительствовалъ войскомъ в. кн. Литовскаго.

Съ козацкой стороны, какъ вожди настоящаго козачества—„Низовцевъ“ выступаютъ Лобода, Шаула, Сасько, Шостакъ, Кремпскій.

Григорій Лобода остается центральною фігурой все время до самой своей смерти въ солоницкомъ лагерѣ. Онъ былъ представителемъ болѣе солидной части козачества, такъ сказать—украинской буржуазіи, отдававшейся „козакованію“. У него были

близкія отношенія съ кіевскими землевладѣльцами, съ кіевскими монастырями, гдѣ потомъ разыскивали его имущество; во время своего гетманства покупаетъ онъ у Елизара Волковича село Сошники въ кіевскомъ Полѣсѣ; украинскіе магнаты, какъ Конст. Острожскій, стараются поддержать съ нимъ хорошія отношенія и относятся къ нему съ уваженіемъ: пан Łoboda hetman zagroski, за глаза называетъ его старый князь; романъ у Лободы тоже въ шляхетскихъ кругахъ (хотя и не очень высокихъ): полюбилась ему панна Оборская и онъ принудилъ опекуновъ выдать ее за него замужъ ¹⁾. Среди козачества на первый планъ онъ выступаетъ послѣ смерти Косинскаго (раньше этого времени извѣстій о немъ нѣтъ). Въ концѣ 1593 г., козаки подъ его предводительствомъ предпріяли походъ на Дунай, и тогда онъ былъ старшимъ (гетманомъ) въ Запорожѣ ²⁾. На ряду съ нимъ въ разное время появляются другіе старшіе, въ связи съ борьбой козацкихъ партій и разныхъ теченій козацкой политики—Микошинскій лѣтомъ 1594 г., Полоусъ весною 1595 г., потомъ Шаула. Но все время до самой смерти—то въ качествѣ формальнаго старшины всего „низового“ войска, „гетмана“, какъ онъ себя титулируетъ, то въ роли одного изъ наиболѣе вліятельныхъ вождей его—Лобода стоитъ во главѣ козацкой жизни этого времени, и именно настоящаго, болѣе организованнаго козачества. Такъ смотрѣли на него и въ официальныхъ кругахъ. „Лобода“—замѣчаетъ ихъ исторіографъ—„пользовался вліяніемъ среди большей части козачества, именно старшихъ Низовцевъ, Наливайко же главнымъ образомъ среди различнаго сброда—большаю частью бѣглыхъ, которые, совершивъ какія-либо преступленія, или оставивъ своихъ помѣщиковъ, убѣжали къ козакамъ, ища защиты: у нихъ онъ своею отвагою и злодѣянiami пріобрѣлъ большую славу и уваженіе“ ³⁾

¹⁾ Мои Матеріали до іст. коз. рухів № 5, 7, 11, 12, Каманина Матеріали къ іст. коз. землевладѣнія № 4, прибавленія въ исторію возсоединенія Кудина II с. 431—5.

²⁾ Lassota с. 515, см. выше с. 257 Въ запискахъ Йончинскаго (довольно позднихъ и мало авторитетныхъ—рукоп. библи. Оссолинскихъ № 627 с. 170 и 106) имѣется загадочное, неизвѣстно откуда взятое извѣстіе, что Лобода поднялъ козаковъ противъ официального старшаго, какого-то Пелки, Пелка былъ убитъ и послѣ этого Лобода, ставъ во главѣ козаковъ, поднялъ возстаніе противъ правительства. ³⁾ Гейденштейнъ с. 327.

Шаула представляли тотъ же козацкій слой, что и Лобода. Онъ принадлежалъ къ мѣстному землевладѣльческому мѣщанскому роду. Одна линія Шауловъ выступаетъ въ это время въ кievскомъ Полѣсѣ, какъ землевладѣльцы, собственники с. Колодяжнаго; но были и Шаулы мѣщане въ Черкасахъ, должно быть ближайшіе родственники гетмана, такъ какъ у нихъ (у Вас. Шаулы, черкаскаго мѣщанина) послѣ разгрома козаковъ искали имущества Шаулы. Самъ онъ владѣлъ какими-то печерскими землями подъ залогъ ста литовскихъ копѣ, которыя занялъ у него монастырь¹⁾. Гетманомъ запорожскаго козачества онъ выступаетъ въ началѣ 1596 г., когда съ козацкими полками онъ искалъ „козацкаго“ хлѣба въ Бѣлоруссіи²⁾. Въ битвѣ подъ Гострымъ Камнемъ онъ былъ сильно раненъ, лишился руки,³⁾ и главное предводительство послѣ этого перешло къ Лободѣ: въ Переяславлѣ Лобода снова былъ избранъ гетманомъ⁴⁾. Но затѣмъ Шаула оправился отъ раны и во время солоницкой капитуляціи былъ выданъ на смерть Полякамъ.

Сасько Федоровичъ извѣстенъ намъ съ 1594 г., какъ одинъ изъ запорожскихъ сотниковъ: вмѣстѣ съ Лассотою онъ былъ отправленъ тогда въ посольствѣ къ императору, а годъ спустя выступаетъ въ качествѣ полковника козацкаго войска, расквартированнаго въ Брацлавскихъ земляхъ⁵⁾. Кажется, это былъ очень старый козакъ: въ Винницѣ въ реестрѣ 1552 г., фигурируетъ въ роли домовладѣльцевъ „Сашко Федоровичъ козакъ“, и весьма возможно, что это и есть нашъ Сасько. Въ кампаніи 1596 г., онъ фигурируетъ въ отрядѣ Лободы и сложилъ свою голову въ битвѣ подъ Гострымъ Камнемъ. Вмѣстѣ съ нимъ въ бѣлоцерковской кампаніи упоминается Шостака, какъ одинъ изъ выдающихся старшинъ⁶⁾; при капитуляціи онъ былъ выданъ вмѣстѣ съ Наливайкомъ и Шаулою.

Наливайко все время до самой послѣдней кампаніи держитъ

¹⁾ Мои Матеріалы до іст. воз. рухів № 8—9, Архивъ Ю. З. Р. VI. I с. 170, VII. I с. 763.

²⁾ O Saule przy ktorem iest armata kozaków zaporoskich y ktori teras wszystkim iest głowa, писалъ Жолкевскій въ мартѣ 1596 г. (Listy с. 74); Archiwum Radziwiłłów с. 152. Archiwum Sapiehów I с. 156.

³⁾ Saule utracono łokiecz z działka—Listy № 80.

⁴⁾ Это извѣстіе Гейденштейна (с. 332) въ польскомъ переводѣ пропущено.

⁵⁾ Lassota с. 221, Listy с. 64.

⁶⁾ Listy с. 72.

ся въ сторонѣ, и какъ низоное войско старательно подчеркиваетъ свою несолидарность съ нимъ, такъ и въ правительственныхъ кругахъ отличаютъ Наливайковцевъ отъ полу-легальнаго низоваго козацкаго войска. Этимъ объясняли соперничество и вражду между Лободою и Наливайкомъ¹⁾. Изъ записокъ Ласоты знаемъ, что въ Запорожьѣ съ самаго начала косо смотрѣли на Наливайка, и его позднѣйшія оправданія, очевидно, не изгладили вполне этой неприязни²⁾. Передъ послѣдней кампаніей Запорожцы отрекались отъ всякой солидарности съ нимъ. Только опасность, грозившая отъ польскаго войска, принудила Запорожцевъ соединиться съ Наливайковцами, или вѣрнѣе—принять ихъ въ свою среду; но внутренняя борьба между обѣими группами козачества, очевидно, продолжалась затѣмъ въ козацкомъ лагерѣ, прорвавшись въ дикомъ возстаніи и судѣ надъ Лободою,—пока наконецъ капитуляція не сравняла всѣхъ, отдавъ одинаково и болѣе солидныхъ запорожскихъ предводителей и наливайковскихъ вождей подъ сѣкиру коронаго палача. А въ позднѣйшей традиціи личность Наливайка, благодаря впечатлѣнію, какое производили его опустошенія, походы, контрибуціи и наконецъ—его продолжительный арестъ въ Баршавѣ и разукрашенная легендою смерть,—выросла въ центральную фигуру всего движенія. Лобода въ козацкой традиціи сходетъ за полковника гетмана Наливайка, или совсѣмъ теряется. Наливайко, несомнѣнно добивавшійся при жизни гетманской позиціи и въ самомъ дѣлѣ титулованный себя „запорожскимъ гетманомъ“ (вѣроятно одною изъ причинъ вражды обоехъ козацкихъ лагерей было то, что Наливайко, не признавая верховенства запорожскаго, хотѣлъ играть роль предводителя какого-то другаго, самостоятельнаго козачества)—добился своего по крайней мѣрѣ въ этой позднѣйшей традиціи.

Въ своемъ письмѣ—мемуарѣ, посланномъ королю въ началѣ 1596 г., Наливайко рекомендуетъ себя, какъ стараго и испытаннаго воина—онъ „съ молодыхъ лѣтъ, при многихъ козацкихъ гетманахъ промышлялъ въ неприятельскихъ земляхъ хлѣбомъ козацкимъ“, пока конфликтъ съ козачествомъ Константина Острожскаго, на службѣ у котораго былъ тогда Наливайко, не поссорилъ его съ козаками; онъ объясняетъ это обстоятельство тѣмъ, что, будучи связанъ съ княземъ „словомъ рыцарскимъ“, не могъ его оставить тогда. Съ Острогомъ и кн. Острожскими, какъ

¹⁾ Гейденштейнъ с. 327.

²⁾ См. выше с. 259.

мы уже знаемъ, была связана вся семья Наливайко. Родомъ она была изъ Подольскихъ земель¹⁾; говорятъ, что отецъ Северина былъ скорнякомъ—это возможно, хотя стычка Северина съ Калиновскимъ могла бы указывать на человека „лучшей кондиціи“. „Панъ Калиновскій моему отцу, который былъ у меня одинъ, безо всякой причины поломалъ ребра, и такимъ образомъ скилъ со свѣта моего отца“, писалъ потомъ королю Наливайко, объясняя свое позднѣйшее нападеніе на имѣнія Калиновскаго. Позже семья поселилась въ Острогъ. Одинъ изъ братьевъ Наливайка, Дамьянъ, какъ намъ уже извѣстно, сталъ выдающимся дѣятелемъ острожскаго кружка²⁾. Северинъ свою причастность къ украинской письменности задокументировалъ только славянскими буквами своей подписи на одномъ изъ писемъ³⁾, но пользовался репутациею человека очень способнаго и должно быть не напрасно, при томъ отличался очень красивой наружностью. „Это былъ красавецъ, къ тому же человекъ большихъ способностей—если бы направилъ на добро то, что далъ ему Богъ, притомъ отличный пушкаръ“, замѣчаетъ современникъ Бѣльскій, заканчивая свой рассказъ о кампаніи 1596 г., увѣнчавшейся сенсационной экзекуціею надъ Наливайкомъ⁴⁾.

¹⁾ Одни наугадъ называютъ родиною Наливайка Сатановъ, другіе Гусятинкъ. Ролле (Opowiad. historyczne VI с. 114) приводитъ даже подлинную дату эпизода съ Калиновскимъ—но все это гипотетическіе выводы изъ краткаго указанія самого Наливайка.

²⁾ Ксендзь Йончинскій на основѣ преданій, собранныхъ имъ позже въ Острогъ, такъ рассказываетъ объ этой семьѣ. Старикъ Наливайко былъ скорнякъ и жилъ въ кварталѣ обращенномъ въ Заславу; онъ часто нападалъ на священниковъ (католическихъ), занимался разбоемъ и морскими походами, обогатившими его. Послеъ него осталось три сына; старшій—протопопъ Наливайко, человекъ рыцарскаго вида, носившій личную благочестія, горячій поборникъ схизмы, чрезвычайно стойкій въ своихъ убѣжденіяхъ, возбуждалъ пародъ противъ уніи своими ядовитыми выдумками и не только князя Острожскаго и его многочисленный дворъ, но и все населеніе жестоко настроилъ противъ уніи. Второй (Северинъ) довольно долго занимался скорнячествомъ затѣмъ сидячая жизнь надѣла ему и онъ ушелъ къ козакамъ. Третій братъ—человекъ незамѣтный, остался въ неизвѣстности, довольный своимъ влччкомъ земли и подневольной ролью.

³⁾ Listy с. 65 „Семерий Наливайко“—если это правильно прочитано. ⁴⁾ Kronika с. 1765.

Жолкевскій уже съ января готовился къ походу на козаковъ, въ виду назначенія комисси, въ которой должно было принять участіе и коронное войско. Сборнымъ пунктомъ для послѣдняго онъ назначилъ Кременецъ и старался съ своей стороны склонить сосѣднихъ магнатовъ къ участію въ экспедиціи, но всѣ они проявляли весьма мало расположенія къ послѣдней и надежды на нихъ было мало.

Получивъ въ концѣ концовъ приказъ начать кампанію съ козаками собственными силами, Жолкевскій, не обращая вниманія на неудобное время года и неутѣшительное состояніе своего войска, со всемъ пыломъ взялся за исполненіе возложеннаго на него порученія¹⁾. Была половина февраля, начало распутицы. Войско еще не успѣло оправиться послѣ недавняго молдавскаго похода, сильно его уменьшившаго; осталось всего 3 тысячи, но и изъ этихъ было много раненыхъ, плохо снаряженныхъ; жалованіе не было уплачено и это ставило гетмана въ трудное положеніе въ вопросахъ дисциплины²⁾. Не смотря на это, Жолкевскій основалъ свои планы на внезапности, быстротѣ натиска, чтобы воспользоваться раздробленіемъ непріятельскихъ силъ и не дать имъ возможности объединиться. Лобода въ это время, можетъ быть въ виду слуховъ о комисси, изъ окрестностей Овруча двинулся на югъ, къ Бѣлой Церкви; Шаула съ запорожской артиллеріей стоялъ въ Бѣлорусси, около Пропойска. Наливайко находился въ южной части Волыни, но, услыжавъ о движеніи Жолкевскаго, началъ отступать—на востокъ, а потомъ на югъ, въ Брацлавскія земли³⁾.

Тогда Жолкевскій рѣшилъ захватить Наливайка въ пути и, взявъ 10 ротъ, кинулся съ ними на перерѣзъ. День и ночь гнался за козаками на востокъ, къ Случи, и едва не настигъ Наливайка подъ Лабунемъ; по его словамъ Наливайко только бла-

¹⁾ Исторію его похода подробно и въ главныхъ чертахъ довольно сходно рассказываютъ Гейденштейнъ (с. 328 и сл., пол. пер. с. 364 и слѣд.) и Бѣльскій (с. 1751 и слѣд.); ихъ рассказъ дополняютъ и отчасти исправляютъ письма съ театра войны, изъ польской арміи, которыя и цитирую ниже, отмѣчая изъ повѣствованія Гейденштейна і Бѣльскаго лишь нуждающееся въ исправленіи или представляющее спеціальныи интересъ.

²⁾ Archiwum Radziwiłłów с. 115, Listy Żółkiewskiego с. 67.

³⁾ Listy Żółkiewskiego с. 67, 68, 70, 71; ср. замѣтки Бѣльскаго о движеніи Наливайка: дата здѣсь вѣрна, а у Гейденштейна ошибочно отмѣчено, что 22/II Жолкевскій былъ уже подъ Лабунемъ.

годаря тому успѣлъ ускользнуть, что одинъ изъ польскихъ ротмистровъ, Плосскій, предупредилъ Наливайку (потомъ этотъ Плосскій съ другимъ ротмистромъ Чолганскимъ перешелъ къ Наливайку, потому что имъ не было заплачено жалованье)¹⁾. Но судя по другимъ свѣдѣніямъ, Наливайко не былъ предупрежденъ и не зналъ, что польское войско уже догоняетъ его. Изъ-подъ Лабуня онъ двинулся прямо на югъ, на Острополь, потомъ на Пиковъ, пока польское войско отдыхало подъ Острополемъ. Роты Жолкевскаго шли за нимъ по пятамъ, наступая и убивая, гдѣ кого захватили. Это „начало трагедіи“, какъ называетъ ее одинъ корреспондентъ—современникъ, имѣло мѣсто въ первыхъ числахъ марта н. с. Въ Мадѣевичахъ Поляки достигли двѣ сотни козаковъ, онѣ стойко защищались, но Поляки подожгли постройки, въ которыхъ они отбивались, и затѣмъ перебили; въ Чернявѣ Наливайко поставилъ было на стражѣ козаковъ и не снялъ этихъ карауловъ—ихъ тоже разгромили Поляки²⁾. Очевидцы говорили, что при немъ было не больше тысячи козаковъ, и поэтому онъ не отважился противопоставить свои силы силамъ Жолкевскаго, но по свидѣтельству современника,—„хотя отступалъ поспѣшно, но въ большомъ порядкѣ, шель таборомъ, а въ таборѣ имѣли до 20 пушекъ и не мало гаковницъ, имѣли соответственное количество пороху, а къ каждой пушкѣ велѣли приковать пушкаря“³⁾. Однако среди козаковъ его было большое неудовольствіе, такъ какъ благодаря этому быстрому отступленію пришлось потерять много людей, лошадей, шли безъ запасовъ, голодные, и много убѣгало изъ войска.

Наливайко возлагалъ надежды на своихъ старыхъ союзниковъ и пріятелей въ Брацлавскихъ земляхъ. Но теперь, въ виду короннаго войска, эти союзники не осмѣливались поддержать козаковъ. Въ Пиковѣ Наливайка не пустили въ городъ, и онъ рѣшилъ скорымъ маршемъ пройти дальше, до Брацлава, пославъ туда изъ-подъ Пикова напередъ письма, напоминавшія о старой пріязни и союзѣ. Одновременно отправилъ посланца и къ Струсю, брацлавскому старостѣ, прося его быть ходатаемъ передъ Жолкевскимъ: обѣщалъ при этомъ распустить своихъ козаковъ и

¹⁾ Listy Żółkiewskiego с. 73.

²⁾ Письмо въ прил. къ Ист. воссоединенія II с. 437; село ошибочно названо здѣсь Macięguse, и писано не Острожскимъ, какъ предположилъ издатель (ср. по этому поводу у него с. 123), а какого-то мелкаго шляхтича. ³⁾ Бѣльскій с. 1750.

выдать оружіе, захваченное въ замкахъ. Жолковскій отвѣтилъ, что онъ не хочетъ крови ни его, ни его товарищей, и, если Наливайко распустилъ козаковъ, выдастъ пушки и императорское знамя,—онъ будетъ ходатайствовать передъ королемъ о дарованіи ему жизни. Но въ лагерь Наливайка дѣло не считали окончательно проиграннымъ, и одновременно велись переговоры съ Запорожцами Лободы, стоявшими подъ Бѣлою Церковью, относительно соединенія и совмѣстныхъ дѣйствій обоихъ войскъ ¹⁾).

Между тѣмъ погоня продолжалась. Подъ Пиковымъ роты Жолковскаго едва не догнали Наливайка: онъ ушелъ всего за два часа до ихъ прихода, отступая на Прилуку, по направленію къ Брацлаву. Жолковскій, опасаясь, какъ бы брацлавскіе мѣщане и въ самомъ дѣлѣ не присоединились къ Наливайку, бросалъ возы и все менѣе необходимое и гнался изо всѣхъ силъ чтобъ не пустить Наливайка въ Брацлавъ. За Прилукою онъ догналъ было Наливайка и ударилъ на него, но тотъ стойко защищался, отстрѣливаясь изъ пушекъ, и когда ночь прервала битву, снова двинулся дальше на югъ. Въ одномъ мѣстѣ ему удалось задержать Жолковскаго, уничтоживъ переправу на болотистой рѣчкѣ, и пока строили плотину, снова выигралъ нѣкоторое разстояніе. Для облегченія, онъ затопилъ въ рѣкѣ пушки, ядра и порохъ закопалъ въ землю. Въ концѣ концовъ, не получая изъ Брацлава никакихъ вѣстей въ отвѣтъ на свое письмо, онъ потерялъ надежду и повернулъ на востокъ, за р. Собъ, въ дякую, почти не тронутую еще степь. Итти за нимъ туда Жолковскій уже не рѣшился и, расположивъ свои роты въ Брацлавскихъ земляхъ на отдыхъ, принялся за экзекуціи надъ старыми союзниками Наливайка; брацлавскій войтъ и какой-то другой „бунтовщикъ“ были казнены „для примѣра“. А Наливайко со своимъ отрядомъ переждавъ это время въ уманскомъ лѣсу,—питаясь лошадьми, которыхъ рѣзали на мясо,—пошелъ отсюда подъ Корсунъ и, оправившись здѣсь, двинулся для соединенія съ Низовцами ²⁾). Переговоры, которые онъ велъ съ Низовцами еще во время движенія на Брацлавъ, а потомъ изъ своихъ степныхъ убѣжищъ, окончились соглашеніемъ и соединеніемъ обоихъ войскъ.

Лобода во время предшествующаго марша отправился было

¹⁾ Listy Żółkiewskiego с. 71.

²⁾ Listy с. 74, ср. Гейденштейна с. 329 (пер. с. 367).

въ Барскія земли, какъ говорили—сводить свои семейные счеты съ тещою, и Оборской и едва не наскочилъ на Жолкевскаго. Получивъ предупрежденіе объ его войскахъ, вернулся изъ подъ Погоребича назадъ къ Бѣлой Церкви. Съ нимъ было, по рассказамъ, около 4 тысячъ; изъ старшинъ—Сасько и Шостакъ. Жолкевскій, желая предотвратить соединеніе войскъ Лободы и Наливайка, отправилъ Лободѣ въ Бѣлую Церковь письмо, заявляя, что главнымъ виновникомъ онъ считаетъ Наливайка, а Низовцамъ—если-бы они захотѣли отдаться на королевскую милость, выйти изъ Украины и „служить королю по-старому на своихъ мѣстахъ“,—обѣщаль ходатайствовать за нихъ предъ королемъ. Но Низовцы непривѣтливо встрѣтили посла Жолкевскаго. До нихъ уже дошли извѣстія о погонѣ Жолкевскаго за Наливайкомъ, а можетъ быть и объ условіяхъ кантуляціи, поставленныхъ послѣднему, и войну съ Жолкевскимъ они считали неизбежною. Кричали, что къ нимъ прислали шпиона отъ Жолкевскаго и хотѣли его убить. Лобода тоже выражалъ неудовольствіе, по, какъ думалъ Жолкевскій—только для виду, „при черни“:—замѣтилъ, что гетманъ могъ прислать къ нему для переговоровъ какого-нибудь порядочнаго шляхтича; „дѣйствительно тотъ козачень, котораго я послалъ, былъ не особенный“, замѣчаетъ Жолкевскій. Потомъ Лобода отправилъ этого посланца обратно, давъ ему золотой, но отвѣта никакого не передалъ¹⁾. Козачество не хотѣло сдаваться. Шаула съ артиллеріей шелъ изъ Белоруссіи черезъ Быховъ и Остеръ подъ Кіевъ. Туда же рѣшили двинуться полки Лободы, чтобы соединиться подъ Кіевомъ. Въ половинѣ марта они начали стягиваться подъ Бѣлую Церковь. Козаки хотѣли разрушить городъ, но Лобода съ полковниками удержалъ ихъ. Очевидно, безъ нужды они не хотѣли обострять отношеній и надѣялись, что обстоятельства дадутъ возможность какого-нибудь компромисса и соглашенія. Въ 20-хъ числахъ марта Шаула соединился съ Лободою въ Кіевѣ, счастливо прибывъ туда съ пушками и припасами. Относительно Наливайка взгляды Низовцевъ раздѣлились: одни стояли за то, чтобы принять его и соединиться всѣмъ; другіе считали болѣе благо-разумнымъ не соединяться, а выдать Наливайка Полякамъ. Въ концѣ концовъ взяло верхъ первое мнѣніе и Наливайку было послано приглашеніе прибыть въ лагерь²⁾.

¹⁾ Listy с. 72.

²⁾ Ibid. с. 76.

Жолкевскій между тѣмъ оставался съ главными силами въ Брацлавскихъ земляхъ, чтобы дать своему войску возможность оправиться, стануть разбросанные по дорогѣ обозы и дожждаться припасовъ и пушекъ. Его выручили отчасти Ружинскій, обѣщавъ передать въ его распоряженіе свою собственную артиллерію, около полутора десятка пушекъ. Недавній козацкій вождь горѣлъ жаждой мести и ненавистью къ козакамъ, и Жолкевскій рѣшилъ отправить его въ Кіевскія земли напередъ съ пятьюстами конницы и частью пѣхоты, чтобы устранилъ козаковъ. Ружинскій отправился въ свою Паволоцкую волость и началъ здѣсь экзекуціи надъ участниками возстаній, хваталъ и рубилъ головы „гульгьямъ“. Узнавъ о такомъ террорѣ, Шаула съ Лободою выслали на Ружинскаго Саська съ трехтысячнымъ войскомъ, но послѣдній, не имѣя точныхъ вѣстей ни о Ружинскомъ, ни о его силахъ, неосторожно выслалъ противъ него передовую стражу; Ружинскій разгромилъ ее и этимъ такъ устранилъ Саська, что тотъ отступилъ подъ Кіевъ. Ружинскій, ободренный этимъ успѣхомъ, остановился подъ Бѣлою Церковью. Шаула отправилъ ему сюда письмо, въ которомъ выражалъ свое удивленіе по поводу его враждебныхъ дѣйствій и совѣтовалъ лучше озаботиться примиреніемъ Жолкевскаго съ козаками. Но одновременно самъ Шаула двинулся съ войскомъ подъ Бѣлую Церковь и вмѣстѣ съ Наливайкомъ, подошедшимъ туда же со своимъ войскомъ, рассчитывалъ разгромить невѣрнаго князя, поднявшаго оружіе на своихъ прежнихъ товарищей. И это вѣроятно ему-бы удалось, такъ какъ козаки имѣли до 7 тые. войска, считая въ томъ числѣ Наливайковцевъ, присоединившихся къ Шаулѣ подъ Бѣлою Церковью, тогда какъ у Ружинскаго было не больше тысячи. Но Жолкевскій, опасавшійся что Ружинскій въ своемъ раздраженіи противъ козаковъ можетъ попасть въ бѣду, поспѣшилъ самъ вслѣдъ за нимъ, узнавъ о его движеніи подъ Бѣлую Церковь. И несмотря на невозможную распутицу (на растаявшую и размокшую землю упалъ страшный снѣгъ и сдѣлалъ дороги непролазными), ему дѣйствительно удалось поспѣть какъ разъ во время, чтобъ выручить Ружинскаго изъ бѣды.

Козаки подошли къ Бѣлой Церкви ночью со 2 на 3 апрѣля н. с., и Ружинскій лишь въ самую послѣднюю минуту получилъ о нихъ извѣстіе. Онъ выступилъ противъ нихъ тотчасъ, не ожидая наступленія дня, и попалъ на лагерь Шаулы, совершенно не замѣтивъ, что какъ разъ въ это время другими воро-

тами входить въ городъ войско Наливайка, отправленное Шаулою впередъ на городъ. Козаки Шаулы, не ожидавшіе нападенія, происшедшаго при томъ среди темной ночи, смѣшались; Ружинскій разорвалъ таборъ и обратилъ козаковъ въ бѣгство, такъ что только за р. Руткомъ Шаула привелъ свое войско въ порядокъ и отбилъ Ружинскаго. Потерпѣли при этомъ козаки, но и Ружинскій не мало. Онъ началъ стягивать свои силы въ городъ, не подозрѣвая, что тамъ Наливайко, впущенный мѣщанами, громилъ ихъ кварталы. Услыхавъ стрѣльбу, Наливайко оставилъ городъ и бросился къ своимъ. Соединенными силами ударили козаки на Ружинскаго и сильно его потрепали¹⁾. Онъ заперся въ замкъ и послалъ гонцевъ къ Жолкевскому, прося поспѣшать на помощь. Жолкевскій, находившійся уже подалеку, услышавъ громъ пушекъ, самъ спѣшно двинулся подъ Бѣлую Церковь. Замѣтивъ приближеніе главнаго войска, козаки оставили Бѣлую Церковь и начали отступать къ Триполью, надъ Днѣпромъ, кратчайшею дорогою. Жолкевскій бросился вслѣдъ за ними.

Было это 3 апрѣля н. с. Козаки находились на разстояніи одной мили отъ Бѣлой Церкви. Они окружили себя „таборомъ“, изъ пяти рядовъ возовъ, среди которыхъ были пушки въ количествѣ двадцати двухъ. Все войско состояло изъ пѣхоты, только старшина была на коняхъ. Такимъ образомъ двинулись они, окруженные таборомъ, по направленію къ Триполью, среди ровной здѣшной степи. Жолкевскій рѣшилъ попытать счастья и ударить на нихъ; если-бы удалось разгромить это козацкое войско, то остальная часть его, стоявшая около Кіева, не имѣла бы возможности продолжать борьбу. Регулярнаго войска у Жолкевскаго было свыше 1500 чел. коннаго войска, небольшое количество пѣшихъ и нѣсколько помѣщичьихъ и старостинскихъ дружинъ изъ Подольскихъ и Брацлавскихъ земель. Козаковъ насчитывалось значительно больше, но Жолкевскій надѣялся на лучшее вооруженіе своего войска. На разстояніи трехъ

¹⁾ Здѣсь Жолкевскій (Listy с. 78—9), а слѣдующіе его реляціямъ и Гейденштейнъ (с. 329, пер. Ц с. 367—8) не договариваютъ исторіи съ Ружинскимъ до конца, и выходятъ, какъ будто успѣхъ былъ на его сторонѣ до конца, такъ что становится непонятнымъ, почему Ружинскому пришлось просить помощи у гетмана. Бѣльскій опредѣленнѣе говоритъ объ опасности, въ которую попалъ Ружинскій (с. 1752).

часовъ пути онъ двигался за козаками, поджидая своихъ, шедшихъ сзади. Къ вечеру двое дезертировъ прибѣжали изъ козацкаго табора и рассказали о распространившейся среди козаковъ тревогѣ. Это придадо рѣшимости Жолкевскому и на урочищѣ Гострый Камень ударилъ онъ на козацкій таборъ, сразу со всѣхъ сторонъ—„съ фронта и въ тылъ и съ фланговъ сразу“. Козаки ударили изъ пушекъ, но этимъ не причинили особаго вреда непріятелю—польская конница кинулась въ атаку на ихъ таборъ. Завязалась отчаянная битва. Козаки стойко защищались, и Полякамъ не удалось разорвать таборъ—„не судилъ Богъ“, замѣчаетъ набожный Жолкевскій. Въ реляціи своей онъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что все таки козаки понесли большія потери. „Убито ихъ до убитой смерти—говорять сами, что нигдѣ имъ не случалось понести такой уронъ, какъ въ этихъ битвахъ“. Шауль пушечнымъ ядромъ оторвало руку, Сасько убитъ, и многіе другіе изъ старшинъ погибли; видно, не прятались за чужія спины. Въ польскомъ лагерѣ насчитывали убитыхъ козаковъ въ этой битвѣ больше двухъ тысячъ, да подъ Бѣлою Церковью тысячу, а все козацкое войско считали въ 7 тысячъ; цифры потерь очень велики и мало вѣроятны, особенно если сравнить съ небольшими цифрами польскихъ потерь, сообщаемыми тѣми же реляціями¹⁾. Въ дѣйствительности потери польскаго войска были очень значительны²⁾, и съ точки зрѣнія плановъ и задачъ Жолкевскаго эта битва была собственно неудачей для Поляковъ.

Козацкое войско, на мѣсто тяжело раненнаго Шаулы, выбрало своимъ вождемъ Наливайка и пошло дальше на Триполье. Жолкевскій, въ виду большихъ потерь, понесенныхъ подъ Гострымъ Камнемъ, не считалъ возможнымъ преслѣдовать ихъ и вернулся подъ Бѣлую Церковь; пославъ реляціи королю и кор. герману, онъ просилъ прислать на помощь войска—если возмож-

¹⁾ У Жолкевскаго значится убитыхъ въ польскомъ войскѣ подъ Гострымъ Камнемъ всего 32 (Listy с. 80), однако Вѣльскій насчитываетъ ихъ свыше 300 (с. 1751). Похвальная грамота короля Жолкевскому очень сдержанно, и то съ моральной стороны, оцѣниваетъ битву: очевидно съ чисто реальной точки зрѣнія она считалась проигранной (мой „Материалы“ № 13).

²⁾ *Nec levia damna in diversis conflictibus ipsi* (козаки Жолкевскому) *intulerant, praesertim apud Białacerkiew, ubi commisso praelio fortissimi plurimi ex exercitu Zolkiewi fuerut desiderati*, пишетъ современникъ Пясецкій (*Chronica gestorum*, изд. 1648 с. 172).

но, то войско, оставшееся еще въ Молдавіи подъ предводительствомъ Яна Потоцкаго, каменецкаго старосты, просилъ также двинуть литовское войско на Украину, противъ козаковъ¹⁾. Эти пожеланія были исполнены—Потоцкій посланъ на помощь Жолкевскому, изъ Бѣлоруссїи двинулся вспомогательный полкъ подъ предводительствомъ Ходкевича. Лишь дождавшись этихъ подкрѣпленій и припасовъ, во второй половинѣ апрѣля могъ Жолкевскій приступить къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ—третьему акту этой кровавой „трагедіи“.

Послѣ битвы подъ Гострымъ Камнемъ козацкія войска, вмѣстѣ съ семьями своихъ участниковъ собрались въ Переяславу. Гетманомъ былъ снова выбранъ Лобода. Козацкіе отряды находившіеся на Запорожьѣ Жолкевскій старался отвлечь отъ участія въ войнѣ и въ своихъ письмахъ, похваляя ихъ лояльность; обѣщаль, что репрессїи не коснутся ихъ, если они и впредь будутъ держаться въ сторонѣ отъ бунтовщиковъ. Но эти обращенія не достигли своей цѣли: Запорожцы заковали въ цѣпи пословъ Жолкевскаго, и рѣшили спѣшить на помощь Лободѣ. Зато Жолкевскому удалось разгромить козацкія дружины, собравшіяся въ Каневѣ подъ предводительствомъ Кремьскаго. Посланные Жолкевскимъ отряды Ружинскаго, Вишневцакаго и др. неожиданно ударили на Каневъ (въ день католической Пасхи), разгромили этихъ козаковъ и немало убили.

Тѣмъ временемъ въ лагерѣ подъ Переяславомъ, какъ доносили Жолкевскому, происходили частыя совѣщанія предлагались различныя планы. Имѣя передъ глазами женщинъ и дѣтей, собравшихъ въ лагерѣ, съ другой стороны—ожесточеннаго врага, пролившаго надъ днѣпровскими берегами столько козацкой крови, а съ тылу глухую, дикую степь,—и наиболѣе суровые свѣчки, степные волки должны были призадуматься надъ вопросомъ, какъ быть дальше. Одни стояли за то, чтобы итти за московскую границу; другіе совѣтовали отдаться подъ протекторатъ хана и вмѣстѣ съ Татарами воевать противъ Польши; нѣмне предпочитали остаться подъ Переяславлемъ и защищаться до послѣдней возможности; раздавались голоса и за то, чтобы сдаться на милость Поляковъ²⁾. Жолкевскій порывался ударить на

¹⁾ Listy с. 80.

²⁾ Listy с. 81, ср. 81.

козачье войско тутъ же подъ Церяславомъ; но не было еще для этого достаточныхъ силъ, да и черезъ Днѣпръ трудно было переправиться: козаки отчасти захватили съ собою лодки, отчасти затопили и уничтожили. Жолкевскому со всего Приднѣпровья удалось собрать всего нѣсколько лодокъ и „комаять“. Но въ это время совершенно неожиданно оказали ему услугу кievскіе мѣщане: разыскали и вытащили затопленные лодки, исправили ихъ и такимъ образомъ сдѣлали возможной переправу. Жолкевскій прибылъ со всеѣмъ своимъ войскомъ подъ Кіевъ, чтобы переправиться здѣсь черезъ Днѣпръ.

Козаки, услышавъ объ этой измѣнѣ Кіевлянъ, въ тотъ же день, 1-го мая, нагрянули сюда изъ-за Днѣпра; говорили, что они хотятъ сжечь Кіевъ за измѣну мѣщанъ¹⁾. На имѣвшихся у нихъ чайкахъ числомъ около сотни двинулись они Днѣпромъ подъ Кіевъ, съ развѣвающимися знаменами, при громѣ бубновъ и трубъ. Но вслѣдствіе противнаго вѣтра имъ приходилось идти на веслахъ, очень медленно. Между тѣмъ Жолкевскій разставилъ по берегу свои пушки и встрѣтилъ козачія лодки огнемъ. Пули пробили лодку Подвысоцкаго, предводительствовавшего этимъ походомъ, и самъ онъ едва не погибъ. Среди козаковъ произошло замѣшательство и чайки ихъ вернулись обратно²⁾. Послѣ этого козаки ограничились защитой берега—чтобъ не дать Жолкевскому возможности перейти черезъ Днѣпръ. Дѣйствительно, это трудно было сдѣлать въ виду козачьихъ пушекъ и Жолкевскій рѣшилъ хитростью свести ихъ съ берега.

Козаки послѣ неудачной переправы завели съ нимъ переговоры: прежде всего пустили съ своего берега черезъ Днѣпръ бревно, воткнувъ въ щель письмо; въ немъ изъявляли желаніе сдаться и спрашивали объ условіяхъ. На другой день пріѣхалъ козачій сотникъ съ письмомъ такого же содержанія. Жолкевскій принялъ переговоры, но потребовалъ выдачи Наливайка и другихъ главнѣйшихъ виновниковъ своевольствъ, пушекъ

¹⁾ Pisma Żółkiewskiego с. 149.

²⁾ Этотъ эпизодъ, рассказанный у Гейденштейна въ связи съ походомъ козаковъ изъ-подъ Церяславля въ Кіевъ, украинскіе историки, начиная съ Костомарова, понимали иначе: что козаки шли изъ Запорожья на помощь своимъ—подъ Кіевъ, словно не знали, гдѣ ихъ искать, и не подозревали присутствія подъ Кіевомъ, Жолкевскаго. Нѣтъ никакой надобности такимъ образомъ исправлять достаточно ясный и логичный рассказъ Гейденштейна.

и императорскаго знамени. Козаки просили отказаться отъ требованія выдачи предводителей. Среди этихъ переговоровъ Жолкевскій отправилъ Потоцкаго съ частью войска подъ Триполье¹⁾ и распустилъ слухъ, что этотъ отрядъ имѣеть цѣлью, перейдя Днѣпръ, ударить на Переяславль, на козацкій таборъ, гдѣ остались козацкія семьи. Для вида онъ отправилъ и нѣсколько возовъ съ лодками и другими приспособленіями подъ Триполье. Какъ разъ въ это время къ козакамъ перешли изъ польскаго табора двое джуръ, которые за чистую монету выдали козакамъ это извѣстіе, что Жолкевскій послалъ Потоцкаго съ порученіемъ перейти черезъ Днѣпръ ниже Кіева и ударить на Переяславль. Козаки повѣрили этому и отступили подъ Переяславль, оставивъ для окончанія переговоровъ Лободу и Наливайку съ небольшою дружиною. Лобода, сѣвъ въ лодку, подѣхалъ къ кіевскому берегу для личныхъ переговоровъ въ Струсемъ, высланнымъ для этой цѣли, но и эти разговоры не привели ни къ чему—козачество не хотѣло покупать себѣ жизнь измѣною своимъ вождямъ и товарищамъ. Послѣ этого Лобода и Наливайко уѣхали тоже подъ Переяславль, а на другой день тутъ же подъ Кіевомъ начало переправляться польское войско и черезъ два дня было уже на лѣвномъ берегу. Тогда козацкія тайки изъ-подъ Кіева спустились къ устью Сулы.

Собравшись снова подъ Переяславлемъ, козаки не рѣшились ждать здѣсь польскаго войска. Защищаться въ городѣ со своимъ огромнымъ обозомъ, съ массою лошадей они не могли. Потому сочли за лучшее отступить въ глубь Заднѣпровья, надѣясь, что Жолкевскій не посмѣетъ слѣдовать за ними туда, какъ не пошелъ за Наливайкомъ въ глубь уманскихъ пустынь. Съ женщинами и дѣтьми, со всѣмъ обозомъ двинулись они на востокъ, на рѣку Сулу, подъ Лубны, гдѣ незадолго передъ тѣмъ Александръ Винневецкій построилъ замокъ и началъ устраивать городъ, назвавъ его своимъ именемъ Александровымъ. Это былъ самый крайній пунктъ тогдашней осѣдлой колонизаціи Заднѣпровья, и въ какихъ нибудь пятнадцати миляхъ къ сѣверо-востоку отсюда была уже московская граница, а къ юго-востоку разстилались еще вовсе невоздѣланныя населенныя степи. И хотя изъ козацкаго табора много людей развѣзжалось ежедневно и козаки продолжали уходить, какъ доносили Жолкевскому—всетаки въ немъ было еще около шести тысячъ коза-

¹⁾ У Бѣльскаго ошибочно названъ Остеръ.

ковъ, въ томъ числѣ насчитывалось двѣ тысячи отборнаго войска, остальные похуже; было около 30 пушекъ, много болѣе мелкаго оружія, со всякимъ припасомъ къ нимъ; козаки приготовили также, стоя подъ Переяславлемъ, достаточное количество провіанта.

Жолкевскій рѣшилъ итти за ними и истребить ихъ безъ остатка. „Я убѣжденъ, что для вашей кор. милости и рѣчи посполитой весьма важно, чтобы это своевольство было уничтожено, и хотя съ большими усиліями и трудностями для войска приходится итти черезъ эти пустыни и тяжелыя переправы, я всетаки иду за ними“, писалъ онъ королю по дорогѣ изъ Переяславля въ Лубны, надъ р. Супоемъ. „Прошу повѣрить мнѣ, сильно расходились эти своевольники. Противно и вспоминать, до чего дошло это своевольство, въ какихъ выраженіяхъ упоминались титулы вашей кор. милости, какіе тамъ замыслы—разгромить Краковъ, славную столицу вашей кор. милости, уничтожить шляхетское сословіе. И то вѣрно, что слишкомъ уже они усилились—во время изволилъ ты, ванца кор. милость, приказать искоренить это зло“¹⁾).

На помощь къ Жолкевскому пришло еще свѣжее войско изъ в. кн. Литовскаго подъ предводительствомъ Огинскаго. Въ общей сложности Жолкевскій имѣлъ теперь около 5 тыс. коннаго войска, а включая разную прислугу, его войско если не превышало, то равнялось по численности козацкому, но послѣднее было обременено обозомъ, семьями, и только въ меньшей части состояло изъ элементовъ, которые снаряженіемъ и боевою годностью могли померяться съ польскимъ войскомъ. Жолкевскій имѣлъ теперь всѣ преимущества по сравненію съ козацкимъ войскомъ, и все вниманіе свое прилагалъ къ тому чтобы не дать ему возможности ускользнуть изъ его рукъ—ни уйти на югъ, на Низъ, ни перейти за московскую границу, въ окрестности Путивля, ни на Донъ, къ донскимъ козакамъ. Для этого онъ опять сдѣлалъ видъ, что приостанавливаетъ военныя дѣйствія, чтобы вести переговоры съ козаками: ставъ таборомъ, послалъ къ нимъ письма отъ Гульского „стариннаго довѣреннаго пріятеля ихъ“, и его посланецъ долженъ былъ увѣрить козаковъ, что Жолкевскій ждетъ отъ нихъ отвѣта. Между тѣмъ онъ отправилъ часть войска, свыше тысячи коней, подъ предводительствомъ Струся, и поручилъ ему, перейдя Сулу ниже Лубенъ, обойти козацкое войско съ тылу и отрѣзать ему дальнѣйшій походъ въ степи и за границу.

¹⁾ Pisma c. 151.

Инструкція была дана такъ секретно, что даже сами участники экспедиціи не знали, куда ихъ ведутъ—думали, что на Лубны. Между тѣмъ по дорогѣ Струсъ повернулъ на югъ, подѣ Горошиномъ перешелъ Сулу и скорыми переходами обошелъ козаковъ, когда они уже переходили за Сулу. Ихъ лагерь стоялъ надъ р. Солоницею, въ полмиль за Лубнами; остальная часть войска какъ разъ переходила черезъ Сулу по длинному мосту подѣ Лубнами. Осторожные посты, разставленные по дорогѣ къ Переяславлю, должны были своевременно предупредить о приближеніи польскаго войска, и въ такомъ случаѣ козакки рассчитывали уничтожить мостъ на Сулѣ—и этого какъ разъ опасался Жолкевскій. Выждавъ немного, онъ двинулся на Лубны, рассчитывая въ одно время съ Струсемъ появиться съ двухъ противоположныхъ сторонъ въ виду козацкаго войска. Для большей увѣренности Струсъ увѣдомилъ его черезъ посланца, что онъ уже обошелъ козаковъ. Тогда Жолкевскій ускореннымъ маршемъ, оставивъ обозъ, всю ночь спѣшилъ подѣ Лубны, выславъ впередъ передовой полкъ съ 500 лошадей, чтобы захватить мостъ. Этотъ передовой полкъ, дѣйствительно, засталъ козаковъ во время перехода и не далъ имъ разрушить моста до основанія: они успѣли только поджечь его, но огонь былъ потушонъ и мостъ исправленъ. Вслѣдъ за тѣмъ показался и Жолкевскій. Козакки бросились подѣ Лубны противъ него, какъ вдругъ увидѣли тучи пыли надъ войскомъ, наступающимъ съ тылу. Думали сначала, что Татары—надѣялись, вѣроятно на помощь отъ нихъ, но затѣмъ убѣдились, что и то было польское войско, и поняли, что ихъ хитростью поставили между двухъ огней. Не знали, какъ быть—накопецъ рѣшили остаться на мѣстѣ и окончиться. Происходило это 26 мая н. с. Началась знаменитая осада козаковъ на Салоницѣ—последній актъ трагедіи.

Позиція, занятая козаками, было высока, довольно хороша, удобна для обороны, съ широко открывающимся горизонтомъ во всѣ стороны¹⁾. Въ нѣсколько рядовъ²⁾ разставлены были козацкіе возы, обведенные вокругъ валами и линією шанцевъ. Посреди ла-

¹⁾ О мѣстѣ осады, въ точности не установленномъ, см. у Милорадовича Средняя Лубенщина (К. Стар. 1903, IX кн. 290—1), Вочарева Очерки Лубенской старины с. 16—7, Доманицкаго оп. с. с. т. 2.

²⁾ По словамъ Жолкевскаго возы стояли въ девять рядовъ, но у Бѣльскаго только четыре:

геря были поставлены деревянные срубы, набитые землею, и на них помещены пушки, для обстрѣливанія съ высоты. Въ разныхъ запасахъ не было недостатка, а войска, пригоднаго для боя, Жолкевскій, придя подъ Дубны, считалъ у козаковъ всетаки еще около 6 тыс.¹⁾; столько же было женщинъ и дѣтей. Лагерь былъ хорошо укрѣпленъ и взять его приступомъ была невозможно. Нѣсколько смѣлыхъ нападений со стороны Поляковъ окончились весьма печально для нападающихъ, и Жолкевскій запретилъ эти атаки. Въмѣсто того, обступивъ козацкій лагерь съ трехъ сторонъ (съ четвертой прилегали непролазные болота Сулы) онъ предпочиталъ держать козаковъ въ тѣсной блокадѣ, не давая имъ возможности выгонять лошадей и скотъ на луга, и вслѣдствіе этого скотъ началъ падать съ голоду,—а затѣмъ козаки были отрѣзаны и отъ воды. Вылазки ихъ отбивались Поляками, а когда подошла ихъ артиллерія, по лагерю были открыта канонада, причинявшая большой уронъ осажденнымъ; трупы убитыхъ людей и скота оставались въ таборѣ и при стоявшей тогда жаркой погодѣ эти трупы до невозможности портили воздухъ. Въ довершеніе всего, въ такомъ тяжеломъ, подавленномъ настроеніи среди козацкаго войска возникали недоразумѣнія, ничѣмъ неоправданныя подозрѣнія, слухи объ измѣнѣ; доходило до кровавыхъ столкновений. Переговоры, веденные Жолкевскимъ съ Лободою, непосредственно или черезъ Струсю, дали поводъ его врагамъ Наливайковцамъ поднять противъ него обвиненія въ измѣнѣ. Жолкевскій въ своихъ письмахъ намекаетъ, что здѣсь тоже не обошлось безъ его интриги, и посѣянные имъ семіна привели къ кровавымъ столкновениямъ среди козаковъ²⁾. Бурная рада закончилась смертью Лободы. Но Наливайку не удалось взять бунялу въ свои руки—былъ выбранъ Кремиской, а партія Лободы не могла забыть Наливайковцамъ его убійства. Можно себѣ представить, какъ тяжело было въ такой атмосферѣ поддерживать отвагу и стойкость въ массахъ. И все таки козачество держалось стихійной силой, не разъ поражающей насъ въ этихъ слабо организованныхъ козацкихъ массахъ.

Жолкевскій убѣдился, что голодомъ ему не взять козаковъ,

¹⁾ Письмо Жолкевскаго—Жерела VIII с. 91. У Гейденштейна 8 тис. (336, пер. с. 377).

²⁾ Przez pewne sposoby semina niezgody między Lobodą, który ich starszym był, a Nalewaykiem у jego sekta wzruszyli sie byli—письмо Жолкевскаго (Жерела VIII с. 91).

такъ какъ и ему также все затруднительнѣе приходилось добывать припасы для войска, и въ концѣ концовъ скорѣе бы его собственное войско погибло съ голоду, чѣмъ козаки въ своемъ лагерь. Кроме того, польское войско было страшно измучено постоянной сторожевой службой, вѣчной необходимостью быть готовымъ къ отпору козацкихъ вылазокъ, такъ что подъ конецъ осады польскіе солдаты почти непрерывно, почъ и день, должны были оставаться на лошадяхъ.

Тѣмъ временемъ въ Приднѣпровьи стали собираться новыя козацкія дружины подъ предводительствомъ Подвысоцкаго, оставшагося при лодкахъ, а изъ Запорожья шли новыя отряды козаковъ, въ лодкахъ, на выручку Лободѣ. Не будучи въ состояніи пробиться къ Лубнамъ и прорвать блокаду, Подвысоцкій принялся опустошать Приднѣпровье, надѣясь этимъ отвлечь силы Жолкевскаго отъ осады. Если бы къ Подвысоцкому подспѣли еще Запорожцы, то вмѣстѣ взятые они явились бы для польскаго войска очень сильной опасностью съ тылу. Это заставляло Жолкевскаго искать новыхъ средствъ, которыя могли бы принудить осажденныхъ къ скорѣйшей капитуляціи. Переговоры съ козаками велись съ самаго прихода его подъ Лубны: начинались, прерывались и снова возобновлялись. Все разбивалось, очевидно, о требованіе, чтобы козаки выдали своихъ вождей. Наконецъ, послѣ двухнедѣльной осады, послѣ двухдневной канонады, унялъ духъ въ козацкомъ войскѣ. По словамъ Жолкевскаго, окончательно поколебали козаковъ приготовленія къ пѣшему штурму на лагерь: польское войско начало устранивать подвижныя щиты на колесахъ изъ дерева и ивовыхъ прутьевъ, такъ называемыя „гуляй-города“, чтобы подъ ихъ охраною идти на приступъ. Козаки вступили въ переговоры, на этотъ разъ болѣе податливые, чѣмъ прежде, и наконецъ пришли къ соглашенію.

Гейденштейнъ, писавшій свою исторію кампаніи на основаніи реляцій Жолкевскаго, говоритъ, что въ польскомъ войскѣ многіе считали необходимымъ „для страха и примѣра“ вырѣзать козаковъ поголовно. Въ своей реляціи королю, сохранившейся въ своемъ первоначальномъ видѣ, Жолкевскій ссылается на рѣшеніе высшихъ войсковыхъ чиновъ и ротмистровъ, считавшихъ рискованнымъ и небезопаснымъ доводить козаковъ до послѣдней крайности и отчаянія, и какъ бы оправдывается въ своей снисходительности—въ томъ, что онъ ограничился прежними требо-

ваніями¹⁾. Разумѣется, нечего и говорить, что Подьякамъ при данныхъ условіяхъ было необходимо довести дѣло до соглашенія, а не думать о битвѣ на животь и смерть. Но метительное, кровожадное настроеніе войска, желаніе перерѣзать козаковъ, унять ихъ кровью очевидно только притаилось на короткое время передъ этою необходимостью сдержанности, чтобы тотчасъ же вспыхнуть какъ только миновала опасность, какъ только козачество, довѣряя „благородному слову“ шляхетскаго войска, отдало себя въ его власть.

Жолкевскій поставилъ слѣдующія условія, въ духѣ прежнихъ переговоровъ: козаки выдадутъ главныхъ вождей возстанія, какихъ имъ укажутъ, отдадутъ пушки и снаряды, знамена и серебрянныя трубы, присланныя императоромъ; возвратятъ плѣнныхъ и имущество, захваченное у польскихъ солдатъ въ Бѣлой Церкви; они разойдутся по домамъ и не будутъ собираться безъ разрѣшенія короля.

Эти условія были приняты. Козаки согласились выдать Наливайка, Шаулу и Шостака. Наливайко, предчувствуя конецъ трагедіи, еще раньше нѣсколько разъ пытался бѣжать изъ табора, и теперь вмѣстѣ со своимъ отрядомъ началъ отбиваться съ оружіемъ въ рукахъ—Наливайковцы не хотѣли выдавать своего вождя. Поднялся большой шумъ, услышанный въ польскомъ таборѣ, отсюда поскакали на коняхъ, ударили въ трубы и бубны, подняли тревогу, чтобы не дать Наливайковцамъ убѣжать. Дѣло едва не дошло до импровизированной атаки на козацкій таборъ. Но въ концѣ концовъ козаки сломили сопротивление сторонниковъ Наливайка, схватили его самаго въ тотъ моментъ, когда онъ уже готовъ былъ перебраться черезъ валъ, и на другой день выдали Жолкевскому вмѣстѣ съ другими предводителями: выдали Шаулу и Шостака, потомъ имъ указали еще нѣсколькихъ, часть которыхъ была тоже выдана козаками, часть взята силою, такъ что въ концѣ концовъ было арестовано больше десятка старшинъ²⁾. Козаки выдали также пушки—сре-

¹⁾ Жерела VIII с. 91.

²⁾ Благодаря тому, что финаль кампаніи—солоницкая рѣзня, усиленно затушевывается въ официальныхъ источникахъ, нельзя точно разграничить, что было осуществлено на основаніи соглашенія съ козаками и что затѣмъ зырвано у нихъ насильемъ, уже послѣ капитуляціи. Кремльскій наир. остался невредимымъ, такъ какъ отбился съ оружіемъ въ рукахъ—что вполне опредѣленно

ди нихъ двадцать вполне исправныхъ, остальные, около двухъ десятковъ, испорченныхъ; отдали клеймоды: знамена императора Рудольфа, ерцгерцога Максимилиана и кн. трансильванскаго, серебряныя трубы и булаву. Зато козацкая казна доставила большое разочарованіе польскому войску, рассчитывавшему на богатую добычу: стоимость ея оценена всего въ 4 тыс. злотыхъ и состояла она главнымъ образомъ изъ турецкихъ вещей, взятыхъ въ послѣдніе походы.

Но послѣ капитуляціи разыгралась отвратительная сцена кровожадной мести надъ беззащитнымъ, капитулировавшимъ неприятелемъ. Въ официальномъ донесеніи Жолкевскаго она изображена, насколько возможно, въ смягченной формѣ. При разборѣ вещей, захваченныхъ козаками въ Бѣлой Церкви у солдатъ, говоритъ онъ, „произошло немалое замѣшательство“ (tumult). „Солдаты, особенно венгерская, а также и украинская пѣхота, раздраженные на козаковъ, не только отбирали отъ нихъ свои вещи, но стали отнимать и ихъ собственныя, и убили изъ нихъ нѣсколько десятковъ чело­вѣкъ—никакъ невозможно было сдержать этихъ разъяренныхъ людей, хотя я выѣхавъ съ панами ротмистрами старался удержать ихъ всѣми силами и способами“, говоритъ Жолкевскій¹⁾.

Но неофициальный источникъ—хроника Бѣльскаго описываетъ этотъ эпизодъ не такъ невинно. Козаки выдали Наливайка, согласились выдать пушки, знамена, все вооруженіе, принести присягу въ повиновеніи на будущее время, лишь бы только отпустили ихъ живыми на волю, но гетманъ не хотѣлъ гарантировать имъ, что помещики не будутъ забирать изъ ихъ

вытекаетъ изъ разсказа Бѣльскаго, и само собой мало вѣроятно, чтобы главнаго вождя козачества (послѣ смерти Лободы) Поляки отпустили добровольно, какъ представляетъ дѣло Гейденштейнъ („Кремнскаго отпустили съ тѣмъ, чтобы онъ распустилъ своихъ и отвелъ домой“). На основаніи капитуляціи выданы были несомнѣнно Наливайко, Шаула и Шостака.

¹⁾ Жерела УІІ с. 92. Еще невиннѣе представляетъ это дѣло, основываясь на реляціи Жолкевскаго, Гейденштейнъ: „Послѣднее условіе—вернуть солдатамъ захваченное у нихъ имущество, едва не сдѣлалось причиною волненія: солдаты, неудовлетворенные тѣмъ, что имъ было отдано, начали грабить имущество козаковъ. Дѣло дошло до схватки, среди которой было убито нѣсколько десятковъ, и Жолкевскому едва удалось прекратить это движеніе“ (с. 336, пер. с. 378).

среды своихъ подданныхъ, въ случаѣ, если опознаютъ среди нихъ кого-нибудь. Тогда козаки отступили отъ соглашенія и сказали, что въ такомъ случаѣ они будутъ защищаться, пока живы. Гетманъ отвѣтилъ имъ на это: „защищайтесь“! Тогда наши бросились на нихъ, такъ что тѣ не успѣли ни стать въ боевой порядокъ, ни взяться за оружіе. Ихъ рубили такъ намилосердно, что на мило, а то и больше; трупы лежали одинъ на другомъ. Въдѣ всѣхъ ихъ въ лагерѣ вмѣстѣ съ чернью, женщинами и дѣтьми, было свыше десяти тысячъ, а убѣжавшихъ подъ предводительствомъ Кремпекаго насчитывалось не болѣе полуторы тысячи. Изъ схваченныхъ гетманъ потомъ нѣкоторыхъ отпустилъ, приведя къ присягѣ, другіе же вступили въ составъ ротъ (польскихъ). При этомъ были взяты 24 пушки и немало другого орудія; были забраны также и всѣ знамена, между которыми находились нѣсколько императорскихъ¹⁾.

Этотъ эпизодъ передается здѣсь на основаніи рассказовъ, ходившихъ въ самомъ польскомъ обществѣ подѣ свѣжимъ впечатлѣніемъ событія (это послѣдніе годы хроники). Передается человекомъ ничѣмъ не заявившимъ себя сторонникомъ козаковъ, и на основаніи рассказовъ людей, которые, очевидно, тоже не имѣли никакого намѣренія бросить тѣнь на польское войско. Такимъ образомъ, мы имѣемъ полное право довѣрять этому рассказу, хотя и должны допустить нѣкоторыя преувеличенія въ изображеніи размѣровъ этой рѣзни, а также—согласно реляціи Жолкевскаго,—хронологически нужно передвинуть ее и помѣстить послѣ капитуляціи: Жолкевскій (и Гейденштейнъ) говорятъ, что рѣзня произошла въ то время, когда польскіе солдаты уже послѣ капитуляціи разыскивали свои вещи у козаковъ, но Жолкевскій сильно уменьшаетъ ея размѣры и замалчиваетъ обстоятельство, что поводомъ къ этой рѣзнѣ послужило его собственное заявленіе, сдѣланное уже послѣ капитуляціи: что польскимъ помѣщикамъ, принимавшимъ участіе въ кампаніи, будетъ предоставлено также опознавать въ козацкомъ лагерѣ своихъ прежнихъ крѣпостныхъ и забирать ихъ *militari* обратно въ крѣпостное состояніе. Въ пунктахъ капитуляціи, какъ они излагаются Жолкевскимъ и другими источниками, этого требованія не содержится; его выдвинули коварно, какъ послѣдній ударъ, уже послѣ капитуляціи. Въ виду того, что козацкое войско должно было

¹⁾ Вѣльскій с. 1764—5.

заключали въ себѣ очень много бывшихъ помещичьихъ крестьянъ, это требованіе означало, вмѣсто выдачи предводителей, уже почти неограниченное право арестовывать въ козацкомъ войскѣ кого и сколько хотѣли (доказывай потомъ въ польскомъ лагерѣ помещику, что ты не крѣпостной его!). Козаки заявили, что согласиться на это не могутъ—тогда Жолкевскій цинично предложилъ въ такомъ случаѣ „защищаться“—уже послѣ капитуляціи, и отдалъ своему войску разрѣшеніе ударить на почти беззащитное козацкое войско. Козацкія пушки были уже выданы, козацкій лагерь стоялъ открытымъ, и эта послѣдняя атака перешла, какъ вполне правдоподобно рассказываетъ Вѣльскій, въ простую рѣзню: польскіе солдаты дали полную волю своему мстительному чувству по отношенію къ козакамъ, накопившемуся у нихъ за время этой тяжелой кампаніи. Больше видныхъ козаковъ, взятыхъ въ плѣнъ, Жолкевскій могъ присоединить, для вящаго впечатлѣнія, къ выданнымъ ему вождямъ; другіе изъявляли желаніе вступить въ польское войско. Кремискому съ частью козаковъ удалось отбиться, и онъ отиравился на Низъ. Возможно, что войска у него въ дѣйствительности было значительно больше, чѣмъ рассказываетъ Вѣльскій: его картина рѣзни быть можетъ и преувеличена рассказчиками. Зато моральный результатъ солоницкаго соглашенія: капитуляція козаковъ, ихъ обѣщаніе разойтись и не собираться больше безъ королевскаго разрѣшенія, былъ уничтоженъ послѣднею некорректностью Жолкевскаго и рѣзней, возникшею благодаря ей. Козаки и Поляки разошлись изъ-подъ Солоницы не примиренными, а еще болѣе разъяренными послѣднимъ эпизодомъ.

Такимъ образомъ Жолкевскому удалось только отчасти выполнить свою задачу—искорененіе украинскаго своевольства. Часть козацкаго войска ушла—не по милости польскаго гетмана, а проложивъ себѣ путь оружіемъ. Кромѣ Кремискаго, пробившаго себѣ дорогу на Низъ, на Днѣпрѣ въ лодкахъ стояло другое войско подъ предводительствомъ Подвысоцкаго, а изъ Запорожья „выгрѣблись“ уже новыя силы „на волость“¹⁾. У Жолкев-

¹⁾ Tamci ktorzy są na szołnach y ci со wugrzebli się, обозначаетъ ихъ Жолкевскій въ послѣдней реляціи изъ-подъ Солоницы—Жерела VIII с. 92.

скаго не хватило силъ и энергій идти и громить ихъ; и онъ ограничился тѣмъ, что поручилъ черкасскому старостѣ увѣдомить ихъ о капитуляціи козачьаго войска и предложить имъ оставить всякія враждебныя намѣренія, иначе онъ ударитъ на нихъ съ войскомъ. Козаки на своемъ совѣщаніи рѣшили отложить свои военные планы. Они прислали Жолкевскому письмо, въ которомъ увѣряли въ своей покорности и просили прощенія за все прошлое. Писали „Низовцы“ и разнымъ своимъ „пріятелямъ“, прося заступиться за нихъ и обезпечить ихъ отъ репрессій). „Хотя Жолкевскій не былъ этимъ удовлетворенъ, однако принужденъ былъ затаить свои чувства, такъ какъ трудно ему было преслѣдовать ихъ особенно если бы они отступили на Низъ Днѣпра; войско было утомлено трудами, лишеніями, дальнимъ путемъ; лодокъ подъ рукою не было; кромѣ всего этого, изъ постановленій сейма онъ (Жолкевскій) видѣлъ, что войско его будетъ нужно въ другомъ мѣстѣ“ А ко всему этому нужно прибавить еще, что войску не было заплачено жалованіе, и оно едва ли захотѣло бы идти въ новый походъ въ глухія далскія степи. „Поэтому онъ (Жолкевскій) милостиво отпустилъ ихъ“, а самъ съ польскимъ войскомъ двинулся въ Галицію²⁾).

„Гадина“—какъ называлъ Жолкевскій украинское своевольство—была только придушена, но не задавлена. Однако, это не помѣшало ему обставить результаты кампаніи возможно болѣе торжественно. Соловицкой побѣдѣ приданы импозантные размѣры и усмиреніе украинскихъ своевольниковъ праздновалось, какъ триумфъ надъ Богомъ знаешь какимъ необыкновеннымъ врагомъ. Депутаты отъ войска повозили къ королю плѣнныхъ вождей, возстанія, пушки и знамена, выданные козаками (среди этихъ знаменъ особенный интересъ представляли императорскія знамена, съ имперскими орлами—гетманъ Замойскій непременно хотѣлъ показать ихъ папскому пунцію, занимавшемуся агитаціею въ пользу австрійской лиги, въ интересахъ Австріи). Во главѣ депутаціи находился Струсь, который долженъ былъ держать къ королю рѣчь, выставляя заслуги войска въ этой кампаніи³⁾). На весеннемъ сеймѣ 1597 г. маршалъ шляхетской палаты просла-

¹⁾ Известны такія письма въ Як. Претвичу, *Listy* № 55.

²⁾ Гейденштейнъ с. 337 (II с. 378).

³⁾ *Archiwum Radziwiłłów* с. 119, Нѣмцевича *Zbiór pamiętników* II с. 169.

влялъ короля по случаю этой побѣды, — „угасившей огонь козацкаго своевольства, пламя котораго все шире распространялось по отечеству, и грозило пожаромъ далекимъ предѣламъ“¹⁾. И само правительство выражалось въ такомъ же триумфальномъ тонѣ, превознося заслуги войска и Жолкевскаго — что онъ „противъ догровству козацкому (которыхъ се до кылкунадцати тысячей людей свовольныхъ народовъ розмаитыхъ зъ великимъ небезпеченствомъ и пострахомъ панствъ нашихъ украинныхъ згромадило было) зъ малою частью войска нашего мужне и сердечне ставиль и в погоню за ними и одъ Белое Церкви о таборы тыхъ людей свовольныхъ и о стрельбу ихъ густую самъ зъ голою бронею своею, чинячы доброе сердце войску нашему с тымъ козацтвомъ стиралъ се, — которыхъ не перестаячи конати, для милости насъ, пана своего, и отчизны своее, важылъ се проводить малые войска наши за Днепръ и тамъ ажъ у Александрова, кылкадесять миль за Днепромъ, при самой граници татарской (!) на Шаломницы тотамъ козацтво, людей свовольныхъ, в ремесле рыцарскомъ добре вышвечонныхъ и одважныхъ, догонивши, куды ихъ вколо обогналъ, а не давши се имъ розпострети, всеъ фортелы ихъ военныя справою, делностю а чулостю своею... до земледеця и стрвоженя привель, оны за божою помощю розгромилъ, побилъ и звитожилъ, а старшихъ ихъ живо споймавши (sic), з дѣлы и зо всеъмъ нарядомъ военнымъ до насъ зъ великою славою своею и вдячностю нашою королевскою привель и отдалъ, панства наши украинныя волные и безпечныя од нихъ учынилъ и успокоилъ“²⁾.

Однако въ дѣйствительности программа полного искорененія украинскаго своеволія и уничтоженія своевольнаго козачества, порученная Жолкевскому правительствомъ и принятая имъ, — не была выполнена. Это призналъ самъ Жолкевскій. Извѣщая короля изъ лагера подъ Солоницею о канитуляціи главнаго козацкаго войска и высказывая одновременно предположеніе, что и другія козацкія силы также „исправятся или точиѣе — заявятъ свою покорность“³⁾, онъ не подасть надежды, чтобы даже послѣ всѣхъ допущенныхъ имъ формъ террора⁴⁾, козачество успоко-

1) Рѣчь маршала — *Dyaryusze sejmowe* z r. 1597 s. 17.

2) Грамота Жолкевскому на Борисполь и Горошинь — мои „Матеріалы до історіі козацькихъ рухів“ № 13.

3) *Жерела* VIII с. 92.

4) *Acz tak się nakarali, że iak' baczę — zarzekaią się tey swawoli.*

илось действительно; поэтому считалось нужным самое тщательное наблюдение за козачеством, чтобы его своеволие не поднялось снова, и чтобы вновь не образовались ихъ своевольныя банды. Какъ на одно изъ средствъ противъ этого въ своихъ письмахъ, писанныхъ въ походѣ во время весенняго сейма, онъ указывалъ на необходимость суровыхъ, репрессивныхъ постановлений относительно козачества¹⁾. Сеймъ, исполняя эти пожелания, провозгласилъ козачковъ измѣнниками и бунтовщиками, *regduelles et hostes patriae*, подтвердилъ конфискацію козацкихъ имѣній, поручилъ гетману „уничтожить этихъ своевольниковъ всѣхъ безъ остатка“ (*ad internecionem*), а на будущее время возобновилъ постановленія сейма 1590 г., устанавливавшія строгій надзоръ администраціи и помѣщиковъ за своими подчиненными и крѣпостными, запрещенія выхода на Низъ и т. п.²⁾. Это открывало широкую возможность репрессій по отношенію ко всѣмъ участникамъ козацкихъ своевольствъ или заподозрѣннымъ въ томъ, всѣмъ охотникамъ до такихъ репрессій и въ первую голову самому Жолкевскому. Но его энергія и силы его войска были истощены солоницкою кампашіею, и онъ не считалъ возможнымъ взяться самому за дальнѣйшее искорененіе своевольства, а предоставлялъ это мѣстной администраціи и самой шляхтѣ. Не будучи въ состояніи исполнить порученіе сейма—уничтожить своевольное козачество *ad internecionem*, онъ долженъ былъ удовольствоваться кровавымъ терроромъ надъ одной частью своевольныхъ козацкихъ группъ, формальной покорностью другой, а дальнѣйшее поддержаніе спокойствія на Украинѣ ставилъ задачей дальнѣйшихъ мѣропріятій правительства. „При настоящихъ условіяхъ“, писалъ онъ въ упомянутой реляціи—„пока не будетъ достигнуто полное успокоеніе, необходимо въ качествѣ угрозы разставить войско; а также не менѣе нужно и то, чтобы ваша кор. милость изволила приказать панамъ старостамъ и державцамъ королевскихъ земель, чтобы они принимали мѣры въ самомъ зародышѣ (своеволій) или сами непосредственно, или черезъ своихъ замѣстителей и не давали злу расти“. Для большаго впечатлѣнія Жолкевскій считалъ нужнымъ наказать взятыхъ въ плѣнъ вождей возстанія „какъ они заслужили этого“— „чтобы другіе въ будущемъ, наученные ихъ примѣромъ, не осмѣливались собирать такихъ бандъ“³⁾.

¹⁾ Listy Żółkiewskiego с. 80.

²⁾ Volum. legum II с. 364.

³⁾ Жерела VIII с. 92.

Правительствомъ эти взгляды гетмана были приняты къ руководству—впрочемъ были они настолько общи и элементарны, что, безъ сомнѣнн, раздѣлялись всѣмъ шляхетскимъ обществомъ и украинскою администраціею. Каждому было ясно, что расположеніе въ восточной Украинѣ регулярнаго войска могло имѣть наиболѣе реальное значеніе для предупрежденія новыхъ взрывовъ козацкаго своеволия. Въ своей реляціи изъ-подъ Бѣлой Церкви Жолкевскій въ очень сильныхъ выраженіяхъ описывалъ грозное положеніе Украины. „Вся Украина окозачилась, полна измѣнниковъ и (козацкихъ) шпионовъ, въ самомъ дѣлѣ нужно принять рѣшительныя мѣры по отношенію къ этой Украинѣ, такъ какъ хотя на этотъ разъ и удалось бы, какъ можна надѣяться, предупредить (возстаніе,) то, если не обезпечить дальнѣйшее спокойствіе какимъ-либо суровымъ сеймовымъ постановленіемъ и расквартированіемъ войска на извѣстное время—гадина вновь оживеть“. Бѣда была только въ томъ, что польское правительство не могло во всякое время располагать военными силами въ достаточной мѣрѣ. Въ данный моментъ объ этомъ не могло быть и рѣчи! Не говоря уже объ осложненіяхъ на западной границѣ, передвиженія татарскихъ и турецкихъ войскъ вблизи границъ Польши заставляли держать войско здѣсь, по соосѣдству съ венгерскою границей, а между тѣмъ войско по окончаніи кампаніи вовсе вышло изъ повиновенія властямъ. Жалованье не было заплачено за три четверти и вѣроятно только надежда на богатую козацкую добычу удержала войско въ повиновеніи до конца кампаніи; но съ концемъ ея все должно было рухнуть ¹⁾. Сеймъ 1597 г., рѣшивъ уничтожить козачество *ad internecionem*, не отпустилъ никакихъ спеціальныхъ кредитовъ на содержаніе войска. Оставалось ожидать чего нибудь отъ новаго сейма, а тѣмъ временемъ солдаты начали по своему хозяйничать въ западныхъ имѣніяхъ и королевскихъ земляхъ, и гетманамъ прежде все приходилось думать объ удовлетвореніи солдатскихъ претензій. Новый сеймъ (собранный весной 1597 г.) никакихъ спеціальныхъ ассигнованій тоже не сдѣлалъ, дѣло затянулось на долго, и еще лѣтомъ 1597 г. не было улажено ²⁾.

Гораздо легче было исполнить другіе совѣты и требованія гетмана.

¹⁾ Ср. рѣчь Замоискаго на сеймѣ 1597 г.—*Dyaryusze seimowe z r. 1597* с. 80—1.

²⁾ *Listy* с. 84, ср. Жерела VIII с. 97.

1 сентября 1596 г. король издалъ универсалъ ко всемъ должностнымъ лицамъ, старостамъ и державцамъ и всемъ обывателямъ — шляхтѣ и мѣщанамъ воеводства Киевскаго, Волынскаго и Брацлавскаго, въ которомъ развивалъ репрессивныя постановленія предшествующаго сейма противъ козацкаго своевольства, мотивируя ихъ свѣдѣніями, доходившими до него изъ Украйны: „же съ того недавно розгромленаго войска людей свовольныхъ козацкаго некоторые свовольники еще при замкахъ, местехъ и местечкахъ нашихъ такъ и по селахъ нашихъ господарскихъ и шляхетскихъ туляють се и безъ службы бавечи се знову зась до таковоужъ купы збирати се погомоски о себе и погрози пуцають“. Чтобы предотвратить эту опасность, король приказываетъ не допускать никакихъ свовольныхъ скоповъ и разгонять ихъ („таковыхъ и зъ наймнейшее куны, хоть бы ихъ до одного пять обо шесть человекъ безъ службы прилучило се, располошивали и поскромляли“). Лицъ привилегированныхъ велить арестовывать и заключать при замкахъ, а всякихъ „гульбяевъ“ „лозныхъ“, „безъ службы будучихъ“, избличенныхъ въ преступленіяхъ, „которые свовольно жили, морьды, квалты, бои, розбои, погрози чинили“, — ловить и казнить безъ дальнѣйшихъ церемоній. Людей безъ опредѣленныхъ занятій и мѣстожительства, не могущихъ представить о себѣ удовлетворительныхъ свѣдѣтельствъ, ищущихъ убѣжища на Украинѣ „зъ горы“, скрывавше отъ своихъ помѣщиковъ, или приговоренныхъ судомъ къ лишенію чести и правъ — такихъ „гамовати и поскромляти“, въ Дѣкія поля и „на Запороги“ не пропускать. Запорожцевъ изъ Запорожья на Украйну, „где бы ся выгребать хотели“ — не пускать, поступать съ ними, какъ съ непріятелями, и не позволять имъ приставать къ берегу (подразумѣваются, очевидно, козацкіе походы вверхъ по Днѣпру на лодкахъ) ¹⁾.

Какъ видимъ, универсалъ предписывалъ очень суровыя мѣры противъ украинскаго своеволия. Еслибъ онѣ въ самомъ дѣлѣ были осуществлены, то козачество и всякое своевольство были бы, дѣйствительно, задавлены совершенно. Но издать такое распоряженіе было несравненно легче, чѣмъ выполнить его. Слѣдить за самыми мелкими компаніями, въ 5—6 человекъ, въ этихъ малонаселенныхъ мѣстностяхъ Украйны, задерживать и разгонять ихъ, имѣть наготовѣ вооруженныя силы, чтобы въ любомъ

¹⁾ Архивъ Ю. З. Р. III. I № 38.

мѣстѣ и во всякое время противопоставить ихъ козакамъ, если они захотятъ „выгрести“ изъ Запорожья,—все это въ тѣхъ условіяхъ нелегко было выполнить даже хорошо организованному государственному механизму, а не шляхетской анархіи Украины. И въ концѣ концовъ этотъ универсалъ могъ дать только поводъ къ различнымъ придираньямъ и преслѣдованіямъ козачества со стороны тѣхъ, кто имѣлъ съ нимъ счеты, и къ новымъ неудовольствіямъ со стороны козаковъ, но не воспрепятствовать новому нарастанію козацкихъ своевольныхъ силъ. И дѣйствительно, изъ всѣхъ способовъ „предупрежденія украинскаго своеволія“, указанныхъ Жолкевскимъ, въ концѣ концовъ только одинъ былъ осуществленъ—это суровая кара падъ выданными или захваченными силою вождями возстанія. Это было самое осуществимое!...

Особенно пострадалъ Наливайко. Другіе вожди, привезенные изъ-подъ Оломицы, были тотъ часъ же казнены¹⁾. Наливайка же продержали въ тюрьмѣ почти годъ, то и дѣло подвергая его допросамъ и пыткамъ, чтобы вывѣдать о его замыслахъ, сношеніяхъ съ сосѣдними государствами, награбленномъ добрѣ и т. п.; несомнѣнно, въ вождѣ украинскихъ бандъ видѣли фигуру болѣе значительную, нежели онъ былъ въ дѣйствительности, и надѣялись добыть отъ него свѣдѣнія о какихъ-то широкихъ политическихъ планахъ²⁾. Эти проволочки въ свою очередь вызвали въ польскомъ обществѣ неудовольствія и подозрѣнія: даже высокопоставленные люди подозрѣвали, что у Наливайка есть какія-то высокіе „промоторы“, затягивающіе его дѣло умышленно, чтобы спасти ему жизнь³⁾. Это было причиною того, что на сеймѣ 1597 г. нѣкоторыми воеводствами было поставлено спеціальное требованіе казни Наливайка⁴⁾.

Наконецъ 11 апрѣля н. ст. пришелъ конецъ Наливайку.

¹⁾ Велевицкій въ своихъ запискахъ говоритъ, что, кромѣ Наливайка, было еще 12 плѣнныхъ вождей (с. 216), Бѣльскій знаетъ только шесть (с. 1716); имена кромѣ ихъ Шаулихъ и Шестака переданы малодостоверными источниками (Панчоха, Кизимъ, Мазепа, ср. еще письмо Радзивила, гдѣ передается слухъ, что изъ товарищей Наливайка обезглавлены Кособудскій и Павловскій (Arch. Radziwiłłów с. 47). О совершившейся уже казни упоминаетъ въ январѣ 1597 г. Ожельскій (с. 211).

²⁾ Archiwum Sapiechów с. 144, письмо Скумина у Голубева II, Могіла I док. 16, Zbiór pamiętn. II с. 209, Велевицкій I с. 235.

³⁾ Archiwum Radziwiłłów с. 47.

⁴⁾ Dyaryusze с. 107, 358.

Его обезглавили, потомъ тѣло четвертовали и развѣсили на показъ ¹⁾). Но произведя на современное ему общество такое сильное впечатлѣніе при жизни, Наливайко и послѣ смерти не переставалъ занимать его, незаслуженно сдѣлавшись какъ бы воплощеніемъ украинской оппозиціи. Наливайками называютъ православныхъ, и вообще украинско-бѣлорусскую оппозицію. У современнаго польскаго мемуариста Пшонки имѣется разсказъ о томъ, что Наливайко волюбъ называлъ себя „царемъ Наливаемъ“ ²⁾). Въ связи съ этимъ, очевидно, стоятъ и позднѣйшія преданія о его смерти, записанныя Йончинскимъ: Наливайка посадили на раскаленнаго коня, на голову его положили раскаленную желѣзную корону, и такъ замучили ³⁾). Разсказы эти показываютъ, что вскорѣ послѣ смерти—а быть можетъ еще и при жизни, Наливайко выросъ до размѣровъ бунтовщика—претендента на корону, кандидата на украинскаго короля.

Отголоскомъ, очевидно той же версіи является легенда, которую встрѣчаемъ уже въ запискѣ одного современнаго украинскаго мемуариста,—что Наливайка „у Варшавѣ король казалъ на мѣдяной кобылѣ возети“ ⁴⁾). У позднѣйшихъ украинскихъ хронистовъ вмѣсто коня фигурируетъ волъ: Наливайка сожгли на мѣдномъ волѣ ⁵⁾). Наконецъ авторъ „Исторіи Руссовъ“, быть можетъ подъ вліяніемъ классической традиціи о Фаларисѣ, далъ сообщеніе старшихъ украинскихъ лѣтописцевъ новое истолкованіе: гетманъ Наливайко по окончаніи войны (послѣ неслыханныхъ побѣдъ надъ польскими войсками, законченнаго трактатомъ и провозглашеніемъ полной амнистіи королемъ) ѣдетъ съ полковниками въ Варшаву на сеймъ, чтобы привѣтствовать короля и увѣрить его въ своей покорности. Но здѣсь ихъ безо всякаго суда и права схватываютъ и черезъ два дня казнятъ: выведя ихъ на площадь и провозгласивъ гонителями на вѣру, „посадили живыми въ мѣднаго вола и на медленномъ огнѣ раска-

¹⁾ Письмо Стумина, см. выше, Бѣльскій с. 1765, Велевицкій I с. 235.

²⁾ Pamiętnik J. Pszonki стр. 24.

³⁾ Рукоп. библи. Оссолинскихъ № 627 с. 203.

⁴⁾ Такъ наз. кievская лѣтопись въ Сборникѣ лѣтописей Ю. З. Р. с. 77.

⁵⁾ Грабянка, Краткое описаніе, Лизогубовская лѣтопись и др. Вѣроятно, благодаря простой ошибкѣ (волъ вмѣсто вола) появился вариантъ Миллера (с. 6.) что Наливайко „на волѣ посаженъ былъ“.

ляли его нѣсколько часовъ, пока были слышны стоны и крики страдальцевъ, а потомъ ихъ тѣла сожгли въ этомъ волѣ до пепла“¹⁾). Этотъ фантастическій рассказъ и подобныя ему дальнѣйшія исторіи—объ отобраніи всѣхъ правъ у украинскаго народа, посылкѣ въ украинскіе края польскихъ войскъ, чиновниковъ и духовенства—собирающія въ одинъ фокусъ всѣ традиціи о притѣсненіи украинскаго населенія Поляками—производили сильное впечатлѣніе на украинскихъ читателей первой пол. XIX в.

Результаты, достигнутые воѣмъ этимъ терроромъ, были совершенно эфемерны. Это лучше всего показываютъ заявленія самаго правительства во второй половинѣ 1596 г., что даже „на волости“ козачество не было задавлено. Еще не былъ казненъ Наливайко, еще тянулись процессы о конфискаціи имущества разныхъ лицъ, болѣе или менѣе скомпрометированныхъ возстаніемъ²⁾, а уже приходилось обращать вниманіе украинской администраціи на разные „слухи и угрозы“ о новыхъ мятежныхъ силахъ на Украинѣ и на возможность новаго козацкаго похода съ Низу³⁾. На шляхетскихъ съѣздахъ конца того же года также указывалось на „козацкое своевольство“, лишь притамившееся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ⁴⁾. Однако болѣе солидная часть козачества сама почувствовала, что въ послѣднихъ своихъ выступленияхъ перешла границу возможнаго при настоящихъ условіяхъ и старалась ослабить произведенное впечатлѣніе усерднымъ подчеркиваніемъ своей лояльности и пограничныхъ услугъ государству, тѣмъ болѣе, что королевское распоряженіе, запрещающее

¹⁾ Исторія Руссовъ с. 39 На связь этого преданія съ легендою о Фаларисѣ указалъ Кулюшъ (Ист. возсоед. II с. 147—только нужно принять во вниманіе, что въ украинскихъ сказаніяхъ, вплоть до Исторіи Руссовъ, Наливайко несутъ *на мѣдномъ волѣ*). Ив. Франко съ своей статьёй: Наливайко въ мідяному бичу (Науковий Збірникъ присвячений М. Грушевському) старался выяснить отношеніе версіи Исторіи Руссовъ къ аналогичнымъ стариннымъ преданіямъ (Фаларисъ и царь Манасія-Меналке), но могъ только гипотетически высказаться о связи ея съ легендою о Фаларисѣ.

²⁾ Авторный матеріалъ объ этихъ конфискаціяхъ въ моихъ „Матеріалахъ до історії козацкихъ рухів.“

³⁾ Архивъ Ю. З. Р. III I № 38, см. выше.

⁴⁾ Жерела VIII № 67.

всякія сношенія съ Низомъ, не осталось безъ послѣдствій, въ видѣ разныхъ затрудненій и препятствій въ доставкѣ припасовъ, въ передвиженіяхъ съ Низу на волость и съ волости на Низъ, въ проживаніи на волости козацкихъ семей. Козацкая персниска 1596—1601 гг., до самой реабилитаціи козачества, полна жалобъ и всяческихъ ходатайствъ о прекращеніи этихъ преслѣдованій и препятствій, и этимъ объясняется горячее желаніе болѣе солидныхъ элементовъ козачества примириться съ правительствомъ, а для этого—снискать его расположеніе своею лойяльностью.

Въ такомъ лойяльномъ настроеніи поддерживали козачество и его „пріятели“, сдѣлавшіе своею спеціальною и сферою всяческихъ заслугъ передъ правительствомъ „козацкую политику“, и въ своихъ интересахъ старавшіеся тоже легализировать положеніе козачества. Такъ уже отъ іюля 1596 г. имѣемъ письмо Якуба Претвича, стараго комиссара по козацкимъ дѣламъ и „доброжелательнаго пріятели“ козацкаго, какъ онъ подписался на этомъ письмѣ. Пишетъ онъ на Запорожьѣ, очевидно, въ отвѣтъ на какое-то письмо старшаго козацкаго Кристиофа Нечковскаго и козаковъ, въ которомъ эти послѣдніе сообщали своему „пріятели“ объ ожидаемомъ крымскомъ походѣ на Венгрію, о какомъ-то „Турченкѣ и дѣвочкахъ“, захваченныхъ для Претвича, и просили его заступничества передъ королемъ. Претвичъ увѣдомляетъ, что онъ засвидѣтельствовалъ передъ королемъ лойяльность Запорожцевъ—что они участія въ возстаніи не принимали и теперь „ведутъ себя пристойно“, и король уже заявилъ имъ свое расположеніе. Для лучшаго впечатлѣнія Претвичъ совѣтуетъ какъ можно скорѣе прислать татарскихъ плѣнныхъ, которые могли бы сообщить свѣдѣнія о татарскихъ планахъ, отправить къ королю съ просьбою о милости своихъ депутатовъ, а также написать обоимъ гетманамъ, коронному и польному (Замойскому и Жолкевскому), и обѣщаетъ приложить всѣ старанія у короля въ ихъ интересахъ: „я ужь этого добьюсь для васъ у короля, будете потомъ меня благодарить: помилуетъ всѣхъ васъ какъ людей рыцарскихъ“. Притомъ проситъ упомянутыхъ Турченка и дѣвочекъ придержать для него: онъ поднесетъ ихъ королевѣ (очевидно уже отъ себя, а не отъ козаковъ), а также, если можно, проситъ добыть пару верблюдовъ, должно быть для той же цѣли¹⁾. Съ своей стороны козац-

¹⁾ Listy № 55.

кія власти, несомнѣнно, старательно слѣдовали этимъ совѣтамъ и не пренебрегали ничѣмъ, что могло бы возможно лутше зарекомендовать козачество въ правительственныхъ сферахъ и освободить его отъ репрессій, нависшихъ надъ козачествомъ вслѣдствіе послѣднихъ сеймовыхъ постановленій. Отъ іюля того же года имѣемъ удостовѣреніе отъ новаго, гетмана Игната Василевича“ и козацкаго войска изъ-подъ Тавани адресованное пограничнымъ шляхтичамъ: они извѣщаютъ, что козацкое войско отправляетъ къ королю своихъ депутатовъ Каспера Подвысоцкаго и Гаври-ла Рошу съ татарскимъ плѣнникомъ, проситъ не отказывать имъ въ подводахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ „исполняя свою давнюю повинность передъ христіанскимъ народомъ“, увѣдомляютъ о намѣреніяхъ татарской Орды вторгнуться въ коронныя земли и совѣтуютъ соблюдать всяческую осторожность въ виду этого¹⁾. Результатъ этой депутаціи къ королю намъ неизвѣстенъ—возможно даже, что она и не дошла до короля, такъ какъ все же казаки были „подъ банниціей“. Спустя годъ (1597) имѣемъ новый универсалъ отъ того же Василевича, въ которомъ онъ извѣщаетъ всю пограничную администрацію, что 14 іюля татарская орда вновь появилась надъ Днѣпромъ, съ намѣреніемъ переправиться, и весьма вѣроятно, что она двинется въ коронныя земли, поэтому администраціи слѣдуетъ предупредить населеніе, не ожидая новыхъ вѣстей отъ козаковъ²⁾.

Такимъ образомъ казаки усердно подчеркивали свою службу въ интересахъ безопасности рѣчи посполитой. За свою борьбу противъ Татаръ они въ эти годы получали плату изъ Москвы—„казну отъ вел. кн. московскаго“³⁾, и одновременно афишировали ее передъ польскими кругами, какъ заслугу передъ польскимъ правительствомъ. Дѣйствительно, эта козацкая стража на южныхъ границахъ, стала уже настолько необходимою для рѣчи посполитой, что безъ нея послѣдняя не могла обойтись, и особенно въ этотъ моментъ фактически оставшись безъ войска (такъ какъ ея войска все еще бастовали вслѣдствіе неуплаты жалованія),—должна была особенно цѣнить козацкую службу. Поэтому, когда коронный гетманъ Замойскій осенью 1597 г., въ отвѣтъ на какія-то козацкія посольства или письма, вознамѣрился отвѣ-

¹⁾ Ркп. библиот. орд. Замойскаго.

²⁾ Издано въ Кіевской Старинѣ 1893, X, с. 158.

³⁾ Указанія въ письмѣ Байбузы—Listy № 60.

тять суровымъ письмомъ, все еще трактуя козаковъ, какъ осужденныхъ сеймомъ бунтовщиковъ; польный гетманъ Жолкевскій, которому Замоискій переслалъ это письмо, рѣшительно воспротивился такому отношенію¹⁾. По его мнѣнію ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало раздражать козаковъ, такъ какъ ихъ служба можетъ быть нужна при случаѣ, и онъ поэтому не отослалъ имъ этого письма. Дѣйствительно, лѣтомъ 1597 г. Татары во время своего перехода задѣли Подольскія земли, а ихъ участіе въ венгерской войнѣ грозило въ будущемъ великими сюрпризами²⁾; въ виду этого козаки были нужны.

Но въ то время, какъ болѣе солидная часть низового козачества старалась проложить пути къ примиренію съ польскимъ правительствомъ, реабилитаціи козачества и возвращенію ему старыхъ привилегій, ко всему *status ante bellum*,—элементы, болѣе радикально и непримиримо настроенные, менѣе считавшіеся съ отношеніемъ и взглядами правительства, неохотно сносили эту оппортунистическую политику старшины и порывались свести счеты съ разными участниками кампаніи 1596 г. Расхожденія этихъ двухъ направленій, болѣе и менѣе оппозиціонныхъ, представленныхъ въ 1594—6 гг. Низовцами, съ одной стороны, Паливайковцами—съ другой, проявилось теперь весьма рѣзко среди самого низового козачества. Прежде всего, кажется, обнаружилось оно въ походахъ своевольныхъ элементовъ на турецкія земли, на Бѣлгородъ и его окрестности³⁾: оппортунисты, по ихъ словамъ, избѣгали столкновеній съ Турками, чтобъ не причинять затрудненій Коронѣ⁴⁾. Потомъ, лѣтомъ 1598 г. дѣло дошло до рѣзкихъ конфликтовъ среди козаковъ, извѣстныхъ намъ изъ реляцій тогдашняго запорожскаго гетмана Тихона Байбузы⁵⁾, стоявшаго

¹⁾ Listy № 58; Жолкевскій выступилъ особенно противъ одного мѣста въ письмѣ Замоискаго, гдѣ послѣдній требовалъ, чтобы козаки дали доказательства своей лояльности; Ж. высказалъ опасеніе, какъ бы козаки *thego pytania iako chłopstwo grube w żartu sobie nie obracali y nie wzdrzasnęli sie*, но это замѣчаніе сдѣлано вѣроятно больше для формы, а главнымъ образомъ Ж. считалъ неумѣстнымъ суровый тонъ письма Замоискаго—*więcz odrazas ich y inwidią sobie bez przyczyny czynicz zwłaszcza ze y tych czasach przypadłey Rptey potreby mogłby przedsię zażycz.*

²⁾ Archiwum Sapiehów № 184 и 185.

³⁾ Объ нихъ узнаемъ изъ письма султана отъ осени 1597 г.—*Жерела VIII № 68.* ⁴⁾ Ср. письмо Байбузы, Listy с. 83.

⁵⁾ Одна изъ нихъ, отъ 15/XI (болѣе обширная) издана—Listy № 60, другая—13 4/X—в ркп. библ. Замоискихъ.

во главѣ партіи умѣренныхъ — какъ и подобало представителю почтеннаго землевладѣльческаго рода¹⁾. По его словамъ, разрывъ произошелъ въ то время, когда козаки двинулись влѣдъ за Татарами, отправившимися снова въ Венгрію, приблизительно въ первой половинѣ іюня²⁾.

„Узнавъ, пишетъ Байбуза, что крымскій царь двинулся на Венгрію, мы помня, что мы люди рыцарскіе, и не желая лежать на одномъ мѣстѣ, рѣшили постараться, насколько хватитъ возможности, преградить путь этому непріятелю въ какомъ нибудь тѣсномъ мѣстѣ и разбить его, и тѣмъ послужить королю и рѣчицесполитѣй, и остановились на этомъ всеъ единодушно, особенно атаманы. Выгреблись мы на волость, держась королевскихъ городовъ, и шли, не причиняя никакихъ насилій ни Петеръ, постановивъ между собою не допускать никакого ущерба. Но нѣкоторые товарищи, увидавъ что мы держимся скромно и имъ не позволяемъ никакого своевольтва, оставили наше войско и, бѣжавъ на Днѣпръ, пришли въ оставленный нами „кошъ“, выбрали своимъ старшимъ Полоуса, забрали и разграбили наши лодки, наши „борощна“, нашу казну, присланную намъ отъ вел. князя. Причинивъ намъ такіа потерѣ, они затѣмъ отправились со своимъ полкомъ къ морю и тамъ захватили турецкое мѣстечко. А мы, не будучи въ состояніи догнать царя и его войско, повернули отъ Днѣстра назадъ,

¹⁾ Отецъ Тихона, Михайло Грибуковичъ Байбуза, былъ владѣльцемъ посульскихъ земель, доставшихся ему въ наслѣдство послѣ кн. Глинскихъ, но ихъ отобралъ у него черкасскій староста Александръ Вишневецкій, — взамѣнъ онъ выхлопоталъ Байбузамъ королевское пожалованіе на земли въ бассейнѣ Псла, но они не сумѣли реализовать эти права (см. т. VI с. 285—6). Въ подтвержденіи имѣній Михайла Байбузы за его сыновьями Семеномъ и Тихономъ въ 1590 г. указывается на ихъ службу на Украинѣ „еще з молодости летъ своихъ“ (Чтенія кiev. XIV с. 98). Въ козацкомъ войскѣ Байбузы до этого времени не встрѣчаемъ — если не отождествлять съ нимъ упоминанія о какомъ-то Тихнѣ въ 1594 г. (Listy с. 49).

²⁾ Слова реляціи *przeszłego lata* (Listy с. 88) понимаютъ такъ, что тутъ идетъ рѣчь о событіяхъ предшествовавшаго года, 1597, но слова эти значать „минушнаго лѣта“; сравненіе разсказанныхъ здѣсь фактовъ съ другими письмами не оставяетъ сомнѣнія, что здѣсь рѣчь идетъ о событіяхъ 1598 г., и исходный моментъ ихъ, походъ влѣдъ за Татарами, имѣлъ мѣсто въ іюнѣ мѣсяцѣ этого года.

стараясь не нарушить покоя рѣшительной и не навлечь гнѣва турецкаго султана на королевскаго посла. Вернувшись въ свои обычныя мѣста и увидѣвъ разграбленнымъ все оставленное нами въ своемъ „кошѣ“, мы обрушились на этихъ людей, измѣпившихъ нашему войску и выдавшихъ его передъ лицомъ не-пріятеля¹⁾). Мы казнили нѣсколькихъ, дѣйствительно главнѣйшихъ бунтовщиковъ, еще издавна подстрекавшихъ другихъ ити на волость, а потомъ скрывавшихся. Другіе убѣжали, и убѣжавъ, соединились съ Полоусомъ противъ насъ“²⁾).

Въ этой реляціи однако сказано не все. Походъ „черезъ королевскіе города“ въ погоню за Татарами не былъ такимъ невиннымъ въ дѣйствительности. Козаки замыслили походъ на Молдавію и двинулись туда на Брацлавъ и Немировъ, но молдавскій воевода совместно съ украинскими старостами своими полками преградили имъ дорогу; вообще козачество вызвало тогда немалую тревогу на Украинѣ: спѣшили мобилизовать противъ нихъ войска. Тогда не пробравшись въ Молдавію здѣсь, козаки повернули по Бугу внизъ и прошли къ Днѣстру, на Ягорлыкъ, чтобы оттуда пройти въ Молдавію, но молдавское войско отразило ихъ. Послѣ этого они отступили, но отправились не на Запорожье, а въ Кіевскія земли. Часть ихъ бросилась на волость Ружинскихъ, вѣроятно сводя съ ними счеты за послѣднюю кампанію; но здѣсь ихъ погромили. Имѣются извѣстія о нападеніяхъ на полѣвскія области в. кн. Литовскаго (гдѣ въ свое время хозяйничалъ Полоусъ)³⁾. Въ другомъ своемъ письмѣ (къ каневскому подстаростѣ) Байбуза обвинялъ во всемъ этомъ Полоуса: „они какъ привыкъ въ тѣ недавнія времена вмѣстѣ съ подходящими товарищами—сотниками совершать наѣзды на волости на почтенныя шляхетскіе дома, такъ и теперь, по старому обыкновению, не перестаетъ проливать кровь, и мы, ни въ чемъ неповинные люди, благодаря имъ попали теперь въ бѣду“; „что же касается на-

¹⁾ Подразумѣвается вѣроятно, самовольное бѣгство изъ войска во время похода на Татаръ.

²⁾ Listy с. 88.

³⁾ О походѣ козаковъ на Молдавію— Archiwum Radziwiłłów с. 134, 136, Listy № 61, неизданныя письма Острожскаго у Жуковича Сеймовая борьба с. 736; о нападеніи козаковъ на имѣнія Ружинскихъ и пораженіи козаковъ подъ Котельнею—Archiw. Radz. с. 138 и въ письмѣ Полоуса—рпк. библ. Замойскихъ

шего выхода, случившагося въ этомъ году, то это они же подбивали выгребаться на волость и насъ на волость вывели, а сами, вернувшись назадъ, наше „бороще“ и казну нашу заслуженную разграбили“, и т. д. ¹⁾). Въ свою очередь Полоусъ, прося для своихъ сторонниковъ свободнаго пропуска на Низъ, главными виновниками представлялъ Байбузовцевъ—ихъ, молъ, дѣломъ были своевольства на волости и нападеніе на имѣнія кн. Ружинскаго ²⁾). Возможно, что Байбузовцы не были безгрѣшными въ послѣднихъ своевольствахъ, и расколъ, начавшійся среди козаковъ, произошелъ не изъ-за однихъ лишь политическихъ мотивовъ—разницы тактики по отношенію къ правительству, оппортунистической у Байбузовцевъ, непримиримой у Полоусовцевъ. Но что въ концѣ концовъ обѣ партіи, разойдясь, заняли различныя позиціи въ этомъ смыслѣ по отношенію къ правительству, это очевидно:

Среди козаковъ разразилась настоящая междоусобная война. Позоръ и униженіе солоницкой кампаніи, кровавый терроръ и преслѣдованіе властей, и вызванное ими раздраженіе прорвались

¹⁾ Реп. библ. Замойскихъ.

²⁾ Въ письмѣ, лишенномъ даты, написанномъ, очевидно, осенью 1598 г., „Полоусъ рекомендуетъ украинской администраціи своихъ товарищей (которые должны были притти къ нему съ волости), что „они не присоединились къ тѣмъ своевольникамъ, которые возстали противъ короля нашего и е. м. князя Хирека Ружинскаго и хотѣли воевать съ ними, а спустившись по Днѣпру на Низъ, обобрали и ограбили нашихъ товарищей, направлявшихся въ ваши края, обвиняя ихъ въ томъ, что тѣ не возстали вмѣстѣ съ ними противъ е. корол. милости и не воевали съ княземъ Ружинскимъ. Такъ измѣнивъ королю и рѣчинополитой и надѣлавъ всякихъ беззаконій на волости, отправились затѣмъ въ намъ на Запорожье. Здѣсь пользуясь нашимъ отсутствіемъ, разграбили и разобрали наше имущество въ куреняхъ, а нашихъ товарищей, не бывшихъ на волости, т. е. не принявшихъ съ ними участіе въ ихъ мятежномъ походѣ на волость противъ короля и рѣчинополитой и оставленныхъ нами при уходѣ въ куреняхъ,—схватили и убили и готовили тоже самое и намъ, чего имъ, Боже, не допусти“. Реп. библ. Замойскихъ. Что Байбузовцы были свомпрометированы „на волости“, видно изъ ихъ осторожныхъ оправданій, что собственно ихъ взбунтовали Полоусовцы. Это наводитъ на мысль, что расколъ между козаками произошелъ первоначально не на почвѣ лояльности, и между сторонниками Байбузы, который, дѣйствительно, потому является представителемъ оппортунистической политики, оказались „своевольники“ не хуже Полоусовцевъ.

въ жестокой усобицѣ въ которой козачество, раздѣлившись на два лагерь, въ безсильной злобѣ губило само себя.

Байбузовцы заставъ въ лагерѣ Полоусовцевъ, вступили съ ними въ настоящую битву и, будучи въ большинствѣ (такъ какъ значительная часть Полоусовцевъ ушла къ мору)—разгромили ихъ. Одни были убиты, другіе убѣжали къ Полоусу, какъ сообщаетъ Байбуза. Козаки рассказывали кн. Ружинскому, что это была кровавая битва, въ которой легло нѣсколько сотъ козачковъ, между ними Метла, участвовавшій въ походѣ на волость, а другой предводитель козацкихъ наѣздовъ Гедройтъ (вѣроятно, Флоріанъ Гедройць, бывшій агентъ епископа Терлецкаго, участникъ волынскихъ наѣздовъ 1596 г.) былъ взятъ въ плѣнъ. Байбузовцы остались въ лагерѣ, Полоусовцы пришли на Низъ Днѣпра, подъ Бургунь, и оттуда вели партизанскую войну со своими противниками. Когда Байбуза отправилъ эсаула Скалозуба съ коннымъ отрядомъ, съ 120 козаками, на развѣдки, чтобы добыть татарскихъ „языковъ“, Полоусъ ночью неожиданно напалъ на него и разбилъ: „среди нихъ находилось нѣсколько десятковъ почтенныхъ шляхтичей, людей извѣстныхъ, и они всѣхъ ихъ убили“, жаловался Байбуза. Полоусъ переловилъ и перебилъ ихъ послонь, стражу, стоявшую на перевозахъ; „нашихъ товарищей, идущихъ къ намъ съ „борошномъ“, перехватывали, однихъ убивали, другихъ брали подъ стражу, „борошно“ отбирали“¹⁾; снова захватилъ московскую казну, направлявшуюся въ Сѣчь—перехватилъ ее въ дорогѣ и забралъ.

Одновременно и тѣ, и другіе обращались къ пограничной администраціи и магнатамъ, стараясь привлечь ихъ на свою сторону, и представляя своихъ противниковъ бунтовщиками, пытались на нихъ обратить репрессіи администраціи, а себѣ обезпечить ея нейтральность и свободное сообщеніе съ „волостью“. Имѣется письмо Байбузы (къ каневскому старостѣ, отъ первыхъ чиселъ октября, въ которомъ онъ старается побудить его къ репрессіямъ противъ Полоусовцевъ; мѣсяць спустя—письмо гетману Жолкевскому, гдѣ Байбуза оправдывается отъ обвиненій, возводимыхъ на него Полоусомъ, описываетъ грѣхи Полоуса²⁾

¹⁾ Listy с. 88—9, рѣк. библ. Замойскаго (здѣсь рассказъ о разгромѣ Скалозуба, писанный 4/X 1598: о второмъ погромѣ здѣсь еще не говорится).

²⁾ Iakoz bogu y ludziom dawno iest winien Polons, y to w. m. nasz m. pan raczysz wiedzieć, iako ot Lobody odstąpiwszy w wierzch

и просить совета и помощи для обуздания Полоусовцевъ: просить прислать комиссара для разслѣдованія ихъ преступленій, иначе грозить войной и кровопролитіемъ, „которое и поганину доставитъ удовольствіе“. Изъ подъ пера Байбузы же, очевидно, вышли весьма характерные пункты, пересланные, судя по титулу, коронному гетману, около того же времени (быть можетъ немного позже), гдѣ онъ проситъ не только прислать комиссара для суда надъ его противниками, но и назначить старшаго кого либо изъ зажиточныхъ шляхтичей, и пожалованія „знака милостивой ласки е. к. милости“, знамени— „какъ мы имѣли передъ тѣмъ знамя пов. короля Стефана, и теперь просимъ“, а для лучшаго впечатлѣнія козаки посылаютъ гетману въ подарокъ двѣ пушки, а гетманшѣ обѣщаютъ „пару дѣвушекъ или мальчиковъ (очевидно изъ невольниковъ), или что ея милость изволитъ пожелать¹⁾“. Съ другой стороны, имѣется, какъ я уже упоминалъ, письмо Полоуса украинскимъ старостамъ и подстаростамъ, гдѣ онъ изображаетъ бунтовщиками Байбузовцевъ и грозитъ рѣшительной войной съ ними²⁾. Наконецъ дѣлится извѣстіями, привезенными ему съ Низу козаками, кн. Ружинскій: козаки (очевидно Байбузовской партіи) просятъ помощи противъ своевольниковъ, умоляютъ, чтобы король отъ себя далъ имъ гетмана и позволилъ вывезти изъ Запорожья „армату“—пушки и гаковницы, которыхъ тамъ больше сотни, „такъ какъ замѣчаютъ, что своевольство усилилось съ тѣхъ поръ, какъ армата перешла за пороги“³⁾.

Козачество готово было втягивать въ свои междуособія правительство и предоставляло ему рѣшающее участіе въ своихъ внутреннихъ отношеніяхъ на Запорожьѣ. Байбузовцы, очевидно, не надѣялись справиться съ Полоусовцами своими силами, послѣдніе тѣмъ меньше, и они готовы были принять старшаго отъ правительства, отдать подъ его власть свою армату, ограничить свою автономію, лишь бы только съ помощью правительства

Dniepra poszedł, tamże polkiem swym chodził, stacyi wybirał u najazdy na domy szlacheckie szupit.

¹⁾ Рукон. библи. Замойскихъ—подлинникъ, но безъ подписи и даты; адресъ: „ясновельможному нашему милостивому пану“ указывалъ бы на Замойскаго, но адресатомъ можетъ быть и Жолкевскій; сходство содержанія съ письмомъ Байбузы отъ 15, XI 1598 показываетъ, что письмо вышло отъ него.

²⁾ Listy № 60, рук. библ. Замойскихъ.

³⁾ Listy № 59.

побѣдить противную партію ¹⁾. Правда, они могли предполагать, что власть такого правительственнаго гетмана будетъ реальна лишь до тѣхъ поръ, пока сами козаки будутъ допускать это.

Но правительство, очевидно, считало лучшимъ не вмѣшиваться въ эту междоусобную войну. „Пусть лучше они одни между собою погрызутся, на будущее время, можетъ быть, лучшая служба отъ нихъ будетъ королю и рѣчипосполитой“, писалъ Ружинскій, передавая эти запорожскія новости своему корреспонденту, каменецкому старостѣ, и очевидно такого же взгляда держался и Жолкевскій, котораго Байбуза напрасно старался втянуть въ эти козацкія усобицы.

Переписка прерывается на этихъ письмахъ, и намъ неизвѣстно, какое направленіе приняли затѣмъ эти отношенія среди пивового козачества. Однако, расколъ не затянулся надолго: радость пляхетскихъ противниковъ козачества должна была скоро разсѣяться. Вскорѣ послѣ этого, во время событій 1600 г., козачество вновь выступаетъ передъ нами какъ единое сплоченное цѣлое. Усобица должна была прекратиться еще скорѣе, судя по тому, что 1599 г. былъ уже полонъ козацкихъ походовъ на турецкія земли: былъ какой-то морской походъ, надѣлавшій много бѣдъ Туркамъ, козаки ходили на помощь валашскому воеводѣ Михайлу, вышедшему изъ повиновенія Туркамъ и осенью 1599 г. занявшему Трансильванію, вѣроятно тоже не безъ участія козаковъ ²⁾. Во главѣ козачества оказался достойный вождь Самойло Кишка—герой одной изъ наиболѣе прославленныхъ козацкихъ думъ, воспѣвшей его неволю у Турокъ и счастливое бѣгство изъ нея (эпизодъ неизвѣстный намъ изъ другихъ источниковъ) ³⁾, но не сохранившей памяти о его политическихъ за-

¹⁾ Въ вышеупомянутыхъ пунктахъ читаемъ: *A. izz bes starszego nam trudno, prosimy o takiego, który by był słachcicem mającym i który by o nasze krzywdy się mocno wjął; książę Domanta jest dobrze osiadłym słachcicem, o tego prosimy; niech będzie nad wszystkimi nami starszy, przy temże i chorągiew kro. i. m. będzie; a my jako panissi służebnicy i. k. m. u gr. za namnieszem rozkazaniem i. k. m. u w. m. pp. hetmanow gotowismy sluzycz na koda potrzebą.* ²⁾ Жерела VIII № 70.

³⁾ Самая большая по размѣрамъ и выдающаяся по своимъ поэтическимъ достоинствамъ дума эта въ своей общезвѣстной редакціи описываетъ освобожденіе Кишки изъ турецкаго плѣна послѣ

слугахъ передъ козацествомъ. Представитель болѣе умѣренной части козачества, какъ и его предшественникъ Байбуза—какъ и

54-ухъ лѣтняго пребыванія въ немъ. Позже записанный вариантъ кобзаря Крюковскаго (Ж. Стар. 1882, XII и снова въ 1904, II, изъ записей Мартыновича) рассказываетъ, хотя и очень блѣдно и отрывочно плѣненіе Кипки Турками. Прежніе изслѣдователи допускали, что этотъ плѣнъ имѣлъ мѣсто до известной намъ исторической дѣятельности Кипки, въ первыхъ годахъ XVII ст.; они указывали на то, что у Величка, въ письмѣ Сирка упоминается морской походъ Кипки передъ 1575 г. (II с. 380) и слѣдуя ему, предполагали, что за этимъ походомъ наступилъ долгій плѣнъ Кипки (Антоновичъ и Драгомановъ с. 227),—хотя письмо Сирка несомнѣнный апокрифъ и дата его не имѣетъ никакого значенія. Затѣмъ нѣсколько лѣтъ спустя Антоновичъ встрѣтилъ итальянскій рассказъ 1643 г. о томъ, какъ украинскіе невольники захватили галеру и освободились изъ плѣна; въ этомъ рассказѣ былъ признанъ историческій прототипъ думы, и на этомъ основаніи Наумовъ въ своемъ изслѣдованіи о думѣ перенесъ плѣнъ Кипки уже на 1620 г., какъ датировалъ его Величко, хотя Величко съ Цесарской битвой связалъ этотъ эпизодъ по догадкѣ, и вообще плѣнъ Кипки въ лѣтописную традицію вошелъ изъ тойже думы. Въ 1894 г. прибавилось еще одно документальное извѣстіе—челобитная главнаго героя тойже невольничьей эпопеи, калужскаго стрѣльца Ивана Семеновича Мошкина царю о жалованьи. Она была издана въ Читеніяхъ московскихъ, и давая отчетъ о нихъ въ лвовскихъ Запискахъ (т. VII с. 22) я указалъ на связь ея съ темой думы, а Антоновичъ, издавая ее вмѣстѣ съ итальянскимъ мемуаромъ въ II т. Мемуаровъ къ ист. Южной Руси, высказалъ взглядъ, что событіе 1643 г. въ думѣ было скомбинировано съ традиціей о неволѣ и освобожденіи Кипки, имѣвшей мѣсто въ XVI в., предъ его гетманствомъ, когда жилъ и Скалозубъ, упомянутый въ думѣ. Какъ гипотеза, эта мысль объ аналогичной традиціи о Кипкѣ, скомбинированной затѣмъ съ болѣе новымъ эпизодомъ 1643 г., можетъ быть принята. Но въ концѣ концовъ и эта наиболѣе богатая историческими деталями дума даетъ намъ лишь новый примѣръ вполнѣ механической связи историческихъ именъ того времени съ темами пѣсель. Дума въ своихъ деталяхъ имѣетъ много общаго съ рассказами объ эпизодѣ 1643 г. и нельзя сомнѣваться, что она описываетъ именно этотъ эпизодъ. Кипка къ нему причастенъ не былъ, въ тому времени его навѣрное уже давно не было въ живыхъ. А между тѣмъ какими то невѣдомыми путями дума притягиваетъ его имя и дѣлаетъ героемъ событія, въ которомъ онъ не участвовалъ, характеризуетъ совершенно чуждыми ему подробностями, и т. д. Въ концѣ концовъ и здѣсь оказывается лишь бытовая картина съ механически притянутымъ, по общности мотивовъ, историческимъ именемъ, какъ и въ другихъ пѣсняхъ этого періода—см. выше с. 164.

онъ представитель украинскаго шляхетскаго козачества (вѣроятно, изъ рода брацлавскихъ Кошекъ или Кошичей), онъ сумѣлъ подчинить своей власти и руководству все козачество и удержать его въ границахъ лояльности по отношенію къ правительству въ рѣшительный моментъ, когда этой сравнительно недолгой лояльностью можно было вернуть утраченныя привилегіи козацкаго сословія.

Воевода Михаилъ затронулъ чувствительную струну польскаго правительства, а особенно стараго гетмана Замойскаго, послѣ своихъ успѣховъ въ Трансильваніи поднявъ руку на польскаго вассала—молдавскаго господаря. Весной 1600 г. Михаилъ двинулся на Молдавію, рассчитывая и ее присоединить къ своимъ владѣніямъ. Съ точки зрѣнія Польши образованіе такого значительнаго политическаго организма въ качествѣ буфера между Турціею и польскими землями могло считаться желательнымъ. Но молдавскій господарь Могила считался польскимъ вассаломъ, возведеніе его на молдавское господарство гетманъ Замойскій считалъ своею заслугою, и польское правительство рѣшило защищать Молдавію отъ претензій Михаила. Весною 1600 г. начинается спѣшная мобилизація силъ для этой кампаніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзко мѣняются и отношенія польскаго правительства къ козачеству: въ виду отсутствія готовыхъ силъ для этой кампаніи ему чрезвычайно важно было привлечь къ участию въ этой войнѣ козаковъ, и какъ прежде оно очень холодно встрѣчало всѣ заискиванія со стороны козаковъ, такъ теперь начинаетъ со всѣхъ сторонъ бомбардировать ихъ призывами къ участию въ этой войнѣ. Но видя столь рѣзкую перемѣну въ правительственныхъ настроеніяхъ, измѣняетъ свою тактику и козачество. Если раньше оно всячески заискивало передъ правительствомъ, то теперь, зная себѣ цѣну, не спѣшитъ дешево продавать свою службу. Въ качествѣ своего условія оно выставляетъ требованіе полной реабилитаціи, возвращенія и подтвержденія всѣхъ правъ и привилегій козацкихъ, *status ante bellum*.

Первое извѣстіе объ этихъ переговорахъ имѣется въ письмѣ Жолкевскаго. Спѣшно идя подъ Хотинъ, гдѣ заперся Могила, разбитый войскомъ Михаила, Жолкевскій отправляетъ пѣсьма къ Низовцамъ, на Дивиръ и на Бутъ „ку Пробитому“, уговаривая ихъ порвать свои отношенія съ Михаиломъ и послужить королю и рѣчи досполитой протевъ него, такъ какъ онъ, цѣлая видъ будто бы намѣренъ воевать съ погаными, въ дѣйствитель-

ности проливаетъ кровь христіанскую¹⁾. Это имѣло мѣсто въ послѣднихъ числахъ мая. Гетманъ Замойскій, такъ непривѣтливо отнесшійся къ замѣчаніямъ со стороны козачества два года тому назадъ, теперь тоже отправилъ письмо запорожскому войску, приглашая его какъ можно скорѣе спѣшить въ Молдавію, къ Жолкевскому, у котораго имѣется для нихъ и готовый „упоминокъ“²⁾. Но козаки не спѣшили откликнуться на эти призыны, не льстились и на обѣщанный „упоминокъ“, и „стояли на своихъ обычныхъ мѣстахъ за Порогами, не двигаясь никуда и не ходя ни за какою добычею, ждали милости его кор. милости и рѣчи посполитой, и будучи готовы, ожидали воли и приказа королевскаго“. Дождались и того, что самъ король прислалъ имъ грамоту съ призывомъ къ походу, и всетаки ограничились только общими фразами о своей готовности идти въ походъ, — но „подъ извѣстными справедливыми и необходимыми для нихъ кондиціями“³⁾. Правительству на этотъ разъ не терпѣлось, но козаки не имѣли причины спѣшить, и они ждали, пока температура поднимется до надлежащей высоты. Въ правительственныхъ кругахъ вспомнили уже и объ Оришовскомъ, обратились къ его посредничеству, чтобы онъ уговорилъ козаковъ. Въ іюнѣ гетманъ Замойскій посылаетъ къ нему Оришовскаго съ письмомъ, въ которомъ указываетъ, какой драгоцѣнный случай представляется козакамъ: теперь они могутъ заслужить милость королевскую и рѣчку посполитой, — нужно только спѣшить въ Молдавію. Король также прислалъ своего дворянина, Стая Сбраковскаго съ новымъ письмомъ и устными порученіями, приглашая козаковъ къ походу. Тогда козаки выступили со своимъ ультиматумомъ. Имѣются два письма ихъ, написанныя въ одинъ и тотъ же день 1 іюля, одно — королю отъ старшаго, Самойла Кишки со старшиною и войскомъ, другое Замойскому — непосредственно отъ войска⁴⁾. Въ нихъ войско выставляетъ тѣ условія, на которыхъ оно готово явиться на службу — въ обоихъ письмахъ въ выраженіяхъ сходныхъ почти буквально, и сверхъ того проситъ лишь у гетмана его ходатайства передъ королемъ. Вотъ эти козацкія условія:

Во первыхъ — должна быть отменена „баниція“, наложенная на козаковъ безо всякой вины съ ихъ стороны.

1) Listy № 71. 2) Ibid. № 72.

3) Жерела VIII № 72, ср. Listy № 72.

4) Первое — въ Жерелахъ VIII № 72, второе — Listy № 72.

Во вторыхъ—вольности, которыми безпрепятственно пользовались ихъ предки, почитая пожалованія покойнаго короля Стефана,—должны быть возвращены и милостиво подтверждены имъ.

Въ третьихъ—должны быть запрещены невыносимыя злоупотребленія, которыя терпятъ сами козаки и ихъ товарищи отъ державцевъ королевскихъ имѣній, украинскихъ старостъ и подстаростъ,—убійства и безчеловѣчные поступки, безо всякой причины и вины, а также и разныя утѣсненія въ своемъ имуществѣ, которое они добыли кровавымъ потомъ, не жалѣя жизни, саблю у враговъ св. креста—такъ какъ и имъ не даютъ спокойно пользоваться.

Въ отвѣтъ на обѣщаніе „упоминка“ козаки заявляютъ гетману, что имъ трудно идти за нимъ такъ далеко, къ самому Жолковскому, они—„лишены всякаго имущества и не имѣютъ возможности снарядиться въ походъ, поэтому просятъ, чтобы упомянутый королевскій „упоминокъ“ былъ присланъ къ нимъ на мѣсто, па Днѣпрѣ. Затѣмъ не удовлетворяясь имъ, они просятъ и короля, и Замойскаго о назначеніи имъ регулярнаго жалованія, какое было назначено ихъ предшественникамъ. Кроме того, просятъ себѣ „знака“, „т. е. знамени его королевской милости, чтобы они могли ходить подъ этимъ знакомъ и быть вѣдомы, какъ слуги его кор. милости“.

Съ такими условіями были посланы къ королю депутаты—Родкевичъ и Онопрій, при чемъ козаки обѣщали двинуться въ походъ, не ожидая отвѣта на свои условія—полагаясь на ихъ удовлетвореніе. Оришовскій остался съ ними, чтобы своими настояніями поддержать ихъ въ этомъ благомъ намѣреніи. 16-го іюля козаки двинулись изъ Запорожья, „стараясь угодить волѣ и наказу его кор. милости“. Сохранилось письмо отъ Оришовскаго, Бишки и всего Запорожскаго войска, писанное въ Бѣлобережьи, „въ шести миляхъ ниже Черкасъ“, 1 августа, адресованное Жолковскому, вѣроятно, въ отвѣтъ на его новыя поторавливанія. Здѣсь очень ярко описана та необычайная энергія, какую вкладывали Запорожцы въ этотъ походъ, желая угодить королю. „Двигаясь противъ теченія и имѣя противный вѣтеръ, мы принуждены были чуть ли не на каждомъ порогѣ тащить морскія лодки по берегу черезъ скалы, взявшись человѣкъ двѣсти—триста за канаты; у нѣкоторыхъ кровавый потъ со лба падалъ обильно—но все это терпѣли мы, лишь бы угодить во—

лѣ и наказу его кор. мил. и добиться милости государя своего и нашей. Въ первое воскресенье отъ даты этого письма будемъ, вѣроятно, въ Каневѣ, гдѣ должны будемъ остаться съ недѣлю, пока сойдутся все изъ пограничныхъ городовъ. Дальнѣйшая дорога также отниметъ не мало времени, такъ какъ пойдемъ пѣшкомъ, хотя и будемъ спѣшить день и ночь, беря гдѣ можно, подводы: вѣдь отъ Канева до Каменца 50 миль! Лично отъ себя Оришовскій засвидѣтельствовалъ великое стараніе и ревность, какую проявляетъ „старшій, паяль Самойло Кишка“, чтобъ заслужить королевскую милость себѣ и войску¹⁾. Несмотря на это, козаки потомъ упрекали Кишку, что онъ недостаточно проявилъ усердія, и даже, какъ сообщаетъ польскій источникъ—подозрѣвая въ союзѣ съ воев. Михайломъ, арестовали его, избравъ на его мѣсто гетманомъ Гаврила Крутневича, а Кишку хотѣли отдать на судъ Замойскому²⁾. Но это, вѣроятно, была какая-нибудь партійная вспышка, улаженная потомъ. Позже булава была снова возвращена Кишкѣ.

Въ отвѣтъ на козацкое посольство король прислалъ письмо³⁾ съ выраженіемъ признательности козакамъ за ихъ готовность идти въ походъ. Обнадеживалъ, что сдѣлаетъ все возможное, чтобы удовлетворить ихъ желанія на ближайшемъ сеймѣ, разослетъ указы пограничной администраціи, въ которыхъ будетъ воспрещено чинить какія либо притѣсненія козакамъ, ихъ женамъ, дѣтямъ и имуществу, посылалъ имъ охранныя грамоты⁴⁾. Затѣмъ козаки, прибывъ въ средній сентябрь въ Молдавію, отправили къ королю новое посольство, по совѣту гетмана Замойскаго, обѣщавшаго съ своей стороны ходатайствовать за нихъ передъ королемъ и засвидѣтельствовать ихъ службу. На этотъ разъ въ посольствѣ ѣздили Якубъ Осовскій, Жданъ Серафимовичъ, Петро Одионецъ. Въ петиціи, поданной ими отъ имени поваго старшаго, Крутневича, и всего войска, повторялись просьбы относительно жалованія и ходатайства объ изданіи новыхъ грамотъ украинской администраціи, впредь до формальной отмѣны „балиціи“, чтобы не было имъ непріятностей послѣ похода⁵⁾. Король и на этотъ разъ далъ имъ благопріятный отвѣтъ: повторяя, что съ отмѣ-

¹⁾ Listy с. 197.

²⁾ Collectanea vitam resque gestas I. Zamojscii illustrantia.

³⁾ Датировано 1/VIII—Жерела VIII № 73.

⁴⁾ Жерела VIII № 73.

⁵⁾ Письмо отъ 26 сентября 1600 г. въ ркп. библ. Замойскаго.

ной „баници“ и назначеніемъ жалованья нужно подождать сейма, обѣщавъ поручить гетману выплатить козакамъ вторично сумму въ 6 тыс. злотыхъ („упоминокъ“), а старостамъ разослать мандаты, поручая имъ обращаться съ козаками уже не какъ съ врагами государства, а его вѣрными слугами. Обѣщавъ также поручить гетману назначить кого-либо „въ ихъ суды“, что-то въ родѣ прежней должности Бадовскаго: очевидно, козаки домогались этого, чтобы обезпечить себя отъ старостинскихъ судовъ. Вообще король увѣрялъ, что онъ сдѣлаетъ все зависящее отъ него, а во всемъ остальномъ приложить всѣ старанія о *ich postanowieniu rewzum i gniotownum*¹⁾.

Тѣмъ временемъ кампанія пошла легче, нежели можно было рассчитывать. Прежде еще, чѣмъ Поляки успѣли серьезно приняться за воеводу Михаила, онъ потерпѣлъ болѣе поразеніе въ Трансильваніи, гдѣ противъ него поднялось венгерское дворянство и разбило его, соединившись съ императорскимъ войскомъ. Поэтому онъ не могъ дать серьезнаго отпора Замойскому. Битва, данная имъ польскому войску подъ Буковымъ, около Плоещъ, была имъ проиграна. Немало способствовало тому и низовое козачество: по словамъ Замойскаго, оно взялось пожертвовать собой, чтобы выбить Румынское войско изъ его позицій, защищенныхъ водою и лѣсомъ, и достигло этого дѣйствительно: подъ непріятельскимъ огнемъ, пушечнымъ и ружейнымъ, козаки брели по болотамъ и водѣ выше пояса, и, ударивъ одновременно съ польскою пѣхотою на вражескія позиціи, выбило оттуда Румынъ²⁾. Вообще участіе козаковъ въ кампаніи было весьма цѣнно. Численность ихъ въ точности неизвѣстна, но во всякомъ случаѣ было ихъ не меньше четырехъ тысячъ—на это количество было имъ обѣщано потомъ жалованье³⁾. а польскаго войска было семь тысячъ (включая и козацкіе полки, набранные разными лицами⁴⁾).

Послѣ проигранной битвы Михаилъ долженъ былъ пойти на уступки, и Замойскій считалъ свою миссію оконченной: онъ объявилъ Валахію вассальною провинціею Польши, ея госпо-

¹⁾ Жерела VIII № 74.

²⁾ Записка Замойскаго въ *Starożytności polskie* I с. 107.

³⁾ Такъ можно заключить изъ словъ Книжки—письме у Стороженка с. 320; Замойскій просилъ ихъ выслать впередъ три, или по крайней мѣрѣ двѣ тысячи—*Listy* с. 74.

⁴⁾ У Гурскаго (см. ниже) с. 256.

даремъ назначилъ Семена Могилу, брата Геромин, и съ тѣмъ отправился домой¹⁾. Затѣмъ Могила съ оставшимся при немъ польскимъ войскомъ еще вторично разбилъ Михаила, и такимъ образомъ этотъ эпизодъ былъ исчерпанъ.

Замойскій спѣшилъ какъ можно скорѣе покончить съ этимъ дѣломъ, такъ какъ король призывалъ его въ Польшу въ виду все усилывавшихся осложненій въ шведскихъ отношеніяхъ. Его дядя, регентъ Швеціи Карль, объявилъ Сигизмунда лишеннымъ шведскаго престола, завладѣлъ Эстоніею и готовился захватить также и польскую Ливонію. Его войско осенью 1600 г. перешло ливонскую границу и одинъ за другимъ захватывало ливонскіе замки. Необходимо было отправить туда корононое войско, занятое въ Молдавіи, а въ виду его небольшихъ размѣровъ (еще уменьшенныхъ отрядомъ, оставленнымъ для охраны господаря) снова нужно было заручиться помощью козаковъ, по возможности еще въ большихъ размѣрахъ. Въ молдавской кампаніи количество ихъ исчислялось оффиціально въ 4 тысячи, для ливонской Замойскій хотѣлъ имѣть шесть тысячъ²⁾. Козаки не отказывались, но напоминали королю и гетману ихъ обѣщанія, что на сеймѣ будутъ удовлетворены ихъ требованія, предложенныя передъ молдавскою войною, какъ *conditio sine qua non* ихъ службы рѣчи посполитой. Предъ сеймомъ, созваннымъ въ концѣ января 1601 г. для ассигнованія средствъ на ливонскую войну, Самойло Кишка отправилъ письмо съ напоминаніемъ объ этомъ. Имѣется письмо его къ гетману, очень учтивое, даже униженное, по обыкновенію, гдѣ однако весьма рѣшительно напоминаются прошлогоднія обѣщанія: отмѣна баниціи, назначеніе жалованія возвращеніе Терехтемирова. Козаки просятъ также подтвержденія привилегій кор. Стефана, назначенія королевскаго комиссара для охраны отъ злоупотребленій и придирокъ со стороны администраціи и гарантій козацкаго суда. По этимъ вопросамъ отправлена была также депутація къ королю на сеймъ, въ которую входили Иванъ Радкевичъ, Андрей Комишъ „асаулъ“ и Иванъ Макаровичъ. Чтобы не отвратить королевской милости, козаки, какъ увѣряетъ Кишка, возвращаясь изъ похода, „мяновали коронныя волости, чтобы избѣжать людскаго крика и снм-

¹⁾ Объ этой кампаніи небольшое изслѣдованіе К. Гурскаго *Wojna z wojwodą wołoskim w r. 1600-ym* (Ateneum, 1892 т. IV).

²⁾ Реляція Бартоша Берещинскаго—у Стороженка с. 320.

снять королевскую милость“ и, расположившись на зиму въ бѣлоцерковскихъ и сосѣднихъ земляхъ, „вели себя скромно и спокойно“¹⁾.

Такимъ учтивымъ, а главное—такимъ нужнымъ союзникамъ, разумѣется, нельзя было отказать въ ихъ просьбахъ. Сеймъ, собравшійся въ концѣ января, въ значительной мѣрѣ исполнилъ козацкія желанія и королевскія обѣщанія. Въ виду того, что козаки вѣрно и достойно послужили государству въ кампаніи съ воев. Михаломъ и обѣщали послужить въ новой войнѣ противъ Карла, сеймъ снялъ баницію со всѣхъ, кто приметъ участіе въ предстоящей войнѣ съ Карломъ. Освободилъ ихъ отъ поборовъ „умерщины“, гарантировалъ семьямъ участниковъ похода на все время отсутствія послѣднихъ безопасность отъ всякихъ притѣсненій; обѣщаль, что Терехтемировъ будетъ войску возвращенъ. Но оговаривалъ, что старосты, а также и помѣщики не лишаются „обычной юрисдикціи надъ тѣми (козаками), которые будутъ имѣть осѣдлость въ нашихъ имѣніяхъ (королевскихъ) и проживать въ нихъ“. На войнѣ козаки должны будутъ находиться подъ начальствомъ старшаго, назначаемаго имъ короннымъ гетманомъ. Въ заключеніе постановленіе сейма грозить, что въ случаѣ, еслибы козаки возобновили свои „преступленія“ — „хотя этого не думаемъ о нихъ“,—баниція, наложенная на нихъ раньше, снова войдетъ въ силу²⁾.

Такимъ образомъ пожеланія козачества были исполнены только отчасти, и старая права и привилегіи не были возвращены имъ полностью. Козацкіи иммунитетъ не признавался вполне. Обойденъ былъ молчаніемъ вопросъ о жалованьи (оно признавалось молча). Самымъ важнымъ успѣхомъ была формальная отмена „баниціи“ и признаніе козачества полноправной организаціей. Тѣмъ самымъ терялъ свою силу приговоръ, постановленный шляхетскою рѣчью посполитою противъ козаковъ въ 1596 г., и отменялись репрессіи, практиковавшіяся по отношенію къ козачеству пограничною администраціею и шляхтою. Это было важнымъ приобретеніемъ, важною заслугою Кишки — этого

¹⁾ Listy с. 75 (дата ошибочна, вмѣсто 1600 долженъ быть 1601).

²⁾ Volum. legum II с. 401.

предшественника Сагабдалнаго и его политики, и этимъ пока могло удовлетвориться козачество. Оно могло вполне надѣяться, что дальнѣйшее развитіе козацкихъ силъ и новая потребность рѣчинопольитой въ козацкомъ войскѣ дадутъ козачеству возможность не только въ дѣйствительности пользоваться фактическими всѣми тѣми правами и привилегіями, на какія оно претендовало, но шагъ за шагомъ добиваться для нихъ и формальной санкціи правительства.

Восточная Украина и козачество на пороге XVII в. Социальное значение козачества.

Ростъ восточно-украинской колонизации и ростъ козачества. Формированье козацкаго сословія, новыя элементы въ немъ и новое социальное-политическое значеніе его; строй и бытъ козачества на рубежѣ XVI—XVII вв.

Козацкія войны 1590 г. имѣли важное значеніе не только для развитія украинскихъ отношеній, кое въ чемъ задержавъ, кое въ чемъ ускоривъ общественный процессъ, для котораго ферментомъ служило козачество. Своими сравнительно богатыми данными о козачествѣ на фонѣ украинскихъ отношеній того времени онѣ бросаютъ много свѣта и на развитіе козачества, и на то значеніе и вліяніе, какія оно прибрѣтало въ социальныхъ и политическихъ отношеніяхъ восточной Украины. Поэтому, изложивъ въ предшествующей главѣ внѣшнюю исторію этихъ событій, мы должны еще разъ обратиться къ нимъ, чтобы извлечь изъ нихъ все то, что даютъ они для пониманія социальное-политическихъ отношеній Украины, въ качествѣ показателей этихъ отношеній въ связи съ развитіемъ козачества, какъ весьма вліятельнаго и активнаго общественно-политическаго фактора.

Правда, козацкія движенія и войны 1590-хъ годовъ, если разсматривать ихъ въ цѣломъ, производятъ очень хаотическое впечатлѣніе. Они и не были движеніемъ единымъ и цѣльнымъ, а рядомъ конфликтовъ въ разныхъ сферахъ, возникавшихъ въ разныхъ группахъ и теченіяхъ козачества, и только подъ конецъ правительство, рѣшившись уничтожить козачество, своимъ натискомъ консолидировало его: объединило и сосредоточило въ одномъ фокусѣ и козачество и его конфликтъ съ государственнымъ и общественнымъ режимомъ Польши. Специальныя условія этихъ годовъ, особенно безнаказанность, какую встрѣчало коза-

чество въ своихъ эксцессахъ на протяжении цѣлаго ряда лѣтъ, дали ему возможность разрастись чрезмерно, и этотъ гипертрофированный ростъ его далъ толчекъ борьбѣ съ козачествомъ не на животь, а на смерть, начатой, но не доведенной до конца польскимъ правительствомъ. Въ сущности борьба эта была преждевременной—она лишь опережала позднѣйшій конфликтъ польско-царяцкаго режима съ народнымъ движеніемъ, пароставшимъ подъ покровомъ козачества. Въ 1590-хъ годахъ ихъ контрастъ еще далеко не опредѣлился, не обострился, и катастрофа 1596 г. была результатомъ стихійнаго взрыва силъ, которая, не встрѣчая на своемъ пути границъ и препятствій, или вѣрнѣе встрѣчая только слишкомъ слабыя преграды, ломавшіяся при первомъ ихъ напорѣ,—проявили себя черезчуръ сильно и преждевременно, опередивъ, свою, если можно такъ выразиться—программную основу. Поэтому нѣтъ возможности свести эти движенія 1590-хъ годовъ не только къ какой-либо опредѣленной программѣ, но—и къ какимъ-либо опредѣленнымъ мотивамъ. По той же причинѣ и падаетъ такъ рѣзко размахъ козацкой жизни послѣ неудачъ солоницкой кампаніи. Еще не воѣ созвавали цѣль борьбы; не было ясно формулированныхъ требованій, которыя бы требовали борьбы во что бы то ни стало. Но уже и въ этомъ, лишенномъ планомѣрности и не всегда сознательномъ движеніи можно подмѣтить цѣнные симптомы новыхъ направленій и теченій, желаній и требованій еще не сформировавшихся, но уже проникавшихъ въ сознаніе, пускавшихъ всходы на нивѣ украинской жизни,² полные вѣщаго, глубокаго значенія для будущаго.

Программу въ собственномъ смыслѣ этого слова—программу-минимумъ даннаго момента раскрываетъ передъ нами соглашеніе козаковъ съ черкасскимъ старостою въ 1593 г.¹⁾ Она очень скромна. Козаки получаютъ гарантіи свободныхъ сношеній Низа съ украинскими городами, свободной доставки припасовъ на Низъ, свободнаго прихода и выхода съ Низа въ пограничные города, независимо отъ всякихъ постановленій и запрещеній сейма. Съ другой стороны, козаки добиваются, чтобы привилегіи, признанныя за козачествомъ королевскими постановленіями—освобожденіе отъ поборовъ, отъ власти и юрисдикціи администраціи, признавались въ дѣйствительности не только по отношенію къ реестровому козачеству, въ данный моментъ *de facto* существовав-

¹⁾ См. выше с. 248—9.

Грушевскій, Козачество, т. I.

ному, но и ко всему козачеству вообще. Къ этому нужно прибавить еще одно требованіе, тоже на первый взглядъ элементарное и скромное, но на практикѣ приводившее къ очень неудобнымъ выводамъ—это право козацкихъ контингентовъ, за ихъ службу государству и охрану южныхъ границъ, на „приставства“, т. е. квартиры и содержаніе въ коронныхъ имѣніяхъ. Этотъ вопросъ выступаетъ со всей остротой въ перепискѣ того времени, вслѣдствіе быстрого возрастанія козацкихъ контингентовъ въ ихъ численности и все новыхъ требованій, предъявляемыхъ ими къ пограничнымъ державцамъ.

Козачество, организовавшееся къ этому времени на Низу уже сильно и прочно, стремилось къ тому, чтобы развернуть свою организацію на „волости“, имѣть здѣсь свои признанные органы и представительство—не официальное, установленное правительствомъ, а свое собственное, выборное (вспомнимъ пунктъ соглашения, гласившій, что козаки на волости будутъ имѣть своихъ старшихъ изъ своей среды, которые будутъ чинить надъ ними судъ—требованія козацкаго самосуда и иммунитета на волости). Въ эту организацію козачество стремится собрать всѣхъ, признающихъ свою принадлежность къ нему, освобождая ихъ отъ всякой иной зависимости и власти. Но насколько это требованіе съ одной стороны было элементарно скромно и само собой понятно, такъ какъ правительство пользовалось же услугами всего козачества для своихъ военныхъ нуждъ и въ свою очередь должно было признать за нимъ во всемъ его составѣ извѣстныя права и привилегіи—настолько въ дѣйствительности оно было чревато весьма серьезными послѣдствіями въ виду необычайнаго роста козачества.

Такова была программа - минимум; существовала ли на ряду съ ней программа-максимум, это остается неяснымъ и, на мой взглядъ, мало вѣроятнымъ. Но при томъ быстромъ ростѣ козачества, какой наблюдается въ концѣ XVI вѣка, осуществленіе и этой минимальной программы вносило коренной переворотъ въ мѣстныхъ социальнo-экономическія отношенія.

На ростъ козачества въ концѣ XVI вѣка оказали вліяніе различныя обстоятельства, и прежде всего само увеличеніе мѣстнаго народонаселенія.

Послѣднія десятилѣтія XVI в. и первая XVII охаракте-

ризивались необыкновенными успехами колонизации в восточной Украинѣ. Стоит только сравнить ее населенность в началѣ XVII в. съ состояніемъ колонизации, обрисованнымъ передъ нами иллюстраціями середины XVI в. Тогда—иѣсколько городскихъ поселеній при замкахъ на всемъ пространствѣ южной части Брацлавскихъ земель, юговосточной и центральной Киевскихъ и почти всего Заднѣпровья, и внѣ ихъ одни пустынные пространства, оживленные только ватагами пришельцевъ, выходившихъ на промыслы вѣ степные уходы, а вѣ ближайшемъ сосѣдствѣ съ замками обрабатываемыя лишь наѣздомъ—мѣщанами и крестьянами, выходившими на работу или самое большее—на рабочую пору вѣ свои хутора, пасѣвки, нашни и готовыми при первой тревогѣ спасаться вѣ замковыя укрѣпленія. Теперь, къ началу XVII в. физіономія края радикально измѣняется. Улучшеніе условий колонизации вѣ восточной Украинѣ—съ одной стороны, ухудшеніе условий крестьянской жизни и хозяйства вѣ западной и сѣверной Украинѣ—съ другой, вызываютъ усиленную эмиграцію вѣ восточно-украинскіе просторы¹⁾. Растъ полусѣдлаго козацкаго ухадничества вѣ степяхъ, заткавшихъ ихъ съ теченіемъ времени сѣтью своихъ зимовниковъ и укрѣпленій, появленіе козацкихъ укрѣпленій и гарнизоновъ на Низу, успехи партизанской козацкой войны съ Татарами, громкіе походы на нихъ второй половины XVI в.—все это создало иную, гораздо болѣе благопріятную и располагающую атмосферу для осѣдлой колонизации восточной Украины. Конечно, до полной безопасности и теперь еще было очень и очень далеко. Какъ мы уже видѣли²⁾, хозяйство и теперь приходилось вести подъ неустанною грозой татарскихъ нападений, по словамъ черкаскаго старосты (не лишеннымъ преувеличенія конечно) вѣ пограничной полосѣ повторявшимся и

¹⁾ Колонизация восточной Украины в началѣ XVII в. вѣ связи съ социально-экономическими условіями, точно такъ же, какъ и развитіе козачества вѣ связи съ этими фактами, до сихъ поръ не служила предметомъ спеціального изученія. Литература по исторіи колонизации восточной Украины XVI—XVII в. указана выше вѣ гл. I и вѣ т. VI с. 285 и сл. и вѣ прим. 3. Литература социальныхъ и экономическихъ отношеній вѣ т. V прим. 3 и 7. Иѣсколько интересныхъ замѣчаній о бытовыхъ условіяхъ козачества этого времени см. у Пулины Исторія воссоединенія Руси т. II и III, также у Каманина къ вопросу о козацествѣ до Б. Хмельницкаго (Кіевскія Читенія, VIII, съ сборникомъ документовъ). Болѣе спеціальныхъ указанія см. ниже. ²⁾ См. стр. 75 и сл.

по нѣскольку разъ въ недѣлю. Но такими безпомощными, какъ раньше, уже не чувствовали себя здѣсь осѣдлый хозяинъ. Чрезвычайное же ухудшеніе экономическихъ и социальныхъ условий крестьянской жизни въ другихъ, лучше защищенныхъ частяхъ Украины—необычайный ростъ крестьянскихъ податей, обремененіе панщиной, захватъ земель—все это заставляло многихъ и многихъ предпочитать полную опасностей жизнь въ восточно-украинскомъ привольѣ безысходному закрѣпощенію въ болѣе безопасныхъ восточныхъ и сѣверныхъ краяхъ.

Изъ украинско-бѣлорусскаго Полѣсья, изъ Побужья и Галиціи, изъ сѣверо-западной Волыни движется масса переселенцевъ на югъ и востокъ. Это главнымъ образомъ крестьяне, также мѣщане изъ мелкихъ мѣстечекъ, не отличавшихся отъ сель своихъ хозяйственнымъ складомъ. Они двигаются обыкновенно этапами, переходя въ ближайшія окрестности: изъ Галиціи въ Подольскія земли, изъ Побужья на Волынь, въ то время какъ отсюда массы эмигрантовъ—бѣглецовъ перекочевываютъ въ сосѣднія части Брацлавскихъ и Киевскихъ земель, пока въ концѣ концовъ эта эмиграционная волна не достигаетъ крайнихъ своихъ границъ—занипровскихъ пустынь. Процессы о выдачѣ крестьянъ—бѣглецовъ, въ большемъ количествѣ встрѣчающіеся въ тогдашнихъ актахъ гражданскихъ и трибунальскихъ судовъ, даютъ приблизительное представленіе если не о размѣрахъ, то о направленіи этой массовой эмиграціи¹⁾. Такъ какъ большая часть

¹⁾ До сихъ поръ, къ сожалѣнію, не имѣемъ детальныхъ изслѣдованій объ этой эмиграціи; изслѣдованіе къ тому же затрудняется тѣмъ, что изъ актовыхъ книгъ наиболѣе интересныхъ въ этомъ отношеніи судовъ—житомирскаго, киевскаго, брацлавскаго, сохранилось очень немного. Яблоновскій въ своей монографіи объ украинской колонизаціи (*Zródła* XXII с. 128 и дальше) собралъ нѣкоторые свѣдѣнія главнымъ образомъ изъ процессовъ трибунальскихъ, но, къ сожалѣнію, обработалъ ихъ въ довольно неудобной для пользованія формѣ. Все таки приведемъ нѣсколько данныхъ для иллюстраціи этого движенія. Въ Котельницкой волости Ружинскихъ (южная часть Житомирскихъ земель) оказываются бѣглецы изъ имѣній корецкихъ, полонскихъ, заславскихъ; въ Чудновѣ, Коднѣ, Слободицахъ (тамъ же)—бѣглецы изъ земель полѣсскихъ и изъ имѣній кременецкихъ; въ Ружинѣ и Бѣлиловѣ (тамъ же) изъ Побужья и зап. части Подольскихъ земель; бѣглецы изъ Подольскихъ земель оказываются въ восточной части Брацлавскихъ—въ Пековѣ, Немировѣ, Красномъ, Погребицахъ, Липовцѣ, Дашовѣ и ихъ волостяхъ; рѣже встрѣчаются переселенія сюда изъ Галиціи и Побужья, но и

эмигрантовъ исчезала для своихъ бывшихъ господъ безсладно, и, не зная, гдѣ поселились бѣглецы, помѣщики не могли начать процессъ съ ихъ новыми владѣльцами, то статистика движенія ускользаетъ отъ насъ, но о величинѣ этой эмиграціонной волны даютъ представленіе перемѣны въ населенности восточной Украины, являющіяся результатомъ этого эмиграціоннаго движенія.

Въ серединѣ XVI в. къ юго-востоку отъ линіи Кіевъ—Брацлавъ вовсе не было постоянныхъ поселеній, за исключеніемъ нѣсколькихъ (всего трехъ!) правительственныхъ замковъ. Въ концѣ первой четверти XVII в. города и мѣстечки считаются здѣсь уже десятками, а села даже сотнями. Тамъ въ Бѣлоцерковскомъ староствѣ, гдѣ въ серединѣ XVI в. не было ничего, за исключеніемъ ново-построеннаго замка, люстрація указываетъ 36 „сель или хуторовъ“, принадлежащихъ къ Бѣлоцерковскому староству, 9 такихъ же поселеній на городскихъ земляхъ, десятокъ сель въ шляхетскомъ владѣніи, кромѣ того въ Романовскомъ „ключѣ“ 5 сель и цѣлый рядъ городовъ и мѣстечекъ: Таборовка, Трилисы, Гуляники, Сквиря¹⁾). На Растваицѣ три

такіе факты въ процессахъ встрѣчаются, а еще чаще должны были быть въ жизни: такъ въ Тивровѣ, Браиловѣ, Красномъ, Бортиковцахъ (въ Брацлавскихъ земляхъ) оказались бѣглецы изъ земли Галицкой, въ Рогозѣ—изъ Подлишья; точно такъ же въ Кодиѣ—бѣглецы изъ Баворова; въ Турчинѣ (Жито. у.) изъ Володавской волости, изъ Белзкой земли—въ Бѣлидовѣ. Бѣглецы изъ верхняго Побужья (Вагриновцы, Маркушевы, Коморовцы) оказываются въ Корсувѣ, Стеблевѣ, даже Золотоношѣ, изъ Мозырскихъ земель—въ Чигиринѣ, Перелеславѣ, Жовнинѣ. За Днѣпръ идутъ переселенцы больше всего изъ восточной и южной части Кіевскихъ земель, ища болѣе отдаленныхъ и безопасныхъ отъ помѣщичьихъ претензій края въвиду надвигавшагося на нихъ фольварочнаго помѣщичьяго хозяйства. Выходцы изъ Черняхова (около Житомира) поселяются въ Гоголевѣ, въ Бориспольской волости, въ Придубѣ; изъ Рожана (къ зап. отъ Кіева) попадаютъ въ Быковъ, Жеребятинъ, Лубны, Сенчу; изъ Ходоркова (къ югу отъ Рожана) въ Бобровниду, Быковъ, Басань, Березну, Сенчу; изъ Ржищева и Триполья—въ Остерскую и Бориспольскую волость, въ Кропивку, Песчаное, Жолнинъ, Лукомль, Сенчу; въ Пирятинѣ оказываются бѣглецы изъ Новоселицы (верх. Побужье), изъ Лучина, Безрадычъ, Княжичъ (на зап. и югъ отъ Кіева); въ Придубахъ—изъ Чернобыля, Воронина (Макарова), Черняхова, Рожана, Кривоого (кіевское Подѣсье и окрестности Житомира).

¹⁾ *Źródła dz.* V с. 137—9.

мѣстечка и около 20 сель¹⁾). Ниже по Роси, въ Богуславскомъ староствѣ 13 сель²⁾, въ Каневскомъ свыше 20³⁾. За Днѣпромъ въ Переяславскомъ 25 сель, кромѣ Переяслава мѣстечки Гельмязовъ, Яготинъ, Березань, Быковъ, Яблуневъ, Ирклевъ, Галтва Кропивна, Золотоноша (последнее частное, остальные—королевскія)⁴⁾. Значительно расширяется самая территория колонизаціи. На крайней восточной границѣ, у рубежа съ Московскимъ государствомъ встрѣчаемъ рядъ поселеній по верхнему Пселу: мѣстечки Гадячь, Рашевка, Лютинка и др. На Днѣпрѣ уже въ первомъ десятилѣтіи XVII в. появляется „староство Чигиринское“, въ бассейнѣ Тясмина⁵⁾. Колонизуется „пустыня Умань“, гдѣ въ 1620-хъ гг. видимъ мѣстечки Умань, Городецкое, Бабанку. Между Бугомъ и Днѣстромъ осадчій кн. Збаражскихъ, Василій Босый, построилъ замокъ на Бершади, ставшій гнѣздомъ партизанской войны съ Татарами и Турками, которымъ принадлежалъ сосѣдній Игорлыкъ; замокъ былъ разрушенъ въ 1617 г. по требованію Турокъ, но бассейнъ Бершади продолжаетъ колонизоваться. Надъ Днѣстромъ около того же времени появляется замокъ въ Рашковѣ, онъ былъ разрушенъ Турками въ томъ же 1617 г., но спустя нѣсколько лѣтъ, въ 1623 г. уже видимъ здѣсь Рашковский „ключь“, волость Замойскихъ. Въ теченіе пятидесяти лѣтъ, истекшихъ со времени козацкой реформы Сигизмунда-Августа, населеніе восточной Украины возросло въ разныхъ мѣстахъ въ 15—20 и болѣе разъ⁶⁾. А съ тѣмъ вмѣстѣ неизмѣримо возростала и численность самого козачества.

¹⁾ Źródła dz. XXII s. 214. ²⁾ Ib. V s. 136. ³⁾ Ib. s. 131.

⁴⁾ Źródła V s. 132—3. ⁵⁾ Ibid. XXI s. 146.

⁶⁾ На основаніи люстрацій 1545—1552 гг. въ воеводствахъ Кіевскомъ и Брацлавскомъ насчитывается всего 4.400 семей—хозяйствъ (Архивъ Ю. З. Р. VII. II предл. с. 32—3). На основаніи данныхъ около 1625 г. Яблоновскій выводитъ для тѣхъ же воеводствъ (приблизительно конечно) общую цифру около 92 тыс. „дымовъ“: цифра увеличилась болѣе, чѣмъ въ двадцать разъ! Это даетъ нѣкоторое представленіе, хотя на точность цифръ, разумѣется, нельзя полагаться. При этомъ нужно помнить, что въ лучше заселенныхъ сѣверо-западныхъ частяхъ ростъ населенія не былъ такъ значителенъ; наоборотъ—въ слабѣе заселенныхъ юго-восточныхъ частяхъ населеніе возросло за это время гораздо значительнѣе.

Населеніе передвигалось, ища освобожденія отъ крѣпостного гнета, не дававшего свободно дышать въ сѣверныхъ и западныхъ краяхъ, превративъ крестьянина въ рабочій инвентарь помѣщичьяго фольварка. Въ просторахъ восточной Украины—этой „ничьей“, „божьей и господарской (государевой) земли“ оны хотѣли быть полновластнымъ хозяиномъ своего труда и ничего не слышать ни о помѣщикахъ, ни о какой-либо зависимости отъ него. Но вслѣдъ за нимъ шелъ уже помѣщикъ, съ выпрошеннымъ у короля пожалованьемъ тѣхъ самыхъ земель, гдѣ селился бѣглець и собирался хозяйничать, полный радужной мечты о свободѣ и независимости. Какъ я имѣлъ случай говорить въ другомъ мѣстѣ ¹⁾, въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ XVII в.—лишь только показались первые симптомы улучшенія хозяйственныхъ отношеній восточной Украины, а между этими симптомами главную роль играли именно наплывъ переселенцевъ, рабочихъ рукъ—тотчасъ же разные магнаты, имѣвшіе возможность слѣдить за мѣстными условіями, не замедлили замѣтить и учесть соответственно это повышение шансовъ мѣстнаго хозяйства послѣ вѣкового застоя. Въ чапін будущахъ благодѣяніяхъ бросаются они на тамошнія земли, наперерывъ другъ передъ другомъ выпрашиваютъ себѣ у короля пожалованія на здѣшнія „пустыни“, какъ обычно называются оны въ этихъ пожалованіяхъ, или за пустую сумму заставляютъ продавать свои земли ихъ старухъ, номинальныхъ владѣльцевъ ²⁾.

¹⁾ См. т. VI с. 279 и слѣд.

²⁾ Примѣры тамъ же. Польскіе историки, болѣе старые и новѣйшіе, принимая причину за слѣдствіе, обыкновенно видятъ, наоборотъ, въ приливѣ эмигрантовъ результаты помѣщичьяго хозяйничанья въ восточной Украинѣ и принятыхъ ими мѣры для заселенія. а наплывъ польскихъ помѣщиковъ и державцевъ считаютъ послѣдствіемъ акта 1569 г., открытаго доступа въ восточную Украину для польской шляхты и такимъ образомъ вызвавшаго переворотъ въ здѣшней колонизаціи и хозяйствѣ. Такой точки зрѣнія держится и новѣйшій польскій исследователь украинской жизни, Яблоновскій (*Zródła* XXII с. 113—4, 127 и др.). Но при этомъ упускается изъ виду тотъ фактъ, что въ первыхъ рядахъ основателей восточно-украинскихъ латифундій идутъ волынскіе магнаты, имѣвшіе свободный доступъ сюда и до 1569 г. Почему же эти Острожскіе, Вишневецкіе, Коренціе, Збаражскіе, Ружинскіе и т. д. не двигались сюда раньше, а устремились именно въ послѣднія десятилѣтія XVII в. и наперерывъ съ польскими магнатами, или даже предупреждая ихъ, выпрашиваютъ и скупаютъ помѣстья, разбираютъ королевскія имѣнія въ Брацлавскихъ земляхъ, въ Придѣлнровѣй и за Днѣп-

Преимущественно это были магнаты, занимавшие разные высшие посты в местной администрации, лично или через своих помощников, заместителей, агентов имевшие возможность следить за местной жизнью и располагавшие своими частными и официальными, административными средствами (в силу своего официального положения) для борьбы со всевозможными препятствиями, тормозившими устройство помещичьего хозяйства на этой дикой, дѣвственной почвѣ. Условія здѣшней жизни, полное отсутствіе въ ней публичнаго элемента—даже такого неудовлетворительнаго суда и исполнительной власти, какіе существовали въ другихъ провинціяхъ государства, неограниченное господство физической силы, кулачнаго права, дѣлали местное землевладѣніе и хозяйство монополіею такихъ магнатскихъ звѣздъ первой величины, каковы гетманы, воеводы или, по крайней мѣрѣ, старосты. Начиная съ конца XVI в. и затѣмъ въ XVII в. восточная Украина становится классической страной магнатскихъ лати-фундій, громадныхъ по размѣрамъ, грозныхъ неограниченною силой и властью своихъ владѣльцевъ—„королевятъ“, магнатовъ первой величины, владѣющихъ здѣшними землями или на частномъ, наследственномъ правѣ, или въ качествѣ пожизненныхъ державцевъ огромныхъ королевскихъ земель—на практикѣ это почти не дѣлало разницы.

Бѣглоцы-эмигранты, искавшие обѣтованной земли, свободной отъ пановъ, въ концѣ XVI в. встрѣчаютъ передъ собою и здѣсь, на „самой послѣдней Украинѣ“¹⁾ сплошную стѣну магнатскаго

ромъ? Именно потому, что они замѣтили улучшение условій хозяйства благодаря наплыву рабочей эмиграціи. Это была главная причина магнатскаго похода, и она только случайно совпала по времени съ актомъ 1569 г., а собственно развивается совершенно самостоятельно и независимо отъ него въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій XVI и первой половины XVII в. Актъ 1569 г. повліялъ только на національную окраску помещичьяго, магнатскаго класса и его землевладѣнія въ восточной Украинѣ (ср. т. VI с. 278 и слѣд.); въ сферѣ социально-экономической и колонизаціонной онъ для восточной Украины не имѣлъ приисчисляемаго ему значенія, и ни въ коемъ случаѣ не былъ „эпохою“ въ этой области. Извѣстныя намъ экономическія и социальныя условія надвигались сюда одинаково изъ Волыни и изъ Подольскихъ земель, и помещичье хозяйство велось одинаково какъ прирожденными польскими помещиками, такъ и украинскими магнатами, воспитанными въ тѣхъ же социальныхъ возрѣвьяхъ проникнутыми принципами того же польскаго права.

¹⁾ Выраженіе Жолкевскаго 1619 г. (Pisma с. 364).

господства, безконечную сеть латифундій и понадають, въ руки новыхъ пановъ, ихъ подстарость и слугъ, въ новое „подданство“—иногда даже сами того не подозревая. Правда, сама по себѣ эта зависимость не была тяжела. Мѣстечки и слободы, основываемыя для улавлія крестьянъ-эмигрантовъ, обыкновенно обѣщали ему долготѣльную свободу, на протязеніи десяти, двадцати и даже тридцати лѣтъ. Крупное помѣщичье хозяйство, съ неразлучною барщиною, двигалось постепенно, захватывая прежде всего мѣстности прилегающія къ краямъ стараго заселенія и панциннаго хозяйства—къ Подлѣсью, Волини, Подольскимъ землямъ, и долго не показывалось во вновь заселенныхъ пустыняхъ¹⁾. Нельзя было спѣшить съ нимъ, какъ виду тревожныхъ еще условій мѣстнаго хозяйства, частыхъ татарскихъ нападений, дѣлавшихъ веденіе крупнаго хозяйства слишкомъ рискованнымъ, такъ еще болѣе—въ виду свойствъ самого колонизаціоннаго матеріала, страшно враждебнаго и подозрительно настроеннаго ко всему, что могло быть предвѣстникомъ крѣпостной зависимости и ея атрибутовъ. Мы имѣли случай видѣть нарисованную рукою ревизора 1590-хъ годовъ картину отношеній въ Слободищенской волости Тышкевичей (южная часть Житомирскихъ земель): при первомъ упоминаніи о томъ только, что крестьянскія земли подвергнутся наемѣрною, а крестьяне будутъ внесены въ инвентарь,—последніе единодушно запротестовали и заявили, что тотчасъ же уйдутъ отсюда, „такъ какъ, будучи свободными людьми не хотятъ быть въ неволѣ“²⁾

Поэтому, выжидая, пока мѣстныя колонизаціонныя и общественныя отношенія соответствующимъ образомъ окрѣпнутъ, и новый поселенецъ обживется и привыкнетъ къ мысли о новомъ крѣпостномъ ярмѣ, помѣщики не спѣшили заводить земледѣльческое хозяйство. Они удовлетворялись хищническою эксплоатаціею природныхъ богатствъ—производствомъ поташу, селитры, косвенными доходами съ подвластнаго населенія—монополіей помѣщичьихъ корчемъ или мельницъ, судебными доходами, постепенно переходя къ разнымъ натуральнымъ поборамъ, каковы: поволовщина, пчельная десятина и разнымъ спеціальнымъ работамъ, помочамъ и т. п.³⁾,

¹⁾ См. въ V т. с. 218 и слѣд. ²⁾ См. въ V т. с. 216.

³⁾ См. въ V т. с. 220—1, т. VI с. 190—1, 229, а также мою статью въ „Запискахъ украинскаго науковаго товариства в Кнѣвѣ“ т. I: Господарство польскаго магната на Задніпрю перед

Пересматривая люстраціи восточно-украинскихъ староствъ первой четверти XVII в., мы видимъ, что доходы ихъ состояли главнымъ образомъ изъ корчемныхъ и мельничныхъ арендъ, затѣмъ изъ таможенныхъ и судебныхъ сборовъ, доходовъ отъ рыболовства, звѣроловства и лѣсныхъ промысловъ, веденныхъ факторами старосты или сдававшихся тоже въ аренду¹⁾. Житомирское староство является самымъ крайнимъ на юго-востоку, въ которомъ ведется фольварочное хозяйство (люстр. 1622). Въ Киевскомъ главный доходъ даетъ аренда корчемъ, а затѣмъ: „пошлина, перевозки, озера (рыбная ловля), подужное или торговое, „обвѣтки“ (поборы съ ирѣзжихъ кунцовъ). Доходы Каневского староства перечисляются такъ: „съ мельницъ, винныхъ корчемъ, поташныхъ будъ, чиншей, мытъ, обвѣстокъ и всякихъ другихъ статей“²⁾; фольварковъ нѣтъ ни здѣсь, ни въ Киевѣ. Мѣщане „послушные“ несутъ военную службу, даютъ „коляды“ по 15 гр. и стацію подстаростѣ, то же самое и въ селахъ. Въ староствѣ Переяславскомъ—только военная служба съ мѣщанъ и „стація“ съ крестьянъ; денежные доходы—съ корчемъ и мельницъ. Въ Корсунскомъ мѣщане даютъ чиншъ, гдѣ вышла свобода (въ общемъ 200 зл.), но главную статью дохода давали мельницы и берчмы (свыше трехъ съ половиною тысячъ зл.), поташевыя буды (1500) и перевозки; села не давали никакого дохода. Въ Староствахъ Бѣлоцерковскомъ, Богуславскомъ, Черкасскомъ то же самое, съ тою лишь разницею, что мѣщане не даютъ и чинша, а несутъ военную службу при старостѣ³⁾.

Отсутствіемъ перспективъ для фольварочнаго хозяйства въ данныхъ условіяхъ нужно объяснить и тотъ фактъ, что пока основываются главнымъ образомъ мѣстечки и сравнительно меньше сель, и благодаря этому мѣщанство составляетъ очень высокій процентъ населенія⁴⁾, хотя торгово-промышленная, городская въ

Хмельничиною: приведенная здѣсь картина Миргородской королевщины 1646-хъ годовъ даетъ намъ достаточное представление о томъ, каково было помѣщичье хозяйство конца XVI и начала XVII в. въ ближайшихъ, ранѣе колонизованныхъ окрестностяхъ.

¹⁾ См. т. VI с. 229.

²⁾ Źródła dz. V с. 117—8, 130, 131—2.

³⁾ Ibid. V с. 132—4, 135—7.

⁴⁾ Яблоновскій получилъ (весьма впрочемъ гипотетически) слѣдующія цифры мѣщанскаго и крестьянскаго населенія: въ юго-восточной части Киевскаго воеводства около 1625 г.: 69 тыс. мѣщанъ и

настоящемъ смыслѣ этого слова жизнь была здѣсь очень слабо развита и населеніе носить, наоборотъ характеръ военно-земледѣльческій и ухадническій.

Хотя такимъ образомъ эксплуатация крѣпостного труда помещиками въ это время имѣетъ довольно легкія и „невинныя“ формы, тѣмъ не менѣе и онѣ вызывали сильное недовольство въ крестьянствѣ. Въ то время, какъ крестьянство западной Украины болѣе или менѣе покорно сносило тяжелое ярмо панщины—непомѣрныхъ дапей, чиншей и всякихъ иныхъ атрибутовъ крѣпостнаго права, здѣшнее возмущается и протестуетъ при самомъ легкомъ прикосновеніи помещичьей руки.

Это можетъ показаться удивительнымъ, и для людей стоящихъ на точкѣ зрѣнія польско-шляхетскаго міровоззрѣнія—это только яркое свидѣтельство ненасытной требовательности и неблагодарности украинскаго хлѣба, возстававшего и бунтовавшего противъ такихъ минимальныхъ обязанностей. Но съ точки зрѣнія мѣстнаго крестьянина это недовольство являлось вполне понятнымъ и естественнымъ. Вѣдь это были бѣглецы, бросившіе насиженные мѣста, порвавшіе кровныя и экономическія связи, перенесшіе полное невзгодъ и опасностей переселеніе и подѣ троюю вѣчныхъ татарскихъ опустошеній, каждую минуту рискуя быть взятыми въ плѣнъ, попасть въ заморское рабство, заводившіе новое хозяйство въ надеждѣ быть полными хозяевами своего труда, не дѣлиться его продуктомъ съ помещикомъ.

Эмиграція, какъ мы уже знаемъ, шла обычно этапами. Бѣглецы, прежде чѣмъ пуститься въ восточныя пустыни, обыкновенно во время своего путешествія проходили сосѣднія съ этими новыми землями мѣстности, богатая дарами природы, лучше обработанныя и налагавшія гораздо меньшія обязанности сравнительно съ землями западно-украинскими или польскими. Но они не остались здѣсь, а понесли свои головы дальше, подѣ татарскій арканъ и саблю, шли „на край Крещевнаго свѣта“, въ самую пещеру льва, лишьбы не знать пана и панщины, чтобы свободно распоряжаться богатствами дѣвственной природы. И вотъ только что успѣли они оглядѣться здѣсь, расположиться, обзавестись хозяйствомъ,—какъ уже разные панскіе прислужни-

38 тыс. крестьянъ, въ Брацлавскихъ земляхъ 225 тыс. мѣщанъ и 85 тыс. крестьянъ, между тѣмъ въ Галиціи 124 тыс. мѣщанъ и 447 тыс. крестьянъ.

ны начинаютъ къ нимъ придираться, ограничивая въ правахъ выкуриванія водки, варенья меду, помолѣ зерна и т. п. Это неизбежно раздражало ихъ, какъ первыя проявленія крѣпостного права, вѣщны новыя и дальнѣйшия претензіи помѣщичей власти, — власти, о которой никто не слышалъ здѣсь прежде, пока не осѣли эти поселенцы, не окрапили эту землю своимъ потомъ и кровью, придавъ ей тѣмъ самымъ цѣнность въ панскихъ глазахъ.

Исторія привилегированнаго землевладѣнія и эксплуатаціи народнаго труда привилегированными сословіями, растянувшаяся на сотни лѣтъ въ другихъ краяхъ, была, благодаря этому, менѣе замѣтна и рѣзка тамъ въ своей постепенности, въ своихъ переходахъ. Здѣсь, въ восточной Украинѣ, процессъ преобразованія „божьихъ и государевыхъ земель“ въ помѣщичьи имѣнія былъ стиснутъ въ нѣсколько десятковъ лѣтъ и въ концѣ концовъ сводился къ простому росчерку королевскаго пера, къ одному факту выдачи изъ королевской канцеляріи ничтожной бумажки, дѣлавшей эти свободныя земли панскими помѣстьями, а свободныхъ людей — крѣпостными. Это не могло не вызывать горячаго протеста и возмущенія въ тѣхъ, на чей счетъ совершались подобныя метаморфозы. А дальнѣйшія, послѣдующія стадіи этого процесса для нихъ не могли оставаться неясными. Постепенно проходя украинскія земли во время своего передвиженія на востокъ, эти бѣжцы видѣли на ряду съ различными стадіями заселенія и разныя фазы соціально-экономическаго процесса, развитія помѣщичьяго хозяйства и крестьянскаго закрѣпощенія, и значеніе первыхъ вѣстниковъ помѣщичьихъ правъ и крестьянскихъ обязанностей представлялось имъ вполне яснымъ. Они знали наизусть эту гамму панско-крѣпостническихъ отношеній и очень увѣренно могли предсказать, какія благодати должны послѣдовать за скромными начатками господскихъ претензіи на корчемную или мельничную монополію, плату отъ жернововъ или перевозовъ. И потому эти первыя претензіи такъ тревожили ихъ, вызвали переходы съ мѣста на мѣсто, все дальше и глубже въ незакрѣпощенныя земли, или всевозможныя усилія освободиться отъ панской власти и претензіи.

Намъ станетъ понятнымъ въ виду этого такое явленіе, что право свободного винокурения и варенья меду выростало до значенія принципиальнаго вопроса огромной важности, въ то время, какъ въ западной Украинѣ болѣе радикальныя перемѣны въ

экономическомъ и правовомъ положеніи крестьянъ проходили почти безслѣдно. Станетъ понятнымъ, что въ Дубенскихъ имѣніяхъ въ 1620 хъ годахъ крестьяне обращались въ бѣгство потому, что опекунъ малолѣтнихъ владѣльцевъ началъ собирать „послѣдѣханныя податки пѣвнєжные, бѣдлачье, медовъ наклады, горилки и селитры“¹⁾, хотя въ дѣйствительности это означало быть можетъ не больше, какъ введеніе денежныхъ чиншей, побора десятины и принудительную продажу крестьянамъ известнаго количества меду, водки и селитры изъ помѣщичьихъ корчемъ и майдановъ. А позднѣйшій „Самовидецъ“ въ своемъ изложеніи причинъ великаго возстанія народныхъ массъ въ серединѣ XVII в., вполне серьезно и съ полнымъ сочувствіемъ относясь къ нимъ, очевидно, не можетъ указать болѣе рѣзкихъ мотивовъ сверхъ того, что крестьяне— „любо во всемъ жили обфито—в збожахъ, в бѣдлахъ, в пасѣкахъ, але однакъ, чего не звикала была Украина терпѣти—вмисли великіє были от старостовъ и отъ намѣстниковъ и Жидовъ і чинши великіє, поволовщини, дуди, осниъ, мѣрочки сухіє, з жорновъ плату и инное“²⁾. Здѣсь тоже пегодованіє крестьянъ вызывается введеніемъ чиншей, данн зерномъ, волами и различныхъ поборовъ, связанныхъ съ мельничнымъ правомъ. Все это съ точки зрѣнія крѣпостного хозяйства того времени—факты самые элементарные, но для восточно-украинскаго крестьянина—эмигранта стольже невыносимые, какъ „невинныя“ англійскія пошлины, вызвавшія возстаніє американскихъ эмигрантовъ противъ ихъ англійской метрополіи въ XVIII в. Эмиграція всюду и всегда имѣетъ свои большыя мѣста, прикосновеніє къ которымъ чувствуетъ очень сильно.

Въ этихъ стремленіяхъ восточно-украинской эмиграціи избѣжать помѣщичьей власти и ея претензій, двигавшихся за нею по пятамъ, отдѣлаться отъ нея и не имѣть ничего общаго,—ей неожиданно для самого себя указало выходъ польское правительство. Когда восточно-украинскому населенію стала ясною невозможность уйти отъ крѣпостного права простымъ уходомъ, зарываясь въ восточно-украинскія пустыни,—польское правительство указало выходъ изъ крѣпостного права при помощи пе-

¹⁾ См. V т. с. 220.

²⁾ Лѣтопись Самовидца с. 5.

ремьши социальнаго положенія, перехода въ новый, свободный отъ крепостнаго права общественный классъ—козачество.

Оно сдѣлало это своими козацкими реформами или постановленіями, имѣвшими своею цѣлью упорядочить правовое положеніе козаковъ. Разумѣется при этомъ оно совершенно не предполагало, что изъ постановленій, имѣвшихъ цѣлью обезпечить дисциплину и порядокъ среди козацкаго войска, будетъ сдѣлано такое неожиданное примѣненіе. Между тѣмъ такъ вышло. Принятіе козаковъ на королевскую службу, освобожденіе ихъ отъ обычной юрисдикціи и подчиненіе исключительной власти и юрисдикціи ихъ вождя, послужило исходнымъ пунктомъ идеи козацкаго иммунитета, идеи полнаго освобожденія козачества отъ какихъ бы то ни было повинностей и обязанностей, отъ всякихъ ограниченій со стороны помѣщичьей власти и вообще отъ всякой власти, кромѣ своей, козацкой.

Остается неизвѣстнымъ, была ли свобода козаковъ отъ всевозможныхъ поборовъ, даней и повинностей и ограниченій въ правахъ со стороны администраціи и владѣльцевъ провозглашена правительствомъ такъ же опредѣленно, какъ и свобода отъ всякой власти и юрисдикціи, кромѣ козацкой. Эмансипація экономическая могла подразумѣваться сама собой, могла быть выведена, какъ логическое слѣдствіе самого перехода козаковъ на королевскую службу. Польская практика времени Баторія давала имъ аналогію въ такъ называемыхъ „выбранцахъ“, крестьянахъ изъ королевскихъ имѣній, зачислявшихся на военную службу, взамѣнъ которой эти крестьяне освобождались отъ всякихъ крепостныхъ обязанностей, а во время войны получали и жалованье подобно регулярному войску¹⁾). Въ мѣстной украинской жизни тоже не было недостатка въ подобныхъ аналогіяхъ, въ видѣ переводовъ крестьянъ на боярскую службу или освобожденія мѣщанъ взамѣнъ военной службы отъ всякихъ податей; мы только что видѣли подобную практику того времени въ различныхъ городахъ Восточной Украйны²⁾). Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что уже въ извѣстной намъ петиціи 1582 г. козаки стоятъ на такой точкѣ зрѣнія: свободны отъ всякихъ поборовъ, и этотъ взглядъ раздѣляется самимъ правительствомъ: козачество за свою службу получаетъ жалованье, освобождается отъ всякихъ побо-

¹⁾ См. V т. с. 335.

²⁾ См. с. 344.

ровъ и отъ всякой иной власти и юрисдикціи, кромѣ козацкой¹⁾.

Эти привилегіи правительство предназначало „въ особен-ности“ для козаковъ, „которые берутъ отъ насъ плату“, т. е. реестровыхъ; но какъ въ этой формулировкѣ оно не рѣшается говорить исключительно только о нихъ, такъ и на практикѣ не могло провести этой исключительности—сдѣлать эти привилегіи исключительнымъ достояніемъ козаковъ королевскихъ, вписанныхъ въ реестръ. Во первыхъ потому, что правительство не въ состояніи было держать этотъ реестръ въ порядкѣ и осуществлять его на практикѣ, главнымъ образомъ благодаря неаккуратной выдачѣ жалованія. Во вторыхъ—оттого, что этимъ небольшимъ отрядомъ реестровыхъ оно не могло удовлетвориться въ своихъ военныхъ нуждахъ и то и дѣло призывало на службу болѣе широкіе круги козачества, стоящіе внѣ реестра, тѣмъ самымъ лишая себя моральнаго права исключать изъ пользова-ванія козацкими правами эти широкіе военно-служебные контин-генты, а тѣмъ менѣе считали это возможнымъ въ самихъ ко-зацкихъ кругахъ. Въ третьихъ—въ интересахъ дисциплины и порядка правительство подчиняло козацкой юрисдикціи все коза-чество и тѣмъ самымъ и въ этомъ пунктѣ поддерживало съ своей стороны взгляды козачества на себя, какъ на единое цѣлое, ко-торому должны принадлежать одинаковыя права и привилегіи со-вершенно независимо отъ состава правительственнаго, болѣе или менѣе мнимческаго реестра.

Правительство имѣло тенденцію расколоть эту сплошную массу козачества: отдѣлить болѣе зажиточную солидную, „пред-нѣйшую“ часть, которую оно брало на свою службу, отъ болѣе широкихъ круговъ козачества, остававшихся внѣ реестра. Какъ мы видѣли уже, по мысли правительственныхъ ординацій, реестро-вое правительственное козачество должно не только служить во-еннымъ цѣлямъ государства, но и исполнять полицейскія функціи по отношенію къ остальному козачеству: вмѣть надъ нимъ над-зоръ и удерживать отъ своевольныхъ эксцессовъ. Но для этого было необходимо раздѣлить интересы этихъ двухъ группъ и за-

¹⁾ Roskazujemy... aby potym nad tymi kozakami nizowemi xwaszcza ktorzy zokd nasz biorą a w miesciech, miasteczkach i indziey mieszkają, onych karząc i do więzienia sadzając mimo wiadomości starszego ich.... inrysydykcyey nieprawnie w rzeczach potocznych nie używali, zadnych tedy podatkw, wymyslow wiecznie nie brai—
Жберела VIII № 34.

интересовать реестровое козачество въ осуществленіи правительственной программы. Достигнуть этого можно было только дарованіемъ какихъ либо особенно цѣнныхъ прерогативъ, которыя бы составляли монополію реестроваго козачества и заинтересовывали послѣднее въ сохраненіи этого исключительнаго характера дарованныхъ прерогативъ. Нужно было, чтобы реестровое козачество было заинтересовано въ томъ, чтобы не допускать къ этому монопольнымъ правамъ болѣе широкихъ круговъ козачества, и чтобы оно такъ высоко цѣнило права и привилегіи, признанныя за нимъ правительствомъ, что изъ-за нихъ готово было идти на открытую вражду и борьбу съ козачествомъ не-реестровымъ. Кроме того, оно должно было бы располагать достаточными силами для того, чтобы выдерживать такую борьбу и подавлять теченія, враждебныя правительственной программѣ. Но правительство не озаботилось всеѣмъ этимъ.

Оно забывало даже свою первую, взятую имъ на себя обязанность по отношенію къ реестровому козачеству, не платя ему за службу. Оно не умѣло удержать его въ привилегированномъ положеніи и легкомысленно игнорировало границу между этими двумя группами, не соблюдая реестра и привлекая на службу вмѣстѣ съ реестровыми и нерестровыхъ, всякій разъ, когда ему нужны были болѣе значительныя силы. Наконецъ, щадя средства, оно ставило для реестра слишкомъ тѣсныя рамки, слишкомъ небольшою цифрою ограничивало его, такъ что реестровое козачество не могло имѣть большого значенія, не могло оказывать рѣшающаго вліянія на дѣйствія и настроенія козачества. И если въ движеніяхъ 1590-хъ годовъ мы замѣчали нѣкоторую рознь и даже враждебность между собственно Низовымъ войскомъ, тѣснѣе сплоченнымъ и организованнымъ, лучше консолидированнымъ, и добровольцами Наливайка ¹⁾, и еще яснѣе увидѣли это въ событіяхъ послѣдовавшихъ за кампаніею 1596 г., то должны имѣть въ виду, что группа болѣе солидныхъ, или болѣе лойяльныхъ и умѣренныхъ элементовъ отнюдь не покрывалась понятіемъ реестроваго войска. Фактически реестръ въ это время вовсе не существовалъ; упомянутая сравнительно лойяльная группа была гораздо многочисленнѣе, чѣмъ допускалъ это реестръ (тысяча казаковъ, согласно послѣдней ординаціи 1590 г.) и не имѣла никакого желанія быть втиснутой ни въ официаль-

¹⁾ Ср. оазквы Лободы, Listy с. 66.

ную цифру реестра, ни въ официальныхъ рамки правъ и обязанностей, поставленныхъ правительствомъ для реестрового войска ¹⁾).

Въ такихъ условіяхъ единственнымъ критеріемъ козачества оставалось въ концѣ концовъ признаніе козацкаго присуда: кто признавалъ надъ собою козацкую власть и подсудность ей, былъ козакомъ. Но подсудность не начальству, установленному правительствомъ: эта правительственная власть обычно имѣла вполнѣ характеръ номинальный. Пересматривая переписку по козацкимъ дѣламъ 1570—1600 гг., мы нигдѣ не встрѣчаемъ правительственныхъ козацкихъ вождей, какими были Вишневецкій, Оришовскій, Язловецкій, съ реальными функціями дѣйствительной власти надъ козачествомъ (наибольшимъ вліяніемъ пользуется Вишневецкій, но въ качествѣ черкаскаго старосты, а не назначеннаго правительствомъ козацкаго вождя). Козаки имѣютъ своихъ собственныхъ выборныхъ гетмановъ и повинуются имъ, а на назначенныхъ правительствомъ старшинъ смотрятъ—самое большее, какъ на официальныхъ посредниковъ въ своихъ сношеніяхъ съ польскимъ правительствомъ. О какой-либо реальной власти ихъ надъ козачествомъ, командованіи козацкимъ войскомъ, функціяхъ исполнительной власти по отношенію къ козацкому классу, какъ таковому, не можетъ быть и рѣчи, и правительство, въ тѣхъ случаяхъ, когда ему нужно было чего нибудь добиться отъ козацкаго войска, обращается къ козачеству черезъ своихъ специальныхъ посланцовъ, или пускаетъ въ ходъ свою военную силу, чтобы принудить ихъ къ какимъ либо уступкамъ. Плачевная исторія плановъ Язловецкаго, официального вождя казачества ²⁾, ясно показываетъ, какъ мало значило само по себѣ правительственное назначеніе въ козацкихъ отношеніяхъ, если облеченное правительственными полномочіями лицо не постаралось личнымъ тактомъ добиться какого-либо моральнаго вліянія среди козачества.

¹⁾ Въ виду вышесказаннаго нельзя считать справедливымъ высказанный въ литературѣ взглядъ, будто бы пожалованіе козакамъ извѣстныхъ прерогативъ начая отъ Сигизмунда-Августа и Баторія привило козачеству оппортунизмъ и свело съ рескрипціонной дороги. Независимо отъ своихъ смиренныхъ петицій правительству, козачество продолжало свою политику фактическаго расширенія своихъ вліяній и фактическаго господства, и настоящихъ козаковъ-правительственниковъ можно встрѣтить не раньше, какъ во второй четверти XVII в. ²⁾ См. с. 260—1.

Оставался неофициальный козацкий присудъ, козацкая организация и выборная власть, официальное признание которой козачество получает около этого времени (упомянутое выше соглашение съ черкасскимъ старостою 1593 г.). Кто признавалъ надъ собою козацкую власть и присудъ, тѣмъ самымъ считалъ себя и считался козакомъ, совершенно независимо отъ какой-либо официальной санкции, отъ всякаго реестра. Впрочемъ, на протяжении долгихъ годовъ никакого реестра и не бывало не только въ жизни, но и на бумагѣ, и сеймовыми постановленіями 1593—6 гг. реестровое войско было формально отмѣнено на долгое время. Со времени набора 1590 г. за составленіе реестра взялись лишь въ 1619 г., и оно, очевидно, также не было доведено до конца, и реестра на практикѣ не существовало. Но существовалъ онъ или нѣтъ,—это не измѣняло дѣла въ глазахъ козачества. Оно стояло на томъ, что служить рѣчи посполитой постоянно: находилось ли козацкое войско на Низу, или на волости, предпринимало ли походы въ различныя сосѣднія земли. Находясь на Низу или гдѣ-нибудь въ пограничныхъ волостяхъ, оно, по его словамъ, стерегло границу отъ Татаръ и заявляло о своей службѣ сообщеніями о движеніяхъ орды, которыя оно давало польскимъ властямъ даже при очень натянутыхъ отношеніяхъ, когда правительственные власти смотрѣли на козаковъ скорѣе какъ на „враговъ отечества“, чѣмъ на слугъ короля и рѣчи посполитой, какими рекомендовали себя въ этихъ перепискахъ козаки. И ввиду того, что польская администрація безъ содѣйствія и сообщеній отъ козаковъ чувствовала себя совершенно безпомощной въ дѣлѣ охраны южныхъ границъ, она никакъ не могла обойтись безъ сношеній съ козаками и ихъ услугъ въ этой области, даже при очень натянутыхъ отношеніяхъ. Но точно также козачество считало службою рѣчи посполитой и свои походы въ турецкія, татарскія или молдавскія земли—все это, по его мнѣнію, были походы на непріятеля св. креста и рѣчи посполитой и совершались козаками въ ея интересахъ и во славу ея. И хотя въ дѣйствительности эти походы были совершенно не нужны или даже вредны польскому правительству, козачество въ глаза самому правительству объявляло эти своевольные, запрещенные походы своею заслугою передъ государствомъ. Верхомъ этого несравненнаго лукавства служить цитированное нами уже не разъ письмо Наливайка къ королю: оно все выдержано въ тонѣ рапорта „слуги с. кор. милости“ о той службѣ и заслугахъ, которыя онъ положилъ

передъ королемъ и рѣчью посполитою ¹⁾). Но это не была точка зрѣнія одного Наливайка, а вообще козаковъ. Въ, 1588 г. кн. Забражскій въ письмѣ королю сообщаетъ, что козаки вопреки строжайшимъ королевскимъ запрещеніямъ, произвели нападенія на турецкія земли и „хвастаются, что ходили по приказанію (правительства) и теперь рассказываютъ не иначе, какъ только такъ, что, молъ, служили мы рѣчи посполитой и, отдыхая послѣ похода „на волости“, требуютъ для себя квартиръ и припасовъ въ качествѣ награды за понесенныя службы ²⁾). Это та-же нота, что звучитъ и въ письмѣ Наливайка, который послѣ трудовъ, понесенныхъ для рѣчи посполитой въ походахъ на ея враговъ, претендуетъ на приютъ и содержаніе въ коронныхъ земляхъ. Несомнѣнно, это не было однимъ только искреннимъ недоразумѣніемъ, но и сознательною тактикою, сознательнымъ лукавствомъ козачества и его вождей, стремившихся внушить такой взглядъ обществу, власти и—самимъ себѣ. Оно могло приводить въ ярость болѣе экспансивныхъ польскихъ политиковъ, но козаки не переставали стоять на такой, весьма выгодной для нихъ позиціи. Фактически считая себя самостоятельной политической силой, совершенно независимой отъ правительства рѣчи посполитой и въ иныхъ случаяхъ рекомендуя себя именно съ такой точки зрѣнія, они въ отношеніяхъ къ польскому правительству не переставали называть себя слугами рѣчи посполитой, служащими ей непрерывно, оказывающими ей безцѣнные услуги своимъ существованіемъ и взамѣтъ ихъ имѣющими неоспоримое моральное право на ея благодарность, на извѣстныя права и привилегіи въ ея земляхъ: право на пропитаніе на счетъ населенія земель, охраняемыхъ ими, на полную свободу отъ всякихъ наборовъ и повинности, свободное землевладѣніе, и т. п.

Пока мы остановимся на этихъ послѣднихъ моментахъ. Козачество несетъ постоянную службу рѣчи посполитой (хочетъ или не хочетъ ея рѣчь посполитая—безразлично, козаки лучше знаютъ, что ей нужно). Всѣ козаки, признающіе козацкіи присуды и верховную власть козацкихъ старшихъ, являются участниками этой службы, а вмѣстѣ съ тѣмъ—правъ и привилегій, связанныхъ съ нею. Реестровые или нереестровые—всѣ служатъ одинаково и одинаково всѣ обычно не получаютъ ничего отъ прави-

¹⁾ Broel-Plater Pamiętniki II с. 214, выдержки выше с. 261 и слѣд. ²⁾ Sprawy wojenne с. 155.

тельства, такъ какъ и реестровые, даже въ періоды существова-
нія реестра, чаще всего не получали никакой платы влѣдствіе
хроническаго отсутствія средствъ. Въ виду этого козаки претен-
дуютъ на извѣстныя соціально-экономическія привилегіи. Всѣ
козаки не подлежатъ ничьей власти, кромѣ козацкой, не несутъ
никакихъ податей и повинностей, какъ сами, такъ и ихъ семьи
со своихъ земель и домовъ; ихъ не касаются никакія ограниче-
нія, вытекающія изъ владѣльческихъ правъ—право корчемное и
всякія другія помѣщичьи права ихъ не касаются, они свободны
отъ всего этого въ силу своего козацкаго иммунитета, за свою
службу королю и рѣчи посполитой.

Постараемся теперь оцѣнить все это по достоинству. Въ
моментъ необыкновеннаго возбужденія, когда восточная Украина,
какъ Новый Свѣтъ украинскій, закипѣла новоселами, искавшими
здѣсь свободныхъ отъ помѣщика земель и увидѣвшими со смер-
тельной тревогой, какъ за ними и сюда движется шляхетская
туча—въ этотъ моментъ появляется этотъ принципъ: кто присоеди-
няется къ козакамъ, того не касается помѣщичье право, тотъ,
за свою козацкую службу, свободенъ отъ всего. Выведенная изъ
правительственныхъ постановленій о козачествѣ болѣе тѣсными
козацкими кругами въ послѣднюю четверть XVI в., эта формула
съ воодушевленіемъ подхватывается широкими массами украин-
скаго населенія конца XVI и первой половины XVII в. Условія
восточно-украинской жизни того времени, даже чисто хозяйствен-
наго быта все равно были таковы, что здѣшній поселенецъ дол-
женъ былъ неизбежно быть одновременно и воиномъ, вооружен-
ною рукою вести, какъ мы уже видѣли, всякіе мѣстные про-
мыслы и хлѣбопашество; въ виду этого обязательное участіе
въ козацкой военной службѣ, по призыву козацкой старшины, не
являлось чѣмъ-либо особенно обременительнымъ и чуждымъ для здѣ-
шняго поселенца и во всякомъ случаѣ—стоило взять на себя
эту военную обязанность, если она такъ много обѣщала въ области
экономическихъ и общественныхъ отношеній. И въ самомъ дѣлѣ,
все что было живого и энергичнаго въ этомъ новомъ населеніи—
всѣ, кто хотѣлъ избавиться отъ помѣщичьей власти и всякихъ
претензій ея въ настоящемъ, отъ перспективъ крѣпостнаго права
въ будущемъ—всѣ бросаются къ козачеству, какъ къ якорю спа-
сенія, отдають себя подъ козацкій присудъ, объявляютъ себя ко-
заками, членами козацкаго войска.

Подобно тому, какъ раньше, въ серединѣ XVI в. Украина

полна была громомъ козацкихъ походовъ, а самихъ козаковъ не было никакой возможности отыскать среди украинскаго населенія, такъ какъ никто не имѣлъ интереса объявлять себя въ козацкомъ званіи, заявлять себя козакомъ,—такъ теперь ростъ козацкаго сословія далеко превосходитъ размахъ военной энергіи козачества. Къ козачеству льнетъ теперь масса людей, которыхъ собственно очень мало привлекаетъ пограничный военный спортъ, тѣмъ болѣе—далекіе заграничные походы, вообще „козацкій хлѣбъ“ самъ по себѣ. Они предпочитаютъ ему хлѣбъ обыкновенный, хлѣбъ земледѣльца. Подъ фирмой и прикрытіемъ козачества, подъ его властью и опекой хотятъ спокойно заниматься хозяйствомъ „на волости“, не зная ни помѣщиковъ, державцовъ и старостъ, ни ихъ прислуживцовъ—и для этого записываются въ казаки. Благодаря этому число козаковъ растетъ неизмѣримо. Какъ необычайно, чисто по американски росла въ это время восточно-украинская колонизація—такъ же быстро вмѣстѣ съ нею росло и козачество.

Однако не только росло, но и измѣняло свой характеръ. Оно не было уже только колонизаціонно-бытовымъ явленіемъ, игрою энергіи пограничнаго населенія, певинною забавою въ рукахъ пограничной администраціи и украинскаго магнатства. Оно становится категорією общественнаго строя, весьма значительнымъ явленіемъ социальнымъ, а съ теченіемъ времени—и національно-политическимъ. Становится формой, въ которой кристаллизовались социальное-экономическія стремленія украинскаго демоса и его протестъ противъ польско-шляхетскаго режима. Является носителемъ и выразителемъ національныхъ стремленій украинскаго народа.

Номадный, добычническій военный элементъ, какимъ являлось козачество XVI в., не исчезъ вовсе. Наоборотъ, онъ возросъ теперь численно вмѣстѣ съ общимъ нарастаніемъ украинской колонизаціи конца XVI в. и, какъ элементъ наиболѣе подвижный, безлокойный, шумный, продолжалъ придавать тотъ же добычническій обликъ козачеству. Но на ряду съ нимъ въ громадной массѣ въ ряды козачества вошелъ элементъ совершенно иной—хозяйственный, земледѣльческій, вполне положительный, некавицій въ козачествѣ не безнаказаннаго своеволія, не добычничества, не широкаго размаха военной отваги, вѣчно-бурной военной жизни, а гарантій своихъ личныхъ и имущественныхъ правъ, права на землю, права на трудъ и его продукты¹⁾.

Такимъ образомъ не прежній кочевой козацкій элементъ

Параллельность интересовъ связала во-едино эти совершенно различные группы. Для воснаго козачества хозяйственные козаки служили резервомъ, на помощь котораго оно могло рассчитывать во всякую тревожную минуту—особенно въ опасныхъ, то и дѣло возникавшихъ на политической почвѣ конфликтахъ съ правительствомъ, влѣдствіе того что это военное козачество не подчинялось видамъ правительства и портило его отношенія съ сосѣдями. Для козачества хозяйственнаго козацкіе военные элементы были тою дѣйствующею арміею, которая охраняла его общественно-экономическіе интересы и въ конфликтъ его социально-экономическихъ интересовъ съ интересами державнаго шляхетскаго сословія готово было идти въ первый огонь, одновременно мобилизуя съ помощью своей военной организаціи массовыя силы украинскаго населенія.

Эта параллельность основныхъ интересовъ—гарантія защиты обѣихъ группъ сглаживала или брала перевѣсъ надъ нѣкоторыми расхожденіями этихъ группъ. Козачество чувствовало, что этимъ союзомъ оно неизмѣримо расширило и свои силы, и кругъ своихъ интересовъ, и поэтому и держалось его сознательно, подобно тому, какъ позднѣе оцѣнило, по мотивамъ скорѣе моральнаго свойства, союзъ съ интеллигентскими кругами, на которыхъ опирались національныя стремленія Украины того времени.

Стихія на первый взглядъ разрушительная, антикультурная,—козачество подъ этою отрицательною внѣшностью таило въ себѣ энергию творческую, въ гораздо болѣе сильной степени, нежели польско-шляхетскій элементъ, гордый своею государственностью и культурностью—возвеличенный за это позднѣйшими поколѣніями польскихъ писателей и историковъ, но въ дѣйствительности разлагающій, разрушительный. Предшествующее столѣтіе козацкаго своеволья принесло въ результатъ безопасность, защиту, колонизаціонный и цивилизаціонный ростъ „дикому полю“ восточной Украины; даже его старые шляхетскіе враги должны были признать, что завоеваніе восточно-украинскаго пограничья для осѣдлости и культуры было дѣломъ козачества¹⁾. Въ послѣ-

садятся на землю, превращается въ землевладѣльческій и хозяйственный, какъ изображаютъ часто этотъ процессъ историки,—а землевладѣльческій, хозяйственный элементъ изъ экономическихъ и общественныхъ мотивовъ идетъ въ ряды козачества, наряду съ военными элементами.

¹⁾ Неизвѣстный по имени польскій политикъ (Жерела VIII

дующемъ столѣтїи подѣ покровомъ „украинскаго своевольства“ нарастала социальная оппозиція украинскнхъ массъ и національная энергія украинскаго народа, спасающая украинскую жизнь отъ разложенія и гибели.

Проницательные политики и публицисты рѣчипосполитой довольно скоро оцѣнили это принципиальное значеніе козачества. Жолкевскій въ своемъ универсалѣ къ кїевской шляхтѣ, въ которомъ онъ побуждалъ ее къ участию въ походѣ на козаковъ во время комиссїи 1617 г., далъ вполне опредѣленное выраженіе взглядамъ на козачество, какъ на социальный факторъ, какъ на представителя интересовъ крестьянства, глубоко враждебнаго и грознаго для шляхетскаго режима. „Это ихъ своеволие—писалъ онъ о козакахъ—не даетъ вамъ покоя; вы, здѣсь живущіе, особенно чувствуете это, а со временемъ этотъ пожаръ можетъ и въ болѣе отдаленныхъ краяхъ создать рѣчипосполитой опасности и затрудненія, такъ какъ это крестьянство, по природѣ своей непрїязненное по отношенію къ шляхетскому народу, можетъ осмѣлиться и на болѣе опасные шаги, если его оставить безъ вниманія“¹⁾).

Такимъ образомъ козачество признавалось опаснымъ уже не

№ 121, 1616 г.), вздыхая о прежнихъ добрыхъ отношеніяхъ съ козаками, такъ описываетъ ихъ: *Był a prima origine w karnosci i poskuszenstwie, był y z nich ten rzeczypospolitey pożytek, że wyparszy Tatarow z tych pol i kocowisk, gdzie teraz sami przemieskiwaią, zatrzymywali incursiones ich, ktore asz po Lwow przed tym bywali. Laudator temporis polonici* пок. Кулявца въ своихъ болѣе раннихъ историческихъ трудахъ точно также стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что козачество, будучи по сущности элементомъ разрушительнымъ, въ дѣйствительности являлось факторомъ положительнымъ. „Козаки были призваны спасти народную будущность грубо реакціоннымъ способомъ,“ какъ формулируетъ онъ это въ одномъ мѣстѣ (Исторія воссоединенія II с. 186), признавая, что „колонизація опустѣлой Руси совершалась подѣ прикритіемъ козачества“ (с. 164). Только въ своихъ болѣе позднихъ сочиненіяхъ онъ вполне сталъ на чисто шляхетскую точку зрѣнія, совершенно враждебную козачеству и, благодаря этому, совершенно одностороннюю.

¹⁾ *Gdyż to chłopotstwo, ktore z przyrodzenia narodowi szlacheckiemu nie jest przyiazno, może się y czego inszego gorszego, będzie li zanedbane, poważić. Materiały, odnoszące się къ гетм. Сагайдачанаго, въ кїев. Читенїяхъ XV с. 147.*

своими опустошениями, а какъ вооруженное крестьянство, его военное представительство: принципиально враждебное шляхтѣ, оно угрожаетъ ей социальнымъ переворотомъ. И нѣсколько лѣтъ спустя (на сеймѣ 1623 г.) одинъ изъ украинскихъ магнатовъ, кн. Юрій Збаражскій, описывая страхъ, наводимый козачествомъ на правительство и шляхетское общество Польши, наряду съ традиционнымъ мотивомъ турецкой опасности, угрожающей благодаря козакамъ, обращаетъ вниманіе на „собственный домашній страхъ и неволю, какую терпимъ отъ своихъ же хлоповъ,—что скоро разразится эта буря по причинамъ религіознымъ и вслѣдствіе великой дерзости этихъ людей“¹⁾. Въ этихъ довольно неясныхъ выраженіяхъ не трудно уловить мысль оратора: страхъ передъ козачествомъ, какъ выразителемъ стремленій украинскихъ массъ въ сферѣ социальной и религіозной (т. е. національной въ тогдашнемъ пониманіи),—и безпокойство, которое внушила постановка національнаго вопроса этимъ вооруженнымъ „хлопствомъ“. Два года спустя, обращая усиленное вниманіе правительства на козаковъ, въ виду грозящей крестьянской войны²⁾, тотъ же Збаражскій подробно выясняетъ источникъ козацкой „арrogанціи“ (дерзости)—національно-религіозный и социальный: сочувствіе козакамъ со стороны всѣхъ круговъ, чувствующихъ религіозно-національнымъ притѣсненіемъ и гнетъ панскаго права. „Сила козаковъ такъ опасна не только одною численностью этихъ разбойниковъ, помимо этого есть еще два обстоятельства: огромный авторитетъ ихъ влодѣяній и явная или скрытая пріязнь къ нимъ со стороны чуть ли не всей Киевской земли и Бѣлоруссіи: города королевскіе и частные, дома шляхетскіе, одни явно, другіе изъ страха—тайно сочувствуютъ имъ и желаютъ всякаго успѣха, считая ихъ своими спасителями въ своемъ угнетенномъ состояніи“. „Всѣ эти русскіе края, говоритъ онъ далѣе, считающіе себя угнетенными отчасти панскою властью, отчасти по своей глупости жалующіеся на унию—несомнѣнно полнялись бы одновременно съ козацкимъ возстаніемъ и искали бы мести вмѣстѣ съ ними“³⁾.

¹⁾ Ale i względem naszego własnego domowego strachu i niewoli, którą od swoich ze własnych chłopów cierpimy, gdyż prędko na nas ta tempestas eruptura est rozney religiey u wzdecia tych ludzi—Гісты кс. Збарашкиего 77.

²⁾ Imminet belli servilis periculum.

³⁾ Жерела VІІ № 179 (отрывокъ у Кулиша Матеріалы с. 102, съ ошибочною датой). Въ рукоп. публ. библ. (Пол. F. IV

Но эти глубокія, принципиальныя перемѣны въ позиціи козачества шляхетскому обществу въ цѣломъ могли выясняться лишь постепенно, — гораздо раньше мѣстная украинная шляхта на цѣломъ рядѣ конкретныхъ явленій съ тревогою замѣтила, какъ ростъ козачества подрываетъ ея экономическія интересы въ цѣломъ рядѣ пунктовъ.

Наиболѣе чувствительнымъ и больнымъ вопросомъ была козацкая „стація“. Для своихъ военныхъ континентовъ, по примѣру короннаго войска, козачество требуетъ отъ державцевъ королевскихъ земель и точно также отъ украинскихъ помѣщиковъ квартиръ и содержанія — „приставствъ“ и „лежъ“, какъ ихъ называли. Не получая жалованья отъ правительства, козацкое войско, какъ и польскіе солдаты, считало себя въ правѣ вознаграждать себя этими постоями и поборами — прежде всего въ имѣніяхъ королевскихъ, а затѣмъ — также и въ частныхъ владѣніяхъ, и по мѣрѣ роста военныхъ козацкихъ континентовъ эти претензіи козачества падаютъ все болѣе тяжелымъ бременемъ на украинскую шляхту и ея хозяйство. Въ цитированномъ уже письмѣ кн. Збаражскаго къ королю отъ 1583 г. мы видѣли сдержаннаго, но идущія отъ глубины сердца жалобы украинскаго магната на эти козацкія приставства и претензіи подъ предлогомъ „службы рѣчи посполитой“. „Не иначе они выражаются, какъ только такъ, что, моль, служили рѣчи посполитой и берутъ себѣ приставства по-старому... Прежде я жаловался на Яичу, силою захватывавшаго себѣ приставства и причинявшаго немало вреда — теперь пріѣзжающіе обвиняютъ, что займутъ приставства у меня и приказываютъ приказчику давать имъ содержаніе; называютъ даже посланца (вѣроятно королевскаго или гетманскаго), съ вѣдома котораго назначаются имъ приставства. Еле можно упросить, чтобы не брали силою, а что дальше будетъ, одинъ Богъ знаетъ. Я увѣренъ, что они ходили (въ походъ на Турокъ) безъ приказа (королевскаго) и не считаю справедливымъ, чтобы имъ давались приставства“¹⁾.

Такимъ образомъ въ помѣщичьихъ, такъ же, какъ и въ

№ 109) письмо это читается съ нѣкоторыми интересными вариантами, которыми я пользуюсь тутъ (приведенное выше мѣсто читается здѣсь: *onych samych liberatores w ucisku swoich kładą et non desunt falsa auguria, ktoremi y ich i siebie dementuiąc y obostrzaiąc...*).

¹⁾ Sprawу wojenne с. 155.

правительственныхъ кругахъ признавалось, что козаки имѣютъ права на приставства, если они несутъ службу рѣчи посполитой. Видѣли мы, что и ординація 1591 г. ¹⁾ признавала за ними это право, и чтобы избавитъ отъ ихъ „лежъ и приставствъ“ постановила, что козаки будутъ стоять за предѣлами волости, на Низу, и туда будутъ имъ посылаться припасы старостами и державцами королевскихъ земель. Изъ этого выселенія козаковъ на Низъ, а тѣмъ болѣе изъ доставки имъ туда припасовъ не вышло ничего, и принципъ содержанія козаковъ на волости долженъ быть остаться въ силѣ. Но хотя эта обязанность содержанія козаковъ, иначе говоря право „приставствъ“, признавалась только за королевскими имѣніями, какъ видно изъ приведеннаго выше постановленія ординаціи, — въ дѣйствительности, несомнѣнно, козаки распространяли эту практику и на частновладѣльческія имѣнія. Равнымъ образомъ, хотя это право признавалось только за тѣми козаками, которые находились на службѣ рѣчи посполитой и только тогда, когда они эту службу несли, — въ дѣйствительности на это право претендовали и осуществляли его всѣ козаки. Такъ какъ правительство обыкновенно не въ состояніи было провести опредѣленной границы между служилымъ и своевольнымъ козачествомъ, а козачество, какъ мы видѣли, всегда и всюду считало себя несущимъ службу рѣчи посполитой, то въ результатѣ все козачество въ цѣломъ, если только чувствовало себя въ силахъ, — домогалось приставствъ въ украинскихъ волостяхъ для себя въ полномъ составѣ. Мы видѣли, какъ Наливайко, предлагая свои услуги коронному гетману, одновременно просилъ ему указать, гдѣ бы его козаки *zuwłoszczy do czasu slusnego dosięgać mieli* ²⁾, а не получивъ отъ гетмана инструкцій по вопросу о „приставствахъ“, и вообще не будучи принятъ имъ на службу, онъ тѣмъ не менѣе, то вмѣстѣ съ Низовцами, то отдѣльно отъ нихъ расквартировывается безъ церемоніи въ украинскихъ волостяхъ и требуетъ доставки всякихъ припасовъ, „станцій и помѣрнаго“ отъ державцевъ и помѣщиковъ, и даже свѣдѣній о доходахъ королевскихъ имѣній — очевидно для опредѣленія размѣровъ своихъ контрибуцій ³⁾. И у вождей собственно низового козачества это вѣчная, постоянная нота въ ихъ сношеніяхъ съ

¹⁾ Архивъ Ю. З. Р. III. I № 11.

²⁾ Listy № 41.

³⁾ Архивъ III. I № 22 (Listy с. 39).

военными и административными властями—постоянное требование, въ болѣе или менѣе деликатныхъ формахъ—„не лишать козаковъ хлѣба-соли въ здѣшнихъ краяхъ¹⁾).

Всякій разъ, когда ослабѣвала польская власть на Украинѣ, когда расходились крайніе, наименѣе дисциплинированные элементы козачества, это скромное пользование „хлѣбомъ и солью“ переходило въ такіе безцеремонные наѣзды и грабежи, какіе позволяли себѣ не только Наливайковцы, но и Низовцы Лободы въ то самое время, когда онъ такъ любезно просилъ не лешать козаковъ хлѣба-соли²⁾). Но и въ своей наиболѣе лояльной формѣ эти „приставства“ докучали украинской шляхтѣ, такъ какъ задѣвали ея матеріальные интересы и кромѣ того—благодаря этому расквартированію козаковъ распространялось козацкое бродило среди украинскаго населенія, содѣйствуя процессу окозаченія послѣдняго.

Это окозаченіе украинскаго населенія подрывало въ самомъ корнѣ планы шляхетскаго хозяйства на Украинѣ. Масса населенія, мѣстами—преобладающее большинство ускользало изъ рукъ шляхты: хваталось за идею козацкаго иммунитета, отдавалось подъ козацкое верховенство, подъ козацкій присудъ и въ качествѣ козаковъ, отказывалось затѣмъ отъ всякихъ даней и повинностей, отъ подчиненія всякому другому начальству—въ городахъ магистратамъ и старостамъ, въ королевскихъ земляхъ старостамъ и державцамъ, въ частныхъ имѣніяхъ—помѣщикамъ. Переходъ массъ населенія въ ряды козачества становится вѣчною пѣсней въ первой четверти XVII вѣка. „Пошли къ нимъ бродяги (gołotowie) пошли осужденные, пошли бѣгле, —бѣжали, покинувъ поля, ушла челядь, захвативъ, что можно, у помѣщиковъ—такъ что мало у кого остались люди для плуга въ Подольскихъ земляхъ“, говорить королевское предложеніе на сеймъ 1615 г.³⁾ „Набралось этого гультайства столько, что трудно имѣть хлопа или наемника: къ этой сволочи на своеволие льнетъ все, что только живо“, замѣчаетъ два года позднѣе Жолкевскій⁴⁾. Анонимный публи-

¹⁾ Письмо Лободы отъ 1596 г.—Listy № 42, письмо Сасыка отъ 1595—ib. № 40.

²⁾ A chleba soli w tym tu kraju zabraniaz ne racz, gdyżechmy nie jest pryciwni zwierzchnosci jego krol. mci naszego msciwego pana, tudziesz . y rozkazaniu wnici i wiemy jako mamy powazać msciwa laskę wnici naszego msciwego pana—l. c.

³⁾ Жерела VIII с. 165.

⁴⁾ Pisma Żolkiewskiego с. 285.

цствъ изливаютъ свои жалобы на управляющихъ королевскими имѣніями, не ставящихъ никакихъ препятствій переходу крѣпостныхъ въ козачество: „такое ихъ всеобщее убѣжденіе, что давъ подстаростѣ червонный золотой, они свободно могутъ вти въ козачество, а при своемъ возвращеніи съ разбоя разбойникъ-козакъ дѣлится съ подстаростою добычею, награбленною у бѣдныхъ людей“¹⁾). А на ряду съ этимъ огромныя массы населенія, не мѣняя своего мѣстопробыванія, переходятъ изъ-подъ „обычной юрисдикціи“ подъ власть козацкую. Люстраціи королевскихъ имѣній 1616 г. даютъ чрезвычайно интересныя цифровыя данныя для иллюстраціи этого процесса, начавшагося въ концѣ XVI в. и затѣмъ все усиливающагося.

При староствѣ Бѣлоцерковскомъ читаемъ: во время ревизіи замѣститель державца кн. Ян. Острожскаго заявилъ, что „староство это, какъ и всѣ другія староства Кіевскаго воеводства, опустошено постоянными татарскими панаденіями, своевольными людьми-козаками, силою захватившими и присвоившими себѣ много старостинскихъ угодій, а также и своевольными солдатами, вернувшимися съ московской войны и другими,—такъ что самъ староста едва получаетъ четвертую часть доходовъ“ (то есть узаконенной четвертой части въ казну платить не имѣетъ возможности). Въ городѣ Бѣлой Церкви „мѣщанскихъ домовъ послушныхъ 300“, которые не платятъ никакихъ податей, только отбываютъ военную службу, а „козацкихъ домовъ, которые не хотятъ быть въ послушаніи²⁾, больше 300“³⁾). Но это еще немного. Въ сосѣднемъ Богуславскомъ староствѣ въ городѣ послушныхъ домовъ было 200, непослушныхъ—400⁴⁾). Въ Каневѣ домовъ мѣщанскихъ послушныхъ 160, домовъ козацкихъ непослушныхъ 1346. „Сель въ этомъ староствѣ нѣтъ совершенно, только хутора, большинство которыхъ заняли козаки⁵⁾, такъ какъ ихъ больше, чѣмъ непослушныхъ подданныхъ, но имѣютъ въ нихъ свои участки также и мѣщане, только нисколько

1) Жерела VIII с. 176—7.

2) Kozackich domów ktorzy niechcą być pod posłuszenstwem.

3) Архивъ Ю. З. Р. VII I с. 290.

4) Źródła dz. XX с. 54.

5) Въ Архивѣ: ktorych więcej 7 osiedli, это 7 явилось должно быть по недоразумѣнію, въ Źródła dz. V с. 104 его нѣтъ, и ср. тамъ же с. 106.

обязанностей, кроме военной службы, не несутъ съ нихъ“¹⁾. Въ староствѣ Корсунскомъ повторяется то же: въ Корсунѣ послушныхъ домовъ 200, козацкихъ 1300; въ м. Стеблевѣ послушныхъ домовъ 100, козацкихъ 400²⁾. Въ староствѣ Переяславскомъ—въ Переяславлѣ домовъ послушныхъ 300, козацкихъ 700³⁾; въ м. Яготинѣ послушныхъ 50, „домовъ козацкихъ, не желающихъ быть въ послушаніи—50“; въ слободахъ: въ м. Гелмазовѣ „домовъ мѣщанскихъ послушныхъ 40, козацкихъ непослушныхъ домовъ 800“. въ Быковѣ (основанныхъ въ предыдущемъ году) „домовъ мѣщанскихъ послушныхъ 30, козацкихъ 25“, въ Яблонковѣ (точно такъ же заселенномъ лишь въ предыдущемъ году) послушныхъ мѣщанскихъ домовъ 50, козацкихъ домовъ 30⁴⁾. Въ Черкасахъ домовъ послушныхъ 150, „козацкихъ непослушныхъ 800“. въ Боровицѣ, поголовно пользующихся льготою „домовъ послушныхъ 50⁵⁾, козацкихъ 100“, въ Ирклеѣ—тоже слободѣ—„домовъ мѣщанскихъ послушныхъ 20, козацкихъ домовъ больше 300“; въ м. Голтвѣ, „которое лишь второй годъ какъ основано“—послушныхъ домовъ 30, козацкихъ домовъ 700; м. Кропивна, заселенное въ прошломъ году, имѣетъ домовъ мѣщанскихъ послушныхъ 30, домовъ козацкихъ 60⁶⁾; въ Чигиринѣ домовъ послушныхъ 50, козацкихъ 500; въ Даниловѣ послушныхъ 20, козацкихъ 280⁷⁾.

Итакъ, въ однихъ только отмѣченныхъ люстраціею городахъ и мѣстечкахъ, составляющихъ только часть украинской территоріи, мы, не считая сель, находимъ около семи съ половиною тысячъ непослушныхъ козацкихъ домовъ, въ пять разъ больше, чѣмъ послушныхъ... Это въ то время, когда для всей Украины правительство хотѣло весь официально признанный козацкій контингентъ ограничить одною тысячею⁸⁾.

При этомъ „непослушныхъ“ козаковъ мы встрѣчаемъ была въ такихъ городахъ, населеніе которыхъ и безъ того не несло другихъ обязанностей, кроме военной службы, т. е. вся разница была въ томъ, что оно должно было отправляться въ походъ со старо-

¹⁾ Архивъ VII. I с. 308.

²⁾ *Źródła dz.* XX с. 54. ³⁾ *Ibid.*

⁴⁾ Архивъ Ю. З. Р. VII. I с. 312—3.

⁵⁾ Въ изданномъ текстѣ очевидно по ошибкѣ отмѣчено 500, ср. цифры 1622 г.: 70 послушныхъ и 120 непослушныхъ.

⁶⁾ Архивъ Ю. З. Р. VII. I с. 313—4.

⁷⁾ *Źródła* XX с. 54. ⁸⁾ Комиссарскій проєктъ 1617 г.

стою, а не подъ предводительствомъ козацкаго атамана. Находимъ ихъ и во вновь заселенныхъ слободахъ, население которыхъ вовсе не несло никакихъ обязанностей. Слѣдовательно тутъ былъ вовсе не простой оппортунизмъ, а принципиальное отрицаніе панскаго права. Люди заявляли себя козаками и не хотѣли знать надъ собою помѣщика; поступали такъ умышленно, чтобы не имѣть ничего общаго съ панскою властью, независимо отъ того, какова бы она ни была—легка или тяжела, однимъ словомъ— не хотѣли быть „подданными“. Въ этомъ лежало, съ соціальной и политической точки зрѣнія, революціонное значеніе козачества, независимо отъ того, бунтовало оно, или жило въ согласіи съ администраціей въ данный моментъ. Козакъ—это „непослушный человекъ“, *homme sans foi et loi* съ точки зрѣнія шляхетской рѣчи посполитой.

Въ виду этого намъ понятно будетъ замѣчаніе въ той же люстраціи при м. Гуляникахъ (въ окрестностяхъ Кіева): „въ этомъ городѣ осѣдлыхъ домовъ было болѣе 300—значительно больше, но ушли на своеволие, а за ними изъ города были выгнаны и ихъ жены съ дѣтьми, чтобы не привлекать сюда козаковъ на жительство“¹⁾). Съ панской точки зрѣнія, дѣйствительно, слѣдовало силою разогнать эти непослушные элементы, чтобы они не умножались. Но не у всѣхъ было для этого достаточно энергии, достаточно силы и отваги, чтобы задѣвать козаковъ здѣсь „яко на Украинѣ“. И „непослушное населеніе“ росло и умножалось; въ то время какъ законопослушное сводилось наряду съ нимъ, какъ мы уже видѣли, въ сравнительно небольшимъ группамъ, непослушный элементъ задавалъ тонъ и чувствовалъ себя хозяиномъ.

Возьмемъ нѣсколько подробностей изъ болѣе поздней люстраціи, 1622 г. Въ Каневѣ „козаки извлекаютъ для себя всякія выгоды изъ помей и рѣкъ, захватываютъ чуть ли не всё земли не только въ городѣ, но и въ селахъ, и поэтому нѣтъ никакихъ доходовъ“, такъ какъ козаки эти „не несутъ никакихъ повинностей, не оказываютъ никакого послушанія“²⁾). Въ переяславскихъ селахъ и хуторахъ, входящихъ въ составъ староства (въ числѣ

¹⁾ Архивъ Ю. З. Р. VII. I с. 316.

²⁾ *Zródła* V с. 181; цифра козацкихъ домовъ 150 здѣсь, очевидно, ошибочна, Каневъ не могъ имѣть въ общей сложности три сотни домовъ (140 непослушныхъ).

25) послушныхъ подданныхъ 280, а среди нихъ живутъ козаци—„пользуются землями и всякими угодьями, и отъ нихъ нѣтъ ни пользы, ни послушанія—ихъ больше тысячи“. Въ Богуславскомъ староствѣ по всемъ селамъ и хуторамъ „нѣтъ подданныхъ послушныхъ—всего нѣсколько, остальные козаци“¹⁾).

Шляхта хотѣла сломить этотъ принципъ козацкаго непослушанія.

Реабилитируя козачество послѣ предшествующихъ приговоровъ въ 1601 г., сеймъ, какъ мы видѣли, пробовалъ отмѣнить козацкій иммунитетъ. Постановленіе сейма гласило, что козацкое управленіе ограничивается только командованіемъ мобилизованными козацкими силами и не должно ни въ чемъ ограничивать „обычной юрисдикціи“ старость, державцевъ и помѣщиковъ надъ козаками, живущими въ ихъ имѣніяхъ, наравнѣ съ прочими подданными²⁾). Но это постановленіе не было осуществлено, сколько его не возобновляли, и конституція 1609 г. совершенно опредѣленно констатируетъ, что козаци продолжаютъ не признавать надъ собой власти помѣщиковъ и старость, имѣютъ свой судъ и берутъ подъ свою юрисдикцію цѣлые города³⁾). „Ни магистратовъ по городамъ, ни старость, ни гетмановъ не слушаютъ, сами себѣ права намышляютъ, должностныхъ лицъ и вождей устанавливаютъ и въ великомъ государствѣ создаютъ свое отдѣльное, такъ что недостаетъ только, что бы мы говорили: „власть Цезарь дѣлаетъ съ Юпитеромъ“, но и до этого скоро дойдетъ, если во-время ихъ не сдержимъ“, замѣчаетъ цитированный уже публицистъ въ 1616 г.⁴⁾. А спустя десять лѣтъ король въ инструкціи на повѣтовые

¹⁾ Źródła dz. V s. 132 и 136.

²⁾ Vol. legum II s. 401.

³⁾ Постановленіе 1607 г.: *ustawujemy, aby ludzi swowolni kozacy zaporożcy w dobrach naszych mieszkający iurysdycyey starostow naszych y podstaroscich ich, a ktorzy, w dobrach panow tak duchownych iako y swieckich, tedy iurysdycyey panow dobr onych podlegali* (Vol. legum II s. 447). Постановленіе 1609 г. съ ссылкой на постановленіе 1607 г.: *iednak mimo tę konstytucyą y dawne zwyczaie wielkie bezprawie y swowola ci kozacy czynią, (nie) tylko to zwierzchności starostow naszych y panow swych nie przyznawają, ale hetmany swe y inszą formę sprawiedliwości swey mają; и ниже: Miasta tez nasze y mieszczanie chcemy aby się pod ich iurysdykye nie podawali y synom swym tego czynić nie pozwolali* (с. 465). Ср. конст. О swowoli ukraińskiej 1607 г. (с. 443); см. еще ниже.

⁴⁾ Мережа VIII с. 174.

сеймики рисуетъ ту же самую картину еще болѣе яркими красками: „Домашнее своеволие (козацкое) доходитъ до того, что уже въ самомъ дѣлѣ, забывъ вѣрность и подданство заводятъ у себя свое удѣльное государство. Грозятъ жизни и имуществу невинныхъ людей. Вся Украина имъ подвластна. Шляхтичъ не свободенъ въ своемъ собственномъ домѣ. Въ городахъ и мѣстечкахъ королевскихъ все управленіе, вся власть въ рукахъ козаковъ. Захватываютъ юрисдикцію, издаютъ законы“¹⁾.

Когда оказалось невозможнымъ сломить козацкій иммунитетъ, заинтересованные круги обращаютъ особое вниманіе на то, чтобы точною цифрою реестра ограничить контингентъ, которому принадлежатъ козацкія права, и чтобы это ограниченіе, этотъ реестръ дѣйствительно былъ проведенъ въ жизнь, чтобы всѣ не включенные въ реестръ козаки были лишены принадлежащихъ козакамъ правъ. Съ другой стороны, добиваются того, чтобы это привилегированное козачество было ограничено исключительно королевскими имѣніями и не имѣло доступа въ частныя владѣнія: если въ интересахъ военной службы государству этому военно-служилому козачеству необходимо уступить въ сферѣ владѣльческихъ правъ, то эта уступка должна быть сдѣлана за счетъ государства же, его владѣній, т. е. королевскихъ имѣній, а не за счетъ частныхъ правъ и доходовъ. Снова прошу припомнить аналогію съ „выбранцами“, набиравшимися тоже лишь изъ королевскихъ имѣній.

Комиссія 1619 г. впервые опредѣленно выдвинула этотъ принципъ. По ея постановленію козацкимъ иммунитетомъ могутъ пользоваться только вписанные въ реестръ козаки, живущіе въ королевскихъ имѣніяхъ; здѣсь—поставляются комиссары—козаки должны только показывать администраціи *wszelaką potrzebę* и въ случаѣ крайней нужды ѣздить на Татари съ мѣстной администраціей,—большаго отъ нихъ здѣсь не требуется, да и этого козаки вѣроятно не исполняли въ дѣйствительности. Реестровые же козаки, имѣющіе осѣдлость въ частныхъ имѣніяхъ, должны или перейти въ королевскія земли, или отказаться отъ козацкой юрисдикціи.

Такъ проектировали комиссары. Но въ козацкихъ кругахъ не допускали возможности, чтобы козакъ могъ подлежать власти и юрисдикціи помещика, и не хотѣли создавать подобнаго прецедента; поэтому въ худшемъ случаѣ—еслибы козацкая юрисдикція въ част-

¹⁾ Жерела VIII № 178.

ныхъ земляхъ не могла быть допущена, козацкая старшина вмѣняла козакамъ въ обязанность переходить въ королевскія имѣнія¹⁾. Но при этомъ козаки такое ограниченіе козацкаго иммунитета одними лишь королевскими имѣніями считали „за великій ущербъ въ вольностяхъ пожалованныхъ грамотами покойныхъ королей“. Это показываетъ, что въ частновладѣльческихъ земляхъ точно такъ же, какъ и въ королевскихъ, козаки все это время не признавали власти помѣщиковъ (объ этомъ впрочемъ свидѣлствуютъ и упомянутыя выше конституціи), и только за отсутствіемъ подобныхъ переписей, какіе имѣются для королевскихъ земель, мы не можемъ представить въ цифрахъ распространенія здѣсь козацкаго элемента. Напрасно король пояснял козацкому войску, что здѣсь дѣло идетъ уже о священныхъ правахъ собственности шляхты. „Король не можетъ у кого бы то ни было отобрать права собственности, освобождая подданныхъ отъ повинненія ихъ помѣщикамъ: онъ управляетъ свободнымъ народомъ“²⁾),—толковалъ онъ. Но козаки не могли понять этой аксіомы шляхетскаго права и продолжали настаивать, а не будучи въ состояніи добиться разрѣшенія—фактически не хотѣли подчиниться этой нормѣ.

Начиная со второго десятилѣтія XVII в. вопросъ о козацкой юрисдикціи въ частновладѣльческихъ земляхъ на долго становится предметомъ ожесточенныхъ споровъ и постоянно повторяемыхъ постановленій и вѣчные толки о выводѣ козаковъ показываютъ, что козаки никакъ не могли примириться съ этимъ принципомъ и одинаково не подчинялись помѣщичьей власти и юрисдикціи какъ въ королевскихъ, такъ и въ частновладѣльческихъ земляхъ. Они хотѣли имѣть одно козацкое право и одинъ козацкій строй для всего козачества, независимо отъ официальныхъ ограниченій, и независимо отъ мѣста жительства.

Къ концу XVI в. козачество сдѣлало уже довольно большіе успѣхи въ своей организаціи. Переписка 1594—1600 гг. и драгоцѣнныя записки Лассоты о его путешествіи въ Запорожьѣ въ 1594 г. даютъ довольно подробныя свѣдѣнія о ней³⁾.

¹⁾ Декларація 1619 г. Pisma Żółkiewskiego с. 330 и слѣд.

²⁾ Жерела VIII № 153 (1622).

³⁾ Какъ было сказано выше, Лассота въ качествѣ агента императора отправился на Запорожьѣ, чтобы склонить козаковъ къ

Дополнивъ ихъ указанія свѣдѣніями изъ другихъ современныхъ и болѣе позднихъ записокъ, можно составить себѣ уже довольно полное представленіе о формахъ тогдашняго козацкаго строя и козацкой жизни, какъ она развивалась въ этихъ формахъ.

Центръ тяжести этой организаціи лежитъ на „Низу“, и здѣсь на свободѣ отъ внѣшнихъ вліяній и препятствій главнымъ образомъ и развертывается этотъ организаціонный процессъ козачества.

Центромъ козачества была „Січ“ находящаяся въ 1594 г. на островѣ Базавлукѣ надъ Чортомлыкомъ, „или какъ они называютъ—на Чортомлыцкомъ Днѣприцѣ“¹⁾). Она распоряжалась козацкими силами Низа и козацкимъ населеніемъ „живущимъ по городамъ и селамъ и причисляющимъ себя къ Запорожцамъ“²⁾); благодаря этому она „пользовалась большимъ авторитетомъ не только на Украинѣ, но и во всей Польшѣ“³⁾). Численныя силы козачества Лассота лѣтомъ 1594 г. опредѣлялъ такъ: около трехъ тысячъ мобилизованнаго войска находится на Низу, и нѣсколько тысячъ можна собрать изъ козаковъ, находящихся подъ верховенствомъ Запорожскаго войска и живущихъ на Украинѣ⁴⁾); въ моментъ его прибытія 1300 козаковъ были въ походѣ съ гетманомъ во главѣ, 400 козаковъ были разставлены въ засадахъ въ заросляхъ и камышахъ на татарской переправѣ, гдѣ они подстерегали Татаръ; остальные находились въ Сѣчи и въ разныхъ пунктахъ Низа⁵⁾). Сама козацкая старшина въ письмѣ къ императору исчисляла количество козацкаго войска для далекаго похода въ 6 тысячъ „старыхъ козаковъ, избранныхъ людей“, не считая земледѣльческаго козацкаго населенія „въ пограничныхъ краяхъ“⁶⁾). Кромѣ

диверсіи на Татаръ; онъ былъ въ Сѣчи отъ 9/VI до 2/VII 1594 и довольно подробно описалъ это путешествіе и свои переговоры съ Запорожскимъ войскомъ въ своемъ дневникѣ, обнимающемъ 1573—1594 гг. Разсказъ сухъ, лишенъ прикрасъ, но очень обстоятеленъ; родомъ Силезецъ, Лассота понималъ немного по-украински и приводитъ украинскія выраженія, но часто полонизируетъ ихъ, либо замѣняетъ польскими. Его дневникъ изданъ въ 1866 г. подъ заглавіемъ: *Tagebuch des Erich Lassota von Steblau, herausg. von R. Schottin* (цитирую по этому изданію); русскій переводъ съ комментаріями Ф. Бруна: *Путевыя записки Эриха Лассоты*, Спб., 1873, и въ Мемуарахъ, относящихся къ исторіи Южной Руси, изданныхъ подъ редакціей иск. Антоновича, кн. I (1880).

¹⁾ Лассота с. 210. ²⁾ Ibid. с. 216.

³⁾ Ibid. с. 219. ⁴⁾ Ibid. с. 216. ⁵⁾ Ibid. с. 210.

⁶⁾ *Ausserhalb des Landsvolkes an Gränzen*, с. 222.

того, были еще козацкіе отряды, которыхъ Запорожье не считало своими— „не знало ихъ и знать не хотѣло“¹⁾). Если во время кампаніи 1596 года, по польскимъ извѣстіямъ, всего въ козацкомъ войскѣ было около 10 тыс.²⁾, то общій козацкій контингентъ въ 1590-хъ годахъ съ увѣренностью можно считать вдвое большимъ. Хорошо знакомый съ положеніемъ украинскихъ дѣлъ епископъ Верещинскій, мечтая о крестовомъ походѣ на Крымъ съ козаками, исчисляетъ козацкія силы въ 20 тыс.³⁾.

Козацкое войско довольно хорошо оборудовано и организовано. Въ Сѣчи расположена козацкая артилерія; приѣздъ и отъѣздъ пословъ салютуются пушечными выстрѣлами. Есть и военная музыка. Когда Лассота съ козацкими послами выѣзжалъ изъ Сѣчи, гремѣли войсковые барабаны и трубы, раздавались выстрѣлы изъ пушекъ⁴⁾. Рѣшеніе идти на войну съ Татарами, принятое войсковою радюю, тоже было салатовано военною музыкою и стрѣльбою⁵⁾. Подъ Кіевомъ мы видѣли козацкое войско на лодкахъ тоже съ музыкою. Въ реестрѣ 1601 г. видимъ войсковыхъ „сурмачей“, „трубачей“ и „довбышей“ (барабанщиковъ)⁶⁾. Должна была быть войсковая казна, гдѣ про случай сохранялись разныя цѣнныя вещи (такъ Лассота получаетъ въ подарокъ шубу изъ куницъ и шапку изъ чернобурыхъ лисицъ)⁷⁾. Была своя флотилія, изъ самодѣльныхъ чаетъ и захваченныхъ у Турокъ суденъ: Лассоту съ послами отравили на турецкомъ „сандаля“⁸⁾. Былъ конный ремонтъ: не только лѣтомъ, но и зимою кормились въ степяхъ козацкіе табуны, и Лассота говоритъ, что мѣстомъ ихъ пребыванія служилъ островъ Хертица⁹⁾.

Войско дѣлится на полки, состоящіе изъ пятисотъ козаковъ;

¹⁾ Listy с. 66.

²⁾ См. выше подсчетъ войска подъ Лубнами, носивъ огромныхъ потерь въ предшествующихъ битвахъ. Такимъ образомъ подсчетъ Хлюпицаго, что козацкаго войска можетъ быть отъ 8 до 10 тыс. (Лассота с. 216) собственно не былъ преувеличеннымъ, хотя Лассота и опровергаетъ его: несомнѣнно въ такомъ количествѣ войско можно было дѣйствительно собрать, не жалѣя денегъ и принимая въ войско безъ большого разбора.

³⁾ Письмо изд. въ прибавленіяхъ у Стороженба с. 314.

⁴⁾ Ор. с. с. 223, ср. 210.

⁵⁾ с. 214. ⁶⁾ См. ниже с. 282.

⁷⁾ с. 220 (иное говоритъ Папроцкій, см. ниже с. 388).

⁸⁾ с. 223. ⁹⁾ с. 210.

во главѣ полка полковникъ¹⁾. Полкъ дѣлится на сотни, которыми командуютъ сотники. Сотни состоятъ изъ десятковъ, съ атаманами во главѣ²⁾. За порядкомъ въ войскѣ слѣдятъ эсаулы, „асауули“, состоящіе при гетманѣ—они напр. созываютъ козаковъ на раду, и Лассота приравниваетъ ихъ къ „лейтенантамъ“³⁾. Довольно подробную схему козацкаго войска начала XVII в. даетъ намъ записка о выплатѣ „жолду“ Запорожцамъ на ливонскую войну⁴⁾. Здѣсь перечислены: „гетманъ“, „обозный“, „писарь“, четыре „полковника“, восемь „осауловъ“, 20 „сотниковъ“, 152 „десятника“, 16 „прапорниковъ, сурмачей, барабанщиковъ (bembenicze) и трубачей“, 1799 рядовыхъ („черныхъ пахолковъ“), 12 пушкарей, 20 погонцевъ; всего 2032 человекъ. Такимъ образомъ имѣемъ: четыре полка по 500 человекъ приблизительно въ каждомъ; полкъ состоитъ изъ пяти сотенъ, сотня имѣетъ неполный десятокъ куреней или десятковъ, съ десятниками или атаманами во главѣ. Но это былъ офици-

¹⁾ Хлопицкій ein Polkownik, das ist ein bevehlshaber über fünf hundert Man—с. 220, ср. письмо Саська отъ 1595 г., въ которомъ онъ подписался „poikownik woyska zaporoskiego“—Listy с. 64, полковники въ письмѣ Кишин 1600 г.—см. ниже. Такимъ образомъ Кулишъ напрасно доказывалъ, что полковниковъ козацкихъ въ то время не было (Ист. возсоед. II с. 37—8)—на томъ основаніи, что ихъ нѣтъ въ письмѣ Косинскаго. Но возможно, что чинъ этотъ только что входилъ тогда въ употребленіе и поэтому упоминается довольно рѣдко.

²⁾ Сасько Федоровичъ и Ничипоръ. unsers Kriegsvolcks bevehlshaber über hundert Man—Лассота с. 222; сотники въ письмѣ Косинскаго 1593 г.—см. ниже; „сотни въ войска... козаковъ гетмана Лободы“—въ процессѣ 1596 г. (Архивъ Ю. Э. Р. III. I № 35), сотни и сотники Наливайка—Ист. возсоед. II, приб. с. 437. Десятки съ атаманами въ реестрѣ 1581 г.—Źródła XX с. 154 и выше с. 155.—6. „Атаманья“ въ цитированномъ письмѣ Косинскаго, ср. письмо Байбузы—Listy № 60; въ упомянутомъ процессѣ 1596 г. Ганскій „ся озывалъ атаманомъ сотни того то Слуцкого“; наконецъ полковники, сотники и атаманы—въ письмѣ Кишин 1600 г., Жюрела VIII № 72.

³⁾ jassawuli, welches bewehlshaber und etwan wie Leutnantt möchten gerechnet werden—Лассота с. 214.

⁴⁾ Киевская Старина 1896 кн. 2, ср. Górski Historia piechoty с. 243; этотъ другой реестръ нѣсколько иной, десятниковъ здѣсь 157, и есть еще другая разница въ цифрахъ: плата гетману—200 зол., эсаулу по 25; въ концѣ pro plumbo, pulvere pixidario 500 fl., pro rannis 12.640 fl.

альный подсчетъ, а въ действительности въ полку и тогда бывало больше чѣмъ по 500 душъ—очевидцы испчисляли козаковъ, участвовавшихъ въ ливонской войнѣ въ 4 тыс., а позднее, съ ростомъ козачества, на ряду съ официальными полками были еще, такъ сказать, сверхштатные полки, и въ полкахъ по нѣскольку тысячъ козаковъ—напр., въ Хотинской кампаніи насчитывается 11 полковъ, въ каждомъ отъ 1600 до 4000 тыс. козаковъ¹⁾. При каждомъ полку имѣется знамя, сурмачъ, барабанщикъ, трубачъ (какая разница между трубачемъ и сурмачемъ, остается неяснымъ). Восемь эсауловъ, вѣроятно, всѣ состояли при гетманѣ, какъ его адъютанты и штабные офицеры. Артиллерію завѣдуетъ обозный, въ рангѣ полковника. Канцелярію ведетъ писарь. Цифры жалованья даютъ представленіе объ отношеніи этихъ должностей: гетманъ получаетъ 120 зл. въ четверть года, полковники и обозный по 30, эсаулы по 26, сотники по 15, писарь только 10, десятники по 9, пушкари по 12, музыканты и знаменосцы по 8, рядовые козаки по 7, возчики по 3.

Какъ видимъ, служба писаря цѣнилась очень не высоко по сравненію съ военною, какъ ни важно было положеніе этого канцлера войска. Онъ изготовляетъ и контрастируетъ всѣ важнѣйшія бумаги, выходящія отъ имени войска: „Иванъ Кречковичъ, писарь войсковый, именемъ всего войска“, какъ читаемъ на деклараціи Косинскаго 1593 г.²⁾. Въ нашемъ распоряженіи имѣются главнымъ образомъ бумаги, адресованныя польскимъ властямъ и по польски, въ обычномъ тогда эпистолярномъ стилѣ. Но есть грамоты и письма украинскія³⁾. Кромѣ подписей они скрѣпляются войсковою печатью⁴⁾. Древнѣйшій изъ описанныхъ оригиналовъ, отъ 1603 г. (гетмана Крутневича), съ печатью войска запорожскаго; печать оттиснута на бумагѣ, имѣетъ

¹⁾ Жерела VIII с. 250.

²⁾ Архивъ Ю. З. Р. III I с. 56.

³⁾ Напр. древнѣйшее изъ извѣстныхъ въ настоящее время гетманскихъ писемъ—Микошинскаго отъ 1586 г. (Listy с. 34), также вышеуказанная декларація Косинскаго 1593 г., грамота Крутневича отъ 1603 г. (К. Стар. 1896, I).

⁴⁾ Dessen zu urkundt und mehrer gevisseheit haben Wir unsern gesandten diesen volmachtbrieff mitgeben, somit unter des Kriegsvolcks insigill verfertigt und von unseren schreiber Liew Woronowicz mit eigener Handt unterschrieben worden—вѣрующая грамота посланъ у Лассоты с. 222.

изображеніе козака съ надписью вокругъ: „печать войска Запорожскаго“¹⁾).

Въ своихъ письмахъ и грамотахъ войско козацкое обыкновенно титулуется себя „войскомъ запорожскимъ“, охотно также называетъ себя „рыцарствомъ запорожскимъ“, или „рыцарствомъ войска запорожскаго“²⁾, а въ грамотѣ Миколлинскаго 1594 г., переданной въ нѣмецкомъ переводѣ Лассотою, оно называется „вольнымъ войскомъ запорожскимъ“³⁾. Этотъ послѣдній титулъ несомнѣнно хорошо передаетъ указанный выше взглядъ козаковъ на себя, какъ на самостоятельную политическую силу, которая только сама собою распоряжается и ни отъ кого не зависитъ⁴⁾. Козаки продаютъ свою службу соседнимъ государямъ, какъ польскому королю, такъ и другимъ владѣтелямъ, но если въ своихъ письмахъ называютъ себя „нижайшими слугами“, короля, императора или кого иного, то это съ ихъ стороны только форма, этикетъ—и на такія учтивости, ничего не стоящія и ни къ чему не обязывающія, козачество было очень щедро. Но когда въ 1620 годахъ польское правительство слишкомъ надоѣло имъ своими напоминаніями, чтобы они не нарушали мира съ Турками, войско козацкое въ концѣ концовъ дало такой отвѣтъ: „Знаемъ, что король помирился съ турецкимъ султаномъ—но не мы!“⁵⁾.

Другъ друга козаки называютъ „товарищами“ (терминъ, принятый и въ польскомъ войскѣ)—напр. въ письмѣ 1597 г. гетманъ Василевичъ проситъ польскую администрацію оказать довѣріе „товарищамъ нашимъ Подвысоцкому и Г. Рожѣ“⁶⁾. Употребляется названіе „товариство“ и для обозначенія известной части, или цѣлаго войска—Байбуза напр. жаловался на разгромъ „товариства нашего“⁷⁾. Съ польской стороны вѣжливо титуловали козаковъ „молодцами“, или „панами молодцами“ (panowie młodszy)⁸⁾.

¹⁾ К. Старина 1898, I с. 3.

²⁾ Напр. письмо Байбузы 1598 г.

³⁾ Ich Bochdan Mikossinssky hauptmann der Zaporoser sampt der ganzen Ritterschaft des freyen Zaporosischen Kriegsvolcks — с. 222. ⁴⁾ Выше с. 180. ⁵⁾ Жереля VIII № 179.

⁶⁾ Ркп. библ. орд. Замойскаго.

⁷⁾ Listy с. 89. Это то, что Лассота передаетъ словомъ Gesellschaft (напр. с. 210, 216 и др.).

⁸⁾ Напр. письмо С. Баторія отъ 1578—9 гг.—Acta S. Batorii

Выбранный войсковой старшина величается „гетманом“, или „старшим“. Гетманъ—титულъ не официальный: это слово имѣло широкое употребленіе въ современномъ украинскомъ и польскомъ обществѣ въ значеніи главнаго начальника вообще, и такой титулъ принимается одинаково къ назначеннымъ правительствомъ и выборнымъ вождямъ козачества; гетманами называются и Ориповскій, и братья Ружинскіе, и козацкіе вожди собственного поставленія и выборные вожди козаковъ 1590-хъ гг. ¹⁾. И сами козацкіе вожди величаютъ себя гетманами, даже въ официальныхъ бумагахъ, даже въ сношеніяхъ съ польскими властями—напр. Полоусъ подписывается въ своемъ письмѣ къ кн. Радзивиллу: *Phiedor Polous hetman woyska zaporożskiego u wszystko rycerstwo* ²⁾; Шаула въ письмѣ къ кн. Ружинскимъ: *Mathwiey Sawula Hethman i wsze Ryczersthwo Zaporowskie* ³⁾; Василевичъ въ своемъ универсалѣ къ украинской шляхтѣ: *Innath Wasilowicz Hetman ze wszitkim woiskiem zaporowskim*; Байбуза въ письмѣ къ каневскому подстаростѣ: *Tychon Baybuza Hetman wssitkiego woyska Zaporoskiego* ⁴⁾; Микошинскій въ вѣрительной грамотѣ посламъ къ императору тоже титулуется себя гетманомъ ⁵⁾. Оставляю въ сторонѣ Наливайка, тоже титулующаго себя гетманомъ ⁶⁾ въ своихъ письмахъ къ коронному гетману и королю—но и Кишка въ письмѣ къ королю 1600 г. титулуется себя точно такъ же ⁷⁾. Но король въ отвѣтѣ называетъ его только старшимъ (*Starszeim i rycerstwu woyska zaporożskiego*) ⁸⁾, и этимъ болѣе скромнымъ именемъ часто титулуютъ себя и сами козацкіе вожди, напр. Лобода въ письмѣ нач. 1596 г.—*Gregory Loboda*

с. 131, 136, Претвича 1596 г.—*Listy* с. 55, Замойскаго отъ 1600 г.—*ib.* № 74, короля отъ 1620 г.—*рпц. библ. Замойскаго*, и др.

¹⁾ Гетманъ Ориповскій—напр. въ письмѣ Баторія, *Acta S. Batorei* с. 436, у Бѣльскаго с. 1360 и въ процессѣ 1586 г.—*Архивъ VII. I № 35*; гетманъ М. Ружинскій—въ протестѣ кievскаго магистрата, *Архивъ III. I № 7*; гетманъ Лобода—напр. въ письмахъ Острожскаго (*Кулинск. Ист. воссоединенія* с. 431 и д.), *Архивъ Ю. З. Р. III. I № 26, 35*.

²⁾ *Археогр. сборникъ VII № 39.* ³⁾ *Listy № 48.*

⁴⁾ *Рпц. библ. Замойскаго.* ⁵⁾ *Лассота с. 222.*

⁶⁾ „Семерій Наливайко, запорожскій гетманъ“ въ письмѣ къ коронному гетману 1594—*Listy № 41, Semery* (по ошибкѣ напечатано: *Semexy*) *Nalewayko Hetman i wszystko* въ письмѣ къ королю 1596 г.—*Broel-Plater II с. 218.*

⁷⁾ *Жерела VIII № 72* (см. ниже). ⁸⁾ *Ibid. № 73.*

starszy nad woyskiem zaporożskim y wszystko Rycerstwo Zaporoskie, и тотъ же Байбуза въ письмѣ къ гетману польному ¹⁾ „Старшимъ“ называетъ козацкаго начальника и конституція 1691 г. Такимъ образомъ это до нѣкоторой степени официальный титулъ.

Старшій избирается войскомъ, и этимъ правомъ выбора своего верховнаго вождя, войско очень дорожить. Только крайнимъ оппортунизмомъ, стремленіемъ за какую угодно цѣну добыть помощь отъ правительства, чтобы уничтожить противную партію, была продиктована просьба Байбузовцевъ во время ихъ борьбы съ Полоусовцами, чтобы правительство само назначило имъ старшого. Когда правительство, исполняя постановленіе сейма, при посредствѣ комисіи 1617—9 гг. хотѣло добиться, чтобы старшій назначался королемъ или гетманомъ, войско упорно противилось этому. Въ деклараціи 1617 г. оно стоитъ на томъ, что старшій долженъ избираться „нами самими, никѣмъ другимъ“, и только утверждаться правительствомъ ²⁾. А во время переговоровъ 1619 г., не считая возможнымъ отстаивать этотъ принципъ также упорно, чтобы не довести до конфликта съ правительствомъ, оно все таки въ дѣйствительности не находило возможнымъ принимать назначенныхъ имъ старшихъ, и на практикѣ въ войскѣ могъ распоряжаться только старшій, котораго хотѣло войско.

Выборный старшій вѣдаетъ войсковыя дѣла, совершенно не считаясь съ официальными вождями козачества: въ переговорахъ съ козаками 1594 г., въ ихъ совѣщаніяхъ нигдѣ нѣтъ указанія на то, что козаки считались съ волею или даже хотя бы съ существованіемъ такихъ официальныхъ своихъ вождей; для нихъ они, какъ я уже отмѣтилъ, самое большее были только посредниками въ сношеніяхъ съ польскимъ правительствомъ—да и то лишь тогда, когда это посредничество было нужно войску. Зато непремѣннымъ участникомъ всѣхъ важнѣйшихъ дѣлъ является само войско, черезъ посредство своей рады. На это участие войска указываетъ и обычная формула гетманскихъ бумагъ, гдѣ наряду съ гетманомъ упоминаются обыкновенно и войсковыя власти и самое войско („со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ“). Какъ примѣръ особенно обстоятельной формулы можетъ послужить пись-

¹⁾ Tichon Baybusa starszy, atamanu y wszystko woisko Zaporoskie—Listy № 60.

²⁾ Pisma Żółkiewskiego с. 32.

мо гетм. Кишки отъ 1600 г., въ концѣ котораго фигурируетъ:
„Самойло Кишка гетманъ, полковники, сотники и все рыцарство
вашей кор. мил. войска Запорожскаго“¹⁾).

Разсказъ Лассоты довольно подробно знакомитъ насъ съ практикою козацкаго самоуправленія²⁾. Дѣла обсуждаются либо въ болѣе тѣсной радѣ старшины—совѣтѣ гетмана, или на общей радѣ. Ту и другую Лассота называетъ „коломъ“—возможно, что она называлась такъ и въ дѣйствительности, по аналогіи съ „коломъ рыцарскимъ“ у польскаго войска: это названіе имѣетъ то же значеніе, что и „войсковый кругъ“ донскіихъ и др. козаковъ и соотвѣтствуетъ дѣйствительному виду рады, имѣвшей форму круга, въ центрѣ котораго находилась старшина. Всѣ болѣе важныя дѣла предоставляются рѣшенію общей войсковой рады. Созываетъ ее обыкновенно гетманъ, собирая черезъ своихъ эсауловъ все имѣющееся на лицо войско. Но иногда рада собирается и по собственной инициативѣ. Если возникаютъ болѣе трудные вопросы во время совѣщанія, то рада для болѣе обстоятельнаго обсужденія ихъ или избираетъ изъ своей среды делегатовъ, то-есть передаетъ вопросъ въ комиссію, или поручаетъ дѣло старшинѣ, та и другая результаты своихъ совѣщаній представляютъ общей радѣ. Общая рада разбивается такимъ образомъ на двѣ рады—болѣе тѣсную и болѣе широкую раду войска, ожидающаго доклада первой рады³⁾. Однако бываетъ и такъ, что общая рада рѣшаетъ вопросъ, не ожидая доклада болѣе тѣсной рады, и навязываетъ свое рѣшеніе послѣдней. Вообще на радѣ войско держится по отношенію къ старшинѣ совершенно свободно и непринужденно и эта склонность войска тотчасъ же обо всемъ совѣщаться всей массою, легко поддаваясь самогипнозу толпы, была слабой стороною козацкой организаціи; однако съ теченіемъ времени эта черта ослабѣваетъ. *Ultima ratio*—гетманъ отказывается отъ управле-

1) Жерела VIII № 72.

2) Тексты приведу сейчасъ ниже.

3) У Лассоты выходитъ такъ, что старшина уммышленно удалялась или бывала удаляема изъ общей рады—якобы для того, чтобы не стѣснять ея во время совѣщанія; но въ другихъ источникахъ не встрѣчаемся съ такой практикой, и возможно, что Лассота не понялъ этого явленія. Ср. разсказъ польскихъ комиссаровъ 1619 г. о томъ, какъ рада, въ виду невозможности вести переговоры въ полной радѣ, позволила, чтобы гетманъ съ нѣсколькими десятками другихъ старшинъ вышелъ изъ рады и велъ переговоры съ комиссарами отдѣльно.

нія, то есть ставить вопрос о доверіи. Рѣшеніе рады объявля-
ется крикомъ и бросаньемъ шапокъ. Больше точнаго подсчета го-
лосовъ или констатированія большинства нѣтъ—оно принимается
на глазъ. „Какъ избирается гетманъ безъ опредѣленнаго поряд-
ка¹⁾, не подачею голосовъ, а однимъ крикомъ и бросаньемъ ша-
покъ на кандидата, такъ и лишается власти часто капризомъ
черни“, говоритъ позднѣйшій Собѣскій²⁾. Въ принципѣ рѣшеніе,
очевидно, должно быть единогласнымъ, и большинство старается
склонить къ своему мнѣнію несогласныхъ съ нимъ даже угро-
зами и терроромъ. Формъ представительства нѣтъ. Вообще своей
примитивностью и хаотичностью войсковая рада сильно напоми-
наетъ старое украинское вѣче. Вліянія польскихъ военныхъ,
конфедераціонныхъ обычаевъ XVI—XVII в., тоже довольно вѣ-
роятны, дѣйствовали, очевидно, въ такомъ же направленіи на
формы козацкаго самоуправленія.

Среди старшины и верхнихъ слоевъ козачества, являющихся
его официальнымъ и неофициальнымъ штабомъ, и въ это время было
не мало людей шляхетскаго происхожденія. Мы видѣли напр., что
Вайбуза, жалуясь на своевольтва Полоуса, разбившаго козацкій
отрядъ изъ 120 человекъ, посланный подъ предводительствомъ
эсаула Скалосуба на татарскіе перевозки, указываетъ, что при
этомъ погибло „нѣсколько десятковъ человекъ почтенныхъ шлях-
тичей, людей дѣйствительно знатныхъ“³⁾. Не говоря уже объ
отдѣльных шляхетскихъ единицахъ, скомпрометированныхъ во
время козацкихъ движеній 1590-хъ годовъ⁴⁾, мы въ это время
видимъ во главѣ козачества такихъ родовитыхъ украинскихъ
шляхтичей, какъ Вайбуза, Кишка. И двадцать лѣтъ спустя сре-
ди козацкихъ дѣлегатовъ при переговорахъ съ польскими коми-
сарами, встрѣчаемъ цѣлый рядъ шляхетскихъ именъ, украинскихъ
и польскихъ⁵⁾. Правда, въ подобныя делегаціи они могли вы-
браться умышленно, ввиду ихъ задачъ—переговоровъ съ поль-
скими вождями; но во всякомъ случаѣ, шляхетскаго элемента въ
верхнихъ слояхъ козачества было достаточно, и оно оказываетъ
нѣкоторое вліяніе на формы козацкихъ отношеній, на ходячіе
взгляды козачества, въ духѣ формъ и взглядовъ шляхетскихъ.

¹⁾ Tumultuario modo. ²⁾ Commentarii с. 113.

³⁾ Listy с. 89. ⁴⁾ См. мои „Матеріали до іст. коз. рухів“.

⁵⁾ Pisma Żółkiewskiego с. 322, 338, и др.

Представленную выше схему козацкаго устройства, извлеченную из наших источниковъ, оживимъ нѣсколькими картинками изъ рассказовъ Лассоты и другихъ матеріаловъ.

„На Базавлукѣ, пишетъ Лассота ¹⁾, козаки имѣли тогда свой лагерь. Нѣсколько лицъ изъ болѣе важныхъ и уважаемыхъ было отправлено, чтобы привѣтствовать насъ отъ имени всего товариства, а когда мы пріѣхали, раздались многочисленныя выстрѣлы изъ пушекъ. Какъ только мы вышли на берегъ, тотчасъ же насъ провели въ „коло“. Такъ какъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ гетманъ Богданъ Миконинскій на 50 лодкахъ, съ 1300 войска, выѣхалъ въ море, то мы въ „колѣ“ заявили, что мы весьма довольны, заставъ здѣсь рыцарское товариство въ добромъ здоровьи, но въ виду того, что pana гетмана на-лицо нѣтъ, и войско не все въ сборѣ, то мы на этотъ разъ не хотѣли бы приступить къ предмету нашего посольства, а предпочли бы отложить это до счастливаго возвращенія гетмана и прочихъ. Они согласились на это съ удовольствіемъ, и мы пошли въ наши хижины которыя они называютъ „кошами“—сдѣланныя изъ камыша и накрытыя отъ дождя конскими шкурами“.

„20 іюня имѣли мы „аудиенцію“ и передали „колу“ порученное намъ. Потомъ они попросили насъ отойти и, прочитавъ во всеуслышаніе переданное нами письмо, потребовали, чтобы каждый изъ присутствующихъ высказалъ свое мнѣніе. Когда же въ отвѣтъ на первое и второе приглашеніе всѣ молчали, тогда, по обычаю, существовавшему у нихъ при рѣшеніи болѣе важныхъ вопросовъ они раздѣлились на два „кола“—въ одномъ находились старшины ²⁾, въ другомъ простой народъ, называемый у нихъ „черню“ ³⁾. Послѣ долгихъ совѣщаній чернь рѣшила наконецъ своимъ обычнымъ крикомъ идти на службу его импер. величества, въ знакъ чего бросала вверхъ шапки. Затѣмъ они немедленно прибѣжали къ другому „колу“, старшинскому, и грозили ему, что они побросаютъ въ воду и утопятъ, если бы кто-нибудь противился ⁴⁾. Но старшина сейчасъ согласилась, такъ

¹⁾ С. 210; въ кавычкахъ привожу подлинныя выраженія Лассоты. ²⁾ Die bevehishaber. ³⁾ Czerna.

⁴⁾ Обычай топить виновныхъ или сопротивляющихся упоминается въ исторіи Зборовскаго: oni go za tym wskazaniem karać chcieli podług zwyczaju swego: opasawszy mocno piasku za nadre nasurać a w wodę wrzucić (с. 281). Такъ кончили козаки съ Глембоцкимъ а позже съ Грековичемъ.

какъ не могла противиться черни: она сильнѣе и могущественнѣе ея и разъярившись, не терпѣтъ противорѣчій. Старшины хотѣли только, чтобъ имъ предоставили поговорить съ нами объ условіяхъ и, выбравъ 20 депутатовъ, насъ снова позвали въ „коло“. Депутаты посреди большого „кола“ устроили малое „коло“, усѣлись на землю, и послѣ длиннаго совѣщанія позвали насъ къ себѣ, и мы сѣли среди нихъ. Тогда они заявили намъ, что они всё готовы служить его императору величеству и жертвовать для него своею жизнью. Противъ того, что бы имъ идти въ Молдавію, перейти за Дунай и напасть на Турцію, они ничего не имѣли бы, но есть много затрудненій, удерживающихъ ихъ и служащихъ препятствіемъ. Во первыхъ—они не имѣютъ лошадей ни для себя, ни подъ пушки, совершенно потерявъ ихъ: Татары послѣдней зимою въ семи нападѣніяхъ захватили и угнали у нихъ больше двухъ тысячъ лошадей, такъ что у нихъ не осталось полныхъ четырехъ сотъ. Далѣе—съ такою небольшою горстью—тремя тысячами человекъ они не отважились бы идти въ Молдавію, такъ какъ не очень вѣрятъ „господарю“, а Молдаване по своей природѣ народъ ненадежный и вѣроломный, и они хорошо знаютъ ихъ невѣрность. Въ третьихъ—при такомъ небольшомъ вознагражденіи и неувѣренности они не могутъ обязаться службой такъ, какъ мы этого хотѣли, и пуститься въ такой дальній путь. Они требовали, чтобы я указалъ имъ способъ достать лошадей—но взялся ли бы я добыть имъ нѣсколько сотъ коней у воеводы брацлавскаго—для нихъ подъ пушки. Говорили, что не въ ихъ обычаѣ служить и пускаться въ походы на неопредѣленныхъ условіяхъ; если бы я отъ имени его импер. величества заключилъ съ ними условіе, сколько будетъ имъ положено въ четверть года съ одной лошади¹⁾, то они съ своей стороны приложили бы всё старанія сдѣлать что-либо“. Когда Лассота увѣрилъ ихъ, что ихъ служба не останется безъ вознагражденія и уговаривалъ все-таки отправиться въ предложенный имъ и походъ—„они свидѣтельствовали Богомъ, что имѣютъ всякое желаніе послужить его импер. велич.,—но я уже слышалъ отъ нихъ о тѣхъ трудностяхъ и важныхъ причинахъ, какія на этотъ разъ не позволяютъ имъ пускаться въ такой далекій путь. Однако, чтобы засвидѣтельство-

¹⁾ Это очевидное вліяніе польской практики найма козаковъ и вообще всякаго войска—самое меньшее на одну четверть (три мѣсяца).

вать, передъ его импер. вел. свою готовность и расположеніе, они готовы сейчасъ послать своихъ пословъ и дать имъ полномочія заключить условіе относительно ихъ содержанія¹⁾, а сами за это время поищутъ себѣ лошадей, и вмѣстѣ съ тѣмъ не будутъ сидѣть безъ дѣла, а покажутъ его импер. велич. свою службу на морѣ, и, если это будетъ въ человѣческихъ силахъ и погода будетъ благопріятствовать, они нападутъ на Билию и Бабу—два важныхъ турецкихъ города на Дунаѣ, или разрушатъ Перекопъ—главный городъ крымскихъ татаръ, лежавшій въ 16 миляхъ отъ нихъ прямою дорогою и немного дальше моремъ“. Однако Лассота отвѣтилъ имъ на это новыми уговорами, чтобы козаки шли сейчасъ въ Молдавію, какъ того хотѣлъ императоръ, и уже съ дороги отправили къ нему пословъ. Когда „ясвулы“—начальники, которыхъ можно приравнять къ поручикамъ (lieutenants)—объшли большое „коло“ и довели все это до всеобщаго свѣдѣнія, тогда чернь снова отошла въ сторону и, составивъ отдѣльное „коло“, приняла все это на своемъ совѣщаніи новымъ общимъ крикомъ²⁾ и бросаніемъ шапокъ. Когда мы послѣ этого выходили изъ „кола“, войско приказало бить въ барабаны и трубы и дало десять выстрѣловъ изъ пушекъ, а ночью было пущено нѣсколько ракетъ“.

„Но въ тотъ же самый вечеръ нѣкоторые безпосильныя голы вмѣстѣ съ болѣе защитными козаками³⁾—какъ-то звѣроловы, или хозяева суденъ и „чолновъ“⁴⁾, обратились къ простому народу и, переходя отъ куреня къ куреню, представляли имъ дальность и опасность пути и совѣтовали хорошенько подумать надъ тѣмъ, что дѣлаютъ, чтобы послѣ не расканиваться: присланное вознагражденіе мало и незначительно, и съ нимъ невозможно пускаться въ такую дальнюю дорогу и имъ удовольствоваться, въ виду того что среди нихъ есть много бѣдныхъ товарищей—что они будутъ дѣлать съ этими деньгами и что прежде всего начнутъ покупать хлѣбъ на пропитаніе или коня? Его импер. велич. можетъ завести ихъ въ дальнія страны, а послѣ, когда уже не будетъ въ нихъ нуждаться—отправить съ чѣмъ-нибудь, тѣмъ болѣе, что они не имѣютъ отъ него никакого обезпеченія—никакого письменнаго, скрѣпленнаго печатами, договора. Такими и по-

¹⁾ T. e. платы. ²⁾ Cum solenni acclamatione.

³⁾ Собственно имѣющими лучшее пропитаніе—denjenigen so alda ihre guete Nahrung haben.

⁴⁾ Die Wildtschützen und die so ihre aigne schiffe oder czolne haben.

добными словами простой народъ былъ очень встревоженъ и когда на другой день, т. е. 21 іюня, рано утромъ они снова собрались въ „коло“, то говорили совсѣмъ иначе: что въ такіа рискованныя предпріятія они не могутъ и не хотятъ пускаться, къ тому же не зная, есть ли дѣйствительно деньги или нѣтъ, и кто будетъ имъ платить, такъ какъ они не имѣютъ никакой грамоты отъ его имп. вел. и на обѣщанное въ будущемъ вознагражденіе или подарка нѣтъ никакого письменнаго обезпеченія и они послали къ намъ, въ наше помѣщеніе нѣсколькихъ, чтобы извѣститъ насъ обо всемъ этомъ“. Лассота отвѣтилъ на это, что деньги онъ можетъ передать тотчасъ же, какъ только они примутъ предложеніе, и показалъ свою инструкцію съ императорскою печатью. „Они съ этимъ отвѣтомъ вернулись въ „коло“, но оно оставалось при своемъ. Тогда гетманъ съ нѣсколькими наиболѣе видными людьми—среди нихъ и Лобода, бывший гетманомъ передъ этимъ, въ то время когда былъ разрушенъ Бѣлгородъ,—начали просить и убѣждать, чтобы хорошенько подумали надъ тѣмъ, что дѣлаютъ, и не отвергали предложенную имъ императорскую милость и предложеніе, которое должны считать за великую честь для себя; они осмѣливать себя, если не примутъ участія въ такой похвальной „импрезѣ“ противъ исконнаго врага христіанскаго имени и не согласятся на предложеніе, милостиво имъ одѣланное такимъ высокимъ властелиномъ. Когда же и послѣ этого они продолжали держаться своего рѣшенія,—гетманъ разгнѣвался и передъ „коломъ“ отказался отъ своей власти—сложили гетманство, говоря, что если они такъ мало заботятся о своей чести, славѣ и добромъ имени, то онъ не хочетъ больше быть ихъ гетманомъ, и съ этимъ „коло“ разошлось“.

„Послѣ обѣда эсаулы вновь созывали товарищество ¹⁾ въ „коло“—иногда пуская въ ходъ даже кія для этого. Тогда оно стало прежде всего просить Микошинскаго снова принять гетманство, и онъ согласился. Потомъ много говорилось довольно странныхъ вещей о Хлопицкомъ ²⁾, между прочимъ—что онъ своимъ ложнымъ заявленіемъ ввелъ въ заблужденіе не только его имп. вел., но и насъ. Нѣкоторые открыто говорили, что его нужно

¹⁾ Die gesellschaft.

²⁾ Хлопицкій вызвалъ это императорское посольство, явившись въ императору въ роли козацкаго посла.—см. выше с. 255.

бросить въ воду,—чѣмъ привели его въ несобственно хорошее па-строение“¹⁾.

„Утромъ, 23 іюня они собрались въ „коло“ и прислали къ намъ, въ наше помѣщеніе, нѣсколькихъ депутатовъ и объяснили намъ, что мы не должны понимать это такъ, какъ будто они не хотятъ послужить его импер. вел., но мы сами знаемъ о недостаткѣ у нихъ лошадей.—еслибъ не это, они бы показали себя. На это я выразилъ желаніе выработать условія, на которыхъ возможно соглашеніе, и предложить ихъ „колу“.

„Съ этимъ они вернулись къ товарищамъ, передали мои слова, и на этомъ козакъ разошлись. Я изложилъ условія, они со своей стороны сдѣлали то же—изложили на бумагѣ, на какихъ условіяхъ они могли бы вступить на службу его имп. вел. Вслѣдствіе этого когда я послѣ полудня пришелъ въ войсковый кругъ, они не хотѣли ждать, пока я представлю имъ мои условія, а тотчасъ же прислали нѣсколькихъ челоуѣкъ изъ своей среды, требуя отвѣта на свои условія, изложенныя на бумагѣ“.

Козакъ въ своихъ условіяхъ, представивъ, какія услуги они уже оказали императору (такой характеръ придаютъ они на этотъ разъ своимъ послѣднимъ походамъ на Турокъ и Татаръ), настаиваютъ на своемъ, что въ Молдавію они пойдутъ не иначе, какъ получивъ категорическое обѣщаніе опредѣленнаго жалованья и съ этой цѣлью хотятъ отприватить своихъ пословъ къ императору, а тѣмъ временемъ предпримутъ походъ на Крымъ. Лассота, увидѣвъ, что ничего больше не добьется, долженъ былъ въ концѣ концовъ согласиться на это, и въ качествѣ награды за походы, совершенныя, по словамъ войска, въ интересахъ императора, передалъ имъ привезенныя деньги.

„24 іюня въ открытомъ „колѣ“, среди котораго были воткнуты и развивались императорскія знамена, передалъ я имъ восемь тыс. дукатовъ золотомъ. Они тотчасъ же разостлали нѣсколько татарскихъ „кобеняковъ“²⁾, или плащей, которые они обыкновенно носятъ, высыпали на нихъ деньги и поручили нѣсколькимъ старшинамъ пересчитать ихъ. Я послѣ этого вернулся въ свой курень, а они еще долгое время оставались вмѣстѣ. Въ теченіе слѣдующихъ дней они очень усердно совѣщались въ „болѣ“ и наконецъ рѣшили послать Хлопицкаго не къ его имп.

¹⁾ Лассота затѣмъ выясняетъ читателю ложность известій данныхъ Хлопицкимъ австрійскому правительству. ²⁾ Кереніки.

вел., а къ вел. кн. московскому, а на его мѣсто выбрали и снарядили Саська Федоровича и Ничипора, чтобы они вмѣстѣ съ мною отправились къ его имп. вел. и съ нимъ уговорились относительно ихъ службъ и платы“. Полномочія козацкимъ посламъ были такого содержания: „Я, Богданъ Мивошинскій, гетманъ запорожскій, со всеѣмъ рыцарствомъ вольнаго войска Запорожскаго сямъ удостовѣряемъ, что мы этихъ нашихъ пословъ: Саська Федоровича и Ничипора, сотниковъ нашего войска, съ нашего вѣдома и согласія въ нашемъ рыцарскомъ колѣ выбрали, предоставляя имъ полную силу и власть съ его имп. величествомъ, нашимъ милостивымъ государемъ, условиться о нашихъ дѣлахъ и покорно просимъ вѣрить имъ во всеѣмъ, какъ и намъ, всему войску, а сямъ письмомъ нашимъ, нашимъ рыцарскимъ словомъ заявляемъ, что мы рѣшительное постановленіе, которое будетъ сдѣлано и принято нашими послами съ его имп. велич., во всеѣмъ примемъ и исполнимъ безо всякаго прекословія. Во свидѣтельство и для большей крѣпости дали мы посламъ нашимъ эту грамоту, скрѣпивъ ее войсковою печатью и собственноручной подписью писаря нашего Льва Вороновича. Дано въ Базавлукѣ на Чартомыцкомъ рукавѣ Днѣпра, 3 іюля 1594 г.“¹⁾

Бытovyя подробности, разсыпанныя въ этихъ разсказахъ Лассоты, дополнимъ другими.

Въ книжкѣ Папрецкаго, изданной въ 1599 г., находимъ такія свѣдѣнія о козакахъ: „Есть нѣсколько мѣстъ или обширныхъ острововъ на рѣкѣ Днѣпрѣ, скорѣе уже въ татарскихъ, нежели подольскихъ краяхъ (принадлежащихъ польскому королю). Туда почти на нашей памяти начали ѣздить рыцарскіе люди, чтобы попытать счастье въ бою съ Татарами бусурманами, а потомъ къ нимъ начали присоединяться люди, совершившіе въ Польшѣ что либо предосудительное или накуралесившіе: тамъ нашли они себѣ пріютъ и съ теченіемъ времени все больше ихъ туда съѣзжалось. Раньше, когда ихъ было нѣсколько сотъ, то уже казалось много; а теперь ихъ найдется уже нѣсколько тысячъ. Однако много и безупречныхъ, хотя и не богатыхъ²⁾ юношей ѣздитъ туда, чтобы пріучиться къ рыцарскому дѣлу, и немало панятъ изъ Руси, Подольскихъ земель, Польши съѣзжается къ нимъ, такъ какъ находясь въ ихъ средѣ можно очень хорошо пріучить себя къ

¹⁾ С. 222.

²⁾ Chudych rachoŃkow pościwych.

рыцарскому порядку и осторожности. Русские называют их запорожскими козаками, по имени пороги, — а другие называют их низовыми козаками, такъ какъ они живутъ низко, у устьевъ Днѣпра. На этихъ островахъ у нихъ много оружія, а уходя на войну съ Татарами или Турками, козаки всегда оставляютъ здѣсь стражу. По временамъ въ войскѣ ихъ бываетъ большое изобиліе во всемъ, такъ какъ крестьяне привозятъ имъ со всѣхъ сторонъ, а они платятъ имъ, чѣмъ тѣ захотятъ — лошадьми, волами, другою добычей, а также деньгами. И хотя живутъ они на татарскихъ земляхъ, Татары не могутъ ихъ одолѣть, наоборотъ — даютъ имъ большіе дары, чтобы только имѣть отъ нихъ покой. И изъ Москвы, отъ в. кн. московскаго ежегодно получаютъ „упоминки“, а еслибъ онъ ихъ не давалъ, они причиняли бы большой вредъ въ его земляхъ. Имѣютъ много лосей, сернь, дикихъ коней, звѣря чернаго, рыбы очень много особенной — ее печеную и звѣриную печень они иногда ѣдятъ вмѣсто хлѣба. Богатствъ никакихъ не имѣютъ, а если хотятъ кому-либо сдѣлать подарокъ, берутъ въ долгъ у какого-либо наиболѣе состоятельнаго хозяина, а потомъ отдають, или откладываютъ, когда имъ достанется какая-либо добыча, а потомъ выдаютъ то, что войско задолжало, остальное дѣлятъ поровну, и каждый распоряжается своимъ, какъ захочетъ. На зиму расходятся по подольскимъ и волынскимъ селамъ, ожидая весны, а потомъ собираются снова на свой островъ и оттуда идутъ въ земли повѣрныхъ или вообще куда захотятъ“¹⁾.

Слѣдуетъ также привести кое-что изъ разсказа о козакахъ, записаннаго Гамборини со словъ какого-то неизвѣстнаго козакаго вождя (саріано) около 1584 г.²⁾. Одни козаки служатъ королю и живутъ на островахъ, подъ властью гетмана, оберегая границы отъ Татаръ, ихъ 1500, другіе это пришельцы, по большей части шляхтичи изъ сосѣднихъ земель, занимающіеся грабежомъ турецкихъ и татарскихъ земель и возвращающіеся потомъ домой; при желаніи изъ такихъ пришельцевъ можно набрать 14—15 тыс. отборнаго, хорошо вооруженнаго войска, каждаго

¹⁾ Ogrod krolowski w którym o poczātku cesarzow krolow polskich, książat slaskich ruskich, litewskich, pruskich, л. 56. Обзоръ событій заканчивается здѣсь 1597 годомъ. О козачествѣ Папроцкій пишетъ, очевидно, на основѣ разсказовъ.

²⁾ Извѣстенъ пока только по выдержкѣ сдѣланной Боратинскимъ (Kozacy i Watykan, с. 23, ориг. въ Ватиканск. арх., Bogh. I, 204—7, л. 229—232).

скорѣе славы, чѣмъ корысти, готовато отважиться на всякую опасность. Ихъ вооруженіе—сабли и нѣсколько ружей, изъ которыхъ они никогда не дѣлаютъ промаха. Хороши они для войны конной и пѣшей, а называются козаками, такъ какъ легки, какъ козы, и питаются, чѣмъ случится, укрывалсь въ шалапахъ изъ вѣтовъ, покрытыхъ камышемъ. Живутъ рыболовствомъ, охотой и татарской добычей. Хлѣба никогда не ѣдятъ, а пьютъ лишь воду. Среди козаковъ служилыхъ (реестровыхъ) много всякаго народа: Поляки, Нѣмцы, Французы, Испанцы, Итальянцы, различные бѣглецы—преступники. Здѣсь они имѣютъ такой хорошій пріютъ, что никакая человѣческая рука ихъ не достанетъ; при томъ отличаются необыкновеннымъ единодушіемъ. Живутъ на островахъ: если ихъ немного—то на одномъ небольшомъ, если количество ихъ возрастетъ—переходятъ на большій. Лѣса тамъ много, и они такъ умѣютъ защищать себя засѣками, что и зимою, когда Днѣпръ замерзнетъ, не боятся никакого врага; для большей безопасности они вырубаютъ вокругъ ледъ и изъ него дѣлаютъ родъ вала. А лѣтомъ черезъ рѣку нельзя перейти, да кромѣ того по обѣимъ сторонамъ на разстояніи многихъ миль тянутся огромныя болота, такъ что этими островами не только нельзя овладѣть, но и найти ихъ, кто не знаетъ дороги. Козаки такъ же хорошо чувствуютъ себя на морѣ, имѣютъ всевозможныя лодки и ѣздятъ грабить черноморское побережье.

Изъ болѣе поздней характеристичной козацкой жизни, сдѣланной Якубомъ Собѣскимъ, много вращавшимся среди козаковъ особенно во время Хотинской войны 1621 г., привожу нѣсколько подробностей, касающихся козацкаго устройства.

„Верховная власть надъ войскомъ принадлежитъ гетману. Въмѣсто какихъ-либо отличій носить онъ трость изъ камыша. Выбираютъ его безъ опредѣленнаго порядка, не подачею голосовъ, лишь крикомъ и бросаньемъ шапокъ на кандидата, и также часто по капризу непостоянной черни лишается онъ должности. Но пока онъ на своемъ посту, въ его рукахъ жизнь и смерть каждаго козака. На второмъ мѣстѣ по значенію стоятъ четыре войсковыхъ совѣтника (*consiliarii*), называемыя эсаулами, и легать, называющійся наказнымъ гетманомъ (*substitutus praefecti*). Затѣмъ идутъ начальники обоза, артиллеріи, полковники. Потомъ сотники и генеральный писарь (*publicus notarius*), ведущій счетъ ихъ жалованья и расходовъ и составляющій грамоты къ королю и вельможамъ, посовѣтовавшись съ монахами греческой вѣры. Въ

городѣ Терехтемировѣ, въ Киевскомъ воеводствѣ, пожалованномъ имъ въ знакъ благодарности за вѣрную службу рѣчи посполитой, въ вѣдѣніи гетмана и эсауловъ сохраняются ихъ привилегіи, разныя орудія, привезенныя въ качествѣ добычи изъ разрушенныхъ турецкихъ городовъ, различныя военныя принадлежности и королевскія знамена, посланные имъ польскими королями по особенной милости, въ знакъ своей верховной власти, всякій разъ, когда они идутъ на службу рѣчи посполитой¹⁾.

„Когда случается какое-либо важное дѣло, касающееся войска, гетманъ созываетъ на совѣщаніе всю чернь. Прежде всего, поклонившись нѣсколько разъ войску и придавъ лицу своему выраженіе почтенія и смиренія, онъ подходитъ къ назначенному для него мѣсту и, снявъ шапку, становится подъ развернутымъ королевскимъ знаменемъ. Стоитъ только онъ и четыре эсаула, а всѣ вокругъ сидятъ, и такъ въ рѣчи, полной учтивости, онъ излагаетъ вопросъ, подлежащій обсужденію. Потомъ опровергаетъ возраженія, если подобныя возникаютъ, или покорно проситъ у войска какой-нибудь милости для себя. Такимъ же образомъ получаетъ онъ слѣдующыя ему награды и проситъ ихъ для себя у войска. Если послѣднее отказывается, онъ сноситъ всякій капризъ съ чрезвычайнымъ почтеніемъ въ голосѣ и поведеніи. Пока говоритъ гетманъ, слова его выслушиваются въ полномъ молчаніи. Потомъ высказываютъ свои мысли—выкрикиваютъ ихъ то одни, то другіе“²⁾.

Въ малозвѣстной и рѣдкой брошюрѣ *Eques Polonus* Старовольскаго (1628 г.) есть не мало интересныхъ подробностей, касающихся особенно военной жизни козаковъ. Хотя онѣ и не имѣютъ такой непосредственности и мѣстами носятъ слѣды известной схематизаціи, тѣмъ не менѣе несомнѣнно содержатъ въ себѣ вполне реальное ядро.

„Раннею весною, когда степь начинаетъ освобождаться отъ снѣга, всякій жаждущій военной славы, снарядивши лодку и приготовивъ припасы, идетъ по Днѣпру на козацкія острова, и тамъ

¹⁾ *Pleno comitatis sermone*—авторъ, какъ видимъ, сильно подчеркиваетъ то уваженіе, съ какимъ гетманъ обращается къ войску (*multitudo*).

²⁾ *Commentariorum Chotinensis belli* l. III, 1646, с. 113—5; русскій переводъ въ Мемуарахъ имѣетъ много пропусковъ (II с. 91). Разказъ Собѣскаго о козакахъ написанъ несомнѣнно до кампаніи 1625 г.

вождь козаков набирает войско изъ этихъ приходецъ: годныхъ приказываетъ писарю внести въ реестръ, а непригодныхъ отправляетъ обратно домой, забравъ принесенные ими припасы. Принятыхъ отдаетъ подъ власть десятниковъ (атамановъ): они имъ повинуются, пока не измѣнится ихъ занятіе, либо положеніе. Изъ среды атамановъ избирается гетманъ и остается на этомъ посту, пока ему улыбается счастье; если онъ уменъ и знаетъ свое дѣло, то до самой смерти постоянно подтверждается на своемъ посту полковниками такъ же, какъ полковникъ сотниками, а сотникъ атаманами.¹⁾ Въ этомъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ совѣщаніяхъ, не принимаютъ участія новички²⁾—въ продолженіи трехъ лѣтъ; въ теченіе этого времени они исполняютъ обязанности слугъ и если въ чемъ либо провинятся, несутъ отъ своихъ атамановъ тяжелую кару. Атаманъ имѣетъ подъ своею властью тридцать, а иногда и пятьдесятъ такихъ новичковъ, не считая девяти старыхъ воиновъ, и распоряжается ими, какъ ихъ полный хозяинъ, особенно во время битвы: если кто изъ нихъ убѣжитъ съ битвы, то не смѣетъ вернуться—его ждетъ смертная казнь; развѣ только дома, когда разойдутся на зиму, можетъ у нихъ вымолить прощеніе. Возвращаясь на зиму домой, гетманъ оставляетъ на каждомъ островѣ по 500 человекъ—для охраны этой мѣстности, пушекъ и всякихъ военныхъ снарядовъ. Тамъ, въ хижинахъ, сплетенныхъ изъ камыша, накрытыхъ корою деревьевъ, ждутъ они возвращенія гетмана и товарищей, и переносившіе здѣсь холодъ и голодъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, оставаясь на стражѣ для общаго блага, считаются славнѣйшими изъ всѣхъ.

„Ихъ оружіе—ружье и сабля; нѣкоторые имѣютъ короткое копьё и стрѣлы, но это рѣже. Никто, даже гетманъ, не носитъ желѣзной брони, либо панцыря, точно такъ же не имѣетъ онъ иной одежды, или лучшаго стола. Одѣваются въ грубую сорочку и плащъ, а питаются вяленою рыбою и дичью—медъ или сыръ ѣдятъ, лишь возвращаясь къ женамъ: въ ихъ лагерѣ не можетъ нахо-

¹⁾ Гетмана С. называютъ *generalis*, полковниковъ *chiliarchi*, сотниковъ *centuriones*, атамановъ *decuriones*. Порядковъ выборовъ и подтвержденій въ дѣйствительности, вѣроятно, не имѣлъ такой точной традиціи—С. дальше самъ даетъ понятіе, что и козацкая чернь принимала участіе въ выборахъ старшины.

²⁾ *Tyrones*.

даться ни одна женщина, исключая взятыхъ вмѣстѣ съ другимъ добычею.

„Вояютъ они на морѣ и на сушѣ. На море идутъ не всѣ, а лишь люди отважные и могущіе переносить его запахъ. Лодки у нихъ таковы, что поднимаютъ тридцать съ лишнимъ человѣкъ, а чтобы онѣ не тонули, вокругъ лодки привязываются пучки травы (камыша). Въ открытое море однако козаки не пускаются, а плывутъ вдоль берега вправо и опустошаютъ Бессарабскіе и Трапезунтскіе края, сколько могутъ въ одну ночь пройти пѣшкомъ отъ кораблей. Дальше заходятъ они, отправляясь налѣво, чтобы опустошать Крымъ, такъ какъ знаютъ, что Татары не отважатся выступить противъ нихъ. Встрѣтившись съ турецкими галерами, всегда предпочитаютъ погибнуть, нежели постыдно бѣжать либо поддаться, поэтому даже не будучи равны силами, они не уклоняются отъ битвы и часто побѣждаютъ, попавъ въ отчаянное положеніе. А одержавъ побѣду, иногда на турецкихъ же галерахъ, подъ турецкими знаменами идутъ въ Азію, въ Трапезунтъ и берутъ въ плѣнъ кого захватить. Но это бывало прежде; теперь же Турокъ, обративъ почти всѣ свои корабли на охрану моря, значительно затрудняетъ ихъ нападенія, а то у нихъ было вошло въ обычай нападать, жечь и грабить даже ближайшія окрестности Константинополя¹⁾; теперь имъ удастся поживиться только при помощи какой-нибудь военной хитрости или уловки. Въ татарскія же степи, Нагайскія или Перекопскія, отправляются они пѣшкомъ. Но встрѣтивъ табуны лошадей, сразу превращаются въ конное войско и, либо нападаютъ на перепуганнаго непріятеля, либо возвращаются въ свои края и Днѣпровскія укрѣпленія—если врагъ слишкомъ опасенъ. Если же найдутъ только рогатый скотъ или овецъ, то, перевязавъ ихъ за хвосты и рога, ставятъ ихъ вмѣсто укрѣпленія, когда ихъ настигнетъ грозный непріятель, и отбиваются отъ него словно изъ за валовъ. А когда идутъ походомъ въ другіе края, то каждый имѣетъ возъ, запряженный одною лошадыю, и на нихъ везутъ мѣдныя пушки, а сверхъ ружья и припасовъ каждый долженъ имѣть еще топоръ, косу, заступъ, веревки и все прочее, необходимое для того, чтобы насыпать валы или связывать возы, когда приходится идти всѣмъ войскомъ съ оружіемъ въ рукахъ (сражаясь

¹⁾ Рѣчь идетъ о морскихъ походахъ главнымъ образомъ второго и третьяго десятилѣтій ХУІІ в.

съ непріятелемъ на пути). Такое расположеніе возовъ они называютъ таборомъ; впереди и сзади помѣщаютъ пушки, сами съ ружьями прикрываютъ фланги, въ случаѣ же большой опасности укрываются за возами и обороняются оттуда какъ бы изъ укрѣпленія. Если же и этого недостаточно, тотчасъ наполняютъ возы землею и превращаютъ ихъ въ болѣе прочный валъ. Таковъ способъ козацкой войны. Ихъ таборъ въ соединеніи съ польскою конницею, имѣетъ громадное значеніе, какъ мы убѣдились во время войны съ Турками семь лѣтъ тому назадъ¹⁾. Самихъ козаковъ не больше 15 тыс., но вмѣстѣ съ новичками получается сорокатысячное войско, въ которомъ поддерживается древнеримская дисциплина, порядокъ въ лагерѣ, трезвость, послушаніе; въ секретныхъ дѣлахъ тамъ соблюдаютъ строгую тайну, а виновныхъ караютъ сурово, по спартанскому обычаю. Государству служатъ по приказамъ самого короля, безъ денегъ и жалованья несутъ службу и помощь въ войнахъ; только по окончаніи войны король обычно даритъ имъ значительную сумму, а болѣе видныхъ изъ нихъ надѣляетъ селами и имѣніями, помѣщики же подвластныхъ имъ козаковъ—свободою отъ крѣпостной зависимости и соответственными подарками²⁾. Однако на войну отправляются не всѣ, а лишь тѣ, кому прикажетъ коронный гетманъ; другіе частью идутъ на море, частью въ степи противъ Татаръ; нѣкоторые остаются стеречь Подольскія земли и свои острова“.

Наконецъ, для полноты картины, приведу нѣсколько выдержекъ изъ наблюденій надъ козацкой жизнью Боилана, сдѣланныхъ имъ уже въ 1630 и 1640-хъ гг.

„Они греческой вѣры, которую называютъ на своемъ языкѣ русскою. Весьма почитаютъ праздничные дни и посты, занимающіе восемь или девять мѣсяцевъ въ году, и во время ихъ не ѣдятъ мяса; они строго придерживаются этой формальности, такъ какъ убѣждены, что ихъ спасеніе зависитъ отъ этого воздержанія отъ мяса. Зато я не знаю другого народа, который бы могъ сравняться съ ними что касается невоздержности въ питъѣ: не успѣютъ они отрезвиться, какъ уже начинаютъ то же самое. Впрочемъ это бываетъ только въ свободное время, такъ какъ во время войны, или во время приготовленій къ какой либо экспедиціи они совершенно трезвы. И ничего гру-

¹⁾ Въ Хотинскую войну.

²⁾ Картина, конечно, не совсѣмъ согласная съ фактами.

баго въ нихъ нѣтъ, кромѣ одежды. Они остроумны и проникательны, требовательны и щедры, не жады на большое богатство, но чрезвычайно цѣнятъ свою свободу: безъ нея не могутъ жить и ради нея поднимаютъ возстанія, производя бунты противъ мѣстныхъ магнатовъ, если видятъ, что тѣ начинаютъ ее ограничивать. Благодаря этому рѣдко проходитъ 7—8 лѣтъ безъ того, чтобы они не задумали возстанія, или не возстали противъ нихъ. При томъ это люди вѣроломные, хитрые, такъ что полагаться на нихъ невозможно¹⁾. Они очень сильны тѣломъ, легко переносятъ жаръ и холодъ, голодь и жажду. На войнѣ выносливы, отважны, храбры и даже легкомысленны, такъ какъ не цѣнятъ своей жизни. Въ чемъ проявляютъ они больше всего ловкости и умѣнья—это въ способности сражаться таборомъ, загородившись возами: они очень хорошо стрѣляютъ изъ ружей, своего обычнаго оружія, и защищаютъ позиціи. Не плохи они и на морѣ, но наѣздники не казнены. Мнѣ случалось видѣть, какъ двѣсти польскихъ кавалеристовъ приводили въ бѣгство 2000 лучшаго козацкаго войска. Зато можно сказать, что подъ защитою табора 100 козаковъ не боится 1000 Поляковъ, точно также и 1000 Татаръ, и еслибъ въ конномъ строю они были бы такъ же сильны, какъ нѣшніе, то думаю, ихъ было бы невозможно побѣдить. На видѣ они красивы, проворны, сильны; любятъ хорошо одѣться: это видно, когда они обогатятся добычей въ сосѣднихъ странахъ, потому что въ обыкновенное время одѣваются они довольно скромно. Отъ природы обладаютъ хорошимъ здоровьемъ и даже мало подвержены заразной болѣзни, распространенной по всей Польшѣ—*rlica*²⁾. Отъ болѣзни умираютъ очень рѣдко, лишь въ очень преклонной старости. Большею частью кончаютъ жизнь на ложѣ славы, убитые на войнѣ³⁾.

„Намѣреваясь идти въ море, дѣлаютъ это безъ разрѣшенія короля; испрашиваютъ позволеніе лишь у гетмана (козацкаго), потомъ собираютъ раду и выбираютъ атамана для предводительствованія въ этомъ походѣ, при чемъ соблюдаются тѣ же церемоніи, какъ и при выборѣ гетмана⁴⁾, но атаманъ выбирается только на время похода. Потомъ удаляются въ свою „войсковую“ скарб-

¹⁾ Взгляды шляхетскихъ круговъ, среди которыхъ обращался Боплавъ, не особенно мѣняющіяся съ его собственной характеристикою

²⁾ *Rlica polonica*—колгунъ.

³⁾ Изданіе 1861 г., с. 19—22.

⁴⁾ *Grand général* у Боплава, а атаманъ—просто *général*.

ницю¹⁾, свое сборное мѣсто, и тамъ строятъ чайки²⁾. Онѣ имѣютъ около 60 футовъ длины, 10—12 фут. ширины и 12 футовъ высоты. Чайка не имѣетъ киля, основаніемъ ея служитъ ивовый или липовый челнъ, около 45 фут. длины, на который набиваются борты изъ досокъ 10—12 ф. длиной, одна на другую, какъ строятъ рѣчные барки, пока не дойдутъ до высоты 12 фут., а длины 60, ширина же увеличивается соответственно съ вышиной. Оббивка изъ камыша, толщиною въ боченокъ, окружаетъ весь корабль отъ начала до конца; связки камыша, туго привязанные липовыми или черешневыми прутьями плотно прилегаютъ одна къ другой. Внутренность лодки обдѣлываютъ также какъ обычно дѣлаютъ это и наши плотники—съ перегородками и поперечными брусьями, и затѣмъ смолятъ. Имѣютъ двѣ кормы, съ обоихъ концовъ, такъ какъ при большой длинѣ судна тратилось бы много времени при поворотахъ, когда пужно, убѣгая, повернуть назадъ. Съ каждой стороны обыкновенно предѣлываютъ 10—12 весель, и двигаются быстрѣе, чѣмъ турецкія галеры на веслахъ. Имѣютъ и мачту и на ней вѣшаютъ парусъ, довольно плохо сдѣланный: употребляютъ его только въ хорошую погоду, а во время сильного вѣтра предпочитаютъ идти на веслахъ. Палубы въ этихъ лодкахъ нѣтъ, но если онѣ даже до краевъ наполняются водою, то камышъ, привязанный вокругъ всей лодки, не позволяетъ ей утонуть. Въ бочкѣ длиною въ 10 фут. и въ 4 фут. въ діаметръ, хорошо скрѣпленной обручами, держатъ сухари и достаютъ ихъ черезъ отверстіе. Имѣютъ также вареное пшею и разведенное въ водѣ тѣсто: они ѣдятъ его, смѣшивая съ пшеюмъ, и оно служитъ имъ одновременно и пищею и питьемъ. Вкусъ имѣетъ оно кисловатый, а называется у нихъ самамахою, т. е. чудесная пища; но я не находилъ пріятнымъ ея вкуса и только за отсутствіемъ чего-либо лучшаго ѣлъ ее во время моихъ путешествій. Трезвость соблюдаютъ очень строго и если случится между ними какой-либо пьяница, атаманъ приказываетъ его сейчасъ же выбросить; водки не позволяется имѣть съ собою никому, потому что въ походахъ они высоко цѣнятъ трезвость.

„Поставивъ идти походомъ на Татаръ, чтобъ отплатить имъ за обиды и разоренія, причиненныя ими, они выбираютъ

¹⁾ sczabeniska woyskowa.

²⁾ voissaux.

осеннее время. Въ такомъ случаѣ заранее отправляютъ на Запорожье вещи, необходимыя для войны и похода и для постройки кораблей, вообще все, что считаютъ нужнымъ. Затѣмъ, въ количествѣ 5 или 6 тыс. добрыхъ козаковъ, хорошо вооруженныхъ отправляются въ степи и прибывъ на Запорожье занимаются постройкой судовъ. Человѣкъ шестьдесятъ изъ нихъ берутся за сооруженіе одной чайки и готовятъ ее приблизительно въ двѣ недѣли, такъ какъ они мастера на всѣ руки. Такимъ образомъ въ теченіе двухъ или трехъ недѣль они изготовляютъ 80—100 чаекъ вышеуказанной формы. Въ каждую чайку садятся 50—70 человѣкъ, каждый съ двумя ружьями и саблею, на бортахъ чайки имется 4—6 пушекъ, и необходимый провіантъ. Козаки одѣты въ рубашки, штаны (вторые на перемяну) плохенькія свиты и шапки. Каждый имѣетъ шесть фунтовъ пороху, свинца сколько потребуется, кромѣ того ядра для пушекъ. На каждомъ кораблѣ квадрантъ. Таковъ летучій козацкій отрядъ, способный напасть на самые значительные города Анатоліи.

Такъ снарядившись, плывутъ они Дибиромъ. Атаманъ имѣетъ на мачтѣ свой значокъ и плыветъ обыкновенно впереди. Люди идутъ такъ тѣсно, что почти касаются другъ друга. Турки обычно знаютъ о походѣ и держатъ нѣсколько галеръ при устьѣ Дибира, чтобъ не позволить имъ выйти. Но козаки перехитряютъ ихъ, выходя темной ночью, передъ новолуніемъ, прячась въ камышахъ, растущихъ на протяженіи 3—4 лье¹⁾. Галеры не рѣшаются заходить туда, такъ какъ не разъ погибали тамъ; поэтому довольствуются тѣмъ, что ждутъ ихъ въ проливѣ, и хотя и тутъ козаки захватываютъ ихъ не приготовленными, но встали пройти такъ быстро, чтобы ихъ не замѣтили, казацкія чайки не могутъ. Тогда распускаются извѣстія во всѣ стороны до самаго Константинополя. (Нужно знать, что козаки выходятъ только послѣ св. Ивана, чтобы вернуться, самое позднее, съ началомъ августа). Султанъ разсылаетъ гонцовъ по бережьямъ Анатоліи, Болгаріи, Румеліи, предостерегая населеніе и призывая къ осторожности, въ виду того, что козаки на морѣ. Но это ни къ чему не ведетъ, такъ какъ они выбираютъ настолько подходящую пору, что въ какіе-нибудь 36 или 40 часовъ оказываются уже въ Анатоліи. Прибывъ на

¹⁾ Ліене, французская миля, немного больше 4 версты.

мѣсто оставляютъ въ каждомъ суднѣ только двухъ человѣкъ и двухъ подростковъ для охраны, а сами, каждый съ ружьемъ въ рукахъ, нападаютъ на города, берутъ ихъ, грабятъ и разоряютъ, заходя иногда на разстояніе мѣ отъ берега, но тотчасъ же возвращаются и со своею добычею садятся на суда. Вдуть загѣвъ въ другое мѣсто—попытать и тамъ счастья, и если обстоятельства имъ благопріятствуютъ, повторяютъ нападенія, въ противномъ случаѣ возвращаются съ добычею домой.

„Если случится имъ встрѣтить нѣсколько турецкихъ галеръ, или другихъ кораблей, они преслѣдуютъ ихъ, нападаютъ и берутъ. А поступаютъ при этомъ такимъ образомъ. Ихъ чайки поднимаются надъ водою всего лишь на 2¹/₂ фута, поэтому они видятъ галеру или другой какой-либо корабль прежде, нежели тотъ ихъ замѣтитъ. Тогда они спускаютъ мачту своей чайки и, замѣтивъ направленіе вѣтра, стараются, чтобы къ вечеру имѣть солнце съ тылу. За часъ до захода солнца они начинаютъ усиленно грести къ кораблю или галерѣ, чтобы подойти на 1 мѣ и не терять ее изъ виду, и такъ держатся до полночи. Тогда даютъ сигналъ и изо всѣхъ силъ гребутъ къ кораблямъ, между тѣмъ какъ другая половина экипажа готовится къ битвѣ, т. е. чтобы приставъ къ кораблямъ, броситься въ середину ихъ. Непріятель пораженъ; увидѣвъ себя окруженнымъ 80—100 лодками; козакъ вскакиваютъ на корабль и сразу же ими овладѣваютъ. После этого захватываютъ все, что могутъ найти изъ денегъ и мелкихъ вещей, не портящихся отъ воды, также пушки и все, что можетъ имъ, по ихъ мнѣнію, пригодиться, а корабль съ людьми топятъ. Такъ поступаютъ козакъ. Еслибы они умѣли управлять кораблемъ или галерою, они забирали бы и ихъ, но они не знаютъ этихъ способовъ¹⁾).

„Теперь нужно возвращаться. Стража на устьѣ Днѣпра тѣмъ временемъ удваивается, чтобы свести съ козаками счеты. Но тѣ смѣются надъ ней, хотя теперь они еще слабѣе, такъ какъ выдержанные ими битвы не могутъ обойтись безъ потери значительнаго числа своихъ, и не безъ того, чтобы море не потопило нѣсколько чаекъ: не могутъ всѣ быть такими крѣпкими, чтобы выдержала каждая. Они направляются въ заливъ, лежащій въ 3—4 мѣ на востокъ за Очаковымъ, а отъ него идетъ

¹⁾ Въ дѣйствительности козакъ не оставляли себѣ галеръ потому, что съ ними имъ все равно потому некуда было бы дѣваться.

неглубокая ложбина отъ моря къ Днѣпру, на какихъ-нибудь три лье; вода въ ней поднимается иногда на полфута, на цѣлую четверть лье отъ моря. Козаки, по двѣсти и триста человѣкъ, тянутъ одну лодку; такъ перетаскиваютъ одну за другой и черезъ два-три дня добираются до Днѣпра со всею своею добычею. Такъ избѣгаютъ они встрѣчи съ галерами, стерегущими устьѣ подъ Очаковымъ. Въ концѣ концовъ возвращаются въ свою Скарбницу и дѣлятъ добычу.

„Есть у нихъ еще и другой возвратный путь—донскимъ лиманомъ¹⁾: они проходятъ черезъ проливъ между Керчью и Таманью и идутъ лиманомъ до р. Міуса, потомъ Міусомъ, пока могутъ идти лодки, затѣмъ отъ его верховьевъ до верховья Волчьей воды²⁾ (тутъ только одно лье), а Волчьей Водой въ Самару, выдающую въ Днѣпръ однимъ лье ниже Кодака. Но они рѣдко идутъ этою дорогою, такъ какъ это очень далеко до Запорожья. Иногда отправляются этимъ путемъ и на море, если при устьѣ Днѣпра заграждаютъ имъ выходъ большія силы, а у нихъ не болѣе 20—25 чоекъ.

„Если галеры встрѣтятъ козаконъ на морѣ днемъ, они открываютъ стрѣльбу изъ пушекъ и разгоняютъ ихъ, какъ скворцовъ. Одни тонутъ, другіе, кому удалось спастись, растерянные убѣгаютъ, куда могутъ. Но разъ начавъ битву съ галерами, козаки держатся, не двигаясь съ своихъ лавокъ. Весла привязаны прутьями. Одни стрѣляютъ, послѣ каждаго выстрѣла товарищи подаютъ имъ новыя заряженныя ружья для новаго выстрѣла; такъ стрѣляютъ они непрерывно, и стрѣляютъ хорошо. Рукопашный бой галера можетъ вести только съ одной чайкой. Но ея пушки причиняютъ большой уронъ, такъ что при такой встрѣчѣ гибнетъ добрыхъ двѣ трети козаконъ. Рѣдко когда возвращаются они съ половиною войска. За то приносятъ много добычи: испанскіе реалы, арабскіе цехны, ковры, парчу, бумажныя и шелковыя матеріи и другіе цѣнные товары. Вотъ чѣмъ живутъ козаки; таковъ источникъ ихъ пропитанія. Послѣ возвращенія у нихъ нѣтъ иного занятія, кромѣ пьянства и различныхъ приключеній съ пріятелями³⁾.

„Гетмана своего избираютъ они такъ. Собираются старые полковники и старые козаки, пользующіеся уваженіемъ въ ихъ

¹⁾ Такъ Боппланъ называетъ Азовское море.

²⁾ У Бопплана: Tacza Woda. ³⁾ С. 104—115.

среди и подають голосъ за того, кого считаютъ наиболѣе пригоднымъ для этого. Получившій большинство голосовъ, считается выбраннымъ. Если выбранный добровольно не принимаетъ должности, отказывается, говоря, что онъ неспособенъ или недостойнъ, неопытенъ или старъ,—это ни чему не помогаетъ: ему отвѣчаютъ только, что онъ дѣйствительно не достоинъ такой чести; и тотчасъ убиваютъ его на мѣстѣ, какъ измѣнника—хотя сами собственно поступаютъ съ нимъ по-измѣннически (припомните сказанное объ ихъ характерахъ и обычномъ лукавствѣ)¹⁾. Если же выбранный козакъ принимаетъ постъ гетмана, онъ благодаритъ раду за оказанную ему честь—хотя онъ не достоинъ и не способенъ къ такой должности, всетаки обѣщаетъ приложить всѣ усилія и своимъ усердіемъ постарается сдѣлать себя достойнымъ служить имъ всемъ вообще и каждому въ отдѣльности, и жизнь его всегда къ услугамъ его братьевъ (такъ они называютъ другъ друга между собою). Въ отвѣтъ на эту рѣчь ему рукоплещутъ и кричатъ: *vivat, vivat*, а потомъ каждый въ порядкѣ своего чина подходитъ къ нему, отдаетъ поклонъ, а гетманъ подастъ ему руку—какъ принято у нихъ здороваться.

„Такъ выбираютъ они вождя—часто это происходитъ въ пустой степи. На своемъ языкѣ называютъ они его гетманомъ. Ему повинуются, власть его неограничена: онъ можетъ казнить и сажать неслухающихъ на колъ; поступаетъ сурово, но не рѣшаетъ ничего безъ военнаго совѣта, называемаго у нихъ *rada* (рада). Но и съ гетманомъ можетъ случиться бѣда. Онъ долженъ быть чрезвычайно осторожнымъ на войнѣ, чтобы не допустить какого-либо несчастія, и при всякомъ непредвидѣнномъ препятствіи въ трудныхъ обстоятельствахъ долженъ показать себя находчивымъ и внимательнымъ, потому что, если окажется въ чемъ-нибудь неспособнымъ, его убиваютъ какъ измѣнника, и тотчасъ выбираютъ на его мѣсто другого, тѣмъ-же способомъ, который я описалъ. Такимъ образомъ предводительствовать и командовать у нихъ—обязанность тяжелая и при неудачѣ кончается плохо. За семнадцать лѣтъ, которыя я прослужилъ въ тѣхъ краяхъ, всѣ, кто былъ въ этой должности, кончили плохо“²⁾.

¹⁾ Здѣсь Бопланъ рассказываетъ какую-то басню, но наслышкѣ; вѣроятно, поводъ ему далъ обычай, по которому считалось хорошимъ тономъ, чтобы избранный отказывался отъ должности и принималъ ее только уступая принужденію, когда начинали его ругать, принуждать и угрожать. ²⁾ С. 103—5.

Таковы рассказы о козацкой жизни конца XVI и первых десятилетий XVII в. Черезъ сообщенія войскъ этихъ постороннихъ и даже враждебныхъ рассказчиковъ какъ общій мотивъ, какъ мы видѣли, проходить удивленіе и преклоненіе передъ военными, рыцарскими качествами этого воинствующаго украинства.

Проникнутый глубокимъ уваженіемъ къ военнымъ доблестямъ козаковъ, Старовольскій само имя ихъ толкуетъ (не поясняя ближе своей этимологіи) какъ имя „людей, пренебрегающихъ всѣмъ, даже самой смертью“. Другіе писатели также не находятъ достаточныхъ похвалъ для ихъ отваги и выносливости. Папроцкій въ уста Зборовскаго влагаетъ слѣдующія слова, сказанныя имъ тогда, когда козаки хотѣли бѣжать, неожиданно встрѣтивъ турецкую галеру: „не годится дѣлать этого вамъ, людямъ, о которыхъ всѣ народы знаютъ, что по мужеству нѣтъ въ мірѣ равныхъ вамъ“. Лассота, рассказывая, какъ онъ стремился за какою-угодно цѣну притти къ соглашенію съ козаками, объясняетъ это тѣмъ, что считалъ весьма цѣнной для императора помощь „такихъ смѣлыхъ и отважныхъ людей, съ молодости привыкшихъ къ войнѣ и особенно опытныхъ въ войнѣ съ Турками и Татарамн, съ которыми имѣютъ дѣло почти ежедневно“¹⁾. Жолкевскій, а съ его словъ и правительство, празднуя свою побѣду надъ козацкимъ своевольствомъ, признавало козаковъ войскомъ „отважнымъ, въ ремеслѣ рыцарскомъ хорошо вышколеннымъ“²⁾. Турецкій лѣтописецъ Намма, описывая морскіе походы козаковъ и прославляя одержанную надъ ними побѣду, говоритъ: „Можно смѣло сказать, что на всей землѣ нельзя найти людей болѣе смѣлыхъ, которые меньше бы заботились о жизни, меньше боялись бы смерти. По свидѣтельству людей, знающихъ морское дѣло, эта голытьба своею ловкостью и отвагою въ такихъ морскихъ битвахъ страшнѣе всякаго другого народа“³⁾. Французскій посолъ въ Константинополь, донося о той же морской битвѣ козаковъ съ Турками (1625), не находитъ словъ для восхваленія козацкой отваги, и проситъ свое правительство подумать надъ возможностью, давъ козакамъ какихъ нибудь 50 тыс. еку ежегодно, связать турецкую морскую силу, принудивъ ее ограничиваться охраною Босфора отъ козаковъ⁴⁾.

¹⁾ С 219.

²⁾ „Матеріали до історії козацких рухів“ № 13, Жерела VII № 64

³⁾ Collectanea I с. 181.

⁴⁾ Hist. Russiae monumenta I с. 430.

Вмѣстѣ съ тѣмъ глубокое уваженіе и удивленіе вызывалъ строгій стиль козацкой жизни, спартанская простота ея и отношеній старшины и рядовыхъ, отсутствіе всякаго внѣшняго блеска, всякой мишуры—особенно по контрасту съ чрезвычайной склонностью ко всевозможной пышности и театральности польскихъ войскъ, еще Баторія удивлявшихъ своимъ маскараднымъ видомъ. У козаковъ считалось извѣстнаго рода „шикомъ“ сочетаніе высокихъ качествъ воина и вождя съ болѣе чѣмъ скромнымъ внѣшнимъ видомъ¹⁾. Козацкая дума про козака Гологу

¹⁾ Нѣкоторыя аналогіи козацкаго, специально сѣчоваго быта и строя не разъ давали поводъ приравнивать его къ западнымъ рыцарскимъ монашескимъ орденамъ: подобныя мысли встрѣчаемъ и въ украинскихъ бругахъ первой пол. XIX в. (см. напр. у Гоголя „Взглядъ на составленіе Малороссіи“), а позднѣе польскій писатель Маріанъ Дубецкій, въ своихъ статьяхъ (особенно *Zawiazki dziejów Siczu Zarogozkiej*, 1887) пытался положить во главу угла исторіи Запорожья догадку о вліянніи принциповъ западныхъ рыцарскихъ орденовъ, положенныхъ, по его мнѣнію, въ основу запорожскаго братства его польскими организаторами. Принимая за аксіому, что народъ украинскій (*lud rusiński*), не создавшій на протяженіи вѣковъ своей интеллигенціи, не могъ быть истиннымъ создателемъ запорожскаго братства, онъ считаетъ Польшу источникомъ идей, лежавшихъ въ основу его организаціи, а ихъ носителями такихъ людей какъ Сам. Корецкій, Дмитрій Вишневецкій, а раньше О. Дашковичъ и Предславъ Лянцкоронскій. Однако не говоря уже о томъ, что изъ названныхъ здѣсь именъ (авторъ и потомъ называетъ ихъ какъ *połskich* гусетзу повліявшихъ на организацію сѣчоваго братства) Дашковичъ и Вишневецкій никакъ не могутъ сойти за представителей „польской мысли“, или польской культуры, а Лянцкоронскій не имѣетъ никакого отношенія къ низовому козачеству, точно такъ же, какъ и Самуилъ Корецкій,—трудно было „польскимъ рыцарямъ“ дать Украинѣ то, чего не имѣли они сами. Принципы монашеско-рыцарской жизни и ея особенности вовсе не получили развитія въ Польшѣ. Факты, приведенные Дубецкимъ, какъ доказательства ея популярности—какъ планы переселенія на Днѣпръ нѣмецкаго прусскаго рыцарскаго ордена какъ планы основанія какого-то ордена въ украинскомъ пограниччѣ, изъ которыхъ впрочемъ не выходило ничего—лучше всего показываютъ, что въ польскомъ обществѣ не было для нихъ почвы. Польскіе „рыцарскіе“, или проще солдатскіе (жолнерскіе) круги могли привить козачеству и Запорожью только свои качества: анархизмъ, неуваженіе къ закону и правительству, отсутствіе дисциплины, неуваженіе къ обществу, чужому добру и труду—и несомнѣнно прививали. Запорожская же суровая простота, дисциплина, непобовъ къ сибаритству и невоздержности могли

съ особою любовью описываетъ убогій видъ этого степного рыцаря, который „не боится ни огня, ни меча, ни болота“:

На козакови шати дорогі—
три семиразі лихіі:
одна не добра, друга негожа,
а третя й на хлѣв незгожа;
а ще, правда, на козакови
постоли вазові,
а унучі китайчані—
щирі жіноцькі рядняні,
волоки шовкові—
у двое жіноцькі щирі валові;
правда на козакови шапка бирка—
зверху дирка,
травсю пошита,
вітром підбита,
куди віє, туди й провіває,
козака молодого прохоложає ¹⁾...

Эти козачества въ силу контраста могли импонировать шляхетскому обществу и мы не имѣемъ причинъ не довѣрять приведенному выше свидѣтельству Папроцкаго, современному кампаніи 1596 г., о томъ, что къ козакамъ шли молодые шляхтичи, особенно изъ небогатыхъ домовъ, потому что въ ихъ средѣ можно хорошо приучиться порядку и рыцарскимъ доблестямъ ²⁾. Но шляхетское общество не было въ состояніи усвоить эти качества, выработанныя въ суровой школѣ пограничной жизни украинскимъ демосомъ,—и такіе запорожскіе питомцы въ огромномъ большинствѣ оставались чуждыми ему, и часто потомъ въ польско-

выработаться лишь независимо отъ польскихъ влияній. И при слабости распространенія западной монашеско-рыцарской практики въ Польшѣ трудно думать о влияніи ея на Запорожье. Впрочемъ нѣкоторые изъ указываемыхъ аналогій, какъ религіозная окраска, культъ Покровы и т. п. нужно считать явленіями гораздо болѣе поздними, какъ признаетъ и самъ Дубецкій. Такимъ образомъ вся эта теорія построена на пескѣ. Это не помѣшало однако Дубецкому найти сторонниковъ своихъ взглядовъ, вродѣ автора новѣйшей исторіи козачества А. Стороженка (С. Баторій с. 26).

¹⁾ Историч. пѣсни I с. 168 - 9. Подобнымъ же образомъ сопоставляя его дѣкамъ кармазинникамъ, ополяченнымъ и уклонившимся отъ настоящаго козацкаго стиля.

²⁾ См. с. 292.

козацкихъ войнахъ на козацкихъ головахъ сдавали экзаменъ по наукамъ, преподаваемымъ имъ на Запорожьѣ. Польско-украинскія отношенія конца XVI в. очень далеки были отъ той индивидуальности, какую пытались сообщить имъ нѣкоторые позднѣйшіе польскіе и украинскіе писатели.

Представивъ социальную основу козачества и его организационныя формы въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ раскрывались съ теченіемъ времени, возвращаемся къ исходному пункту—козацкимъ движеніямъ 1590-хъ гг., впервые съ полною определенностью обнаружившимъ передъ глазами современниковъ контрастъ между этою новою силою и шляхетскимъ режимомъ Украины.

Въ значительной мѣрѣ сложившееся, организованное, полное сознанія своей силы—и моральной, и физической, какъ особый политическій организмъ,—запорожское козачество съ Низу Днѣпра, служившаго его очагомъ и признаннымъ владѣніемъ, въ 1590-хъ годахъ двинулось „на волость“—въ соседнія территоріи Украины съ польско-шляхетскимъ правомъ, и внезапно стало ихъ полнымъ хозяиномъ.

Правда, на короткое время польско-шляхетскому режиму удалось побороть эту преждевременно проявившуюся силу. Но всетаки впервые за долгое время мѣстному шляхетскому обществу съ полною определенностью представилась картина уничтоженія шляхетскаго господства, и въ первый разъ почувствовало оно со страхомъ и гнѣвомъ, какой страшный врагъ вырастаетъ рядомъ съ нимъ, готовый вступить въ борьбу не на жизнь, а на смерть съ самими основами польско-шляхетскаго строя.

Мы слышали эти испуганные крики особенно со стороны тѣхъ, кому пришлось непосредственно вести борьбу съ этою страшною силою. По словамъ Вишневецкаго, козачество подъ предводительствомъ Косинскаго поклялось перевернуть все пограничье Короны и насъ (шляхту) всѣхъ „перебить“, и съ этой цѣлью Косинскій, по его словамъ, вошелъ въ соглашеніе съ ханомъ и московскимъ царемъ, отдавая въ ихъ власть украинскія земли¹⁾; Вишневецкому вторитъ Жолкевскій въ своихъ

¹⁾ Listy № 17, ср. выше с. 245—6 объ этихъ москвичахъ и претезіяхъ.

донесеніяхъ королю во время кампаніи 1596 г. „Противно и вспоминать, о чемъ думало это своевольство, въ какихъ выраженіяхъ упоминало маѣстатъ вашей корол. милости, какіе замыслы носило о Краковѣ, славной столицѣ вашей кор. милости, о томъ, чтобы разбить и уничтожить шляхетское сословіе¹⁾),—и дѣйствительно, это своевольство очень усмилось—какъ разъ во время изволилъ ты, ваша кор. милость, приказать положить ему предѣль.“ И хотя въ этихъ отзывахъ, повторявшихся современной польской исторіографіей²⁾), ружно считаться съ желаніемъ каждаго такого побѣдителя представлять покоренную имъ враждебную силу возможно болѣе грозною и опасною,—всетаки несомнѣнно, что шляхта на Украинѣ и въ самомъ дѣлѣ сильно дрожала за свое существованіе и за свое шляхетское владѣніе, и козачество дѣйствительно давало достаточные поводы къ этому. Мы видѣли тревогу волынской шляхты въ виду того, что козаки „до присегъ на послушенство свое примужуютъ, подбиваючи ихъ подъ годъ (sic) на послушенство свое“³⁾); жалобы изъ Брацлавскихъ земель, что козаки рѣшили не пускать польскихъ солдатъ на квартиры, устранили мѣстную администрацію, выгнали шляхту изъ Брацлава въ союзъ съ мѣщанами и обложили шляхетскія имѣнія контрибуціею, собирая „стацию“ и немѣрное⁴⁾). Видѣли грандіозныя контрибуціи, собиравшіяся словно въ завоеванной странѣ, особенно зимою 1595/6 годовъ⁵⁾).

Нѣтъ основаній сомнѣваться въ томъ, что изъ козацкихъ круговъ могли дѣйствительно раздаваться похвальбы и угрозы по адресу всего польско-шляхетскаго режима на Украинѣ, а быть можетъ и самого короля и его краковской столицы. Но остается неяснымъ, насколько все это было серьезно и планомерно, насколько имѣло подъ собою извѣстную продуманную и сознательную программу. И здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, мы не имѣемъ отъ козацкой стороны какихъ-либо документовъ, которые

¹⁾ *Brzydko aż i wspominać do czego się to swowoleństwo brało, jakie spominanie majestatu w. król. mei, jakie zamysły o Krakowie, stolicy sławnej w. król. mei, rozbiciu, wytraceniu stanu szlacheckiego—Pisma Żolkiewskiego s. 151.*

²⁾ Слова Жолдевскаго, что козаки угрожали королю и Кракову повторилъ и Гейденштейнъ с. 327 (пер. П. с. 363—4).

³⁾ Архивъ III. № 15 и 16.

⁴⁾ *Listy № 22, Архивъ III. I. № 22, Клев. Старина 1896 X с. 3, ср. выше с. 266—3.*

⁵⁾ См. выше с. 269.

бы открыли намъ опредѣленно и ясно ихъ намѣренія и планы, и мы принуждены угадывать эти намѣренія и мысли на основаніи того, что сохранилось намъ изъ враждебнаго, польскаго лагеря—того, что козачество писало или говорило по этому адресу¹⁾.

Итакъ попробуемъ извлечь изъ нашихъ источниковъ отвѣтъ на вопросъ, было ли это движеніе козачества „на волость“ въ 1590-хъ годахъ сознательнымъ и планомѣрнымъ—или стихійнымъ, вызваннымъ внѣшними обстоятельствами, а не программой вождей козачества.

Программу можно себѣ представлять либо специально козацкую, болѣе узкую—въ духѣ минимальной, указанной выше программы: санкція козацкаго иммунитета и свободы отъ повинностей за козачествомъ въ его цѣломъ, признаніе козацкаго устройства, неотъемлемая дѣятельность козацкихъ властей на Украинѣ и осуществленіе правъ мобилизованнаго козачества на содержаніе средствами „волости“. Программу болѣе широкую пришлось бы предположить въ духѣ радикальнаго переустройства общественныхъ отношеній Украины—того, что Вишневецкій или Жолкевскій называлъ цѣлью козацкихъ движеній и что признаютъ дѣйствительно программой этихъ движеній нѣкоторые современные историки, принимая сообщенія о намѣреніяхъ козаковъ „перевернуть всю шляхту“ за подлинное резюме козацкой программы²⁾. Однако не только такую широкую программу, которая, какъ увидимъ,

¹⁾ Очень удачно, хотя и съ другой точки зрѣнія, замѣтилъ по этому поводу пок. Кулишъ: „Это важная потеря для русской исторіи, что украинскіе козаки... оставили по себѣ такъ мало памятниковъ своей дѣятельности. Кровь ихъ пролилась какъ вода на землю и не оставила даже пятен по себѣ. Энергическій духъ ихъ отошелъ въ вѣчность, не заградивши устъ хулителямъ своимъ; а ихъ потомки лишены утѣшенія слышать посмертное слово предковъ, каково бы оно ни было. И вотъ мы разворачиваемъ чуждыя сказанія о нашемъ быломъ, и устами историческихъ враговъ повѣдаемъ міру понимаемья до сихъ поръ даусмысленно, сбивчиво, часто крайне нелѣпо дѣла героевъ равноправія“. (Ист. воссоед. II с. 117).

²⁾ Въ такомъ духѣ писалъ Кулишъ, считая цѣлью этихъ козацкихъ движеній, какъ и позднѣйшихъ—замѣнить „польское право украинскимъ правомъ“, польско-шляхетскій режимъ—равноправіемъ (Ист. воссоединенія т. II), а его взгляды усвоили и нѣкоторые позднѣйшіе изслѣдователи.

не вошла въ сознаніе козацкихъ вождей даже значительно болѣе поздняго времени, такъ что для 1590-хъ годовъ она являлась бы чистымъ анахронизмомъ, и пришлось бы думать, что послѣ Косинскаго и Лободы козачество пошло далеко назадъ,—но даже и ту, чисто-козацкую программу-мінімумъ, несомнѣнно заключающую въ себѣ дѣйствительныя требованія козачества того времени, нельзя считать за исходный пунктъ, за движущую причину движеній 1590-хъ годовъ, за ихъ программу—потому что въ этихъ движеніяхъ вообще не видно планомѣрности.

Я думаю, что уже изъ приведеннаго выше обзора событій 1593—6 гг. бросается въ глаза хаотичность, безпрогрампость этихъ движеній. Козачество бросается то на Молдавію и Турцію, то на Крымъ, оставляя совершенно свой украинскій театръ дѣйствій; не заботится о концентраціи своихъ силъ (припомнимъ расколъ между Низовцами и Наливайковцами, продолжавшійся до самаго послѣдняго акта трагедіи); легко переходитъ къ простому добычничеству, зарываясь во время этихъ добычническихъ экскурсій то въ глубь Волыни, то Полѣсья и Бѣлоруссін, вызывая общее раздраженіе, создавая себѣ все новыхъ и новыхъ враговъ, вызывая мобилизацію враждебныхъ силъ и не предпринимая на своей собственной территоріи ничего для организаціи козацкихъ силъ, для укрѣпленія наиболѣе цѣнныхъ съ его точки зрѣнія общественно-политическихъ формъ и отношеній, для обезпеченія ихъ на будущее время. Тутъ, очевидно, не можетъ быть рѣчи о какой-либо программѣ или планѣ. Дѣятельность козачества, его дѣйствія развивались независимо даже отъ тѣхъ классовыхъ козацкихъ требованій, которыя, несомнѣнно, у козачества уже существовали¹⁾. И мы въ концѣ концовъ можемъ гово-

¹⁾ Нѣкоторые факты, въ которыхъ прежніе историки видѣли проявленіе стремленій козачества къ переустройству общественныхъ отношеній, имѣли совсѣмъ иное значеніе. Таково напр. уничтоженіе Косинскимъ документовъ Острожскаго въ Бѣлой Церкви—это явилось слѣдствіемъ личнаго конфликта со старостинскою администраціей, а не проявленіемъ стремленія къ уничтоженію документальныхъ правъ шляхты на украинскія земли. Болѣе серьезное значеніе имѣли брацлавскія событія (см. с. 267—8:) это было движеніе украинскаго демоса противъ шляхетскаго владѣчества и польскаго режима; но оно развивалось независимо отъ козацкихъ движеній. Наливайковцы сыграли здѣсь роль пособниковъ, а не инициаторовъ, и козачество не позаботилось защитить участниковъ этого возстанія отъ послѣдовавшихъ репрессій.

реть не о задачахъ этихъ козацкихъ движеній, а только объ ихъ причинахъ.

Современникъ и свидѣтель этихъ событій, польскій историкъ Пясецкій, описывая въ своей позднѣйшей хроникѣ эти событія, считалъ движеніе козачества на волость слѣдствіемъ репрессій, преградившихъ козакамъ путь на море, въ турецкія и татарскія владѣнія: „такъ какъ король запрещалъ, ввиду турецкихъ жалобъ, походы на Черное море и турецкія земли и назначалъ суровыя кары ихъ вождямъ за разореніе, нанесенныя за послѣднее время Туркамъ на черноморскомъ побережьи, — вождь ихъ, Наливайко, держалъ на военной потѣ своихъ воиновъ, чтобы силою обезпечить безнаказанность себѣ и своимъ товарищамъ, а такъ какъ у этихъ бездомныхъ и бѣдныхъ людей не было иного способа пропитанія, они вынуждены были жить добычею, добываемою въ мѣстныхъ польскихъ имѣніяхъ“¹⁾. Такое объясненіе приняли—или быть можетъ, самостоятельно пришли къ такой же мысли—и нѣкоторые изъ новѣйшихъ историковъ²⁾. Но въ дѣйствительности какъ разъ въ это время меньше чѣмъ когда-либо можно говорить о какихъ-либо препятствіяхъ козацкимъ походамъ на море, турецкія и татарскія земли. Козаки не только свободно предпринимали походы, куда хотѣли, но еще встрѣчали спеціальныя поощренія къ такимъ походамъ со стороны молдавскихъ и трансильванскихъ владѣтелей, императора и папы. Такимъ образомъ это объясненіе неудовлетворительно. Вѣроятно, рядъ конфликтовъ съ пограничными магнатами и администраціею, послѣдовавшіе одинъ за другимъ въ 1592—3 гг., были непосредственною причиною, двинувшею козачество съ Низу на волость: стычка Косицкаго съ Острожскими, потомъ съ Вишневецкимъ, съ кievской администраціею. А пассивность правительства, съ которою встрѣтилось козачество въ этихъ эпизодахъ, безсиліе мѣстной администраціи и магнатства, съ которыми, какъ оказалось, козачество могло бороться совершенно серьезно, безнаказанность козацкихъ эксцессовъ, имѣвшихъ мѣсто въ это время, наконецъ шляхетская анархія—атмосфера шляхетскаго украинскаго своеволья, мѣстная безцеремонная междоусобная борьба, призывавшая на помощь козацкихъ вождей и вовлекавшая въ

¹⁾ *Chronica gestorum in Europa singularium*, изд. 1648 с. 172.

²⁾ Напр. Костомаровъ—Богданъ Хмельницкій изд. 1884 т. I с. 22 и 24.

эту внутреннюю войну и своевольное козачество—все это придаде смѣлости и разохотило козачество къ дальнѣйшему хозяйничанью на Украинѣ и собиранію „козацкаго хлѣба“ на волости гораздо болѣе легкимъ способомъ, чѣмъ приходилось его добывать въ чужихъ, турецкихъ или румынскихъ краяхъ.

Это хозяйничанье козаковъ на Украинѣ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, ихъ походы по разнымъ направленіямъ Украины, „лежи“ въ различныхъ мѣстностяхъ оказали чрезвычайно сильное вліяніе на окозаченье Украины, особенно юго-восточныхъ частей ея: едѣлали популярной идею козацкаго иммунитета, козачества какъ соціально-экономической формы жизни и быта и привлекли къ нему массу новыхъ силъ. Въ восточной Украинѣ воцарилась чисто-козацкая атмосфера и козачество стало здѣсь господиномъ положенія. „Вся Украина окозачилась, полно измѣнниковъ и шпіоновъ (козацкихъ)“, писалъ во время похода 1596 г. изъ Бѣлой Церкви Жолковскій¹⁾. Козацкіе контингенты возросли съ 2—3 тысячъ, какъ бывало раньше, до 12—15, и что еще важнѣе—за спиною этихъ контингентовъ чувствовались сочувственно настроенныя по отношенію къ нимъ народныя массы, готовыя подняться и поддержать козачество во всякихъ планахъ соціального характера.

На почвѣ этого сознанія козацкой силы и безсилія шляхетскаго режима, обнаружившагося въ эти годы, съ одной стороны могли вырастать мысли о закрѣпленіи и обозначеніи тѣхъ козацкихъ требованій, которыя выше мы обозначили, какъ козацкую программу-минимумъ по отношенію къ польско-шляхетскому режиму. Такой характеръ носили извѣстные намъ договоры козачества съ черкасской и кіевской администраціей (ихъ могло быть еще больше въ дѣйствительности) и тѣ, къ сожалѣнію, не опредѣленные точнѣе „присяги“, о которыхъ идетъ рѣчь въ жалобахъ волынской шляхты. Козаки могли дѣйствительно требовать отъ шляхты присяги, что она будетъ исполнять козацкія требованія и уважать козацкія права тѣхъ своихъ подданныхъ, которые примкнутъ къ козакамъ—не облагая ихъ повинностями, признавая за ними право судиться исключительно судомъ козацкимъ²⁾). Съ другой стороны сознаніе козацкой силы могло

¹⁾ Listy № 52.

²⁾ Менѣе правдоподобно, что козаки на самую шляхту хотѣли распространить свой присудъ и козацкое управленіе.

возбуждать и болѣе радикальные планы: уничтоженіе самого польско-шляхетскаго режима, изгнаніе шляхетской администраціи и самой шляхты. Въ этомъ смыслѣ въ высшей степени характерно движеніе въ Брацлавскихъ земляхъ, гдѣ мѣщанство, опиравясь на Наливайковцевъ, дѣйствительно, изгнало было изъ города шляхту и администрацію, уничтожило акты и т. п.¹⁾. И въ другихъ городахъ могли раздаваться угрозы, съ такимъ страхомъ передаваемыя Вишневецкимъ и Жолкевскимъ. Но и тѣ и другіе планы и мечты: и специально козацкіе и стремленія болѣе радикальнаго и общесоціальнаго характера не успѣли вылиться въ сознательную программу, не придали движенію планообразнаго характера, не стали въ немъ руководящими. Наоборотъ—сознаніе силы и безнаказанности дало слишкомъ много простора простому добычничеству, глушившему болѣе планообразныя теченія, не давъ имъ возможности развернуться, захвативъ не только авантюристовъ—Наливайковцевъ, но и болѣе сдержанныхъ и солидныхъ вождей Низовцевъ, и въ концѣ концовъ только ускорило и обострило репрессию со стороны правительства.

Какъ ни выросло козачество въ послѣдніе годы, оно все еще было слишкомъ слабымъ для того, чтобы пробить сколько-нибудь серьезныя брешни въ польско-шляхетскомъ режимѣ „волости“. Украинская колонизація еще не успѣла соответственно развиться, чтобы дать козачеству необходимыя средства даже при наиболѣе умѣлой козацкой агитаціи. А проведеніе даже чисто козацкой программы, программы-минимумъ, какъ мы видѣли, нанесло весьма серьезные удары шляхетскому режиму, шляхетскому хозяйству, и шляхетскій реваншъ былъ неизбеженъ. Специальныя обстоятельства отдалили репрессию правительства, но въ концѣ концовъ слишкомъ широкіе и необузданные размѣры, какіе приняло козацкое добычничество въ послѣдній 1595/6 годъ, вывели правительственные круги изъ пассивности. Козачество слишкомъ сильно и рѣзко проявило свое могущество, свою опасность не только въ глазахъ украинскаго населенія, но и правительственныхъ сферъ. Шляхта рѣшила уничтожить козачество „безъ остатка“.

Это не удалось. Польскія войска успѣли только выгнать козачество изъ волости. Безпощаднымъ терроромъ—рѣзнями, гдѣ и сколько пошло, жестокими наказаніями вождей, конфискаціями

¹⁾ См. выше с. 267—9.

и баниціями участниковъ, войско и правительство польское хотѣли предотвратить новое наростаніе козачества. Это было легче, нежели уничтожить причины, превратившія козачество въ могущественный факторъ соціального и политическаго переворота; не только для этого, но и для гораздо болѣе элементарной вещи—расквартированія на болѣе продолжительное время на Украинѣ польскихъ войскъ для непосредственнаго, механическаго задержанія новаго наростанія „украинскаго своевольства“ не хватало средствъ у польскаго правительства. Для этого нужна была болѣе совершенная организація, болѣе сильная исполнительная власть, а прежде всего—деньги и деньги,—а это было препятствіе, котораго не могли преодолѣть никакіе мотивы ни государственныхъ, ни даже классовыхъ интересовъ.

И козачество, скоро оправившись отъ внутренней дезорганизаціи, вызванной погромомъ 1596 г., притихнувъ и смирившись передъ правительствомъ, чтобы добиться реабилитаціи и прекращенія начатыхъ репрессій противъ него, уже начиная съ первыхъ годовъ XVII в. вновь начинаетъ господствовать „на волости“. Осмысляя на свою службу рѣчинопосолитой, оно претендуетъ снова на „приставства“ и „стаціи“, создаетъ свои штаб-квартиры, опорные мобилизаціонные пункты, добивается вывода отсюда польскаго войска, чтобы оно не служило препятствіемъ осуществленію козацкихъ правъ. Пользуясь недавнимъ опытомъ, оно поступаетъ теперь осторожнѣе, не допуская такихъ рѣзкихъ добычническихъ эксцессовъ и направляетъ свою военную и добычническую энергію на море, на турецкія и татарскія земли. И на протяженіи какихъ-нибудь десяти—пятнадцати лѣтъ послѣ провозглашеннаго уничтоженія козачества и всѣхъ обрушившихся на него проскрипцій оно снова достигаетъ очень значительныхъ, и при этомъ гораздо болѣе прочныхъ и болѣе сознательныхъ успѣховъ.

Акты, касающіеся мобилизаціи козацкихъ силъ въ 1618 г., собранныя въ довольно значительномъ количествѣ,¹⁾ даютъ намъ достаточно ясное представленіе объ успѣхахъ, достигнутыхъ козачествомъ за это время. Мы видимъ, что козачество основалось большими массами въ кіевскихъ земляхъ, проникая даже въ Кіевское Полѣсье, утвердилось въ имѣніяхъ королевскихъ, духовныхъ и

¹⁾ Архивъ Ю. З. Р. III. I № 62—71, и Матеріалы къ гетм. Сагайдачнаго въ кн. XV кіев. Чтеній.

частныхъ; тутъ имѣютъ свое мѣстопробываніе козацкіе полковники, на призывъ которыхъ подъ „поднятыя ими знамена“ поднимаются оказаченные мѣщане и крестьяне изъ окрестностей. Такъ Фастовъ, имѣніе кievскаго рим.-католическаго епископа, служитъ резиденціею полковника Миська Фастовца и сотника Гринька Фастовца, а „другіе мѣщане и подданные фастовскіе“ выступаютъ въ роли козаковъ. Въ качествѣ другой полковничьей квартиры упоминается Кодня, а въ качествѣ козаковъ выступаютъ мѣщане и подданные изъ Котельни, Паволочи и Кодни, „имѣній пана воеводы берестейскаго“ (Евст. Тышкевича); третье козацкое гнѣздо находимъ въ окрестностяхъ Радомысля (имѣніе Печерскаго монастыря) и Брусилова (имѣніе Бутовичей)¹⁾. Такимъ образомъ районъ Тетерева, Гуйвы, Унавы является одной большой оказаченой территоріей, съ массою населенія, организованнаго въ военныя козацкія единицы (она выставляетъ до 2000 войска)²⁾, подвластнаго исключительно власти и юрисдикціи козацкой³⁾.

Это проникновеніе и утвержденіе козачества въ глубинѣ „волости“ дзаетъ себя чувствовать въ это время нѣкоторымъ разладомъ, начинающимъ проявляться временами между козачествомъ „волостнымъ“ или „городовымъ“ и запорожскимъ низовымъ. Первое болѣе опредѣленное проявленіе его наблюдаемъ въ 1620 г., когда въ Запорожьѣ господствуетъ своевольное козачество подъ предводительствомъ Бородавки, а на волости, въ Кіевѣ и Терехтемировѣ продолжаетъ играть первенствующую роль и править всѣмъ Сагайдачный, признавая лишь номинально или не признавая вовсе „реймента“ Бородавки: это антитеза раскола 1598 года, когда обѣ партіи, и Полоусовцы и Байбузовцы, одинаково толкуются на Низу, не зная, куда дѣваться, и по

¹⁾ Архивъ Ю. З. Р. III. I № 63, ср. 64, 66, 68.

²⁾ Ibid. с. 250.

³⁾ Эти факты пов. Антоновичу и другимъ изслѣдователямъ дали поводъ нарисовать картину преобразования Кіевской Украины уже при Сагайдачномъ въ козацкую территорію, раздѣленную на полки, свободную отъ помѣщиковъ—то, что имѣло мѣсто въ дѣйствительности лишь послѣ Хмельницкаго. „Конашевичъ читаемъ въ біографіи Сагайдачнаго, написанной Антоновичемъ—сталъ причислять къ своему войску цѣлыя области заселенной Украины, по мѣрѣ, того какъ жители этихъ областей обращались къ нему, изгнавъ помѣщиковъ и заявивъ о своемъ желаніи причислиться къ козацкому войску“.

имѣя доступа „къ волости“: въ этой разницѣ можемъ оцѣнить глубокую перемену въ жизни и условіяхъ козачества, происшедшую за эту четверть вѣка. И комиссія 1619 г., уже не видя возможности противодействовать козацкой организаціи на волости, была вынуждена забыть старыя требованія сейма, не желавшаго знать никакой самостоятельной козацкой юрисдикціи и власти на волости: комиссія вполне признавала власть мѣстныхъ козацкихъ атамановъ надъ козаками¹⁾ и старалась только поставить въ извѣстныя границы этотъ процессъ, уменьшая число законно признанныхъ козаковъ и стремясь вытѣснить ихъ изъ частныхъ имѣній. Но и это были безплодныя усилія, уничтожившіяся безъ остатка первую же мобилизаціею козачества.

Скупая и равнодушная шляхта и ея нищее правительство, въ виду отсутствія средствъ нуждаясь въ дешевомъ войскѣ, вынуждены были прибѣгать къ мобилизаціи того же самаго козачества, едва передохнувъ отъ криковъ объ уничтоженіи его безъ остатка. И оно мобилизовало его постоянно, при каждой надобности, стараясь стянуть этого „почти бесплатнаго“ войска все больше и больше, по мѣрѣ роста и развитія козачества, прищипывая этими вербовками его и безъ того чрезвычайно быстрый ростъ и безсильно ворча потому на его распространеніе, на ростъ козацкихъ претензій, на привилегіи и права, присвоенныя козачествомъ, хорошо чувствующимъ зависимость, въ которую попадала отъ него администрація и правительство, — и на то значеніе, какое пріобрѣтало козачество въ сферѣ отношеній социальныхъ, а затѣмъ и національныхъ.

Перелетніи движенія 1590-хъ годовъ показали и самому козачеству и остальной части населенія, на что можетъ претендовать оно. И когда послѣ всѣхъ осужденій и репрессій козачество вернуло себѣ

¹⁾ Козацкій „реверсалъ“ 1619 г. (Pisma с. 387), обѣщая, что козаки будутъ ходить на Татаръ съ мѣстными старостами и подстаростами, прибавляетъ слова: *lub z atamanem swoim*, и комиссары молча приняли это добавленіе. Слѣдовательно въ королевскихъ имѣніяхъ были козацкіе атаманъ: о такихъ козацкихъ, а не о простыхъ сельскихъ атаманыхъ — старшинахъ говорить, очевидно, это добавленіе. И. М. Наманинъ въ своихъ матеріалахъ къ исторіи козацкаго землевладѣнія (Чтенія кievскія т. VIII) издалъ дѣйствительно нѣсколько документовъ, данныхъ, либо подтвержденныхъ атаманами въ 1600—1630 гг. (с. 15—8); по эти документы, къ которымъ чигиринскій атаманъ въ 1600 г. прикладываетъ „печать свою мескую чигиринскую“, имѣютъ слишкомъ воздѣйствіи видъ.

свое прежнее положеніе въ государствѣ, въ отношеніяхъ мѣстныхъ и общегосударственныхъ, не мало надежды и упованій сосредоточилось на немъ. Не только оно само или его наиболѣе сознательные элементы почувствовали возможность провести въ жизнь тѣ неясныя, не сложившіяся еще перспективы социальна-политическаго характера, которыя возникали, какъ выводъ изъ фактическихъ отношеній и условій этого украинскаго періода бурныхъ стремленій. Въ ту бурную минуту при видѣ успѣховъ козачества у многихъ и внѣ его должна была мелькнуть мысль объ этой новой политической и національной силѣ, которая могла бы многое измѣнить, еслибы ея энергію направить на извѣстные пункты общественныхъ или социальныхъ отношеній. „Наливайки“—это крылатая кличка, вылетѣвъ изъ устъ униатскихъ застрѣльщиковъ, какъ электрическая искра, пролетѣла по всему востоку рѣчипосполитой, служившему ареною борьбы двухъ религій, двухъ культуръ, двухъ національностей и слѣдившему съ напряженнымъ вниманіемъ за этой борьбой—и дала новый лозунгъ.

Наливайко былъ четвертованъ и разсѣченъ „на куски“, но Наливайковщина осталась. Мысль, что православные ортодоксы и украинскіе патріоты опираются или рассчитываютъ опереться на массы, приведенныя въ движеніе козачествомъ, пущенная, очевидно, ихъ врагами просто для того, чтобы скомпрометировать ихъ, была подхвачена жизнью. И въ такихъ случаяхъ очень трудно различить, гдѣ кончается предвидѣніе послѣдствій и гдѣ начинается внушеніе извѣстной идеи—которую такъ часто внушаютъ именно тѣ, кто слишкомъ раздуваетъ ея опасность въ борьбѣ съ ней.

Соціальный протестъ съ одной стороны, культурно-религиозная и національная борьба—съ другой начинаютъ цѣпляться за козачество, когда оно изъ періода репрессій и гоненій со стороны встревоженной шляхты выходитъ съ обновленными силами и энергіею. И козачество, въ поискахъ новаго развитія, новыхъ силъ, матеріальныхъ и моральныхъ, идетъ навстрѣчу этимъ призывамъ. Въ концѣ второго десятилѣтія XVII в., какъ мы видѣли, это становится уже фактомъ очевиднымъ для многихъ польскихъ политиковъ. Но шляхетское правительство закрываетъ глаза на эту новую опасность и продолжаетъ развивать энергію козачества мобилизаціями этого „почти безплатнаго“ войска, въ виду услугъ, которыя оно ему оказывало, съ близорукую скупостью мота жгуцаго свое жилище, чтобы не тратиться на топливо.

Оглавление.

Предисловіе Стр. 5—13.

Интересъ возбуждаемый украинскимъ козацествомъ—статьи и трактаты о немъ въ XVI—XVII (с. 5) и XVIII в. (с. 6), литература начала XIX в. (с. 7), труды по исторіи ранняго козацества Антоновича (с. 8), Максимовича, Костомарова (с. 9), Кулиша (с. 10), новѣйшая литература (с. 11), библиографія и источниковѣдѣніе (с. 12).

I. Юго-восточная Украина въ XV—XVI вв. . с. 14—86.

Восточная Украина и ея колонизація до татарскихъ погромовъ XVI в.:

Физическія условія жизни въ восточной Украинѣ (с. 14), природныя богатства (с. 15), рассказы объ украинскомъ привольи (с. 16), одичаніе восточной Украины (с. 17), паденіе культурной и экономической жизни (с. 18), ея демократизація (с. 19). Возрожденіе государственной организаціи въ составѣ литовскаго государства (с. 20), мѣропріятія Витовта (с. 21), намѣстничье управленіе (с. 22), раздача помѣстій (с. 23), организація военно-служилого крестьянства (с. 24), дѣятельность Олельковичей (с. 25), успѣхи колонизацій въ Поднѣстровьи (с. 26), Побужьи (с. 27) и Поднѣпровьи (с. 28), Поросье (с. 29) и Заднѣпровье, (с. 30), военно-служилыя помѣстья и крестьянскія общины (с. 31), ихъ организація (с. 32), замки (с. 33), извѣстія о состояніи хозяйства (с. 33—4).

Татарскія нападенія и военная оборона въ XVI в.:

Погромъ 1482 г. и мѣры обороны (с. 35), политика выкупа и упоминковъ (с. 36), безуспѣшность ея (с. 37), переговоры 1510-хъ гг. и татарскія опустошенія (с. 38), соглашеніе 1512 г. (с. 39), татарскія опустошенія 1513—5 гг. (с. 40), опустошеніе западной Украины въ 1516 г. (с. 41), организація обороны 1518 г. и погромъ подъ Сокалемъ (с. 42), ординація 1520 г. (с. 43), татарскія нападенія 1520-хъ гг. (с. 44), нападеніе Турокъ (с. 45), опустошеніе запад. Украины въ 1524 г. (с. 46), татарскія нападенія 1526—7 гг. (с. 47), крымскія усобицы и ослабленіе татарскаго натиска (с. 48), результаты татарскихъ опустошеній (с. 49), мѣры защиты (с. 50), замки (с. 51), ихъ устройство (с. 52), недостатки его (с. 53), недостатокъ средствъ обороны (с. 54), сторожевой и развѣдочной службы (с. 55), недостатокъ гарнизоновъ (с. 56), плохое состояніе замковъ (с. 57).

Колонизаціонныя условія и самооборона населенія:

Роль замковъ въ первой пол. XVI в. (с. 58), населеніе подлѣ ихъ исключительной защитой (с. 59), отсутствіе сельскихъ поселеній въ собственномъ смыслѣ въ юго-вост. Украинѣ (с. 60), убожество колонизаціи Побужья и западн. части Киевской земли (с. 61), окрестн. Житомира (с. 62), Вѣлой-Церкви (с. 63), Звенигорода (с. 64), Брацлава (с. 65), опасности украинской жизни (с. 66), самооборона населенія (с. 67), приуроченіе его къ тревожнымъ условіямъ жизни (с. 68), вліяніе ихъ на характеръ мѣстнаго населенія (с. 66), столновенія съ администраціей (с. 69—70). Украинское приволье (с. 70), его притягательная сила надъ населеніемъ (с. 71), уходы и уходничество (с. 72), уходническіе промыслы (с. 73), добычничество (с. 74), опасности связанныя съ мѣстнымъ хозяйствомъ и промыслами (с. 75), мѣры обороны у уходниковъ (с. 76), связь уходничества съ партизанской войной (с. 77), столновенія съ Татарами (с. 78), организованные походы на Татарь—извѣстіе 1493—1528 гг. (с. 79), походъ на Очаковъ въ 1528 г. (с. 80), пограничная война какъ спортъ и промыслъ (с. 81), поборы администраціи (с. 82), рассказы Претвича о пограничной войнѣ (с. 83), пограниччии западной Украины (с. 85), развитіе пограничной войны (с. 86).

II. Начало украинскаго козачества с. 87—165.

Старыя и новыя мнѣнія о происхожденіи козачества. Козачество какъ бытовое явленіе и козацкое имя:

Причины вліявшія на созданіе различныхъ теорій о происхожденіи козачества (с. 87), этимологическія и этническія объясненія въ историографіи XVII—XVIII вв. (с. 88), козарская теорія (с. 89), паденіе реальныхъ традицій о раннихъ временахъ козачества (с. 90), теорія черкасско-черноклобуцкая (с. 91), невѣроятность черкесской колонизаціи на козацкой территоріи (с. 92), теорія татарская (с. 93), теорія генетической связи козачества съ формами и явленіями княжеской эпохи (с. 94), теорія преемства древнерусской общины (с. 95), противукняжескихъ движеній (с. 96), связи съ козачествомъ степныхъ бродниковъ (с. 97). Козачество какъ бытовое явленіе (с. 97—8), его исконность и аналогіи въ старорусской жизни (с. 99). Терминъ „козакъ“ у тюркскихъ народовъ XIII—XV вв. (с. 100), переходъ въ славянскую среду (с. 101), козацкое имя въ памятникахъ XV в. (с. 102), его различныя значенія (с. 103), занятія казаковъ въ характеристикахъ памятниковъ XV—XVI вв. (с. 104—5), козачество—занятіе, а не общественный классъ въ первой пол. XVI в. (с. 106).

Козаки и козачество въ первой половинѣ XVI в. Отношеніе къ нимъ мѣстной администраціи и центрального правительства:

Древнѣйшее извѣстіе объ украинскихъ козакахъ (с. 107), упоминанія 1493—1499 гг. (с. 108) и 1502—1504 (с. 109), „козаки кн. Дмитра“ и „бурсники“ (с. 110), извѣстіе 1510 г. (с. 111), вербованіе казаковъ въ 1524 г. (с. 112). Божди козачества позднѣй-

шей традиціи (с. 113), Далковичъ и Лянцворонскій (с. 114), представители мѣстной администраціи пользовавшіеся услугами козачества (с. 145): Юр. Паць и кн. Богданъ Глинскій (с. 116), Дм. Путятичъ и Семель Полозовичъ (с. 117), дѣйствительная роль Ост. Дашковича (с. 118), его предшествующая дѣятельность (с. 119) и управление Подляпровьемъ (с. 120), репутація у современниковъ (с. 121), отношенія къ мѣстному населенію (с. 122); Предславъ Лянцворонскій и другіе западные пограничники (с. 123), Берн. Претвичъ (с. 124) и вожди пограничной войны въ полов. XVI в. (с. 125); рѣдкость упоминаній о козакахъ и причины этого (с. 126), участіе мѣстной администраціи и шляхты въ козацкихъ походахъ (с. 127), Лубенецкій о шляхетскомъ козачествѣ (с. 128), замалчиваніе шляхтою и администраціею своего участія въ козачествѣ (с. 129), отсутствіе козацкаго класса въ это время (с. 130), незначительность козацкаго элемента даже въ главныхъ очагахъ козачества (с. 131). Политика правительства по отношенію къ козачеству въ первой пол. XVI в. (с. 132), проектъ козацкаго набора въ 1521—4 гг. (с. 133), его неудача (с. 134), проектъ Дашковича 1533 г. (с. 135), татарскія жалобы на козаковъ (с. 136), неудовольствіе турецкаго правительства (с. 137), мѣры литовско-польскаго правительства (с. 138), циркуляръ 1541 г. (с. 139), безнадежность правительственнаго плана (с. 140), безнадежность полицейскихъ мѣръ противъ козачества (с. 141), татарскія нападенія какъ оправданіе нападеній козацкихъ (с. 142). Козацкіе походы 1540-хъ гг.: погромъ каравана на Санжаровѣ (с. 142—3), походъ на Очаковѣ (с. 143), обвиненія администраціи въ соучастіи въ козацкихъ нападеніяхъ (с. 144), бесплодность репрессій (с. 145).

Кн. Дмитрій Вишневецкій и значеніе его дѣятельности:

Слѣдность извѣстій о мотивахъ дѣятельности Вишневецкаго (с. 146), устройство замка на Хортицѣ (с. 147), планъ борьбы съ Крымомъ (с. 148) и неблагоприятное отношеніе къ нему литовско-польскаго правительства (с. 149), обращеніе Вишневецкаго къ Москвѣ (с. 149—150), походы Ржевскаго на Татаръ (с. 151), усилія литовскаго правительства предотвратить разрывъ съ Крымомъ (с. 152), осада Хортицкаго замка въ 1557 г. (с. 153), отступленіе Вишневецкаго и отбѣздъ въ Москву (с. 154), московско-литовскіе переговоры объ общей борьбѣ противъ Крыма (с. 155), посольство 1558 г. и его безуспѣшность (с. 156), походы на Крымъ Вишневецкаго (с. 157) и Адашевска (с. 158), неудача московскихъ плановъ Вишневецкаго и возвращеніе на Украину (с. 159), молдавская авантюра и конецъ Вишневецкаго (с. 160), легенды о немъ (с. 161), поэтическая традиція о первыхъ временахъ козачества (с. 162), ея литература (с. 163), преобладаніе историко-бытоваго элемента (с. 164), слабость конкретнаго историческаго содержанія (с. 165).

III Ростъ и организація козачества въ предпоследнія десятилѣтія XVI вѣка с. 166—231.

Развитіе и сплоченіе козачества въ серединахъ XVI в. и реформа Сигизмунда Августа:

Усилия правительств по предотвращению козацких нападений (с. 166), циркуляръ 1667 г. (с. 167), планъ набора козаковъ на государственную службу (с. 168), значение этихъ реформъ для организации козачества (с. 169), неорганизованность козачества въ первой половинѣ XVI в. (с. 170), обособление его во второй половинѣ (с. 171), отсутствие организованныхъ формъ—вопросъ о козацкихъ организацияхъ первой пол. XVI в. (с. 171—2), козацкіе вожди (с. 172—3), начатки организации (с. 173), „ватага“ какъ основная клѣточка (с. 174), связи ватагъ со степью и оскѣданіе въ степяхъ (с. 175), степные городки (с. 176), козацкіе промыслы въ 1580-хъ гг. (с. 177), единство козачества и его управление въ рассказѣ Папироцаго (с. 178), организация козацкаго войска (с. 179), центральное значеніе Сичи (с. 180), международныя сношенія запорожскаго козачества (с. 181), обвиненіе правительственной реформы въ 1568 г. (с. 182), постановление о козакахъ въ грамотѣ 1572 г. (с. 183), должность старшого и судьи козацкаго (с. 184), размѣры официального войска (с. 185), начало козацкаго коммуни-тета (с. 186), бесплодность реформы въ смыслѣ предотвращенія козацкихъ нападений (с. 187), кн. Богданъ Ружинскій (с. 188) и его походъ на Асланъ-городовъ (с. 189), походы на Молдавію—походъ Сверчовскаго (с. 190), Подковы и Шаха (с. 191) и другихъ претендентовъ (с. 193); другія столкновенія съ Татарами и Турками (с. 194).

Реформы Баторія и послѣдующія постановленія:

Ультиматумъ относительно козаковъ (с. 195), скептическое отношеніе Баторія къ провозглашаемымъ мѣрамъ (с. 196), его распоряженія (с. 197), соглашеніе съ козаками (с. 198), организация новаго войска (с. 199), составъ его по переписи 1581 г. (с. 200), Терехтемировъ—козацкая резиденція (с. 201), „козацкія вольности“ (с. 202), отличіе реформы Баторія отъ реформы Сигизмунда-Августа (с. 203), позднѣйшая традиція о Баторіевой реформѣ (с. 204), Баторіева легенда въ историографіи XVII и XVIII в. (с. 205) и въ новѣйшей литературѣ (с. 206), значеніе реформы Баторія и другихъ реформъ въ исторіи развитія козачества (с. 207). Видъ Баторія (с. 208), козацкіе походы (с. 209), репрессіи противъ своевольныхъ козаковъ (с. 210), участіе козацкаго войска въ московской войнѣ (с. 211), усиленіе козацкихъ своевольствъ съ ея окончаніемъ (с. 212), роспускъ официального козацкаго войска (с. 213), козацкія нападеныя (с. 214), репрессіи правительства (с. 215), новый наборъ 1583 г. (с. 216). Козацкіе походы 1585 г. (с. 217), печальный конецъ королевскаго посла (с. 217—8) и смерть Баторія (с. 218—9), походы на Турокъ 1586 г. (с. 219), требованія Турціи (с. 220). Козацкія своевольства на Украинѣ (с. 221), наборъ новаго козацкаго войска въ 1587 г. (с. 222), постановленія сейма 1590 г. (с. 223), новый организаціонный планъ (с. 224), репрессивныя мѣры (с. 225), наборъ козаковъ (с. 226), пожалованіе для козацкихъ вождей (с. 227), новая козацкая администрація (с. 228), „ординація“ 1591 г. (с. 229), проектъ вывода козацкаго войска за

предѣлы „волости“ (с. 230), неосуществленность этих постановлений (с. 221).

IV. Первые козацкія войны с. 222—322.

Столкновеніе Косианскаго съ Острожскими и войны 1592—3 г.

Взгляды современниковъ на инцидентъ съ Косианскимъ (с. 232), обработка его въ позднѣйшей традиціи (с. 233), литература козацкихъ движеній 1590-хъ г. (с. 234), біографія Косианскаго (с. 235), конфликтъ его съ администраціею Вѣлоцерковскаго староства (с. 236), нападеніе на Вѣлую Церковь (с. 237), комиссія 1592 г. (с. 238), переговоры у Триполья (с. 239), переяславскія столкновенія (с. 240), движенія въ Кіевской землѣ и на Волыни (с. 241), безучастность правительства (с. 242), борьба волынской шляхты съ Косианскимъ (с. 243), битва подъ Пяткою и калитупляція Косианскаго (с. 244); новыя приготовленія его (с. 245), извѣстіе Вишневецкаго о замыслахъ Косианскаго (с. 246), походъ на Черкасы и смерть Косианскаго (с. 247), тревога Вишневецкаго (с. 248), новый походъ козаковъ (с. 249), договоръ Вишневецкаго съ козаками (с. 250), походъ на Кіевъ (с. 251), паника на Волыни (с. 252), возстаніе мѣщанъ въ Брацлавѣ (с. 253).

Сношеніе иностранныхъ государствъ съ козаками и ихъ участіе въ войнахъ съ Турціей въ 1593—5 гг.; козацкіе походы и движенія въ 1595 г.:

Австрійско-турецкій конфликтъ въ 1590-хъ г. (с. 253); и первыя сношенія австрійскаго правительства съ козаками (с. 254), миссія Хлопицкаго (с. 255); папа Климентъ VIII и миссія Комуловича (с. 256); козацкіе походы на турецкія владѣнія 1593—4 г. (с. 257), миссія Лассоты и московское посольство (с. 258). Походъ Наливайка на Молдавію (с. 259), татарскій походъ (с. 260), неудачная экспедиція Язловецкаго (с. 260), опустошеніе козаками Молдавіи (с. 261), переходъ румынскихъ земель на сторону Австріи (с. 262), турецкая опасность и обращеніе польскаго правительства къ козакамъ (с. 263), отказъ козаковъ (с. 264), переходъ Молдавіи подъ верховенство Польши (с. 265), значеніе этого факта для польско-козацкихъ отношеній (с. 266). „Украинское своевольство“ (с. 267), брацлавское народовластіе (с. 268), контрибуція Наливайка въ Польшу (с. 269) и на Волыни (с. 269), походы Лободы (с. 270), участіе козаковъ въ релігіозной борьбѣ на Волыни (с. 272), раздраженіе правительства (с. 273), комиссія къ козакамъ (с. 274), приказъ о походѣ (с. 275). Главныя участники войны съ обѣихъ сторонъ: Жолкевскій (с. 275), Лобода (с. 276), Шаула и Сасько (с. 277), Наливайко (с. 278).

Кампанія 1596 года:

Походъ Жолкевскаго (с. 280), погоня за Наливайкомъ (с. 281), Наливайко подъ Брацлавомъ (с. 282), переговоры Жолкевскаго съ Низовцами и объединеніе козачества (с. 283), Ружинскій и битвы подъ Вѣлою Церковью (с. 284), новый маршъ Жолкевскаго (с. 285), битва подъ Гострымъ Каменемъ (с. 288), козаки подъ Переясла-

вомъ, колебанія среди козачества (с. 287), Жолкевскій въ Києві (с. 288), переговори и переходъ черезъ Днѣпръ (с. 289), отступленіе козаковъ въ Лубнамъ (с. 290), планъ Жолкевскаго — козаки принуждены занять позицію подъ Лубнами (с. 291), блокада козацкаго лагера (с. 292), интриги Жолкевскаго (с. 292-3), диверсія Подвысоцкаго (с. 294), капитуляція козаковъ (с. 295), рѣзня послѣ сдачи (с. 296), окончаніе войны (с. 297).

Репрессіи противъ козачества и его реабилитація:

Польскіе триумфы (с. 298) и непрочность уснѣховъ (с. 299), планы полного уничтоженія козачества (с. 300), планы репрессій (с. 301), универсалъ о мѣрахъ противъ украинскаго своеволія (с. 302), казни вождей возстанія (с. 303), казни Наливайки и легенды о немъ (с. 304), безуспѣшность репрессій (с. 305), лояльный курсъ козацкой политики (с. 306), сношенія съ Москвой и услуги Польшѣ (с. 307), борьба элементовъ лояльныхъ и своевольныхъ (с. 208), Полоусовцы и Байбузовцы (с. 309), козацкій расколъ въ освѣщеніи Байбузы (с. 310), усобица на Запорожьѣ (с. 311), битва на Низу (с. 312), замскиванія у польской администраціи (с. 313), Объединеніе козачества (с. 314), роль Сам. Квишки (с. 315), молдавскія дѣла (с. 316), призывъ козаковъ со стороны правительства (с. 317), козаки ставятъ свои условія (с. 318), походъ козаковъ (с. 319), молдавская кампанія (с. 320), перспективы ливонской войны и новыя предложенія козакамъ (с. 321), реабилитація козачества (с. 322).

V. Восточная Украина и козачество на грѣни XVII в.
Соціальное значеніе козачества 324—398

Ростъ восточно-украинской колонизаціи и ростъ козачества; сформированіе козацкаго класса и соціальное-политическое значеніе козачества:

Значеніе войнъ 1590-хъ гг. и извѣстій о нихъ для выясненія развитія козачества и его значенія (с. 324), непланомѣрность козацкихъ движеній 1590-хъ годовъ (с. 325); ближайшія задачи козачества (с. 326), ростъ колонизаціи и ростъ козачества — радикальныя перемѣны въ хозяйственной жизни восточной Украины (с. 327), движеніе крестьянскаго населенія съ сѣвера и запада (с. 328), ростъ заселенной территоріи (с. 329), движеніе населенія (с. 330), планы и стремленія эмиграціи (с. 331), движеніе шляхты по слѣдамъ эмиграціи (332), встрѣча послѣдней съ панскимъ правомъ въ восточной Украинѣ (с. 333), его формы здѣсь въ первой половинѣ XVII в. (с. 334), чрезвычайная раздражительность эмиграціи въ вопросахъ помѣщичьяго права (335), причины ея (с. 336). Козачество какъ выходъ для соціальныхъ стремленій эмиграціи (с. 337), вліяніе правительственныхъ реформъ на образованіе козацкаго иммунитета (с. 338), тенденціи правительства направленные на разъединеніе козачества (с. 339), ихъ безуспѣшность (с. 340), козацкій присудъ какъ критерій козачества (с. 341). Козацкая служба (с. 342), претензіи козачества на соціально-эконо-

мищескія привилегіи (с. 343), соціална цѣнность козацкаго званія (с. 344), переходъ въ ряды козачества народныхъ массъ (с. 345), новый характеръ козачества (с. 345—6). Оцѣнка соціалнаго значенія козачества въ шляхетскихъ кругахъ (с. 347), подрывъ экономическихъ интересовъ шляхты (с. 349), „лежи и приставства“ (с. 350), поборы и контрибуціи (с. 351), „непослушность“ населенія (с. 252), статистика „непослушныхъ“ (с. 353), мѣропріятія шляхты противъ непослушныхъ (с. 354), постановленія сеймовъ 1601—1609 гг. (с. 355), попытки исключенія козацкаго населенія изъ шляхетскихъ имѣній (с. 356), споры въ комиссіяхъ по этому вопросу (с. 357).

Козацкій строй и бытъ конца XVI и начала XVII вв.:

Организація низовой, Сич (с. 358), численность козацкаго войска (с. 358—9), его организація (с. 360), старшина (с. 361), войсковая канцелярія (с. 362), терминологія (с. 363), германская власть (с. 364), рада (с. 365), шляхта въ козацкомъ войскѣ (с. 366). Извѣстія современниковъ о козацкомъ войскѣ и козацкомъ бытѣ: рассказъ Лассоты (с. 367), Папроцкаго (с. 372), Гамберини (с. 373), Якуба Собескаго (с. 374), Старовольскаго (с. 375), Боллана—общая характеристика (с. 378), морскіе походы (с. 379), выборы гетмана (с. 383) и гетманская власть (с. 384). Репутація козацкой храбрости (с. 385), козацкій аскетизмъ (с. 386), гипотезы о вліяніи западныхъ рыцарскихъ орденовъ на организацію Сичи (с. 387).

Козацкія войны 1590-хъ гг. въ связи съ эволюціею козачества и ея дальнѣйшее движеніе:

Движеніе козачества „на волость“ (с. 388), рассказы Вишневецкаго и Жолковскаго о козацкихъ планахъ переворота (с. 389), ихъ преувеличенія и реальныя указанія (389—90), вопросъ о цѣляхъ движеній 1590-хъ гг. (с. 390—1), невыдержанность даже чисто-козацкой программы (с. 391), причины движеній—объясненіе Писецкаго и его неудовлетворительность (с. 392), стихійный и хаотическій характеръ движеній (с. 393), развитіе добытничества (с. 394), безуспѣшность репрессій правительства (с. 394—5), вліяніе кампаній на послѣдующую тактику козачества (с. 395), возрожденіе козачества и его успѣхи въ первыхъ десятилѣтіяхъ XVII в.—осѣдлое козачество на волости (с. 396), и начало раздѣленія козачества на низовое и городовое (с. 396—7), ростъ козацкихъ силъ и козацкой программы (с. 398).

Проектъ Історіі „України-Руси“ автора.

Томъ первый, 3 изд. 1913, стр. 648.

- I гл. Общія замѣчанія.
 - II. Изъ до-исторической глубины.
 - III. Историческія данныя изъ эпохи предшествующей славянскому расселенію.
 - IV. Славянское расселеніе и тюркскій натискъ.
 - V. Матеріальная культура украинскихъ племенъ эпохи расселенія и послѣдующей.
 - VI. Населеніе и его общественный бытъ.
 - VII. Начало русскаго государства.
 - VIII. Отъ Олега до Святослава.
 - IX. Завершеніе созидательнаго процесса: эпоха Владиміра.
- Вскресты: I. Древнѣйшая лѣтопись
II. Норманская теорія

Гл. I—VI этого тома вышли въ русскомъ переводѣ подъ загл.:
Кіевская Русь, т. I, ст. 490, 1911

Томъ второй, 2 изд. 1905, ст. 633.

- I гл. Время Ярослава.
- II. Разложеніе Кіевского государства въ XI—XII в.
- III. Паденіе Кіева (до татарскаго погрома 1240 г.).
- IV. Обзоръ земель—Кіевская земля (и въ прибавленіе—земля Турово-пинская); территорія, города, политическая и культурная жизнь.
- V. Земля Черниговская и Переяславская.
- VI. Волынь и Побужье.
- VII. Прикарпатье: Галиція и Угорская Русь.
- VIII. Степи: остатки славянской колонизаціи, тюркскіе насельники степи: Печенѣги, Торки, Половцы, Монголо-Татары.

Томъ третій, 3 изд. 1905, ст. 587.

- I гл. Галицко-Волынское государство (XIII—XIV в.), образованіе его при Романѣ, время Данила и его преемниковъ.
- II. Поднѣпровье во второй пол. XIII и нач. XIV в., подъ татарскимъ верховенствомъ.
- III. Политическій и общественный строй украинскихъ земель XI—XIII вв.: государственная система, княжескія отношенія, политическая организація земли, управленіе; церковный строй и его исторія; общественные классы.
- IV. Бытъ и культура; экономическія отношенія; право какъ культурно-бытовое явленіе; отношенія семейныя; недостатки общества въ представленіяхъ современныхъ моралистовъ; картины

быта; христіанство и его культурныя вліянія; искусство; школа и просвѣщеніе; книжность и литературное творчество; литература переводная и оригинальная.

Томъ четвертый, 2 изд. 1907, ст. 538.

I гл. Оккупация украинскихъ земель Литвою и Польшею; борьба за Галицію-волынскія земли.

II. Украинскія земли подъ властью Литвы и Польши на переломѣ XIV и XV вв.; борьба за Галицію, польско-литовская унія и вопросъ объ инкорпорации земель в вк. Литовскаго.

III. Украинскія земли подъ властью Литвы и Польши во второй пол. XV и нач. XVI вѣка: національное раздвоеніе и борьба въ в. вк. Литовскомъ; украинско-бѣлорусская ирредента.

IV. Перемены въ украинскихъ степяхъ, образованіе Крымской орды, отношенія ея къ Литвѣ и Польшѣ, опустошенія украинскихъ земель.

V. Вопросъ объ унии въ XVI в. инкорпорированіе украинскихъ земель къ Польшѣ.

Томъ пятый, 1 изд. 1905, ст. 687.

I гл. Политическая и общественная эволюція украинскихъ земель подъ литовскимъ и польскимъ режимомъ, XIV—XVII в. (общій обзоръ).

II. Эволюція общественнаго строя—образованіе шляхетскаго и магнатскаго класса въ украинскихъ земляхъ,

III. Крестьянство—его категоріи, ограниченіе правъ, исторія обложения

IV. Мѣщане и украинскій элементъ въ городахъ. Духовенство черное и бѣлое.

V. Управление.

VI. Церковный строй и церковная жизнь XIV—XV вв.

VII. Исторія унии.

Томъ шестой, 1 изд., 1907, ст. 670.

I гл. Экономическая жизнь, торговля и городская промышленность XIV—XXII вв.

II. Сельское хозяйство: переживанія стараго хозяйства, развитіе сельско-хозяйственнаго вывоза въ XV—XVII вв. и его вліянія.

III. Культурныя и національныя отношенія: національный составъ и національные элементы.

IV. Бытъ и культура: религіозныя и національныя традиціи, книжность, искусство, бытъ.

V. Культурное движеніе XVI в., прогрессивныя и консервативныя теченія, острожскій кружокъ и львовское братство.

VI. Унія и борьба за и противъ нея въ литературѣ, въ политической и общественной жизни.

Томъ седьмой, 1909 ст. 640,—главы I—V соотвѣтствуютъ настоящему I т. „Исторіи украинскаго козачества“.

VI гл. Козачество и его отношенія къ польской рѣчи посполитой въ первыхъ двухъ десятилѣтіяхъ XVII в.

VII. Религіозно-національне движеніе въ восточной Украинѣ и участіе въ немъ козачества.

VIII. Отъ Хотина до Курюкова (1621—1625).

Томъ восьмой, 1913 (заканчивается печатаніемъ).

I. Въ атмосферѣ лояльности (1626—8).

II. Конфликтъ и война 1630 г.

III. Безкоролье 1632 г. и „успокоеніе православныхъ“.

IV—V. Козачество въ 1632—1637 гг. и войны 1637—8 гг.

VI. „Золотой покой“ 1638—1647 гг.

VII. „Начало и причина войны Хмельницкаго“.

VIII—IX. Возстаніе 1648 г. и кампанія 1649 г.

X. Войны 1651—2 гг. и вопросъ о соединеніи съ Москвою.

ТОГО-ЖЕ АВТОРА

Історія України-Руси, т. I, II, III и V по 4 р. т. I, V, VII и VIII по 2 р. 50 к.		
Очеркь історіи українського народу	2	50 "
Про старі часи на Україні (попул. илюстр. історія) —	"	20 "
Ілюстрована Історія України	2	" "
тоже въ русскомъ переводѣ, 1913	3	50 "
Розвідки і матеріали до історії України-Руси, кн. I-VI	6	" "
Білки з жерел до історії України (істор. хрестоматія), I вип., до пол. XI в	1	" "
Звичайна схема „русської“ історії й справа раціонального укладу історії східного слов'янства, 1904	—	10 "
Етнографічні категорії й культурно-археологічні типи въ сучасних студіях східної Європи, 1904	—	15 "
Спирні питання староруської етнографії, 1904	—	25 "
Нові конструкції початків слов'янського і українського життя, 1911	—	" "
Кієвская Русь, т. I: Введеніє. Територія и населеніє въ эпоху образованія государства, 1911	8	" "
Очеркь історіи Кієвской землі отъ смерти Ярослава до конца XIV ст. 1891	2	75 "
Звенигород галицький, 1899	—	35 "
Волинський вопроеь 1098—1102 гг., 1891	—	30 "
Къ вопроеу о Болоховѣ, 1893	—	15 "
Хронологія подій галицько-волинської літописи, 1901	—	50 "
Чи маємо автентичні грамоти кн. Льва, 1902	—	25 "
Еще о грамотахъ кн. Льва галицького, 1904	—	15 "
Описи Ратенського староства, 1898	—	30 "
Матеріали до історії суспільно-політичних і економічних відносин Західної України, I, 1905	1	50 "
Барское староство, исторические очерки, 1894	2	25 "
Акты Барскаго староства, I—II, 1893—4 (Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. VII, I—II)	4	" "
Ілюстрації королівщини в руських землях XVI в., т. I—IV	8	50 "
Байда-Вишневецький в поезії й історії	—	25 "
Культурно-національний рух на Україні в XVI—XVII в. (со многими илюстр.)	1	35 "
Господарство польського магната на Західному березі Хмельниччиною, 1908	—	25 "
Хмельницький і Хмельниччина, 1899	—	10 "
Про батька козацького Богдана Хмельницького 1910 (съ иллюстраціями, популяр. взд.)	—	25 "
Львовское ученое общество им. Шевченка и его вклады въ изученіє Южной Руси, 1905	—	30 "
Освобожденіє Россіи и украинскій вопроеь, 1907	1	" "
З біжучою хвилі. Статі на теми днш., 1908	—	50 "
Волод. Антонович, основні ідеї його творчості, 1909	—	10 "
Наша політика. Статі на теми біжучої політики Галичини	—	50 "

